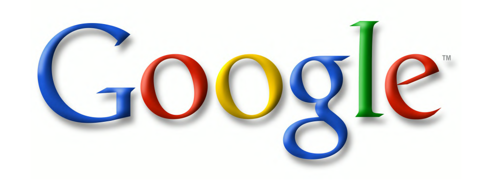
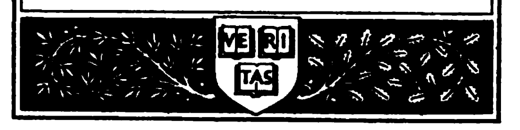
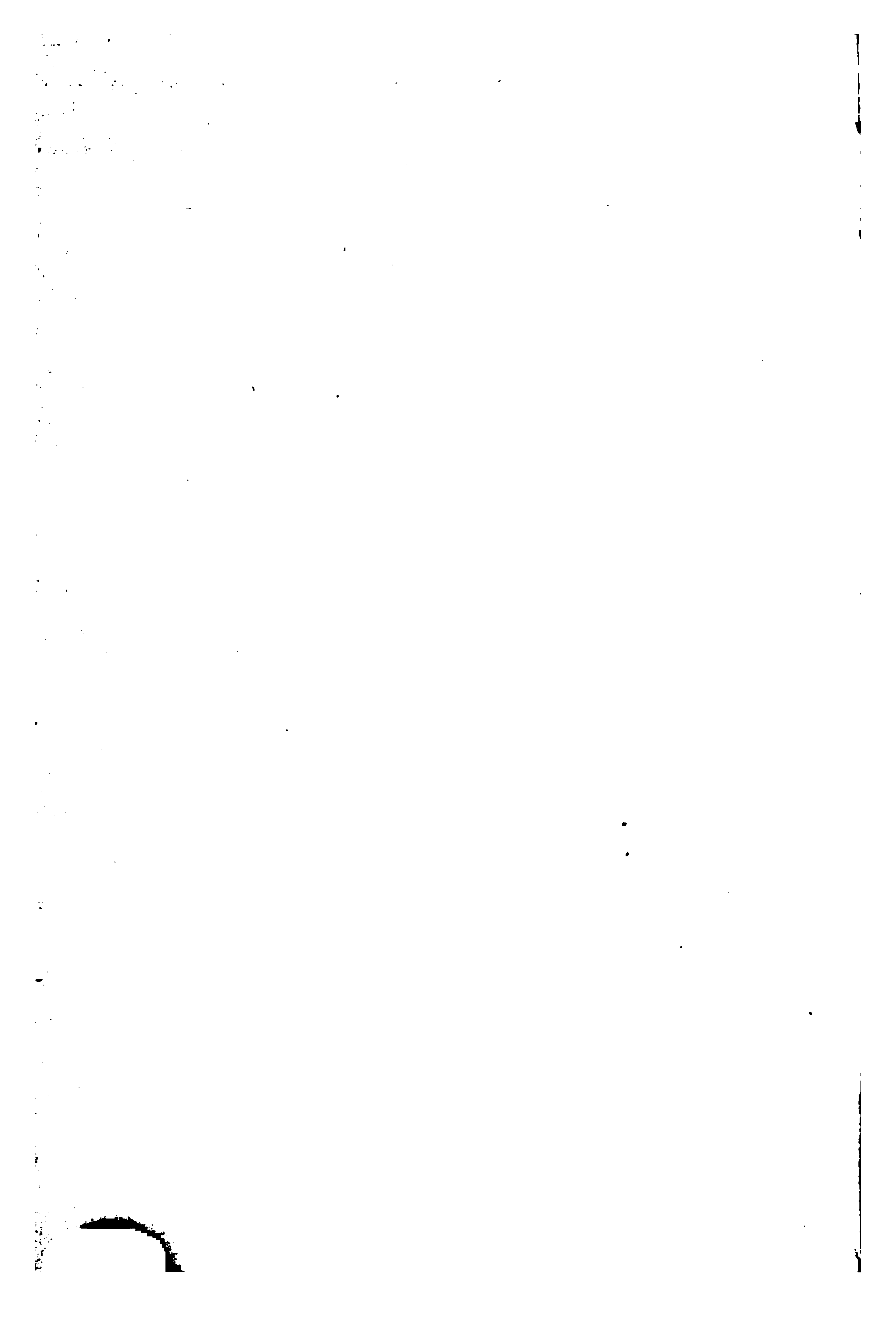



VE RI
TAS



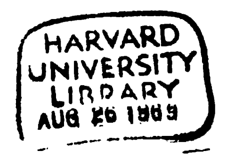
ПРОТОПОПЪ АВВАКУМЪ

ОЧЕРКЪ ИЗЪ ИСТОРІИ УМСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ XVII ВѢКѢ

А. К. БОРОЗДИНА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ И ИСПРАВЛЕННОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1900



Keller

ографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Издавая вновь свой очеркъ, посвященный протопопу Аввакуму, я воспользовался нѣкоторыми указаніями, сдѣланными мнѣ какъ на диспутѣ 17 мая 1898 г., такъ и въ рецензіяхъ, напечатанныхъ въ различныхъ журналахъ. Особенно для меня важенъ былъ отзывъ П. С. Смирнова («Журн. Мин. Нар. Прос.», 1899 г., № 1), хотя далеко не во всемъ я могу согласиться съ моимъ почтеннымъ критикомъ. Такъ, его опроверженіе моего тезиса о безпоповствѣ Аввакума не представляется мнѣ убѣдительнымъ: если съ догматической точки зрѣнія (а ея-то и держится г. Смирновъ) Аввакумъ не можетъ считаться безпоповцемъ, то практически онъ несомнѣнно подготовилъ почву для безпоповщины, или, какъ я выразился въ опровергаемомъ тезисѣ, «разработалъ ея основы». Систематическое указаніе всякихъ отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ можно обходиться безъ священника, есть, конечно, первая ступень къ безпоповщинѣ, хотя бы такое указаніе и дѣлалось на основаніи общецерковной практики. Догмѣ предшествуетъ фактъ: безпоповщина развилась сперва на практикѣ, а затѣмъ уже получила догматическія основанія. Первой ступенью всетаки остаются помянутыя указанія церковныхъ правилъ, дающихъ возможность обходиться безъ священника. Не соглашаясь кромѣ этого и съ нѣкоторыми другими возраженіями г. Смирнова (съ какими именно, я отмѣчаю въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ книги), я принимаю отдѣльныя исправленія датъ, имъ указанныя, устраняю изложеніе ученія о духовномъ антихристовомъ приходѣ (оно, какъ обстоятельно разъяснилъ

мой уважаемый оппонентъ, относится къ иному времени, чѣмъ я ранѣе полагалъ), исключаю изъ «Приложеній»—«Словотвореніе инока Ѳеоктиста», изданное по лучшимъ спискамъ и съ комментаріями въ книгѣ г. Смирнова «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ», и, наконецъ, я исправляю и тѣ корректурные недосмотры («теща» вмѣсто «жены», 15 вмѣсто 25, «Евфросинъ» вмѣсто «Сергія»), на которые обратилъ вниманіе мой критикъ. Какъ ни цѣнны были замѣчанія, сдѣланныя мнѣ въ рецензіи А. П. («Вѣстн. Европы» 1898 г. іюнь) и на диспутѣ моемъ проф. И. Н. Ждановымъ, я не могъ ими воспользоваться: первыми, такъ какъ они требовали перестройки всей моей работы, не мѣняя ея по существу, а вторыми, такъ какъ, затрагивая весьма любопытный вопросъ о западно-русскихъ источникахъ раскольническихъ мнѣній, они не имѣли непосредственнаго отношенія къ моей задачѣ: мнѣ приходилось бы указывать не только источники, которыми пользовался Аввакумъ, но и источники самыхъ источниковъ.

Во второмъ отдѣлѣ своей книги я вновь помѣщаю раскольническую «Повѣсть о житіи патріарха Никона», заключающую въ себѣ нѣкоторыя любопытныя подробности фактическаго характера и ярко рисующую отношеніе къ Никону раскольниковъ.

Наконецъ, считаю необходимымъ сдѣлать нѣкоторыя добавленія къ перечню пособій, приведенному къ предисловіи къ первому изданію этой книги;

1) Статья покойнаго Вл. П. Карпова «О сочиненіяхъ юрьевецкаго протопопа Аввакума Петрова», напечатанная въ «Библіографѣ» 1884 г. № 1. Такъ какъ «Библіографъ» за этотъ годъ не поступалъ въ продажу, то мнѣ статья Карпова не была извѣстна, хотя она и появилась задолго до моей книги. Въ статьѣ заключаются нѣкоторыя соображенія о хронологіи Аввакумовскихъ сочиненій, но не со всѣми этими соображеніями можно согласиться, какъ я разъясняю далѣе въ своей книгѣ. За указаніе статьи Карпова приношу благодарность проф. А. И. Соболевскому.

2) Въ 1898 г. вышло сочиненіе П. С. Смирнова: «Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ».

Въ этомъ изслѣдованіи повторяется многое, что высказывалось г. Смирновымъ въ его статьяхъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» но есть нѣкоторыя существенныя дополненія. Книга эта вообще

представляется цѣннымъ пріобрѣтеніемъ науки какъ по множеству разсмотрѣнныхъ въ ней вопросовъ, такъ и по тѣмъ памятникамъ, которые въ ней разобраны и частью изданы. Однако важнымъ недостаткомъ книги слѣдуетъ признать ея полемическій характеръ.

3) Въ «Русск. Филолог. Вѣстникѣ» 1898 г. помѣщена статья г. В. Иванова «Объ употребленіи члена въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума» разъясняющая отношеніе между живой рѣчью Аввакума и его стремленіемъ иногда выражаться книжнымъ языкомъ.

4) Въ книгѣ г. П. Мизинова «Исторія и поэзія». М. 1900 г. есть статья «Двѣ женскія доли», заключающая въ себѣ между прочимъ характеристику Аввакума и его жены; однако эта характеристика слишкомъ обща и страдаетъ нѣкоторыми недочетами въ фактическомъ отношеніи.

А. Бороздинъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ исторіи раскола за первое время его существованія самое видное мѣсто, центральное положеніе занимаетъ протопопъ Юрьевца Поволжскаго, Аввакумъ Петровичъ. Онъ выдается изъ среды всѣхъ расколоучителей не только «огнепальною ревностью», которая привела его къ цѣлому ряду страданій и къ смерти на кострѣ, но и крайне оригинальнымъ складомъ своего ума, могучимъ даромъ проповѣдника, слово котораго вполнѣ доступно пониманію его паствы. Эта послѣдняя сторона его дѣятельности представляетъ не малый интересъ не только для исторіи раскола, но и для исторіи вообще умственнаго движенія русскаго общества въ XVII вѣкѣ, въ ту переходную эпоху, когда подготовлялось преобразованіе Петра Великаго и когда происходило множество всякихъ столкновеній на культурной почвѣ. Поэтому изученіе литературной дѣятельности Аввакума не можетъ никоимъ образомъ быть ограничено рамками исключительно филологическаго изслѣдованія текста его сочиненій, указаніемъ формальныхъ, такъ сказать, источниковъ его взглядовъ и пріемовъ; оно должно быть поставлено въ связь съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца. Этимъ соображеніемъ и опредѣлились размѣры той задачи, которую я поставилъ въ своемъ изслѣдованіи: моей цѣлью было дать литературную біографію богатыря-протопопа, какъ называетъ Аввакума С. М. Соловьевъ. Въ такой біографіи мнѣ представлялось прежде всего необходимымъ указать связи, соеди-

няющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вслѣдствіе чего мнѣ нужно было остановиться на всякаго рода столкновеніяхъ, возникавшихъ въ русской жизни, благодаря усиленію западныхъ новшествъ; затѣмъ при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума я старался, насколько это возможно, пріурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни, которыми многое въ нихъ объясняется, и отмѣтить тѣ ихъ стороны, которыя представляются наиболѣе оригинальными и которыми, вѣроятно, обусловливается сила Аввакума, какъ расколоучителя; при этомъ я обращалъ вниманіе и на источники, которыми онъ могъ пользоваться для своихъ писаній, потому что эти источники опредѣляютъ намъ характеръ и степень его образованія; однако вдаваться въ детальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи я счелъ излишнимъ, такъ какъ убѣдился, что въ способѣ пользованія источниками Аввакумъ обнаруживаетъ большую самостоятельность, постоянно приноравливая книгу къ пониманію своихъ послѣдователей. Замѣчанія относительно стиля Аввакума я не нашелъ нужнымъ выдѣлять въ особую главу, чтобы не нарушать цѣльности своей работы.

Въ настоящемъ предисловіи укажу тѣ источники и пособія, которыми я пользовался въ своемъ изслѣдованіи.

Изъ источниковъ, конечно, на первомъ планѣ должно стоять образцовое изданіе проф. Московской духовной академіи, Н. И. Субботина «Матеріалы для исторіи раскола за первое время его существованія»; въ девяти томахъ этого изданія сгруппировано множество цѣннѣйшихъ данныхъ для первоначальной исторіи раскола; сочиненіямъ Аввакума отведенъ цѣликомъ V томъ, кромѣ того ихъ напечатано много въ VIII томѣ, а письмо Аввакума къ Неронову послѣ его перваго ареста помѣщено въ I томѣ.

Кромѣ того сочиненія Аввакума издавались и раньше:

1) «Житіе» издано было проф. Н. С. Тихонравовымъ въ «Лѣтописяхъ рус. лит.» III, отд. 2, стр. 117 — 173, и отдѣльно, но не совсѣмъ исправно и по худшему списку, чѣмъ г. Субботинымъ [1]).

2) «Записка о страданіи своемъ и своихъ соузниковъ»—въ «Лѣтоп. рус. лит.», т. V, отд. III, стр. 111—117.

[1]) «Житіе» издано по неизвѣстнымъ спискамъ, не особенно исправнымъ, въ журналѣ «Истина», 1880 г. №№ 69 и 71.

3) Челобитная первая царю Алексѣю Михайловичу—въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г.

4) Тамъ же изданы Мельниковымъ пять посланій Аввакума къ боярынѣ Морозовой, и лучшее ихъ изданіе было сдѣлано Тихонравовымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», т. LXI, стр. 36—44 (перепечатаны во II т. «Сочиненій» Тихонравова).

Послѣ г. Субботина я издалъ въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1888—1889 гг. нѣкоторыя сочиненія Аввакума, извлеченныя изъ рукописей Имп. Публичной Библіотеки [2]) (№ O. XVII, 37), Казанской духовной академіи, Черниговской духовной семинаріи и В. Г. Дружинина. Эти же матеріалы, съ исправленіемъ нѣкоторыхъ существенныхъ погрѣшностей, допущенныхъ мною въ прежнемъ изданіи и указанныхъ г. Левитскимъ («Христ. Чт.» № 11—12 за 1890 г.), я перепечатываю въ «Приложеніяхъ» къ настоящему изслѣдованію; «Житіе» же Аввакума по Казанскому списку я помѣщаю теперь цѣликомъ, а не въ отрывкахъ, какъ это было въ «Христ. Чтеніи». Къ этимъ матеріаламъ я присоединяю еще нѣкоторыя сочиненія Аввакума, извлеченныя изъ сборника Имп. Публ. Библ. (Богдановскаго собранія, описаннаго И. А. Бычковымъ въ «Отчетѣ» за 1890 г.) № O. I. 339, Погодинской рукописи № 1579 (А. Ѳ. Бычковъ. Опис. рукоп. сборниковъ Имп. Публ. Библ.), рукописей Черниговской духовной семинаріи, № 134, 135 и 136 (подъ этими №№ рукописи эти описаны г. Лилеевымъ), рукописнаго сборника библіотеки В. Г. Дружинина, № 53 Q. № 30, Румянцевскаго Музея, № 592 (см. Опис. рукописей Пискарева). Здѣсь же я перепечатываю челобитную Симеона, арх. Сибирскаго и Тобольскаго, изъ столбцовъ Сибирскаго Приказа въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Кромѣ того въ «Приложеніяхъ» я помѣщаю письма братьевъ Плещеевыхъ къ Ивану Неронову и «Словотвореніе» инока Ѳеоктиста [3]). Издавая эти сочиненія, я считалъ нужнымъ сохранять орѳографію только Аввакумовскихъ.

Изъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ Аввакуму, упомяну слѣдующія:

---

[2]) Описана въ «Отчетѣ» за 1884 г.

[3]) Считаю нужнымъ исправить здѣсь ошибку относительно списковъ этого посланія, въ IV главѣ моего сочиненія: П. С. Смирновъ въ «Хр. Чтеніи», 1897 г., № 6, указалъ еще нѣсколько списковъ, которыми я не пользовался, такъ какъ для моей цѣли было достаточно имѣвшихся двухъ.

1) Въ «Москвитянинѣ» 1849 года помѣщена замѣтка прот. Сулоцкаго «Протопопъ Аввакумъ въ Сибири». Въ ней сообщается интересное свѣдѣніе, будто «въ Красноярскѣ лѣтъ десять тому назадъ (т. е. въ 1839 г.) жилъ раскольникъ, который выдавалъ себя за прямого потомка Аввакума».

2) Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1858 г. въ кн. II помѣщена статья «Аввакумъ, его мнѣнія и секта Аввакумовщина». Статья очень слабая.

3) Въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» 1861 г. помѣщена статья П. И. Мельникова «Аввакумъ»; по извѣстію о казни Аввакума она является почти первоисточникомъ, такъ какъ въ извѣстныхъ источникахъ нѣтъ тѣхъ подробностей, которыя сообщены Мельниковымъ; перечень сочиненій Аввакума въ этой статьѣ неполонъ и неточенъ, на что указано Н. И. Субботинымъ въ предисловіи къ V тому «Матеріаловъ».

4) Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1869 г., ч. 2, напечатана публичная лекція Н. И. Ивановскаго, — эта статья полнѣе предыдущихъ, составлена по рукописнымъ источникамъ, но и въ ней не мало промаховъ, а кромѣ того ея характеръ преимущественно полемическій.

5) Въ «Братскомъ Словѣ» 1875 г., кн. IV, есть большая статья подъ заглавіемъ: «Протопопъ Аввакумъ, какъ вѣроучитель и законодатель раскола». Авторъ этого сочиненія пользовался почти всѣми источниками, вошедшими впослѣдствіи въ V т. «Матеріаловъ для исторіи раскола», очень добросовѣстно свелъ главные пункты раскольническаго ученія Аввакума; къ сожалѣнію, объективность изложенія нарушается полемическою цѣлью статьи.

6) Въ журналѣ «Странникъ» 1883 г., кн. 3, 4, 8, 9 и 10, печаталась обширная статья г. Жежеленко «Протопопъ Аввакумъ и его дѣятельность». Статья составлена на основаніи вышедшихъ до того времени 6 томовъ «Матеріаловъ» и является первой обстоятельной біографіей Аввакума; разборъ сочиненій Аввакума слабѣе, такъ какъ видны полемическія стремленія автора.

7) Въ I т. «Критико-біографическаго словаря» (стр. 24—38) С. А. Венгерова напечатана очень обстоятельная біографія Аввакума съ общей характеристикой его сочиненій: весьма полезны библіографическія указанія.

8) Въ 1893 году вышла біографія Аввакума (въ «Біографической библіотекѣ» г. Павленкова), написанная В. А. Мякотинымъ. Авторъ пользовался всѣми «Матеріалами» г. Субботина и нѣкоторыми изъ изданныхъ мною источниковъ. Въ общемъ трудъ очень цѣнный, какъ біографія,—обзору же сочиненій Аввакума отведено слишкомъ мало мѣста; есть нѣкоторыя ошибки, которыя мы отмѣчаемъ дальше.

9) Въ томъ же году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» была напечатана статья проф. Яроша «Протопопъ Аввакумъ», представляющая собой характеристику Аввакума, на основаніи книги г. Мякотина. Повторяется и ошибка источника, что Аввакумъ былъ справщикомъ. Въ 1898 г. эта статья вошла въ изданную г. Ярошемъ книгу «Характеры былого времени».

10) Весьма большое значеніе для изученія дѣятельности Аввакума имѣютъ статьи П. С. Смирнова: «Происхожденіе самоистребленія въ русскомъ расколѣ» («Хр. Чт.» 1895 г. III — IV, и отдѣльно), «Взглядъ раскола на переживаемое время въ XVII вѣкѣ» («Хр. Чт.» 1897, кн. 1, 2, 3 и 6) и «Споры въ расколѣ по догматическимъ вопросамъ въ XVII вѣкѣ» (Ibid. кн. 7). Всѣ работы г. Смирнова являются, какъ и его «Исторія раскола», образцомъ точности изслѣдованій, хотя не со всѣми выводами ихъ можно согласиться.

11) Въ «Русскомъ біографическомъ словарѣ» помѣщена довольно слабая статья г. С. Т.

12 и 13) Компилятивнымъ характеромъ отличаются статьи въ «Калужскихъ Епарх. Вѣд.» 1882 («Протопопъ Аввакумъ въ Боровскомъ Пафнутіевомъ монастырѣ») и «Тобольскихъ Епарх. Вѣд.» 1885 (Сырцовъ. «Протопопъ Аввакумъ въ Сибири»).

Кромѣ этихъ спеціальныхъ статей и книгъ, Аввакумъ упоминается въ трудахъ общаго характера: «Ист. Россіи» С. М. Соловьева, въ т. XII «Ист. рус. церкви» митр. Макарія, въ изслѣдованіи г. Каптерева «Патріархъ Никонъ и его противники», въ книгѣ гр. Гейдена «Изъ исторіи возникновенія раскола при патріархѣ Никонѣ», въ книгахъ С. В. Максимова («Сибирь и каторга»), В. Андреева («Расколъ и его значеніе»), во II т. «Ист. рус. литературы» А. Н. Пыпина.

Въ дополненіе къ сказанному объ источникахъ даю описаніе рукописей Казанской духовной академіи, которыми я пользовался

(остальныя, какъ я указалъ, описаны у А. Н. Попова, А. Ѳ. Бычкова, И. А. Бычкова, г. Лилеева и др.).

Каз. дух. академіи № 1679 (109), 4°, поморскаго письма.

Л. 1. Предисловіе.

Л. 2. Поученіе прп. отца нашего Аввы Дорофея о любви.

Л. 3 об. Рисунокъ: въ центрѣ золотой кругъ, въ которомъ киноварью написано слово: «Богъ»; въ большомъ, концентрическомъ съ первымъ, зеленомъ кругѣ изображены пять человѣкъ: у каждаго въ правой рукѣ восьмиконечный крестъ, въ лѣвой книга; одѣты въ стихари разныхъ цвѣтовъ съ орарями; двое изъ нихъ молодые, трое старые съ длинными бородами; у головъ золотые вѣнчики съ надписью «святыи». Внѣ этого послѣдняго круга въ верхнемъ правомъ углу «Паисій патріархъ», въ лѣвомъ «Макарій патріархъ»; внизу въ серединѣ «Никонъ патріархъ», направо отъ него «Іоакимъ патріархъ», налѣво «Илларіонъ Рязанскій». Одѣты въ стихари съ орарями, въ рукахъ посохи архіерейскіе.

Л. 4. Житіе протопопа Аввакума.

Л. 88. О сложеніи перстъ.

Л. 93. Заключеніе житія Аввакума.

Л. 94. Житіе старца Епифанія.

Л. 107 об. Списаніе и собраніе о Божествѣ (безъ заглавія).

Л. 130. Изображеніе восьмиконечнаго креста съ тростію и копіемъ, внизу подпись: Копіе со крестомъ, гвоздіе і иная: в нихъ же живоносное Христово распятся тѣло. Пріидѣте поклонимся распятому насъ ради.

Л. 130 об. Продолженіе житія Епифанія до л. 160. Напечатано мною вмѣстѣ съ началомъ въ «Хр. Чт.» 1889 г. I, стр. 210—240.

Каз. дух. акад. № 1989, рукоп. Григорія, еп. Калужскаго, 4°, современнаго письма, 107 л.

Л. 1. Списокъ съ письма страдальца священно-протопопа Аввакума. О исповѣданіи православныя вѣры вкратцѣ. Глава 1-я.

Начало: Неключимый рабъ Пресвятыя и животворящія и нераздѣльныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго истиннаго Бога, юзникъ по вѣрѣ и церкви Христовѣ и поборникъ благочестивыхъ отеческихъ догматовъ, протопопъ Аввакумъ возлюбленнымъ святымъ братіямъ, Сіонскимъ чадамъ всѣмъ православнымъ христіаномъ Афетороссійскаго рода радоватися и умудрятися, вкупѣ же и здравствовати и т. д.

Л. 4. О измѣненіи благолѣпоты церковныя и о развращеніи книгъ. Глава 2. *Нач.* Господь попустивше за наше согрѣшеніе, злый пастырь, во овчей кожи былъ волкъ, Никонъ патреархъ въ лѣто отъ созданія мира 7161 (1653), сын еретикъ измѣни святый чинъ и т. д. Насчитывается 20 измѣненій.

Л. 8 об. О обличеніи отступленія и казни и о лютомъ гоненіи и мученіи. Глава 3. *Перечень пострадавшихъ на л. 10—11 об.:* На пребывающихъ въ законѣхъ отеческихъ подвигше гоненіе веліе и раззореніе, многія убо святыя мѣста и обители ученицы Никоновы раззориша и непокоряющихся ложному и неправому ученію многихъ злою смертію заморища, а иныхъ въ дальныя ссылки заточиша и въ темницахъ замориша, а иныхъ многое множество огню и мукамъ предаша, преосвященнаго епископа Павла, священнопротопопа Даніила и священнопротопопа Логгина нужной без вести смерти предаша. Священномученика Гавріила огнемъ сожгли, священномученика Михаила безвести казниша, Поліевкта и съ нимъ 14 человѣкъ сожгли, старца Авраамія и Исаію Салтыкова сихъ на Колмогорахъ, Іоанна юродиваго сожгли въ Боровскѣ, Евдокима и Петра безвести казнили, инока Варлаама, инока Пахомія, инока Филиппа, инока Епифанія, инока Іосафа сожгли въ Новѣградѣ; таможъ бѣльцовъ 9, Сидора, Луку, Карпа, Логина, Гавріила, Василія, Ананію, Александра, Дмитрія, Іоанна, Лаврентія и иныхъ многихъ огнемъ пожгли, тамъ же Григорія, Іосифа, Епимаха, Евфимія, Андрея главы отсѣкли, Родіонъ и Трифилій и Сампсонъ много мукъ страдаша, злѣ умроша. Въ Владимірѣ сожгли 6 человѣкъ, въ Казани 30 человѣкъ, а по Волгѣ и безчисленное многое множество прижгли и муками замучили и въ темницахъ гладомъ заморили, и прочимъ отъ нихъ горе, охъ и увы! сотворяется и до днесь».

Л. 12. Наказаніе о терпѣніи напастей и скорбей и утѣшеніи вѣчномъ. Глава 4. *Нач.* Глаголетъ святый Іоаннъ Богословъ во откровеніи своемъ: здѣ есть терпѣніе и т. д.

Л. 15 об. Поученіе о терпѣніи, яко подобаетъ съ радостію тщатися на вѣчный покой и проч. Глава 5. *Нач.* Молю убо вы азъ, юзникъ о Господѣ, всѣхъ православныхъ христіанъ страждущихъ за имя Божіе...

Л. 21. О измѣненіи благолѣпоты церковныя и о грабленіи престола и о снятіи святаго антиминса и проч. Глава 6. *Нач.*

Нѣсть радоватися чадомъ, когда видятъ отца своего любимаго страждуща и матерь свою болѣзненну...

Л. 26 об. О истиннемъ и животворящемъ крестѣ и главѣ его свидѣтельство отъ святыхъ писаній, обличеніе противныхъ. Глава 7. *Нач.* Великій святый апостолъ Павелъ, сосудъ избранный Христовъ, къ Галатомъ пишетъ: мнѣ же да не будетъ хвалитися...

Л. 31. Обличеніе о новыхъ служебникахъ и новой паствѣ и просвирахъ и свидѣтельство прежнихъ святыхъ книгъ. Глава 8. *Нач.* Тайну цареву добро есть хранити...

Л. 34 об. О истинной жертвѣ и непорочнемъ агнцѣ свидѣтельство и преобразованіе отъ ветхаго закона. Глава 9. *Нач.* Вѣдати достоитъ всякому православному христіанину, яко ветхая жертва безсловесныхъ тѣнь есть...

Л. 39. О изслѣдованіи крестнаго знаменія и о треперстномъ сложеніи и проч. Глава 10. *Нач.* Господь нашъ Іисусъ Христосъ о послѣдней прелести часто воспоминая и соблюдая и утверждая правовѣрныхъ учитъ глаголя...

Л. 43. О истинномъ крестномъ знаменіи и сложеніи перстъ свидѣтельство. Глава 11. *Нач.* Вѣрну убо сущу христіанину...

Л. 50 об. Обличеніе, еже Сына Божія оставили въ молитвѣ свидѣтельство святаго писанія. Глава 12. *Нач.* Глаголетъ святый Іоаннъ Богословъ въ посланіи своемъ первомъ: возлюбленніи, не всякому духу вѣруйте...

Л. 53. О трисвятей аллилуія свидѣтельство и проч. Глава 13. *Нач.* Никонъ со единомысленники мятется и ангельскую трисвятую пѣснь отверже...

Л. 55. Обличеніе на отступниковъ правыя вѣры, еже въ Символѣ Духа Святаго истиннаго истребили, и достовѣрное свидѣтельство святыхъ книгъ. Глава 14. *Нач.* Богу попустившу, а врагу дѣйствующу...

Л. 57 об. Обличеніе новыхъ Требниковъ о превращеніи церковныхъ догматовъ и проч. Глава 15. *Нач.* Но и о семъ должно есть возрыдати, яко той зломудренный окоянный Никонъ...

Л. 60. О измѣненіи и превращеніи во всѣхъ службахъ церковныхъ преданія святыхъ отецъ и свидѣтельство о правой нашей вѣрѣ. Глава 16. *Нач.* Не только злой зломудренный Никонъ со единомысленники своими преданіе апостольское и святыхъ отецъ нарушили...

Л. 64. О посохѣ со змѣиными главами, егоже святители въ рукахъ своихъ носятъ, обличеніе. Глава 17. *Нач.* Понеже зломудренный Никонъ завелъ въ нашей Руссіи...

Л. 67 об. Обличеніе о измѣненіи иноческаго чина, одежды и клобука и свидѣтельство во Исторіи о бѣломъ клобуцѣ. Глава 18. *Нач.* Той же зломудренный Никонъ...

Л. 68 об. Обличеніе о лжеучителехъ и прелестникахъ и отступленіи вѣры и примѣненіи книгъ. Свидѣтельство отъ святыхъ писаній, яко не подобаетъ инако мудрствовати, ни учить, ни приложити. Глава 19. *Нач.* Господь нашъ Іисусъ Христосъ, истинный пастырь и учитель...

Л. 76. Обличеніе на отступники святыя православныя вѣры и на прелагатаи клятвы святыхъ отецъ, сообразно отъ святыхъ книгъ. Глава 20. *Нач.* Церкве отступити Бога есть отступити.

Л. 84. Посланіе Андрея Плещеева къ протопопу Аввакуму.

Л. 90. Отвѣтъ Аввакума Андрею Плещееву.

Л. 99. Бесѣда благочестіемъ сіяюща отца протопопа Аввакума о томъ, что истинный двуперстный крестъ Христовъ спасаетъ христіанъ и очиститъ отъ всѣхъ грѣховъ. *Нач.* Азъ протопопъ Аввакумъ, рабъ и посланникъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, даю заповѣдь вамъ, христолюбцы, возлюбленная моя братія, о томъ, какъ подъ конецъ міра, когда явится антихристъ, распознавати люди Христовы отъ антихристовыхъ. Люди Христовы имутъ терпѣти гоненіе за то, что они будутъ воображать на себѣ крестное знаменіе двумя персты и т. д.

Л. 104. О видѣніи Елиазара Анзерскаго.

То же № 1743 (листовъ 96). Кромѣ того отдѣльная тетрадь въ 16 листовъ: Отвѣтъ краткій на подметное письмо о рожденіи сими времены антихриста (Іовъ Новгор.? Слов. Евгенія, I, 302).

Списки новѣйшіе и заключаютъ въ себѣ сплошь передѣлку Аввакумовыхъ сочиненій, произведенную въ XVIII столѣтіи.

Ркп. Казанской дух. акад., поступившая въ 1836 г. изъ библіотеки Аѳанасія, еп. Астраханскаго.

№ 2471 (84) въ листъ, современнаго письма гражданскаго, на 96 листахъ. Состоитъ изъ безпорядочнаго набора отрывковъ сочиненій Аввакума.

Заканчивая свою работу, приношу благодарность тѣмъ лицамъ, помощью которыхъ мнѣ приходилось пользоваться: пре-

освященному Антонію, ректору Казанской духовной академіи, епископу Чебоксарскому, И. А. Бычкову, В. Г. Дружинину, Н. И. Ивановскому, В. И. Ламанскому, Л. Н. Майкову и студенту П. Е. Щеголеву, составившему указатель. Особенно же я считаю себя обязаннымъ той нравственной поддержкѣ, которую я встрѣчалъ съ самаго начала моей надолго затянувшейся работы со стороны моихъ лучшихъ друзей, покойнаго моего учителя О. Ѳ. Миллера и покойнаго моего отца. Памяти этихъ двухъ дорогихъ для меня людей я посвящаю настоящую книгу.

А. Бороздинъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СТРАН.

ГЛАВА I.

Дѣтство Аввакума. — Служба въ Лопатицахъ. — Связи съ кружкомъ Стефана Вонифатьева. — Вопросъ о единогласіи. — Назначеніе Аввакума въ Юрьевецъ и переселеніе въ Москву.

Аввакумъ родился въ 1620 или 1621 г. [1]) въ Нижегородской губерніи, Княгининскаго уѣзда, за рѣкою Кудмою, въ селѣ Григоровѣ, принадлежавшемъ извѣстному укротителю Разинскаго бунта, кн. Юрію Алексѣевичу Долгорукому, который впослѣдствіи покровительствовалъ Аввакуму, какъ это видно изъ одного посла-

---

[1]) Годъ рожденія Аввакума опредѣляется различно: П. И. Мельниковъ полагалъ, что онъ родился между 1605 и 1610 гг. (см. Энцикл. словарь. Спб. 1861. Аввакумъ Петровичъ), а г. Жежеленко относитъ его рожденіе къ началу 20-хъ годовъ XVII столѣтія (Странникъ, 1883 г., мартъ), наконецъ, Г. Мякотинъ (стр. 29) опредѣляетъ, что Аввакумъ родился «около 1620 года». Послѣднее мнѣніе намъ кажется вѣрнѣе. Сынъ Аввакума, Иванъ, въ 1717 г. показывалъ на допросѣ у Стефана Яворскаго: «Отецъ де у него былъ Аввакумъ Петровъ, служилъ въ Юрьевцѣ Поволжскомъ въ соборной церкви протопопомъ, и въ прошломъ въ 159 году изъ Юрьевца съ денежною казною святѣйшаго патріарха поѣхалъ къ Москвѣ, а съ Москвы въ Юрьевецъ не бывалъ» (Есиповъ. Раскольничьи дѣла XVIII ст. т. I, стр. 119). По изслѣдованію покойнаго проф. П. Ѳ. Николаевскаго, въ приходной книгѣ патріаршаго приказа на 1652—1653 г. имѣется запись, что протопопъ входоіерусалимской церкви, Аввакумъ въ 1652 г. представилъ въ патріаршій приказъ собранныя имъ деньги и «собралъ съ тѣхъ вѣнечныхъ знаменъ сверхъ указныхъ пошлинъ 9 руб. 22 алт. 3 деньги». Этимъ исправляется показаніе сына Аввакума, что его отецъ поѣхалъ въ Москву въ 159 (1651 г.), и подтверждается другое его же показаніе, что Аввакумъ повезъ патріаршую казну. Сопоставляя эти извѣстія со словами самого Аввакума, что онъ поставленъ въ протопопы Юрьевца 31 года (мат. V, стр. 10) и въ Юрьевцѣ былъ всего 8 недѣль (Ibid. стр. 16), мы должны признать что онъ родился въ 1620 или въ 1621 г. Такимъ образомъ мы принимаемъ исправленіе къ датѣ перваго изданія нашей книги, указанное намъ И. Н.

нія послѣдняго [2]). Свѣдѣнія, сообщаемыя самимъ Аввакумомъ о своемъ дѣтствѣ и о родителяхъ, крайне скудны и отличаются такими чертами, которыя свойственны вообще житійной литературѣ. Отецъ Аввакума, Петръ, священникъ въ Григоровѣ, по словамъ Аввакума [3]), «прилежаше питія хмѣльнаго» и, вѣроятно, не особенно заботился о своихъ дѣтяхъ, такъ что воспитаніемъ ихъ въ страхѣ Божіемъ занялась жена его, Марья, женщина благочестивая, строгая исполнительница постовъ и обрядовъ, съумѣвшая передать дѣтямъ свою религіозность. Особенно въ этомъ отношеніи ей удалось воздѣйствовать на Аввакума, живого и впечатлительнаго мальчика, начавшаго подъ ея вліяніемъ предаваться размышленіямъ, не совсѣмъ свойственнымъ дѣтскому возрасту. Образцомъ такого настроенія можетъ служить слѣдующій характерный случай, о которомъ разсказываетъ Аввакумъ: увидѣвъ какъ-то у сосѣда «скотину умершу», Аввакумъ ночью всталъ и долго молился предъ образомъ, плача о своей душѣ и поминая смерть, «и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся нощи молитися», прибавляетъ Аввакумъ. Очень трудно для насъ въ данномъ случаѣ рѣшить вопросъ, былъ ли этотъ эпизодъ въ дѣйствительности, причемъ, конечно, размышленіе о смерти должно было имѣть основаніе въ какихъ-нибудь предшествовавшихъ бесѣдахъ съ матерью и душеполезномъ чтеніи, или же тутъ въ автобіографіи мы находимъ литературное украшеніе, такъ какъ мотивъ пробужденія нравственнаго сознанія подъ вліяніемъ картинъ бѣдствія и смерти очень обыченъ въ поучительныхъ произведеніяхъ, начиная съ повѣствованія о царевичѣ Іоасафѣ, а къ ночной молитвѣ могла пріучить Аввакума его мать, такъ какъ подобная молитва считалась особенно угодной и доходной Богу и выставлялась, какъ примѣръ, въ разныхъ поучительныхъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ [4]).

Ждановымъ и П. С. Смирновымъ (Ж. М. Н. Пр. 1899 г. январь, стр. 253—254). Совершенно ни на чемъ не основана дата 1615 или 1616 г., показанная въ статьѣ г. С. Т. въ «Біографическомъ Словарѣ» Имп. Рус. Ист. Общества.

[2]) Мат. V, стр. 9, 156—157; Москвитянинъ, 1854 г. № 19. Статья Погодина: замѣчаніе о родинѣ патріарха Никона и его противниковъ.

[3]) Мат. V, 9.

[4]) См. напр. «Поученіе Владиміра Мономаха, или Правосл. Собесѣдникъ, 1858 г. августъ: «Слово Іоанна Златоустаго, како востати въ нощи молитися», также А. Поповъ «Первое прибавленіе къ опис. рукоп. и скоропечат. книгъ библ. Хлудова, стр. 27 — 30; Ключевскій. Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. 454. («Св. Николай Чудотворецъ, измлада въ нощи безъ сна пребывая, моляся Богу»).

Какъ бы то ни было, можно съ вѣроятностью предположить, что извѣстная аскетическая настроенность вкоренилась въ Аввакумѣ уже съ юныхъ лѣтъ, и въ этомъ сказалось вліяніе матери, которой онъ обязанъ былъ, должно быть, до нѣкоторой степени и своею книжностью.

Въ юности же, вѣроятно, Аввакумъ познакомился съ нѣкоторыми лицами, съ которыми ему впослѣдствіи пришлось встрѣтиться. Въ одномъ изъ своихъ посланій Аввакумъ намекаетъ, что въ юности онъ былъ близокъ къ Иларіону, впослѣдствіи въ качествѣ архіепископа Рязанскаго, ревностному стороннику Никоновыхъ исправленій; «Ты кто? пишетъ Аввакумъ, обращаясь въ Иларіону, — Яковлевичъ, попенокъ! — Недостоинъ вѣкъ твой весь Макарьевскаго монастыря единыя нощи. Помнишь-ли какъ на каморахъ-тѣхъ стаивано на молитвѣ?» Такимъ образомъ мы видимъ, что Аввакумъ посѣщалъ, а можетъ быть, и жилъ нѣкоторое время въ обители Макарія Желтоводскаго, пользовавшейся большимъ уваженіемъ среди населенія Нижегородскаго края. Съ Иларіономъ знакомство не прерывалось и послѣ, когда тотъ былъ попомъ въ Лысковѣ и игуменомъ въ томъ же Макарьево-Желтоводскомъ монастырѣ [5]). У Макарія могло начаться знакомство Аввакума съ священникомъ села Кирикова, Ананіей (въ иночествѣ Антоніемъ) и съ его сыномъ, Иларіономъ, впослѣдствіи митрополитомъ Суздальскимъ, женатымъ на Ксеніи, сестрѣ Павла, еп. Коломенскаго. Ананія имѣлъ вліяніе на Іоанна Неронова, который у него жилъ не малое время въ Лысковѣ «помощникомъ во святѣй церкви», и «извыче отъ него разумѣти, яже о Божественномъ писаніи недовѣдомая». Наконецъ, въ 15 верстахъ отъ родины Аввакума находилось село Вельдеманово, изъ котораго происходилъ патр. Никонъ [6]). Весьма возможно, что при такомъ сосѣдствѣ, всѣ указанныя лица, которымъ впослѣдствіи суждено было принять такое видное участіе въ церковныхъ

[5]) Мат. V, стр. 95, 342—348. Также Москвитянинъ 1854, № 19, упом. ст. Погодина. Кромѣ этихъ немногихъ свѣдѣній, о своемъ дѣтствѣ Аввакумъ ничего не сообщаетъ; въ одномъ изъ посланій говоритъ только мимоходомъ: «поповичъ я голубятникъ былъ». Мат. V, 242. Ж. М. Н. Пр. 1899 г. январь, стр. 256, статья П. С. Смирнова.

[6]) Упомянутая ст. Погодина. Также: Каптеревъ. Патріархъ Никонъ и его противники въ дѣлѣ испр. церк. обрядовъ, стр. 115. Георгіевскій: Флорищева пустынь. Ист.-арх. описаніе, стр. 8—25. Мат. т. VIII, стр. 34, т. I, стр. 256.

исправленіяхъ, уже въ это время были между собой знакомы, и этимъ, можетъ быть, и объясняется группировка ихъ впослѣдствіи въ Москвѣ.

Отецъ Аввакума рано умеръ, и онъ остался сиротой съ матерью и меньшими братьями, изъ которыхъ онъ упоминаетъ о Григоріи, Козьмѣ, Герасимѣ и Евѳиміи; семейству пришлось перенести много разныхъ бѣдствій, потому что ихъ изгнали какіе-то «соплеменники». Когда Аввакуму пришла пора жениться, мать пріискала ему невѣсту, односельчанку Настасью Марковну, тоже бѣдную сироту, дочь сельскаго кузнеца, прежде очень богатаго человѣка, но прожившаго все свое состояніе и ничего не оставившаго послѣ своей смерти. Настасья была дѣвушка благочестивая, «безпрестанно обыкла ходити въ церковь», а потому и представлялась подходящею невѣстой для Аввакума, который «молился Пр. Богородицѣ, «да дастъ ми жену помощницу ко спасенію», и сама мечтала выйти замужъ за Аввакума. Послѣ устройства этого брака, мать Аввакума скончалась, постригшись въ какомъ-то монастырѣ («въ подвизѣ велицѣ»).

Аввакумъ переселился въ село Лопатицы[7]) или Лопатищи и былъ рукоположенъ въ діаконы 21 года, а черезъ два года, въ 1643 или 1644 г., поставленъ въ попы. Аввакумъ относился къ своей обязанности очень добросовѣстно, у него было много духовныхъ дѣтей, нѣкоторыя изъ нихъ много помогали ему, какъ напр. Лука и Лаврентій, о которыхъ онъ говоритъ, что они его и домъ его «наставили на путь спасенія[8]). Аввакумъ занимался исцѣленіемъ бѣсноватыхъ и вообще лѣченіемъ разныхъ болѣзней, напр. лѣчилъ дѣтей отъ грыжной болѣзни по старинному рецепту елеемъ, и матери часто приносили къ нему своихъ дѣтей[9]). Но ревность «по Бозѣ», строгія нравственныя требованія, не позволявшія ему равнодушно относиться къ общественной неправдѣ, и точное до мелочей соблюденіе церковныхъ правилъ и обрядовъ доставили ему не мало враговъ. Особенно вооружилъ онъ противъ себя какого-то «начальника», отнявшаго дочь у вдовы; за требованіе Аввакума возвратить дѣвушку ея матери, начальникъ «воздвигъ на него бурю, и у церкви пришелъ сонмомъ, до смер-

[7]) Мат. т. V, стр. 95.

[8]) Ibid. стр. 11.

[9]) Ibid. стр. 11 и 95; о лѣченіи елеемъ см. Памят. стар. рус. литер. т. IV, стр. 216, «Слово объ исцѣленіи болѣзней мνромъ».

ти его задавили». Потомъ, придя въ церковь, онъ билъ и волочилъ его за ноги по землѣ въ ризахъ. Черезъ нѣсколько времени у Аввакума произошло уже съ другимъ начальникомъ, какимъ-то Иваномъ Родіоновичемъ, новое столкновеніе, при чемъ поводомъ было точное исполненіе Аввакумомъ церковныхъ обрядовъ: «сердитовалъ на меня за церковную службу,—ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо,—такъ ему было досадно». Это столкновеніе было гораздо болѣе рѣзкаго характера: по словамъ Аввакума, начальникъ дважды неудачно стрѣлялъ въ него «изъ пистоли», а затѣмъ отнялъ у Аввакума дворъ, самого его «выбилъ всего ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ». Въ это время родился сынъ Аввакума, Прокопій, котораго пришлось окрестить ужъ «на пути».

Изгнаніе это случилось не ранѣе 1646 г., такъ какъ Аввакумъ, прибывъ въ Москву, обратился за покровительствомъ къ царскому духовнику Стефану Вонифатьеву и къ протопопу Іоанну Неронову, а эти лица появляются въ Москвѣ только съ 1645—1646 гг. [10]). Какъ человѣкъ, по своему времени достаточно образованный, начитанный въ божественныхъ писаніяхъ, обладающій даромъ живого изложенія, энергичный и строгій ревнитель церковныхъ обрядовъ, Аввакумъ былъ очень хорошо принятъ московскими протопопами (изъ которыхъ съ Нероновымъ, быть можетъ, знакомъ былъ и раньше), строившими, благодаря поддержкѣ благочестиваго молодого царя, обширные планы обновленія религіозно-нравственной жизни русскаго народа, и, по всей вѣроятности, посвятившими въ эти планы Аввакума. О немъ доложили царю, и съ этого времени начинается знакомство его съ царемъ. Однако другого, лучшаго мѣста Аввакумъ не добился и посланъ былъ назадъ съ грамотою, причемъ Стефанъ Вонифатьевъ благословилъ его образомъ св. Филиппа митрополита и подарилъ ему книгу Ефрема Сирина.

Вернувшись домой, Аввакумъ нашелъ у себя все раззореннымъ и долженъ былъ вновь обзаводиться хозяйствомъ. Но недолго онъ пробылъ въ селѣ: опять у него начались разныя несогласія съ начальниками. Разъ какъ-то въ село пришли скоморохи въ маскахъ, съ домрами и бубнами и привели съ со-

---

[10]) Каптеревъ. Патр. Никонъ и его противники, стр. 53. Забѣлинъ. Мат. для ист., арх., и стат. моск. церквей, стр. 169 и 1040.

бой плясовыхъ медвѣдей. Уже давно это удовольствіе, представлявшее собою остатокъ древняго язычества и не подходившее къ аскетическимъ взглядамъ на жизнь, вызывало противъ себя обличенія духовенства и строгія преслѣдованія власти государственной, ставившей скомороховъ наравнѣ съ волхвами, ворами и разбойниками [11]). Въ описываемое же время противъ скомороховъ, подъ вліяніемъ ревнителей, группировавшихся около Стефана Вонифатьева, принимаются мѣры особенно энергичныя. Въ концѣ 1648 г. былъ разосланъ воеводамъ царскій указъ, чтобы «православные хрестьяне скомороховъ съ домрами, и съ гуслями, и съ волынками, и со всякими играми не призывали, и медвѣдей не водили, и всякихъ бѣсовскихъ игръ не творили, а гдѣ объявятся домры, и сурны, и гудки, и гусли, и хари, и всякіе гудебные бѣсовскіе сосуды, и тѣ бъ вынимать и, изломавъ, жечь; а которые люди ото всего богомерзкаго дѣла не отстанутъ и учнутъ впредь такого богомерзкаго дѣла держаться.... и тѣхъ велѣть бить батоги», и даже «ссылать въ украинные городы въ опалу». Указъ строго приводился въ исполненіе, какъ это видно изъ отписки воеводы Бѣжецкаго Верха, который доносилъ, что «игры, домры, и гудки, и волынки, и сурны, и всякіе гудебные сосуды взяты и, изломавъ, сожжены» [12]). Дѣйствуя по программѣ упомянутаго кружка Вонифатьева, конечно, и Аввакумъ не могъ допустить у себя въ селѣ беззаконнаго игрища, выгналъ скомороховъ, изломалъ ихъ «хари и бубны», и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, «одново ушибъ и паки ожилъ, а другаго отпустилъ въ поле». Въ это время по Волгѣ ѣхалъ въ Казань на воеводство бояринъ Василій Петровичъ Шереметевъ; къ нему, должно быть, обратились скоморохи съ жалобой на Аввакума; бояринъ разсердился, взялъ протопопа къ себѣ на судно, много бранилъ; затѣмъ приказалъ ему благословить своего сына, Матѳея, но Аввакумъ отказался исполнить это приказаніе, видя «блудодѣйственный образъ», такъ какъ Матѳей брилъ бороду въ противность отеческимъ преданіямъ. Тогда бояринъ велѣлъ было бросить упрямаго прото-

---

[11]) А. А. Э. т. I, № 244.

[12]) Ивановъ. Опис. госуд. архива стар. дѣлъ, стр. 296; А. И. т. IV, № 35, Фаминцынъ, Скоморохи на Руси, стр. 184—188; Каптеревъ, op. cit. 117—121, Этнограф. Обозрѣніе, кн. XXXII (1897, № 1) стр. 143—151, статья Н. Харузина. О борьбѣ правительства съ народными суевѣріями и обрядами въ XVII в.

попа въ Волгу, но потомъ отпустилъ, избивъ и выругавъ. По всему вѣроятію, это происходило лѣтомъ или осенью 1648 года, такъ какъ Шереметевъ былъ назначенъ въ Казань въ іюнѣ 1648 г. [13]). Немного времени спустя Аввакумъ поднялъ на себя, неизвѣстно чѣмъ, еще одного начальника, такъ что тотъ пріѣзжалъ къ его двору и стрѣлялъ изъ луковъ и пищалей, но потомъ Аввакумъ съ нимъ помирился и даже лѣчилъ его [14]). Вскорѣ однако Аввакума опять изгнали изъ Лопатицъ, и онъ появляется въ Москвѣ.

Какъ разъ въ это время въ средѣ московскихъ ревнителей былъ поднятъ важный вопросъ о единогласномъ пѣніи. Еще на Стоглавомъ соборѣ указывалось, что надо соблюдать порядокъ въ церковной службѣ, чтобы «на вечерняхъ и на заутреняхъ говорили псалмы и тихо и неспѣшно, съ всякимъ вниманіемъ, также бы тропари и сѣдальны сказывали по чину, а не спѣшно, и потомъ чли, а вдругъ бы псалмовъ и псалтыри не говорили, такожъ бы канонов вдругъ не конархали, и не говорили по два вмѣстѣ, занеже то въ нашемъ православіи великое безчинство и грѣхъ тако творити, святыми отцы отречено быть» [15]). Послѣ Стоглава мы постоянно встрѣчаемъ жалобы на многогласіе и происходящій отсюда безпорядокъ въ богослуженіи. Пѣли сразу въ два, въ три голоса, даже въ шесть голосовъ, «другъ друга не разумѣюще, что глаголютъ», сами священники и причетники производили въ церквахъ шумъ и «козлогласованіе», клирики пѣли псалтырь и другія церковныя пѣснопѣнія, «не ожидающе конца ликъ отъ лика, но купно вси кричаху», псаломникъ читалъ, «не внимая поемымъ», такъ что невозможно было понять, что читали и пѣли. Другой недостатокъ церковнаго пѣнія заключался въ «хомовомъ напѣвѣ», при которомъ слова

---

[13]) А. П. Барсуковъ. Родъ Шереметевыхъ, т. III, стр., 384—389. Г. Каптеревъ (op. cit. стр. 119) полагаетъ, что столкновеніе Аввакума со скоморохами было независимо отъ вліянія кружка Вонифатьева, что «члены кружка, Аввакумъ и Нероновъ уже ранѣе боролись съ скоморохами»; относительно Неронова это положеніе не подлежитъ сомнѣнію; что же касается Аввакума, то тотъ фактъ, что столкновеніе со скоморохами произошло тотчасъ по его возвращеніи изъ Москвы, на нашъ взглядъ, убѣдительно доказываетъ вліяніе кружка.

[14]) Мы не передаемъ здѣсь разсказа самого Аввакума, который сообщаетъ много подробностей, имѣющихъ значеніе, какъ житійныя прикрасы, и придающихъ этому эпизоду отчасти чудесный характеръ.

[15]) Стоглавъ, изд. Н. Субботина, стр. 106—107.

измѣнялись такъ, что нельзя было ихъ узнать: вмѣсто Богъ, Спасъ, Христосъ пѣли Бого, Сопасо, Христосо, фраза «Святымъ Духомъ всяка тварь обновляется, паки обращающися на первое, равномощенъ бо есть Отцу и Слову» являлась при этомъ напѣвѣ въ такомъ видѣ: «Святымъ Духоме всяка тваре обновляетеся, паки обращающися на первое: равеномощено бо есте Отецу и Слову». Было нѣсколько школъ, въ которыхъ учили этому пѣнію, и его усвоеніе требовало большого труда и искусства; ученики различныхъ школъ находились между собою въ постоянныхъ препирательствахъ: одинъ говорилъ: «я ученикъ Шайдурова», другой хвалилъ Лукошково пѣніе, третій—Баскакова и т. п., а отъ этихъ всѣхъ споровъ происходилъ еще большій безпорядокъ въ церковной службѣ [16]).

Многогласное пѣніе пріучало народъ къ формальному отношенію къ церковной службѣ, особенно нравилась быстрота богослуженія, достигавшаяся, благодаря многогласію. Духовенство, желая заманить прихожанъ, дѣлало эту уступку, облегчавшую вмѣстѣ съ тѣмъ и его трудъ, и даже патр. Іоасафъ, запрещая многогласіе, въ то же время разрѣшалъ пѣть «въ два, а по нуждѣ въ три голосы, опрочѣ эксапсалмовъ». При патр. Іосифѣ противъ этого церковнаго безчинія раздаются голоса съ разныхъ сторонъ. Такъ, какой-то неизвѣстный подаетъ патріарху челобитье, доказывая, что это нарушеніе церковнаго устава «сводитъ не милость, а гнѣвъ Божій». Гораздо энергичнѣе обличаетъ безпорядокъ церковной службы монахъ Евфросинъ, авторъ «Сказанія о различныхъ ересѣхъ и хуленіихъ на Господа Бога и на Пречистую Богородицу, содержимыхъ отъ невѣдѣнія въ знаменныхъ книгахъ». Авторъ видитъ въ знаменныхъ книгахъ и въ старомъ пѣніи дѣло сатаны, своихъ противниковъ и поющихъ по знаменнымъ книгамъ надѣляетъ слѣдующими эпитетами: «помощницы сатаны, человѣци юродивіи, мнящіися быти мудри, ничто же разумѣющіи, въ нихъ же хваляхуся, но паче горціи божества словесницы, хулницы хвалимымъ, темніи о свѣтѣ, о премудрости ненаказанніи, всегда учащіися, никогда же въ разумъ истинный пріити могуще, имущіи образъ благочестія, силы же его

[16]) Мат. т. I, стр. 274. Шушеринъ. Ист. о рожд., воспит. и жит. Никона, Спб. 1784, стр. 24—25. См. А. С-нъ. О хомовомъ пѣніи. Псковъ. 1879. Ркп. Пог. Древл. № 1559, л. 51, 56.

отвергшіися, имъ же Богъ чрево, и слава ихъ въ студъ». Евфросинъ перечисляетъ многія искаженія въ словахъ, которыя являются при крюковомъ пѣніи, и во почти всѣхъ этихъ мелочныхъ неисправностяхъ видитъ хулу на Бога и ересь. Обращаясь къ «имущимъ власть возбранити и не возбраняющимъ отъ таковаго нечестія», Евфросинъ угрожаетъ имъ великими казнями въ день страшнаго суда, такъ какъ они, не запрещая безчинія, являются споспѣшниками злымъ [17]).

Однако эти протесты противъ многогласія только тогда привели къ практическимъ послѣдствіямъ, когда за дѣло взялся Ѳед. Мих. Ртищевъ: онъ обращался къ царю, къ патріарху, къ боярамъ, указывая на необходимость ввести единогласіе и правильное нарѣчное пѣніе. Онъ нашелъ сочувствіе въ Стефанѣ Вонифатьевѣ, и они «первѣе уставиша въ своихъ церквахъ единогласное и согласное пѣніе», ихъ примѣру послѣдовали Іоаннъ Нероновъ и Никонъ, тогда еще новгородскій митрополитъ, а затѣмъ новый порядокъ былъ введенъ во всѣхъ церквахъ. Несмотря на то, что новое пѣніе очень нравилось царю Алексѣю Михаиловичу, патріархъ Іосифъ «никакоже хотѣ оное древнее неблагочиніе на благочиніе премѣнити», онъ колебался, не рѣшался ввести единогласіе, не спросивши предварительно вселенскихъ патріарховъ; черезъ пріѣзжавшаго въ Москву въ 1650 г. грека Ѳому Иванова онъ обратился за совѣтомъ къ патріарху цареградскому. Наконецъ, на соборѣ 1651 г. было постановлено: «пѣти въ святыхъ Божіихъ церквахъ чинно и безмятежно, на Москвѣ и по всѣмъ градомъ, единогласно, на вечерняхъ и на повечерницахъ, и на полунощницахъ, и на заутреняхъ, псалмы и псалтырь говорить въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно, со всякимъ вниманіемъ, къ царскимъ дверемъ лицемъ». Въ 1652 г. царь началъ вводить нарѣчное пѣніе [18]).

Одновременно съ единогласіемъ установленно и другое новшество—устная проповѣдь, которая совсѣмъ вышла изъ обычая въ концѣ XVI и въ XVII вв. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Ивану Неронову, который, по словамъ его «Житія», «изношаше

[17]) Ркп. Погод. Древлехр. № 1559, л. 50 и 68 об) (Опис. А. Ѳ. Бычкова, стр. 83—84), Оп. рукоп. Хлудова, № 91. Каптеревъ, Ibid. 131—133.

[18]) А. А. Э. IV, № 327, Мат. I, 273 — 277. Др. Росс. Вивл. т. XVIII, стр. 402 — 403. Макарій, Ист. русс. церкви, т. XI, стр. 173 — 175; Каптеревъ, стр. 133—134. Гиббенетъ. Ист. изслѣд. дѣла патр. Никона, т. II, стр. 470—472.

отъ сокровищъ сердца своего, яже положи въ немъ Духъ Святый, умудривъ сѣяти сѣмя ученія Господня во всемъ народѣ несумнѣнно» [19]). Его примѣру въ Нижнемъ-Новгородѣ подражали многіе священники, а въ Муромѣ протопопъ Логгинъ пріобрѣлъ общую любовь прихожанъ своими поученіями [20]). Присоединился къ этому дѣлу и Никонъ, и «отъ умилительныхъ его словесъ слезы и радость приводятъ слышащихъ» [21]).

Оба эти новшества, единогласіе и проповѣдь возбудили сильные недоброжелательные толки въ приверженцахъ старины. Никольскій попъ Прокофій говорилъ гавриловскому попу Ивану: заводите вы, ханжи, ересь новую, единогласное пѣніе и людей въ церкви учить, а мы людей прежде сего въ церкви не учивали, а учили ихъ въ тайнѣ; бѣса вы имѣете въ себѣ, всѣ вы ханжи. И протопопъ благовѣщенскій такой же ханжа, сказалъ онъ, что Господа Саваоѳа видѣлъ; бѣса онъ видѣлъ, а не Бога [22]). Когда я служилъ въ Вяткѣ, у меня въ приходѣ тоже была такая женщина, которая увѣряла, что видитъ Бога, и я изъ нея Божіею милостью выгналъ бѣса». 11-го февраля, въ четвертомъ часу дня собрались въ сѣняхъ тіунской избы священники, и лукинскій попъ Савва, саввинскій попъ Андрей съ Арбата съ товарищами кричали: «намъ къ выбору о единогласіи рукъ, не прикладывать, напередъ бы велѣли прикладывать о единогласіи боярамъ и окольничимъ! любо ли имъ будетъ единогласіе»? Попъ Иванъ возражалъ: «вы презираете Божіе изволеніе, правило святыхъ отецъ, уставъ и государево повелѣніе и святительское благословеніе». Намъ хоть умереть, кричали ему въ отвѣтъ, а къ выбору о единогласіи рукъ не прикладывать! Ты ханжа, еще молодой, уже ты былъ у патріарха въ смиреніи, будешь и еще» [23]).

Рѣзокъ былъ этотъ протестъ защитниковъ многогласія въ Москвѣ, но еще болѣе грубую форму принялъ онъ въ другихъ городахъ. Государь назначилъ Аввакума, принимавшаго по всей вѣро-

---

[19]) Мат. I, 276.

[20]) Ист. опис. рязанской епархіи, т. I, челобитная о возвращеніи Логгина муромскихъ священниковъ епископу Мисаилу.

[21]) Шушеринъ, стр. 23.

[22]) Должно быть, Стефанъ Вонифатьевъ, защищая единогласіе ссылался, въ подтвержденіе своихъ словъ на какое-нибудь видѣніе,—такъ, повидимому, надо понимать слова попа Прокофія.

[23]) Зап. Отд. Слав. и Рус. Археологіи, т. II, стр. 394—397.

ятности участіе въ дѣйствіяхъ Вонифатьева и Неронова по церковному устроенію, протопопомъ входоіерусалимской церкви въ Юрьевецъ Поволской, городокъ, принадлежавшій къ патріаршей области, недалеко отъ котораго когда-то служилъ въ селѣ Никольскомъ Нероновъ [24]). Явившись на новое мѣсто, Аввакумъ усердно началъ вводить единогласное и нарѣчное пѣніе и заботиться о большемъ порядкѣ въ богослуженіи. Кромѣ этого онъ строго обличалъ въ своихъ поученіяхъ пороки мѣстнаго населенія. Можетъ быть, къ этому времени, а можетъ быть, и къ болѣе раннему періоду жизни Аввакума относится та характеристика его ежедневнаго времяпровожденія, которую мы находимъ въ его «Посланіи къ Борису съ братіей». Передъ нами тутъ усердный молитвенникъ, строгій исполнитель обрядовъ, почти аскетъ. Совсѣмъ въ духѣ «Домостроя», Аввакумъ цѣлый день проводитъ въ молитвѣ. Передъ тѣмъ, какъ служить обѣдню, онъ почти не спитъ, или же спитъ «опасно»: «самъ добуду огня, да книгу чту. Егда приспѣетъ заутрени, не спрашиваю пономаря, самъ пошелъ благовѣстить. Пономарь прибѣжитъ. Отдавъ колоколъ, пошедъ въ церковь, и начну полуношницу: докамѣстъ сходятся крылошаня, а я и проговорю въ тѣ поры. Прощаются,—ино Богъ проститъ; а которой дуруетъ, тотъ на чепь добро пожаловать: не раздувай уса—тово у меня». Послѣ продолжительной заутрени говорится «часъ» причастное правило. Послѣ обѣдни читается поученіе. Пообѣдавъ, Аввакумъ два часа спитъ, а затѣмъ принимается за книгу, которую читаетъ до вечерни. «Егда вечерню съ павечернею отпою, послѣ ужины, правило начну». Тутъ поется длинный рядъ молитвъ, кладется не мало земныхъ поклоновъ, а затѣмъ «и огонь погасимъ, да и я, и жена и иные охотники ну-же передъ Христомъ кланятца въ потемкахъ — тѣхъ: я 300 поклоновъ, 600 молитвъ Іисусовыхъ, сто Богородицѣ, а жена 200 поклоновъ, да 400 молитвъ, понеже робятка у нее пищатъ» [25]).

Изъ этого описанія дня мы видимъ, на сколько усердно исполнялъ свои религіозныя обязанности Аввакумъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ясна и его строгость къ другимъ. Онъ проповѣдуетъ, читаетъ поученія, а непокорныхъ своихъ духовныхъ дѣтей сажаетъ и на

---

[24]) Москвитянинъ, 1849 года, статья Сулоцкаго: «Протопопъ Аввакумъ»; Мат. I, 250.

[25]) Мат. т. VIII, стр. 90—92.

цѣнь. Весьма вѣроятно, что такой суровостью, обличительнымъ тономъ его проповѣдей, въ которыхъ все называется своимъ именемъ, и малѣйшій проступокъ вызываетъ рѣзкое осужденіе, слишкомъ ригористическимъ проведеніемъ единогласія, къ которому очень еще трудно привыкать, Аввакумъ скоро возстановилъ противъ себя мѣстное духовенство и народъ; его сперва просили оставить новшества и относиться снисходительнѣе къ разнымъ упущеніямъ въ церковной службѣ: «долго поешь единогласно, намъ дома недосугъ»[26]), заявляли ему. Но такія просьбы и заявленія не могли имѣть въ глазахъ его никакой цѣны, и онъ оставлялъ ихъ безъ вниманія. Тогда перешли отъ словъ къ дѣлу. Черезъ 8 недѣль послѣ прибытія Аввакума въ Юрьевецъ, противъ него поднялся цѣлый бунтъ. Около тысячи человѣкъ собралось съ батогами и рычагами къ патріархову приказу, гдѣ протопопъ въ это время занимался духовными дѣлами; вытащили его на улицу, били батогами и рычагами и полумертваго бросили его подъ избной уголъ. Тутъ подоспѣлъ воевода Денисъ Крюковъ[27]) съ пушкарями, выхватилъ его еле живого изъ рукъ разъяренной толпы, отвелъ домой и приставилъ къ его двору караулъ. Три дня продолжалось буйство народа, хотѣли убить Аввакума, особенно озлоблены были на него попы и бабы, на которыхъ онъ обращалъ преимущественно свои обличенія: «убить вора, бл... сына», кричали они, «да и тѣло собакамъ въ ровъ кинуть». Наконецъ, на третій день ночью Аввакумъ, покинувъ жену и дѣтей, тайкомъ бѣжалъ въ Москву. По дорогѣ заходилъ онъ въ Кострому и узналъ, что отсюда изгнали такого же, какъ онъ самъ, ревнителя церковнаго закона, протопопа Даніила, примыкавшаго къ кружку Вонифатьева и Неронова. Это переселеніе Аввакума въ Москву слѣдуетъ, какъ уже сказано выше, отнести къ 1652 году, когда Аввакумъ привезъ въ Москву деньги въ патріаршій приказъ[28]).

Въ Москвѣ Аввакума, какъ видно изъ его словъ, приняли не особенно ласково, не одобряя его малодушнаго ухода съ мѣста службы. «Духовнику Стефану показался», разсказываетъ онъ, «и онъ на меня учинился печаленъ: на что де церковь соборную по-

[26]) Мат. V, стр. 223.

[27]) Ibid. стр. 123.

[28]) Отвозъ казны не противорѣчитъ факту изгнанія Аввакума, которое протоіерей Николаевскій объясняетъ отчасти сборомъ «сверхъ указныхъ пошлинъ, возбуждавшимъ неудовольствіе народа и духовенства. Хр. Чт. 1891, I, 150—151

кинулъ? Опять мнѣ другое горе! Царь пришелъ къ духовнику благословитца ночью; меня увидѣлъ тутъ; опять кручина; на что де городъ покинулъ?» Но несмотря на этотъ первый пріемъ, благодаря своимъ связямъ съ московскимъ духовенствомъ, Аввакумъ остался въ Москвѣ; мѣста опредѣленнаго онъ не получилъ, а служилъ временно въ церкви Казанской Богоматери съ протопопомъ Іоанномъ Нероновымъ; когда тотъ уѣзжалъ по своимъ дѣламъ, Аввакумъ замѣнялъ его. Однако и при такомъ незначительномъ своемъ оффиціальномъ положеніи, Аввакумъ, по своимъ отношеніямъ съ Вонифатьевымъ и Нероновымъ и благодаря личному знакомству съ царемъ, становится очень важнымъ и вліятельнымъ лицомъ въ средѣ московскаго духовенства, такъ что онъ даже не особенно хлопочетъ о мѣстѣ, хотя и открывалась вакансія дворцоваго священника [29]).

---

[29]) И къ мѣсту, говорили, на дворецъ къ Спасу, на силно покойника мѣсто, да Богъ не изволилъ, а се и у меня раденіе худо было! Мат. V, 17—18.

ГЛАВА II.

Составъ кружка Стефана Вонифатьева.—Стефанъ Вонифатьевъ, Іоаннъ Нероновъ, Аввакумъ и др.—Характеръ дѣятельности кружка.—Отношеніе къ малороссамъ и грекамъ.—Ѳед. Мих. Ртищевъ, Никонъ и ихъ отношеніе къ кружку Вонифатьева. — Новшества съ Запада. — Значеніе патріаршества Іосифа. — Смерть Іосифа и вопросъ объ избраніи новаго патріарха.—Первыя мѣры Никона и протестъ противъ нихъ. — Ссылка Неронова, Логгина, Даніила и Аввакума.

Въ кружкѣ, къ которому примкнулъ Аввакумъ, первое мѣсто, по своему оффиціальному положенію и какъ человѣкъ, имѣвшій сильное вліяніе на царя Алексѣя Михаиловича, занималъ царскій духовникъ, протопопъ Благовѣщенскаго собора, Стефанъ Вонифатьевъ. О происхожденіи и о молодости его намъ почти ничего неизвѣстно, и мы знаемъ его только съ того времени, какъ онъ появляется въ должности царскаго духовника, т. е. съ 1645 или 1646 г. Что это былъ человѣкъ книжный, съ обширной начитанностью, интересовавшійся вопросами нравственными и общественными, мы можемъ судить по дошедшему до насъ сборнику: «Книга, глаголемая Златоустъ», съ подписью по листамъ «Стефана Вонифатьева келейная» [1]). Въ сборникѣ этомъ есть четыре слова русскаго сочиненія, и изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ «Слово о правдѣ», которое Щаповъ приписываетъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ (хотя не указывая основанія) самому Стефану. Въ этомъ «Словѣ» послѣ указанія въ

---

[1]) Калачовъ. Архивъ ист.-юрид. свѣд. Кн. II, 2, стр. 43—50. Филаретъ. Обзоръ рус. дух. лит. (изд. 3-е, Спб. 1884) стр. 232. Щаповъ. Земство и расколъ, стр. 14—16. Каптеревъ op. cit. стр. 102—107.

духѣ теоріи третьяго Рима (что очень важно для характеристики Стефана, будетъ ли онъ признанъ авторомъ или только списателемъ «Слова») на то, что кромѣ «россійскаго языка» нѣтъ нигдѣ правовѣрующаго царя, проповѣдникъ считаетъ необходимымъ намѣтить для этого царя тѣ средства, которыми онъ можетъ подтвердить свое правовѣріе. Тутъ на ряду со вполнѣ обычными, отчасти шаблонными обличеніями вельможъ, пользующихся чужимъ трудомъ, мы встрѣчаемся съ нѣкоторыми реальными чертами русскаго быта; такъ, проповѣдникъ указываетъ на тягость «ямскихъ собраній», въ которыя «много расходится серебра», на притѣсненія сборщиковъ царскихъ податей, которые «подлѣ царскаго указа и себѣ много собираютъ», причемъ много уходитъ также на «ядденія коней»; упоминаются также и «царскіе землемѣрительніи писаріе, отдѣляющіе царевымъ воиномъ землю въ мѣру, и всякому землю въ рознь полагаютъ, и сами много медлятъ и многа брашна у ратаевъ изъядаютъ». Перечисливъ эти недостатки общественнаго строя, авторъ, согласно съ основной своей мыслью о необходимости облегченія земледѣльцевъ, какъ важнѣйшаго класса населенія, рекомендуетъ между прочимъ снять съ нихъ ярмо ямской гоньбы и возложить его на купцовъ, «елицы во градѣхъ продающе и скупающе и прикупы богатѣюще, понеже многа прибытка стяжатели суть»; никакихъ же другихъ тяжестей при этомъ на купцовъ не налагать. Въ трехъ другихъ сочиненіяхъ упомянутаго сборника говорится подробно о русскихъ суевѣріяхъ, о пьянствѣ и церковномъ строеніи.

Кромѣ такихъ литературныхъ поученій Стефанъ Вонифатьевъ дѣйствовалъ на молодого благочестиваго царя и на окружающихъ его бояръ своими личными бесѣдами. По словамъ біографа Неронова, Стефанъ Вонифатьевъ «зѣло пекся, да не совратится умъ царя въ нѣкая злая, и бояръ увѣщеваше со слезами непрестанно, да имутъ судъ правый безъ мзды и не на лица зряще да судятъ». При бракосочетаніи царя съ Маріей Ильиничной Милославской, Стефанъ «и моленіемъ и запрещеніемъ устрои не быти смѣху никаковому, ниже кощунамъ, ни бѣсовскимъ играніямъ, ни пѣснемъ студнымъ, ни сопелному, ни трубному козлогласованію» [2]), такъ что вліяніе Стефана на царя началось очень

---

[2]) Мат. I, стр. 272—273.

скоро послѣ его вступленія въ должность духовника. Всѣ эти наставленія Стефана отличались мягкостью, очень рѣдко онъ рѣшался кого-нибудь оскорблять, а потому и пользовался общею любовью, такъ что даже впослѣдствіи, когда Стефанъ перешелъ на сторону Никоновскихъ новшествъ, Аввакумъ вспоминалъ объ этомъ времени съ полнымъ сочувствіемъ: «Добро было при протопопѣ Стефанѣ, писалъ онъ царю Алексѣю Михаиловичу, яко все быша тихо и немятежно, ради его слезъ и рыданій и негордаго ученія: понеже не губилъ Стефанъ никого до смерти, якоже Никонъ, ниже поощрялъ на убіеніе» [3]). Сочувствіе Аввакума къ Стефану выражается и въ письмѣ его къ Ивану Неронову о о томъ, что Стефанъ «всяко ослабѣлъ» [4]), причемъ въ этомъ сообщеніи не замѣчается никакого озлобленія противъ отступника. Наконецъ, даже во время перваго ареста Аввакума ему принесъ пищу ангелъ «за молитвъ святого отца протопопа Стефана» [5]). Единственный извѣстный намъ примѣръ рѣзкости Стефана упоминается въ челобитной 1649 г. патріарха Іосифа царю Алексѣю Михайловичу. Отсюда мы узнаемъ, что Стефанъ жаловался за что-то царю на патріарха и на весь освященный соборъ, говорилъ, что въ Московскомъ государствѣ нѣтъ Божіей церкви, а патріарха и всѣхъ архіереевъ называлъ волками и губителями [6]). Причина этого столкновенія Стефана съ патріархомъ намъ неизвѣстна, и рѣзкость приведенныхъ отзывовъ нѣсколько противорѣчитъ тому общему впечатлѣнію о мягкомъ характерѣ Стефана, которое получается на основаніи сочувственныхъ ему отзывовъ Аввакума и біографа Неронова, такъ что достовѣрность этихъ отзывовъ можетъ подвергаться нѣкоторому сомнѣнію. Однако строить какія-нибудь опредѣленныя заключенія, исходя изъ этого единичнаго факта, намъ не представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ Стефанъ далеко не отличался такой огнепальной ревностью, упорствомъ, какъ ближайшіе его сотрудники, Нероновъ и Аввакумъ, и, сохраняя къ нимъ впослѣдствіи хорошее личное отношеніе, въ то же самое время съумѣлъ принципіально примириться съ Никоновской реформой

[3]) Ibid. V, стр. 122.

[4]) Ibid. I, стр. 25.

[5]) Ibid. V, стр. 125.

[6]) Каптеревъ, op. cit., стр. 165—166. Братское Слово, 1886 г. т. II, № 17, стр. 492—493.

и отрѣшиться отъ стариннаго Московскаго предубѣжденія противъ малороссовъ и грековъ.

Вторымъ крупнымъ дѣятелемъ въ кружкѣ Стефана является протопопъ Иванъ Нероновъ. Это былъ человѣкъ уже значительно иного характера. Еще юношей онъ пришелъ на Рождественскихъ праздникахъ въ Вологду и, идя мимо какого-то «бѣсовскаго игралища» и «узрѣвъ плищь и различная подобія демонская и видѣвъ домъ великій, изъ негоже исхождаше множество юношей и человѣковъ молодыхъ и состарѣвшихся, бѣсовскому тому игралищу послѣдующихъ», «разжегся духомъ» и началъ обличать принимающихъ участіе въ игрищахъ, за что они, по сказанію «Житія», набросились на него, какъ дикіе звѣри, и били немилостиво, такъ что «Іоаннъ отъ многаго того біенія лежаше, аки мертвъ, отъ вечера даже до полунощи». Затѣмъ «Житіе» сообщаетъ намъ о томъ, какъ Нероновъ учился около Великаго Устюга у нѣкоего богобоязненнаго человѣка, именемъ Тита. Грамота давалась Неронову съ большимъ трудомъ. «Іоаннъ учашеся зѣло медленно, яко единъ букварь учаше лѣто и мѣсяцевъ шесть. И непрестанно моляшеся Господу Богу, да подастъ ему разумъ Божественнаго писанія. Такожде и учитель его, Титъ зѣло печашеся о немъ и недомышляшеся, что будетъ; иногда же и букварь взимаше отъ рукъ его, да не отъимется зрѣніе отъ очію его: егда бо Іоаннъ учашеся, тогда прилежно очима зря въ букварь, непрестанно слезы испущаше. Многажды и учитель, прилежаніе его зря и косенъ того умъ видя, плакаше о немъ». Далѣе въ «Житіи» разсказывается, что всѣ эти трудности разрѣшились чудеснымъ отверзеніемъ ума Іоанна. При всѣхъ житійно-шаблонныхъ прикрасахъ этого повѣствованія, мы видимъ, что въ своемъ ученьѣ Іоаннъ проявилъ не малую настойчивость.

Затѣмъ мы находимъ Іоанна-священникомъ въ селѣ Никольскомъ, около Юрьевца, и тутъ онъ опять выступаетъ въ роли обличителя, нападаетъ на «пьянство и многое безчинство» іереевъ своего села и этимъ такъ возстановляетъ ихъ всѣхъ противъ себя, что они подаютъ на него патріарху Филарету челобитную, подъ которой подписался даже и тесть Іоанна, а также и нѣкоторые міряне. Вслѣдствіе этого Нероновъ вынужденъ былъ тайно ночью бѣжать въ Троицко-Сергіевскую лавру, гдѣ въ это время архимандритомъ былъ знаменитый Діонисій, съ которымъ Іоаннъ много бесѣдуетъ о духовныхъ дѣлахъ и читаетъ Божественное

писаніе. Діонисій принялъ сторону Іоанна, написалъ о томъ патріарху, и послѣ разслѣдованія Іоаннъ возвращенъ былъ назадъ въ село Никольское. «Діяволъ же, не терпя добродѣтели мужа сего, паки наущаше тѣхже нань іереовъ, влагая имъ ненависть велію на истиннаго служителя Божія, и распылахуся зѣло сердцы своими на праведнаго и непрестанно поношаху тому, съ досадами укоряюще его». Такія отношенія стали подъ конецъ невозможными, и Нероновъ удалился въ Лысково. Здѣсь онъ пользовался наставленіями священника Ананіи, въ домѣ котораго онъ жилъ, много успѣлъ въ изученіи Божественнаго писанія и, завершивъ этимъ свое образованіе, съ благословенія Ананіи перешелъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ и начинаетъ служить въ опустѣвшей деревянной церкви Воскресенія Христова. Забота о благоустройствѣ этого храма, строгое и точное исполненіе богослужебнаго чина, постоянное и вполнѣ доступное для простыхъ слушателей толкованіе Священнаго Писанія и твореній отцовъ церкви вскорѣ обратили на Іоанна общее вниманіе и любовь Нижегородскаго населенія, такъ что онъ въ своей дѣятельности уже не ограничивался одной своей церковью, но «исхождаше по стогнамъ града и на торжищи, нося съ собою книгу великаго свѣтильника Іоанна Златоустаго, именуемую Маргаритъ, возвѣщая всѣмъ путь спасенія». Не ограничиваясь одной проповѣдью, Іоаннъ собираетъ пожертвованія на устройство новой каменной церкви, учреждаетъ страннопріимный домъ, въ которомъ за общей трапезой читаются разныя поученія, занимается книжнымъ наученіемъ дѣтей. Къ нему приводятъ бѣсноватыхъ и кликушъ, которыхъ онъ исцѣляетъ святой водой. Въ то же время Іоанну приходится энергично бороться съ скоморохами, которые ходили по городу съ бубнами, съ домрами и съ медвѣдями. На Рождество и на Крещеніе Іоаннъ «въ вечеръ позденъ и въ полунощи хождаше по стогнамъ града, и сражахуся съ бѣсовскими слугами, и повелѣваше ученикамъ своимъ орудія игръ бѣсовскихъ разбивати и сокрушати, и тако сражающеся, многи раны отъ скомраховъ, бѣсовскихъ слугъ, пріемляше Іоаннъ и ученицы его и, носяще страданіе на тѣлѣ своемъ, яко нѣкій даръ, съ радостью, кровью обагрени, еле живы, въ домъ возвращахуся». Можетъ быть, эта борьба съ скоморохами (напоминающая извѣстный эпизодъ изъ жизни Аввакума) была отчасти причиною того гоненія, которому Нероновъ подвергся со стороны

Нижегородскаго воеводы, Өедора Шереметева, тѣмъ болѣе, что Іоаннъ иногда всенародно выступалъ съ обличеніемъ воеводы, который былъ «жестокъ и суровъ зѣло и мздоимецъ». Шереметевъ приказалъ привести Іоанна «на судище и жезліемъ его бити», а затѣмъ посадить въ темницу и наложить «на выю и нозѣ его узы желѣзныя». Заступничество патр. Филарета спасло Неронова отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, онъ былъ выпущенъ изъ темницы и продолжалъ свою проповѣдническую дѣятельность въ Нижнемъ Новгородѣ, причемъ ему не одинъ разъ еще пришлось сталкиваться съ разными лицами въ ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей, какъ онъ ихъ понималъ.

По восшествіи на престолъ царя Алексѣя Михаиловича, Стефанъ Вонифатьевъ, достигнувъ своего вліятельнаго положенія, перевелъ Неронова, какъ человѣка, очень свѣдущаго въ Божественномъ писаніи и словомъ и дѣломъ доказавшаго свою заботу объ устраненіи разныхъ недостатковъ религіозно-нравственной жизни своей паствы, изъ Нижняго Новгорода въ Москву и назначилъ его протопопомъ церкви Казанской Богородицы на Красной площади, «того ради, яко та церковь посреди торжища стоитъ и много народа по вся дни непрестанно въ ней бываетъ, да слышаще его ученіе сладкое, народъ отвратятъ сердца своя отъ злыхъ и навыкнутъ добрыхъ дѣлъ». Переселившись въ Москву, Нероновъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ Нижнемъ Новгородѣ, продолжаетъ свое проповѣдничество и, какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Стефана Вонифатьева и потому лицо очень авторитетное, принимаетъ дѣятельное участіе въ различныхъ церковныхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ улучшенію религіозно-нравственнаго состоянія русскаго общества [7]).

Къ этимъ двумъ лицамъ вскорѣ присоединяются и другіе ревнители. Мы уже говорили объ отношеніи къ нимъ за это время протопопа Аввакума, который и въ Лопатицахъ, и въ Юрьевцѣ Поволгскомъ, и въ Москвѣ дѣйствуетъ по той же программѣ,

---

[7]) Свѣдѣнія о Нероновѣ сообщаются на основаніи его «Житія», помѣщеннаго въ Мат. I, стр. 243—305. Источникъ этотъ достаточно тенденціозный, имѣющій цѣлью представить Неронова святымъ,—поэтому, конечно, далеко не всѣмъ его показаніямъ можно довѣрять. Хорошая біографія Неронова была напечатана Харламовымъ въ Др. и Нов. Россіи, 1881 г., № 1. Недурная критическая провѣрка извѣстій «Житія» Неронова имѣется въ очеркѣ г. Клипуновскаго (Кіев. Унив. Изв. 1886 г.).

что и Вонифатьевъ съ Нероновымъ. По всей вѣроятности, и тѣ невзгоды, которыя пришлось испытать Костромскому протопопу Даніилу, были вызваны также его принадлежностью къ кружку Вонифатьева. Къ этому же кружку принадлежалъ и Муромскій протопопъ Логгинъ, о которомъ съ большой похвалой отзывались жители Мурома въ челобитной къ архіеп. Рязанскому и Муромскому, Мисаилу, прося о его возвращеніи въ ихъ городъ. И о Даніилѣ и о Логгинѣ, какъ сторонникахъ единогласія, упоминаетъ Аввакумъ въ томъ же цитированномъ выше «Посланіи къ Борису».

Относительно всего этого кружка, на основаніи позднѣйшаго свидѣтельства, принадлежащаго Игнатію, митр. Тобольскому, долгое время держалось предположеніе, что члены его были справщиками на печатномъ дворѣ, и даже это ошибочное мнѣніе повторяется въ новѣйшей біографіи Аввакума, написанной г. Мякотинымъ. Г. Мякотинъ признаетъ [8]) «значительное участіе Аввакума во всѣхъ этихъ яко бы исправленіяхъ» и, какъ примѣръ упорства, увѣренности Аввакума въ своей непогрѣшимости, приводитъ споръ Аввакума съ дьякономъ Ѳедоромъ о словахъ 104 псалма: «И вниде Израиль въ Египетъ и возрасти люди своя» которыя *«по недосмотру Аввакума»* были напечатаны неправильно. Но тутъ г. Мякотинъ впадаетъ въ нѣсколько странную ошибку, такъ какъ, во-первыхъ, споръ объ этихъ словахъ происходилъ у Ѳедора съ Аввакумомъ не въ Москвѣ, а въ Пустозерскѣ, во-вторыхъ же (и это самое главное), Псалтырь, въ которой находился искаженный текстъ, напечатана при патр. Іоасафѣ, когда Аввакумъ не могъ принимать никакого участія въ книжныхъ исправленіяхъ [9]). Мнѣніе о томъ, что члены кружка Вонифатьева были справщиками на печатномъ дворѣ, опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ расходныхъ книгахъ печатнаго двора совсѣмъ нѣтъ росписокъ этихъ лицъ въ полученіи ими жалованья, какъ это указалъ В. Г. Румянцевъ, а за нимъ повторили проф. Мансветовъ и митр. Макарій [10]). Послѣдній отмѣтилъ, что

---

[8]) Стр. 42. Такая же ошибка есть и у г. Сырцова (Тобол. Еп. Вѣд. 1885 г. стр. 345), утверждающаго, что царь «назначилъ Аввакума книжнымъ справщикомъ», повелѣвъ поставить его протопопомъ въ Юрьевецъ.

[9]) Мат. VI, стр. 119, 127.

[10]) Румянцевъ. О древнихъ зданіяхъ печатнаго двора (Древности Моск. Арх. Общ. II, отд. I, стр. 32, примѣч. 67). Мансветовъ. Какъ у насъ правились церк. книги (Тв. Св. Отецъ 1883 г. кн. 4, стр. 543). Макарій. Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 126, примѣчаніе.

даже Игнатій Тобольскій не называетъ Вонифатьева и его товарищей *справщиками*, а говоритъ только, что «святѣйшій патріархъ московскій Іосифъ, мужъ престарѣлый, все оно исправленіе книгъ возложи *на совѣтъ* вышеупомянутыхъ протопоповъ и поповъ, и ничтоже о семъ печашеся, ввѣришася бо ему» [11]). Противъ признанія членовъ кружка справщиками можно привести еще слѣдующія соображенія: самъ Аввакумъ, вообще довольно подробно передающій объ обстоятельствахъ своей жизни, ни слова не говоритъ о своемъ участіи въ печатаніи книгъ, а забвеніе такого важнаго факта предположить очень трудно; Нероновъ (и его біографъ) много говоритъ о своемъ значеніи въ патріаршество Іосифа, но ничего не говоритъ о своемъ участіи въ книжномъ исправленіи; дьяконъ Ѳедоръ Ивановъ категорически утверждаетъ о Павлѣ, еп. Коломенскомъ, и о Нероновѣ, что они «у книжныя справы на печатномъ дворѣ не сиживали никогда, и въ наборщикахъ не бывали: вѣдомо о томъ всей Москвѣ [12]).

Отвергнувъ мнѣніе о томъ, что Вонифатьевъ и его товарищи были справщиками, митр. Макарій, сопоставляя приведенныя слова митр. Игнатія со свидѣтельствомъ современника іосифовскихъ исправленій, Арсенія Суханова, о томъ, что «у насъ сидятъ, книги правятъ избранныя люди и безпрестани надъ тѣмъ сидятъ, а надъ тѣми людьми надзираютъ по государеву указу митрополитъ, и архимандритъ и протопопы, кому государь укажетъ и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ государя и патриарха» [13]),— приходитъ къ тому заключенію, что Неронову и Вонифатьеву патр. Іосифъ, какъ лицамъ сильнымъ и авторитетнымъ въ московскомъ духовенствѣ, довѣрилъ главное завѣдываніе изданіемъ книгъ, и они вмѣстѣ съ своими единомышленниками могли своими совѣтами оказывать вліяніе, какъ на справщиковъ, такъ и на самое печатаніе книгъ. Такое среднее рѣшеніе вопроса объ участіи кружка Вонифатьева въ книжномъ исправленіи, по нашему мнѣнію, съ нѣкоторыми ограниченіями представляется болѣе правильнымъ, чѣмъ категорическое отрицаніе такого участія, высказанное Н. Ѳ. Каптеревымъ и повторенное прот. Нико-

[11]) Три посланія Игнатія, митр. Сибирскаго, стр. 91—95.

[12]) Мат. VI, 199.

[13]) Проскинитарій, стр. 345. (Прав. Пал. Сборникъ, 21 вып.).

лаевскимъ. Г. Каптеревъ основываетъ свое отрицаніе на томъ, что указанныхъ лицъ не было въ Москвѣ во время іосифовскихъ исправленій, что Вонифатьевъ появляется въ Москвѣ въ 1645 или 1646 гг., Нероновъ—въ 1646 или 1647 гг., Аввакумъ, Даніилъ и Логгинъ только въ послѣдніе мѣсяцы патріаршества Іосифа (относительно Логгина прот. Николаевскій полагаетъ даже, что онъ прибылъ въ Москву уже при Никонѣ). Можно вполнѣ согласиться съ г. Каптеревымъ въ томъ, что напр. ученіе о двуперстіи внесено въ книги не этими лицами, такъ какъ мы находимъ его уже въ Іосифовской Псалтыри 1642 года; но нельзя не сказать, что его указанія нисколько не исключаютъ возможности участія въ книжныхъ исправленіяхъ, хотя бы только Неронова и Вонифатьева, тѣмъ болѣе, что о послѣднемъ мы имѣемъ вполнѣ опредѣленное, цитируемое и самимъ г. Каптеревымъ (стр. 16) и митр. Макаріемъ, показаніе дьякона Ѳедора о томъ, что «Книга о вѣрѣ правой» «на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и тщательствомъ благаго духовника его, Стефана Вонифатьевича, Благовѣщенскаго нашего протопопа, во время благочестивое и тихое»[14]).

Такимъ образомъ, хотя кружокъ Стефана Вонифатьевъ и не можетъ считаться постояннымъ совѣтомъ патріарха Іосифа при книжномъ исправленіи, но вліяніе нѣкоторыхъ членовъ кружка на это дѣло, хотя бы даже и косвенное, не можетъ подвергаться никакому сомнѣнію. Н. Ѳ. Каптеревъ, отрицающій это вліяніе, опредѣляетъ задачу кружка, какъ борьбу съ разными «церковными безпорядками, господствующими пороками и недостатками въ жизни народа и духовенства»; но такая широкая программа, при которой особенно выдвигалось впередъ наблюденіе за точнымъ выполненіемъ богослужебнаго чина, сама по себѣ сближала Вонифатьева и его товарищей съ вопросомъ о книжномъ исправленіи, ставшимся на очередь независимо отъ нихъ особенно настоятельно въ патріаршество Іосифа.

Какъ установлено изслѣдованіями г. Каптерева и прот. Николаевскаго, въ книжной справѣ при патріархѣ Іосифѣ проявляется новое отношеніе москвичей къ грекамъ и малороссамъ. И на тѣхъ

---

[14]) Мат. VI, 143. Совершенно ни на чемъ не основано указаніе Сахарова (Оп. сл.-рус. библіогр. № 519), будто во время печатанія Іосифовской Кормчей былъ справщикомъ дьяконъ Ѳедоръ Ивановъ.

и на другихъ очень долго держался у насъ, отчасти поддерживавшійся правительствомъ, но особенно распространенный въ обществѣ, взглядъ, что они не тверды въ своемъ православіи. По отношенію къ малороссамъ особенною подозрительностью отличалось время патріарха Филарета, который изъ личныхъ наблюденій въ польскомъ плѣну надъ бытомъ западноруссовъ пришелъ къ крайне отрицательному на нихъ взгляду, и свое недовѣріе къ нимъ осуществлялъ въ цѣломъ рядѣ мѣръ, (запрещеніе литовской печати книгъ, испытаніе приходящихъ изъ Бѣлоруссіи), направленныхъ противъ вторженія къ намъ разныхъ неправославныхъ ученій изъ Западной Россіи. Послѣ смерти Филарета Никитича, въ кратковременное правленіе патріарха Іоасафа I, отношенія церковной власти къ кіевлянамъ смягчаются, но въ обществѣ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ не отмѣненныхъ постановленій Филарета, всетаки сохраняется недовѣріе къ православію южноруссовъ, удерживающееся и впослѣдствіи.

Подозрительное отношеніе къ грекамъ вызвано было Флорентійской уніей и паденіемъ Константинополя, въ которомъ видѣли наказаніе Божіе за отступничество. Прежде всего это выразилось въ преніяхъ съ преподобнымъ Евфросиномъ Псковскимъ, противники котораго объясняли, что греки «отъ истины свернулися и печать антихристову на челѣ и десницѣ пріяша». Посланія старца Елеазарова монастыря, Филоѳея, установивъ теорію о Москвѣ—третьемъ Римѣ, еще болѣе укрѣпили убѣжденіе въ неправославіи грековъ и въ исключительномъ положеніи Москвы, какъ хранительницы чистой Христовой вѣры.

Отрицательный взглядъ на грековъ поддерживался въ значительной мѣрѣ поведеніемъ тѣхъ грековъ, которые довольно часто являлись въ Москву по торговымъ или церковнымъ дѣламъ. Греки торговцы, приходя на Русь, обижали русскихъ, прибѣгали ко всевозможнымъ мошенничествамъ, продавали напр. стеклянныя поддѣлки вмѣсто драгоцѣнныхъ камней и жемчуга [15]). Нисколько не лучше были и духовныя лица, приходившія за подаяніемъ. Очень часто это бывали самозванцы. Крижаничъ разсказываетъ объ одномъ такомъ самозванцѣ, Софроніи, который силою заставлялъ его сочинить подложную грамоту отъ Цареградскаго патріарха [16]). Крижаничъ замѣчательно ярко характеризуетъ дѣйствія

[15]) Крижаничъ. Русск. госуд. въ XVII ст. т. II, стр. 190.
[16]) Ibid, стр. 191.

грековъ на Руси. «Корыстолюбивые греки, говоритъ онъ, подъ сѣнью благочестія волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды и совершаютъ многіе поступки противъ святыхъ правилъ, черезъ что падаетъ добрый церковный порядокъ. Всякія святыни они обращаютъ въ товаръ (между прочимъ они провозили массами въ Москву святыя мощи и другіе священные предметы, будто бы въ даръ, но за нихъ непремѣнно получали большія суммы денегъ)— и готовы продать намъ тысячу разъ Христа, коего Іуда продалъ лишь одинъ разъ. За пѣнязи они посвящаютъ свинопасовъ и мясниковъ, которыхъ не посвятили въ Бѣлой Россіи свои епископы. За пѣнязи разрѣшаютъ всякіе браки и позволяютъ одному мужу перемѣнить пять, шесть женъ, отсылая старыхъ въ монастырь. За пѣнязи отпускаютъ людямъ грѣхи ихъ, безъ исповѣди и безъ покаянія; даютъ разрѣшительныя грамоты тому, кто даетъ деньги, и такимъ образомъ отсылаютъ души прямо въ адъ. За пѣнязи продаютъ святое мνро. Изъ-за денегъ скитаются и выдумываютъ предлоги для нищенства и выпрашиванія милостыни»[17]). Такою испорченностью отличались не только простые греки, торговцы и духовныя лица низшихъ разрядовъ, — не лучше были и епископы. Такъ, Іерусалимскій патріархъ Паисій въ своихъ корыстолюбивыхъ разсчетахъ не особенно стѣснялся какими-либо нравственными соображеніями, какъ это видно напр. изъ слѣдующаго разсказа Павла, архидіакона Алеппскаго: «Въ дѣйствительности въ свитѣ патріарха было не болѣе 35 человѣкъ; въ этомъ числѣ было достаточно архимандритовъ, священниковъ и монаховъ, а равно родственниковъ патріарха, его племянниковъ и братьевъ, также архонтовъ, которыхъ онъ жаловалъ, сколько ему было угодно, титуломъ архонта изъ купцовъ и проч.; потому что любить блескъ и величіе—въ натурѣ грековъ. Но затѣмъ патріархъ еще набралъ въ число своихъ спутниковъ разнаго сброда и въ спискѣ назвалъ ихъ священниками, архимандритами и клириками разныхъ монастырей, и это все для того, чтобы, благодаря сопутничеству большей свиты, получить большую милостыню, потому что всѣ пожертвованія, которыя шли патріаршимъ спутникамъ и ихъ монастырямъ, патріархъ отъ перваго до послѣдняго бралъ себѣ. Такъ же обирались и купцы, пожалованные въ архонты»[18]).

---

[17]) Ibid. т. I, стр. 206.

[18]) Терновскій. Изученіе Визант. исторіи и ея тенденц. прилож. въ др. Руси, т. II, стр. 48.

Между прочимъ въ свитѣ этого патріарха попалъ въ Москву и будущій главный справщикъ при патріархѣ Никонѣ, старецъ Арсеній Грекъ. О немъ очень враждебно отзывались всѣ наши расколоучители, и въ свое время о немъ далъ неодобрительный отзывъ Арсеній Сухановъ, и даже самъ патріархъ Паисій высказалъ сомнѣніе въ его православіи. Впослѣдствіи Никонъ оправдывалъ Арсенія отъ этихъ нареканій и говорилъ Неронову, что Арсенія Грека оболгалъ изъ ненависти къ нему Арсеній Сухановъ. Между тѣмъ на основаніи несомнѣнныхъ архивныхъ данныхъ, сохранившихъ собственныя показанія Арсенія Грека, мы знаемъ, что это былъ человѣкъ чрезвычайно покладистыхъ религіозныхъ убѣжденій. Учась въ Венеціи въ іезуитскомъ коллегіумѣ, онъ былъ католикомъ; въ Царьградѣ возвратился въ православіе, принималъ разъ магометанство, въ Молдавіи опять перешелъ въ православіе, въ Польшѣ былъ уніатомъ; попавши въ Соловецкій монастырь, до того умѣло притворялся, крестился двумя перстами, хвалилъ мѣстные обряды, говорилъ монахамъ: «воистину, братіе у насъ и половины вѣры нѣтъ», и такъ расположилъ ихъ къ себѣ, что они дали о немъ Никону очень хорошій отзывъ [19]).

Такого рода образцы нравственнаго паденія грековъ еще сильнѣе подкрѣпляли установившійся отрицательный взглядъ москвичей на греческое православіе. Сами восточные святители иногда высказываютъ такія мнѣнія, которыя вполнѣ, повидимому, подтверждаютъ церковное первенство Московскаго государства на всемъ православномъ Востокѣ. Патріархъ Цареградскій Іеремія говорилъ царю Θеодору Іоанновичу: «Понеже убо ветхій Римъ падеся Аполлинаріевою ересью, вторый же Римъ, иже есть Костянтинополь, Агарянскими внуцы отъ безбожныхъ Турокъ обладаемъ, твое же, о благочестивый царю, *великое россійское царствіе, третій Римъ благочестіемъ всѣхъ превзыде*, и вся благочестивая царствія въ твое едино собрася и ты единъ подъ небесемъ христіанскій царь именуешися во всей вселенней, во всѣхъ христіанехъ, и по Божію промыслу и Пречистыя Богородицы милости и молитвъ ради новыхъ чудотворцевъ великаго россійскаго царствія» [20]). Съ большой похвалой отзывался о московскомъ пра-

---

[19]) Макарій. Ист. рус. церкви, т. XII, стр. 154 — 165. Терновскій. Op. cit. т. II, стр. 83 — 87. Чтенія Общ. Люб. Дух. Просв. 1881 г. іюль (статья Н. Θ. Каптерева). Хр. Чт. 1891, II, стр. 165—176.

[20]) Собр. гос. гр. и дог. II, № 59.

вославіи также и Θеофанъ, патр. іерусалимскій, говоря царю Михаилу Θеодоровичу и патр. Филарету: «зрѣхъ на востоцѣ и на полудни святымъ Божіимъ церквамъ запустѣніе и православнымъ христіаномъ святого греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшеніе ниоткуда нѣсть, точію слухъ благочестиваго христіанскаго царя, яко ты единъ на вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовой» [21]).

Отрицательный взглядъ москвичей на грековъ нашелъ для себя самое полное и яркое выраженіе въ преніяхъ съ греками Арсенія Суханова, который между прочимъ развивалъ такую мысль: «Послушайте, былъ у Бога возлюбленный родъ Израиль и егда Бога не позна, и Господь Богъ ихъ отверже и предаде ихъ въ запустѣніе. Вмѣсто Израиля Богъ принялъ васъ, грековъ и прочихъ вѣрующихъ, и церкви жидовскія разорены и вмѣсто нихъ созданы церкви христіанскія, и отъ того времени и вы, греки, разгордѣстеся надъ многими и называетеся всѣмъ источникомъ въ вѣрѣ, и за то ваше высокоуміе, видите, и васъ Богъ отринулъ и царство ваше предалъ Богъ басурманомъ и васъ всѣхъ въ неволю, и дѣтей вашихъ емлютъ неволею въ янычары и многихъ басурманятъ, и церкви ваши мечетьми учинены, и женъ вашихъ басурманы за себя емлютъ, и посемъ какъ вамъ быти намъ учителями и источникомъ? У басурмановъ живете подъ началомъ и сами себя просвѣтить не можете, будучи вамъ у темной власти подъ началомъ; и пустою гордостью называетеся всѣмъ источникомъ, но прошу васъ, скажите мнѣ, кого вы своимъ источникъ напоисте и ученіемъ просвѣтили. Мощно видѣти, мало вы не все обасурманились, возлѣ поганства живучи, и церкви ваши помечетены, и просто молвить, только слѣдъ знать, что было у васъ христіанство да миновалось» [22]).

Но рядомъ съ этими отрицательными взглядами на малороссовъ и грековъ, въ Москву постепенно, съ одобренія правительственныхъ круговъ, проникаетъ другое къ нимъ отношеніе и этимъ облегчается возможность вліянія на москвичей западно-русской и греческой образованности. Такого рода новое теченіе прежде всего обнаруживается въ дѣятельности Московскаго печатнаго двора во время патріаршества Іосифа, такъ какъ издается рядъ

---

[21]) Д. А. И. т. II, № 76.

[22]) Проскинитарій (Прав. Пал. Общ.), стр. 355—356.

переводовъ западно-русскихъ произведеній. «Кириллова книга», напечатанная въ 1644 г., составлена протопопомъ Черниговскаго московскаго собора, Михаиломъ Роговымъ, цѣликомъ изъ полемическихъ сочиненій южно-русскихъ писателей: Стефана Зизанія, Захаріи Копыстенскаго, Василія, священника Острожскаго [23]). Въ 1648 г. издана «Славянская грамматика» Мелетія Смотрицкаго, и въ предисловіи къ ней помѣщены разсужденія о важности изученія грамматики для исправленія книгъ, такъ какъ прежніе справщики, «неискусные въ разумѣ и хитрости грамматикійстѣй», вмѣсто исправленія «наибольше испортили» книги. Въ томъ же году печатается «Книга о вѣрѣ», составленная игуменомъ Кіевскаго Михайловскаго монастыря, Нафанаиломъ. Въ январѣ 1649 г. выходитъ еще одинъ переводъ южно-русскаго изданія, такъ называемый «Малый катехизисъ» Петра Могилы [24]). Въ 1650 г. напечатана въ первый разъ «Кормчая книга», въ которую внесена глава «о тайнѣ супружества», заимствованная изъ Требника Петра Могилы, а сюда включенная изъ католическихъ требниковъ [25]). Печатая эти переводы южно-русскихъ произведеній, книжные справщики временъ патріарха Іосифа и при исправленіи богослужебныхъ книгъ, начинаютъ ихъ свѣрять съ отрицавшимися ранѣе западно-русскими изданіями: такъ, напечатанное въ 1652 г. «Учительное Евангеліе» сличено, по ихъ заявленію, между прочимъ и съ книгами Острожской печати [26]).

Вліяніе западно-русское и греческое выражается также и въ вопросѣ объ учрежденіи въ Москвѣ школы. Мысль о школѣ была не новая. Еще въ 1593 г. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ писалъ царю Ѳеодору Іоанновичу: «Устрой у себя, царь, греческое училище (φροντιστήριον μαθημάτων ἑλληνικῶν), какъ живую искру священной мудрости, потому что у насъ источникъ мудрости грозитъ изсякнуть до основанія» [27]). Но не было ничего сдѣлано, и первая попытка учредить школу относится ко времени патріарха Филарета. Въ началѣ сентября 1632 г. пріѣхалъ въ Москву протосинкеллъ Александрійскаго патріарха, архимандритъ

---

[23]) Сахаровъ. Обозр. сл.-рус. библ. № 442. Каптеревъ, op. cit. стр. 13—15.

[24]) Сахаровъ №№ 501 и 510. Каптеревъ, стр. 14—17.

[25]) Горчаковъ. О тайнѣ супружества.

[26]) Строевъ. Опис. старопеч. книгъ Царскаго, № 176.

[27]) Малышевскій. Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасъ и его участіе въ дѣлахъ русской церкви, т. II, стр. 10.

Іосифъ. Ему было предложено остаться въ Москвѣ на службѣ, и въ грамотѣ ему отъ царя и патріарха говорилось: «быти ему въ нашемъ государствѣ и служити намъ духовными дѣлы, переводити ему греческія книги на словенскій языкъ и учити на учительномъ дворѣ малыхъ робятъ греческаго языка и грамотѣ, да ему же переводити книги съ греческаго языка на словенскій языкъ на латынскіе ереси» [28]). Такимъ образомъ мы узнаемъ, что въ Москвѣ былъ или учреждался въ это время особый учительный дворъ, на которомъ Іосифъ долженъ былъ обучать дѣтей, можетъ быть, для того, чтобы приготовить себѣ преемниковъ въ переводахъ. Но этой школѣ не суждено было долго просуществовать: она закрылась, какъ думаетъ митрополитъ Макарій, со смертью архимандрита Іосифа; а кромѣ того, она не могла принести большой пользы въ смыслѣ обученія, такъ какъ, по предположенію г. Каптерева, главнымъ дѣломъ Іосифа были все-таки переводы съ греческаго на славянскій языкъ, и въ Москвѣ заботились въ это время о прісканіи вмѣсто Іосифа другого учителя. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключать на основаніи грамоты къ царю Михаилу Ѳеодоровичу константинопольскаго патріарха Кирилла Лукариса, который писалъ: «Я нынѣ хотѣлъ прислать къ вамъ, великимъ государямъ, учителя Киріака отъ святой Аѳонскія горы, но онъ ѣхать не могъ, потому что старъ и безсиленъ; сказывалъ мнѣ архимандритъ Амфилохій, чтобы прислать къ вамъ, великимъ государямъ, иного учителя, и я буду впредь сыскивать» [29]).

Въ 1640 г. кіевскій митрополитъ Петръ Могила предлагалъ царю Михаилу Ѳеодоровичу устроить въ Москвѣ училище, въ которомъ кіевскіе монахи обучали бы дѣтей греческому и славянскому языкамъ [30]), но этой мысли суждено было осуществиться только въ слѣдующее царствованіе. Черезъ пять лѣтъ послѣ этого, уже при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ прибыло въ Москву отъ собора восточныхъ патріарховъ торжественное посольство, во главѣ котораго стоялъ Ѳеофанъ, митрополитъ палеопатрасскій. Ѳеофанъ подалъ царю очень интересную записку, въ которой указывалъ на бѣдственное состояніе православной церкви на востокѣ. Онъ говорилъ, что латины и люторы, пользуясь тѣмъ,

---

[28]) Макарій. Ист. рус. церкви, т. XI, стр. 72.

[29]) Чт. Общ. Люб. Дух. Просв. 1881 г. іюль. стр. 73.

[30]) Акты Ю. и З. Россіи, т. III. №№ 33 и 34.

что у грековъ нѣтъ своихъ типографій, печатаютъ ихъ богослужебныя книги, творенія св. отцовъ, и наполняютъ ихъ разными своими искаженіями, «вмѣщаютъ лютое зеліе, поганую свою ересь». Бороться съ ними невозможно, потому что они пересиливаютъ деньгами. Патріархъ Кириллъ Лукарисъ попробовалъ завести свою типографію, но они предали его невѣрнымъ басурманамъ, испортили печать, причинили на 10.000 руб. убытку, такъ что онъ едва спасся. Единственная надежда у грековъ на православнаго великаго русскаго государя. Извѣщая все это государю, Ѳеофанъ обращался къ нему со слѣдующей просьбой: «Да повелиши быть греческой грамотѣ и пріѣхати греческому учителю учить русскихъ дѣтей философства и богословія, греческому языку и по русскому; тогда будутъ переводить многія книги греческія на русскій языкъ, которыя не переведены, и будетъ великое надобе на обѣ стороны и великая доброта, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ, да исполнятся во всемъ мірѣ православныя христіанскія книги, и не будетъ нужды тѣми составленными римскими и люторскими книгами. Здѣся исполнятся древнія книги, будутъ ихъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво» [31]). Вѣроятно, вслѣдствіе этой записки Ѳеофану было поручено пригласить такого учителя, и, по его рекомендаціи, въ 1646 г. прибылъ въ Москву цареградскій архимандритъ Венедиктъ, который прожилъ здѣсь до мая слѣдующаго года. Однако онъ здѣсь не понравился, какіе-то люди, считавшіе себя, по его словамъ, «великими учеными и мудрецами», находили, что онъ не пригоденъ для того дѣла, которое ему предполагалось поручить. Чтобы чѣмъ-нибудь его занять, ему дали переводить латинскую книгу объ индѣйскомъ царствѣ, которую онъ и перевелъ со своимъ толмачемъ, Ивашкой Соболевымъ. Обнаружились разные не совсѣмъ чистые въ нравственномъ отношеніи поступки Венедикта, и, наконецъ, ему дали милостыню, посовѣтовали не называться впредь учителемъ и отправили на родину [32]).

Въ 1649 г. произошло очень важное обстоятельство, подѣй-

---

[31]) Записка Ѳеофана издана г. Каптеревымъ въ Чт. Общ. Люб. Дух. Пр. 1881 г., іюль, стр. 71—77.

[32]) Каптеревъ. Характеръ отношеній Россіи къ прав. Востоку, стр. 240—242 Хр. Чт. 1882 г. I, стр. 162—163.

ствовавшее и на ходъ книжныхъ исправленій, въ смыслѣ усиленія греческаго вліянія, и отразившееся также и на школьномъ вопросѣ: это былъ пріѣздъ въ Москву іерусалимскаго патріарха Паисія, который чуть ли не съ первыхъ же дней своего пребыванія въ Москвѣ началъ относиться критически къ замѣчаемымъ имъ особенностямъ московской церковной жизни, указывая нѣкоторымъ изъ своихъ московскихъ вліятельныхъ знакомыхъ на необходимость исправленія обрядовъ русской церкви и согласованія ихъ съ греческими. Изъ этихъ знакомцевъ Паисія, которымъ онъ передавалъ свои «зазиранія», особенно понравился ему молодой Новоспасскій архимандритъ, Никонъ; въ письмѣ своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу Паисій отзывается, что Никонъ «мужъ благоговѣйный и преданный государю», что ему полюбилась бесѣда Никона, а потому онъ и проситъ позволенія свободно съ нимъ видѣться и разговаривать. Изъ такого сближенія Никона съ Паисіемъ можно заключить, что уже въ это время даровитый будущій патріархъ отказывается отъ прежняго своего, истекавшаго изъ старинныхъ предразсудковъ, взгляда на грековъ и малороссовъ, а каковъ былъ этотъ взглядъ, мы можемъ судить по тѣмъ словамъ, которыя впослѣдствіи говорилъ Никону Иванъ Нероновъ [33]): «Святитель, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешь, благовѣрны и благочестніи тѣхъ родителей нарицаешь, а мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говаривалъ намъ: гречане де и Малые Россіи потеряли вѣру и крѣпости и добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ, покой де и честь тѣхъ прельстила, и своимъ нравомъ работаютъ, а постоянства въ нихъ не объявилося и благочестія ни мало».

Другимъ собесѣдникомъ патріарха Паисія былъ, по предположенію прот. Николаевскаго, Стефанъ Вонифатьевъ, и приведенный нами выше эпизодъ столкновенія Вонифатьева съ патріархомъ Іосифомъ прот. Николаевскій объясняетъ тѣмъ, что «Вонифатьевъ въ своихъ представленіяхъ царю высказалъ недовольство слабыми сторонами въ современномъ состояніи церковныхъ дѣлъ въ Россіи, въ лицѣ патріарха и освященнаго собора обвинялъ мѣстную церковную власть въ допущеніи и усиленіи церковныхъ безпорядковъ, указывалъ на необходимость исправленія

[33]) Мат. I, стр. 149—160.

этихъ безпорядковъ и въ этомъ дѣлѣ предлагалъ признать авторитетъ только что прибывшаго въ Москву греческаго патріарха и согласно съ его замѣчаніями стремиться къ полному единству русскихъ церковныхъ порядковъ съ греческими» [34]). Что Стефанъ Вонифатьевъ могъ въ это время сочувственно относиться къ указаніямъ греческаго іерарха, весьма вѣроятно, такъ какъ за годъ передъ этимъ онъ обнаружилъ уже свое довѣрчивое отношеніе къ малороссамъ изданіемъ «Книги о вѣрѣ», и слѣдовательно тогда же могъ склоняться къ болѣе выгодному мнѣнію о грекахъ. Однако изъ этого еще нельзя вывести положительнаго заключенія о причинахъ его столкновенія съ патріархомъ Іосифомъ, такъ какъ въ сущности въ отношеніяхъ къ грекамъ, какъ это доказалъ г. Каптеревъ, патр. Іосифъ держался тоже взгляда примирительнаго, считая ихъ вполнѣ православными и высказывая это между прочимъ въ своихъ отвѣтахъ иноземцамъ по дѣлу королевича Вальдемара. Въ свою очередь и г. Каптеревъ, кажется намъ, неправъ, видя въ Стефанѣ противника грековъ; во всякомъ же случаѣ объясненіе причинъ описанной ссоры, даваемое г. Каптеревымъ, представляется весьма вѣроятнымъ: патріархъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на авторитетное положеніе Вонифатьева и его кружка, желавшихъ подчинить его своему водительству, и совсѣмъ не могъ согласиться на ограниченіе своихъ правъ верховнаго управленія церковью. Весьма возможно, что медленность патріарха въ исполненіи какихъ-нибудь основательныхъ требованій Вонифатьева, въ это время уже вполнѣ расположеннаго къ исправленіямъ въ духѣ пришлыхъ учителей, грековъ и малороссовъ, и вызвала этотъ рѣзкій протестъ царскаго духовника. Ни въ какомъ случаѣ, намъ кажется, не можетъ быть принято мнѣніе неизвѣстнаго издателя челобитной Іосифа въ «Братскомъ Словѣ», будто «дѣло касалось *безъ сомнѣнія* какого-нибудь мелкаго нарушенія въ обрядѣ или чинѣ богослуженія, какого-нибудь неправильнаго, по мнѣнію Вонифатьева, распоряженія по церковному управленію» [35]). Врядъ ли такая маловажная причина могла такъ возбудить Стефана, что онъ подвергъ бы столь рѣзкому поношенію патріарха и весь освященный соборъ,—мы знаемъ, что Стефанъ былъ всетаки достаточно мягкаго характера, а кромѣ того

[34]) Хр. Чт. 1891 г. т. I, стр. 164—165.

[35]) Братское Слово, 1886 г. т. II, стр. 494—498.

за неосновательность своего протеста Стефану, конечно, пришлось бы понести отвѣтственность (хотя, конечно, не въ формѣ смертной казни, какъ этого требовалъ патріархъ Іосифъ); между тѣмъ челобитная патріарха осталась безъ всякихъ послѣдствій, Стефанъ сохранилъ свое мѣсто царскаго духовника и свое вліятельное положеніе, продолжая выдвигать впередъ тѣхъ людей, которые казались отвѣчающими его планамъ, и проводя въ церковную практику свои начертанія, какъ напр., въ вопросѣ о единогласіи.

По поводу сближенія Никона и Стефана съ греками и малороссами, вѣроятно, уже въ это время высказывалось нѣкоторое неодобреніе иными изъ членовъ кружка Стефана: такъ по крайней мѣрѣ можно заключить изъ двухъ замѣчаній Неронова о томъ, что онъ противорѣчилъ въ чемъ-то Никону и Стефану. Въ челобитной царю Алексѣю Михаиловичу въ 1654 г. Нероновъ заявляетъ: «по приказу отца священнопротопопа Стеѳана Ниѳантьевича, всяко покореніе и любовь показывалъ азъ къ Никону патріарху, еще онъ былъ въ архимандритѣхъ и въ митрополитѣхъ, и льстивыхъ словъ ему, господину, не говорилъ, но все по истиннѣ истинну, да не слушаетъ клеветниковъ»[36]); а въ письмѣ къ Стефану отъ того же года Нероновъ говоритъ, что живучи на Москѣ, онъ «много стужалъ» Стефану и «много говорилъ жестоко и противно»[37]).

Кромѣ этихъ двухъ лицъ, очень можетъ быть, что пріѣздъ патріарха Паисія имѣлъ значеніе и для ихъ друга, Ѳ. М. Ртищева, давъ новый толчокъ его стремленіямъ къ насажденію въ Москвѣ школьнаго ученія. Паисій, по всей вѣроятности, указывалъ такъ же, какъ и ранѣе его приходившіе греческіе іерархи, на пользу учрежденія въ Мосвѣ школы, и въ качествѣ учителя риторики въ этой будущей школѣ, былъ оставленъ въ Москвѣ и Арсеній Грекъ. Кромѣ этого царь просилъ патріарха Паисія пріискать на Востокѣ между учеными греками «учителя премудраго и православнаго, который не имѣлъ бы никакого порока въ благочестивой вѣрѣ, да учинитъ учительство и учить эллинскій языкъ». Въ этомъ же году, по порученію патріарха Іосифа, грекъ Тафрали пріискалъ на Востокѣ учителя «смышленнаго эллинскому языку и разсудителя евангельскому слову», Мелетія Сирига[38]). Во время

[36]) Мат. I, стр. 67—68.
[37]) Мат. I, стр. 77.
[38]) Каптеревъ. Отнош. Россіи къ прав. Востоку, стр. 477 и слѣд.

же пребыванія патріарха Паисія въ Москвѣ царь Алексѣй Михайловичъ писалъ преемнику Петра Могилы, кіевскому митрополиту Сильвестру Коссову, прося «приговорити и прислати» въ Москву священноиноковъ Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго, которые «Божественнаго писанія вѣдущи и еллинскому языку навычны, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь умѣютъ, и латынскую рѣчь достаточно знаютъ». Вызывались эти учители для перевода Библіи на славянскій языкъ [39]). 12 іюля митрополитъ прислалъ Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, а въ ноябрѣ 1650 г. пріѣхалъ Дамаскинъ Птицкій. Между прочимъ этимъ ученымъ кіевлянамъ предполагалось поручить и «риторское ученіе» [40]), но школы они не создали. Въ то же время, или нѣсколько ранѣе, какъ предполагаетъ митр. Макарій [41]), Ѳ. М. Ртищевъ основалъ свое училище близъ дороги изъ Москвы въ Кіевъ, у церкви св. Андрея Стратилата, въ двухъ поприщахъ отъ Москвы. Здѣсь онъ построилъ монастырь во имя Св. Преображенія Господня и поселилъ тридцать монаховъ, вызванныхъ изъ Кіево-Печерской Лавры, изъ Межигорскаго и др. малороссійскихъ монастырей, «въ житіи и чинѣ и во чтеніи и пѣніи церковномъ и келейномъ правилѣ изрядныхъ». Въ настоятели имъ онъ выбралъ Досиѳея. Кромѣ этихъ иноковъ Ртищевъ былъ въ сношеніяхъ съ Епифаніемъ Славинецкимъ и др. учеными малороссами; онъ любилъ ученыхъ людей и проводилъ съ ними иногда цѣлыя ночи въ любезномъ собесѣдованіи; онъ постоянно заботился о матеріальномъ благосостояніи своего монастыря, давалъ ему все потребное изъ своего имѣнія; благодаря такому дѣятельному его участію, монахи успѣшно вели дѣло обученія московскаго юношества, а также перевели съ греческаго на славянскій языкъ много душеполезныхъ книгъ [42]).

---

[39]) П. С. З. № 7.

[40]) Каптеревъ. Патр. Никонъ, стр. 98. Хр. Чт. 1891, I, стр. 169.

[41]) Макарій. Ист. р. ц. XI, стр. 133.

[42]) Древн. Росс. Вивл. т. XVII, стр. 400—401.—Г. Иванъ Соколовъ полагаетъ, что Ртищевъ пришелъ къ своей мудрой мысли подъ вліяніемъ нѣмцевъ; «что частыя бесѣды его съ образованными нѣмцами, для которыхъ всегда былъ открытъ его домъ, обычныя ихъ похвалы, какъ протестантскія книги ихъ вѣрны во всемъ съ первоначальнымъ греческимъ текстомъ, пробудили въ немъ пытливое желаніе узнать, да «какъ прямы наши служебники, отечники и биб-

Новшество, заводимое Ртищевымъ, обращало на себя общее вниманіе и возбуждало различные толки, далеко не всегда сочувственные. Извѣстное подозрительное отношеніе москвичей къ малороссамъ было распространено и на монаховъ, вызванныхъ Ртищевымъ: ихъ тоже заподозрили въ неправославіи и опасались итти къ нимъ въ науку. Въ 1650 году, апрѣля 3 заявилъ окольничему Ивану Андреевичу Милославскому чернецъ Саулъ, что есть за нимъ государево дѣло, и просилъ про тотъ извѣтъ его доложить государю. Окольничій доложилъ,—и чернецъ Саулъ сказалъ предъ государемъ: «въ нынѣшнюю зиму, 5 марта приходили къ нему, Саулу, въ келію Иванъ Васильевичъ Засѣцкій да Лукьянъ Тимоѳеевъ Голосовъ да Благовѣщенскаго собора (въ которомъ служилъ Стефанъ Вонифатьевъ) дьячекъ Константинъ Ивановъ и между собою шептали: «учится у кіевлянъ Федоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть». Голосовъ говорилъ: «Извѣсти Благовѣщенскому протопопу, что я у кіевскихъ чернецовъ учиться не хочу, старцы недобрые, я въ нихъ добра не познала; теперь я маню Ѳедору Ртищеву, боясь его, а впередъ учиться никакъ не хочу; кто по-латыни научится, тотъ съ праваго пути совратится. Да и о томъ вспомяни протопопу, поѣхали въ Кіевъ учиться Перфилька Зеркальниковъ да Иванъ Озеровъ [13]), а грамоту проѣзжую Ѳедоръ Ртищевъ промыслилъ; поѣхали они доучиваться у старцевъ кіевлянъ по-латыни, и какъ выучатся и будутъ назадъ, то отъ нихъ будутъ великія хлопоты; надобно ихъ воротить назадъ; и такъ они всѣхъ укоряютъ и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ, Ивана, Степана и другихъ. Дьячекъ Костка отвѣчалъ на это: «мнѣ и попъ Ѳома говорилъ: «Скажи, пожалуй, какъ быть? Дѣти

лія съ ихъ первобытнымъ текстомъ». (Соколовъ. Отношеніе протестантизма къ Россіи, стр. 206). Очень можетъ быть, что нѣмцы имѣли тутъ нѣкоторое косвенное вліяніе, но врядъ-ли оно было очень велико; убѣжденіе въ «непрямости» нашихъ книгъ существовало давно, а въ это время повторялось особенно въ «зазираніяхъ» патріарха Паисія; сознаніе необходимости школы тоже далеко не было новостью, и учрежденіе Ртищевской школы имѣетъ свой источникъ скорѣе всего въ проектѣ Петра Могилы, осуществленіемъ котораго оно является, а не въ «бесѣдахъ» Ртищева съ нѣмцами, при чемъ о содержаніи этихъ бесѣдъ намъ ничего неизвѣстно изъ доступныхъ намъ источниковъ.

[13]) Этотъ Иванъ Озеровъ былъ при патр. Никонѣ справщикомъ печатнаго двора и пользовался особеннымъ расположеніемъ патріарха. Хр. Чт. 1891, II, стр. 165.

мои духовные Иванъ Озеровъ и Перфилій Зеркальниковъ просятся въ Кіевъ учиться». Я ему говорилъ: «Не отпускай, Бога ради,—Богъ на твоей душѣ за это взыщетъ»,—а Ѳома говоритъ: «Радъ бы не отпустить, да они безпрестанно со слезами просятся, и меня мало слушаютъ и ни во что ставятъ». Потомъ Лукьянъ и Иванъ про боярина Бориса Ивановича Морозова говорили между собою тихонько: «Борисъ де Ивановичъ держитъ отца духовнаго для прилики людской и началъ жаловать кіевлянъ, а это уже явное дѣло, что туда же уклонился къ такимъ же ересямъ» [44]). Этотъ разговоръ ярко характеризуетъ настроеніе московскаго общества того времени. Московскіе люди къ самому установленію школы относились, по всему вѣроятію, не особенно сочувственно, и какъ бы въ подтвержденіе своихъ опасеній, они замѣчаютъ, что молодые люди, ихъ дѣти, попавшіе въ эту школу, совершенно отрываются отъ нихъ, просятся со слезами въ Кіевъ и скептически относятся къ авторитету благочестивыхъ протопоповъ, пользующихся такимъ почетомъ при дворѣ и въ духовномъ мірѣ, осмѣливаются про нихъ говорить, что они «враки вракуютъ». Можно предполагать въ этомъ разговорѣ и отголосокъ сужденій самихъ благочестивыхъ протопоповъ, Ивана, Степана и др., которымъ не нравилась конкурренція ученыхъ кіевлянъ, смотрѣвшихъ на нихъ съ высока, какъ на невѣждъ; но при этомъ нельзя не замѣтить, что эти сужденія находили для себя вполнѣ подготовленную почву въ томъ тревожномъ настроеніи, которое охватывало москвичей при усиливавшемся наплывѣ западныхъ новшествъ.

Окончательное установленіе у насъ въ XVI в. сильнаго государства, обращавшаго на себя вниманіе и Западной Европы и Востока и ставившаго себѣ обширныя политическія задачи «третьяго Рима», должно было предъявить къ народу требованія очень большихъ жертвъ, которыя значительно увеличиваются въ XVII столѣтіи. На счетъ народа все болѣе и болѣе усиливалась централизація политическая и экономическая въ Москвѣ, заглушая старинныя земскія, областныя начала. Голосъ земли, раздававшійся съ такою силою въ Смутное время и на соборахъ и оказавшій великую услугу развитію русской государственности, становится менѣе слышнымъ, а по областямъ административное за-

---

[44]) Макарій. Ист. рус. церкви, XI, стр. 134—136.

вѣдываніе отъ выборныхъ властей переходить постепенно къ воеводамъ. Закрѣпощеніе крестьянъ повсюду ростетъ и усиливается, посадскіе люди прикрѣпляются къ посадамъ. Государственною же необходимостью въ значительной мѣрѣ объясняются и тѣ западныя новшества, которыми отличается эта эпоха: государство первое сознало нужду въ иноземцахъ-торговцахъ, ремесленникахъ, солдатахъ, офицерахъ, и оно призываетъ ихъ, даетъ имъ разнаго рода привилегіи, ставитъ ихъ начальниками и учителями русскихъ людей; а это стремленіе къ западнымъ новизнамъ, исходя первоначально изъ правительства, все болѣе и болѣе охватываетъ русское общество.

Конечно на службу въ малознакомую, полу-варварскую страну, къ русскому государю шли съ запада не лучшіе люди, а являлся разный сбродъ, своего рода «казаки западно-европейскіе», какъ ихъ мѣтко называетъ Соловьевъ, «извѣчнымъ занятіемъ которыхъ было служить въ семи ордахъ, семи королямъ, искать хорошаго жалованья и добычи въ службѣ разныхъ государей. Волею или неволею оторвавшіеся отъ родной страны, мѣняющіе службу, знамена, смотря по тому, гдѣ выгоднѣе, составляя пеструю дружину пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ, служилые иноземцы были совершеннѣйшіе космополиты, отличавшіеся полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ той страны, гдѣ они временно поселились, отличавшіеся легкою нравственностью; побольше жалованья, побольше добычи—оставалось всегда главною цѣлью. Трудно было сыскать между ними кого-нибудь съ научнымъ образованіемъ: такіе люди не пошли бы въ наемныя дружины; но это были обыкновенно люди живые, развитые, много видѣвшіе, много испытавшіе, имѣвшіе много кое о чемъ поразсказать, пріятные и веселые собесѣдники, любившіе хорошо, весело пожить, попировать за полночь, беззаботные, живущіе день за день, привыкшіе къ крутымъ поворотамъ судьбы: ныньче хорошо, завтра дурно; ныньче побѣда, богатая добыча, завтра проигранное сраженіе, добыча отнята, самъ въ плѣну» [45]).

Иноземцы сразу начали досаждать тому же государству, которое ихъ призывало. Въ очень большомъ количествѣ провозили они черезъ Архангельскъ контрабанду, отъ чего государевой казнѣ чинилась не малая поруха; провозили табакъ и иные заповѣд-

---

[45]) Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, ст. 798 (изд. Общ. Пользы).

ные товары, а изъ Московскаго государства вывозили шелкъ сырецъ и всякіе другіе товары. За границей дѣлалось много фальшивыхъ московскихъ серебряныхъ денегъ, очень худого качества, мѣшанныхъ на половину съ мѣдью; эти деньги обмѣнивались въ Россіи на старые московскіе рубли чистаго серебра [46]). Но иноземцы не ограничивались такими тайными дѣйствіями въ ущербъ государевой казнѣ: они проявляли иногда страшное своевольство, совершенно открыто отказываясь исполнять нѣкоторыя правительственныя распоряженія. Въ самой Москвѣ иногда происходили цѣлыя сраженія съ нѣмцами. Гордонъ разсказываетъ объ одномъ подобномъ сраженіи, въ которомъ участвовало 800 человѣкъ иностранныхъ солдатъ противъ 700 стрѣльцовъ, и сперва перевѣсъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ; но когда на подмогу къ стрѣльцамъ явилось еще 600 человѣкъ, то были побиты нѣмцы [47]).

Дѣйствуя иногда въ разрѣзъ съ правительственными распоряженіями и въ ущербъ государственнымъ финансамъ, нѣмцы были гораздо тягостнѣе для земскихъ людей. Въ 40-хъ годахъ XVII ст. произошли значительные безпорядки и смуты во многихъ мѣстностяхъ Московскаго государства, и изъ челобитной торговыхъ людей разныхъ городовъ мы узнаемъ, что причиною этому были между прочимъ притѣсненія отъ нѣмцевъ, жившихъ на Руси по торговымъ дѣламъ. «А ихъ, государь, говорится въ челобитной, нѣмецкое злодѣйство къ намъ, холопямъ и сиротамъ твоимъ, всего государства торговымъ людямъ, и лукавый умыселъ тебѣ, праведному государю, мы, холопи твои, объявляемъ». Злодѣйство нѣмецкое было дѣйствительно очень велико и могло возбуждать сильнѣйшіе взрывы народнаго негодованія. Ежегодно пріѣзжало въ Московское государство торговыхъ людей англичанъ человѣкъ 60—70 и больше. Они устроили свои склады въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, Москвѣ и др. городахъ, такъ что ихъ поселенія при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ доходили по Волгѣ уже до самой Астрахани. Окончательно водворившись въ Московскомъ государствѣ, нѣмцы завели постоянную торговлю не только по его окраинамъ, но и во внутреннихъ городахъ. Это были въ большинствѣ пред-

[46]) Д. А. И. т. III, №№ 55, 116.

[47]) Соловьевъ, Ист. Россіи, кн. III. ст. 800—801.

ставители богатыхъ и старинныхъ торговыхъ фирмъ и пользовались покровительствомъ русской власти, такъ что конкурренція съ ними была для мѣстныхъ торговцевъ нелегка и даже опасна [48]). Какъ-то нѣмцы хотѣли купить 900 пуд. шелку, давали за него по 77 ефим. за пудъ, но московскіе купцы перебили у нихъ эту покупку, набавивъ на всю сумму 8.000 ефимковъ. Однако, когда они привезли этотъ шелкъ въ Архангельскъ, нѣмцы не купили у нихъ ни одной гривенки и говорили: «мы доведемъ до того, что московскіе купцы настоятся на правежѣ за долги, заставимъ ихъ впередъ торговать лаптями». Началось искуственное поднятіе и пониженіе цѣнъ на товары: «какъ который товаръ будетъ подороже, и они тотъ товаръ учнутъ продавать, а который товаръ будетъ подешевле и на который товаръ походу нѣтъ, и они тотъ товаръ держатъ у себя въ домѣхъ года по два и по три, да какъ тотъ товаръ подымется цѣною, такъ и продавать учнутъ». Цѣны на московскіе товары так упорно сбивались, что многіе купцы «плачучи отдавали свой товаръ за безцѣнокъ». Прежде англійскіе нѣмцы вымѣнивали свои товары на русскіе черезъ мѣстныхъ купцовъ-посредниковъ, теперь стали покупать они сами на мѣстахъ ихъ производства, «своимъ заговоромъ», и «разсылаютъ, заявляли русскіе люди въ своей челобитной, покупать по городамъ и въ уѣзды, закабаля и задолжа многихъ бѣдныхъ и должныхъ русскихъ людей, и тѣ товары покупя, русскіе люди привозятъ къ нимъ, а они провозятъ въ землю свою безпошлинно; а иные русскіе товары они, аглинскіе нѣмцы, у города продаютъ на денги галанскимъ и бараборскимъ и анбурскимъ нѣмцамъ, а вѣсятъ у себя на дворѣ въ свои телеги и возятъ на галанскіе и на бараборскіе и на анбурскіе корабли тайно, и твою государеву пошлину крадутъ, и всѣми торгами, которыми искони вѣчными мы, холопи и сироты твои, торговали, завладѣли аглинскіе нѣмцы, и отъ того мы, холопи и сироты твои, своихъ искони вѣчныхъ старыхъ торговыхъ промысловъ отстали и къ Архангельскому городу ѣздить перестали». Для примѣра торговые люди въ своей челобитной приводятъ слѣдующую уловку нѣмцевъ, отъ которой чинилась поруха и государевой казнѣ и земскимъ людямъ; первоначальльно получили право торговли въ Московскомъ государствѣ только 23 чело-

[48]) Крижаничъ. Рус. госуд. т. I, глава «о реместву».

вѣка, которые и были поименованы въ жалованной грамотѣ; но изъ нихъ оставалось въ живыхъ всего 3 или 4 человѣка, да и тѣ уже не ѣздили въ Россію, а пріѣзжали уже совсѣмъ другіе люди, не имѣвшіе никакого права на это, называясь братьями, племянниками, прикащиками лицъ, записанныхъ въ грамоту. Еще характернѣе случай, бывшій съ ярославцемъ, торговымъ человѣкомъ Антономъ Лаптевымъ, который поѣхалъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Голландію съ пушнымъ товаромъ; тамъ у него ничего не купили, а когда онъ вернулся въ Архангельскъ, тѣ же нѣмцы взяли его мѣха по большой цѣнѣ. Русскіе люди, видя такое коварство нѣмцевъ, начали ихъ укорять въ неблагодарности за милости русскаго государя. А нѣмцы говорили: «для того мы у Онтона Лаптева товару не купили, чтобы инымъ русскимъ торговымъ людемъ ѣздить въ наши государства не было повадно; а только въ нашихъ государствахъ русскіе люди учнутъ торговать такъ же, какъ мы у васъ, и мы всѣ станемъ безъ промысловъ, такъ же оскудѣемъ, какъ и вы, торговые люди; да не токмо вы, русскіе люди, въ наши государства пытались пріѣзжать, кизылбаши съ товары своими, съ шелкомъ сырцомъ, и мы у нихъ потому же товаровъ не купили, и они, живучи долгое время, и опять назадъ съ товаромъ своимъ поѣхали къ себѣ и послѣ того и ѣздить не стали; и вамъ бы торговымъ людямъ, и то поставить себѣ въ большую находку, что его, Онтона, и съ голоду не уморили» [49]. Подобный же фактъ былъ и съ дьякомъ Назарьемъ Чистого. И не одни торговые люди терпѣли отъ иноземцевъ, много выносили отъ нихъ и другіе классы народа: солдаты и мелкіе служилые люди, которыхъ должны были нѣмцы учить ратному строю, не мало терпѣли отъ нихъ, причемъ въ большинствѣ случаевъ оставались вѣчными учениками и подчиненными нѣмцевъ [50]; черезъ торговлю въ значительной экономической зависимости находились отъ нихъ сельскіе и городскіе жители, а подчасъ даже подвергались оскорбленіямъ. Такъ, въ Москвѣ нерѣдки бывали кутежи и попойки нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ, и послѣ нихъ пьяные иноземцы буйно расхаживали по городу и били всякаго попадавшагося имъ на встрѣчу [51].

---

[49]) А. А. Э. т. IV, № 13.
[50]) Крижаничъ. Русск. госуд. т. I, стр. 207.
[51]) Крижаничъ, ibid. стр. 375.

Не по нраву были, конечно, русскимъ людямъ такія притѣсненія и выходки нѣмцевъ, тяжело имъ было сносить все это, и расправлялись они сами съ своими притѣснителями, и обращались они съ жалобой и мольбой о защитѣ къ высшему правительству и къ самому государю: въ 1646 году была подана челобитная отъ торговыхъ людей, въ 1649 двѣ челобитныя: одна отъ дворянъ, другая отъ торговыхъ людей. Въ одной челобитной просили государя всѣхъ «заморскихъ нѣмецъ изъ Московскаго государства выслать и впередъ велѣть русскимъ людемъ торговать съ нѣмцы у Архангельскаго города», такъ какъ «московскіе гости и торговые люди во всякихъ торгѣхъ и въ промыслѣхъ отъ нѣмецъ погибли и раззорилися до конца, да нѣмцы жъ, будучи въ Московскомъ государствѣ, провѣдываютъ про вѣсти и пишутъ въ свои земли всякіе дѣла». Предлагалось даже нѣчто въ родѣ выкупа, чтобы избавиться отъ нѣмцевъ. «А что де нѣмцы, говорилось въ челобитной, будучи въ Московскомъ государствѣ и въ городѣхъ, устроили себѣ дворы и на дворѣхъ поставили палаты, и только де укажетъ государь тѣ ихъ дворы со всѣмъ строеньемъ оцѣнить, чего тѣ дворы стоятъ, и за тѣ де дворы гости и торговые люди денги по цѣнѣ нѣмцамъ заплатятъ міромъ. А у которыхъ де нѣмецъ Московскаго государства на торговыхъ людехъ есть кабалные долги, и тѣ де долги нѣмцамъ русскіе люди заплатятъ; а чего де будетъ тѣмъ должникомъ заплатить вскорѣ будетъ немочно, и тѣ де досталные долги нѣмцамъ заплатятъ гости жъ и торговые люди міромъ. А на комъ де нѣмцы скажутъ долговые денги безъ кабалъ, и тому бы, государь, по своему государеву уложенію вѣрить не велѣлъ: будетъ де кому нѣмцы въ какихъ долгѣхъ вѣрили безкабально, и они де съ тѣми людми въ долгу сочтутца по душамъ» [52]). Однако всѣ такіе жалобы и проекты изгнанія нѣмцевъ не могли вести ни къ какимъ послѣдствіямъ, такъ какъ правительство само призывало нѣмцевъ и не могло имъ не покровительствовать.

Тѣмъ болѣе трудно было москвичамъ бороться съ нѣмцами, что теперь уже начиналось ихъ культурное вліяніе, имъ начинали уже подражать. Въ высшемъ классѣ московскаго общества встрѣчается уже много людей, перенявшихъ заморскіе, нѣмецкіе

---

[52]) Сборникъ кн. Хилкова, № 83.

обычаи; нѣкоторые бояре выпускаютъ своихъ женъ изъ теремовъ; царицы ѣздятъ въ открытыхъ экипажахъ; многіе молодые люди брѣютъ бороду, курятъ и нюхаютъ проклятое заморское зеліе, табакъ; для государева двора покупаются въ большомъ количествѣ заграничныя вина и пряности, требуются пудами табачные листья и зерна, выписываются карты; иностранцевъ принимаютъ въ знатныхъ домахъ, съ ними любятъ иногда побесѣдовать. Являются, правда, какъ исключенія, но всеже являются личности вродѣ кн. Ивана Хворостинина, которыя уже прямо высказываютъ полное презрѣніе къ своему родному быту и преклоняются передъ иноземными новшествами. Въ указѣ царя и патріарха отъ 1623 г. говорилось, что кн. Хворостининъ, подвергшійся сильному латино-польскому вліянію въ Смутное время, не позволялъ людямъ своимъ ходить въ верковь, «а которые пойдутъ, тѣхъ билъ и мучилъ, говорилъ, что молиться не для чего»; держалъ у себя много образовъ латинскаго письма и много латинскихъ еретическихъ книгъ; собирался уѣхать въ Литву и нарядиться тамъ по-гусарски; говорилъ, что въ Москвѣ и людей нѣтъ, народъ все глупый, жить ему не съ кѣмъ, и поэтому онъ хочетъ уѣхать въ Римъ или въ Литву. Въ книжкахъ его сочиненія, писанныхъ стихами, найдены великія укоризны русскимъ людямъ, что они сѣютъ землю рожью, а живутъ все ложью, что ему пріобщенія съ ними нѣтъ никакого [53]). Рядомъ съ этимъ фактомъ можно поставить и эпизодъ съ отсылкой русскихъ молодыхъ людей въ Англію при Борисѣ Годуновѣ. Ѣздившій въ Англію въ 1615 г., подьячій Грязевъ доносилъ, что англичане скрываютъ этихъ русскихъ людей и привели ихъ всѣхъ въ свою вѣру; одного изъ нихъ, Никифора Олферьева сына Григорьева, поставили въ попы и живетъ онъ у нихъ въ Лондонѣ, а другой въ Ирландіи секретаремъ королевскимъ, третій въ Индіи въ торговлѣ отъ гостей. Никифоръ за англійскихъ гостей, которые ходятъ на Русь, молитъ Бога, что вывезли его оттуда, а на православную вѣру говоритъ многую хулу [54]).

---

[53]) Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. II, ст. 1372—1373. Макарій. Ист. русск. церкви, т. XI, стр. 59—61. Платоновъ. Др. рус. повѣсти и сказанія о Смут. времени, стр. 182—203. Пѣтуховъ. Изъ исторіи рус. лит. XVII вѣка, стр. 15—22.

[54]) Соловьевъ, кн. II, ст. 1103. Цвѣтаевъ. Протестантство и протестанты въ Россіи, стр. 700—701.

Но рядомъ съ этимъ постепеннымъ увлеченіемъ иноземщиной шло противодѣйствіе ему со стороны представителей старинной русской культуры, сохранявшихъ исконную антипатію къ латинамъ, переданную изъ Византіи. Правда, эта антипатія у насъ была всетаки значительно смягчена, и даже въ духовенствѣ, начиная съ Ѳеодосія Печерскаго, слышались голоса, допускавшіе милостивое отношеніе къ латинамъ, за что обѣщалась даже мзда отъ Бога; даже и нетерпимое осифлянство не касалось латинъ, хотя относительно своихъ домашнихъ еретиковъ оно не скупилось на казни. Въ народѣ же, по всей вѣроятности, терпимость къ иноземцамъ была еще шире. Но относясь съ нѣкоторой мягкостью къ латинамъ и люторамъ, народъ былъ въ правѣ ожидать и отъ нихъ такого же отношенія къ своей вѣрѣ, къ своимъ нравамъ, а между тѣмъ иноземцы не отличались особенной деликатностью, они позволяли себѣ насмѣшки надъ православіемъ, надъ обрядами, надъ многими сторонами духовной жизни москвичей, которыя казались имъ странными; иногда они даже прямо пытались пропагандировать латинскія или протестантскія мнѣнія, чѣмъ и вызывали противъ себя порой очень рѣзкіе протесты. Олеарій сообщаетъ такой фактъ о полковницѣ Лесли: «въ противность русской вѣрѣ полковница заставляла подвластныхъ ей русскихъ крестьянокъ ѣсть въ постные дни мясо, отвлекала ихъ разными работами отъ церкви, не давала имъ въ своихъ дворахъ оставаться даже на столько времени, чтобы они могли успѣть по утрамъ положить надлежащее число поклоновъ передъ Богомъ и иконами ихъ, а что всего ужаснѣе, однажды схватила она со стѣны икону ихъ, бросила въ топившуюся печку и сожгла» [55]). Очень неудобной представлялась близость лютеранскихъ церквей къ православнымъ, такъ какъ по жалобамъ духовенства нѣмцы чинили этимъ великій соблазнъ народу. Въ 1638 году причты одиннадцати московскихъ церквей жаловались правительству, что «нѣмцы русскихъ людей у себя во дворахъ держатъ и всякое оскверненіе русскимъ людямъ отъ тѣхъ нѣмцевъ бываетъ; не дождавшись государева указа, покупаютъ они дворы въ ихъ приходахъ вновь; вдовыя нѣмки держатъ у себя въ домахъ всякія корчмы, и многіе прихожане хотятъ свои дворы продавать нѣмцамъ, потому что нѣмцы

[55]) **Олеарій. Подр. опис. путеш. голшт. пос. въ Моск. и Персію, стр. 318.**

покупаютъ дворы и дворовыя мѣста дорогой цѣной, передъ русскими людьми вдвое и больше, и отъ этихъ нѣмцевъ приходы ихъ пустѣютъ». Жалуясь на такое положеніе дѣлъ, духовенство просило запретить нѣмцамъ покупать дворы и учинить особый указъ о старыхъ дворахъ и относительно кирокъ [56]).

Интересны споры, происходившіе въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича, по вопросу о переходѣ въ православіе королевича датскаго Вальдемара. Со стороны протестантовъ тутъ ясно высказались пропагандистскіе замыслы, встрѣтившіе, правда, рѣшительный отпоръ въ средѣ московскаго духовенства и народа. При этихъ спорахъ представители православія оказались стоящими на высотѣ своей задачи: они такъ спокойно и такъ умѣло вели свое дѣло, что протестантамъ очень трудно было имъ возражать, и часто отвѣчали они на вѣскіе доводы православныхъ полемистовъ лишь пустыми и грубыми насмѣшками. Но не этой стороной своей имѣютъ для насъ значеніе эти диспуты: они представляются намъ высоко интересными по тому вниманію, съ которымъ за ними слѣдили люди всѣхъ слоевъ общества. Посольскій приказъ оказался тѣснымъ для преній, въ которыхъ приняли участіе «всѣ елико лучились инокосвященники и міряне, иже еллинскому языку и божественному писанію, и церковному чину, и догматовъ божественныхъ вѣдцы» [57]). Съ сильнымъ и тревожнымъ вниманіемъ наблюдали русскіе люди за ходомъ этихъ преній, потому что тутъ, по ихъ взгляду, ставился вопросъ объ ихъ самобытности, которая отождествлялась для нихъ съ православною вѣрою; приходилось защищать свой вѣками созданный домашній и общественный строй жизни, свои вѣрованія и убѣжденія. Авторъ «Повѣсти о внезапной кончинѣ Михаила Ѳеодоровича» говоритъ: «не безъ причины всевидящій Богъ не допустилъ Вальдемара до крещенія, — отъ него, когда бы онъ крестился и женился законнымъ бракомъ съ царской дочерью, великая бы была бѣда и крамола всему православному христіанству и всему великому государству смута и раздоръ. Лишь бы отошелъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ этотъ, желая больше добра

---

[56]) Цвѣтаевъ. Протестанты и протестантство въ Россіи. стр. 71—73, 250—251.

[57]) Ив. Соколовъ. Отнош. протест. къ Россіи въ XVI и XVII вв., стр. 99—123. Цвѣтаевъ. Прот. въ Россіи, стр. 476—511, Макарій. Ист. русс. церкви, т. XI, стр. 105—114, Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. II, ст. 1265—1284.

себѣ, нежели Алексѣю Михайловичу и Россіи, захотѣлъ бы захватить со своими погаными нѣмцами больше власти и произвелъ бы у насъ великую смуту». Москвичи думали, что, живя вмѣстѣ съ иноземцами, они подвергаются опасности утратить свое старинное правовѣріе и испортить свой національный обликъ. Указывали на необходимость самобытнаго развитія: «въ коейждо странѣ свой обычай», писалъ патріархъ Іосифъ въ окружномъ посланіи къ духовенству и мірянамъ, не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ». Ординъ-Нащокинъ говорилъ: «что намъ за дѣло до обычаевъ иноземныхъ, ихъ платье не по насъ, и наше не по нихъ» [58]).

Тѣмъ болѣе страшнымъ казался этотъ наплывъ всякихъ западныхъ новшествъ, что въ это время возбуждалось тревожное ожиданіе кончины міра, вслѣдствіе предсказанія въ «Кирилловой книгѣ» второго Христова прихода, «иже имать быти во осьмомъ вѣцѣ» [59]). Это же предсказаніе о наступленіи антихристова царства еще подробнѣе изложено въ 30-й главѣ «Книги о вѣрѣ». Тамъ говорится: «тѣмже всегда въ памяти своей намъ всѣмъ православнымъ подобаетъ имѣти прежде бывшія вины и сему внимати, яко по тысящи лѣтъ по воплощеніи Божія Слова, Римъ отпаде со всѣми западными странами отъ восточныя церкве, въ пятьсотное же девятьдесятъ пятое лѣто по тысящи жителіе въ Малой Русіи къ римскому костелу приступили и на всей воли римскаго папы заручную грамоту дали ему. Се второе оторваніе христіанъ отъ восточныя церкве. Оберегая же сіе пишетъ: егда исполнится 1666 лѣтъ, да не чтобы отъ преже бывшихъ винъ зло нѣкако не пострадати и намъ, но покаяніемъ Бога умилостивити и милость его къ намъ себѣ привлещи» [60]). Изъ этого видно, что время это было переходное и, какъ обыкновенно бываетъ, исполненное всеобщаго напряженія и тревогъ за будущее. Уже теперь приготовлялась почва для раскола, но покуда еще сохранялось равновѣсіе между требованіями исправителей и ихъ противниковъ, хотя можно было предвидѣть, что нуженъ незначительный толчокъ, чтобы его нарушить.

Такой толчокъ вскорѣ представился. Случилось важное собы-

[58]) Щаповъ. Русскій расколъ старообрядства, стр. 102.

[59]) Кириллова книга, л. 2 об.

[60]) Книга о вѣрѣ, л. 135 об.

тіе: перемѣна патріарха. Умеръ патріархъ Іосифъ. Много выдающагося совершилось въ русской церкви при его управленіи, но въ послѣднее время личное его участіе въ дѣлахъ церкви значительно ослабѣло, благодаря дѣятельности кружка Вонифатьева и примыкавшаго къ этому кружку, Новгородскаго митрополита Никона. Да и въ послѣдніе годы своей жизни почившій патріархъ впалъ въ душевное состояніе, граничившее съ умственнымъ разстройствомъ. Его стяжательность и бережливость доходили до крайности: ни одинъ изъ патріарховъ не оставилъ такой, какъ Іосифъ, большой келейной казны, которую онъ копилъ, вѣроятно, изъ опасенія потерять свое мѣсто. Царь Алексѣй Михайловичъ, дѣлавшій опись его имущества, нашелъ у него деньгами 13.400 рублей, да кромѣ того много сосудовъ серебряныхъ и дорогихъ вещей. Все это не было у него записано, онъ все «наизусть вѣдалъ», и все содержалось въ замѣчательномъ порядкѣ. «Не было того судна, чтобы не впятеро оберчено бумагою или киндякомъ, а князь Юрьевская Шушелева рухлядь достальная, которая лежала у него, свѣта, въ чердакѣ, пищали и сабли, и тѣ всѣ смазаны, отнюдь никакой ржавки нѣтъ, а на судахъ тѣхъ отнюдь никакого порошечка нѣтъ, не токмо пыли». Подъ конецъ жизни Іосифъ, видя возвышеніе Никона и постоянно сталкиваясь съ ревнителями кружка Вонифатьева, сталъ опасаться: «перемѣнить меня, скинуть меня хотятъ, безпрестанно говорилъ онъ, «а будетъ и не отставятъ, и я самъ за соромъ стану бить челомъ объ отставкѣ, и денегъ приготовилъ себѣ на дорогу [61]).

Предстояло избрать новаго патріарха. По своему положенію въ церкви, по вліянію на царя, однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на это мѣсто былъ Новгородскій митрополитъ Никонъ. Сынъ «простыхъ родителей», по показанію Шушерина, или «Черемисина» и «русалки» (вѣроятно, русачки), по показанію Аввакума, онъ въ раннемъ дѣтствѣ испыталъ притѣсненія отъ злой мачихи, но это только способствовало выработкѣ въ немъ крѣпкаго характера. Выучившись грамотѣ, онъ полюбилъ чтеніе книгъ. Въ книгахъ онъ встрѣчалъ образы сильныхъ духомъ иноковъ-подвижниковъ, его влекло подражать имъ, и онъ ушелъ въ монастырь Макарія Желтоводскаго. По просьбамъ родныхъ онъ вышелъ изъ обители, женился и получилъ священническое мѣсто. Но въ міру онъ не могъ

---

[61]) А. А Э. т. IV, № 57.

оставаться, почти насильно заставилъ жену постричься [62]), а самъ удалился въ Анзерскій скитъ подъ началъ старца Елеазара. Уставъ этого скита былъ самый строгій, но сверхъ этого Никонъ положилъ на себя еще особые подвиги. Однако онъ не ужился въ скиту, поссорился съ Елеазаромъ и такъ вооружилъ его противъ себя, что тотъ даже и смотрѣть на него не хотѣлъ. Тогда Никонъ перешелъ въ Кожеезерскій монастырь, гдѣ продолжалъ предаваться усиленнымъ аскетическимъ трудамъ и чтенію божественнаго писанія. Его выбрали въ игумены. Слава о немъ, какъ о начетчикѣ и подвижникѣ, распространялась повсюду. Въ 1646 г. ему случилось пріѣхать въ Москву по монастырскимъ дѣламъ. Тутъ его узналъ царь, на котораго онъ произвелъ очень хорошее впечатлѣніе, и Никонъ остался въ Москвѣ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря. Съ этого времени начинается его дружба съ царемъ, который любилъ наслаждаться его «богодухновенною бесѣдою». Видя «тщаніе и попеченіе его объ убогихъ», царь приказалъ ему принимать и докладывать себѣ «челобитныя объ обидимыхъ» [63]). Занимая такое выдающееся положеніе, Никонъ, какъ мы видѣли, принималъ дѣятельное участіе во многихъ церковныхъ преобразованіяхъ этого времени, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ кружкомъ Стефана Вонифатьева и съ Ѳ. М. Ртищевымъ и съумѣлъ сойтись съ пришлыми малороссами и греками и понять необходимость совѣта съ ними въ разныхъ нашихъ церковныхъ исправленіяхъ. Въ 1649 г. Никонъ былъ назначенъ митрополитомъ Новгородскимъ. На этомъ новомъ мѣстѣ во всей силѣ обнаружился его крутой и непреклонный характеръ. Его дѣйствія во время извѣстнаго новгородскаго мятежа показали, что онъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, которые не могутъ ничѣмъ поступиться и готовы итти на всякія страданія за свое дѣло: Никона такъ избили, что онъ кровью кашлялъ и едва не умеръ. Но въ то же время люди, ему подобные, бываютъ часто способны и на сильнѣйшій деспотизмъ. Новгородцы жаловались, что Никонъ чинилъ многія неистовства и смуту въ міру великую. Не задолго до смерти Іосифа Никонъ былъ посланъ въ Соловецкій монастырь за мощами св. митрополита Филиппа. Съ нимъ

---

62) По крайней мѣрѣ даже панегиристъ Никона, Шушеринъ не скрываетъ что она хотѣла выйти изъ монастыря (Шушеринъ, стр. 10).

63) Щушеринъ, стр. 1—18.

было отправлено нѣсколько бояръ, съ которыми онъ обращался довольно круто, требуя отъ нихъ строгаго выполненія церковныхъ предписаній, заставляя ихъ поститься и молиться. Имъ приходилось съ нимъ такъ тяжело, что въ письмахъ къ царю и друзьямъ своимъ они жаловались, что они совсѣмъ пропали, что лучше бы имъ гдѣ-нибудь на Новой Землѣ за Сибирью (т. е. въ Дауріи) съ княземъ Ив. Ив. Лобановымъ пропасть, нежели ѣздить съ Новгородскимъ митрополитомъ, такъ какъ онъ силою заставляетъ говѣть, «но никого, прибавляли они, силою не заставитъ Богу вѣровать» [64]).

Когда умеръ Іосифъ, Никонъ еще не вернулся изъ Соловокъ, и, по всей вѣроятности, значеніе кружка Вонифатьева во время междупатріаршества особенно выдвинулось впередъ. Можетъ быть, имъ даже поручено было позаботиться о выборѣ новаго патріарха. Дѣло было очень серьезное. Стефанъ съ братьею, т. е. съ Нероновымъ, Аввакумомъ и др., постились и молились цѣлую недѣлю, «даже дастъ Богъ пастыря ко спасенію душъ». Послѣ совѣта съ Казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ, братія подала царю и царицѣ челобитную о духовникѣ Стефанѣ, чтобы ему быть въ патріархахъ. Тотъ фактъ, что протопопы въ этомъ случаѣ остановились не на Никонѣ, который по своему іерархическому положенію имѣлъ гораздо больше правъ на патріаршій престолъ, чѣмъ Стефанъ, къ тому же принадлежавшій къ бѣлому духовенству, объясняется не враждой протопоповъ къ Никону,— Аввакумъ называетъ его «другъ нашъ»,—а вѣроятнѣе всего тѣмъ, что Стефанъ по своему мягкому характеру казался имъ болѣе соотвѣтствующимъ планамъ ихъ партіи, чѣмъ крайне самостоятельный Никонъ. Измѣненіе взглядовъ Стефана на малороссовъ и грековъ, происшедшее уже до этого времени, какъ имъ, вѣроятно, представлялось, не должно было вести къ такимъ рѣшительнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ повели греко-малорусскія симпатіи Никона. Но челобитье братіи не было удовлетворено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ [65]).

---

[64]) А. А. Э. № 57.

[65]) Мат. V, стр. 17. Въ «Житіи» Иларіона Суздальскаго есть извѣстіе, что многіе предлагали на патріаршій престолъ отца Иларіона, инока Антонія, и даже на него палъ жребій, но что онъ самъ отказался отъ этой чести въ пользу Никона. Георгіевскій. Флорищева пустынь, стр. 14. Въ сочиненіи Аввакума «Книга на крестообразную ересь» есть такое извѣстіе: «протопопъ Сте-

Между тѣмъ царь послалъ въ Соловецкій монастырь грамоту, въ которой, извѣщая о смерти патріарха Іосифа и объ оставшемся послѣ него имуществѣ, писалъ Никону: «а я тебѣ потомъ, великому государю, челомъ бью, возвращайся, и паки возвращайся Господа ради, поскорѣе обирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста, а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся; яко овцы безъ пастыря не вѣдаютъ, гдѣ дѣться, тако и мы нынѣ, грѣшные, не вѣдаемъ, гдѣ главы приклонити, понеже прежняго отца и пастыря отстали, а новаго не имѣемъ. И ты, владыко святый, помолись, чтобы Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто ему, свѣту, годенъ, имя вышеписанное; а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ выбору, а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный, тай не въ примѣръ, а сказываютъ святъ мужъ». Такимъ образомъ Стефанъ Вонифатьевъ однимъ изъ первыхъ былъ посвященъ въ намѣреніе царя поставить въ патріархи Никона [66]).

9-го іюля Никонъ пріѣхалъ въ Москву. Съ Вонифатьевымъ и со всей братіей онъ обошелся хорошо, «яко лисъ, челомъ да здорово», какъ выражается Аввакумъ, который объясняетъ такое обращеніе Никона желаніемъ задобрить ихъ, чтобы они не мѣшали ему достигнуть паріаршества [67]). Но такое объясненіе, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Никонъ могъ не сомнѣваться въ рѣшеніи царя, а просто ему не было никакого пока основанія ссориться съ своими новыми друзьями: ихъ челобитная царю о Стефанѣ прошла незамѣченной, да и самъ Стефанъ, вѣроятно, не противорѣчилъ царскому рѣшенію—иначе царь не извѣщалъ бы Никона: «а сказываютъ (въ томъ числѣ и Стефанъ) святъ мужъ». 22 іюля Никонъ былъ избранъ въ

фанъ увѣща царя и царицу, да поставятъ Никона на Іосифово мѣсто. И азъ окаянной о благочестивомъ патріархѣ къ челобитной приписалъ свою руку» (Мат. стр. 261—262). Такое извѣстіе, противорѣчащее, повидимому, показанію «Житія» Аввакума, не можетъ однако поколебать достовѣрности послѣдняго показанія, какъ это думаетъ г. Жежеленко (Странникъ, 1883 г., III, стр. 396), и дѣло, по нашему мнѣнію, объясняется такъ: протопопы, видя неуспѣшность ходатайства за Стефана и желая угодить царю, посвятившему Стефана въ свое намѣреніе назначить Никона, подали вмѣстѣ со Стефаномъ новую челобитную за Никона.

[66]) А. А. Э. № 57.

[67]) Мат. V, стр. 17. Вѣдаетъ, что быть ему въ патріархахъ, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась.

патріархи и при этомъ въ своей рѣчи къ царю и освященному собору онъ непремѣннымъ условіемъ принятія патріаршества поставилъ обѣщаніе со стороны избиравшихъ его, слушать его, «какъ начальника, и пастыря, и отца крайнѣйшаго» во всемъ. что онъ будетъ возвѣщать о догматахъ Божіихъ и о правилахъ[68]). Требуя такого обѣщанія отъ своей будущей паствы, Никонъ, конечно, имѣлъ въ виду заняться исправленіемъ церковныхъ недостатковъ, въ духѣ тѣхъ «зазираній», которыя дѣлалъ ему раньше патріархъ Паисій и которыя убѣдили его въ окончательной негодности старыхъ путей. Впослѣдствіи расколоучители, извиняя царя Алексѣя Михайловича, говорили, что онъ не могъ удерживать Никона отъ разныхъ еретическихъ исправленій и жестокихъ мѣръ, благодаря этому обѣту. Такъ, дьяконъ Өедоръ, разсказывая о преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались раскольники, замѣчаетъ: «царь же Никону молчаше, понеже запись ему даде своею рукою въ началѣ поставленія его, еже во всемъ его послушать, и отъ бояръ оборонять, и его волю исполнять, якоже прельщенный оный отрокъ рукописаніе даде сатанѣ, его же Василій Великій избави молитвою отъ погибели тоя: тако омрачи его Никонъ лестчимъ нѣкако духомъ» [69]).

Заявивши въ своей рѣчи при вступленіи на патріаршій престолъ о своемъ желаніи заняться устраненіемъ недостатковъ русской церковной практики, Никонъ на первое мѣсто поставилъ вопросъ объ исправленіи богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, согласно съ греческими образцами. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми знатоками греческаго языка, въ числѣ которыхъ былъ и Епифаній Славинецкій, Никонъ усердно начинаетъ изучать документы и книги, находившіеся въ его патріаршей книгохранительницѣ. Между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на греческую грамоту объ учрежденіи патріаршества въ Москвѣ; въ ней говорилось, что Россія во всемъ должна быть согласна съ вселенскими патріархами, не только въ вопросахъ догматическихъ и нравственныхъ, но и въ обрядахъ, такъ какъ православная церковь «пріяла совершеніе не токмо по богоразумія и благочестія догматовъ, но и по священному церковныхъ вещей уставу», и потому

[68]) Зап. Отд. Слав. и Рус. Археологіи И. Р. Арх. Общ. т. II, стр. 512—513.
[69]) Мат. VI, стр. 97.

надо истреблять и передавать анаѳемѣ всякую новину [70]). Эта грамота еще болѣе утвердила Никона въ его намѣреніи и была издана имъ въ слѣдующемъ же 1653 г. въ Кормчей книгѣ.

Но кому же поручить исправленіе книгъ? Старыми справщиками, работавшими при патріархѣ Іосифѣ, Никонъ не могъ быть особенно доволенъ, такъ какъ они, по незнакомству съ греческимъ языкомъ, не могли удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыя онъ предъявлялъ къ книжнымъ исправленіямъ. Къ дѣлу привлекается Арсеній Грекъ, о пребываніи котораго въ Москвѣ первое извѣстіе относится къ 15 сентября 1652 г., когда онъ называется безмѣстнымъ старцемъ. На основаніи весьма точнаго и обстоятельнаго изслѣдованія архивныхъ данныхъ, прот. Николаевскій опредѣляетъ, что Арсеній Грекъ былъ назначенъ справщикомъ только въ 1654 г., почему только съ этого года и считаетъ возможнымъ говорить о его дѣятельности, какъ исправителя. До этого по тѣмъ же изслѣдованіямъ оказывается, что Арсеній посылался въ ноябрѣ 1652 г. въ Новгородъ для выбора и оцѣнки греческихъ книгъ, а по возвращеніи оттуда «начинается рядъ указаній на письменныя и переводныя работы его для патріарха», а кромѣ того онъ занимался въ 1653 г. обученіемъ въ Чудовской школѣ [71]). Изъ этого ясно (несмотря на то, что прот. Николаевскій и не дѣлаетъ этого вывода), что Арсеній имѣлъ отношеніе къ книжнымъ исправленіямъ и ранѣе назначенія своего на должность справщика: незначительное, офиціальное положеніе не могло быть тутъ помѣхой,—вѣдь не даромъ же, не изъ одного любопытства, поручалъ ему патріархъ переводы греческихъ книгъ, — должно быть, эти самые переводы и предназначались для руководства въ дальнѣйшихъ исправленіяхъ. Но если Арсеній и не былъ назначенъ справщикомъ, то въ этомъ же въ 1652 году въ числѣ справщиковъ является новый человѣкъ, значительно отличающійся отъ нихъ своимъ образованіемъ, ученикъ Епифанія Славинецкаго, подъ руководствомъ его изучившій прекрасно греческій языкъ, а также латинскій, польскій и даже еврейскій, Чудовскій старецъ Евѳимій, котораго

---

[70]) Предисловіе къ Служебнику 1655 г. въ «Доп. къ опис. старопеч. книгъ Толстого и Царскаго, изд. Строевымъ, № 89. Хр. Чт. 1891 г. II, стр. 153.

[71]) Хр. Чт. 1891 г. II, стр. 171—173.

Никонъ назначилъ на мѣсто одного изъ умершихъ старыхъ справщиковъ [72]).

Въ октябрѣ того же года приказано было приступить къ изданію Слѣдованной Псалтыри, и въ этомъ изданіи рѣшено выпустить внесенную въ Псалтырь статью о 12 земныхъ поклонахъ при чтеніи великопостной молитвы св. Ефрема Сирина и статью о двуперстномъ крестномъ знаменіи. Среди справщиковъ это распоряженіе возбудило, должно быть, сильное неудовольствіе, судя по тому, что вскорѣ послѣ этого, въ ноябрѣ выбываютъ изъ ихъ состава Иванъ Насѣдка, старецъ Савватій и молодой мірянинъ Сила Григорьевъ. Иванъ Насѣдка, въ иночествѣ старецъ Іосифъ, конечно, не могъ сочувствовать новому направленію въ книжной справѣ, какъ человѣкъ, всегда недовѣрчиво относившійся къ грекамъ, полагая, что они «позакоснѣли отъ перваго преданнаго имъ чина»; старецъ же Савватій былъ другомъ и единомышленникомъ Ивана Неронова, тоже не особенно расположеннаго къ грекамъ.

Увольненіе этихъ справщиковъ, въ виду ихъ близости къ кружку Вонифатьева и Неронова, не могло не вызвать нѣкотораго неудовольствія въ этомъ кружкѣ, уже потерявшемъ свою прежнюю силу въ церковныхъ дѣлахъ, такъ какъ Никонъ «друзей не сталъ и въ крестовую пускать» [73]), и, конечно, этотъ фактъ увольненія извѣстныхъ въ Москвѣ лицъ долженъ былъ отразиться и на общемъ настроеніи. Однако, пока дѣло касалось личнаго состава дѣятелей печатнаго двора и въ самыхъ книгахъ и обрядахъ не появлялось еще ничего новаго,—это броженіе не выражалось ни въ какихъ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Открытый протестъ обнаружился только въ слѣдущемъ 1653 году, когда вышла 11 февраля изъ печати Слѣдованная Псалтырь, а на первой недѣлѣ великаго поста была прислана въ церковь Казанской Богоматери къ Іоанну Неронову слѣдующая память, по изложенію Аввакума: «По преданію св. апостолъ и св. отецъ не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны, еще и тремя бы персты есте крестились» [74]). Въ изложеніи Аввакума относительно поклоновъ есть

---

72) Ibid. стр. 157—158.
73) Мат. т. V, стр. 17.
74) Ibid. стр. 18.

очевидная неточность, такъ какъ вообще земные поклоны не отмѣнялись, а сокращалось только ихъ число во время молитвы Ефрема Сирина; вѣроятно также, что эта память была прислана не къ одному Ивану Неронову, а разослана по всѣмъ московскимъ церквамъ.

Когда пришло это повелѣніе новаго патріарха, къ Неронову собралась опальная его братія, чтобы посовѣтоваться о томъ, что слѣдуетъ предпринять. Весьма важно въ этомъ случаѣ, что братія сошлась не у Стефана Вонифатьева, который былъ до сихъ поръ настоящимъ главою кружка, а у Неронова. Изъ этого можно заключить, что уже въ это время братія не разсчитывала на то, что Стефанъ приметъ участіе въ ея протестѣ. Протопопы уже заранѣе готовы были скептически отнестись ко всякому распоряженію Никона, зная, что оно исходитъ изъ источника, крайне имъ нелюбезнаго, отъ Арсенія Грека съ товарищами. Теперь начались дѣйствія новыхъ справщиковъ, и протопопы не сразу нашлись, что имъ дѣлать, только видѣли они, «яко зима хощетъ быти, сердце озябло и ноги задрожали». Нероновъ удалился въ Чудовъ монастырь, оставивъ свою церковь на попеченіе Аввакуму. Цѣлую недѣлю молился онъ, запершись въ палаткѣ, и наконецъ слышитъ онъ отъ образа Спасителя голосъ, говорящій ему, что настало время страданія, что Россіи грозитъ отпаденіе отъ вѣры, и надо сопротивляться[75]). Тотчасъ же поспѣшилъ онъ сообщить

[75]) Слова, которыя говорилъ этотъ голосъ, передаются различно Аввакумомъ и самимъ Нероновымъ. Послѣдній въ своемъ письмѣ къ Стефану Вонифатьеву изъ Вологды отъ 13 іюля 1654 г. пишетъ объ этомъ видѣніи слѣдующее: «По благословенію Божію и по извѣщанію отъ Спасителя нашего и Господа Іисуса Христа, во 161 году, на первой недѣли великаго поста гласу пришедшу отъ образа Спаса сице: Іоанне, дерзай и не убойся до смерти, подобаетъ ти укрѣпити царя о имени моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и юниты» (Мат. I, стр. 99 — 100). Аввакумъ о томъ же фактѣ сообщаетъ такъ: «И тамъ отъ образа гласъ бысть ему во время молитвы: время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати «(Мат. V, стр. 18). Такое различіе въ показаніяхъ относительно этого факта заставляетъ г. Субботина и митр. Макарія сомнѣваться въ дѣйствительности видѣнія (Макарій. Ист. р. церкви, т. XII, стр. 119. Мат. I, стр. 100—101). Но отчего же происходитъ такое различіе въ показаніяхъ Аввакума и Неронова? Тутъ прежде всего не слѣдуетъ забывать, что Аввакумъ пишетъ объ этомъ событіи черезъ 20 лѣтъ послѣ того, какъ оно совершилось, и легко могъ, несмотря на свою «замѣчательную память, особенно на подобные случаи» (слова г. Субботина), забыть подлинныя слова, какъ ему говорилъ ихъ Нероновъ, и ограничиться передачей ихъ общаго

о своемъ видѣніи Аввакуму, Павлу, еп. Коломенскому, протопопу Костромскому, Даніилу и всей братіи. Получивъ такимъ образомъ какъ бы нѣкоторое благословеніе свыше, Аввакумъ и Даніилъ выступили съ протестомъ, выбрали изъ божественнаго писанія доказательства противъ Никонова распоряженія о поклонахъ и о сложеніи перстъ и подали царю большую челобитную, до насъ не дошедшую. Государь, какъ предполагаетъ Аввакумъ [76]), отдалъ ее Никону, но Никонъ ничего не сдѣлалъ челобитчикамъ, вѣроятно, еще не желая преслѣдовать людей, которые пользовались такимъ вліяніемъ въ прежнее патріаршество и съ которыми самъ былъ ранѣе друженъ, но теперь уже съ нѣкотораго времени порвалъ связь.

смысла, а смыслъ ихъ въ передачѣ Аввакума близко подходитъ къ словамъ Неронова въ его письмѣ. Неронову голосъ говорилъ: «дерзай и не убойся до смерти»; Аввакумъ передаетъ: «подобаетъ вамъ страдати неослабно». И въ томъ и въ другомъ случаѣ мы видимъ призывъ къ великимъ страданіямъ. Нероновъ слышалъ: «днесь постраждетъ Русія, якоже юниты». Аввакумъ пишетъ; «время приспѣ страданія» вообще, не опредѣляя, для кого, но можно догадываться, что для вѣрныхъ православію. Г. Субботинъ замѣчаетъ кромѣ того, что слова «да не постраждетъ днесь Руссія, якоже и юниты» взяты изъ «Книги о вѣрѣ». Но во-первыхъ, эти слова представляютъ изъ себя не буквальную передачу того предостереженія, которое заключалось въ «Книгѣ о вѣрѣ», а только изложеніе общаго его смысла; а во-вторыхъ, что же удивительнаго, что Нероновъ, подъ вліяніемъ истощенія недѣльнымъ постомъ и тѣхъ тревожныхъ мыслей, которыя роились у него въ головѣ, могъ слышать голосъ, говорившій ему прямо выраженіями «Книги о вѣрѣ», когда эти слова были у него безпрестанно на умѣ въ то тревожное время, когда, какъ признаетъ самъ г. Субботинъ, «они занимали очень многихъ на Руси, особенно расколоучителей»?. Въ этомъ случаѣ желаніе доказать, что Нероновъ не былъ чудотворецъ, или что съ нимъ дѣйствительно не говорилъ Самъ Спаситель (а о такомъ желаніи мы можемъ заключать по выраженіямъ: «мнимое откровеніе», «будто бы откровеніе и т. п.), на столько увлекло г. Субботина и митр. Макарія, что они сочли нужнымъ отрицать фактъ, нисколько не чудесный и вполнѣ вѣроятный съ точки зрѣнія историко-психологической.

[76]) Мат. V, стр. 19. Г, Субботинъ (Мат. V, стр. XVIII) и Н. И. Ивановскій (Критич. разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и о таинствахъ, стр. 27) полагаютъ, что эту челобитную царь отдалъ Стефану Вонифатьеву, такъ какъ она упоминается въ бумагахъ, отобранныхъ отъ игум. Өеоктиста, которому она была дана Стефаномъ. (Мат. I, стр. 332). Такое предположеніе очень правдоподобно, но оно не исключаетъ возможности и другого предположенія, что челобитная Аввакума была по крайней мѣрѣ сообщена царемъ Никону, а затѣмъ этимъ послѣднимъ возвращена царю, который и передалъ ее Стефану, а кромѣ того возможно, что у Өеоктиста была отобрана не подлинная челобитная, а черновая или копія.

Однако, хотя это дѣло на время заглохло, немногаго нужно было, чтобы страсти разгорѣлись и нарушилось спокойствіе. Новое столкновеніе съ Никономъ произошло болѣе изъ-за личныхъ мотивовъ. Въ іюлѣ того же 1653 г. патріархъ созвалъ у себя въ крестовой палатѣ соборъ для суда надъ Муромскимъ протопопомъ, Логгиномъ. Этого члена Нероновскаго кружка обвинялъ Муромскій воевода въ томъ, будто онъ похулилъ иконы Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ. Въ сущности дѣло, какъ оно излагается Нероновымъ въ «Росписи спорныхъ рѣчей съ патріархомъ Никономъ» и Муромскими священниками въ ихъ челобитной за Логгина мѣстному епископу, было совсѣмъ не важное. Жена Муромскаго воеводы пришла къ Логгину подъ благословеніе. Логгинъ почему-то спросилъ: «не бѣлена-ли ты?» Присутствовавшіе за нее вступились и обратились къ протопопу съ слѣдующимъ казуистическимъ вопросомъ: «Что ты, протопопъ, хулишь бѣлила; безъ бѣлилъ не пишутся образа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ». Логгинъ отвѣчалъ: «какими составами пишутся образа, такіе и составляютъ писцы, а какъ такіе составы положить на ваши рожи, такъ и сами не захотите; самъ Спасъ, Пречистая Богородица честнѣе своихъ образовъ». По утвержденію Неронова, Никонъ, не разслѣдовавъ дѣла, велѣлъ отдать Логгина жестокому приставу; но въ этомъ случаѣ показаніе Неронова опровергается его собственными словами, что дѣло Логгина было разсмотрѣно и рѣшено на соборѣ [77]).

Вслѣдствіе такой несправедливости, Нероновъ, по свидѣтельству его «Росписи», сталъ говорить Никону: «За что его дать за жестокаго пристава? Услышитъ онъ, приставъ, отъ тебя гнѣвъ, и онъ его уморитъ. То-ли твоя святительская милость ко священному чину?» Далѣе зашелъ разговоръ о томъ, что приговоръ суда долженъ быть утвержденъ царемъ, и будто бы Никонъ, находившій, по всей вѣроятности, дѣло не на столько важнымъ, чтобы докладывать о немъ царю, выразился такимъ образомъ: «мнѣ и царская помощь не нужна, я на нее плюю и сморкаю». На такое дерзкое заявленіе Нероновъ возразилъ: «Владыко, не дѣло говоришь, всѣ святые отцы и соборы призывали благочестивыхъ царей и ихъ синклитъ на помощь себѣ и православной вѣрѣ».

---

[77]) Гр. А. Гейденъ. Изъ исторіи возникновенія раскола при патр. Никонѣ стр. 5—6. Мат. I, стр. 41—51. Ист. опис. Рязанской іерархіи, стр. 37—112.

Приведенныя слова Никона будто бы обратили на себя вниманіе Іоны, митр. Ростовскаго и др. лицъ, и по доносу о нихъ Неронова царю было назначено слѣдствіе, и съ этой цѣлью черезъ нѣсколько дней собрался новый соборъ. Обвиненіе въ дерзкихъ словахъ о царѣ, взводимое Нероновымъ на Никона, не подтвердилось. По изложенію «Росписи», на этомъ соборѣ произошло слѣдующее преніе Неронова съ патріархомъ Никономъ.

Патріархъ сказалъ: «Я кромѣ Евангелія ничѣмъ не сужу».

— «Во святомъ Евангеліи,—возразилъ Нероновъ;—написано: Господь рече, любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ,—а тебѣ, если кто добра хочетъ, ты и тѣхъ ненавидишь; клеветниковъ же и шопотниковъ любишь и жалуешь, и слушаешь; если тебѣ на кого наклевещутъ, хоть за 500—1000 верстъ, ты вѣришь. Про богомольцевъ, со словъ клеветниковъ, говоришь, что они нечестивые; то-то и то-то дѣлаютъ, а Стефанъ протопопъ и я имъ потакаемъ. Не слѣдуетъ тебѣ оглашать, не провѣривъ дѣла черезъ истинныхъ свидѣтелей».

— «Я сужу по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ.

— «Въ правилахъ написано: клеветникомъ вѣры не яти, а сыскавъ истинными свидѣтелями; а сыскавъ, клеветникомъ наказанія чинити безъ пощадѣнія. А тебѣ явно клевещутъ на добрыхъ людей, и ты вѣришь».

Въ споръ вмѣшался протодіаконъ Григорій съ товарищами, стали укорять Неронова, будто у него жена неистова, а сынъ укралъ у чудотворнаго образа Казанской Божіей Матери серьги, пожертвованныя царицей. Нероновъ не выдержалъ:

— «Доселѣ ты называлъ протодіакона и другихъ твоихъ совѣтниковъ нынѣшнихъ врагами Божіими и раззорителями закона Божьяго, а теперь они у тебя на соборѣ добрые люди. Прежде ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ и его любимыми совѣтниками, часто ты пріѣзжалъ въ домъ къ Стефану и любезно о всякомъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ еще игуменомъ, архимандритомъ, митрополитомъ. Когда государъ присылалъ иныхъ богомольцевъ къ покойному Іосифу патріарху для поставленія въ разныя духовныя должности, ты съ Стефаномъ бывалъ въ совѣтѣ и не прекословилъ, не говорилъ на поставленіи не аксіосъ, т. е. недостоинъ. Тогда у тебя всѣ были непорочными, а теперь тѣ же люди стали недостойны. За что тебѣ теперь протопопъ Стефанъ сталъ врагомъ? Вездѣ ты его поносишь, уко-

ряешь, друзей его раззоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь; доселѣ ты другъ нашъ былъ, а теперь на насъ возсталъ. Иныхъ ты удалилъ и на ихъ мѣсто поставилъ другихъ, а отъ нихъ добраго ничего не слыхать. Ты нѣкоторыхъ отставилъ, обвинивъ ихъ въ мучительствѣ, а самъ безпрестанно мучишь: Соловецкаго старца въ крестный день велѣлъ бить немилостиво. Этого ты себѣ въ вину не вмѣняешь: властямъ запрещаешь, а самъ мучишь. Вотъ ты укоряешь новоуложенную книгу, попираешь ее посохомъ и называешь недоброю, а самъ руку приложилъ, когда ее составляли; тогда ты ее называлъ доброю, тогда ты приложилъ руку изъ страха земнаго, а теперь ты о ней на соборѣ дерзко отзываешься, потому что тебѣ государь волю далъ. А кто Бога любитъ, не боится нищеты, скорби или смерти, страдаетъ и стоитъ за истину крѣпко, какъ нынѣ богомольцы, терпящіе отъ тебя скорби, бѣды и раззоренія».

Затѣмъ Никонъ объявилъ Неронову, что на него подали челобитную его попы и причетники за его безчиніе. Нероновъ потребовалъ прочтенія челобитной. Ея не прочли. Тогда Нероновъ назвалъ патріарха лжецомъ, сталъ увѣрять, что тотъ подыскалъ его врага, который и составилъ челобитную. Григорій протодіаконъ съ товарищами начали его унимать, ему говорили: «Какъ ты можешь называть великаго святителя кощунникомъ, празднословцемъ, мучителемъ, лжецомъ»? Но Нероновъ въ своемъ раздраженіи не слушалъ никакихъ уговоровъ: «Вамъ, продолжалъ онъ, попустилъ патріархъ говорить предъ собой всякія нелѣпыя слова на истинныхъ рабовъ Божіихъ, и не знаю, какъ назвать вашъ соборъ, потому что не заботитесь вы о законѣ Божіемъ, а занимаетесь укоризнами и поношеніями. Что вы кричите и вопите? Я не похулилъ и не погрѣшилъ противъ Св. Троицы, а я хулю вашъ соборъ. Такіе соборы бывали и противъ Іоанна Златоуста и противъ Стефана Сурожскаго».

Весь этотъ разсказъ «Росписи» о столкновеніи Неронова съ Никономъ является, конечно, пристрастнымъ, одностороннимъ изложеніемъ дѣла. Нероновъ выставляетъ себя смѣлымъ борцомъ за правду, передъ которымъ, конечно, патріарху Никону приходится только молчать или ограничиваться краткими односложными отвѣтами. Въ такомъ изложеніи спора легко можно замѣтить тенденцію представить Никона не могущимъ нечего ска-

зать въ свое оправданіе, а съ другой стороны видно (помимо желанія автора), что поведеніе Неронова на этомъ соборѣ послѣ того, какъ его обвиненіе, выставленное противъ патріарха, не подтвердилось, оказывается на столько грубымъ, что непремѣнно должно было повлечь за собою наказаніе Неронову. Обвиненія патріарха въ мучительствѣ, будто бы высказанныя ему Нероновымъ, въ это время еще не имѣли за себя никакого фактическаго основанія, такъ какъ мы знаемъ, что всѣ мѣры Никона пока ограничились только удаленіемъ съ печатнаго двора трехъ справщиковъ и наказаніемъ Логгина. Показаніе о враждебныхъ отношеніяхъ Никона къ Стефану Вонифатьеву тоже неправильно, такъ какъ ни о какихъ столкновеніяхъ Стефана съ Никономъ намъ неизвѣстно, а кромѣ того, по высказанному нами уже предположенію, Стефанъ въ это время уже уклонился отъ участія въ протестѣ своихъ друзей противъ новаго направленія въ дѣлѣ книжной справы. Какъ бы то ни было, несомнѣнно одно, что Нероновъ держалъ себя на судѣ въ высшей степени дерзко, чѣмъ и навлекъ на себя послѣдовавшее вскорѣ наказаніе.

15-го іюля Нероновъ былъ отданъ подъ началъ въ Новоспасскій монастырь и въ тотъ же день переведенъ въ Симоновъ, гдѣ содержался подъ строгимъ арестомъ (къ нему не пускали даже его домашнихъ, въ церковь ему ходить не позволяли, а ночью стерегли «со свѣщами»); черезъ недѣлю его привезли на Царе-Борисовскій дворъ, здѣсь били, а потомъ, снявши въ соборной церкви скуфью, вернули въ Симоновъ монастырь, гдѣ надѣли ему на шею цѣпь, наконецъ 4-го августа сослали въ Спасокаменный монастырь, на Кубенское озеро [78]).

Аввакумъ отправился провожать Неронова, но скоро дошла очередь ѣхать въ ссылку и до него съ остальной братіей. Вернувшись, онъ съ Даніиломъ Костромскимъ подалъ царю слѣ-

---

[78]) Обстоятельства столкновенія Неронова съ патр. Никономъ и его высылки изложены на основаніи Мат. I, стр. 41—51, 134, 234—237. Обстоятельное изложеніе этого эпизода мы находимъ у гр. Гейдена (op. cit. стр. 5—11), хотя не можемъ признать правильной дату высылки Неронова (13 августа), принимаемую гр. Гейденомъ на основаніи «Росписи», и считаемъ болѣе вѣрнымъ мнѣніе г. Субботина, принимающаго 4 августа, дату, указанную въ «Запискѣ» Ѳеоктиста. Полагаемъ мы такъ потому, что не видимъ основанія предполагать, какъ это дѣлаетъ гр. Гейденъ, что Аввакумъ ѣздилъ провожать Неронова между 13 и 20 августа.

дующую челобитную: «О, благочестивый царю, откуду се привнидоша въ твою державу? ученіе въ Россіи не стало и глава отъ церкви отста, понежъ озоба вепрь отъ луга и инокъ дивиі поялъ и есть». Такимъ образомъ кратко излагаетъ Аввакумъ эту челобитную въ письмѣ къ Неронову, но по всей вѣроятности, она была больше, а кромѣ того извѣстно, что она заключала въ себѣ кромѣ прошенія объ общихъ церковныхъ дѣлахъ и ходатайство за Неронова; въ ней приняли участіе и прихожане Неронова, которые очень его жалѣли и укоряли священниковъ Казанскаго собора за его высылку, а какая-то благодѣтельница Анна Михайловна [79]) отказалась даже «печаловаться о кормахъ» для нихъ, говоря: «и впредь не будетъ вамъ ничего,—молилися, да вымолили Ивана Неронова вонъ». Упомянутую челобитную царь отдалъ патріарху.

Не ограничиваясь ходатайствомъ предъ царемъ за Неронова, Аввакумъ обращался съ протестомъ противъ Никона уже прямо къ народу, которому онъ, какъ это и раньше бывало во время отлучекъ Неронова, читалъ поученія: такъ, въ субботу 12-го августа, читая народу поученіе на паперти, въ присутствіи «подьяконовъ», Аввакумъ «лишніе слова говорилъ, что и не подобаетъ говорити». Въ виду такихъ обстоятельствъ, архидіаконъ патріарха замѣтилъ священникамъ Казанскаго собора: «развѣ вы не умѣете читать поученія народу, что даете читать Аввакуму? Сами поучайте». Такое внушеніе архидіакона понравилось казанскимъ попамъ, тѣмъ болѣе, что ихъ начальникъ, другъ Аввакума, былъ въ ссылкѣ и они не опасались его гнѣва, такъ что они вполнѣ могли отважиться на неповиновеніе Аввакуму, на такую дерзость, о которой прежде и не подумали бы. И вотъ 13-го августа на всенощной священникъ Петръ Ананьичъ сказалъ Ивану Даниловичу: «пойди, братецъ, на крылосъ пѣть, а мнѣ въ ризахъ дѣйствовать отдай». Иванъ Даниловичъ отвѣтилъ, что онъ пѣть не можетъ, а что «чѣмъ Аввакуму у насъ начальствовать, пойди ты, Петръ, псаломъ «Благословлю Господа» говори, и разсуждай у четца, а первую статью Евангелія толковаго чти вмѣсто протопопа Ивана Нероновича». Петръ Ананьичъ такъ и сдѣлалъ. Во время заамвонной статьи вошелъ въ алтарь Аввакумъ, и увидя, что Петръ Ананьичъ замѣняетъ Не-

[79]) Не сестра-ли Ѳ. М. Ртищева?

ронова, сказалъ съ гнѣвомъ: «теперь мнѣ нѣтъ и жребія и чести».—«Какъ придетъ твоя очередь, читай хоть десять листовъ», отвѣтилъ ему Иванъ Даниловичъ. Аввакумъ сталъ его укорять: «забылъ ты любовь батькову, въ прежніе его поѣзды и отлученія этого не бывало, вы у меня первенства не отнимали; а оно мнѣ подобаетъ и по приказу батькову и по чину: я протопопъ». Но Иванъ Даниловичъ не послушался: «ты протопопъ въ Юрьевцѣ, а не намъ; мы о томъ не слыхали отъ Ивана Нероновича, что тебѣ быть у насъ большому, а намъ ни во что; а хотя бы и приказалъ онъ, и то не дѣло, что приказывалъ; да архидіаконъ намъ говорилъ, зачѣмъ мы дали тебѣ честь поученія».

Аввакумъ разсердился, не пошелъ на клиросъ во время шестопсалмія и не читалъ своей статьи по второй каѳизмѣ. Казанскіе священники попробовали было съ нимъ помириться, говорили ему: «не кручинься,—вашего крылоса будетъ чреда,—понедѣльникъ, среда, пятокъ, — тогда ты первую статью чти и разсуждай у всѣхъ, а у нашего крылоса Петръ, а во иную недѣлю тебѣ отдадимъ первенство». Но Аввакумъ такъ обидѣлся, что вышелъ изъ церкви вмѣстѣ со своимъ землякомъ, нижегородцемъ Семеномъ Трофимовичемъ, и они объявили прихожанамъ, что у него отняли въ церкви попы книгу, а самого выгнали изъ церкви. Послѣ этого Аввакумъ почему-то попробовалъ служить въ церкви св. Аверкія и, какъ разсказываетъ священникъ Иванъ Даниловичъ, самовольно до прихода аверкіевскаго попа Амвросія, началъ служить полунощницу; но и тутъ онъ долженъ былъ уйти [80]). Послѣ этой неудачной попытки Аввакумъ задумалъ служить всенощную на дворѣ Неронова въ сушилѣ. Къ нему собралось много прихожанъ Казанскаго собора,

[80]) Гр. Гейденъ, принимая дату высылки Неронова 13 августа, полагаетъ, что въ этотъ день, послѣ столкновенія съ казанскими попами, Аввакумъ поѣхалъ провожать Неронова, а эпизодъ въ Аверкіевской церкви произошелъ послѣ возвращенія Аввакума изъ этой поѣздки. Но если-бы Аввакумъ провожалъ Неронова 13 авг., то ему не за чѣмъ было-бы писать Неронову о томъ, что его «не пустили у Казанскіе въ церкву»; объ этомъ онъ могъ бы и раньше сообщить Неронову. Кромѣ того происшедшее въ Аверкіевской церкви намъ извѣстно только по одному неясному извѣстію Ивана Даниловича, Аввакумъ же объ этомъ ничего не упоминаетъ, такъ что опредѣленно сказать, въ какой день Аввакумъ ходилъ въ эту церковь, не представляется возможности. Вполнѣ же достовѣрнымъ намъ кажется установленіе гр. Гейденомъ даты ареста Аввакума.

которые звали на его всенощную и другихъ, говоря: «въ нѣкоторое время и конюшня лучше церкви», такъ что въ сушило, по слухамъ, набиралось до 100 человѣкъ. Иванъ Даниловичъ донесъ о такомъ безчиніи патріарху. 20-го августа, когда Аввакумъ читалъ статью въ «Бесѣдахъ» Златоуста, въ сушило явился Борисъ Нелединскій со стрѣльцами, начали бить Аввакума взашей и за волосы драть въ эпитрахили и арестовали съ нимъ 33 человѣка, а также были взяты 40 человѣкъ, подписавшихъ челобитную о Нероновѣ. Отвели ихъ на дворъ патріарха: всѣхъ взятыхъ съ Аввакумомъ посадили въ тюрьму на 7 дней, а затѣмъ отлучили отъ церкви на довольно долгое время, самого же Аввакума сковали и свезли въ Андроньевъ монастырь. Черезъ 10 дней взяли его изъ монастыря, по повелѣнію патріарха, вели его пѣшкомъ, «за рукава, снемши съ рукъ, яко разбойника». Привели въ патріарховъ приказъ, здѣсь былъ допросъ о челобитной, которая была подана за Неронова. Когда стали спрашивать о сушильномъ всенощномъ бдѣніи, Аввакумъ отвѣтилъ судьямъ: «у Казанской глава былъ Иванъ; и свиньи тѣ, которые раззоряютъ благочестіе и подали на него челобитную патріарху». Съ Аввакумомъ спорилъ архидіаконъ довольно много, наконецъ, выругавъ его «матерны», велѣлъ отвести назадъ въ Андроньевъ монастырь.

Въ то время, какъ Аввакумъ сидѣлъ съ цѣпью со стуломъ на шеѣ въ монастырской тюрьмѣ, преслѣдовали и другихъ лицъ изъ «братіи» и съ нѣкоторыми уже покончили. Даніилъ Костромской былъ растриженъ и сосланъ въ Астрахань; Даніилъ, Темниковскій протопопъ, заточенъ въ Новоспасскій монастырь [81]); Семенъ Бебеховъ, который переписывалъ челобитную Аввакума и Даніила за Неронова, сидѣлъ на цѣпи на патріарховѣ дворѣ. Логгина Муромскаго Никонъ растригъ и проклиналъ на литургіи во время переноса; сняли съ него однорядку и кафтанъ, и въ одной рубашкѣ били его взашей, затѣмъ съ цѣпью на шеѣ тащили съ патріархова двора въ Богоявленскій монастырь и, наконецъ, сослали въ деревню въ Муромскій уѣздъ [82]). Изъ всей

[81]) Мат. V, стр. 19.

[82]) Мат. I, стр. 24 — 25. Въ «Житіи» Аввакума (V, стр. 21) прибавлена подробность о томъ, что Логгинъ снялъ съ себя рубашку и бросилъ въ алтарь, но, очевидно, эта подробность позднѣйшаго сочиненія,—иначе Аввакумъ не забылъ бы написать о такомъ фактѣ Неронову, сообщая о разстриженіи Логгина.

братіи уцѣлѣлъ одинъ Стефанъ Вонифатьевъ, потому что «всяко ослабѣлъ» и, должно быть, пользовался заступничествомъ царя, такъ что ему прощались сношенія съ Нероновымъ и другими членами его кружка.

Сидя въ заточеніи, Аввакумъ написалъ 14-го сентября письмо къ Неронову. Не имѣя литературнаго значенія, это первое дошедшее до насъ письмо Аввакума важно, какъ историческій источникъ, хотя нѣкоторыя обстоятельства въ немъ изложены не совсѣмъ точно. Аввакумъ передаетъ Неронову о своемъ арестѣ, о бѣдствіи остальной братіи. Интересно уваженіе, съ какимъ онъ относится къ Неронову, въ заключеніи письма уподобляя его апостолу Павлу. На другой день послѣ отправленія этого письма, на память великомученика Никиты, участь Аввакума была рѣшена. Его привезли остричь въ соборную церковь. Долго держали его на порогѣ. Государю, который присутствовалъ при обѣднѣ, стало жалко Аввакума, онъ сошелъ со своего мѣста и просилъ за него патріарха. Патріархъ смилостивился. Аввакума не стригли, отвели въ Сибирскій приходъ къ дьяку Третьяку Башмакову, впослѣдствіи прославившемуся въ исторіи раскола подъ именемъ старца Савватія. Черезъ нѣсколько дней Аввакумъ былъ отправленъ съ семействомъ въ Тобольскъ [83]).

---

[83]) Все изложенное основывается на письмахъ Аввакума и Ивана Даниловича (Мат. I, стр. 20—26, 26—34) и на разсказѣ «Житія» Аввакума (Мат. V, стр. 19—22).

ГЛАВА III.

Жизнь Аввакума въ Тобольскѣ и въ Дауріи.—Экспедиція Аѳанасія Пашкова.

Путешествіе въ Сибирь сопряжено было для Аввакума съ разными невзгодами: ѣхать пришлось очень долго (тринадцать недѣль) и водой, и сухимъ путемъ, на телѣгахъ и саняхъ; въ дорогѣ у Настасьи Марковны родился ребенокъ, и ее, больную, повезли дальше. До Тобольска добрались только въ началѣ 1654 года, и здѣсь архіепископъ Симеонъ, вѣроятно по приказу изъ Москвы, далъ Аввакуму мѣсто протопопа; по мѣстному тобольскому преданію, Аввакумъ жилъ въ Знаменскомъ монастырѣ и при Пятницкой церкви [1]). О строгости Аввакума къ своимъ духовнымъ дѣтямъ мы можемъ судить по слѣдующимъ двумъ эпизодамъ, которые онъ намъ сообщаетъ изъ своей тобольской жизни. Часу въ 5-мъ или 6-мъ ночи, когда Аввакумъ молился со своей семьей, къ его избѣ подошелъ пьяный монахъ и сталъ кричать: «учителю, дай мнѣ скоро царство небесное». Аввакумъ впустилъ чернеца въ избу и, когда тотъ на вопросъ его: «чего просишь»? отвѣтилъ: «хочу царства небеснаго скоро, скоро», Аввакумъ снова спросилъ его: «можешь ли пити чашу, ея же ти поднесу»? Монахъ изъявилъ полную готовность немедленно испить эту чашу. «Азъ же, разсказываетъ Аввакумъ, приказалъ пономарю стулъ посреди избы поставить и топоръ мясной на стулъ положить,—вершить чернеца хощу. Еще же канатной тол-

---

[1]) Въ Москвѣ было извѣстно, что Аввакумъ будетъ въ Сибири протопопомъ (Мат. I, стр. 31). См. статью Сырцова въ Тобол. Епарх. Вѣд. 1885 г. Протопопъ Аввакумъ въ Сибири, № 16—17, стр. 374.

стой шелепъ приказалъ здѣлати. Взявше книгу, отходную сталъ ему говорить и со всѣми прощатся. Онъ же задумался. Таже на стулъ велѣлъ ему главу возложить: и шелепомъ пономарь по шеѣ. Онъ же закричалъ: «государь, виноватъ,—пощади, помилуй»! И піянство скочило. Ослабили ему. Палъ предо мною. Азъ же далъ ему четки въ руки, полтораста поклоновъ предъ Богомъ за епитимью велѣлъ класть. Поставилъ его пономарь въ одной свиткѣ,—манатью и клобукъ снялъ и на гвоздь повѣсилъ. Я, ставъ предъ образомъ Господнимъ, вслухъ Іисусову молитву говоря, на колѣни поклонюся; а онъ, послѣдуя, стоя за мною, также на колѣни; а пономарь шелепомъ по спинѣ. Да уже насилу дышать сталъ: такъ ево употчивалъ пономар-етъ! Вижю я, яко довлѣетъ благодати Господни: въ сѣни его отпустили отдохнуть и дверь не затворили. Бросился онъ изъ сѣней, да чрезъ заборъ, да и бѣгомъ. Пономарь кричитъ во слѣдъ: «отче, отче, манатью и клобукъ возьми»! Онъ же отвѣща: «горите вы и совсѣмъ». Не до манатьи стало. Съ мѣсецъ времени минувъ, пришелъ въ день къ окошку: молитву искусно творитъ и чинно. А я чту книгу Библію. Пойди, реку, Библіи слушать въ избу. И онъ: «не смѣю-де, государь, и глядѣть на тебя,—прости, согрѣшилъ»! Я простилъ ево со Христомъ и велѣлъ манатью отдать. Потомъ издали мнѣ кланяется въ землю. И архимандрита и братію сталъ почитать; а воеводы мнѣ-жъ бьютъ челомъ. А до тово никто съ нимъ не смѣлъ говорить» [2]).

Въ другой разъ Аввакумъ случайно наткнулся на сцену блудодѣянія; женщину, пойманную имъ, ему отдали подъ началъ воеводы, и наказаніе придумано было протопопомъ слѣдующее: «Я подъ полъ ея спряталъ. Дни съ три во тьмѣ сидѣла на холоду—заревѣла: «государь батюшко Петровичъ! Согрѣшила предъ Богомъ и предъ тобою! Виновата,—не буду такъ впредь дѣлать! Прости меня грѣшную»! Кричитъ ночью въ правило,—мѣшаетъ говорить. Я су пересталъ правило говорить, велѣлъ ее вынять, и говорю ей: хочешь ли вина и пива? И она дрожитъ и говоритъ: «нѣтъ, государь, не до вина стало! Дай, пожалуй, кусочекъ хлѣбца». И я ей говорю: разумѣй чадо,—похотѣніе то блудная пища и питіе рождаетъ въ человѣкѣ, и ума недостатокъ и къ Богу прозорство и безстрашіе: наѣдшися и напився пьяна, ска-

---

[2]) Мат. V, стр. 200.

чешь, яко юница быковъ желаешь, и як кошка котовъ ищешь смерть забывше. Потомъ далъ ей четки въ руки и велѣлъ класть предъ Богомъ поклоны. Кланялася, кланялася,—да и упала. Я пономарю шелепомъ приказалъ. Гдѣ-петь дѣтца? Чортъ плотной на шею навязался! И плачю предъ Богомъ, а мучю. Помню въ правилѣхъ пишетъ: прелюбодѣй и на Пасху безъ милости мучится. Начала много далъ, да и отпустилъ. Она и паки за тотъ же промыселъ, сосудъ сатанинъ» [3])! Въ этомъ случаѣ мѣры Аввакума не подѣйствовали, хотя способъ противодѣйствія блудной похоти голодомъ былъ давно извѣстный и очень одобряемый, какъ это видно, напр., изъ «Повѣсти о цѣломудренной вдовѣ» [4]).

Однако, не всѣ духовныя дѣти Аввакума оказывались на столько послушными, и со многими у него происходили разныя ссоры и недоразумѣнія, такъ что, по его словамъ, въ Тобольскѣ его «великія бѣды постигоша» и въ теченіе полутора года на него «сказывали пять словъ государевыхъ». Особенно сильнымъ и плачевнымъ для Аввакума оказалось его столкновеніе съ дьякомъ архіепископскаго двора, Иваномъ Струною, происшедшее во время отсутствія изъ Тобольска архіепископа Симеона, который уѣхалъ въ Москву послѣ 22-го января 1654 г. [5]). Струна почему-то, и какъ утверждаетъ Аввакумъ, напрасно вздумалъ мучить Антона, дьяка Аввакумовой церкви, и хотѣлъ его схватить, но Антонъ убѣжалъ въ церковь, гдѣ въ это время Аввакумъ служилъ вечерню. Струна, собравъ какихъ-то людей, пришелъ за нимъ и, вскочивъ въ церковь, схватилъ за бороду Антона, стоявшаго на клиросѣ. Тогда Аввакумъ заперъ церковь, не пустилъ въ нее никого, такъ что Струна остался одинъ противъ двухъ. Протопопъ и Антонъ посадили его среди церкви на полу, и Аввакумъ за церковный мятежъ постегалъ его ремнемъ «нарочито-таки». Люди, которыхъ Струна привелъ съ собой, ушли, должно быть, не осмѣливаясь за него заступиться, когда

---

[3]) Ibid. стр. 254—255.

[4]) Вдова, убѣдивъ искателя ея руки нѣсколько дней не ѣсть, предложила ему потомъ на выборъ «трапезу и одръ», но онъ отвѣтилъ: «ниже помысла имамъ, что есть жена, отъ одержащаго мя глада». Пам. стар. лит. I, стр. 20.

[5]) Др. Росс. Вивліоѳика, III, стр. 184. Аввакумъ говоритъ, что Симеонъ ѣхалъ по Волгѣ въ 1654 г., недѣли за двѣ до Петрова дня, такъ что онъ выѣхалъ, быть можетъ, изъ Тобольска позже, а въ январѣ только получилъ отпускъ. Мат. V, стр. 4.

увидѣли, что противъ него самъ протопопъ. Струна покаялся, и Аввакумъ отпустилъ его домой. Но Струна не на долго смирился: его родственники, попы и чернецы подняли весь городъ на Аввакума. Въ полночь привезли сани къ дому его, ломились къ нему, намѣреваясь его взять, отвезти на рѣку и утопить; въ этотъ разъ они почему-то ушли, однако ихъ преслѣдованія не кончились этимъ, и Аввакуму приходилось довольно жутко: цѣлый мѣсяцъ онъ принужденъ былъ отъ нихъ бѣгать, ночевать иногда въ церкви, то прятаться у воеводы, который былъ очень къ нему расположенъ, вѣроятно, вслѣдствіе заступничества своей жены, собиравшейся даже спрятать Аввакума въ критическую для него минуту въ сундукъ [6]); ожесточеніе враговъ было такъ сильно, что Аввакумъ просилъ даже, чтобы его укрыли отъ нихъ въ тюрьмѣ. Были все-таки у него и защитники, изъ которыхъ онъ упоминаетъ о какомъ-то Матвѣѣ Ломковѣ, который «провожалъ его много». Наконецъ, вернулся 14-го декабря [7]) архіепископъ Симеонъ, и Аввакумъ обратился къ нему съ жалобой. За Струной водились еще и другія провинности, онъ былъ взяточникъ: какой-то мужикъ совершилъ кровосмѣшеніе съ дочерью, за это былъ привлеченъ къ суду, а Струна, взявъ съ него полтину, отпустилъ его безъ наказанія. За это преступленіе и за преслѣдованіе Аввакума архіепископъ приказалъ сковать Струну; но онъ ушелъ къ воеводамъ и сказалъ государево слово на Аввакума. Воеводы отдали стеречь Струну боярскому сыну Петру Бекетову. Но Симеонъ не могъ оставить дѣла Струны безъ наказанія: посовѣтовавшись съ Аввакумомъ, онъ сталъ проклинать Струну въ соборной церкви въ недѣлю православія въ 1655 году. Вдругъ защитникомъ Струны явился Петръ Бекетовъ, который пришелъ въ церковь, бранилъ архіепископа и Аввакума. Чѣмъ кончилось это дѣло, мы не знаемъ; Аввакумъ сообщаетъ, будто Бекетовъ тотчасъ, какъ вышелъ изъ церкви, взбѣсился и умеръ по дорогѣ домой; будто они приказали бросить его тѣло собакамъ средь улицы, а сами молились о спасеніи его души и черезъ три дня «честно его погребли». Все это очень неправдоподобно, имѣетъ какой-то чудесный отпечатокъ; отчего умеръ Бекетовъ, непонятно; кромѣ того, ничего не сказано о томъ, что

---

6) Хр. Чт. 1888 г. II, стр. 582.

7) Др. Росс. Вивліоѳика, III, стр. 184.

сталось со Струной; самое же важное обстоятельство, подрывающее довѣріе къ этому разсказу,—то, что въ этомъ году мы находимъ какого-то боярскаго сына Петра Бекетова дѣйствующимъ на Амурѣ, подъ начальствомъ Аѳанасія Пашкова.

Несмотря на всѣ эти невзгоды, Аввакумъ не позабывалъ своего главнаго дѣла: «бранилъ и укорялъ отъ писанія ересь Никонову». Въ томъ, что реформа патріарха Никона есть пагубное отпаденіе отъ православной вѣры, его еще болѣе убѣждали несчастія, постигшія въ то время Россію. Нероновъ предсказывалъ царю за церковный расколъ три бѣды: «мечъ, моръ и раздѣленіе», и теперь это предсказаніе, на взглядъ Аввакума, вполнѣ подтверждалось: Москвѣ пришлось вступить въ борьбу съ Польшей за Малороссію, а страшная моровая язва опустошала государство. Это народное бѣдствіе близко коснулось и самого Аввакума: у него въ Москвѣ умерли два брата, которыхъ онъ во время своей силы опредѣлилъ въ придворную церковь царицы (одинъ изъ нихъ Евфимій былъ псаломщикомъ въ церкви «большой царевны», вѣроятно, Татіаны Михайловны), перемерли также ихъ жены и дѣти, а также и многіе другіе родственники и друзья Аввакума. Обо всемъ этомъ Аввакуму писали изъ Москвы, и, еще болѣе укрѣпляясь въ той мысли, что «изліялъ Богъ на царство фіалъ гнѣва своего», онъ съ большею силою обличалъ ересь Никонову. Вѣроятно, такія обличенія дошли и до Москвы, и оттуда былъ присланъ въ концѣ 1655 года указъ везти Аввакума на Лену; 29-го іюня онъ отправился изъ Тобольска, а какъ доѣхалъ онъ до Енисейскаго острога, въ 1656 г., другимъ указомъ велѣно было назначить его, какъ бѣлаго попа, въ экспедицію Аѳанасія Филипповича Пашкова, отправлявшагося въ Даурскую землю [8]).

Человѣкъ, съ которымъ теперь пришлось встрѣтиться Аввакуму, былъ не совсѣмъ заурядный. Энергичный, смѣлый, пріобрѣвшій значительную опытность въ своей долговременной административной дѣятельности, Пашковъ шелъ на новое дѣло: ему поручено было покорить земли, лежащія на Амурѣ, и устано-

---

[8]) Мат. V, стр. 23—26, 101; Хр. Чт. 1888 г. II, стр. 600. Совершенно ни на чемъ не основано извѣстіе г. Есипова, что причиной этой посылки Аввакума было столкновеніе со Струной, за которое и архіепископа постигло запрещеніе. (Раск. дѣла XVIII стол. I, стр. 112).

вить тамъ правильную администрацію. Уже раньше ходили на Амуръ русскіе люди, но это были отдѣльные набѣги; Пашкову же предстояло окончательно укрѣпить въ новыхъ земляхъ русское владычество. Онъ принялся за это дѣло съ большимъ рвеніемъ, пошелъ въ Даурію по новому пути, которымъ не ходили раньше [9]). Но уже съ самаго начала онъ встрѣтилъ много пре-

---

[9]) Мы позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой экспедиціи и о томъ, что ей предшествовало, чтобы выяснить ея значеніе въ ряду подвиговъ нашихъ сибирскихъ завоевателей-колонизаторовъ, которыхъ Фишеръ вполнѣ справедливо сравниваетъ съ героями Греціи и Рима и даже отдаетъ имъ предпочтеніе передъ послѣдними (Фишеръ, Сибир. исторія, стр. 630—631). Походы русскихъ людей въ Даурскую землю начались еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. Въ 1643 г. письменный голова Василій Поярковъ отправился изъ Якутска, внизъ по Ленѣ онъ проѣхалъ до впаденія въ нее Алдана, затѣмъ по рѣкамъ Алдану, Угуру, Гономѣ и Нуямкѣ добрался до Яблоновыхъ горъ, черезъ нихъ перетащился волокомъ въ рѣчку Малую Браенду, впадающую въ Зею, притокъ Амура, наконецъ, по Зеѣ и Амуру до Охотскаго моря. Богатая добыча, собранная Поярковымъ, и разсказы его и другихъ бывалыхъ людей о новыхъ земляхъ, черезъ годъ послѣ его возвращенія, побудили одного ленскаго промышленника, Ерофея Хабарова, предпринять новый походъ; но Хабаровъ шелъ другимъ, кратчайшимъ путемъ, рѣками Олекмою, Тугиромъ, затѣмъ черезъ хребетъ, отдѣляющій бассейнъ Ленскій отъ Амурскаго, перебрался на рѣку Урку, впадающую въ Амуръ. Походъ Хабарова былъ еще болѣе удаченъ, такъ что обратилъ на себя вниманіе московскаго правительства, которое стало помышлять о томъ, чтобы утвердиться прочно въ новыхъ Амурскихъ земляхъ. Въ 1652 г. приказано было кн. Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому идти туда съ 3000 человѣкъ, и уже было подготовлено все нужное для этой экспедиціи, но она почему-то не состоялась. Однако мысль объ утвержденіи въ Приамурскомъ краѣ не была оставлена въ Москвѣ, хотѣли установить тамъ постоянную правильную администрацію, выдѣлить его въ особое воеводство, которое сносилось бы прямо съ Москвою, съ Сибирскимъ приказомъ, а не подчинялось бы какимъ-нибудь мѣстнымъ, областнымъ начальникамъ. Эта задача и выпала на долю Пашкова. Еще въ 1651 г. сынъ боярскій Василій Колесниковъ писалъ Пашкову изъ Баргузинскаго острога, что около озера Иргеня живетъ много неясачныхъ тунгузовъ, что можно ихъ привести подъ высокую государеву руку, надо только поставить на Иргенѣ озерѣ острожки, и чтобы это исполнить, просилъ выслать ему на подмогу человѣкъ сто служилыхъ людей. Въ это время въ Енисейскѣ находились люди, бывавшіе на Иргенѣ озерѣ. Пашковъ обратился къ нимъ, чтобы разузнать о путяхъ, и они сказали, что изъ Баргузинскаго острога лѣтнею скорою ѣздою поспѣть можно на лошадяхъ дней въ шесть, а водянымъ путемъ идти черезъ Байкалъ озеро и иными рѣками мѣсяца три; озеро Иргень приблизительно длиною верстъ въ 50, а ширинею съ 20; въ 300 саженяхъ отъ него лежитъ другое озеро Ераклей или Арахлей; около этихъ озеръ живутъ и промышляютъ многіе тунгузы, ловятъ

пятствій, назначенный на его мѣсто въ Енисейскъ новый воевода интриговалъ противъ него; провіантъ, отправленный впередъ въ Тугирскій острогъ, подвергся нападенію шайки голодныхъ казаковъ, возвращавшихся съ Амура, и былъ уничтоженъ; огнестрѣльныхъ запасовъ Пашкову не дали въ достаточномъ количествѣ; собственная его команда, вслѣдствіе разныхъ лишеній и по отсутствію въ ней почти всякой дисциплины, отказывалась его слушаться. Пашковъ, однако, не останавливался на пути къ

рыбу, готовятъ себѣ годовые сухіе рыбные запасы; оттуда волокомъ и по рѣкѣ Ингодѣ можно достигнуть въ четыре дня Великой Шилки рѣки; отъ устья Ингоды на 50 верстъ внизъ въ Шилку впадаетъ рѣка Нерчь, берега которой тоже населены тунгузами. Служилые люди, сообщившіе Пашкову эти свѣдѣнія, совѣтовали ему поставить остроги на Иргенѣ и на устьѣ Нерчи, иначе, говорили они, «немирныхъ тунгусовъ подъ государеву руку привести и съ нихъ ясакъ взять не мочно». Пашковъ послалъ на Иргень сына боярскаго Петра Бекетова со служилыми людьми, а вмѣстѣ съ тѣмъ отписалъ въ Москву о всемъ, что слышалъ относительно новыхъ земель и, вѣроятно, предлагалъ ихъ покорить. Бекетовъ не сдѣлалъ ничего особенно полезнаго для утвержденія русскаго владычества въ новыхъ земляхъ, собралъ только ясаку нѣсколько сороковъ соболей, но очень важно, что онъ собралъ новыя свѣдѣнія о путяхъ, и оказалось, что служилые люди говорили Пашкову не совсѣмъ вѣрно: до Иргеня надо было идти больше, чѣмъ три мѣсяца. Между тѣмъ въ Москвѣ планъ Пашкова очень понравился, онъ совпалъ съ видами правительственными, и въ августѣ 1655 г. «велѣно Аѳанасью Пашкову быть на службѣ въ Даурской землѣ, да съ нимъ сыну его, Еремѣю, да сибирскимъ служилымъ людямъ, разныхъ городовъ стрѣльцомъ и казакомъ, тремъ стамъ человѣкамъ, а для тое Даурскіе службы велѣно дати ему, Аѳанасью, и сыну его, Еремѣю, денежное жалованье по окладамъ ихъ изъ Енисейскихъ доходовъ». Изъ Тобольска приказано было послать Пашкову пороху, свинца, вина горячаго, хлѣба и др. припасовъ; архіепископу Симеону велѣно отправить антиминсы для трехъ церквей, двухъ поповъ и діакона,—остальныя церковныя потребы должны были быть высланы изъ Москвы. Пашкову данъ особый наказъ относительно новой его службы. Зима 1655—1656 гг. прошла въ приготовленіяхъ, причемъ обнаружились разныя непріятности, и, наконецъ, весною 1656 года Пашковъ выступилъ изъ Енисейска. Сперва предполагалось, что онъ пойдетъ обычнымъ путемъ по Тунгузкѣ до Илимска, затѣмъ волокомъ на Лену, по Ленѣ, Олекмѣ и т. д., но онъ пошелъ дорогой, намѣченной Колесниковымъ и Бекетовымъ. См. Д. А. И. т. III, №№ 98, 112, т. IV, №№ 17, 21, Фишеръ. Сибирская исторія. Спб. 1774 г. стр. 571—582, 584, 588—589, 623—631. Др. Росс. Вивл. т. III, стр. 185, 188 Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеоп., т. II, стр. 345—354. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, ст. 587—593. Русск. Газета 1859 г. №№ 3, 7, 9, статья «Русскіе на Амурѣ». Русское Слово 1859 г. апрѣль, стр. 179—200, статья Романова, Русскій Архивъ 1879 г. т. II, статья Шумахера. Христ. Чтеніе 1888 г. т. II, стр. 600—601, 577—578.

своей цѣли, шелъ впередъ, несмотря на страшныя лишенія, старался удерживать своихъ людей въ повиновеніи, причемъ не обходилось порой безъ очень крутыхъ и жестокихъ мѣръ, которыя такимъ образомъ оправдывались административною и военно-дисциплинарною необходимостью, да и были очень обыкновенны въ глазахъ тогдашнихъ сибирскихъ дѣятелей. Имъ приходилось имѣть дѣло со всякимъ сбродомъ, и они не стѣснялись въ выборѣ средствъ, чтобы держать своихъ людей въ повиновеніи, останавливать ихъ отъ грабежей, разбоевъ и притѣсненій несчастнымъ сибирскимъ инородцамъ. Такъ дѣйствовали, напримѣръ, Поярковъ, о жестокостяхъ котораго ходили ужасающіе разсказы [10]), Хабаровъ, такъ же дѣйствовалъ и Пашковъ. Конечно, такимъ образомъ сибирскіе воеводы, очень мало контролируемые центральной властью, пріучались къ сильному произволу, доходившему нерѣдко до самодурства, и такое самодурство, какъ видно изъ разсказовъ протопопа Аввакума и изъ жалобъ разныхъ людей, сохраняющихся въ дѣлахъ Сибирскаго приказа, проявлялось между прочимъ и во многихъ дѣйствіяхъ Пашкова, котораго архіепископъ Симеонъ называетъ въ своей челобитной государю «великимъ озорникомъ». Разныхъ чиновъ люди жаловались, что «Пашковъ въ Енисейскомъ острогѣ старинныхъ прежнихъ съѣзжіе избы подъячихъ билъ и мучилъ и отъ подъячества отставилъ, а подъячаго Обросимка Кузьмина въ тюрьму въ заключеніе посадилъ и на пыткахъ пыталъ и животы его всѣ себѣ поималъ и въ тюрьмѣ держитъ и въ напраснѣ, да онъ же, Аѳанасій, человѣка своего безъ государева указу казнилъ». Еремѣй Толстой жаловался, что «Пашковъ его въ тюрьмѣ и по

---

[10]) Служилыхъ людей Поярковъ билъ и мучилъ напрасно и, пограбя у нихъ хлѣбные запасы, изъ острожка ихъ вонъ выбилъ, а велѣлъ имъ идти ѣсть убитыхъ иноземцевъ, и служилые люди, не желая напрасно смертью умереть, съѣли многихъ мертвыхъ иноземцевъ и служилыхъ людей, которые съ голоду померли, пріѣли человѣкъ съ пятьдесятъ; иныхъ Поярковъ своими руками прибилъ до смерти, приговаривая: «не дороги они, служилые люди! десятнику цѣна десять денегъ, а рядовому два гроша». Когда онъ плылъ по рѣкѣ Зеѣ, то жители тамошніе его къ берегу не припускали, называя русскихъ людей погаными людоѣдами. Когда весною въ устьѣ Амура снѣгъ съ луговъ сошелъ и трава обтаяла, то остальные служилые люди начали корень копать и тѣмъ кормиться; но Поярковъ велѣлъ своему человѣку выжечь луга, чтобы служилые люди покупали у него запасъ дорогою цѣною. Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. III, ст. 588.

приказамъ въ желѣзахъ и на правежѣ держалъ болѣе 5 мѣсяцевъ и вымучилъ на немъ, Еремкѣ, и на женѣ его денегъ съ своими потаковщики, съ Ондрюшкою и Олешкою, поклепными исками 5.045 р. да 4 анбара хлѣба, а хлѣбъ съ гумна въ тѣ анбары ношенъ не мѣря, и того ево хлѣба въ прошломъ въ 160 годѣ объявилось въ Туруханскомъ зимовьѣ 4 дощеника. А животовъ ево, Аѳанасья Пашкова, неправедного собранья есть тысячь съ 50 и больши съ вывозными животы, а неправды ево, Аѳонасьевы, и всякое насильство вѣдаютъ многіе люди». По государеву указу приказано было дать Еремкѣ Толстому очную ставку съ Пашковымъ и сдѣлать повальный обыскъ, но Пашковъ, по отпискѣ Енисейскаго воеводы Ивана Акинѳова, не послушалъ государева указа, на очную ставку не явился, обыскнымъ людямъ грозилъ разными муками, если они на него покажутъ что нибудь, а нѣкоторыхъ старался подкупить. Кромѣ того Иванъ Акинѳовъ доносилъ, что при «Пашковѣ было въ пять лѣтъ его, Иванова, откупу въ государеву казну 107 р., а себѣ онъ, Аѳонасей,ималъ сверхъ того откупу на годъ по 200 р.». Въ 1655 г. былъ назначенъ въ Енисейскъ новый стрѣлецкій голова Василій Власьевъ, вмѣсто Григорія Барыбина, и Пашковъ «говорилъ ему (Ивану Акинѳову) съ угрозою, чтобъ того Григорья Барыбина изъ Енисейска не отпускать, для того, что де онъ, Афонасій, блюдетъ, да на себя отъ Григорія челобитья и извѣтовъ, а въ чемъ челобитья и извѣтовъ блюдетъ, да того ему Аѳонасій имянно, не сказалъ, а будетъ де онъ Григорья изъ Енисейска отпуститъ, и у него, Аѳонасья, съ нимъ, Иваномъ, быть вѣчноя головной недружбѣ». Въ Енисейскѣ Пашковъ принуждалъ старицъ дѣвичья Рождественскаго монастыря подписывать челобитную на Ивана Акинѳова, не читая ея; тѣхъ старицъ (старицу Прасковью), которыя требовали ея прочтенія, онъ велѣлъ взять изъ монастыря, «билъ по щекамъ своими руками и пыталъ ее у себя на дворѣ, невѣдомо въ какомъ дѣлѣ». Енисейскаго соборнаго попа Игнатія онъ велѣлъ «полчаномъ своимъ изымати на улицѣ, бивъ на смерть, притащить къ себѣ передъ окошко и, поругався, лаялъ его, и велѣлъ, съ него однорядку ободравъ, бить батоги, и увидѣвъ онъ, Аѳонасій, что тотъ попъ Игнатій и такъ на смерть битъ, велѣлъ ево отпустить». Архіепископъ Симеонъ доносилъ, что Пашковъ въ Енисейскѣ «зазвалъ Якова попа на судно и билъ его на смерть своими руками, и

онъ, попъ Яковъ, отъ его Аѳонасьевыхъ побой лежалъ недѣль съ шесть при смерти, — едва ожилъ» [11]). Весьма возможно, что во всѣхъ этихъ жалобахъ на Пашкова есть не малая доля преувеличеній, столь обычныхъ въ показаніяхъ обиженныхъ людей, но тѣмъ не менѣе и по нимъ можно составить себѣ близкое къ истинѣ представленіе о самодурствѣ и «озорничествѣ» этого воеводы, обладавшаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, далеко не заурядными способностями и иниціативой.

Къ такому-то человѣку попалъ Аввакумъ, и немудрено, что при его упорномъ характерѣ между ними долженъ былъ начаться рядъ всякихъ столкновеній, въ которыхъ въ равной мѣрѣ была виновата то та, то другая сторона. Экспедиція началась, какъ уже указано, не при особенно благопріятныхъ условіяхъ, и Аввакуму вмѣстѣ съ другими сразу привелось испытать разныя лишенія и невзгоды. Ѣхали они по Тунгузкѣ на дощеникахъ [12]) вверхъ, поднялась буря, дощеникъ Аввакума стало заливать, паруса изорвало, дощеникъ почти совсѣмъ погрузился въ воду, «одни палубы надъ водою». Настасья Марковна кое-какъ вытащила дѣтей на палубу, и наконецъ, ихъ дощеникъ прибило къ берегу, такъ что они вышли изъ бѣды довольно счастливо, тогда какъ на другомъ дощеникѣ въ эту же бурю сорвало двухъ человѣкъ, которые и утонули въ рѣкѣ.

Оправившись послѣ несчастія, поѣхали далѣе, и на Шаманскомъ порогѣ произошло первое столкновеніе Аввакума съ Пашковымъ. Объ этомъ фактѣ, кромѣ показанія самого Аввакума, мы имѣемъ свидѣтельство архіепископа Симеона, по всей вѣроятности, основанное на жалобахъ Аввакума или его друзей и не выясняющее намъ мотивовъ ссоры; обо всѣхъ же послѣдующихъ происшествіяхъ мы знаемъ только по разсказамъ одного Аввакума и, конечно, не можемъ имъ довѣрять безусловно: многое въ нихъ, по всей вѣроятности, преувеличено и является не вполнѣ въ истинномъ свѣтѣ, такъ что жестокія дѣйствія Пашкова по отношенію

---

[11]) Столбцы Сибирскаго приказа, въ Арх. Мин. Юст. № 6554 509. Также см. Хр. Чт. 1888 г. т. II, стр. 578, 601.

[12]) Дощеники суть плоскодонныя суда съ однимъ декомъ, изъ коихъ большія могутъ поднять до пятидесяти человѣкъ съ военными и съѣстными припасами. На нихъ ходятъ по рѣкамъ внизъ на греблѣ, а вверхъ на парусахъ, или ежели вѣтра не случится, тянутъ бечевою. Фишеръ. Сибирская исторія, стр. 564, примѣч. 18.

къ Аввакуму представляются не имѣющими никакихъ разумныхъ основаній, исключительнымъ самодурствомъ. Намъ кажется, что въ дѣйствительности причиной ихъ раздоровъ было не одно дикое притѣснительство Пашкова: дѣло въ томъ, что сошлись два человѣка, изъ которыхъ каждый былъ очень замѣчательнымъ лицомъ въ своей сферѣ, оба были люди съ большимъ умомъ, съ крѣпкимъ характеромъ, но задачи и направленіе ихъ дѣятельности были различны. Пашковъ былъ администраторъ, военный человѣкъ, и, какъ мы сказали, долженъ былъ поступать иногда очень жестоко со своей командой; Аввакумъ, какъ представитель церкви, долженъ былъ, напротивъ, стараться вносить болѣе человѣчности въ дѣйствія воеводы; но онъ не съумѣлъ себя такъ поставить, чтобы Пашковъ, вообще не отличавшійся, какъ это видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, особенной почтительностью къ духовному сану, относился къ нему съ уваженіемъ и слушался его наставленій. Правда, Пашковъ былъ, вѣроятно, заранѣе предубѣжденъ противъ Аввакума, видѣлъ въ немъ человѣка опальнаго, ссыльнаго, почти «распопа», который не можетъ имѣть никакого голоса,—Аввакумъ говоритъ даже, будто Пашкову изъ Москвы отъ Никона былъ данъ наказъ его мучить, но такое извѣстіе ничѣмъ не подтверждается. Къ тому же Аввакумъ и самъ вооружилъ Пашкова противъ себя, выйдя изъ своей роли представителя церкви, не дѣйствуя мягкимъ убѣжденіемъ, а прямо присоединившись къ лицамъ, недовольнымъ воеводою, которые осуждали и даже смѣялись надъ его планами, какъ это напр. мы можемъ предполагать изъ его сочувствія какому-то Якову Красноярскому, говорившему «только бы воевода ѣхалъ по государеву указу прямою дорогою, и мы бы нужи такія не терпѣли» [13]). Онъ сталъ смотрѣть на Пашкова, какъ на какого-то звѣря и, можетъ быть, даже высказывалъ ему это. Конечно, Пашковъ не могъ допускать такого къ себѣ отношенія и, когда у нихъ возникло въ первый разъ открытое несогласіе, поступилъ съ Аввакумомъ самымъ жестокимъ образомъ.

Ссора произошла по слѣдующему поводу: экспедиція встрѣтила партію казаковъ, съ которыми ѣхали двѣ вдовы, одна 60 лѣтъ, а другая еще старше, отправлявшіяся постричься въ монастырь. Пашкову, по словамъ Аввакума, пришла дикая, чисто

---

[13]) Мат. V, стр. 134. Не тотъ-ли это Яковъ, о которомъ упоминаетъ арх. Симеонъ?

самодурская мысль выдать старухъ замужъ. Аввакумъ сталъ ему указывать, что ихъ нельзя вѣнчать по церковнымъ правиламъ; но Пашковъ не хотѣлъ слушать этихъ доводовъ протопопа, разсердился на него и рѣшилъ проучить за непокорность. Какъ доѣхали до порога Долгаго, сталъ онъ «выбивать» Аввакума изъ дощеника. «Ты еретикъ, говорилъ онъ, изъ-за тебя дощеникъ худо идетъ, поди по горамъ, а съ казаками не ходи». «О, горе стало!» восклицаетъ Аввакумъ, разсказывая объ этомъ происшествіи. «Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменный, яко стѣна стоитъ, и поглядѣть—заломя голову! Въ горахъ тѣхъ обрѣтаютси зміи великія, въ нихъ же витаютъ гуси и утицы,—періе красное, вороны черные и галки сѣрые; въ тѣхъ же горахъ орлы и соколы, и кречаты, и курята индѣйскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіе—многое множество—птицы разные. На тѣхъ же горахъ гуляютъ и звѣри многіе дикіе: козы и олени, и зубры, и лоси, и кабаны, волки, бараны дикіе... На тѣ горы выбивать меня Пашковъ сталъ со звѣрьми, и со зміями, и со птицами витать». Пробовалъ Аввакумъ обратиться къ воеводѣ съ увѣщаніемъ, написалъ ему слѣдующее письмо: «Человѣче! убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и призирающа въ бездны, Его же трепещутъ небесныя силы и вся тварь со человѣки, единъ ты презираешь, и неудобство показуешь». Послалъ Аввакумъ эту записку, видитъ: бѣгутъ къ нему отъ воеводы, дощеникъ котораго стоялъ въ трехъ верстахъ, человѣкъ 50 казаковъ. Взяли они его и повезли къ воеводѣ. По дорогѣ онъ имъ наварилъ каши, «и они, бѣдные, и ѣдятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣютъ по мнѣ». Дощеникъ остановился, палачи взяли Аввакума и повели къ Пашкову. «Онъ же со шпагою стоитъ и дрожитъ, спрашиваетъ: «попъ ли, или распопъ?»—«Азъ есмь Аввакумъ протопопъ, говори, что тебѣ за дѣло до меня?» «Онъ же рыкнулъ, аки дикій звѣрь, передаетъ Аввакумъ, и ударилъ меня по щекѣ, также по другой, и паки въ голову, и сбилъ меня съ ногъ, и чеканъ ухватя, лежачаго по спинѣ ударилъ трижды», потомъ приказалъ палачу бить протопопа кнутомъ. Аввакумъ озлобился, рѣшился терпѣть, но не просить пощады. Дали семьдесятъ два удара, и наконецъ, онъ закричалъ: «полно бить-то». Пашковъ велѣлъ перестать. Но Аввакумъ не унялся, очень ужъ его возмутила такая жестокость и такой произволъ. «За что ты меня бьешь? вѣдаешь ли?» обратился онъ къ воеводѣ. За эти

слова—новые удары по бокамъ; били протопопа до изнеможенія, такъ что онъ подъ конецъ «задрожалъ и упалъ». Оттащили его въ казенный дощеникъ и здѣсь, сковавъ по рукамъ и ногамъ, кинули на беть [14]), на открытый воздухъ, ничѣмъ не покрывши. А шелъ дождь, всю ночь мочилъ протопопа. «Стало у меня, говоритъ Аввакумъ, въ тѣ поры кости-те щемить, и жилы-тѣ тянуть, и сердце задрожалось, да и умирать сталъ. Воды мнѣ въ ротъ плеснули, такъ вздохнулъ [15]). По жалобѣ арх. Симеона по этому поводу послѣдовалъ царскій указъ 11 февр. 1658 г. о замѣнѣ Пашкова другимъ воеводой, но указъ не былъ приведенъ въ исполненіе, и Пашковъ оставался на своемъ мѣстѣ до 1662 года.

На другой день послѣ этой страшной сцены, Аввакума кинули въ лодку и повезли дальше. У порога Падуна было довольно опасное мѣсто: рѣка здѣсь шириною съ версту, «три залавка черезъ всю рѣку зѣло круты: не воротами что поплыветъ, ино въ щепы изломаетъ». Погода была скверная; лилъ дождь со снѣгомъ. Аввакумъ въ своемъ кафтанишкѣ совсѣмъ промокъ. Прошли благополучно, Аввакума провели скованнаго по берегу. Привезли его въ Братскій острогъ и въ тюрьму кинули. Здѣсь онъ лежалъ на соломѣ до Филиппова поста въ холодной башнѣ, наполненной мышами, блохами, вшами и т. п.; ѣсть ему подчасъ совсѣмъ не давали, спина еще не зажила послѣ недавнихъ ударовъ, и онъ лежалъ на животѣ. Его крѣпкій характеръ выдерживалъ все, хотя на него находило отчаяніе, и онъ подумывалъ просить Пашкова смилостивиться. Перевели, наконецъ, Аввакума въ теплую избу, гдѣ онъ оставался съ инородческими аманатами и съ собаками почти всю зиму. Семейство его въ это время находилось отъ него верстахъ въ двадцати и терпѣло тоже большія лишенія. Настасью Марковну мучила какая-то «баба Ксенія—лаяла да укоряла». Какъ-то послѣ Рождества пришелъ провѣдать Аввакума маленькій его сынъ, Иванъ,—Пашковъ велѣлъ ему ночевать въ студеной башнѣ, въ которой сидѣлъ раньше Аввакумъ. Ребенокъ отморозилъ руки и ноги и чуть совсѣмъ не замерзъ; отца ему не позволили видѣть и на другой день прогнали назадъ къ матери.

---

[14]) Беть—поперечная скрѣпа балокъ, кладется съ борта на бортъ (Словарь Даля).

[15]) Мат. V, стр. 26—30. Хр. Чт. 1888 г. т. II, стр. 600—601. Въ челобитной арх. Симеона число ударовъ кнутомъ опредѣляется иначе, чѣмъ въ «Житіи Аввакума»: вмѣсто 72 всего 60.

Весной поѣхали далѣе. У Аввакума оказалось большое оскудѣніе не только въ своемъ домашнемъ обиходѣ, но и въ церковномъ: запасныхъ даровъ почти не осталось, многое растащено изъ книгъ, одеждъ и прочей церковной утвари. На Байкалѣ Аввакумъ опять тонулъ. Изъ Байкала по Селенгѣ прошли въ Хилокъ. Здѣсь пришлось тяжело всему отряду: надо было тянуть дощеники лямкой, отъ сырости и отъ тяжелыхъ работъ люди гибли въ большомъ числѣ, и Аввакумъ переносилъ тоже разныя тяготы, между прочимъ тонулъ въ третій разъ. Барку его оторвало отъ берега и понесло внизъ по теченію, быстрая вода поворачивала барку вверхъ дномъ, заливала черезъ бортъ, но ее во время остановили. Все платье, какое еще уцѣлѣло у Аввакума и у его семейства, перемокло такъ, что скоро сгнило. А Пашковъ тутъ за что-то разсердился на протопопа и сталъ укорять его: «ты надъ собою дѣлаешь за посмѣхъ!»

Чѣмъ дальше двигалась экспедиція, тѣмъ болѣе увеличивались ея бѣдствія. Зимою съ 1658 на 1659 г. тащились волокомъ на нартахъ до Иргеня озера, весною на плотахъ поплыли по Ингодѣ. Гнали по рѣкѣ лѣсъ хоромный и городовой, работа была изнурительная, рѣка мелкая, а плоты тяжелые. Между тѣмъ Пашковъ требовалъ точнѣйшаго исполненія работы, поставилъ суровыхъ приставовъ, которые не скупились на побои батогами и кнутомъ. Люди гибли отъ работы непосильной, отъ сырости и голоду. Скитались по полямъ и лугамъ, копали разныя коренья, собирали травы, зимой питались сосновой корой; ѣли, что попало, кобылятину, объѣдки животныхъ, зарѣзанныхъ волкомъ, волковъ, лисицъ. Протопопъ несъ всѣ бѣды за одно съ казаками. У Настасьи Марковны была однорядка изъ Москвы, цѣною рублей въ 25, на нее въ обмѣнъ Пашковъ далъ мѣшка четыре ржи, и этимъ семейство Аввакума питалось съ годъ, но и имъ приходилось ѣсть кобылятину, мертвечину и птичье мясо, о чемъ съ ужасомъ вспоминаетъ Аввакумъ, какъ о крайнемъ оскверненіи. Отъ всѣхъ этихъ невзгодъ умерли у протопопа два сына маленькіе, другіе кое-какъ перебились, «скитающеся по горамъ и по острому каменію, босы и наги». Иногда помогали Аввакуму сноха Пашкова, Евдокія Кирилловна, да жена, Фекла Семеновна, вѣроятно, бывшія его духовными дочерьми, на которыхъ онъ обыкновенно имѣлъ очень сильное вліяніе. Эти двѣ женщины тайкомъ отъ воеводы присылали ему «иногда кусокъ мясца, иногда колобокъ,

иногда мучки и овсеца,—сколько сойдется,—четверть пуда и гривенку другую, а иногда и полпудика накопить и передасть.— а иногда у куровъ изъ корыта корму нагребетъ». Дочь Аввакума Аграфена ходила къ нимъ просить подъ окно: «когда онѣ дома, дадутъ; а какъ нѣтъ ихъ, гоняютъ ее». Вѣроятно, подъ вліяніемъ боярынь Аввакумъ пріобрѣлъ расположеніе и сына Пашкова, Еремѣя, ближайшаго помощника отца въ походѣ. Но несмотря на это съ самимъ воеводой продолжались разныя столкновенія, отчего дѣлалось еще хуже и безъ того неотрадное положеніе Аввакума.

Поставивъ на Нерчѣ острогъ, Пашковъ сталъ возвращаться назадъ въ Игрень озеро для усмиренія взбунтовавшихся тунгузовъ. Ѣхали пять недѣль по голому льду. Для дѣтей и поклажи Пашковъ далъ Аввакуму двухъ лошадей, а самому протопопу «съ женой пришлось брести пѣшкомъ». «Страна варварская, разсказываетъ Аввакумъ, иноземцы не мирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредетъ, да и повалится— сколско гораздо! Въ иную пору, бредучи, повалилась, а иной томный же человѣкъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился: оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «матушка государыня, прости!» А протопопица кричитъ: «что ты батько, меня задавилъ!» Я пришелъ,—на меня бѣдная пеняетъ, говоря: «долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти!»—Она же вздохня, отвѣщала: «добро, Петровичъ, ино еще побредемъ!»

Приволоклись на Иргень озеро, и тутъ стало немного легче. Боярыня Евдокія Кирилловна прислала Аввакуму сковородку пшеницы «и кутьи наѣлись». Но тутъ произошла у Аввакума ссора съ его покровительницей. Былъ у нея сынъ, Семенъ, родившійся на походѣ; такъ какъ Аввакумъ и молитву ему давалъ и крестилъ, то благочестивая боярыня каждый день присылала ребенка къ нему на благословеніе. Какъ-то ребенокъ заболѣлъ, когда Аввакума не было дома. Что дѣлать боярынѣ? Послала она за туземнымъ лекаремъ-шаманомъ, но болѣзнь только усилилась, Аввакумъ же, разсердившись за такое нарушеніе церковныхъ правилъ, за колдовство, не шелъ къ боярынѣ. Ребенокъ былъ почти при смерти, пѣстуны приходили къ протопопу звать его къ боярынѣ, но онъ отвѣчалъ: «коли баба лиха, живи же

себѣ одна». Прислала она сына своего старшаго просить со слезами Аввакума, чтобы помогъ ея горю. Наконецъ, протопопъ смилостивился, вылечилъ ребенка. Этотъ случай сталъ извѣстенъ и самому воеводѣ и, когда Аввакумъ пришелъ къ нему, онъ поклонился ему «низенько» и сказалъ: «спаси Богъ! отечески творишь, не помнишь нашего зла». Послѣ этого Пашковъ до того смягчился, что прислалъ протопопу «довольно пищи».

Скоро экспедиція кончилась, и исходъ ея былъ весьма печальный. Въ августѣ 1661 г. въ Иргеньской острогъ явились съ Амура 17 человѣкъ казаковъ и просились въ государеву службу. Пашковъ принялъ ихъ и послалъ съ сыномъ своимъ Еремѣемъ на непокорные тунгузскіе улусы. Но эти люди оказались обманщиками. 4-го сентября, когда отрядъ Еремѣя стоялъ на Ингодѣ, они ночью украли у Еремѣя и служилыхъ людей оружіе и всякую рухлядь и бѣжали. Спустясь внизъ по Ингодѣ и по Шилкѣ до Нелютцкаго и Тунгузскаго остроговъ, они разграбили всѣ казенныя суда, какія имъ попались на встрѣчу; въ Нерчинскѣ они взяли у тамошняго управителя нѣсколько судовъ и возвратились назадъ Уркою и Тугиромъ (т. е. путемъ старымъ, которымъ ходилъ Хабаровъ) [16]). Этотъ несчастный эпизодъ очень огорчилъ Пашкова, онъ былъ, по выраженію Аввакума, «яко пьяный отъ кручины». Самъ ли онъ сталъ просить Московское правительство объ увольненіи, или въ Москвѣ были недовольны его дѣйствіями, только вскорѣ онъ былъ смѣненъ. 12-го мая 1662 г. начальство отъ него принялъ новый воевода Иларіонъ Толбузинъ, а 25-го мая Пашковъ уѣхалъ въ Москву [17]).

Мѣсяцъ спустя настало время возвращенія и для Аввакума, о чемъ послѣдовалъ государевъ указъ [18]), вѣроятно, по усилен-

---

[16]) Д. А. И. т. IV, № 110. Фишеръ. Сибир. Ист., стр. 29—30. Аввакумъ передавая этотъ фактъ, разсказываетъ о новомъ столкновеніи, бывшемъ у него съ Пашковымъ изъ-за того, что тотъ передъ походомъ обратился къ шаманамъ-гадателямъ. Мат. V, стр. 45—50. Г. Есиповъ (Раск. дѣла, т. I, стр. 112), сообщая разныя свѣдѣнія объ экспедиціи Пашкова, говоритъ, что Аввакумъ «между прочимъ служилъ молебенъ на р. Амурѣ при основаніи Албазина», но откуда взято г. Есиповымъ такое свѣдѣніе, намъ ничего не извѣстно.

[17]) Д. А. И. т. IV, № 116, 121,

[18]) Мат. V, стр. 159, II, стр. 81. Гр. Гейденъ (op. cit., стр. 58) полагаетъ, что Аввакумъ былъ возвращенъ по ходатайству Неронова: но для такого утвержденія (весьма вѣроятнаго) мы не имѣемъ документальныхъ данныхъ, такъ какъ цитируемая гр. Гейденомъ челобитная Неронова отъ 6 декабря 1664 г. подана имъ уже послѣ возвращенія Аввакума изъ Сибири и послѣ его вторичной высылки изъ Москвы.

нымъ хлопотамъ, въ виду удаленія патріарха Никона, московскихъ друзей протопопа. Набравъ съ собою больныхъ и раненныхъ, Аввакумъ съ женой и дѣтьми двинулся въ путь. По его разсказу, онъ взялъ съ собою какого-то Василія, который дѣлалъ ему разныя непріятности при Пашковѣ, даже разъ чуть было не посадилъ на колъ; этого человѣка казаки очень не любили, такъ какъ онъ на нихъ много ябедничалъ воеводѣ и много «крови проливалъ»; но Аввакумъ, помирившись съ нимъ, выпросилъ у казаковъ, чтобы они его отпустили. Увезъ онъ еще и другого такого «замотая». Казаки не хотѣли его отдать Аввакуму, намѣреваясь его убить, но онъ ушелъ въ лѣсъ и, дождавшись Аввакума на пути, бросился къ нему въ карбасъ. Тутъ вдругъ появилась погоня, — протопопъ, однако, не растерялся; спряталъ замотая на дно судна, накинулъ постель и приказалъ женѣ и дочери лечь на него. Пришла погоня, искали его вездѣ и не нашли. Жаль имъ было безпокоить протопопицу, которая на ихъ глазахъ столько вынесла всякихъ лишеній за 6 лѣтъ, не тронули они ея: «опочивайте, матушка! и такъ ты государыня, горя натерпѣлась». Самъ же Аввакумъ рѣшительно объявилъ имъ: «нѣту его у меня!» Такъ и уѣхали они ни съ чѣмъ[19]).

Возвратный путь тоже не обошелся безъ лишеній разнаго рода. Сперва оказался недостатокъ въ пищѣ, но попался «большой звѣрь изубрь» и имъ питались до Байкала, гдѣ встрѣтилась путникамъ станица русскихъ людей, промышлявшихъ рыбу. Они знали протопопа, обрадовались, что онъ возвращается домой, надавали ему пищи, сколько надобно. Уловъ ихъ въ этотъ разъ былъ обильный, и они принесли Аввакуму осетровъ съ сорокъ свѣжихъ: вотъ, батюшка, на твою часть Богъ въ запорѣ намъ далъ, — возьми себѣ все». Конечно, Аввакумъ не взялъ всего этого огромнаго количества: и не нужно ему было такъ много, да и некуда было брать. Погостивъ у промышленниковъ, запасшись пищей и починивъ лодку, отправились черезъ Байкалъ; на мѣстѣ ихъ переправы озеро оказалось шириною верстъ въ 80—100, перегреблись на веслахъ довольно благополучно, только у берега застала ихъ буря, такъ что путники насилу вышли.

Дальше по дорогѣ Аввакумъ чуть не попалъ въ руки невѣрныхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ то время бунтовали въ

---

19) Мат. V, стр. 50—52.

Сибири татары и башкиры, губившіе много народу. Они захватили Аввакума первый разъ на Оби, но легко его отпустили; во второй же разъ на Иртышѣ онъ встрѣтился съ большой ихъ толпой, поджидавшей русскихъ изъ Березова, и, не зная, что за люди, не подозрѣвая объ ихъ буйствахъ, подъѣхалъ къ нимъ. Они бросились къ нему съ луками и стрѣлами и обступили путниковъ. Увидѣлъ протопопъ, что ему грозитъ опасность, и пустился на хитрость, сталъ обниматься съ инородцами, говоря: «Христосъ со мною и съ вами тоже». Протопопица употребила ту же хитрость съ женщинами, — тогда башкиры смягчились, спрятали свои луки и стрѣлы, предложили Аввакуму свои товары и отпустили его.

Пріѣхавъ въ русскіе города, Аввакумъ увидѣлъ, что ненавистное ему никоніанство сдѣлало большіе успѣхи, распространилось, пріобрѣло значительную крѣпость. Самъ Аввакумъ начиналъ поддаваться соблазну новой службы: въ Тобольскѣ въ день Ангела одной изъ царевенъ пошелъ онъ къ заутренѣ, потомъ раза 2—3 присутствовалъ при просфиромисаніи «въ алтарѣ у жертвенника», и въ началѣ или «ругался» надъ новымъ богослуженіемъ или «шаловалъ» въ церкви, но постепенно сталъ незамѣтнымъ для себя образомъ привыкать къ исправленнымъ порядкамъ. Однако такой соблазнъ былъ непродолжителенъ, и конецъ ему, по разсказу Аввакума, положило чудесное видѣніе. Успѣхи никоніанства очень печалили Аввакума, и его брало раздумье: что дѣлать? пойти ли на борьбу или гдѣ-нибудь скрыться? Жена и дѣти связали его, страшно ему не за себя, а за нихъ,— но изъ этого затрудненія вывела его Настасья Марковна, оказавшаяся не менѣе его ревностною противницею новшествъ. Ласково приступила она къ нему: «Что, господине, опечалился еси?»— «Жена, что сотворю? зима еретическая на дворѣ; говорить ли мнѣ, или молчать? Связали вы меня».—«Господи, помилуй! Что ты, Петровичъ, говоришь! Слыхала я,—ты же читалъ—апостольскую рѣчь: привязался еси къ женѣ, не ищи разрѣшенія; егда отрѣшишься, тогда не ищи жены. Азъ тя и съ дѣтьми благословляю: дерзай проповѣдати слово Божіе по прежнему! А о насъ не тужи! дондеже Богъ изволитъ, живемъ вмѣстѣ; а егда разлучитъ, тогда насъ въ молитвахъ своихъ не забывай! Силенъ Христосъ и насъ не покинуть! Пойди, пойди въ церковь, Петровичъ, обличай блудню еретическую». Поклонился Аввакумъ сво-

ей женѣ и началъ по прежнему проповѣдывать противъ «ереси Никоновой». Повсюду, въ городахъ и въ селахъ, въ церквахъ и на торжищахъ, раздавалась его энергическая, страстная рѣчь и имѣла сильное вліяніе на народъ. Не даромъ Игнатій, митр. Тобольскій и Сибирскій, писалъ впослѣдствіи: «кто изречетъ оныя хулы, яже сіи скверніи человѣцы, Аввакумъ и Астоменъ, изрыгаша, и какова чадѣнія, сирѣчь угару, прежде въ Россіи, потомъ же и въ Сибирской сей странѣ не исполниша» [20]).

Очень можетъ быть, что въ этой проповѣднической дѣятельности помогали Аввакуму и прежнія его духовныя дѣти, принявшія его въ Тобольскѣ съ большою радостью. Во время своего пребыванія въ этомъ городѣ Аввакумъ видѣлся съ Юріемъ Крижаничемъ, который намъ разсказываетъ объ этой встрѣчѣ слѣдующимъ образомъ: «Аввакумъ тѣми (егда его изъ Дауровъ къ Москвѣ везяху) пославъ по мене, изшедъ ко мнѣ на крилцѣ, хотящу мнѣ на лѣстницу ступити и взыти, рече: не ходи сѣмо, стой тамо и исповѣдай, каковыя еси вѣры? Азъ же рекохъ: благослови, отче; онъ же отвѣща: не благословлю, исповѣждь первѣе свою вѣру. Азъ отвѣщахъ: отче честный, азъ вѣрую все, еже вѣруетъ святая апостольская, соборная церковь, и іерейское благословеніе пріемлю въ честь и прошу его въ честь и о вѣрѣ есмь готовъ справиться предъ архіереемъ, а предъ тобою путникомъ (и еже еси о вѣрѣ сумнѣнный) нѣсть мнѣ что пространно о вѣрѣ глаголати, ни справлятися; аще ты не благословиши, благословитъ Богъ. И оста съ Богомъ». Такая встрѣча, въ которой высказалась унаслѣдованная отъ предковъ нетерпимость и брезгливость Аввакума къ латинскому попу, не могла не произвести очень неблагопріятнаго впечатлѣнія на Крижанича, и онъ замѣчаетъ по этому поводу: «Видите ли, отцы, не бяше ли той вашъ апостолъ изъ числа оныхъ, иже глаголютъ: далеко буди отъ мене, не прикасайся мнѣ; той со Симономъ Фарисеемъ и со Іудою Маріи Магдалины и Господа не осудилъ ли бы, егда она приступаше и Господни ноги цѣловаше?» [21]).

Проживъ зиму въ Тобольскѣ, Аввакумъ поѣхалъ въ Москву

---

[20]) Мат. V, стр. 55—58, 60—61. Три окружныя посланія Игнатія, митр. Сибирскаго, стр. 109.

[21]) Крижаничъ. Обличеніе Соловецкой челобитной, перев. Поликарпова, стр. 66—67.

и, наконецъ, послѣ многихъ приключеній въ началѣ 1664 г. [22]) добрался до столицы. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала изъ Тобольска его духовная дочь, Анна, бывшая его служанкой въ Тобольскѣ еще до Даурской ссылки и постригшаяся по его уговору подъ именемъ Агафьи, ревностная сторонница его противо-никоновскихъ тенденцій [23]). Очень важнаго прозелита присоединилъ къ своему поѣзду Аввакумъ въ Устюгѣ: это былъ Ѳедоръ юродивый, уже 5 лѣтъ ходившій въ одной рубахѣ босикомъ; онъ познакомился съ Аввакумомъ, и оказалось, что у него есть новопечатная Псалтирь; Аввакумъ, конечно, сообщилъ ему свое мнѣніе о превратности новыхъ книгъ, и тогда Ѳедоръ, «схвативъ книгу, тотчасъ и въ печь кинулъ, да и проклялъ всю новизну» [24]).

---

[22]) Г. Жежеленко (Странникъ, 1883, IV, стр. 619, примѣч.) полагаетъ, что Аввакумъ вернулся въ Москву въ 1663 г. и въ этомъ году подалъ свою челобитную царю Алексѣю Михайловичу, но по внимательномъ разсмотрѣніи этой челобитной оказывается, что она подана въ 1664 г.: во-первыхъ, Аввакумъ говоритъ, что его ссылка продолжалась 11 лѣтъ (Мат. V, стр. 125), а началась она 1653 г.; во-вторыхъ, въ челобитной упоминается о чудѣ, случившемся въ Тобольскѣ 6 августа 1663 года, а если Аввакумъ самъ былъ въ это время въ Тобольскѣ, то онъ не могъ попасть въ Москву ранѣе начала 1664 г.; если же онъ говоритъ о чудѣ по слухамъ, то и они не дошли-бы до него такъ скоро; такъ что во всякомъ случаѣ и челобитная, и возвращеніе Аввакума должны быть отнесены къ началу 1664 г.

[23]) Мат., т. V, стр. 105—106.

[24]) Мат., т. V, стр. 76.

ГЛАВА IV.

Проявленія противодѣйствія Никоновой реформѣ во время отсутствія Аввакума.—Волненія по случаю моровой язвы.—Агитація Неронова.—Плещеевы.—Спиридонъ Потемкинъ и его сочиненія. — Легенды о Никонѣ. — Ефремъ Потемкинъ.—Соловецкія смуты.—Уходъ Никона.—Никита Пустосвятъ.—Интриги бояръ.—Возвращеніе Аввакума.—Челобитная царю.—Пропаганда.—Вліяніе на женщинъ. — Посланіе Плещеева и отвѣтъ Аввакума.—Ссылка на Мезень. — Вторая и третья челобитныя Аввакума. — Соборъ 1666—1667 гг. — Осужденіе и ссылка Аввакума и его сообщниковъ.

Пока Аввакумъ находился въ ссылкѣ, въ ходѣ церковныхъ дѣлъ произошло много важныхъ событій. Предпринятое патріархомъ Никономъ исправленіе московскихъ богослужебныхъ порядковъ для приведенія ихъ въ согласіе съ греческими образцами, начавшись при Аввакумѣ распоряженіемъ о крестномъ знаменіи и о поклонахъ, постепенно развиваясь, распространилось за это время на весь чинъ богослуженія и получило утвержденіе въ соборныхъ опредѣленіяхъ 1654 и 1656 гг., изъ которыхъ подъ послѣднимъ подписались патріархи антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, а также и въ грамотѣ константинопольскаго патріарха Паисія I, одобрившаго принципъ Никоновыхъ исправленій и осудившаго ихъ противниковъ, хотя и не обратившагося къ столь строгимъ мѣрамъ противъ нихъ, какъ патр. Макарій и Гавріилъ, которые объявили двуперстіе армянскимъ обычаемъ и предали анаѳемѣ его сторонниковъ.

Но рядомъ съ этимъ расширеніемъ исправительной дѣятельности патр. Никона шло не менѣе, пожалуй, систематическое противодѣйствіе ей со стороны приверженцевъ старины, работавшихъ большею частью въ тихомолку, но не упускавшихъ

никакого благопріятнаго случая безъ того, чтобы не высказать свой протестъ противъ патріарха открыто. Такой удобный моментъ представился довольно скоро послѣ высылки Неронова, Аввакума и др. членовъ кружка Вонифатьева: Московское государство было постигнуто великимъ народнымъ бѣдствіемъ—моровою язвою 1654 года, сгубившею множество людей всякаго состоянія. Это бѣдствіе, въ связи съ начавшеюся Польской войною, было истолковано, какъ Божіе наказаніе за отступничество отъ старой, правой вѣры, наказаніе, къ тому же предсказанное, какъ утверждалось, царю Іоанномъ Нероновымъ. Конечно, сосланные протопопы и ихъ сторонники въ Москвѣ не могли упустить такого случая, чтобы не указать на него народу, какъ на яркое удостовѣреніе своей правоты и неправды Никона. Между тѣмъ по указу патріарха, отсутствовавшаго изъ Москвы, отбирались и уничтожались распространенныя въ большомъ количествѣ иконы латинскаго письма. Распоряженіе это исполнялось очень усердно и притомъ далеко неумѣло, такъ что вызывало ропотъ въ темномъ народѣ, не отдававшемъ себѣ отчета въ полной основательности требованія патріарха и потому увидѣвшемъ въ этомъ дѣлѣ еретичество и иконоборство. Обнаружилось волненіе 25 августа 1654 г. Къ соборной церкви, гдѣ былъ у обѣдни управлявшій Москвой кн. М. П. Пронскій, пришли многіе земскіе и разныхъ слободъ люди и принесли икону Спаса Нерукотвореннаго съ выскребеннымъ ликомъ и подписью. Когда бояринъ вышелъ изъ церкви, земскіе люди стали ему говорить: «Этотъ образъ взятъ на патріарховъ дворъ у тяглеца новгородской сотни Софрона Ѳедорова Лапотникова; ему же образъ данъ изъ тіунской избы для переписки, а лице выскребено по указу патріарха». Софронъ объяснилъ, что ему было отъ того образа явленіе, чтобы показать его мірскимъ людямъ, а они бы стали за такое поруганіе. Затѣмъ въ толпѣ стали говорить: «Нынѣ на всѣхъ гнѣвъ Божій за такое поруганіе; такъ дѣлали иконоборцы, и въ этомъ дѣлѣ всѣ обвиняютъ патріарха; а держитъ патріархъ у себя завѣдомаго еретика, старца Арсенія, во всемъ ему далъ волю и велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ; и тотъ чернецъ многія книги перепортилъ, и ведутъ насъ къ конечной погибели. За многія ереси Арсеній вмѣсто смертной казни былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь. Патріарху слѣдовало бы оставаться въ Москвѣ и молиться о

православныхъ, онъ же покинулъ Москву, а за нимъ разбѣжались и приходскіе попы, такъ что православные помираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Воеводы должны донести обо всемъ государю, чтобы патріархъ и старецъ Арсеній куда не ушли». Бояринъ уговорилъ толпу разойтись по домамъ, но вечеромъ къ Красному крыльцу опять собрались земскіе люди, принесли иконныя доски съ выскребенными ликами и грозили, что разнесутъ эти доски «для оказанія» во всѣ сотни и слободы, а на другой день опять придутъ къ воеводамъ [1]). Однако на этотъ разъ воеводамъ удалось успокоить народъ, но черезъ нѣсколько дней волненіе повторилось: Пронскій писалъ царицѣ, что какая-то Степанида Калужанка съ братомъ Терешкою разсказываютъ видѣнія и запрещаютъ печатать книги [2]).

Подобныя вспышки протеста были рѣдки, главная работа Никоновыхъ противниковъ производилась тайнымъ образомъ, и первое мѣсто въ этой агитаціи принадлежитъ Ивану Неронову, который поддерживалъ сношенія съ Москвой и въ то же время сѣялъ расколъ въ мѣстѣ своей ссылки и даже занесъ его въ Соловецкій монастырь. Обстоятельства складывались для Неронова вполнѣ благопріятно уже съ самаго начала его ссылки: хотя отъ патріарха, согласно извѣстію игумена Ѳеоктиста, и было приказано «Неронову быть въ хлѣбнѣ, мука сѣеть, и ходить въ черныхъ службахъ», но по всей вѣроятности, это сообщеніе Ѳеоктиста преувеличено, такъ какъ, по его же словамъ, положеніе Неронова въ Спасокаменномъ монастырѣ съ первыхъ же дней было очень хорошее: «архимандритъ тоя обители Александръ пріятъ его радуяся и глаголя, яко страдальца видѣти сподоби мя Богъ древняго,—даруя тому честь и выше келаря поставляя его въ церкви, новый войлокъ овчій подложивъ тому подъ ноги; и въ келіи жити повелѣвая со отцемъ его духовнымъ, священноинокомъ Григоріемъ, и слугу ему далъ для чести; и исповарни прибавочныя ѣствы приносить къ нему повелѣвая въ келью первому слугѣ, Смирнову-Аѳанасьеву, а имя ему Титъ, а прочимъ слугамъ квасу доброва къ отцу Іоанну носить повелѣвая въ оловяникахъ,—братины мѣдныя съ покрывалами». Такое обращеніе архимандрита смущало даже самого Неронова, который и архиман-

---

[1]) Гиббенетъ. Ист. изслѣд. дѣла патр. Никона, т. II, стр. 473—474.
[2]) Соловьевъ. Ист. Россіи, кн. II, стр. 1669.

дриту и разнымъ боголюбцамъ, пріѣзжавшимъ «отъ всѣхъ четырехъ странъ» его навѣстить, говорилъ, что онъ присланъ отъ патріарха подъ началъ, и что даже у себя дома онъ никогда не видалъ такой роскоши. Пользуясь такимъ удобствомъ, окруженный почетомъ, Нероновъ, какъ только пріѣхалъ, сталъ оказывать вліяніе на монастырскіе порядки: особенно онъ заботился о томъ, чтобы въ монастырѣ служили единогласно. Стремленіе установить этотъ порядокъ въ монастырѣ очень понятно со стороны Неронова, принимавшаго столь дѣятельное участіе въ вопросѣ о единогласіи еще при патріархѣ Іосифѣ; но со стороны монастырской братіи это новшество, какъ и вездѣ, вызывало ропотъ: такъ, какой-то старецъ Варлаамъ говорилъ «съ болѣзнію»: «какъ пріѣхалъ протопопъ Іоаннъ, такъ пѣніе стало большое и свѣчамъ большой расходъ». Живя въ монастырѣ, Нероновъ строго обличалъ не соотвѣтственную иноческому уставу жизнь братіи, лѣность монаховъ къ церковной службѣ, плохое соблюденіе постовъ, пьянство. Часто говорилъ онъ объ этихъ весьма обычныхъ въ то время безпорядкахъ архимандриту, но такія замѣчанія не всегда вели къ цѣли, архимандритъ оказывался слишкомъ снисходительнымъ, и Неронову приходилось укорять его самого: «вскую, святый отче, говорилъ онъ архимандриту, ругательство твориши церкви? Читатель еси писанія и грамотѣ гораздъ, а никому не укажешь,—лише смѣешься!» Всѣ эти обличенія, наконецъ, надоѣли архимандриту и братіи, стали говорить: «до чего намъ отъ Іоанна протопопа дотерпѣть? противится онъ церкви», вспомнили патріаршій приказъ, что Нероновъ подъ запрещеніемъ, перестали его пускать въ церковь, его слугамъ и ему самому начали дѣлать всякія притѣсненія, и даже, по словамъ Ѳеоктиста, архимандритъ, «емъ Неронова за власы, по трапезѣ влачаше и рукама по щекамъ біяше время довольно» [3]). Весьма возможно, что въ разсказѣ Ѳеоктиста объ этихъ притѣсненіяхъ есть кое-какія прикрасы, но важно знать, что Нероновъ довольно долго пользовался въ монастырѣ свободой и почетомъ.

При Нероновѣ находился въ Спасокаменномъ монастырѣ Златоустовскій игуменъ Ѳеоктистъ, который писалъ подъ диктовку его письма къ царю, царицѣ, Стефану Вонифатьеву и другимъ лицамъ, такъ какъ самъ Нероновъ, по дряхлости или неискусству,

---

[3]) Мат., т. I, стр. 112—119.

ограничивался только краткими приписками. Къ Неронову пріѣзжали разныя лица: такъ, мы знаемъ, что у него былъ его сынъ, Ѳеофилактъ, черезъ котораго онъ послалъ письмо въ Москву къ братьямъ Плещеевымъ [4]); г. Субботинъ предполагаетъ, что посѣщалъ Неронова и протопопъ муромскій Логгинъ [5]). Какъ видно изъ переписки Неронова, въ Москвѣ не теряли надежду, что онъ образумится, покорится новымъ распоряженіямъ патріарха Никона, попроситъ у него прощенія; царь Алексѣй Михайловичъ не одобрялъ упрямства Неронова, о чемъ писалъ послѣднему Стефанъ Вонифатьевъ, прибавляя отъ себя, что Нероновъ всуе трудится, и совѣтуя просить прощенія у патріарха, который готовъ былъ его простить, если Нероновъ сдѣлалъ бы первый шагъ къ примиренію [6]). Но въ то же время Нероновъ получалъ изъ Москвы и другія письма отъ своихъ духовныхъ дѣтей, которыя величали его «вышеестественнымъ и равноангельнымъ, по церкви Христовѣ крѣпкимъ поборникомъ, страдальцемъ, новымъ исповѣдникомъ, подражателемъ добраго пастыря, положившаго душу свою за овцы своя» [7]), и убѣждали крѣпко стоять въ своемъ противленіи патріарху. Сообщали Неронову и о протестѣ противъ Никоновыхъ распоряженій со стороны Павла, еп. Коломенскаго, который и самъ находился съ Нероновымъ въ перепискѣ, и это извѣстіе возбуждало въ немъ новыя надежды на успѣхъ и на возможность замѣстить Никона протопопомъ Стефаномъ, какъ это видно изъ словъ игумена Ѳеоктиста, который писалъ Стефану: «Отецъ же епископъ Павелъ плачь намъ сотвори, но и радость, яко ста мужественнѣ. Нынѣ такъ еще святитель въ Россіи сіяетъ! Аще ли же, государь, и ты пойдеши на службу, что будетъ?» [8]).

Такого рода извѣстія и увѣщанія духовныхъ дѣтей, стоявшихъ за старину, ободряли Неронова и во всѣхъ своихъ письмахъ къ лицамъ власть имущимъ онъ не высказываетъ ни малѣйшаго намѣренія покориться патріарху, признаетъ свое дѣло вполнѣ правымъ и даже говоритъ, что самъ патріархъ долженъ у него просить прощенія: «долженъ убо есть и самъ просити отъ насъ про-

[4]) Ркп. Каз. дух. акад. № 1727(182), л. 111 об. См. Приложенія.
[5]) Мат., т. I, стр. 95.
[6]) Мат., т. I, стр. 71, 72, 76, 82, 85, 87.
[7]) Ркп. Каз. дух. акад. № 1727(182), л. 103 об. и № 1986, л. 95 об.
[8]) Мат., т. I, стр. 118.

щенія и къ Богу приносити покаяніе, зане туне меня оскорби; а еще церковь смути, отъятъ колѣнное покланяніе и многимъ блазнь былъ, сего ради рыдати и плака́ти долженъ есть, аще не хощетъ вѣчно слезити въ безконечныя вѣки» [9]). Возставая только противъ двухъ извѣстныхъ ему новшествъ патріарха Никона, противъ троеперстія и сокращенія числа земныхъ поклоновъ за молитвой Ефрема Сирина, Нероновъ во всемъ винитъ грековъ и особенно нападаетъ на Арсенія Грека, повторяя извѣстныя и во многомъ справедливыя обвиненія противъ него. Говоря о необходимости провѣрить новыя исправленія на соборѣ, Нероновъ рѣшительно высказывается противъ участія въ этомъ соборѣ грековъ и малороссовъ. «И паки молимъ тя, государя, пишетъ онъ царю, иностранныхъ иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истиннѣ неразвратниковъ, коихъ истиннѣ и благочестію ругателей и ересемъ вводителей, въ совѣтъ пріяти не буди, дондеже, государь, искусными мужи искусиши житіе ихъ. Зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей: Христова бо смиренія не имутъ, но сатанинскую гордость, и вмѣсто поста многояденіе и піянство, вмѣсто же еже Христа ради истаяти тѣло мяхкость и буйство любятъ, крестнаго же знаменія на лицы истиннѣ вообразити не хотятъ, и сложенію перстъ блядословнѣ противятся, яко врази истиннѣ и ругатели, на колѣнѣ же поклониться Господеви отъ покоя ради не хотятъ, и лжу сшивающи самосмышленіемъ, разумъ божественнаго писанія лукаво скрывающи, своеволнѣ блядутъ на прелесть безумнымъ человѣкомъ» [10]). Подобныя обвиненія «иностранныхъ иноковъ» были далеко не новостью, но у Неронова и другихъ расколоучителей они постоянно повторяются. Въ противоположность этимъ подозрительнымъ ему исправителямъ Нероновъ выставляетъ своихъ «любезныхъ сверстниковъ», Павла, еп. Коломенскаго, протопоповъ Аввакума, Даніила и Логгина, ка́къ людей, «любящихъ Божій законъ» и послѣдующихъ въ своемъ страданіи Іисусу Христу: «пострадаша бо и тіи, не яко разбойницы суще, ниже яко тати, или любодѣицы, ни́же суще еретицы, и правилъ святыхъ Апостолъ и святыхъ отецъ судъ отнюдь не подъяша, но отъ мірская мудрьствовавшихъ пострадаша» [11]). Хо-

[9]) Мат., т. I, стр. 76.
[10]) Мат., т. I, стр. 64, 66—67.
[11]) Ibid., стр. 79—80.

датайствуя предъ царемъ о смягченіи участи своихъ единомышленниковъ, Нероновъ напоминаетъ о томъ вліяніи, какимъ они прежде пользовались, когда въ нихъ «не явилось никакого порока», и когда на нихъ отъ самого Никона «не было никакова извѣту»; «а они въ тѣ лѣта безпрестанно къ вамъ, государемъ, на всякія бещинныя вѣщали, и святѣйшимъ патріархомъ блаженныя памяти, и прочимъ властемъ о утвержденіи святыхъ церквей, что вамъ, государемъ, вѣстно было» [12]).

Защищая своихъ единомышленниковъ, Нероновъ еще въ началѣ 1654 г. писалъ царю, что они явились охранителями церкви, «паче же и опаство имущи, да не пострадати будутъ отъ хотящаго пріити на послѣдокъ и возмутити вселѣнную, его же приходъ, о благочестивый царю, отъ божественнаго писанія всяко вѣси, лукавъ бо зѣло и малыми, ихъ же утвердитъ Духа Святаго благодать, познаваемъ будетъ. Зане не отъ шуйцы явитися будетъ, но десными народъ прельстити покусится, и всяку добродѣтель лицемѣріемъ возлюбитъ, и милостивъ явится ко обнищавшимъ всяко отъ добродѣтелей и Христовы рабы гонити будетъ, носящихъ знаменіе на себѣ небеснаго Царя» [13]). Къ высказанной въ этомъ письмѣ мысли объ антихристѣ Нероновъ возвращается не одинъ разъ въ своихъ послѣдующихъ произведеніяхъ, подыскивая для нея подтвержденіе въ апостольскихъ предсказаніяхъ о послѣднихъ временахъ [14]).

Идея о наступленіи послѣдняго времени, имѣющая свой источникъ въ приведенныхъ нами словахъ Кирилловой книги и Книги о Вѣрѣ, высказывалась Нероновымъ не въ однихъ только письмахъ къ царю, но и въ письмахъ къ его духовнымъ дѣтямъ и въ посланіяхъ всенародныхъ, какова напр. его «общая отписка ко всѣмъ христолюбцамъ». Изъ частныхъ писемъ Неронова, вѣроятно, уже въ это время составлялись сборники игуменомъ Ѳеоктистомъ, какъ предполагаетъ г. Субботинъ, и такимъ образомъ эти письма теряли свой частный характеръ, становились общимъ достояніемъ. Проповѣдь объ антихристѣ находила себѣ живой откликъ въ ученикахъ Неронова, какъ это мы можемъ видѣть изъ писемъ къ нему братьевъ Плещеевыхъ. Въ одномъ

---

[12]) Мат., т. I, стр. 36.
[13]) Ibid., стр. 53.
[14]) Ibid., стр. 102, 121.

ихъ посланіи, писанномъ въ 1654 г., говорится, что они ожидаютъ «сбытися нѣкимъ хотящимъ быти раздорамъ по проречению книги о Вѣрѣ, въ нейже пишетъ о отпаденіи Запада и о отступленіи и прельщеніи юнитовъ отъ святыя восточныя церкве къ западному костелу, по числу еже отъ антихриста; повелѣ бо намъ от таковыхъ же винъ опасеніе имѣти, егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ; се бо нынѣ таково число исполняется, и раздоры таковы, по проречению предреченныя сея книги вводятся» [15]). Въ другомъ письмѣ, отправленномъ уже послѣ исправленія Никономъ текста Символа Вѣры, на что, какъ увидимъ, особенное вниманіе обратилъ въ своихъ сочиненіяхъ Спиридонъ Потемкинъ, братья Плещеевы еще рѣшительнѣе высказываютъ свою мысль о царствѣ антихриста: «ей, государь, ей в правду нынѣ люта зима и горько истопленіе, еже церковь объятъ; якоже бо море зримо отъ самыя бездны глубинъ, возмутившееся, тако и духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ, и якоже пловцы его руцѣ къ колѣнома сплетшихъ и к невозмоганію бурному недоумѣвающихъ, ни небо видящихъ, ни пучины, ни суши, но по полеганіихъ лежащихъ и плачущихъ и истерзающихся; но нынѣ о церкви горшій мятежъ и множайшыя волны; есть бо мнози ревнители церкви Христовой, но къ возмущенію духа антихристова недоумѣваются, но якоже они въ корабли по полежаніихъ лежатъ и плачутъ и истерзаются, тако и сіи плачутъ и скорбятъ, а какъ помощи недомыслятся» [16]).

Вслѣдствіе столкновеній съ братіей Спасокаменнаго монастыря и чтобы прекратить письменную агитацію Неронова противъ книжнаго исправленія, въ іюлѣ 1655 г. приказано было перевести его въ Кандалакшскій монастырь. На пути въ эту новую ссылку Нероновъ остановился въ Вологдѣ, гдѣ видѣлся съ протопопомъ Логгиномъ [17]), который писалъ подъ его диктовку письмо къ Стефану Вонифатьеву, и тутъ Нероновъ не упустилъ удобнаго слу-

---

[15]) Ркп. Каз. Дух. Акад. № 1727 (182), л. 105.

[16]) Ibid., л. 109—110.

[17]) Неизвѣстно, былъ ли Логгинъ переведенъ въ Вологду изъ-подъ Мурома, куда онъ былъ сосланъ въ 1653 г., или пріѣзжалъ сюда, чтобы повидаться съ Нероновымъ, какъ это предполагаетъ г. Субботинъ (Мат. т. I, стр. 94).

чая обратиться къ народу съ обличенiемъ Никонова дѣла. Послѣ обѣдни въ соборной церкви онъ произнесъ слѣдующую проповѣдь, какъ онъ ее излагаетъ: «священницы и вси церковныя чада! Завелися новые еретики, мучатъ православныхъ христiанъ, которые поклоняются по отеческимъ преданiемъ, такожде и слогъ перстовъ по своему умыслу сказуютъ, да за то рабъ Божiихъ мучатъ, и казнятъ, и въ дальныя заточенiя посылаютъ. Азъ грѣшный, въ крестовой, предъ соборомъ всѣхъ властей говорилъ тѣ слова: подалъ равноапостольный, благочестивый государь, царь и великiй князь Алексѣй Михаиловичъ всея Руси тебѣ волю, и ты, не узнався, тако всякiя руганiя творишь, а ему, государю, сказываешь: я-де дѣлаю по евангелiю и по отеческимъ преданiемъ! Ано ты такъ говоришь, какъ въ евангелiи сказуетъ: поругалися жидове истинному Христу! И во отеческомъ такожде ихъ мученiи отъ развратниковъ, аще бы не мiрскiя власти заступали ихъ. Да время будетъ, и самъ с Москвы поскочишь, никѣмже гонимъ, токмо Божiимъ изволенiемъ! Да и нынѣ вамъ всѣмъ глаголю, что онъ насъ далѣ посылаетъ, то вскорѣ и самому ему бѣгать. Да и вы, аще о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать! Не единымъ вамъ глаголю, но и всѣмъ, на Москвѣ и на всѣхъ мѣстѣхъ, за молчанiе всѣмъ злѣ страдати! А во ономъ вѣцѣ что отвѣтъ дадимъ Владыцѣ нашему истинному Христу и святымъ его страдальцемъ?» [18]). Эта энергичная проповѣдь Неронова такъ напугала мѣстныхъ вологодскихъ начальниковъ, что его немедленно приказано было везти дальше въ мѣсту ссылки. Уѣзжая изъ Вологды, Нероновъ отправилъ упомянутую выше «общую отписку ко всѣмъ христолюбцамъ», въ которой убѣждалъ ихъ крѣпко стоять за истинную вѣру въ наступившiя послѣднiя времена.

Заключенiе въ Кандалакшскомъ монастырѣ, тоже не отличалось особенной строгостью: сношенiя Неронова съ единомышленниками продолжались: мы знаемъ, что онъ писалъ въ Переяславль Залѣсскiй архимандриту Данилова монастыря, Тихону а вскорѣ послѣ присылки, 10-го августа 1655 г., онъ бѣжалъ изъ монастыря съ тремя своими духовными сыновьями. По пути бѣглецы приплыли къ Соловецкому монастырю, гдѣ извѣстный своимъ сочувствiемъ къ старымъ обрядамъ архимандритъ Илья принялъ

[18]) Мат., т. I, стр. 106—107.

ихъ съ почетомъ и, много побесѣдовавъ съ Іоанномъ, на богомольную ладью того и с работники посадивъ, и отпустити къ Москвѣ повелѣвъ, давъ тому на путь потребная доволно, а работникомъ обувь. И послѣднее цѣловався рекъ: «страдалче, біемъ одолѣвай! Храбрый воине, подвизайся!» [19]). Въ Москвѣ, по разсказу Ѳеоктиста, Нероновъ тайно жилъ у Стефана Вонифатьева, видаясь «со многими христолюбцами и духовною братіею», а въ декабрѣ того же 1665 г. постригся, подъ именемъ Григорія, у своего единомышленника переяславльскаго архимандрита Тихона. Благодаря всѣмъ этимъ своимъ покровителямъ, Нероновъ легко могъ ускользать отъ розысковъ, начатыхъ по приказу патріарха послѣ его бѣгства изъ Кандалакшскаго монастыря. Ѳеоктистъ разсказываетъ, что въ одной деревнѣ крестьяне, укрывая Неронова, такъ грубо дѣйствовали съ патріаршими слугами, что онъ самъ вынужденъ былъ просить ихъ: «да не паче мѣры съ посланными крамолять» [20]). Конечно, бѣгство Неронова сопровождалось и усиленной проповѣдью противъ церковныхъ новшествъ, проповѣдью, очень легко воспринимавшеюся тѣми, къ кому она обращалась, такъ какъ почва была подготовленная.

Наконецъ, дальнѣйшее укрывательство отъ розысковъ стало невозможнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Нероновъ познакомился съ новоизданною патріархомъ Никономъ «Скрижалью»: въ этой книгѣ онъ увидѣлъ, что вселенскіе патріархи одобряютъ троеперстное крестное знаменіе, а не покоряющихся предаютъ проклятію, и взяло его раздумье: «кто есмь окаянный азъ? Со вселенскими патріархами раздоръ творити не хощу ниже противенъ буду: что же ради и под клятвою у нихъ буду? Есть аще угодно будетъ кое дѣло Богу, всяко явится, лесть же потребится» [21]). Вслѣдствіе такого размышленія 4 января 1657 г. Нероновъ явился самъ къ патріарху, который въ это время шелъ къ обѣднѣ. По словамъ Ѳеоктиста, объявивъ патріарху, что онъ тотъ человѣкъ, котораго розыскиваютъ, Нероновъ сказалъ: «что ты единъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ иной патріархъ будетъ, все твое дѣло передѣлывать будетъ; иная тогда тебѣ честь будетъ, святый владыка». Затѣмъ по окончаніи литургіи, патріархъ взялъ

---

[19]) Мат., т. I, 137, 140.
[20]) Ibid., стр. 143—144.
[21]) Ibid. I, стр. 145—146.

Неронова къ себѣ въ крестовую, и здѣсь у нихъ произошло продолжительное объясненіе, о которомъ мы имѣемъ свидѣтельство только одной стороны, «Записку» игумена Θеоктиста; въ виду этого слѣдуетъ относиться съ большой осторожностью къ показаніямъ этого источника, хотя бы они, повидимому, и говорили въ пользу патріарха Никона: нельзя принимать цѣликомъ за достовѣрную Θеоктистову передачу разговоровъ Неронова съ патріархомъ, какъ это дѣлаетъ митр. Макарій [22]). Эта передача, какъ и вообще всякія фактическія показанія раскольниковъ, во всякомъ случаѣ односторонняя, тенденціозная, требующая основательной провѣрки, и удивляться, по примѣру митр. Макарія и г. Субботина [23]), смиренію и кротости Никона, на основаніи разсказа Θеоктиста, было бы не совсѣмъ осмотрительно: никоимъ образомъ не слѣдуетъ забывать, что, заставляя Никона или молчать, или ограничиваться повтореніемъ дважды въ сущности неудачнаго отвѣта на укоризны Неронова, Θеоктистъ хочетъ представить Никона неправымъ, безгласнымъ, не имѣющимъ привести въ свою защиту никакихъ основательныхъ доводовъ; то же слѣдуетъ думать и о пространныхъ обличительныхъ рѣчахъ Неронова, которыя плохо вяжутся съ принесеннымъ имъ покаяніемъ, какъ бы оно ни было не искренне. Поэтому мы вполнѣ соглашаемся съ мнѣніемъ гр. Гейдена, что Θеоктистъ въ своемъ изложеніи рѣчей Неронова, «повидимому, многое придумалъ самъ» [24]). Во всякомъ случаѣ достовѣрно одно, что Нероновъ принесъ покаяніе, не желая находиться подъ клятвой восточныхъ патріарховъ, а по возвращеніи царя Алексѣя Михайловича былъ совершенно прощенъ патріархомъ и допущенъ къ причащенію, причемъ вполнѣ вѣроятнымъ представляется показаніе Θеоктиста, что царь самъ ходатайствовалъ предъ патріархомъ о прощеніи Неронова. Патріархъ не только простилъ Неронова, но и разрѣшилъ ему служить по старымъ Служебникамъ, признавъ ихъ «добрыми» наравнѣ съ новоисправленнымъ Служебникомъ, и даже, по настоянію Неронова, допустилъ двоить аллилуію въ одномъ изъ московскихъ соборовъ. Такъ разсказываетъ Θеоктистъ, и, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ другихъ данныхъ для

---

[22]) Макарій. Ист. рус. церкви, т. XII, стр. 214—221.

[23]) Мат., т. I, стр. 134—135.

[24]) Гр. Гейденъ. Изъ ист. возникновенія раскола при патр. Никонѣ, стр. 51.

провѣрки этого важнаго показанія, на основаніи котораго митр. Макарій видѣлъ уже въ это время начало единовѣрія.

Однако примиреніе Неронова съ патріархомъ было очень непрочнымъ: Нероновъ по прежнему враждебно относился къ исправленнымъ книгамъ и обрядамъ, а противъ патріарха продолжалъ интриговать, пользуясь при этомъ уже гораздо большей свободой, чѣмъ прежде. Такъ, уже черезъ нѣсколько дней послѣ примиренія Нероновъ на литургіи говорилъ царю: «Доколѣ, государь, тебѣ дотерпѣть такову Божію врагу? Смутилъ всею русскою землею и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать, — отъ него, врага, всѣмъ страхъ». «И государь, передаетъ Θеоктистъ, яко устыдѣвся, скоро отъ старца отъиде, ничтоже ему рече» [25]). Вѣроятно, подобныя замѣчанія уже не разъ приходилось выслушивать царю отъ своихъ приближенныхъ, которые стали замѣчать, что, возвратившись изъ своего славнаго малороссійскаго похода, царь возмужалъ, пріобрѣлъ большую самостоятельность и началъ тяготиться опекой своего «собиннаго друга», другого великаго государя; а потому для этихъ людей, не любившихъ патріарха, Нероновъ былъ желаннымъ союзникомъ, тѣмъ болѣе, что среди нихъ было не мало сочувствовавшихъ старинѣ, которую, по ихъ мнѣнію, искажалъ Никонъ своими исправленіями. Вѣроятно, съ ними не разъ происходили у Неронова бесѣды, въ которыхъ онъ по прежнему рѣзко порицалъ новоисправленныя книги. Такъ можно предполагать, судя по дѣлу, возникшему въ концѣ 1657 г. по обвиненію Неронова въ томъ, что онъ сжегъ новый Служебникъ: былъ ли дѣйствительно этотъ фактъ сожженія Служебника, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ можно съ увѣренностью думать, что Нероновъ въ домѣ Θ. М. Ртищева говорилъ, что новый Служебникъ слѣдуетъ сжечь, или, можетъ быть, даже хвалился, что дѣйствительно его сжегъ [26]). Иногда со своими возраженіями противъ нововведенныхъ обрядовъ Нероновъ обращался и къ самому патріарху, причемъ не стѣснялся рѣзкостью формы своихъ замѣчаній: такъ, 21 января 1658 г., отстаивая двоеніе аллилуіи, Нероновъ спрашивалъ патріарха: «до чего тебѣ домутить Россіею? [27]).

---

[25]) Мат., т. I, стр. 158.
[26]) Ibid., стр. 159—160.
[27]) Ibid., стр. 162.

Таковы извѣстія, которыя мы имѣемъ объ агитаціи Неронова противъ Никона и его дѣла, пока Никонъ еще сохранялъ свое мѣсто; эта агитація въ связи съ кознями бояръ и всяческими навѣтами, усилившими охлажденіе царя Алексѣя Михайловича къ своему другу, привела, наконецъ, 10 іюля 1658 г. къ оставленію Никономъ патріаршаго престола. Незадолго до этого факта, по разсказу Θеоктиста, Неронову, который находился въ Игнатьевой пустыни на Ломў, явился Спаситель, приказавшій ему служить по старымъ Служебникамъ, а затѣмъ вскорѣ Нероновъ появляется въ Москвѣ, вѣроятно, получивъ уже радостное для него извѣстіе объ уходѣ Никона. Въ началѣ января 1659 г. Неронова снова посѣщаетъ чудесное видѣніе, и онъ отправляется доложить о немъ замѣстителю патріарха, митрополиту Крутицкому Питириму, сочувственно относившемуся къ старымъ обрядамъ. Питиримъ, по словамъ Θеоктиста, отнесся съ полнымъ довѣріемъ къ сообщенію Неронова и сказалъ: «вѣрую, отче, словесемъ твоимъ, а не искушаю: мощенъ бо Господь творити преславная» [28]).

Съ этого времени Нероновъ начинаетъ дѣйствовать противъ Никона и его исправленій уже вполнѣ открыто. Въ сентябрѣ 1659 года [29]) онъ подалъ царю челобитную объ избраніи новаго патріарха. Можетъ быть, эта челобитная была подана Нероновымъ не лично отъ себя, но какъ коллективное прошеніе людей разныхъ чиновъ; такъ можно предполагать потому, что въ одномъ спискѣ, принадлежащемъ библіотекѣ гр. Уварова, челобитная озаглавлена: «Всенародное прошеніе къ царю» и начинается по титулѣ такъ: «богомольцы твои, государевы, и холопи, и сироты и всякихъ чиновъ люди, припадая, молятъ человѣколюбіе твое, благоутробный и милостивый государь, послушай мольбы своихъ государевыхъ богомольцевъ, и холопей, и сиротъ, о немже тя, государя, молимъ, прося мира церкви и церковнымъ чадамъ покоя». Челобитная состоитъ изъ ряда выписокъ изъ церковныхъ правилъ о томъ, что церковь не можетъ такъ долго вдовствовать, оставаться безъ верховнаго архипастыря, и о томъ,

---

[28]) Мат., т. I, стр. 163—166.

[29]) Не въ 1660 г., какъ полагаетъ г. Субботинъ, неправильно объясняя выраженіе: «второго лѣта болѣе двою мѣсецъ прейде», въ томъ смыслѣ, что прошло 2 года и 2 мѣсяца, тогда какъ прошло всего 1 годъ и 2 мѣсяца.

каковъ долженъ быть новый патріархъ, котораго слѣдуетъ избрать на мѣсто Никона, причемъ указывается и порядокъ избранія черезъ «духовныхъ мужей» и «общій совѣтъ» и по «жребію апостольскому». Время управленія церковью патріарха Никона характеризуется въ прошеніи, какъ время смутное: «Смущеніе убо веліе, государь, въ Великой Россіи о церковныхъ вещѣхъ, якоже и самъ вѣси; благочестивый государь царь, во всѣ убо седмь лѣтъ, тысящи тысящъ душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ тайнъ, и ученія нѣсть, паче же и несогласія ради церковныхъ учителей» [30]). Въ Уваровскомъ спискѣ «Всенароднаго прошенія» характеристика еще рѣзче: «Поостри убо тебе архіерей непреподобный чрезъ волю Божію ко брани, гнѣвъ отъ Бога привлече на всю Россію, забывъ пророка вопіюща, паче же и моляща Бога на таковыя: разруши, рече, языки хотящая бранемъ. Недовлѣ же ему се; и глаголющія ему вправду умучи, и священническаго чина, и холопей твоихъ насъ и сиротъ; и клеветавъ тебѣ на когождо заточеніемъ и великими ругательствы облагаше, и насиловаше властію твоею государевою. Въ то же время и толикая зданія каменнаго строенія вновь обители начатъ строити, древняя же пустынныя мѣста разоривъ, въ потребу на славу Христову созданныя. Сими убо колико оскорби люди Божія и святымъ мѣстамъ пакость немалу сотвори».

Челобитная Неронова покуда не повела ни къ какимъ послѣдствіямъ, хотя нельзя не видѣть нѣкоторой связи между этой челобитной и соборомъ русскихъ іерарховъ, бывшимъ по царскому повелѣнію въ 1660 г. для суда надъ Никономъ. Но, если и не эта челобитная была причиной собора 1660 г., во всякомъ случаѣ она является однимъ изъ симптомовъ того общаго движенія противъ Никона и его исправленій, которое началось съ уходомъ Никона съ патріаршаго престола. Въ Соловецкомъ монастырѣ, монахи котораго еще въ 1657 г. отказались принять новые Служебники, смута не прекращалась, и противъ нея не принималось никакихъ мѣръ ни духовной, ни свѣтской властью; напротивъ, правительство, нуждавшееся въ деньгахъ для военныхъ дѣйствій и разсчитывавшее воспользоваться богатою мо-

---

[30]) Мат., т. I, стр. 170. Выраженіе «седмь лѣтъ», кажется намъ, подтверждаетъ нашу дату подачи челобитной, считая время управленія Никона съ 1652 года.

настырскою казной Соловецкой, относилось къ монахамъ очень милостиво: архимандритъ Варѳоломей, во время своего пріѣзда въ Москву, былъ не разъ приглашаемъ къ царскому столу, получалъ разные подарки, «укрухъ», «романею», именинный пирогъ и т. п. и былъ отпущенъ съ великой честью [31]). Среди членовъ высшей церковной іерархіи были и такіе, которые выражали, хотя и не совсѣмъ открыто, свое сочувствіе старымъ обрядамъ: таковъ былъ епископъ вятскій Александръ, такимъ же образомъ, какъ можно предполагать, поступалъ и митр. Питиримъ, блюститель патріаршаго престола; по крайней мѣрѣ не даромъ явилось извѣстіе о его сочувственномъ пріемѣ Неронову, а кромѣ того и впослѣдствіи, будучи въ Новгородѣ, онъ высказывалъ свое расположеніе къ соловецкимъ монахамъ [32]). Вліяніемъ враждебнаго Никону Питирима объясняется и постановленіе собора 1660 года о томъ, что слѣдуетъ Никона «за самовольное оставленіе патріаршества безъ благословной вины почитать чуждымъ архіерейства, чести и священства», а также и другое постановленіе этого же собора по дѣлу архіепископа суздальскаго Стефана, принадлежавшаго, въ качествѣ бывшаго архимандрита Воскресенскаго монастыря, къ числу людей, преданныхъ Никону и во всемъ придерживавшихся тѣхъ церковныхъ порядковъ, которые заведены были Никономъ. Въ 1659 г. суздальскій соборный попъ Никита Константиновъ Добрынинъ (извѣстный впослѣдствіи съ прозвищемъ Пустосвята) подалъ на архіепископа Стефана доносъ, что онъ «служитъ божественную литургію не по преданію св. Апостолъ и пасетъ церковь Божію не по правиламъ св. отецъ, честнымъ иконамъ и церквамъ и всякой святыни ругается, учитъ священный чинъ и всѣхъ христіанъ не отъ божественнаго писанія». По слѣдствію открылось, что всѣ преступленія, въ которыхъ обвинялся Стефанъ, состояли только въ употребленіи обрядовъ, принятыхъ патріархомъ Никономъ. Никита, котораго Стефанъ послѣ этой неудачной ябеды отрѣшилъ отъ церкви, учинилъ, какъ доносилъ о томъ приказный архіепископа Денисъ Петровыхъ и какъ показывалъ соборный попъ Симеонъ, въ церкви большое смятеніе, называлъ Стефана измѣнникомъ и еретикомъ, вырвалъ изъ рукъ у подъя-

---

[31]) Сырцовъ. Возмущеніе соловецкихъ монаховъ, стр. 82—83.
[32]) Ibid., стр. 84, 85.

чаго архіепископскую грамоту и изодралъ. Для производства слѣдствія по этимъ доносамъ и по новой жалобѣ Никиты, былъ посланъ Вятскій епископъ Александръ, а затѣмъ на соборѣ 1660 г. Стефанъ былъ сперва приговоренъ къ изверженію изъ сана, но послѣ нѣкоторыхъ его объясненій, показавшихъ опять таки, что его вина заключалась только въ слѣдованіи порядкамъ, заведеннымъ Никономъ, соборъ постановилъ его послать въ монастырь, «подъ началъ добраго старца, и ему архіерейская начтоже дѣйствовати и клирики не владѣти». Царь Алексѣй Михайловичъ, которому было представлено рѣшеніе собора, призналъ необходимымъ его измѣнить, объявивъ, что прощаетъ архіепископа по обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ, а въ «духовныхъ винахъ» велѣлъ властямъ судить архіепископа по правиламъ, «потому что отъ простыхъ рѣчей прозябаютъ ереси, а попа Никиту чтобъ отослали подъ градскій судъ». Такимъ образомъ только царское заступничество спасло Стефана отъ несправедливаго, суроваго наказанія [33]).

Въ такое-то смутное время очень легко было возникнуть обширной раскольнической литературѣ, направленной противъ введенныхъ Никономъ новыхъ книгъ и обрядовъ и доказывавшей въ той или другой формѣ, что наступаютъ или уже наступили послѣднія времена пришествія антихристова. Особенно важное значеніе въ ряду этихъ произведеній, какъ по своему объему, такъ и по личности автора, имѣютъ сочиненія архимандрита Покровскаго монастыря Спиридона Потемкина. Это былъ человѣкъ съ большими связями при дворѣ, благодаря близкому родству съ Ѳ. М. Ртищевымъ, сравнительно широко образованный, знавшій языки польскій, латинскій, греческій и даже немного еврейскій, начитанный въ божественныхъ писаніяхъ. Ему принадлежитъ сборникъ изъ девяти «словъ», называемый «книгою о правой вѣрѣ», составленный до 1658 года, судя по тому, что авторъ говоритъ, что никому неизвѣстно, что произойдетъ въ 1666 году, т. е. по старому счету въ 1658 г. Такимъ образомъ, хотя «слова» Потемкина написаны и ранѣе ухода Никона, который еще не называется бывшимъ патріархомъ, но мы можемъ предполагать, что ихъ распространеніе относится именно къ

[33]) Мат. т. I, стр. 375—379. Сырцовъ. Возмущеніе Солов. монаховъ, стр. 75—77, Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1876 г.

этому времени, когда Потемкинъ, по свидѣтельству Аввакума, принималъ дѣятельное участіе въ спорахъ съ православными у Ѳ. М. Ртищева. Въ спискѣ XVIII в. поморскаго письма Имп. Публичной Библіотеки, Q I. 1.060, которымъ мы теперь пользуемся, эти слова идутъ въ такомъ порядкѣ:

Слово первое о крестномъ знаменіи воображенія и о сложеніи перстовъ десныя руки, како подобаетъ христіяномъ креститися рукою, тако и священникомъ люди благословляти, единымъ воображеніемъ, понеже единъ есть крестъ Христовъ, данный намъ на освященіе вѣрнымъ отъ пастыря Христа. Л. 1—15 об.

Слово 2. О Святомъ Дусѣ Господѣ истиннѣмъ, якоже речеся мечъ духовный глаголъ Божій, а иже похулитъ духъ истинны сіе непрощенное нечестіе, ни въ семъ вѣцѣ, ни въ будущемъ; чтый сія со вниманіемъ да разумѣетъ мечъ духовный глаголъ Божій. Л. 15 об.—37.

Слово 3. Любяй вопрошаетъ любимаго о избраніи святыхъ отецъ, и како слѣпіи видящихъ водятъ, понеже и въ правду то по словеси Христову, иже бо рече: аще не превзыдетъ правда ваша паче книжникъ и ѳарисей, не имате внити въ царство небесное. Пишетъ же и о книжномъ реѳормованіи и о двунадесяти сатанинныхъ учениковъ. Л. 37 об.—45 об.

Слово 4. О исполненіи церковномъ и о связаніи сатаны и паки о развязаніи, глава 4 апокалепсисъ, глава 20.—Л. 45—53.

Слово. 5. О прелести антихристовой и о предотечахъ его послѣднихъ временъ, како сатана мудрствуетъ своими угодники, яко не глаголати имъ явно на Святый Духъ лаянія хулна, но скрывати ядъ смертоносный, еже есть истинна въ неправдѣ. Л. 54—65.

Слово 6. О премудрости Божіи, яже созда себе храмъ и утверди столповъ седмь. Л. 65 об.—86 об.

Слово 7. О нечювственныхъ христіянѣхъ, иже нарицаются православніи и прелесть хулятъ, а въ прелести несмысленно утопоша и не ощущаютъ. Л. 87—137 об.

Слово 8. Яко не въходяи во дворъ овчій, но прелазяй инудѣ, той тать есть и разбойникъ, і яко татьски исполниша весь миръ прелестей, и отвратишася отъ востока на западъ, а прелестей в себе не познаша, і о скончаніи вѣка сего не вспоминаютъ; яко антихристу попущено будетъ отъ Господа нарицатися Богомъ и Христомъ и владыкою и царемъ прелести, и ина

многа чтый обращеши в семъ словѣ въ ползю себѣ и слышащимъ безъ сомнѣнія. Л. 138—165 об.

Слово 9. О еже соедини Господь земная съ небесными и совокупи вся языки человѣческія со ангельскими і устрои пѣти славу святыя Троицы языки человѣческими купно со ангельскими, глаголя аллилуія. Л. 166—180.

Уже изъ этого оглавленія книги Спиридона Потемкина можно видѣть, что самая большая ея часть, слова четвертое, пятое, шестое, седьмое и восьмое, посвящены изложенію ученія объ антихристѣ и о послѣднихъ временахъ, но этимъ же вопросамъ посвящаются многія отдѣльныя мѣста и въ другихъ частяхъ книги, причемъ главными источниками для Потемкина служатъ «Книга о вѣрѣ», «Кириллова книга», слова св. Ефрема Сирина и Ипполита.

Главнымъ основаніемъ нападокъ Спиридона Потемкина на новоисправленныя книги и на исправителей является то положеніе, что церковь Христова «не требуетъ никакова исправленія, того ради яко ни погрѣшити можетъ, ни исправленія требуетъ, непреклонну бо и недвижиму тоя утверди Христосъ своею кровію, и въ ней живетъ и въ ней царствуетъ» (л. 8). Непогрѣшимость церкви выражается не только въ вѣрѣ, крещеніи и священствѣ, но и въ томъ, что церковь «не можетъ поползнутися ни въ малѣйшемъ отъ догматъ святыхъ» (л. 39); но такъ какъ буквализмъ, отличавшій въ равной мѣрѣ въ эту эхоху и старообрядцевъ, и православныхъ, которые и самое дѣло исправленія предприняли, исходя изъ мысли, что церковь «пріяла совершеніе» не только въ догматическомъ и нравственномъ ученіи, но и въ «чинѣ священныхъ вещей», такъ какъ этотъ буквализмъ не отличалъ въ существѣ догмата отъ обряда, то у Спиридона Потемкина вполнѣ послѣдовательно явилось положеніе, что церковь не можетъ погрѣшить «ни въ единомъ словѣ, ни во псалмѣхъ, ни во ирмосахъ, ни во обычаехъ и нравѣхъ писанныхъ и держимыхъ,—вся бо церковная свята суть, и держаніе не пресѣчеся ни на единъ часъ» (л. 42).

Изъ такого взгляда естественно вытекаетъ, что всякая попытка исправленія есть порча, производимая кознями сатаны, который старается, чтобы всѣ уклонилися въ латинскую ересь, и поэтому исправители «купно съ жидами путь устилаютъ антихристу богомерзкими догматы, еретическими составы». Ориги-

налы, съ которыхъ правятся новыя книги, испорчены разными латинскими вставками. «Нынѣ выходятъ книги еретическія, реѳормованныя, полныя злыхъ догматовъ, изъ Рима, изъ Париси, изъ Винецыи, греческимъ языкомъ, но не по древнему благочестію, ихъ же прелагаютъ на словенскій языкъ, нынѣ же реѳормованы съ горшими расколы, не токмо церковь раздирающе, но вся книги словенскаго языка древняго благочестія и весь языкъ мерзяще отягченіемъ превратовъ новосмысленныхъ» (л. 43). Насѣявши такимъ образомъ многоразличные плевелы, исправители сами постоянно сбиваются со своего пути и не знаютъ, чего держаться: «на всяко лѣто десятижды себе реѳормуютъ на горшее, якоже и прочіи прежде отпадшія еретицы, всегда учащеся, а никогда же въ разумъ истинный пріити не могутъ» (л. 40). Ссылка исправителей на старинныя харатейныя книги нисколько не удовлетворяетъ Спиридона Потемкина, и онъ, считая свое время близкимъ къ кончинѣ міра, напоминаетъ, что при «кончинѣ вѣка сего будутъ соблазны въ книгахъ и ученіяхъ, яко будутъ философія крадоводящихъ лестію на вся языки и яко явятся книги харатейныя близъ кончины, въ нихъ же правдивая ученія истерта будутъ, а предесть на антихристову руку написана будутъ, и ветхости ради тѣхъ прельстятся мнози при кончинѣ вѣка по писанію» (л. 143). Вѣроятно, въ виду того, что нѣкоторыя обвиненія противъ исправителей оказывались несправедливыми, Спиридонъ Потемкинъ приписываетъ своимъ врагамъ слѣдующую уловку: «числа на листахъ не полагаютъ, да мощно будетъ истребити ихъ отъ книгъ ихъ новыхъ, да выдравше рекутъ, яко никогда же писахомъ таковыхъ листовъ» (л. 102 об.). Благодаря соблазну новоисправленныхъ книгъ, исчезло всякое попеченіе объ истинѣ, и вмѣсто защиты своей правоты, «вси согласно глаголютъ, аки взирающе на начальниковъ: якоже предаютъ намъ, такъ и пріемлемъ, не мы есмы правителіе книгамъ (л. 142).

Своимъ противникамъ, похваляющимся ученостью, Спиридонъ старается доказать въ духѣ прежнихъ представленій суетность мірского ученія. «Человѣцы бо, говоритъ онъ, научившеся грамматики, и риторики, но и самыя философіи, аще не прибѣгнутъ ко истинному учителю Христу, то что поможетъ грамматика, и что пособствуетъ риторика, и како наставитъ философія на путь истинный: единъ бо философъ аріанинъ, а дру-

гіи македонянинъ, а третій лютеръ, инъ же калвинъ, а інъ римлянинъ, и иныхъ множество, но сіи вси учатся въ римскихъ училищахъ, яже суть школы латинскія, а за ученіе не даютъ ничесоже кромѣ душъ своихъ; аще бо кто восхощетъ совершенъ быти римлянинъ, но той не возможетъ, доступитъ совершеннаго ученія римъскаго; аще бо кто не восхощетъ римскаго опреснока вкусити, той абіе невѣдомъ бываетъ, и конецъ его единъ Богъ вѣсть и тоя его мзда за римское ученіе» (л. 136 об.). Указавъ на эту дѣйствительно присущую многимъ исправителямъ слабую сторону ихъ образованія, Спиридонъ Потемкинъ обличаетъ ихъ жизнь, во многомъ не соотвѣтствовавшую старымъ аскетическимъ идеаламъ: «веліе диво, что видѣвше люди послѣдуютъ имъ! Вѣру ли, но та развращенна; дѣла ли, и тѣ завистны; любовь ли, и та невѣдома никому; постъ ли, за щеками носа не знать; трезвеніе ли, всегда руки дрожатъ съ похмелья, а безъ горѣлки ни единъ часъ, безъ роскоши и безъ рыбы ни во единъ пятокъ; а труды церковныя, кто свидѣтель?» (л. 44 об.). Замѣчательно, что къ патріарху Никону Спиридонъ Потемкинъ относится сравнительно мягко; указавъ, что Никонъ не отвергаетъ Кириловой книги и Стоглава, онъ говоритъ: «точію въ вѣрѣ не согласуетъ, аще бо и самъ исповѣдуетъ Духа Святаго Господа истиннаго, но преступилъ заповѣдь Ісуса Сирахова и припустилъ къ себѣ иноземца, иже преврати вся благочестивыя пути его, и той солга предъ нимъ, яко святіи отцы истиннаго въ символъ православныя вѣры не вложивше» (л. 50 об.). Не есть ли такое мягкое отношеніе къ Никону результатъ вліянія родственника Спиридона, Ѳ. М. Ртищева, который сохранялъ дружбу съ Никономъ и въ то же время не отстранялся отъ защитниковъ старины?

Единственное средство устранить всѣ еретическія нововведенія исправителей Потемкинъ видитъ въ созваніи собора, который могъ бы ихъ обличить и утвердить правоту защитниковъ старыхъ книгъ (л. 12 и 52), но такого собора приходится долго ждать, а тѣмъ временемъ новшества повсюду распространяются при помощи насилія, такъ какъ новые учители «осилуютъ», «нуждею приводятъ въ римскую прелесть» (л. 7 об.), «не хотѣвшихъ пріимати таковыя ихъ прелести многихъ изгнаша, многихъ уязвиша, многихъ умертвиша» (л. 11). Кромѣ насилія, нововводители стараются дѣйствовать насмѣшками: «ругающеся благочестивымъ христія-

номъ и не хотящимъ пріимати ихъ лукавыхъ нововводныхъ и богомерскихъ прилоговъ и превратовъ, глаголютъ: како можете разумѣти, не вѣдуще многихъ разныхъ языковъ, ниже риторства, ни философіи учащеся? Ваше дѣло пріимати то, иже мы страждуемъ, а намъ дана власть знати въ словесѣхъ силу, что пріимати отъ божественныхъ писаніи и что отметати, да не премѣнится нами предпріятое, донелѣже вси людіе будутъ едино стадо подъ единымъ пастыремъ до скончанія вѣка» (л. 27).

На подобные доводы Спиридонъ Потемкинъ отвѣчалъ, что исправленія вѣры нельзя ожидать въ послѣднія времена, а что конецъ міра уже наступилъ или по крайней мѣрѣ очень близокъ, для него представляется несомнѣннымъ. Пришла, по его мнѣнію, такая пора, что люди «святаго Евангелія не хотятъ и слышати, не токмо послушати, яко подобаетъ христіяномъ, а эллинскихъ учителей возлюбиша паче апостоловъ Христовыхъ, латинскія догматы паче ученія Христова; прочее чесо ожидати, развѣ да поклонятся прелести вси живущіи на земли и дадутъ славу звѣрю пестрому по писанію». Рабы Христовы вездѣ гонимы, всѣ ихъ ненавидятъ, а сатана, вселившійся при Адамѣ въ змія, теперь вселился «въ персты рукъ человѣческихъ, да скрывши въ нихъ хулу на Святый Духъ, прельститъ родъ христіянскій» (л. 9—10). Согласно божественному писанію, сатана былъ, по воскресеніи Христовомъ, связанъ на 1.000 лѣтъ, и это была самая лучшая эпоха въ исторіи церкви, послѣ нея произошло отпаденіе латинскаго Запада, черезъ 600 лѣтъ Западная Русь приняла унію, черезъ 60 лѣтъ началось отпаденіе Москвы при Никонѣ, а черезъ 6 лѣтъ должно быть уже послѣднее отступленіе. Признаками этого прискорбнаго событія Спиридонъ Потемкинъ признаетъ появленіе «предотечей» сатаны, изъ которыхъ онъ однихъ «посылаетъ съ прелестными ухищреньми, еже похулити Духъ истинный, а другихъ посылаетъ воздвигнути внѣшнюю брань со окрестными, да убіютъ другъ друга, да проходитъ мечъ, да развратится умъ, да раздвоится совѣсть въ людехъ, наипаче же во владущихъ, яко аще и ощутятъ благочестіе отъ сопостатъ враждаемо, но не возмогутъ противустати имъ ратныхъ ради нахожденія» (л. 20—21 об.). Самое же главное знаменіе антихристова прихода есть порча церковныхъ книгъ. «Такожде и книги, пріемшія лукавыя догматы, оставляются отъ Христа, и противный тѣми дѣйствуетъ и ратуетъ церковь Христову; да еще и едину книжицу видитъ супостатъ

въ церкви невреждённу, сирѣчь не пріемше развращеннаго догмата, не внидетъ тамо, дондеже изнесена будетъ прельщенными; опаляетъ бо ся истинною, еже не мощи ему внити тамо, идѣже Христосъ пребываетъ. Но сія вся дѣйствуетъ врагъ своими угодники, малыми антихристы сирѣчь предотечами его, его же пришествіе хощетъ быти по дѣйству сатанину, еже отвести отъ Бога весь міръ лукавыми догматы, сице нашими же книгами насъ же обличати будутъ, лжуще на Бога, лжуще на святое евангеліе, лжющи на святые вселенскіе соборы, лжющи на святую, соборную и апостольскую церковь. А книги тогда точію имя святыхъ соборныхъ книгъ содержати имутъ, а по истинѣ вси лукавства исполнени будутъ; то бо будетъ дѣло и нынѣ есть лукавыхъ предотечей, еже истребляти отъ книгъ истину и влагати лжи помраченную тму» (л. 25 об.—26).

О томъ четвертомъ отступленіи, котораго нужно ожидать послѣ шести лѣтъ (т. е. въ 1658 г.), мы можемъ уже заключать на основаніи того, что происходитъ въ наше время: «что будетъ по шести лѣтѣхъ, говоритъ Потемкинъ, того уже главизны являются, но вся сія мира сего любителемъ смѣхъ суть и игралище, и никто же ищетъ воды живыя, еже угасити пламень сатанинъ, но всякъ ищетъ смолы и изгребія и тростія сухого на горшее распаленіе, да скорѣе речется въ мірѣ миръ утверженіе и да незапу наведетъ на нихъ всегубительство по писанію» (л. 134 об.). А между тѣмъ исправленіе богослужебныхъ книгъ, предпринятое патріархомъ Никономъ, есть именно такое ихъ искаженіе, которое окончательно отвращаетъ людей отъ православной Христовой вѣры, и благодаря этому истинныя книги древняго благочестія обруганы и оплеваны, такъ что «вышній не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ по писанію». «О, горе намъ нынѣ живущимъ на земли, восклицаетъ Потемкинъ, яко пріиде время, отдалече проповѣданное на нынѣшнее; яко жидове уже, христіяны себе нарицающе, христіянъ прельщаютъ; а христіяны, не проспавшися съ похмѣлія, тѣмъ вѣрятъ и, не ощущающе тѣхъ прелести, глаголютъ: аще ли не бы сіи премудри были, то не бы сіи власти наши тѣмъ повинулися; тіи узрятъ, на тѣхъ Богъ взыщетъ, мы же и піемъ, а утре умремъ. О, люте время постиже, разлучаютъ насъ со Христомъ, истиннымъ Богомъ нашимъ, а приводятъ къ сыну погибели. О, слепота піяныхъ христіянъ, иже ждутъ явнаго жидовства и предотечей антихристовыхъ, не внимаютъ помраченной

прелести ихъ» (л. 82 об.—83 об.). Антихристъ можетъ придти въ міръ, когда ему будетъ подготовленъ путь, т. е. когда истребятся всѣ церковные догматы, что, по воззрѣнію старообрядцевъ, равносильно Никоновскому исправленію книгъ. «Точію ты внимай, христолюбче, говоритъ Потемкинъ, яко нѣсть мощно пріити антихристу и сѣсти въ церкви, дондеже не истребятся изъ нея святыя догматы сосуды лукавыми и по дѣйству сатанину: нужда бо, рече, пріити соблазномъ. Но горе человѣку, имъ же соблазнъ приходитъ? Кто же убо нынѣ не видитъ соблазнъ пришедшихъ? кто не видитъ отступленія отъ вѣры; кто не видитъ хуленія на Святый Духъ? кто не видитъ прелести помраченныя? Ни ли воста уже языкъ на языкъ и царство на царство? Ни ли суть глади и труси по мѣстамъ? Но о люте намъ, яко вся сія еще начало болѣзнемъ. Время бо намъ уже соглядати свою вѣру и свое христіянство, цѣла ли въ насъ вѣра, и есмы ли христіана, не украдена ли у насъ вѣра, и готовы ли есмы за вся умрети, любимъ ли Христа, истиннаго Бога, противимъ ли ся лукавымъ догматомъ сына погибели? Аще противимся, то христіяны есмы, по словеси Господню: иже бо, рече, нѣсть со мною, на мя есть. Кіи грѣхъ сравнится поврежденію въ вѣрѣ? Коего грѣха ищеши, его ненавидитъ Богъ»? (л. 119). Смута, происходящая въ русской церкви, объясняется, какъ дѣйствіе сатаны, уготовляющаго путь антихристу, «нынѣ творитъ брань со оставшимъ сѣменемъ ея, еже мы есмы, сіе творитъ, да устелѣтъ путь гладокъ своему антихристу, сыну погибели; уже бо вмалѣ обладаетъ рукотворенныя храмы, уже въ малѣ возмещетъ святыя церковныя догматы, а своя прелести вноситъ лукавствомъ, и посемъ введетъ въ миръ всего мира погибель антихриста (л. 139). Самое пришествіе антихриста, который во всей книгѣ Спиридона Потемкина представляется еще не явившимся, но долженствующимъ скоро явиться, изображается очень сходно съ той поэтической картиной, какую мы находимъ у св. Ефрема Сирина, въ «Словѣ на пришествіе Господне, на скончаніе міра и на пришествіе антихриста».

Такимъ образомъ Спиридонъ Потемкимъ не доходитъ до рѣшительнаго утвержденія того, что царство антихриста уже наступило; однако около этого времени нарождаются и другіе взгляды на положеніе церкви: можетъ быть, уже теперь зрѣетъ мысль о духовномъ пониманіи антихристова прихода, мысль, которая начинаетъ явно высказываться нѣсколько лѣтъ спустя, когда

противъ нея пришлось возражать Аввакуму; однако несомнѣнно, что другіе противники Никона шли гораздо дальше, и къ этому же времени, повидимому, надо относить возникновеніе цѣлаго ряда легендъ о Никонѣ, записанныхъ въ «Житіи» инока Корнилія и въ раскольнической «Повѣсти о рожденіи и воспитаніи и о житіи и кончинѣ Никона, бывшаго патріарха Московскаго и всея Россіи», наиболѣе полный списокъ которой имѣется въ сборникѣ Им. П. Библ. Q. I. № 1058, л. 46 — 71. Первымъ человѣкомъ, провидѣвшимъ пагубу, грядущую отъ Никона, былъ, по этимъ легендамъ, Елеазаръ Анзерскій, въ скиту котораго жилъ Никонъ. Старецъ этотъ говорилъ своей братіи: «О, какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ! Сей убо смутитъ тоя предѣлы и многихъ трясеній и и бѣдъ наполнитъ». Въ доказательство истины своего предреченія Елеазаръ передавалъ, что онъ видѣлъ около шеи Никона, который совершалъ литургію, «змія черна и зѣло велика оплетшася» (Повѣсть, л. 47). По другому сказанію, старецъ Чудова монастыря Симеонъ видѣлъ ночью, «якобъ змій великъ зѣло», пестръ и страшенъ видѣніемъ, обогнувся около грановитыя палаты, яже въ Кремлѣ, и ужасную свою, лютымъ ядомъ дышущую главу и грозно пригибающійся ошибъ вложивъ на краѣ тоя полаты, лежаше. Таковое видѣніе видя, старецъ той отъ ужаса скоро воспряну и пристрашенъ бывъ, повѣда сіе видѣніе соборнымъ братіямъ. Тіи же, ужасомъ одержими, глаголаху: «что сіе хощетъ быти?» Потомъ же скоро увѣдаша, яко всю нощь ону, внюже старецъ видѣніе видѣ, Никонъ митрополитъ во оной палатѣ съ царемъ бесѣдоваста, а о чемъ разглагольство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся» (Повѣсть, л. 51). Свидѣтелями богопротивныхъ дѣйствій Никона, когда онъ былъ Новгородскимъ митрополитомъ, были келарь больничной обители Соловецкаго монастыря, Кирикъ, и старецъ Андреянъ, видѣвшіе на его сапогахъ распятіе и образъ Богородицы, такъ что онъ представился попирающимъ святыню (л. 61—62). Иноку Корнилію было въ тонкомъ снѣ видѣніе: спорили темнообразный и благообразный, и темнообразный, защищавшій четвероконечный крестъ, одолѣлъ благообразнаго [34]).

---

[34]) Максимовъ. Разсказы изъ ист. старообр., стр. 16— 18. Александръ Б. Оп. раск. соч. I, 172—173.

Распространеніе подобныхъ легендарныхъ разсказовъ легко могло привести къ тому радикальному заключенію, что Никонъ не предтеча антихриста, но уже самъ антихристъ; такъ училъ старецъ Ефремъ Потемкинъ, пропагандировавшій свои теоріи устно и письменно въ уѣздахъ Нижегородскомъ и Ветлужскомъ, предсказывая между прочимъ голодъ въ теченіе семи лѣтъ [35]). Ученіе это было очень распространено и долго держалось, такъ что впослѣдствіи его пришлось опровергать даже Аввакуму [36]).

Въ такомъ печальномъ положеніи были церковныя дѣла послѣ ухода Никона съ патріаршаго престола. Велась борьба не только противъ личности бывшаго патріарха, но и противъ его дѣла, которое представлялось дѣломъ антихриста. Интрига противъ лица велась главнымъ образомъ боярами, которымъ трудно было примириться съ властнымъ положеніемъ великаго государя, пріобрѣтеннымъ Никономъ, благодаря особенной любви къ нему царя Алексѣя Михайловича. Теперь этотъ великій государь находился въ немилости, но его дѣло еще не кончено, онъ оставался еще патріархомъ, могъ вернуться еще на свою каѳедру, могъ пойти на компромиссъ съ царемъ, и нельзя было сказать вполнѣ утвердительно, что царь по своему мягкому и доброму характеру не смѣнитъ гнѣва на милость, не вспомнитъ старой своей дружбы съ патріархомъ. Нужно было потому спѣшить съ окончаніемъ дѣла патріарха, нужно было всѣми мѣрами поддерживать въ царѣ раздраженіе противъ Никона, и, конечно, всякій человѣкъ, который былъ врагомъ Никона становился другомъ бояръ. Врагами стараго патріарха стали тѣ же греки, которые прежде ему прислуживались; но на нихъ нельзя было полагаться: эти люди при иныхъ обстоятельствахъ легко могли измѣнить. Искали враговъ непримиримыхъ, и такими были раскольники, возставшіе на Никона, какъ на представителя ненавистнаго имъ начала и какъ на крайняго своего утѣснителя.

Къ раскольникамъ обратилась боярская, враждебная Никону, партія, и понятно, что Аввакумъ, и среди расколоучителей болѣе всѣхъ выдававшійся своей огнепальною ревностью, при возвращеніи своемъ въ Москву, былъ принятъ боярами чрезвычайно радушно, «яко ангелъ Божій», тѣмъ болѣе, что между ними

---

35) Мат. I, стр. 449—450. II, стр. 13—15, 96—105.

36) Хр. Чт. 1888, I, стр. 748—749.

многіе смотрѣли на него, какъ на страдальца за правую вѣру. Явился Аввакумъ къ старому своему другу Ѳ. М. Ртищеву; тотъ подошелъ къ нему подъ благословеніе и много съ нимъ бесѣдовалъ; трое сутокъ провелъ Аввакумъ въ его домѣ, послѣ чего Ртищевъ доложилъ о немъ царю. Царь призвалъ его, допустилъ къ рукѣ своей и милостиво его разспрашивалъ: «Здорово ли живешь, протопопъ? Вотъ еще Богъ велѣлъ видаться». Аввакумъ отвѣчалъ: «живъ Господь, жива душа моя, царь-государь, а впредь что изволитъ Богъ!» «Онъ же, миленькой, разсказываетъ Аввакумъ, вздохнулъ, да и пошелъ куды надобѣ ему. И иное кое-что было, да что много говорить!» Послѣ этого свиданья царь приказалъ поселить Аввакума въ Кремлѣ, на подворьѣ Новодѣвичьяго монастыря. Отношенія царя къ протопопу были самыя милостивыя: «въ походы мимо двора моего ходя, кланялся часто со мною низенько-таки, а самъ говоритъ: благослови де меня и помолися о мнѣ! И шапку въ ину пору мурманку, снимаючи з головы, уронилъ ѣдучи верхомъ! А ис кареты высунется бывало ко мнѣ». За царемъ и всѣ бояре ласкали Аввакума, предлагали ему мѣсто, какое захочетъ, звали даже, по его словамъ, въ царскіе духовники [37]).

Несмотря на всѣ эти милости царя и бояръ, Аввакумъ не могъ успокоиться, видя, какъ прочно установились въ церкви Никоновы новшества: покровители Аввакума, правда, возставали противъ Никона, но это было скорѣе ихъ личное дѣло, протестъ ихъ истекалъ изъ опасенія деспотизма суроваго патріарха и изъ стремленія оградить царя отъ его вліянія, которое нерѣдко шло въ разрѣзъ съ ихъ интересами и партійными счетами; что же касается религіозныхъ вопросовъ, то здѣсь не было съ ихъ стороны никакого противорѣчія бывшему патріарху, сами они соглашались съ его новшествами и звали Аввакума соединиться съ ними въ вѣрѣ. Но у протопопа были совсѣмъ иныя цѣли: онъ шелъ прежде всего противъ принципа, противъ исправленій, проведенныхъ Никономъ при участіи грековъ и малороссовъ: онъ не могъ молчать, не могъ не обличать новшествъ, которыя уже глубоко вкоренились за время его отсутствія, такъ что о примиреніи съ новыми порядками, какъ убѣждали бояре, не могло быть и помысла. Поэтому вскорѣ послѣ своего возвращенія, какъ

[37]) Мат. т. V, стр. 59—60.

мы упоминали раньше, онъ рѣшился подать царю челобитную о церковныхъ дѣлахъ,—кстати у него была и другая просьба: хотѣлъ онъ жаловаться на своего сибирскаго притѣснителя, воеводу Пашкова.

Во вступленіи къ своей челобитной Аввакумъ говоритъ: «Государь нашъ свѣтъ! что ти возглаголю, яко отъ гроба возставъ изъ дальняго заключенія, отъ радости великія обливаяся многими слезами,—свое ли смертоносное житіе возвѣщу тебѣ, свѣту, или о церковномъ раздорѣ реку тебѣ, свѣту?» Послѣ этого вступленія онъ обращается къ рѣчи о церковномъ раздорѣ, который, сверхъ его ожиданія, за время его ссылки еще болѣе усилился отъ любоначалія властей и навлекъ на Россію гнѣвъ Божій. Какъ о знаменіи этого гнѣва, Аввакумъ разсказываетъ о слѣдующемъ «преславномъ и ужасу достойномъ чудѣ»: «въ соборной большой церкви в Тобольскѣ, въ Преображеніевъ день служилъ литургію ключарь тоя церкви Иванъ Михлйловъ сынъ с протодьякономъ Меѳодіемъ, и егда возгласиша: двери, двери, мудростію вонмемъ, тогда у священника со главы взяся воздухъ и повергло на землю; и егда исповѣданіе вѣры начали говорить, и въ то время звѣзда на дискосѣ надъ агньцемъ на всѣ четыре поставленія преступала, и до возглашенія побѣдныя пѣсни, и егда приспѣ время протодьякону къ дискосу притыкати, приподнялася мало и стала на своемъ мѣстѣ на дискосѣ просто. А служба у нихъ въ церкви по новымъ служебникамъ по приказу архіепископлю». Въ томъ спискѣ челобитной, который былъ поданъ царю, Аввакумъ даетъ такое объясненіе этого чуда: «И мнѣ, государь, мнится, яко и тварь рыдаетъ, своего владыку виця безчестна, яко неистинна глаголютъ Духа Святаго быти и Христа Сына Божія на небеси не царя быти въ исповѣданіи своея вѣры». Въ двухъ другихъ спискахъ, варіанты изъ которыхъ приведены въ изданіи г. Субботина, это объясненіе оказывается болѣе распространеннымъ черезъ толкованіе отдѣльныхъ моментовъ чудеснаго явленія, причемъ это толкованіе Аввакумъ приписываетъ уже не себѣ лично: «И многимъ, государь, мнится, яко воздухъ, поверженный на землю, образуетъ благодати лишеніе, звѣздное же необычное поступаніе Божіе прогнѣваніе яви, подъятіе же звѣзды самой и еже просто на своемъ мѣстѣ на дискосѣ ста, тишину отъ раздоровъ нѣкако образова. Како убо, свѣтъ-государь, православный царь, не лишеннымъ быти Божія

благодати неисповѣдающемъ въ символѣ вѣры Христа Сына Божія небеснаго царя быти и Духа Святаго истиннаго быти, по точію животворящаго?» [38]) Божій гнѣвъ проявляется не только одними подобными знаменіями, но и болѣе чувствительнымъ образомъ: «и моровое повѣтріе не мало намъ знаменіе было отъ Никоновыхъ затѣекъ, и агарянскій мечъ стоитъ десять лѣтъ безпрестани, отнелѣже онъ раздралъ церковь». Благодаря этимъ бѣдствіямъ, «во всякомъ градѣ и странахъ веліе нестроеніе и туга велика всюду, слезы и стенаніе», а во всемъ виноватъ Никонъ: его «неопасивая дерзость и безчеловѣчіе къ рабамъ Божіимъ всю русскую землю пусту показа и слезъ и рыданія исполнену». Указавъ на это мучительство, Аввакумъ вспоминаетъ, какъ хорошо было при протопопѣ Стефанѣ, который никого не губилъ.

Сознавая, что царю могутъ наскучить его заявленія о церковномъ исправленіи, Аввакумъ говоритъ: «Вѣмъ, яко скорбно тебѣ, государю, отъ докуки нашей. Государь-свѣтъ, православный царь! Не сладко и намъ, егда ребра наша ломаютъ и развязавъ насъ кнутьемъ мучатъ, и томятъ на морозѣ гладомъ. А все церкви ради Божія стражемъ». Затѣмъ онъ разсказываетъ государю о тѣхъ бѣдахъ и напастяхъ, которыя выпали на его долю «ради церкви Божія», о томъ, какъ его били въ Лопатицахъ, изгнали изъ Юрьевца, какъ онъ былъ арестованъ по приказу Никона и посаженъ въ Андроньевъ монастырь, и «тутъ мнѣ пищу принесе аньгелъ за молитвъ святаго отца протопопа Стефана». Разсказъ объ этомъ чудѣ въ двухъ другихъ спискахъ

[38]) Челобитная издана г. Субботинымъ (Мат. V, стр. 119—136) по списку, находящемуся въ свиткѣ Синод. библіотеки, подлинному, собственной руки Аввакума; два же другихъ списка (Синод. библ. № 641 и Хлудовской библ. № 254) представляютъ собой другую редакцію челобитной, причемъ первый, принадлежащій иноку Авраамію, сохранилъ эту редакцію не настолько хорошо, какъ Хлудовскій, такъ какъ Авраамій, желая представить челобитную написанною отъ лица всѣхъ «заточенныхъ страдальцевъ», кое-что передѣлалъ въ ея текстѣ. Для объясненія одновременнаго существованія еще при самомъ Аввакумѣ двухъ редакцій его челобитной, г. Субботинъ высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, «что Аввакумъ сначала написалъ челобитную начерно, и потомъ, переписывая ее въ свитокъ для подачи царю, дѣлалъ въ ней поправки,—иное перемѣнилъ, иное дополнилъ, иное, найдя не совсѣмъ удобнымъ въ посланіи къ царю, исключилъ, или сократилъ, какъ напр. мѣсто о явленіи ему ангела съ чащкой щей» (Мат. V, стр. XV).

челобитной представляется значительно дополненнымъ нѣкоторыми подробностями. По варіанту Синодальнаго (Авраамієвскаго) списка, явился не ангелъ, а какой-то «мужъ», который, подавая Аввакуму пищу, говорилъ: «дерзай, не убойся, Господь съ тобою, вкуси жъ пищи, юже ти принесохъ». Пока Аввакумъ ѣлъ, «яко отъ потиря», мужъ стоялъ молча. «Егда же полсосуда изъядохъ, приступи онъ и взя отъ мене сосудъ: довлѣетъ ти, рече. И невидимъ бысть». По Хлудовскому списку, Аввакуму является тоже не ангелъ, а человѣкъ, и на вопросъ Аввакума: «откуду и како сѣмо пріиде?» отвѣчаетъ такъ же, какъ и въ предъидущемъ варіантѣ, прибавляя наставленіе: «а не истяжи откуду есмь». Затѣмъ повторяется разсказъ Синодальнаго списка. Наиболѣе распространенную форму получилъ этотъ разсказъ въ «Житіи» Аввакума, гдѣ онъ дополненъ подробностями реальнаго характера. «Бысть же я, разсказываетъ Аввакумъ, въ третій день пріалченъ,—сирѣчь ѣсть захотѣлъ: и послѣ вечерни, ста предъ мною, невѣмъ—ангелъ, невѣмъ—человѣкъ,—и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, съ чѣпью къ лавкѣ привелъ и посадилъ, и лошку въ руки далъ, и хлѣбца немножко и штецъ далъ похлебать,—зѣло прикусны—хороши!—и реклъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію! Да и не стало его. Двери не отворялись, а его не стало! Дивно, только человѣкъ; а что же ангелъ, ино нечему дивитца! вездѣ ему не загорожено [39])

Упомянувъ объ этомъ чудѣ, Аввакумъ далѣе въ челобитной передаетъ о своихъ «сибирскихъ бѣдахъ», «колико во одиннатцеть лѣтъ на хрептѣ моемъ дѣлаша язвъ беззаконніи за имя Христово». Говоря о притѣсненіяхъ, вынесенныхъ отъ Пашкова, Аввакумъ вообще распространяется о злоупотребленіяхъ воеводы и о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находились его казаки и служилые люди. Особенно ужасаетъ его воспоминаніе о томъ, какъ онъ осквернился непозволенной пищей. «И какъ мы дошли до мѣста, тамо насъ и совершенное зло постигло: ѣлъ я с казаками не по естеству пищу, вербу, и сосну, и траву, и кореніе, и мертвыя мяса звѣрины, а по напрасньству и по прилучаю и кобыліе. И тово было яденія шесть лѣтъ. А казаки бѣдные всякую мертвечину, иные волки и лисицы, иные человѣческую лайну».

---

[39]) Мат. т. V, стр. 20.

Описавъ невзгоды своей Сибирской жизни, Аввакумъ заключаетъ такъ: «и о сихъ всѣхъ, государь-свѣтъ, благодаримъ Бога, яко первые мы въ тѣхъ странахъ з женою моею и дѣтми учинились отъ патріарха въ такой пагубной, паче же хорошей ссылкѣ. Упоилъ насъ чашею вина нерастворенна. Да не поставитъ ему Богъ в грѣхъ здѣсь и въ будущемъ вѣцѣ! Не прогнѣвайся, государь-свѣтъ, на меня, что много глаголю: не тогда мнѣ говорить, какъ издохну!» Однако послѣ такого нѣсколько, пожалуй, мягкаго замѣчанія о Никонѣ, Аввакумъ не выдерживаетъ, начинаетъ обличать Никоново мучительство: «То не отеческой у патріарха вымыслъ, но древняго отступника Іуліяна и египтянина Θеоѳила патріарха Александрова града и прочихъ еретикъ и убійцъ, яко христіянъ погубляти. Мнѣ мнится и духъ пытливой таковъ же Никонъ имать, яко и Θеоѳилъ: понеже всѣхъ устрашаетъ». Въ этихъ нападкахъ на Никоново мучительство, можетъ быть, и есть слабый отголосокъ представленій о свободѣ совѣсти, выразившихся въ ученіи Нила Сорскаго и его послѣдователей, однако скорѣе здѣсь проявляется самозащита преслѣдуемой стороны, и принципіальнаго отрицанія преслѣдованій за вѣру приписывать Аввакуму на основаніи этихъ словъ не представляется возможнымъ.

Далѣе Аввакумъ обращается къ реформѣ Никона и, рѣшительно отказываясь ее принять, обвиняетъ Никона въ разныхъ ересяхъ. «Многіе ево боятся, говоритъ онъ, а протопопъ Аввакумъ, уповая на Бога, ево не боится. Твоя, государева свѣтова воля, аще и паки попустишь ему меня озлобить: за помощью Божіею готовъ и духъ свой предать. Аще не нынѣ, умремъ же всяко и житію должная послужимъ; смерть мужу покой есть; смерть грѣху опона. А душа моя пріяти ево новыхъ законовъ беззаконныхъ не хощетъ. И во откровеніи ми отъ Бога бысть се, яко мерзокъ онъ предъ Богомъ Никонъ» (На какое откровеніе ссылается здѣсь Аввакумъ, нельзя сказать ничего положительнаго). «Аще и льститъ тебѣ, государю-свѣту, яко Арій древнему Констяньтину; но погубилъ твои в Руси всѣ государевы люди душою и тѣломъ, и хотящіи ево законы новыя пріяти на страшнѣмъ судѣ будутъ слыть *никоніяне*, яко древніе *аріане*. Христа онъ Никонъ не исповѣдуетъ в плоть пришедша; Христа не исповѣдуетъ нынѣ царя быти и воскресеніе ево, яко іюдѣи, скрываетъ; онъ же глаголетъ неистинна Духа Святаго; и

сложеніе креста въ перстѣхъ разрушаетъ; и истинное метаніе в поклонѣхъ отсѣкаетъ, и многихъ ересей люди Божія и твоя наполнилъ; индѣ напечатано: духу лукавому молимся. Охъ души моей и горе!» Перечисливъ всѣ эти мнимыя ереси Никона, причемъ основаніемъ для всѣхъ подобныхъ обвиненій являются самыя незначительныя измѣненія въ обрядахъ или въ текстѣ богослужебныхъ книгъ (напр. замѣна словъ: Его же царствію *нѣсть* конца, словами: *не будетъ* конца, вызываетъ обвиненіе въ томъ, что Христосъ не признается теперь царствующимъ, и т. п.), Аввакумъ, сравнивъ Никона съ папой Формозомъ, убѣждаетъ государя «отложить служебники новые и всѣ его никоновы затѣйки дурные». Государь долженъ исторгнуть злое и пагубное ученіе Никона, «дондеже конечная пагуба на насъ не пріиде, и огнь с небесе, или моръ древній, и прочая злая насъ не постигло». Въ упоминаніи о конечной пагубѣ не трудно видѣть намекъ на наступленіе антихристова царства. «А егда сіе злое кореніе исторгнемъ, предсказываетъ Аввакумъ, тогда намъ будетъ вся благая, и кротко и тихо все царство твое будетъ, яко и прежде Никонова патріаршества было, и агарянскій мечъ Богъ уставитъ и сподобитъ насъ получити вѣчная благая».

Послѣ этого Аввакумъ снова обращается къ Пашкову, проситъ царя «спасти его душу», постричь въ монахи, чтобы «впередъ не губилъ, на воеводствахъ живучи, христіянства. Ей, государь, не помнитъ Бога: или попъ, нашъ братъ, или инокъ,— всѣхъ равно губитъ и мучитъ, огнемъ жжетъ и погубляетъ». Но Аввакумъ проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ «не мстить» Пашкову за свою обиду, говоря, что Пашковъ его духовный сынъ и поэтому не должно думать о его погубленіи, а слѣдуетъ относиться къ нему съ любовью. Просьба не мстить Пашкову за свою обиду выражается очень настойчиво, повторяется нѣсколько разъ, такъ что, можетъ быть, она не была вызвана однимъ притворнымъ незлобіемъ. Къ дѣлу Пашкова относится и приложенная къ челобитной «памятная записка» о злоупотребленіяхъ и жестокостяхъ воеводы: при всемъ ужасномъ произволѣ Пашкова, который рисуется въ этой запискѣ, нельзя не замѣтить, какъ мы уже указывали, что нѣкоторыя строгости его со своей командой вызывались необходимостью поддерживать въ ней дисциплину и противодѣйствовать непозволительному съ военной точки зрѣнія критическому обсужденію дѣйствій начальника.

Въ заключеніе своей челобитной Аввакумъ высказываетъ желаніе видѣться съ царемъ не «предъ человѣки»; «желаю, говоритъ онъ, наединѣ свѣтоносное лице твое зрѣти и священнолѣпныхъ устъ твоихъ глаголъ нѣкій слышати мнѣ на ползу, какъ мнѣ жити».

Главною цѣлью подачи изложенной челобитной было убѣдить государя возстановить старое благочестіе; но царь не могъ послушаться Аввакума. И онъ самъ, и бояре увидали, что этотъ ожесточенный врагъ Никона значительно съ ними расходится, хочетъ гораздо большаго, чѣмъ они, что ему нужно не одно сверженіе Никона съ патріаршаго престола, но главнымъ образомъ искорененіе его «дурныхъ затѣекъ»; но эти затѣйки приняты были окончательно, такъ что не могло быть рѣчи объ ихъ оставленіи. Между тѣмъ Аввакумъ, подавъ челобитную, не молчалъ; онъ дѣйствовалъ въ народѣ, распространялъ расколъ. Вѣроятно, по настоянію духовныхъ властей, царь прислалъ къ Аввакуму боярина Родіона Стрѣшнева съ увѣщаніемъ, чтобы онъ не агитировалъ. «И я, разсказываетъ Аввакумъ, потѣшилъ его: царь то есть отъ Бога учиненъ, а се добренекъ до мене,— чаялъ либо по маленку исправится». Надежда на исправленіе царя поддерживалась въ протопопѣ и очень заманчивымъ обѣщаніемъ опредѣлить его «съ Симеонова дня» (вѣроятно, съ февраля) на должность справщика на Печатномъ Дворѣ; это было, разумѣется, завѣтнымъ желаніемъ Аввакума: «и я радъ силно, говоритъ онъ, — мнѣ то надобно лутче и духовничества». Не мало проявлялось заботъ со стороны царя и его приближенныхъ и о матеріальномъ положеніи Аввакума: царь прислалъ ему 10 рублей, царица, духовникъ царскій Лукьянъ, Родіонъ Стрѣшневъ дали ему тоже по 10 руб., а Ѳ. М. Ртищевъ велѣлъ своему казначею «сунуть въ шапку» протопопа 60 рублей; «а про иныхъ нечего и сказывать: всякъ тащитъ, да несетъ всячиною!»

Но все это ни къ чему не вело: Аввакума нельзя было остановить, тѣмъ болѣе, что въ высшемъ московскомъ обществѣ были вліятельныя лица, сочувствовавшія его религіознымъ убѣжденіямъ; они давали ему пріютъ въ своихъ домахъ и тѣмъ помогали его пропагандѣ. Особенно сильно было вліяніе протопопа на женщинъ: такъ, онъ упоминаетъ о поддержкѣ, которую ему оказывала родственница царицы, Анна Петровна Милославская; самою ревностною послѣдовательницею его была боярыня

Θеодосія Прокопьевна Морозова, урожденная Соковнина. Морозова была очень богата: Аввакумъ сообщаетъ, что дворни у нея было человѣкъ съ триста, крестьянъ около 8,000, разнаго имущества на 150—200 тыс. рублей. Имѣя большой кругъ знакомыхъ въ Москвѣ, она выѣзжала къ нимъ въ богатой каретѣ, въ сопровожденіи многочисленной челяди. Рано овдовѣвъ, она предалась дѣламъ благочестія и благотворенія: по ночамъ она ходила «по темницамъ и по богадѣльнямъ», милостыню отъ дома своего нося, деньги и ризы, и потребляя комуждо неимущему довольно, овому рубль, а иному десять, а инде пятьдесятъ рублевъ, и мѣшокъ сотной»[40]). Раскольническое направленіе явилось въ Морозовой, благодаря вліянію отчасти Аввакума, отчасти его ученицы, старицы бѣлевской Меланіи[41]). Понятно, что при своихъ родственныхъ связяхъ, при близости къ царскому двору, при своемъ богатствѣ и благотворительной дѣятельности, Морозова должна была имѣть въ Москвѣ большое значеніе, и съ помощью ея и ея сестры, княгини Евдокіи Урусовой, легко было дѣйствовать Аввакуму при распространеніи своихъ раскольническихъ мнѣній, такъ что многіе приходили къ нему поучаться и отвращались отъ ненавистной ему никоніанской службы. Послѣднее достигалось еще лучше благодаря тому, что вообще въ это время дѣйствія духовной власти были нѣсколько ослаблены; въ церкви Софіи Премудрости Божіей, что за Москвой-рѣкой въ Садовникахъ, Аввакумъ «своимъ ученіемъ прихожанъ отлучилъ многихъ», и нѣкоторые изъ нихъ позволяли себѣ такія дерзости, какъ Благовѣщенскій сторожъ Андрей Самойловъ, который «называлъ митрополита и архіепископовъ проклятыми и бранилъ ихъ матерны, а дьякона Софійскаго хваталъ и дергалъ за рясу, называя никоновичемъ»; даже въ одномъ изъ Кремлевскихъ монастырей, въ Вознесенскомъ дѣ-

---

[40]) Мат. V, стр. 183—184. Весьма вѣроятно, что разсказы Аввакума о богатствѣ Морозовой не преувеличены; и Соковнины были богаты, и состояніе Морозовыхъ вообще было очень значительно; мы имѣемъ свѣдѣніе, что братъ мужа Θеодосіи Прокопьевны, близкій къ царю Алексѣю Михайловичу, бояринъ Борисъ Ивановичъ въ 1657 г. прислалъ въ Соловецкій монастырь серебряными ефимками 1,000 рублей (вѣсомъ 3 п. 24$^{3}/_{4}$ ф.) и черезъ годъ чистаго серебра 1 п. 10 ф. на устроеніе ракъ соловецкихъ чудотворцевъ (Сырцовъ. Соловецк. мон. передъ возмущеніемъ мон.-старообр., стр. 9).

[41]) Мат. VII, стр. 147 и 151.

вичьемъ, пропаганда Аввакума посѣяла сильный раздоръ между монахинями: здѣсь нашлась очень усердная его послѣдовательница, уставщица Елена Хрущова, силою принуждавшая другихъ монахинь удаляться отъ службы по исправленнымъ книгамъ [42]).

Часто приходилось Аввакуму вести пренія о вѣрѣ съ отступниками-никоніанами. Нероновъ [43]) говоритъ о бесѣдахъ, происходившихъ у Аввакума съ архіепископомъ Иларіономъ и съ царскимъ духовникомъ Лукьяномъ, а самъ Аввакумъ упоминаетъ о жаркихъ спорахъ, происходившихъ въ домѣ Ѳ. М. Ртищева, который, какъ мы говорили, отличался мягкостью своихъ религіозныхъ убѣжденій, позволявшей ему одинаково принимать у себя людей всѣхъ партій, и любилъ ученые и богословскіе диспуты, всегда оживленные и продолжительные, происходившіе у него при встрѣчѣ сторонниковъ стараго и новаго направленій въ церковныхъ дѣлахъ. На такія собранія часто хаживалъ Аввакумъ, какъ старый знакомый Ртищева и самый видный представитель раскольнической партіи, и «грызся» о вѣрѣ съ никоніанами.

Очень возможно, что отголоскомъ этихъ преній былъ письменный споръ, возникшій у Аввакума съ однимъ изъ братьевъ Плещеевыхъ, Андреемъ, который, слѣдуя, вѣроятно, примѣру своего наставника, Неронова, когда восточными святителями была произнесена клятва на раскольниковъ, изъ ревностнаго приверженца старины обратился въ человѣка, покорнаго церковнымъ распоряженіямъ патріарха Никона. Желая убѣдить Аввакума не противиться церкви, Плещеевъ написалъ ему посланіе. Сказавъ о важности и пользѣ дружбы и вспоминая свои прежнія хорошія отношенія къ Аввакуму, Плещеевъ, относящійся и теперь къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и называющій его «отцомъ, честнѣйшимъ господиномъ, благодѣтелемъ своимъ величайшимъ», говоритъ, что онъ, слышавъ о долговременныхъ его страданіяхъ и о его сомнѣніяхъ въ догматахъ церковныхъ, рѣшился обратиться къ нему съ увѣщаніемъ не упрямиться и послушаться «премудрѣйшихъ себе, вѣдущихъ разумъ божественныхъ писаній». Онъ старается доказать, что дѣйствіями

[42]) Мат. I, стр. 481. V, стр. 67. Братское Слово, 1886 г. т. II, № 17.
[43]) Мат. I, стр. 199.

Никона и другихъ церковныхъ властей не вводилось ничего новаго, но что ими только «погибшее обрѣтается, кривое исправляется, косвенное отметается и стропотное соглаждается»; что книги русскія исправляются премудрѣйшими учителями вслѣдствіе того важнаго соображенія, что въ нихъ много несходнаго съ греческими оригиналами и старинными русскими списками. Затѣмъ Плещеевъ разсматриваетъ въ частности нѣкоторыя исправленія и отчасти доказываетъ ихъ правильность, отчасти просто заявляетъ, что такъ, по новому, лучше. Противъ двоеперстія онъ ссылается на разныя свидѣтельства отъ книгъ и на проклятіе его вселенскими патріархами. Указываетъ онъ на разные недостатки въ иконномъ писаніи, въ печатныхъ книгахъ. Проситъ Плещеевъ Аввакума прекратить свою пропаганду, чтобы не ввести въ соблазнъ другихъ, потому что «горе человѣку, имже соблазнъ приходитъ»; а пропаганда эта уже теперь многихъ отвращаетъ отъ церкви: нѣкоторые люди не ходятъ въ церковь, отвергаютъ новые Служебники, троеперстіе, «всѣ исправленные нынѣ церковные догматы», до того упорствуютъ въ своемъ противленіи истинѣ, что даже умираютъ безъ покаянія и причащенія святыхъ Тайнъ. Сказавъ о такихъ упорныхъ раскольникахъ, Плещеевъ заключаетъ свое посланіе, говоря, что Аввакуму не должно имъ уподобляться, такъ какъ они неразумны, и слѣдуетъ принять новое перстосложеніе и во всемъ соединиться съ православною церковью и вселенскими патріархами [44]).

На это посланіе Аввакумъ отвѣчалъ довольно обширнымъ разсужденіемъ, которое сохранилось до насъ въ сборникахъ сочиненій Спиридона Потемкина съ такимъ заглавіемъ: «Против же сего многокозненнаго и прелестнаго посланія Аввакумъ протопопъ восписуетъ, лести и хулы исполненныя оуста заграждаетъ и посрамляетъ, яко острiемъ меча посѣкаетъ вселукаваго языка глаголы, списатель же сему авва Спиридонъ» [45]). Это заглавіе, а также и помѣщеніе отвѣта среди сочиненій Потем-

[44]) Это посланіе напечатано въ Правосл. Собесѣд. 1858 г., ч. II, стр. 591—598. Мы пользовались имъ также въ рукописныхъ сборникахъ Имп. Публ. Библ. № Q. I, 476 и Q. I, 486.

[45]) Сборники Имп. Публ. Библ. №№ Q. I, 476 и Q. I, 486, по которымъ мы помѣщаемъ ниже это сочиненіе. См. также ркп. Хлудовской библ. по описанію А. Н. Попова № 351, л. 38—42.

кина послужили причиной того, что г. Субботинъ отвергъ подлинность этого сочиненія, призналъ его принадлежащимъ Потемкину и не включилъ въ свое собраніе сочиненій Аввакума[46]). Однако, намъ кажется этотъ взглядъ не совсѣмъ правильнымъ, и мы предлагаемъ такое объясненіе: отвѣтъ, приписываемый Аввакуму, дѣйствительно ему принадлежитъ, но возможно, что въ его составленіи или переработкѣ принималъ участіе Спиридонъ Потемкинъ, что и отразилось на особенностяхъ стиля, слишкомъ книжнаго. Отрицать авторство Аввакума, когда оно указывается во всѣхъ спискахъ въ заглавіи, намъ не представляется возможнымъ въ виду того, что Спиридону Потемкину, какъ весьма авторитетному раскольническому писателю, не было никакой надобности скрывать свое произведеніе подъ чужимъ именемъ. Особенности стиля далеко не могутъ служить критеріумомъ для опредѣленія личности автора, и это прежде всего замѣтно на сочиненіяхъ, несомнѣнно принадлежащихъ Аввакуму, но рѣзко другъ отъ друга отличающихся по стилю. О стилѣ Аввакума можно сказать, что выдающіяся его черты—образность и реализмъ, но на этомъ основаніи далеко не всякое сочиненіе, обладающее этими качествами, можно приписать Аввакуму, и точно такимъ же образомъ не всякое сочиненіе, лишенное этихъ свойствъ и написанное языкомъ книжнымъ, должно быть признано не принадлежащимъ Аввакуму. Эти-то соображенія и не позволяютъ намъ согласиться съ взглядомъ г. Субботина, и при обзорѣ дѣятельности Аввакума мы не можемъ исключить его отвѣтъ на посланіе Плещеева, хотя и не отрицаемъ участія въ немъ Спиридона Потемкина.

Въ своемъ отвѣтѣ Аввакумъ соглашается съ Плещеевымъ, что очень важно хранить дружбу, но отказывается повиноваться «мудрѣйшимъ», потому что отъ нихъ утаилъ Богъ тайны благодати своей, а открылъ ихъ младенцамъ, неученымъ людямъ, которыхъ Плещеевъ укоряетъ въ буйствѣ: спасается міръ черезъ вѣрныхъ, а не чрезъ мудрѣйшихъ. Противъ исправленій, производимыхъ этими мудрѣйшими, Аввакумъ выставляетъ слѣдующій силлогизмъ, который является, по его мнѣнію, однимъ изъ сильнѣйшихъ аргументовъ въ спорахъ раскольниковъ съ православны-

---

[46]) Позволяемъ себѣ въ этомъ случаѣ сослаться на мнѣніе Н. И. Субботина, высказанное намъ лично.

ми: Христосъ создалъ церковь и далъ ей такую крѣпость, что и врата адовы не одолѣютъ ея; Христосъ живетъ въ ней, царствуетъ и не даетъ ей погрѣшить не только въ догматахъ вѣры, но и въ малѣйшей чертѣ каноновъ и пѣсней; отступники «мудрѣйшіе» говорятъ, что поблудили отцы наши въ церковныхъ догматахъ, и много времени церковь была въ «погруженіи», а теперь они умудрились исправить, «обрѣсти погибшее, стропотная гладка сотворить»,— слѣдовательно они не вѣрятъ слову Христову о непогрѣшимости церкви и такимъ образомъ являются хулителями Бога и церкви. Въ то время возражать на этотъ ложный силлогизмъ православнымъ архипастырямъ было очень затруднительно: они сами держались того мнѣнія, что церковь «пріяла совершеніе» не только въ догматахъ, но и въ обрядахъ, только видѣли они это совершеніе въ обрядахъ греческихъ, тогда какъ раскольники считали совершенными свои русскіе обряды. Если какой-нибудь обрядъ признать совершеннымъ, то измѣненіе его есть искаженіе церковнаго преданія, отступничество отъ правой вѣры; смотря съ этой точки зрѣнія на обряды и ихъ измѣненіе, православные предавали анафемѣ раскольниковъ за то, что они поддерживали искаженія греческихъ обрядовъ, а раскольники проклинали православныхъ за измѣненія, или, по этой теоріи, искаженія, производимыя въ русскихъ обрядахъ въ угоду греческимъ учителямъ. Національный элементъ получалъ такимъ образомъ совершенно особенное значеніе: раскольники отстаивали народность, не какъ таковую, но какъ носительницу совершеннаго православія, что и было для нихъ единственно существеннымъ.

«Вы думаете, что вы исправляете», пишетъ Аввакумъ, «но подъ видомъ исправленія, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе вводите вы себя въ адово дно; вашему исправленію конца не будетъ, пока не останется въ васъ едина малѣйшая жилица христіанская; такъ же говорили всѣ еретики, аріане, македоніане, латины, люторы, утверждая, что они исправляютъ». Относительно крестнаго знаменія Аввакумъ коротко говоритъ, что отъ людей, измѣняющихъ Символъ, нельзя ожидать, чтобы они могли правильно креститься. На ссылки Плещеева на священное писаніе онъ отвѣчаетъ ироніей: мы прочли писанія и увидали тамъ, что «нравъ твоего мудрованія подобенъ человѣку утопляющему, емуже аще бы кто и бритву бы подалъ, и за ту хватается». Ты все свое посланіе написалъ себѣ за посмѣхъ, и если ты самъ не стыдишься своихъ

словъ суетныхъ, то я стыжусь за тебя предъ людьми крѣпкими въ православной вѣрѣ. Обращаясь къ новымъ учителямъ, Аввакумъ называетъ ихъ «нынѣшними пьяными апостолами, которые всегда с похмѣлья мудрствуютъ, составляюще лукавые догматы», и восклицаетъ: «ей, не внидетъ, возлюбленне, благодать духовная въ та уста, в няже входитъ вино кормчемное. Аще и тма кромѣ ихъ наречеши мудрѣйшими, поведутъ тя с ними, идѣже аще хощеши возопіеши: горѣ и оувы». Аввакумъ не вѣритъ, чтобы съ ненавистными ему «мудрѣйшими» учителями могли сходиться вселѐнскіе патріархи; онъ высказываетъ убѣжденіе, что хотя и страждутъ восточные христіане подъ агарянскимъ насиліемъ, хотя и не имѣютъ они хорошихъ книгъ, въ которыхъ поучались бы правой вѣрѣ, но вселенскіе патріархи православны, они не принимаютъ книгъ, напечатанныхъ въ латинскихъ городахъ съ разными еретическими искаженіями; съ великимъ трудомъ они достаютъ старыя, истинныя книги, въ которыхъ нѣтъ латинскихъ прибавокъ, и по нимъ правятъ непорочное ученіе. Тутъ Аввакумъ опять разражается гнѣвомъ на новыхъ учителей, называетъ ихъ «дрождями прокислыя мудрецы, которые пишутъ трясущимися руками, ползающе по землѣ, яко гадове»: что могутъ сдѣлать они добраго? а ты ихъ называешь мудрѣйшими и хочешь, чтобы и я имъ повиновался; ты самъ отъ нихъ долженъ бѣжать, если хочешь видѣть Христа въ день судный». Въ заключеніе Аввакумъ обращается къ Плещееву съ увѣщаніемъ оставить свои заблужденія: «пріиди в чювство в кіихъ обрѣтаешься; аще мощно ти есть познати истинну, да не погубиши себе во вѣкъ, припади къ ногамъ распятаго за ны истиннаго учителя Христа Бога нашего, призови Духа истиннаго и наставитъ тя на всяку истинну. Того бо ради положи Господь во евангеліи причтю о блудномъ сынѣ, да познаемъ церковь Христову и отступленіе въ правду и блуженіе, что бо принесе блудныи, развѣ наготу свою и пріят первую одежду и наслажденіе въ дому милостиваго отца и паки сынъ наречеся въ дому своемъ и т. д.

Въ изложенномъ посланіи проявляется та двойственность въ отношеніяхъ Аввакума къ русскимъ, уклонившимся отъ правой вѣры, и къ ихъ соблазнителямъ грекамъ, которая замѣчается не разъ въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Аввакума: въ то время какъ въ отношеніи къ первымъ мы видимъ мягкость, даже нѣжность, которою мотивируется просьба о возвращеніи на путь истины

ко вторымъ Аввакумъ относится грубо, со страстной ненавистью. Правда, въ этомъ сочиненіи, какъ мы говорили, тонъ гораздо болѣе мягкій, чѣмъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Аввакума, менѣе замѣтна грубость даже въ выраженіяхъ, въ чемъ и сказалось вліяніе Спиридона Потемкина. Но кромѣ этого вліянія не объясняется ли такая мягкость тона тѣмъ обстоятельствомъ, что теперь Аввакумъ чувствовалъ гораздо болѣе свободы въ своихъ дѣйствіяхъ, и потому менѣе поводовъ къ озлобленію, чѣмъ это было впослѣдствіи? Вѣдь и въ челобитныхъ къ царю Алексѣю Михайловичу теперь тонъ былъ другой, чѣмъ онъ сталъ впослѣдствіи.

А свобода была дѣйствительно довольно широкая: раскольники вступали въ пренія съ православными безъ всякаго стѣсненія, ихъ община собирала даже соборы для рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ объ отношеніяхъ къ православной церкви. Въ «Житіи» Выгопустынскаго инока Корнилія разсказывается объ одномъ такомъ соборѣ, который былъ въ домѣ «нѣкоего господина, потаеннаго христіанина гонѣнія лютаго ради». Сошлись Спиридонъ Потемкинъ, Аввакумъ, протопопъ Даніилъ, игуменъ Досиѳей, священники Ѳеодосій, Исидоръ отъ церкви Космы и Даміана, Лазарь Романовско-Борисоглѣбскій, дьяконъ Ѳеодоръ, иноки Авраамій, Исаія и Корнилій, и разсуждали они о томъ, слѣдуетъ ли перекрещивать переходящихъ изъ православія въ расколъ. Вотъ это единственное дошедшее до насъ рѣшеніе бывавшихъ въ то время, вѣроятно, не одинъ разъ раскольническихъ соборовъ. «И разсуждали вси купно, яко невозможно его (т. е. никоніанское крещеніе) имѣти за истинное ради отступленія вѣры христіанскія и всѣхъ нарушенія законовъ Христовыхъ, но нынѣ намъ невозможно божественныхъ правилъ изыскати ради гоненія; но впредь хотящимъ по насъ спастися, желающимъ небеснаго царствія вкратцѣ речемъ отъ Благовѣстника: аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ спастися, аще и всѣхъ человѣкъ праведнѣйшiи будетъ. Инъде бо писаніе глаголетъ, яко еретическо крещеніе Духа Святаго не имать, а нынѣ бо Никонъ самъ еретикъ сотворися и прочихъ скверными сотвори и въ другаго Бога вѣровати научи, а истинну отложи и о всемъ въ крайнее поруганіе низложи, Господа нашего Іисуса Христа инако нарече и совсѣмъ по пророчеству антихристу уподобися. Іеремія пророкъ глаголетъ, яко во всемъ уподобитися хощетъ льстецъ Сыну Божію:

левъ Христосъ, левъ і антихристъ явися; Христосъ агнецъ явися, і антихристъ агнецъ; и се пророчество исполнися; братіе, да будемъ подъ опасеніемъ сея прелести». Такимъ образомъ рѣшеніе этого собора не доходитъ до крайняго радикализма, къ которому приходили уже въ это время нѣкоторые вожаки раскола, какъ Ефремъ Потемкинъ: Никонъ не называется антихристомъ, а только уподобляется ему. Признаніе совершившагося прихода антихриста заставило принять рѣшеніе перекрещивать православныхъ, но при этомъ, хотя смутно, но высказывается мысль, что въ виду стѣснительныхъ обстоятельствъ, можно и не перекрещивать православныхъ. Наконецъ фраза, находимая въ одномъ спискѣ (И. Публ. Библ. О. I. 401): «есть бо таковая правила, простолюдину повелѣваютъ крестити», даетъ намъ возможность видѣть уже теперь нѣкоторую подготовку начала теорій безпоповства [47]), хотя мы и знаемъ, что по первоначальному своему смыслу эта фраза никакого отношенія къ базпоповству не имѣетъ.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ раскольнической общины Аввакумъ принималъ самое энергичное участіе: онъ стоялъ теперь во главѣ ея, какъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ и талантливыхъ борцовъ за правую старую вѣру, какъ популярный проповѣдникъ, вполнѣ понятный народу по своему языку, необыкновенно образному и реальному. До его ссылки вожакомъ раскольническаго протеста былъ Нероновъ, но онъ ослабѣлъ, боясь быть подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ, и хотя раскольники и любили его, но авторитетъ его среди нихъ былъ уже подорванъ. Кромѣ Аввакума не было никого, кто бы могъ занять мѣсто Неронова, почему это время можетъ считаться самой горячей порой дѣятельности Аввакума, который, пользуясь большой свободой, дѣйствовалъ и словомъ, и писаніями. Послѣднихъ, должно быть, было не мало, но дошло до насъ далеко не все: такъ, въ «Росписи, что взято у Θеоктиста чернца книгъ и писемъ» [48]) упоминаются между прочимъ слѣдующія неизвѣстныя намъ сочиненія Аввакума: подъ № 15 — «Тетрадка, а въ ней писано на четырехъ листахъ отъ божественнаго писанія Собраніе протопопа Аввакума», подъ № 60—«протопопова къ великому

[47]) Житіемъ Корнилія мы пользовались по спискамъ Имп. Публ. Библ. Q. 1, 401 и Q. I, 153. См. также Александра Б. Опис. нѣк. раск. соч. ч. I, стр. 166—183.

[48]) Мат. I, стр. 323—339.

государю роспись — кто въ которые владыки годятца», и подъ №86—«Отписка протопопова Аввакума объ началу къ архимариту Никанору на Соловки».

Но мы можемъ предполагать, что литературная пропаганда Аввакума въ этотъ періодъ его жизни не ограничивалась только этими сочиненіями, что были и другія его сочиненія, о которыхъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Такъ можно догадываться по слѣдующему изложенію Аввакумовыхъ сочиненій, составленному для собора 1666 г.: «послѣ свободы писалъ онъ, Аввакумъ, о Символѣ и о сложеніи перстовъ въ крестномъ воображеніи, и о поклонахъ и о прочемъ, что въ новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ напечатано неправо. Да онъ же въ своихъ писмахъ писалъ, что на Москвѣ во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе по латыни, и законы и уставы у нихъ латынскіе, руками машутъ и главами киваютъ и ногами топчютъ, какъ-де обыкло у латынниковъ ко органомъ. И на книжнаго печатнаго двора справщиковъ и на священниковъ московскихъ церквей написалъ, что они пожираютъ стадо Христово злымъ ученіемъ и образы нелѣпо носятъ отступническіе, а не природные наши словенскаго языка, и они же не церковные чада, діяволя, родилися ново отъ никонова ученія, понеже не вѣруютъ во Христа вочеловѣчшася и еще же исповѣдаютъ и не воскресша и царя несовершенна на небѣси со Отцемъ быти, и Духа Святаго не истинна глаголютъ быти; ихъ же отщепенцами и уніатами называетъ, что они ходятъ въ рогахъ вмѣсто обыкновенныхъ словенскихъ скуфей, и причащаться святыхъ таинъ православнымъ христіанамъ у тѣхъ священниковъ, которые по новоисправленнымъ служебникамъ Божественные литургіи служатъ, не велитъ»[49]). Въ этомъ изложеніи, очевидно, есть подлинныя выраженія Аввакума, не встрѣчающіяся намъ однако въ извѣстныхъ намъ его сочиненіяхъ этого времени. Извѣстіе Ѳеоктистовой «Росписи» о письмѣ Аввакума къ архимандриту Никанору очень важно, такъ какъ даетъ возможность видѣть нѣкоторую связь между пропагандой Аввакума и Соловецкими смутами, въ которыхъ Никаноръ игралъ такую выдающуюся роль.

Однако духовная и свѣтская власть, на представителей которой хотѣлъ воздѣйствовать Аввакумъ, оставалась глуха къ его

[49]) Мат. II, стр. 7—8, см. также стр. 81—82.

проповѣди, а потому онъ, «помолчавъ съ полгода» (какъ онъ выражается въ «Житіи»), «паки заворчалъ», снова рѣшилъ обратиться къ царю съ челобитной. По всей вѣроятности, эта челобитная и есть та недошедшая до насъ «роспись, кто въ которые владыки годятца», которая упоминается въ бумагахъ Ѳеоктиста, которую самъ Аввакумъ называетъ «моленейцемъ къ великому государю о духовныхъ властѣхъ, ихже нужно снискать» [50]), а Нероновъ—«моленейцемъ о Сергіѣ Салтыковѣ и о Никонорѣ и о иныхъ по жребію святительскаго чина» [51]). Судя по тому, что Аввакумъ рѣшился ходатайствовать за другихъ, указывать государю кандидатовъ на епископскія каѳедры, можно заключать, что его авторитетъ въ это время былъ значительный, что онъ чувствовалъ за собой нѣкоторую силу, если рѣшался выступить съ такими указаніями. Кромѣ того мы знаемъ, что эта челобитная не ограничивалась одними подобными указаніями, а касалась вообще церковныхъ дѣлъ, и о нихъ то именно и «ворчалъ» протопопъ. Самъ онъ говоритъ, что «написалъ царю многонко-таки, чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ и мати нашу общую святую церковь отъ ересей оборонилъ и на престолъ патріаршескій пастыря православнаго учинилъ вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика» [52]). Должно быть, къ этой же челобитной примыкаютъ тѣ выписки, сдѣланныя Аввакумомъ изъ Священнаго Писанія, «Бесѣдъ» Златоуста, сочиненій Ефрема Сирина, Цвѣтника и др., которыя были отобраны у Благовѣщенскаго сторожа Андрея Самойлова. Въ этихъ выпискахъ восхваляется святая простота, противополагаемая суетной мудрости внѣшней, такъ какъ «вѣра потребе ко спасенію и ко прѣнію противящихся, а не риторики и грамматики, и прочихъ добродѣтелей христіанскихъ отъ чиста сердца, а не ѳилосовскаго киченія», а нынѣшніе философы (подъ которыми, вѣроятно, подразумѣваются греки и малороссы, исправители книгъ) называются «песьими сынами». Приводится въ выпискахъ рядъ примѣровъ, какъ люди неученые, каковы Юліанъ, Спиридоній Тримиоунтскій и нѣкій старецъ, благодаря своему смиреномудрію и стойкости въ вѣрѣ, побѣждали ученыхъ риторовъ и философовъ.

---

[50]) Мат. V, стр. 136.
[51]) Мат. I, стр. 198.
[52]) Мат. V, стр. 66.

Кромѣ того есть замѣчанія о нѣкоторыхъ обрядовыхъ вопросахъ, напр. объ одеждахъ духовныхъ лицъ. Въ концѣ второй выписки мы находимъ такое обращеніе: «И мы, Михайловичъ, станемъ поучатися, какъ намъ умерети, и умъ вперимъ къ Богу всегда, да полезнѣе намъ будетъ тамо, егда обрящемся со Христомъ, нежели съ риторикою славы ища, быти кромѣ Христа, молю Бога ввечеръ и утро и полудни, еже бы тебѣ не желати риторики кичения ради, но искати распятаго Христа» [53]). Это обращеніе «Михайловичъ», которое встрѣчается впослѣдствіи въ посланіи Аввакума къ царю изъ Пустозерска, даетъ основаніе предполагать, что выписки именно предназначались для царя Алексѣя Михайловича и послужили матеріаломъ для не дошедшей до насъ челобитной.

Эту челобитную Аввакумъ не могъ самъ подать по нездоровью, а послалъ ее съ Ѳедоромъ юродивымъ. «Онъ, разсказываетъ Аввакумъ, съ письмомъ приступилъ къ царевѣ каретѣ съ дерзновеніемъ: и царь велѣлъ его посадить и съ писмомъ подъ Красное Крыльцо,—не вѣдалъ, что мое; а опослѣ, взявше у него письмо, велѣлъ его отпустить. И онъ, покойникъ, побывавъ у меня, паки въ церковь предъ царя пришедъ, учалъ юродствомъ шаловать: царь же, осердясь, велѣлъ въ Чудовъ монастырь отослать. Тамъ Павелъ архимаритъ и желѣза на него наложилъ: и Божіею волею желѣзы разсыпалися на ногахъ предъ людьми. Онъ-же покойникъ-свѣтъ, въ хлѣбнѣ той послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь влѣзъ, и голымъ г....мъ сѣлъ на подъ и, крошки въ печи побираючи, ястъ. Такъ чернцы ужаснулися и архимариту сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ. Онъ же и царю возвѣстилъ, и царь, пришедъ въ монастырь, честно его велѣлъ отпустить».

Эта челобитная вызвала неудовольствіе царя Алексѣя Михайловича. «Не любо имъ стало, говоритъ Аввакумъ, какъ опять я сталъ говорить. Любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось». А между тѣмъ высшія духовныя власти, видя сильный успѣхъ пропаганды Аввакума, рѣшили принять мѣры противъ него, или, какъ онъ выражается, «яко козлы пырскать стали» на него, просили государя о его высылкѣ, такъ какъ онъ «церкви запустошилъ». Однимъ изъ многихъ поводовъ для при-

[53]) Мат. I, стр. 484—499.

мѣненія къ Аввакуму этого новаго наказанія было его участіе въ пасквильныхъ слухахъ, распространявшихся о греческомъ архимандритѣ Діонисіи, который училъ арх. рязанскаго Иларіона греческому языку, а также будто бы «и нравомъ, внѣшняя мудрствующимъ». Вотъ какъ разсказываетъ Аввакумъ объ этомъ дѣлѣ: «Болѣзнуя же, рекохъ владыкѣ сему, древнія ради любви съ нимъ: Владыко святый, у зазорна человѣка учишся! Понеже слышалъ отъ достовѣрныхъ свидѣтелей, что Софѣинской попъ Иродіонъ извѣщалъ на него вамъ, святителямъ, что онъ архимаритъ нѣкоего подъяка.... И тѣ вины дѣтищь написаны далъ ему, попу Иродіону; а онъ попъ Иродіонъ, то письмо вятцкому епископу Александру казалъ, да и Питириму митрополиту не извѣстно ли. Мала ли бѣда... сія скверна во святилищѣ содѣяна? Какъ выѣдетъ онъ, архимаритъ, въ свою землю, скажетъ... У нихъ то, грековъ, не диковина. И безчестіе сіе и вѣчный позоръ не точію вамъ архіереомъ, но и всему государству будетъ. А только до сего времени и служите въ той церкви безъ освященія: блюдитеся и отъ Бога казни. Не добра похвала—такой воръ и ругатель великія Россіи святителя учитъ! И архіепископъ Иларіонъ въ то время кручиненъ былъ. И я ему говорилъ: «Владыко святый, по пирушкамъ ходя, попъ Иродіонъ, со своею братіею смѣяся говоритъ тѣ слова.» Попъ Иродіонъ, по словамъ Аввакума, очень многимъ разсказывалъ эту сплетню, между прочимъ Галицкому протопопу Михаилу, діакону Ѳедору [54]). Весьма возможно, что Аввакумъ, узнавъ этотъ разсказъ, не ограничился однимъ сообщеніемъ его арх. Иларіону, а тоже содѣйствовалъ его распространенію, чѣмъ, конечно, и долженъ былъ еще болѣе возстановить противъ себя высшую духовную власть. Бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ объявилъ Аввакуму царскій указъ о его ссылкѣ въ Пустозерскъ [55]).

Аввакумъ попробовалъ оправдаться и подалъ царю новую челобитную (по изданію г. Субботина вторую). Разсказывая о приведенныхъ сплетняхъ попа Иродіона, Аввакумъ защищаетъ и этого послѣдняго, говоря что онъ не могъ молчать о такомъ важномъ дѣлѣ и не донести архіереямъ и государю. «Дѣло то соборное и исправить зѣло нужно. И аще архіереи исправить

---

[54]) Мат. V, стр. 137—139.
[55]) Мат. V, стр. 67.

не радять, поне ты, христолюбивый государь, ту церковь отъ таковыя скверны потчися очистить, да въ державѣ царствія твоего въ вѣрныхъ людехъ соблазнъ потребится да и отъ Бога милости сподобишся». По другому списку этой челобитной, писанному на обратной ея сторонѣ почеркомъ, имѣющимъ сходство съ почеркомъ Александра, еп. Вятскаго, есть значительное добавленіе: «Да возмется отъ среды содѣявый сіе и мерзость сія да не будетъ виновна пагубѣ всѣмъ. Нѣсть се похвала въ державѣ царствія твоего отъ странныхъ сихъ и мнящихся учителей таковый студъ и скверна и неудобно слышаніе, въ Христово стадо, вѣрныя люди, вносимо. Козлища убо суть учители сіи; отгоняти сихъ подобаетъ отъ овецъ Христова стада, да не навыкнутъ и овцы Христова стада нравомъ ихъ и обще привлекутъ Божій праведный гнѣвъ» [56]). Однако оправдаться Аввакуму не удалось, и 29 августа 1664 г. [57]) онъ былъ съ семьей отправленъ въ ссылку. Нѣкоторые доброжелатели Аввакума (какъ напр. Благовѣщенскій сторожъ Андрей Самойловъ) провожали его, а другіе надавали ему «кое-чего», но все осталось въ Москвѣ.

Эта новая ссылка была очень тяжела для Аввакума, была сопряжена со всякими лишеніями. «Съ великою нужею доволокся до Холмогоръ, писалъ онъ царю, а въ Пустозерской острогъ до Христова Рождества невозможно стало ѣхать, потому что путь нужной, на оленяхъ ѣздятъ. И смущаюся, грѣшникъ, чтобы ребятишки на пути не примерли съ нужи». Въ такомъ положеніи Аввакумъ послалъ царю челобитную, которую подалъ 21 ноября 1664 г. Кипріанъ юродивый. Эта коротенькая челобитная хорошо рисуетъ намъ психическое состояніе Аввакума, дошедшаго почти до отчаянія и готоваго признать себя виноватымъ. Аввакумъ сознается, что «прогнѣвалъ» государя своимъ «неудержаніемъ», но говоритъ, что нѣкоторыя обвиненія противъ него несправедливы. Онъ проситъ государя позволить ему остаться въ Холмогорахъ, или какъ твоя государева воля: потому что безотвѣтенъ предъ царскимъ твоимъ величествомъ. Свѣтъ-государь православной царь! Умилися къ странству моему, помилуй изнемогшаго въ напастѣхъ и всячески уже сокрушенна: болѣзнь бо чадъ моихъ на всякъ часъ слезъ душу мою исполняетъ. И въ Даур-

[56]) Мат. V, стр. 136—140.
[57]) Мат. V, стр. 114.

ской странѣ у меня два сына отъ нужи умерли. Царь государь, смилуйся! [58]).

Ссылка Аввакума была очень чувствительнымъ ударомъ для общества раскольниковъ, и они начали усиленно хлопотать о его возвращеніи. Подавалъ за него челобитную Нероновъ. Онъ указывалъ на множество всякихъ невзгодъ, которыя претерпѣлъ Аввакумъ «изъ младенчества», говорилъ, что Аввакумъ не такъ сильно провинился, какъ объ этомъ донесли государю, наконецъ, умолялъ государя возвратить Аввакума изъ того изгнанія «и быти ему со мною въ пустыни (Игнатіевой на Сарѣ), да обще неразлучно пребудемъ, плачася грѣховъ своихъ, а не вели, государь, въ томъ пустомъ мѣстѣ во изгнаніи ему и съ челядью конецъ пріяти, и чтобы маленкимъ ево сироткамъ въ зимнее время на нужномъ пути до Пуста-озера отъ студени безгодною смертію не померѣть» [59]). Изъ письма игумена Өеоктиста къ боярынѣ Морозовой видно, что Нероновъ подалъ двѣ челобитныхъ, одну дьяку приказа тайныхъ дѣлъ, а другую государю, и, что особенно важно, Өеоктистъ упоминаетъ, что эти челобитныя поданы были по желанію самого государя [60]). Однако изъ ссылки Аввакумъ пока не былъ возвращенъ. Такъ же безуспѣшна, какъ эти челобитныя, была попытка дьякона Өедора: онъ «подавалъ духовнику челобитную объ Аввакумѣ о свободѣ, и онъ въ глаза бросилъ съ яростію великою» [61]). Хотя добиться возвращенія Аввакума въ Москву раскольникамъ и не удалось, но и до Пустозерска онъ не доѣхалъ и болѣе года пробылъ на Мезени, такъ что, можетъ быть, эта задержка была послѣдствіемъ ходатайствъ его московскихъ друзей. И въ этой ссылкѣ Аввакумъ не терялъ времени для своего дѣла: «по городамъ паки людей Божіихъ училъ, и ихъ пестрообразныхъ звѣрей обличалъ». Пропаганда была успѣшна, и на Мезени ревностной почитательницей Аввакума стала жена

---

[58]) Мат. I, стр. 198—201.

[59]) Мат. V, стр. 140—141.

[60]) Мат. I, стр. 314—315.

[61]) Мат. I, стр. 398—399. Г. Субботинъ по поводу этого факта замѣчаетъ: «до такой степени измѣнились въ это время отношенія царскаго духовника Стефана Вонифатьева къ Аввакуму и его друзьямъ»; тутъ надо, однако, сказать, что въ полемическомъ увлеченіи г. Субботинъ допустилъ довольно грубую ошибку, такъ какъ царскимъ духовникомъ въ это время былъ уже не Стефанъ Вонифатьевъ, а протопопъ Лукьянъ.

воеводы Алексѣя Цѣхановицкаго, полька, принявшая по убѣжденію Аввакума двуперстіе и другіе старые обряды [62]).

Сношенія съ Москвой постоянно поддерживались, и мы видимъ, что московскіе друзья, хоть и усиленно хлопотали о возвращеніи Аввакума, въ то же время и сердились на него; они высказывали ему неудовольствіе за то, что онъ своей чрезмѣрной ревностью повредилъ ихъ дѣлу, что ихъ теперь изъ-за него стали сильно стѣснять. Въ такомъ смыслѣ, вѣроятно, писалъ ему игуменъ Ѳеоктистъ: письмо Ѳеоктиста до насъ не дошло, но отвѣтъ Аввакума сохранился. Аввакумъ проситъ прощенія у Ѳеоктиста и другихъ раскольниковъ, которые укоряли его, что «имъ вредится истинна и лучше бы ему въ Даурѣхъ умереть, нежели быть на Москвѣ». Аввакумъ признаетъ, что «на Москвѣ гной расшевелилъ и еретиковъ раздразнилъ» своимъ пріѣздомъ изъ Дауръ; но проситъ своихъ друзей не гнѣваться на него, «имущаго ревность Божію не по разуму», говоритъ, что пріѣхалъ въ Москву «не самозванъ», но по царскому призыву, что въ этомъ было Божіе изволеніе. Поэтому онъ говоритъ своимъ порицателямъ: «Не кручинтеся на меня, Господа ради, что моего ради пріѣзда стражете. Аще Богъ по насъ, кто на ны?» Самого Ѳеоктиста Аввакумъ упрекаетъ въ недостаткѣ вѣры въ правоту своего дѣла и указываетъ на происходящую отсюда опасность поддаться никоніанскому соблазну»: «Отче, что ты страшливъ? Слышишь ли, есть о насъ промышленникъ! Ѳеоктистъ, что ты опечалился? Аще не днесь, умремъ же всяко. Не малодушествуй: понеже наша брань нѣсть къ крови и плоти. А что на тебя дивить? Не видишь. Глаза у тебя худы. Рече Господь: ходяй во тьмѣ, не вѣсть, камо грядетъ. Не забреди, брате, съ слѣпыхъ тѣхъ къ Никону въ горкой Сіонъ! Не сдѣлай бѣды, да не погибнешь злѣ. Около Воскресенскова ровъ великъ и глубокъ выкопанъ, прознаменуя адъ: блюдися да не ввалисся и многихъ да не погубиши». Аввакумъ рѣшительно отказывается молчать, какъ его просятъ московскіе друзья: «аще бы намъ умолчать, то каменіе возопіютъ», а на ссылку онъ смотритъ, какъ на удобное средство пропаганды: «поѣхалъ я съ Москвы паки по городамъ и весемъ словесныя рыбы промышлять». Затѣмъ онъ проситъ Ѳеоктиста передать поклонъ какому-то Василію Рогожкѣ

[62]) Мат. V, стр. 67, 108—110.

и прочей братіи, сообщаетъ, что у него жилъ около 4 недѣль сторожъ Андрей Самойловъ, и проситъ писать ему обо всемъ, что дѣлается, «какъ живутъ отщепенцы, новые уніаты», но не писать неодобрительныхъ отзывовъ о Нероновѣ, котораго онъ продолжалъ, несмотря на его колебаніе въ вѣрѣ, любить, какъ своего духовнаго отца, благодѣтеля и наставника [63]).

Мезенская ссылка продолжалась, какъ сказано, полтора года, и 1 марта 1666 года Аввакумъ былъ привезенъ для суда въ Москву; съ нимъ были два сына, Иванъ и Прокопій, а другія дѣти и жена остались въ Мезени. 9 марта онъ, скованный («на чѣпи»), былъ отданъ подъ началъ въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, гдѣ и пробылъ до начала мая («десять недѣль»). Сюда для его увѣщанія были присланы ярославскій дьяконъ Козьма и подъячій патріаршаго двора, но первый изъ этихъ миссіонеровъ оказался очень ненадежнымъ: «Козма той, разсказываетъ Аввакумъ, не знаю коего духа человѣкъ: въ явѣ уговариваетъ, а втай подкрѣпляетъ меня, сице говоря: протопопъ! не отступай ты стараго того благочестія! великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца претерпишь! не гляди на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ сопротивъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя; Никонъ опуталъ меня!» Конечно, увѣщанія, осбенно такого рода, не могли склонить Аввакума къ примиренію съ церковью и окончились тѣмъ, что онъ написалъ «сказку з бранью з большою» [64]).

13-го мая привезли Аввакума въ Москву. Какъ онъ разсказываетъ, его везли чрезвычайно быстро: «девяносто верстъ днемъ однимъ перемчали: мало души не вытрясли, верхомъ на лошади, — падалъ уже съ лошади». Въ крестовой власти опять попробовали его убѣждать («стязались» съ нимъ), но напрасно, такъ какъ Аввакумъ не покорился и «злобу къ злобѣ прилагая, укори въ лице весь освященный соборъ, всѣхъ неправославными нарицая» [65]); а затѣмъ отвели его и дьякона Ѳедора въ соборный храмъ и послѣ великаго входа ихъ разстригли, предали анаѳемѣ, на что Аввакумъ отвѣтилъ также проклятіемъ, такъ что «зѣло было мятежно въ обѣдню-ту». О своемъ разстриженіи Аввакумъ

---

[63]) Мат. V, стр. 158—161.

[64]) Мат. V, стр. 68—69.

[65]) Мат. II, стр. 82.

вспоминаетъ со злобой и горечью: «И бороду враги Божіи отрѣзали у меня. Чему быть? Волки то есть, не жалѣютъ овецъ! оборвали, что собаки, одинъ хохолъ оставили, что у поляка на лбу». По поводу этой духовной казни Аввакума были разные толки въ народѣ, многіе защищали протопопа, и даже во дворцѣ было «нестроеніе» у царя съ царицей, которая, вѣроятно, подъ вліяніемъ многихъ ревностныхъ ученицъ и покровительницъ Аввакума, горячо за него заступалась [66]).

Изъ соборной церкви отвезли Аввакума и Өедора на патріаршій дворъ, а оттуда 15-го мая въ Николо-Угрѣшскій монастырь: посадивъ на телѣги, подъ конвоемъ вооруженныхъ стрѣльцовъ, ихъ отправили изъ Москвы, какъ только стало разсвѣтать, и везли не обычной прямой дорогой, а какъ передаетъ Өедоръ, «мимо Коломенскова, не вѣмъ куды, страннымъ путемъ, по берегу Москвы рѣки да по болотамъ, чтобъ никто не видалъ знакомой, куды посадятъ. На Угрѣшу привезли въ осмомъ часу. И какъ привезли къ монастырю насъ, и взяли отца Аввакума два стрелца подъ руки, и обвиша главу его япанчею и повели на монастырь сторонними враты, что отъ рощи. И азъ, необычное зря, ужасомъ одержимъ, стахъ, помнѣхъ въ себѣ: въ пропасть глубокую хотятъ насъ сажать на смерть; начахъ прощатися съ женою и чады и со всѣми вами вѣрными. И отведше Аввакума, не вѣдалъ, камо его дѣша» [67]). Въ Угрѣшскомъ монастырѣ Аввакумъ былъ посаженъ въ отдѣльную башню и никуда изъ нея не выпускался. Посѣтителей къ нему не пускали, хотя желающіе его видѣть и пріѣзжали въ монастырь, какъ напр. князь Иванъ Воротынскій, котораго Аввакумъ видѣлъ въ свое окно. Разсказываетъ Аввакумъ, будто и самъ царь, будучи въ монастырѣ, «походилъ» около его темницы и «постонавъ опять пошелъ изъ монастыря» (по Казан. списку): «и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумалъ, подумалъ, и не вошелъ». Несмотря, однако, на строгость надзора за Аввакумомъ, въ народѣ стали

---

[66]) Мат. V, стр. 69—71.

[67]) Мат. V, стр. 422. Въ Казанскомъ спискѣ «Житія» Аввакума добавлена любопытная подробность: съ патріархова двора Аввакума вывели къ «спальному крыльцу», а оттуда «въ тайнишные водяные ворота»; здѣсь дожидался протопопа дьякъ Дементій Башмаковъ, который сказалъ ему: «протопопъ, велѣлъ тебѣ государь сказать: не бойся ты никово, надѣйся на меня». Хр. Чт. 1888, II, стр. 588.

распространяться толки о его чудесныхъ видѣніяхъ. Объ одномъ такомъ видѣніи мы знаемъ изъ его посланія, писаннаго къ царю Алексѣю Михайловичу уже изъ Пустозерска. «И о томъ стужахъ Божеству, пишетъ Аввакумъ, да явитъ мнѣ, не туне ли мое бѣдное страданіе. И въ полунощи всенощное чтущу ми наизустъ Святое Евангеліе утреннее, подъ ледникомъ на соломкѣ стоя, въ одной рубашкѣ и безъ пояса, въ день Вознесенія Господня: и бысть въ дусѣ весь, и ста близъ мене по правую руку ангелъ мой хранитель, улыскаяся, и приклоияяся ко мнѣ и милъ ся дѣя. Мнѣ же чтущу святое Евангеліе нескоро, ко ангелу радость имущу: а се потомъ изъ облака Госпожа Богородица яви ми ся, потомъ и Христосъ съ силами многими и рече мнѣ: не бойся, Азъ есмь съ тобою! Мнѣ же къ тому прочетшу къ концу святое Евангеліе и рекшу: Слава тебѣ, Господи! и падшу на землю и лежащу на многъ часъ» [68]).

Какъ распространялись разсказы о подобныхъ чудесныхъ видѣніяхъ, мы узнаемъ изъ дѣла о двухъ сыновьяхъ Аввакума, Иванѣ и Прокопіи, и племянникѣ его, Макарѣ Козьминѣ, приходившихъ въ это время къ нему на свиданіе. Они были схвачены 7-го іюля и на другой день допрошены игуменомъ Угрѣшскаго монастыря, Викентіемъ: всѣ трое объявили себя племянниками Аввакума и показывали, что имъ даже неизвѣстно, въ Москвѣ-ли находятся дѣти Аввакума и бывали-ли они у своего отца. Иванъ Аввакумовъ говорилъ, называя Аввакума дядей: «и черницы татарки також не знаю, и я у него въ монастырѣ не бывалъ и его не видалъ и не знаю, потому что я съѣхалъ съ отцомъ своимъ въ Нижній маленекъ, и онъ нашъ дядя былъ въ то время въ ссылкѣ, а посылалъ меня нынѣ сперва про него провѣдывать отецъ мой, что онъ живъ-ли, а нынѣ мы всѣ зашли въ монастырь изъ лѣсу безъ отцова вѣдома, а въ лѣсъ ходимъ ради ягодъ, а писемъ я и словъ ни отъ кого къ нему не принашивалъ, такожъ и отъ него никуды и съ нимъ не видался-жъ никогда и нынѣ у него Аввакума не были». Къ этому показанію другой сынъ Аввакума, Прокопій добавилъ, что упомянутая выше неизвѣстная старица-татарка, вѣроятно, приходившая тоже къ Аввакуму, «живетъ на Москвѣ, а въ монастырѣ или у кого во дворѣ, того де я не вѣдаю, только де прихаживала къ

[68]) Мат. V, стр. 153—154.

батюшку на Москвѣ во дворъ по рѣдку». Въ остальномъ показанія Прокопія и Макара вполнѣ сходились съ показаніями Ивана Аввакумова.

Вторичный допросъ былъ произведенъ въ патріаршемъ приказѣ 9-го іюля Ильею Кузьмичемъ Безобразовымъ и дьякомъ Калитинымъ. На этотъ разъ Иванъ признался, что онъ сынъ Аввакума; Прокопій же еще называлъ себя племянникомъ. Они показали, что 7-го іюля приходили къ Николѣ Угрѣшскому молиться и провѣдать Аввакума; за часъ до вечера вошли въ монастырь безпрепятственно, такъ какъ ворота были открыты, побывали у всенощной, ночевали въ трапезѣ и послѣ обѣдни подходили къ окну темницы («подъ церквою въ палаткѣ»), гдѣ былъ заключенъ ихъ отецъ; но, боясь караульныхъ, ничего съ нимъ не говорили и не слыхали отъ него ни о какомъ видѣніи. Въ это время увидѣлъ ихъ игуменъ Викентій, и когда они пришли въ трапезу, приказалъ ихъ взять и свести на конюшенный дворъ подъ караулъ; тамъ ихъ обыскивалъ стрѣлецкій полу-голова и ничего не нашелъ, а на другой день ихъ отправили въ Москву въ патріаршій разрядъ. Однако и это показаніе представляется не совсѣмъ вѣрнымъ, и тутъ же, немедленно послѣ допроса, Прокопій признался, что онъ сынъ Аввакума, и объяснилъ, что они приходили и спрашивали Аввакума о здоровьѣ, и онъ имъ отвѣтилъ: «живите не тужите», а о видѣніи и о чемъ либо другомъ не говорилъ. Подобная сбивчивость въ показаніяхъ даетъ возможность предполагать, что сыновья Аввакума далеко не во всемъ признались патріаршимъ слѣдователямъ, и если Аввакумъ могъ, совершенно незамѣченный стражей, сказать имъ нѣсколько словъ, то онъ же могъ и передавать имъ о своихъ видѣніяхъ. Затѣмъ можно думать, что такія сношенія бывали и раньше этого эпизода, — недаромъ же упоминается «татарка-черница», и не безъ основанія, вѣроятно, отпуская 20-го сентября дѣтей Аввакума на поруки, съ нихъ взяли обѣщаніе «ложныхъ сновъ отца своего Аввакума никому не разсказывать» [69]).

Пока производилось это дѣло, было приказано 2-го сентября отослать Аввакума въ Боровскій Пафнутьевъ монастырь, игумену котораго, Парѳенію, данъ былъ тогда же наказъ «посадить Аввакума въ тюрьму и беречь ево накрѣпко съ великимъ опа-

---

[69]) Мат. т. I, стр. 359—370.

сенiемъ, чтобы онъ с тюрьмы не ушелъ и дурна никакова бъ надъ собою не учинилъ, и чернилъ и бумагц ему не давать и никого къ нему пускати не велѣть, а корму давать какъ и прочимъ колодникамъ». Отсылка тоже должна была совершиться «съ великимъ береженiемъ, чтобы онъ з дороги не ушелъ и дурна бъ надъ собою не учинилъ». Распоряженiя эти были исполнены 3-го сентября[70]). Въ Пафнутьевъ монастырь нѣсколько разъ прiѣзжали разныя духовныя лица изъ Москвы для увѣщанiя Аввакума: 12-го сентября былъ вдовый дьяконъ Василiй Васильевъ изъ Пушкарей и привозилъ съ собой какiя-то «выписки въ тетрадяхъ отъ властей»; 4-го декабря прiѣхалъ игуменъ Парѳенiй изъ Москвы и за что-то «морилъ Аввакума три дни и въ стюденой тюрьмѣ держалъ ево», и наконецъ, 30-го января прiѣзжалъ тотъ же дьяконъ Василiй Васильевъ съ порученiемъ отъ митрополитовъ Павла Крутицкаго и Иларiона Рязанскаго, и «приходилъ къ нему пьянъ ночью, хотѣлъ извести ево».

Эти извѣстiя о притѣсненiяхъ Аввакума находятся въ запискѣ «О напаствованiи и терпѣнiи новыхъ страдалецъ», принадлежащей Аввакуму, а потому къ нимъ нельзя относиться съ безусловнымъ довѣрiемъ; совсѣмъ также неясенъ въ нихъ мотивъ этихъ притѣсненiй, а между тѣмъ «Житiе» даетъ намъ возможность предположить, что причиной строгостей были опять-таки сношенiя Аввакума съ другими раскольниками и новые разсказы о его чудесахъ. Такъ, Аввакумъ разсказываетъ, что къ нему опять приходили его дѣти, а съ ними юродивый Ѳедоръ, бѣжавшiй изъ Рязани, гдѣ находился подъ присмотромъ митрополита Иларiона. Ѳедоръ приходилъ спросить своего духовнаго отца, ходить ли ему по прежнему въ одной рубашкѣ, или надѣть платье, чтобы спастись отъ преслѣдованiй. Аввакумъ разрѣшилъ ему надѣть платье. Изъ своихъ чудесъ, совершенныхъ за это время, Аввакумъ разсказываетъ о слѣдующемъ: келарь Пафнутьева монастыря Никодимъ, сперва расположенный къ Аввакуму, началъ его притѣснять и за то, что не выпустилъ протопопа изъ его темницы въ Свѣтлый праздникъ, подвергся Божiему гнѣву, такъ сильно разболѣлся, что уже ожидали его смерти. «И въ нощи противъ вторника прiиде къ нему мужъ въ образѣ моемъ, съ кадиломъ, въ ризахъ свѣтлыхъ, и

---

[70]) Мат. т. I, стр. 371—374 и V, стр. 114.

покадилъ его и, за руку взявъ, воздвигнулъ: и бысть здравъ». Послѣ такого чуда, какъ передаетъ Аввакумъ, Никодимъ пришелъ къ Аввакуму со своимъ келейникомъ, который къ этому разсказу добавилъ еще одну подробность: «я, батюшко-государь, тебя (т. е. Аввакума) подъ руку ис кельи вывелъ да поклонился тебѣ, ты и пошелъ сюды» (т. е. въ темницу). И Никодимъ, и келейникъ стали прозелитами Аввакума и, когда они разсказали за трапезою о чудѣ всей монастырской братіи, «людіе безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, говоритъ Аввакумъ, просяще благословенія и молитвы отъ меня, и я ихъ учу отъ писанія и пользую словомъ Божіимъ. Въ тѣ времена и врази кои были, и тѣ примирилися тутъ». Изъ этого эпизода видно, что Аввакумъ и здѣсь не прекращалъ свою пропаганду, и немудрено, что на него не дѣйствовали никакія строгости, никакія увѣщанія, когда и тѣ, и другія парализовались сочувствіемъ къ узнику его новыхъ послѣдователей[71]).

Черезъ 8 мѣсяцевъ послѣ отправленія въ Боровскъ, 30-го апрѣля 1667 г. Аввакумъ скованный былъ привезенъ въ Москву, гдѣ онъ долженъ былъ подвергнуться суду собора, на которомъ присутствовали патріархи Макарій Антіохійскій и Паисій Александрійскій. 3-го и 11-го мая протопопа, по государеву указу, водили въ Чудовъ монастырь, гдѣ его увѣщали покориться церкви архимандритъ Іоакимъ и Спасскій архимандритъ Сергій изъ Ярославля. Вѣроятно, увѣщали его и другія лица, но ничто не помогало, и наконецъ 17 іюля[72]) Аввакумъ предсталъ на судъ вселенскихъ патріарховъ. Вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ судѣ: «Послѣднее слово ко мнѣ рекли: что-де ты упрямъ? Вся-де наша Палестина, — и Сербы, и Албанасы, и Волохи, и Римляне, и Ляхи,—всѣ-де трема персты крестятся, одинъ-де ты стоишь на своемъ упорствѣ и крестисся пятію персты! такъ не подобаетъ! И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице: Вселенстіи учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, и ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А и у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Махмета,—да и ди-

---

[71]) Мат. V, стр. 72—74, 114.

[72]) Мат. II, стр. 29; въ запискѣ Аввакума (Мат. V, стр. 115) невѣрно указано: 17 іюня.

вить на васъ нельзя: немощни есте стали. И впредь пріѣзжайте къ намъ учитца: у насъ, благодатію Божіею, самодержество. До Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ царей и князей все было православіе чисто и непорочно, и церковь немятежна, Никонъ волкъ со діяволомъ предали трема персты креститца; а первые наши пастыри, якоже сами пятію персты крестились, такоже пятію персты и благословляли по преданію святыхъ отецъ: Мелетія Антіохійскаго и Θеодорита Блаженнаго, епископа киринейскаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ также слагая персты креститися и благословляти повелѣваетъ, якоже прежніи святіи отцы, Мелетіи и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ быша на соборѣ знаменоносцы: Гурій и Варсонофій, казанскіе чудотворцы, и Филиппъ Соловецкій игуменъ, отъ святыхъ русскихъ. И патріархи задумалися; а наши, что волченки, вскоча, завыли и плевать стали на отцевъ своихъ, говоря: глупы-де были и несмыслени наши русскіе святые, не ученые-де люди были,—чему имъ вѣрить! Они-де грамоты не умѣли! О, Боже Святый! Како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія! Мнѣ бѣдному горе, а дѣлать нечево стало. Побранилъ ихъ колко могъ, и послѣднее слово реклъ: чистъ есмь азъ, и прахъ прилѣпшій отъ ногъ своихъ отрясаю предъ вами, по писанному: лучше единъ творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ! Такъ на меня и пущи закричали: возми, возми его!—всѣхъ обезчестилъ! Да толкать и бить меня стали; и патріархи сами на меня бросились: человѣкъ съ сорокъ, чаю, било,—велико антихристово войско собралося! Ухватилъ меня Иванъ Уаровъ, да и потащилъ. И я закричалъ: постой,—не бейте! Такъ они всѣ отскочили. И я толмачю-архимандриту говорить сталъ: говори патріархамъ: Апостолъ Павелъ пишетъ: *таковъ намъ подобаше архіерей, преподобенъ, незлобивъ*, и прочая; а вы, убивше человѣка, какъ литоргисать станете? Такъ они сѣли. А я отошелъ къ дверямъ; да па бокъ повалился: посидите вы, а я полежу,—говорю имъ. Такъ они смѣются:уракъ-де протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ! И я говорю: мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! вы сильни, мы же немощни! Потомъ паки пришли ко мнѣ власти и про аллилуія стали говорить со мною. И мнѣ Христосъ подалъ,—посрамилъ я въ нихъ римскую ту блядь Діонисіемъ Ареопагитомъ, какъ выше сего въ началѣ речено. И

Евѳимей, чудовской келарь, молвилъ: правъ-де ты,—нечево-де намъ больши того говорить съ собою. Да и повели меня на чѣпь [73])».

Въ общемъ этотъ разсказъ Аввакума, по нашему мнѣнію, близокъ къ истинѣ, хотя въ частностяхъ его, конечно, есть много неправдоподобнаго: Аввакумъ могъ отвѣчать такимъ образомъ, какъ излагаетъ, на увѣщанія собора, которыя въ его разсказѣ приводятся тоже въ такомъ видѣ, что не представляются искаженными; указаніе на повсемѣстность новоисправленныхъ обрядовъ, конечно, было сильнымъ аргументомъ въ глазахъ собора, тогда какъ на этотъ аргументъ Аввакуму вполнѣ естественно было съ его точки зрѣнія отвѣтить теоріей третьяго Рима и заявленіемъ исключительной чистоты русскаго православія, которое должно быть образцомъ для всего Востока; Аввакуму могли также отвѣтить, что русскіе святители были неученые (хотя, конечно, не рѣшились бы сказать: «глупые»); на соборѣ могъ подняться сильнѣйшій шумъ, когда Аввакумъ сталъ отрясать прахъ отъ ногъ своихъ (точно такой же шумъ поднялся, напримѣръ, во время суда надъ патріархомъ Никономъ), хотя слова «возьми, возьми его» очень напоминаютъ извѣстныя: «распни, распни его»; сомнительно, наконецъ, чтобы всѣ архіереи до того забылись въ своей ярости, что бросились бы колотить Аввакума, и вполнѣ каррикатурной представляется картина лежанія на боку.

Соборъ предалъ Аввакума анаѳемѣ, и его приказано было отвезти на Воробьевы горы подъ крѣпкимъ карауломъ изъ 30 стрѣльцовъ; съ нимъ вмѣстѣ были отвезены инокъ Епифаній и романовскій попъ Лазарь. Но попытки склонить Аввакума къ покаянію всетаки повторялись: 26-го іюня съ этой цѣлью къ нему присылались отъ царя Нероновъ (принесшій окончательно покаяніе предъ вселенскими патріархами) и дьякъ конюшеннаго приказа, Тимоѳей Семеновъ. Черезъ 4 дня послѣ этого Аввакумъ былъ перевезенъ въ Андреевскій монастырь, а оттуда въ Саввину слободку и наконецъ въ Угрѣшскій монастырь. 4-го августа новая попытка увѣщанія: отъ царя пріѣзжалъ дьякъ приказа тайныхъ дѣлъ, Дементій Башмаковъ. На другой день присланы были архимандриты Владимірскаго Рождественскаго монастыря, Филаретъ, Новгородскаго Хутынскаго—Іосифъ и Ярославскаго Спасскаго—Сергій. Они предложили Аввакуму слѣдующіе вопросы: признаетъ

---

[73]) Мат. V, стр. 78—80.

ли онъ восточную церковь истинно святою и православною, а таинства и богослужебные чины, въ ней совершаемые,—истинными; признаетъ ли царя Алексѣя Михайловича, вселенскихъ патріарховъ, новопоставленнаго московскаго патріарха Іоасафа II и весь освященный соборъ — православными и пастырями и учителями всѣмъ христіанамъ; считаетъ ли онъ новоисправленныя книги «святыми, честными и правыми», и что думаетъ о Символѣ вѣры, о трегубой аллилуіи, о троеперстномъ сложеніи руки для крестнаго знаменія, о четвероконечномъ крестѣ и о другихъ вновь исправленныхъ обрядахъ. На эти вопросные пункты Аввакумъ подалъ слѣдующее письменное заявленіе: «Церковь православна, а догматы церковныя отъ Никона еретика бывшаго патріарха искажены новоизданными книгами—первымъ книгамъ, бывшимъ при пяти бывшихъ патріархахъ вовсемъ противны, въ вечерни и въ заутрени и въ литоргіи, и во всей божественной службѣ не согласуются. А государь нашъ царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, православенъ, но токмо простою своею душею принялъ отъ Никона, мнимаго пастыря, внутренняго волка, книги, чая ихъ православны, не разсмотря плевелъ еретическихъ въ книгахъ, внѣшнихъ ради браней, понялъ тому вѣры, и впредь чаю по писанному: праведникъ аще падетъ; не разбіется, яко Господь подкрѣпляетъ руку его. А про патріарховъ слышалъ я отъ братій духовныхъ, что у нихъ въ три погруженія не крестятся, но обливаются по-римски, и крестовъ на себѣ не носятъ, и въ сложеніи перстъ знаменующихся, слагая три персты, Христово вочеловѣченіе отмещутъ, и сіе есть все неправославно, но противно святѣй соборной и апостольской церкви. А я держу православіе бывшее и прежде Никона патріарха и книги держу письменныя и печатныя, изданныя отъ пяти патріарховъ: Іева и Ермогена, Ѳиларета, Іоасафа и Іосиѳа московскихъ всея Русіи, и выше ихъ отъ митрополитовъ и архіепископовъ и епископовъ московскихъ и всея Русіи, и хощу соборомъ бывшимъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ правъ быти, на немже былъ и Гурій нашъ казанскій чудотворецъ, съ сими книгами живу и умираю» [74]). Въ этомъ заявленіи Аввакумъ уже колеблется дать утвердительный отвѣтъ о православіи патріарховъ, на которыхъ онъ возлагалъ раньше такія крѣпкія надежды, какъ это видно изъ

[74]) Мат. II, стр. 21—23.

разобраннаго нами его посланія къ Плещееву. Замѣчательно, что онъ и теперь еще старается оправдать царя Алексѣя Михайловича, признавая его прельщеннымъ отъ Никона, но православнымъ: тутъ сказалась не одна боязнь передъ вопрошавшей властью,—отношенія Аввакума къ царю, какъ это видно изъ его послѣдующихъ сочиненій, долго оставались хорошими, согласными съ этимъ взглядомъ.

Несмотря на такое точное формулированіе Аввакумомъ своего отпаденія отъ церкви, духовная власть, а въ особенности царь, не оставляли надежды возвратить его на путь истины: 8-го августа ночью пріѣзжалъ уговаривать Аввакума Дементій Башмаковъ, 10-го августа—Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и какой-то «архимаритъ», и въ тотъ же день Аввакумъ былъ взятъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ его увѣщевали митрополитъ Павелъ Крутицкій и архіеп. Иларіонъ Рязанскій; на другой день пріѣзжалъ къ Аввакуму Чудовскій архимандритъ Іоакимъ. Мягкій и добрый царь Алексѣй Михайловичъ, всегда благоволившій къ Аввакуму, пробовалъ склонить Аввакума ласкою, просилъ у него благословенія черезъ стрѣлецкаго голову Юрія Лутохина, пріѣзжавшаго увѣщевать Аввакума 22-го августа. Башмаковъ и Матвѣевъ, приходившіе раньше, «говорили царевымъ глаголомъ: протопопъ, вѣдаю де твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе, прошу де твоего благословенія и съ царицею и съ чады, — помолися о насъ! Кланяючись посланникъ говоритъ. И я по немъ всегда плачю; жаль мнѣ силно его. И паки онъ же: пожалуй де послушай меня, соединись со вселенскими тѣми хотя небольшимъ чѣмъ! И я говорю: аще и умрети ми Богъ изволитъ, со отступниками не соединюсь! Ты реку мой царь, а имъ до меня какое дѣло. Своего, реку, царя потеряли, да и тебя проглотить сюда приволоклися! Я, реку, не сведу рукъ съ высоты небесныя, дондеже Богъ тебя отдастъ мнѣ». Въ этотъ же день былъ у Аввакума вторично А. С. Матвѣевъ, а черезъ 2 дня онъ же пріѣзжалъ съ Симеономъ Полоцкимъ, и «зѣло было стязаніе много: разошлися яко пьяни, не могъ и поѣсть послѣ крику. Старецъ мнѣ говорилъ: острота, острота тѣлеснаго ума! да лихо упрямство; а се не умѣетъ науки! И я въ то время плюнулъ, глаголя: сердитъ я есмь на дьявола воюющаго въ васъ, понеже со діяволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царьствуетъ не совершенно, равно со діяволомъ и еллины исповѣдуеши во своей вѣрѣ. И Ар-

темонъ, говоря много, учнетъ грозить смертію. И я говорилъ: смерть мужу покой есть, и смерть грѣхомъ опона; не грози мнѣ смертію; не боюся тѣлесныя смерти, но развѣ грѣховныя. И паки подпадетъ лестію. И пошедъ спросилъ: что, старъ, сказать государю? И я ему: скажи ему миръ и спасеніе и тѣлесное здравіе. А въ 22-й день одинъ былъ, такъ говорилъ мягче отъ царя, со слезами, а иное приграживалъ. И я въ тѣ поры смѣюся. И много того было: много и Богъ посрамилъ отъ нашея худости: да что съ ними дѣлаешь? А пошелъ Артемонъ одинъ, кланяется низенко и прощается умилно въ правду. Аввакумъ же говорилъ: ты ищешь въ словопреніи высокія науки, а я прошу у Христа моего поклонами и слезами: и мнѣ кое общеніе, яко свѣту со тмою или Христу съ веліаромъ? И ему стыдно стало, и противъ тово всквозь зубовъ молвилъ: намъ де съ тобою не сообщно!»[75]) Весьма понятно, что ни Симеонъ Полоцкій, ни А. С. Матвѣевъ не могли столковаться съ Аввакумомъ: это были люди новаго направленія, для которыхъ особенно важное значеніе имѣли доводы «науки», а этихъ доводовъ, несмотря на всю «остроту тѣлеснаго ума», не могъ понять Аввакумъ, твердо стоявшій на почвѣ вѣковыхъ, традиціонныхъ предразсудковъ.

Ни уговоры, ни угрозы—ничего не могли подѣлать съ упрямымъ протопопомъ[76]) и, наконецъ, властя рѣшились отослать его въ Пустозерскъ. Вмѣстѣ съ нимъ сосланы были романовскій попъ Лазарь, дьяконъ Θеодоръ и инокъ Епифаній, которымъ предварительно отрѣзали языки.

---

[75]) Мат. V, стр. 81, 118.

[76]) Упорство Аввакума и другихъ расколоучителей, вѣроятно, возбуждало во многихъ сочувственное къ нимъ отношеніе; такъ можно заключать по тѣмъ легендамъ, которыя распространялись объ осудившемъ ихъ соборѣ. Одну изъ подобныхъ легендъ передаетъ дьяконъ Θедоръ въ посланіи къ своему сыну Максиму: какой-то воинъ, стоявшій на стражѣ въ Кремлѣ, видѣлъ «на воздусѣ сѣдяща сатану», окруженнаго русскими архіереями и «грекотурскими патріархами», вмѣстѣ съ ними были Артамонъ Матвѣевъ и бояре, и всѣ они «утверждали Никонову прелесть»; за разсказы объ этомъ видѣніи воинъ былъ сосланъ «безъ вѣсти» (Мат. VI, стр. 240, 314).

ГЛАВА V.

Первое время Пустозерской жизни.—Отвѣты діакона Θедора и Аввакума на вопросы нѣкоего Іоанна.—Посланія Аввакума къ инокинѣ Меланіи, священнику Стефану и другимъ лицамъ.—Посланіе Аввакума къ царю Алексѣю Михайловичу. — Казни въ Пустозерскѣ и на Мезени. — Письмо Аввакума на Мезень къ женѣ и дѣтямъ.

Московскій соборъ 1666—1667 гг., предавшій анаѳемѣ всѣхъ защитниковъ «древняго благочестія», и послѣдовавшія за нимъ репрессивныя мѣры свѣтскаго правительства порвали всякую связь раскольниковъ съ православною церковью, отняли у нихъ последнюю надежду на возвращеніе «никоніанъ» на путь правой вѣры и отторгли отъ ихъ общины многихъ видныхъ ея представителей, которые, какъ напр. игуменъ Θеоктистъ, Нероновъ, Никита Пустосвятъ и др., изъ страха быть подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ и подвергнуться жестокимъ градскимъ казнямъ, принесли покаяніе и отреклись отъ своихъ взглядовъ, противныхъ церковнымъ постановленіямъ. Правда, ихъ отреченіе было въ большинствѣ случаевъ неискреннее, впослѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ снова возвратились къ своимъ старымъ мнѣніямъ, иногда даже такой возвратъ совершался немедленно послѣ отпаденія, какъ это случилось съ діакономъ Θедоромъ, раздѣлившимъ участь Аввакума и его товарищей, но въ настоящее время главные московскіе вожаки раскола были отсѣчены отъ своей общины, и единственными ея авторитетными руководителями являлись страдальцы за старую вѣру, сосланные въ Пустозерскъ учителя. Своею твердостью въ вѣрѣ, своими страданіями они пріобрѣли въ глазахъ своихъ послѣдователей еще большій автори-

теть, на нихъ стали смотрѣть, какъ на мучениковъ за святое дѣло, какъ на истинныхъ учителей православія. Такой взглядъ вполнѣ опредѣленно высказанъ былъ боярыней Морозовой Михаилу Алексѣевичу Ртищеву, который какъ-то неодобрительно отозвался объ Аввакумѣ: «не тако, дядюшка, не тако, нѣсть право твое слово: сладкое горькимъ называеши. Аввакумъ истинный ученикъ Христовъ, понеже страждетъ нынѣ отъ васъ за законъ Владыки своего, и сего ради хотящимъ Богу угодити довлѣетъ ученія его послушати [1]).

Весьма естественно, что къ этимъ «мученикамъ» уже въ первое время ихъ пребыванія въ Пустозерскѣ раскольники начинаютъ обращаться за разрѣшеніемъ разныхъ трудныхъ вопросовъ, возникавшихъ въ ихъ средѣ. Между такими затрудненіями одно изъ первыхъ мѣстъ по своему практическому значенію занималъ вопросъ о священствѣ, о томъ, гдѣ и какъ искать поповъ, такъ какъ, благодаря репрессивнымъ мѣрамъ правительства, раскольническая община чувствовала большой недостатокъ въ священнослужителяхъ, преданныхъ старой вѣрѣ. Этотъ-то вопросъ и былъ предложенъ на разрѣшеніе Пустозерскихъ учителей нѣкіимъ Іоанномъ [2]) отъ лица жившихъ въ Москвѣ приверженцевъ старой вѣры. Отвѣтъ на это посланіе Іоанна вырабатывался расколоучителями коллективно, и этимъ обстоятельствомъ, полагаемъ мы, слѣдуетъ объяснять существованіе разныхъ редакцій этого отвѣта. Такихъ редакцій имѣется три, и всѣ онѣ изданы г. Субботинымъ въ V и VI томахъ его «Матеріаловъ».

Первая редакція (т. VI, стр. 60—79) издана по списку Хлудовской библіотеки, № 260, гдѣ посланіе озаглавлено: «Списокъ съ епистоліи великихъ отцевъ и страдальцевъ за святую соборную и апостольскую церковь, еяже должно всякому о Христѣ живущему прочитати и творити, и да угоденъ будетъ Богови, занеже нѣсть ничто лестно здѣ, но вся истинна имущимъ умъ отъ Господа истиннаго. Аминь». Варіанты приведены г. Субботинымъ по списку Казанской дух. академіи, носящему такое заглавіе: «Посланіе отъ заточенія страдальца священнодіакона Θеодора Мо-

[1]) Мат. т. VIII, стр. 151.

[2]) Личность этого Іоанна намъ совершенно неизвѣстна, такъ какъ предположеніе автора статьи о дьяконѣ Θедорѣ, помѣщенной въ Правосл. Собесѣдникѣ 1859 г. (ч. II, стр. 328), будто это былъ одинъ изъ братьевъ Плещеевыхъ, ни на чемъ не оснавано, какъ это указалъ г. Субботинъ (Мат. VI, стр. XVI).

сковскаго Благовѣщенскаго верховнаго краснаго крыльца о нуждахъ, належащихъ ко спасенію нашему». Эта редакція отвѣта принадлежитъ дьякону Ѳедору, но была подкрѣплена согласіемъ Аввакума и чернеца Авраамія. Аввакумъ на подлинникѣ написалъ: «Сіе Аввакумъ протопопъ челъ и сіе разумѣлъ истинно, къ тому и руку приписалъ. Сія до здѣ. Аминь».

Послѣ небольшого вступленія, въ которомъ говорится о необходимости твердо держаться отеческихъ преданій и не поддаваться скорби въ виду «належащихъ бѣдъ», Ѳедоръ даетъ обстоятельное разрѣшеніе вопроса, можно ли безъ вреда для правой вѣры по нуждѣ обращаться за совершеніемъ таинствъ и разныхъ требъ церковныхъ къ никоніанскимъ попамъ, переходящимъ въ расколъ. По его мнѣнію, всѣ никоніанскіе попы раздѣляются на «студныхъ» и «мерзкихъ», въ параллель жрецамъ Ваала, истребленнымъ пророкомъ Ильей. «Студными» называются тѣ жрецы Ваала, которые имѣли законное священническое достоинство ранѣе отпаденія отъ вѣры царя Ахава, а въ примѣненіи къ никоніанамъ это названіе дается тѣмъ попамъ, которые поставлены прежними патріархами до Никона, а при Никонѣ приняли его новшества. Къ «мерзкимъ» Ѳедоръ относитъ Ваaловыхъ жрецовъ, поставленныхъ, когда Ахавъ былъ уже идолопоклонникомъ, и въ параллель имъ, никоніанскихъ поповъ, получившихъ свой санъ при Никонѣ, послѣ мора и особенно послѣ собора 1666—1667 гг., «егда совершенно православіе все отринуша древняго преданія святыхъ Апостолъ и богоносныхъ отецъ, и оболгаша ихъ лстивно и охулиша, нечестіе же всякое пріяша, и оправдаша и укрѣпиша и новоразвращенныя и богомерзкія книги со многими неисчетными ересьми въ нихъ похвалиша, и всѣхъ еретикъ крещеніе римское и священство ихъ гнусное пріяша, ихже вси святіи отцы наши проклинаша и отъ святыя церкви отметаша, понеже Римъ всѣхъ ересей пріятелище, источникъ всякаго нечестія, латынское мудрованіе богомерзкое». Отъ поповъ первой категоріи, т. е. «студныхъ», можно принимать всякую святыню, крещеніе, исповѣданіе, причащеніе и пр., «ради непорочнаго на нихъ благословенія первыхъ святыхъ пастырей». Это дозволяется только по случаю крайней необходимости, такъ какъ «лучше тѣхъ нынѣ и невозможно обрѣсти праваго священства». Однако при пріемѣ даже студныхъ поповъ, переходящихъ изъ никоніанства, надо поступать съ извѣстной осторожностью: если

они обращаются къ «истинной службѣ» безъ колебанія, вполнѣ искренно, безвозвратно, съ готовностью умереть за старое благочестіе, то съ ними разрѣшено сообщаться, такъ какъ и Христосъ простилъ апостола Петра, отъ него отрекшагося; но слѣдуетъ чуждаться такихъ поповъ, которые дѣйствуютъ двоедушно, «вертятся, яко прахъ вѣтромъ», для которыхъ безразлично по нѣскольку разъ переходить отъ однихъ къ другимъ. Что касается второй категоріи, т. е. поповъ «мерзкихъ», то они, какъ поставленные незаконными архіереями, «не священи суть, кононному суду подлежать и анаѳемѣ», отъ нихъ повелѣвается «православнымъ христіаномъ ни благословенія пріимати, ни крещенія, ни молитвы, и въ церкви съ ними не молитися, ниже въ домѣхъ». Они «самовластно отсѣклись отъ церковнаго исполненія» и представляютъ собою «часть антихристова войска».

А время антихристово близко: «лжеучителей настоящаго вѣка» Ѳедоръ уподобляетъ апокалипсическимъ «конямъ сатанинымъ», такъ какъ «главы у нихъ львовы, то есть рыканіе ихъ звѣрское являетъ, и обтичютъ бо сушу и море, ища вѣрнаго поглотити въ прелесть свою; и въ хвостахъ ихъ жало, то есть ученіе смертоносное, его же аще кто пріиметъ отъ нихъ, то живъ не будетъ во вѣки, умретъ душею и тѣломъ; а хвостъ, то лесть знаменуетъ ихъ: прежде бо лстятъ и обманываютъ, а потомъ же мучатъ не пріемлющихъ въ хвостахъ ихъ жала пагубнаго, сиречь прелести ученія ихъ смертоноснаго». Мысль о близкомъ наступленіи антихристова царства Ѳедоръ подкрѣпляетъ ссылками на Апокалипсисъ, «Слово» св. Ипполита, папы Римскаго, «книгу» Іакова Жидовина, «Книгу о вѣрѣ». Передъ пришествіемъ въ міръ антихриста должно быть повсемѣстное оскудѣніе вѣры православной, и въ недавнее время совершилось на Руси послѣднее отпаденіе отъ истины. «Иного отступленія не будетъ, и то отъ часа сего на горшее происходити будетъ цари нечестивыми: то суть рози антихристовы,—ими силно все дѣло отступническое, безъ тѣхъ же немощно».

Это упоминаніе о царяхъ нечестивыхъ весьма знаменательно, такъ какъ указываетъ на нѣкоторый поворотъ во взглядѣ расколоучителей на царя, котораго до сихъ они считали православнымъ: теперь они почти оставили на него надежду, онъ явился въ ихъ глазахъ споспѣшникомъ антихриста. Ѳедоръ выражается далѣе еще болѣе опредѣленно: «Во время се ни царя, ни святи-

теля. Единъ бысть православный царь на земли остался, да и того, не внимающаго себѣ, западніи еретицы, яко облацы темніи, угасили христіанское солнце и свели во тму многія прелести погрузили, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды. Увы, увы бысть!» Около того же времени среди бунтующей братіи Соловецкаго монастыря поднятъ былъ вопросъ, слѣдуетъ ли молиться за царя?

Съ этого-то момента расколъ и получаетъ окраску соціальнаго протеста, хотя основаніе протеста всегда остается чисто церковнымъ; правительство свѣтское признавалось нечестивымъ, отрекшимся отъ истинной вѣры, и вслѣдствіе этого для нѣкоторыхъ оно утрачивало свой авторитетъ; началась проповѣдь сопротивленія свѣтской власти и всему отъ нея исходящему (сопротивленія, по необходимости пассивнаго, но могущаго при благопріятныхъ обстоятельствахъ стать и активнымъ); эта проповѣдь усиливалась по мѣрѣ того, какъ возрасталъ наплывъ западныхъ новшествъ и параллельно съ усиленіемъ правительственной репрессіи; однако при всемъ этомъ не слѣдуетъ забывать (а въ этомъ и была коренная ошибка теоріи Щапова), что соціальный протестъ направлялся не противъ правительства, какъ таковаго, а исключительно только противъ правительства, признаннаго нечестивымъ; точно также и національный элементъ, какъ мы имѣли случай указывать, играя выдающуюся роль въ возникновеніи и развитіи раскола, тѣмъ не менѣе подчинялся въ глазахъ расколоучителей чисто религіознымъ побужденіямъ охраны старой, *правой* вѣры, каковою въ силу прежнихъ традицій признавалась только русская вѣра, сохранившая въ неприкосновенности ученіе и обряды вселенской Церкви.

Признавъ православныхъ еретиками, худшими всѣхъ древнихъ еретиковъ и подготовляющими пришествіе антихристово, Ѳедоръ объявляетъ, что проклятіе, произнесенное Московскимъ соборомъ противъ приверженцевъ старины, не имѣетъ никакого значенія, какъ еретическое. Въ доказательство ереси своихъ противниковъ Ѳедоръ приводитъ много фактовъ ихъ церковнаго нестроенія: говоритъ, что книжное исправленіе никоніанское постоянно подвергается всякимъ измѣненіямъ (какъ мы видѣли, на это указывалъ уже Спиридонъ Потемкинъ), а потому и представляется ложнымъ; утверждаетъ, что никоніанс поставляютъ на священническія и діаконскія мѣста слишкомъ молодыхъ людей, почти мальчиковъ; разсказываетъ о новгородскомъ попѣ Сысоѣ, назвавшемъ будто

бы Іисуса Христа «воромъ», обвиняетъ вообще православныхъ іерарховъ въ разныхъ хулахъ противъ Спасителя и т. д.

Вторая редакція посланія Іоанну (Мат. VI, стр. 310—312), принадлежащая тоже Өедору, есть простое сокращеніе изложенной первой редакціи, а потому мы не будемъ на ней останавливаться, и обратимся къ третьей редакціи, которая, по нашему мнѣнію, даетъ возможность возстановить процессъ сочиненія расколоучителями отвѣта на посланіе Іоанна. Эта третья редакція, подъ заглавіемъ «Посланіе къ нѣкоему Іоанну», помѣщена г. Субботинымъ въ числѣ сочиненій Аввакума (т. V, стр. 224 — 230) и представляетъ въ значительной своей части почти буквальное сходство съ посланіемъ Өедора: со стр. 224 до 228 строки 5 оно соотвѣтствуетъ стр. 61 — 66 т. VI, на стр. 228 строки 5 — 19 соотвѣтствуютъ т. VI, стр. 72, стрк. 2—17, разсказа о попѣ Сысоѣ, обличенія никоніанскаго нестроенія нѣтъ, но за то конецъ посланія (стр. 228—230), содержащій толкованіе 13 главы Апокалипсиса о пришествіи антихриста въ примѣненіи къ Россіи, совсѣмъ иной, позволяющій видѣть другого автора. Дѣло книжнаго исправленія представляется тутъ слѣдующимъ образомъ: въ 1652 году былъ возведенъ на патріаршій престолъ Никонъ и тотчасъ началъ сообща съ царемъ «казити на Русіи христіянскую вѣру», сперва внесли «триперстную ересь», затѣмъ и «иныя безчисленныя воровскія умыслы творяху ко истребленію православныя вѣры». Такъ шло дѣло до «соборища» 1666 года, царь далъ всю волю Никону, который дѣлалъ, что хотѣлъ, а самъ царь притворялся, «будто и не ево дѣло». Потомъ и «соборище собра царь Алексѣй на подкрѣпленіе тоя бляди, въ лѣта та, яже Богословъ назнаменуетъ: *число бо человѣческое, и число его 666*». Пришелъ антихристъ, его печать—благословеніе именословное и троеперстіе, его рога—Никонъ и царь Алексѣй, который «пишется въ книгахъ рожка круглинки въ космахъ, яко у барашка, добродѣтель знаменуетъ, льстя житіемъ, являяся добрымъ, бодый церковь рогами и уставы ея стирая». Царь былъ помощникомъ злу, и въ самыхъ именахъ патріарха и царя отыскивается символическій смыслъ: «единъ побѣдитель, Никита по алфавиту, или Никонъ, а другой пособитель, Алексѣй». «Еще ли не разумѣеши? спрашиваетъ авторъ, въ которомъ по стилю легко узнать Аввакума, — да слыши: азъ ти дебѣло возглаголю. Царь Алексѣй девять лѣтъ добро жилъ, въ постѣ, и въ молитвѣ, и въ милости. А Никонъ егда на патріаршество вкрался, показуя чело-

вѣкомъ лукаву добродѣтель. Егда же люблевье сотвориша, яко Пилатъ и Иродъ, тогда и Христа распяша: Никонъ побѣждать началъ, а Алексѣй пособлять испоттиха. Тако бысть исперва. Азъ самовидецъ сему. Ей, аминь».

Относительно принадлежности Аввакуму этой редакціи отвѣта на вопросы Іоанна высказано сомнѣніе проф. Н. И. Ивановскимъ. Почтенный знатокъ раскола говоритъ объ этомъ посланіи слѣдующее: «Оно представляетъ лишь сокращенную редакцію посланія Θедора. Имѣющееся мѣсто буквально сходно съ посланіемъ Θедора. Да и Хлудовская рукопись (№ 257), съ которой издано посланіе въ ряду сочиненій Аввакума, озаглавляется такъ: Выписано изъ епистоліи велихъ отцевъ страдальцевъ за истинную соборную и апостольскую церковь изъ пустозерской темницы. Значитъ, во-первыхъ, это только выписка изъ посланія, и во-вторыхъ, не Аввакумомъ именно составленнаго, а нѣсколькими; — въ полной редакціи упоминается прямо діаконъ Θедоръ, какъ его составитель. Наконецъ и слогъ посланія не Аввакумовъ» [3]). Однако съ этимъ замѣчаніемъ мы не можемъ вполнѣ согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) заглавіе сочиненія въ рукописи не всегда можетъ быть неоспоримымъ основаніемъ для опредѣленія автора, а 2) указаніе на слогъ тоже не совсѣмъ точно, такъ какъ въ концѣ посланія, отличающемъ его отъ Θедоровой редакціи, стиль вполнѣ подходитъ къ Аввакумовскому по своей простонародности, энергіи и реализму; наконецъ, и сходство остальныхъ частей посланія съ Θедоровской редакціей только *почти* буквальное, и мѣстами видна переработка, выразившаяся въ перестановкѣ отдѣльныхъ частей посланія. Въ виду этого намъ кажется возможнымъ такое рѣшеніе этого вопроса: расколоучители работали надъ посланіемъ коллективно, послана была въ Москву редакція Θедора, одобренная Аввакумомъ и Авраамiемъ; въ посланіи же, приписываемомъ Аввакуму, находимъ остатокъ собственной его редакціи съ нѣкоторой передѣлкой отвѣта Θедора.

Какъ бы то ни было, во всѣхъ трехъ редакціяхъ отвѣты на главный вопросъ Іоанна по существу вполнѣ между собой сходны: въ нихъ впервые развивается теорія «бѣглопоповства», она высказывается здѣсь довольно опредѣленно для современниковъ-

---

[3]) Ивановскій. Критическій разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ, стр. 58—59.

расколоучителей, хотя вопросъ представляется совсѣмъ не рѣшеннымъ для будущихъ поколѣній раскольниковъ. Изъ этого посланія не видно, что нужно будетъ дѣлать, когда умрутъ попъ дониконовскаго поставленія, принимать ли тогда бѣглыхъ поповъ, или же обходиться безъ священства? Этотъ вопросъ возникъ довольно скоро, и Аввакуму пришлось дать уже новое его рѣшеніе. Отвѣтъ на посланіе Іоанна писанъ, какъ предполагаетъ г. Субботинъ, не ранѣе 1668 или 1669 года и, о немъ упоминаетъ въ своемъ «Житіи» Аввакумъ, говоря: «еще же отъ меня и отъ братіи дьяконово списканіе послано въ Москву правовѣрнымъ гостинцы,—книга: Отвѣтъ православнымъ и обличеніе на отступническую блудню. Писано въ ней правда о догматахъ церковныхъ» [4]). Это указаніе Аввакума относится ко времени, предшествовавшему Пустозерскимъ казнямъ 1670 года, такъ что опредѣленіе г. Субботина можно дополнить въ томъ смыслѣ, что отвѣтъ Іоанну писанъ не позже 1669 года.

Въ слѣдующемъ году Аввакуму пришлось дать отвѣтъ на рядъ новыхъ вопросовъ, присланныхъ ему изъ Москвы (или, какъ онъ ее называетъ, «духовнаго Содома и Египта») отъ священника Стефана [5]) и какого-то неизвѣстнаго лица. Дата посланія къ Стефану опредѣляется показаніемъ Аввакума: «единогласно пѣлъ лѣтъ зъ двадцать»; если принять во вниманіе, что Аввакумъ, слѣдуя примѣру Неронова и Никона, могъ склониться къ единогласію и ранѣе соборнаго постановленія 1651 года, то можно установить, что посланіе къ Стефану писано въ 1670 г.; упоминаніе объ «отцахъ, рѣзаныхъ языкахъ» не противорѣчитъ этому, такъ какъ такой эпитетъ могъ быть данъ Пустозерской братіи и послѣ московскихъ казней. Изъ посланія къ Стефану мы узнаемъ, что въ средѣ московскихъ старообрядцевъ явились такіе люди, которые въ своемъ стремленіи защищать старину доходили даже до отрицанія

---

[4]) Мат. V, стр. 82—83, VI, стр. XVII.

[5]) По всей вѣроятности этотъ Стефанъ то же самое лицо, о которомъ Аввакумъ говоритъ въ посланіяхъ къ Исидору (Мат. VIII, стр. 101) и Сергію (Ibid., стр. 111). Тамъ Стефанъ упоминается вмѣстѣ съ «Козмою», и потому можно, кажется, предположить, что это были тѣ самыя лица, которыя во второй половинѣ 70-хъ годовъ XVII в. поселились въ Стародубьѣ (О нихъ см. изслѣдованіе г. Лилеева. Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ, стр. 133—141). Совершенно ошибочно мнѣніе П. И. Мельникова, который полагалъ, что разбираемое посланіе писано къ Стефану Вонифатьеву (Энцикл. Словарь, 1861 г.).

исправленій, произведенныхъ при патріархѣ Іосифѣ, и вслѣдствіе этого происходило не мало всяческихъ споровъ. Книги, исправленныя при Іосифѣ, сличались съ изданіями патріарховъ Филарета и Іоасафа I, и при этомъ находилось большое несходство, сильно смущавшее «многихъ духовныхъ людей». Подобнаго рода смущеніе Аввакумъ отвергаетъ категорическимъ, хотя и не подкрѣпленнымъ никакими доказательствами, заявленіемъ: «И мы въ нихъ несходства и ереси не разумѣемъ: книги добры іосифовы, я ихъ всѣхъ пріемлю, и чествуя лобызаю». Отрицая Іосифовы книги, сомнѣвающіеся отвергали также и единогласіе, введенное при Іосифѣ. Противъ этого Аввакумъ возражаетъ, уже приводя нѣкоторыя доказательства, ссылаясь на постановленія Стоглаваго собора, на современные этому собору «нарѣчныя ирмосы старобытныя», которые онъ самъ видѣлъ, и на «Бесѣды апостольскія» Іоанна Златоуста; послѣдняя ссылка дѣлается очень неопредѣленно: «ищи ево нравоученіе в Бес. ап., по главамъ найдешь, и егда прочтешъ, тогда и самъ себе постыдишися». Третьимъ вопросомъ, волновавшимъ старообрядческую общину, было сомнѣніе въ дозволенности поклоняться новописаннымъ иконамъ. Относительно этого, ссылаясь на Златоуста, Аввакумъ полагаетъ, что слѣдуетъ поклоняться иконамъ, писаннымъ, хотя бы и еретиками, но правильно, «по подобію»; «аще неправо и съ каракулками, сирѣчь с малаксинымъ благословеніемъ: и ты таковой не поклоняйся, но видя на подписи имя Ісусъ-Христово, не ругай ево, но воздохня пройди мимо, да вселится въ тя сила Христова». Наконецъ, мы узнаемъ изъ этого же посланія, что споры возникали и по вопросу о пришествіи антихриста, такъ какъ находились послѣдователи упомянутаго нами ученія о духовномъ приходѣ антихриста утверждавшіе, что пришествіе Ильи и Еноха и «измѣненіе твари», предсказанныя въ Апокалипсисѣ, слѣдуетъ понимать духовно, притчею. Такое «мудрованіе» Аввакумъ называетъ «враждою на Бога», въ доказательство его ложности ссылается на Ипполита и «многихъ богословцевъ», и предостерегаетъ почему-то свою паству отъ увлеченія «аріевою ересью». Заканчиваетъ Аввакумъ это наставленіе очень энергическимъ заявленіемъ, изъ котораго видно, какъ далеко заходили враждебныя отношенія споривших сторонъ: «Затекаете во многомъ мудрованіи своемъ, и уже другъ друга гнушаетеся, и хлѣба не ядите другъ съ другомъ. Глупцы! отъ гордости, што черви капустныя, всѣ пропадете!»

Съ посланіемъ къ Стефану почти совпадаетъ по своему содержанію посланіе къ какому-то неизвѣстному лицу (Мат. V, стр. 217—223), и это обстоятельство даетъ право предполагать, что оба эти посланія писаны почти одновременно. Разница между этими посланіями только въ нѣкоторыхъ подробностяхъ аргументаціи, которая во второмъ посланіи представляется иногда болѣе разработанной, чѣмъ въ первомъ, а также и въ количествѣ разрѣшенныхъ вопросовъ. Сомнѣніе относительно Іосифовскихъ книгъ разрѣшается Аввакумомъ такъ же категорически и такъ же бездоказательно, какъ и въ посланіи къ Стефану: «Держися книгъ филаретовыхъ и іосифовыхъ: тутъ правость и чистота неблазнена». Въ защиту единогласія снова находимъ ссылку на «Бесѣды апостольскія» Златоуста, на Стоглавый соборъ и на нарѣчные ирмосы, къ которымъ добавленъ «обиходъ», причемъ указано, что эти «писаны при царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ». Ссылка на собственную практику въ защиту единогласія отличается тоже большею подробностью; Аввакумъ вспоминаетъ, какъ пѣли въ старыя времена, и не осуждаетъ знаменнаго пѣнія, при томъ условіи, чтобы «рѣчь была чиста, и права и непорочна» чтобы «не молить Бога сумѣсицею»; главную причину, склонявшую къ многогласію, онъ видитъ въ желаніи «ис церкви скорѣе вытти», и разсказываетъ, какъ пострадалъ при введеніи единогласія: «Меня и самово за то бивали и гоняли безумніи: Долго-де поешъ единогласно! Намъ-де дома недосугъ! Я имъ говорю: Пришелъ ты въ церковь молиться, отверзи отъ себя всяку печаль житейскую, ищи небесныхъ! О человѣче суетне! Невозможно окомъ единымъ глядѣть на землю, а другимъ на небо, такоже сластемъ и страстемъ работати. Такъ меня за тѣ словеса въ церкви бьютъ, да волочатъ, и иные и въ ризахъ не щадятъ. Богъ ихъ бѣдныхъ проститъ!» Что касается вопроса о поклоненіи иконамъ, хотя бы и старописаннымъ, но находящимся въ православномъ домѣ или въ православной церкви, то здѣсь онъ разрѣшается такъ же, какъ и въ посланіи къ Стефану, съ такимъ дополненіемъ, что поклоняться иконамъ «не подобаетъ въ службу никоніанскую». Съ вопросомъ о поклоненіи иконамъ Аввакумъ связываетъ вопросъ о формѣ креста, въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ употреблять крестъ четвероконечный, «Петровъ», и какое значеніе имѣетъ крестъ «Христовъ», трисоставный, осьмиконечный. Эта статья гораздо подробнѣе развита въ позд-

нѣйшемъ сочиненіи Аввакума, въ «Книгѣ на крестоборную ересь», и потому мы будемъ говорить о ней при разсмотрѣніи этого сочиненія. Общимъ пунктомъ въ разбираемомъ посланіи и въ посланіи къ Стефану является также вопросъ о допустимости разныхъ споровъ въ старообрядческой средѣ; въ посланіи къ Стефану Аввакумъ возстаетъ противъ такихъ споровъ, такъ какъ они приводятъ нѣкоторыхъ къ излишнему мудрованію; здѣсь же отношеніе Аввакума къ спорамъ нѣсколько иное, онъ ихъ одобряетъ, говоритъ: «А что противятся другъ другу,—пускай такъ! Тако истинна и правда больши сыскивается!.. Грызитеся гораздо! Я о томъ не зазираю. Токмо праведнѣ и чистою совѣстію розыскивайте истинну!»

Таковы видоизмѣненія прежнихъ отвѣтовъ, находимыя въ разбираемомъ посланіи; изъ новыхъ же отвѣтовъ отмѣтимъ прежде всего правило о постѣ въ субботу и рядъ наставленій о томъ, какъ слѣдуетъ держать себя по отношенію къ православной церкви. Постъ въ субботу отвергается и признается дозволеннымъ только въ великую субботу или въ томъ случаѣ, если кто добровольно налагаетъ на себя сорокадневный постъ. Гораздо важнѣе наставленія второй группы. Тутъ Аввакумъ указываетъ для своихъ послѣдователей два пути, повидимому, не совсѣмъ одинаковые: съ одной стороны онъ отрицаетъ возможность общенія съ никоніанами, а съ другой—одобряетъ тайное послѣдованіе старой вѣрѣ. О тѣхъ людяхъ, которые «въ никоніанскіе храмы не ходятъ, и съ ними не соединяются, и не молятся», Аввакумъ отзывается, что они «добрѣ творятъ», такъ какъ «не подобаетъ благочестивому съ нечестивымъ соединятися»; если же кто неволей придетъ въ никоніанскую церковь, то онъ долженъ «творить во время ихъ пѣнія молитву Іисусову» и послѣ того просить у вѣрныхъ прощенія; тотъ же, кто причастился съ никоніанами, отлучается отъ общенія съ вѣрными на полгода, и такому же наказанію подвергается, «кто въ мученіи отвержется православныя вѣры, изнемогая»; подлежитъ покаянію даже и такой человѣкъ, который «перекрестится тремя персты, глумяся». Но, указавъ эти правила, Аввакумъ вспоминаетъ, что не всѣ одинаково могутъ «явно воинствовати Христу и послѣдовати по немъ», и такимъ слабымъ людямъ онъ находитъ извиненіе въ примѣрѣ тайнаго Христова ученика, Никодима. «Тако и вамъ нынѣ, говоритъ онъ, подобаетъ, належа-

щаго ради страха, аще плотски и соединяться съ никоніяны, но внутрь горѣніемъ горѣть о истинѣ Христовѣ, ея же ради отцы и братія наша стражють и умираютъ».

Въ Хлудовскомъ (№ 257) спискѣ этого посланія, а также въ спискѣ Казанской духовной академіи, № 1989, имѣется слѣдующая вставка, являющаяся очень важнымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнному выше посланію къ нѣкоему Іоанну: «А иже въ православныхъ церквахъ гдѣ пѣніе безъ примѣса внутрь олтаря и на крилосахъ (а попъ новопоставленъ [6]), о семъ посудить. Аще онъ попъ проклинаетъ никоніянъ и службу ихъ, и всею крѣпостію любитъ старину: по нуждѣ настоящаго времени, да будетъ попъ. Какъ же міру быть бес поповъ? Къ тѣмъ церквамъ приходить. Будетъ же попъ и старой поставленъ, а блудитъ хотя мало нѣчто: бѣжать отъ него подобаетъ». Рѣшеніе вопроса о священствѣ, данное въ посланіи къ Іоанну, представляло, какъ мы говорили, то неудобство, что имѣло характеръ временный, могло дѣйствовать только, покуда оставались въ живыхъ священники дониконовскаго ставленія; теперь это затрудненіе устранялось допущеніемъ пріема приходящихъ къ раскольникамъ новопоставленныхъ поповъ, а стало это возможнымъ, благодаря новому принципу, въ силу котораго законность священства опредѣлялась не рукоположеніемъ отъ православнаго епископа, но исключительно истиннымъ исповѣданіемъ вѣры.

Этотъ-то новый принципъ еще подробнѣе развивается въ посланіи Аввакума къ неизвѣстнымъ лицамъ, носящемъ заглавіе «Аввакума отца разсужденіе» [7]). Въ этомъ посланіи на вопросъ, слѣдуетъ-ли вновь при переходѣ въ расколъ совершать крещеніе и вѣнчаніе надъ лицами, крещенными и вѣнчанными въ православной церкви, Аввакумъ отвѣчаетъ, что крещеніе не должно повторяться, если первоначально оно было совершено погруженіемъ съ отрицаніемъ отъ сатаны, но слѣдуетъ при этомъ «токмо молитвы, и октеньи, и символъ дѣйствовать снова, и масломъ прежесвященнымъ помазати, и водою святою покропить, и обведше по уставу кругъ купѣли, цѣловать святыя

---

[6]) Отмѣченное скобками имѣется только въ казанскомъ спискѣ.

[7]) Издано нами въ Хр. Чтеніи 1888 г. т. I, стр. 735—736; теперь перепечатывается въ приложеніи.

иконы, причастить святыхъ тайнъ»; относительно вѣнчанія говорится, что вѣнцовъ вновь возлагать не требуется, но «святіи молитвы пѣвше, кругомъ въ посолонь водити подобаетъ». Разрѣшивъ этотъ вопросъ, Аввакумъ говоритъ о священствѣ, повторяя ту же мысль, которая высказана въ разсмотрѣнномъ «посланіи къ неизвѣстнымъ»: поповъ-новиковъ, если они «крѣпкіе ревнители», можно принимать, не допуская ихъ до совершенія евхаристіи, но «егда новикъ оплачетъ себя стонавше, призоветъ духовное дѣйство и въ комканіи, проклявше еретическое дѣйство». Предвидя, что такое рѣшеніе вопроса, какъ не мотивированное никакими каноническими правилами, можетъ вызвать возраженія со стороны его паствы, Аввакумъ спѣшитъ оправдаться слѣдующимъ соображеніемъ: «понеже сіе время ис правилъ вышло: пуще мучителей еретическіе коби; святіи отцы правила узаконоположиша на тихое время, идѣже самовластіе бываетъ; а егда гонима церковь, по нуждѣ всяко бываетъ». Признаніе возможности священнодѣйствовать безъ рукоположенія отъ православнаго епископа есть уже первый шагъ по пути къ безпоповщинѣ, и уже въ этомъ «разсужденіи» Аввакумъ вполнѣ логически отъ прежняго заявленія, что міру нельзя быть безъ поповъ, приходитъ къ допущенію совершенія церковныхъ требъ и таинствъ безъ священника. «И дѣти, говоритъ онъ, «играюще на камени, пѣвше литургію, и бысть жертва. Кольми жъ въ неимущее время плачющему послетъ Богъ Духа Святаго освятити дары, или въ крещеніи и въ вѣнчаніи, или ино что отъ таковыхъ. И простолюдинъ плачюще призоветъ Духа Святаго, и будетъ ему, аще речетъ: всякъ бо просяй пріиметъ и ищай обрящетъ,—самъ рече Владыка. Нынѣ еще перебиваемся коекакъ, а тогда (т. е. при антихристѣ) нужно будетъ не токмо церкви, но и книгъ православныхъ; но и пошевелить губами нельзя, развѣ сердцемъ держатися Бога».

Помимо установленія теоріи безпоповства, разсмотрѣнныя сочиненія Аввакума представляютъ значительный интересъ, такъ какъ ими опредѣляется уже въ первое время Пустозерской ссылки Аввакума и братіи, отношеніе раскольниковъ и къ духовнымъ лицамъ и вообще ко всѣмъ переходящимъ въ расколъ изъ православной церкви. Весьма возможно, что въ это же время Аввакумомъ было написано и то сочиненіе, которое въ рукописи называется «Письмо увѣщательное отступившему отъ право-

славіе и обратившуся и ищуща покаянія», а г. Субботинымъ издано подъ заглавіемъ «Посланіе утѣшительное къ неизвѣстному, сѣтовавшему о временномъ уклоненіи изъ раскола»[8]). Это сочиненіе, по нашему мнѣнію, особенно характерно потому, что оно обращено не къ какому-либо опредѣленному лицу, а судя по выраженію «имя-рекъ», повторяющемуся два раза, есть нѣчто въ родѣ общей формулы для пріема переходящихъ въ расколъ; имѣя же въ виду, что неизвѣстный называется «отцомъ», можно предполагать, что формула эта предназначена для пріема лица духовнаго; упоминаніе о «маломъ писаніицѣ», въ которомъ обращающійся приносилъ покаяніе, наводитъ на мысль, что въ этомъ случаѣ должна была примѣняться приктика присоединенія къ церкви по третьему чину, т.-е. черезъ одно покаяніе, которое требовалось не только устное, но и письменное[9]).

Одновременно съ разсмотрѣнными сочиненіями Аввакумъ послалъ еще нѣсколько наставленій своимъ послѣдователямъ: изъ такихъ наставленій намъ извѣстны посланіе къ боярынѣ Морозовой и посланіе къ инокинямъ Меланіи и Анисіи съ сестрами. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій Аввакумъ усиленно рекомендуетъ своей знатной ученицѣ не забывать ночной молитвы, къ которой, какъ мы знаемъ, самъ онъ пріученъ былъ уже съ дѣтства. Въ началѣ посланія онъ довольно строго укоряетъ боярыню за привычку «медокъ попивать». «Намъ, говоритъ онъ, иногда случается и воды въ честь, да живемъ же. Али ты насъ тѣмъ лутчи, что боярыня? Да единако намъ Богъ распростре небо, еще же луна и солнце всѣмъ сіяетъ равно, такожде земля и воды и вся прозябающая по повелѣнію владычню служатъ тебѣ не больши и мнѣ не меньши. А честь прелетаетъ. Единъ честенъ,—тотъ, кто ночью встаетъ на молитву, да медокъ перестанетъ, въ квасъ примѣшивая, пить. Еще ли, государыня, бранится?» Но дальше тонъ посланія смягчается и, преподавъ боярынѣ совѣтъ относительно ночной молитвы, Аввакумъ проситъ ее помолиться и за самого себя съ семьей: «и меня грѣш-

---

[8]) Г. Смирновъ полагаетъ назвать это сочиненіе: «письмо привѣтственное ищущему покаянія послѣ временнаго уклоненія изъ раскола», но намъ кажется, что такое измѣненіе заглавія совсѣмъ не существенно.

[9]) Еп. Сергій. О правилахъ и чинопослѣдованіяхъ принятія неправославныхъ христіанъ въ православную церковь, стр. 190—198.

наго помяни тутъ, надежда моя, къ Богу, и жену мою и дѣти мои». Въ концѣ посланія Аввакумъ уговариваетъ боярыню блюстись «льстецовъ, чернцовъ, и поповъ, и черницъ», чтобы они не развратили ея душу, и проситъ не забывать «живого мертвеца», называя такъ самого себя; совѣтъ остерегаться льстецовъ объясняется, вѣроятно, слухами, дошедшими до Аввакума, о попыткахъ правительства склонить Морозову къ покорности церкви.

Посланіе къ Меланіи и Анисіи съ сестрами любопытно въ томъ отношеніи, что характеризуетъ намъ нестроеніе, отсутствіе дисциплины въ раскольнической общинѣ. Главою кружка монахинь, къ которымъ обращается Аввакумъ, была «блаженная и треблаженная мать Меланія», имѣвшая такое сильное вліяніе на боярыню Морозову: но рядомъ съ Меланіей стояла Анисья, происходившая изъ какого-то боярскаго рода и почему-то называемая вь посланіи Аввакума «игуменьей». Этотъ ли духовный титулъ или боярское происхожденіе были въ данномъ случаѣ причиной, но Анисья неохотно подчинялась главенству Меланіи, вслѣдствіе чего въ обществѣ монахинь происходили раздоры, очень огорчавшіе Аввакума, который поэтому даетъ Анисіи рядъ наставленій: прежде всего онъ научаетъ ее смиренію и послушанію, указывая на примѣръ св. Евпраксіи, отличавшейся образцовымъ исполненіемъ иноческаго обѣта, несмотря на происхожденіе отъ царскагó «племени»; слѣдуя этому примѣру, Анисья должна забыть о своемъ боярствѣ, быть слугою другихъ монахинь и безпрекословно подчиняться Меланіи: «Мели рожь въ жерновахъ, да на сестеръ хлѣбы пеки (по примѣру св. Евпраксіи); или в пекарни шти вари, да сестрамъ разноси; или куда великая пошлетъ, благословеніе принявъ, съ усердіемъ бѣги, не яко человѣку, но яко Богу работающе. А бѣжючи молитву Іусусову говори. Не моги на началницу воздохнуть, аще ти и не силу труды». Непослушаніе Анисіи проявлялось, повидимому, въ нежеланіи отречься отъ нѣкоторыхъ мірскихъ удобствъ, къ которымъ она ранѣе привыкла по своему положенію; этимъ, вѣроятно, и объясняются увѣщанія Аввакума «откинуть тѣлесныя попеченія», «не любить паче Бога злата и сребра», «не желать красныхъ и пестрыхъ ризъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Аввакумъ наставляетъ Анисію, какъ ей слѣдуетъ относиться къ низшимъ: «Надъ всѣмъ всѣхъ любовью окриляй, мняся, яко извергъ отъ всѣхъ.

Повелѣвай, въ словесѣхъ не взимаяся, но понича долу слово рцы, смиренно, и гладко, и низко ко всѣмъ. Понеже еси мертвецъ: землю зри, яко отъ земли еси и в землю пойдеши». Заключая свои наставленія, Аввакумъ смиренно говоритъ о собственномъ своемъ недостоинствѣ. однако, заявляетъ: «лутчи говорить и совѣтовать о добрѣ. Умру: тогда перестану говорить». Есть, наконецъ, въ посланіи замѣтка чисто личнаго характера, рисующая отношеніе къ Аввакуму его паствы: «Малины еще пришлите ко мнѣ, Господа ради. Спаси Богъ за патрахиль и за вся благая ваша ко мнѣ».

Это посланіе, къ которому «приписалъ благословеніе» инокъ Епифаній, было писано, по словамъ Аввакума, осенью, а раньше отправлено было другое «весною: невѣдомо дошло, невѣдомо нѣтъ»; если это первое посланіе не пропало, то, можетъ быть, имъ слѣдуетъ признать изданное нами посланіе безъименное къ неизвѣстнымъ черницамъ [10]). По содержанію оно подходитъ къ разобранному посланію къ Меланіи и Анисіи. Здѣсь высказывается мысль о необходимости безпрекословнаго послушанія: «прежде же избери себѣ наставницу руководства небеснаго неблазненну, и егда подклониши главу свою, не моги таити отъ нея дѣлъ своихъ и помышленій; аще заповѣсть ти что и во мнящихся злыхъ тобою, должна еси послушати, развѣ ереси и блуда, и піянства вина нерастворennaго. Сего не подобаетъ послушати, а аще мясо велитъ, искушая тя, ясти, яждь; аще и спать велитъ, спи; аще и біетъ тя, терпи; аще и не кормитъ, терпи; аще и злословитъ, молчи; послала, побѣги; не велѣла, возвратись; дала что, пріими; отняла, поклонись». Въ примѣръ послушанія Аввакумъ приводитъ повѣсть «во Отечницѣ» о дьяконѣ Лаврентіи.

Разсматривая посланіе къ нѣкоему Іоанну, мы уже указали, что былъ поставленъ вопросъ о православіи царя, и на него былъ данъ отвѣтъ, что царь нечестивъ; но отвѣтъ этотъ держался пока въ тайнѣ, былъ извѣстенъ только въ своемъ кругу, такъ какъ расколоучители еще колебались открыто заявить себя противниками царя, сохраняя еще намѣреніе и, хотя бы слабую, надежду склонить царя на свою сторону. Вскорѣ послѣ своего поселенія въ Пустозерскѣ они попытались въ послѣдній разъ

---

[10]) Хр. Чтеніе, 1888 г. т. I, стр. 740—741, а также ниже, въ «Приложеніяхъ».

обратиться къ царю съ убѣжденіемъ возстановить старое благочестіе. Священникъ Лазарь еще въ февралѣ 1668 года, т. е. незадолго до отвѣта Іоанну, написалъ два обширныхъ посланія къ царю и къ патріарху Іоасафу II. Царя Лазарь называетъ благочестивымъ и напоминаетъ ему объ его обязанности «избрати догматы отеческія, а лесныя отринути», угрожая ему даже загробнымъ наказаніемъ за попущеніе церковнаго раздора: «сего ради не полезно будетъ ти на страшномъ судѣ Сына Божія, яко, вѣрну ти сущу, отеческія книги и все преданіе ихъ прелагати попустилъ еси». Оставаясь православнымъ, царь слишкомъ довѣряется духовнымъ властямъ, которыя его обманываютъ, возбуждаютъ его гнѣвъ противъ правовѣрныхъ христіанъ, увѣряя, будто у расколоучителей почти нѣтъ сторонниковъ, тогда какъ «въ Великой Русіи есть и сто тысящь готовыхъ умрети за законы отеческія»; власти клевещутъ на защитниковъ стараго благочестія и извращаютъ ихъ доводы въ пользу старой вѣры: «въ новыхъ же книгахъ Жезлахъ мои слова напечатаны не противъ моего письма, а многихъ и нѣтъ, кои нужны».

Благодаря такимъ навѣтамъ, расколоучители подверглись тяжкимъ преслѣдованіямъ. При этомъ Лазарь описываетъ притѣсненія, которымъ онъ и его товарищи подвергаются въ ссылкѣ: «и того ради мучимы есмы всяко и казними, въ тѣсныхъ темницахъ затворены, а хлѣба даютъ намъ по полутора фунта на сутки, да квасу нужнова,—ей, ей, и псомъ больши сего метаютъ!—а соли не даютъ, а одежишка нѣтъ же, ходимъ срамно и наго». За подобныя гоненія людей, держащихъ «святыя книги и законъ прародителей», царю предстоитъ дать отвѣтъ въ будущей жизни: «и о семъ будутъ судитися съ тобою прародители твои, и прежнія цари и патріархи, кои тѣ книги управили, къ симъ же святіи отцы, кои тѣ книги держали и тѣми спасени быша, нетлѣніемъ тѣлесъ и чудесы прославишася».

Въ доказательство своей правоты Лазарь передаетъ царю о двухъ чудесныхъ явленіяхъ ему Иліи Пророка: въ первый разъ пророкъ сказалъ Лазарю, заключенному въ темницѣ во время Московскаго собора 1666—1667 гг.: «Лазаре, азъ есмь съ тобою, не бойся», и тогда спали съ Лазаря оковы; во второй же разъ Лазарь видѣлъ себя въ свѣтломъ іерейскомъ облаченіи и «на главѣ голубь златъ сидящь, крылама возбивая и трепеща», а вокругъ него стояли многія власти русскія,—«и прихождаше ко

мнѣ мужъ свѣтелъ старъ, егоже познавахъ быти святаго пророка Илію Фезвитянина, и глаголаше ми, повелѣвая стояти въ законахъ отеческихъ несумнѣнно и обличати измѣняющихъ законъ, и милость Божію сказуетъ ми быти». Чтобы разрѣшить споръ свой съ православными іерархами, Лазарь проситъ царя дать ему съ ними очную ставку и даже выражаетъ готовность подвергнуться испытанію судомъ Божіимъ. «Повели, государь, говоритъ онъ, дать мнѣ очную ставку со властми и съ новолюбными книжники, кто изъ нихъ похочетъ, въ тѣхъ ихъ вышеписанныхъ богохулныхъ ересяхъ, передъ кѣмъ ты, государь, очныя ставки, да повелитъ твоя божественная царская власть итти намъ на общую правду, на Божію судьбу, предо всѣмъ царствомъ самовластно взыти на огнь во извѣщеніе истины, и да явленно будетъ благочестіе отецъ твоихъ, и отымется всякое сомнѣніе отъ душа благочестивыхъ и соединится святая церковь и единогласно да славится Всесвятый Духъ» [11]).

Посланіе Лазаря къ патріарху Іоасафу представляетъ собой сокращеніе его посланія къ царю, хотя съ другой стороны мы въ немъ находимъ нѣкоторыя новыя подробности. Замѣчательно, что, обращаясь къ патріарху, Лазарь почему-то считаетъ его своимъ сторонникомъ, называетъ «пастыремъ православнымъ, избраннымъ Богомъ, который вручилъ ему престолъ великій святыя церкви, дабы правити слово истинны»; напоминаетъ ему, что «надо всяку неправду обличати, не стыдитися лицъ сильныхъ». Все зло приписывается Никону, а потому его преемникъ можетъ исправить его новшества. «Аще изриновенъ нечистый звѣрь, иже во овчей кожи: подобаетъ ти, пастырю, и слѣдовы ногъ его загладити, дабы съ праваго пути малоумныя наша братія и прочее христіанское множество на нечестивыя оны слѣды не совращалися, и вослѣдъ въ истиннаго пастыря исходили». Однако, высказывая нѣкоторую надежду на патріарха, Лазарь не можетъ не обратиться къ нему съ укоромъ по поводу недавняго строгаго распоряженія его относительно пустозерскихъ ссыльныхъ. «А ты, пастырю, говоритъ онъ, вмѣсто попеченія и промысла прислалъ свою грамоту въ пустозерскій острогъ, а въ грамотѣ указалъ: только мы новыхъ книгъ и законовъ не пріимемъ, и за то къ намъ отцемъ духовнымъ не приходить, и не

---

[11]) Мат. т. IV, стр. 226, 233, 235—6, 241, 249, 259, 263, 264—5.

исповѣдать насъ, ни причащать и умершихъ тѣлесъ нашихъ не погребать, но повергать псомъ и звѣремъ въ снѣдь и птицамъ на растерзаніе» [12]).

Черезъ годъ послѣ Лазаря обратился съ посланіемъ къ царю и Аввакумъ. Въ надписаніи [13]) Хлудовскаго списка (№ 258), по которому издано посланіе г. Субботинымъ, сказано, что оно отправлено къ царю съ сотникомъ въ 178 или 1669—70 году, но въ самомъ посланіи Аввакумъ, разсказывая объ одномъ чудесномъ видѣніи, выражается такъ: «нынѣшняго 177 году, въ великій постъ на первой недѣли», — слѣдовательно написано было посланіе уже въ 1669 году, съ небольшимъ черезъ годъ послѣ Лазаревыхъ посланій. Какъ видно уже изъ самаго начала, это сочиненіе Аввакума имѣетъ совсѣмъ уже другой характеръ, чѣмъ челобитная Лазаря. «Царь государь и великій князь Алексѣй Михайловичъ!» обращается Аввакумъ. «Многажды писахомъ тебѣ прежде и молихомъ тя, да примиришися къ Богу и умилишися въ раздѣленіи твоемъ отъ церковнаго тѣла, и нынѣ послѣднее тебѣ плачевное моленіе приношу ис темницы, яко изъ гроба, тебѣ глаголю азъ, грѣшный протопопъ Аввакумъ: помилуй единородную душу свою и вниди паки въ первое свое благочестіе, въ немже ты порожденъ еси, с прежде бывшими тебе благочестивыми цари, родителями своими и с прародители, и с нами,

---

[12]) Ibid. стр. 266—284.

[13]) Вотъ эта надпись: «Сицево посланіе послано къ царю отъ протопопа Аввакума съ сотникомъ 178 года ис Пустозерскія темницы». Рѣшительно не понимаетъ, изъ какихъ словъ этой надписи г. Смирновъ могъ получить слѣдующій выводъ: «надпись посланія, судя по ея характеру, говоритъ даже о томъ, что она сдѣлана уже *въ Москвѣ*, т. е. по полученіи здѣсь посланія осенью 1669 г.». Почему надпись не могла быть сдѣлана нигдѣ кромѣ Москвы? Почему посланіе было получено въ Москвѣ осенью 1669 г.? Почему, хотя намъ и «не безызвѣстно» (какъ основательно предполагаетъ г. Смирновъ), что 178 годъ начинался съ 1 сентября, слѣдуетъ предполагать, что посланіе отправлено, а. главное, получено въ Москвѣ въ 1669 г.? Наконецъ почему г. Смирновъ, придающій такое важное значеніе *«характеру»* надписи, не обратилъ вниманія на то, что она была сдѣлана не на оригиналѣ посланія, а на его копіи? Вѣдь на оригиналѣ, вѣроятно, вмѣсто краткаго выраженія «къ царю» былъ бы титулъ царя и его имя, Аввакумъ не былъ бы названъ протопопомъ, не было бы выраженія «Пустозерскія темницы», и вмѣсто, сицево посланіе» было бы сказано «сіе посланіе». Въ виду всего этого наша дата 1670, согласная съ датой г. Субботина (Мат. т. V, стр. XXVI), не можетъ быть вполнѣ отвергаема, и мы дѣлаемъ уступку г. Смирнову, принимая дату 1669—1670.

богомольцы своими, во единой святой купели ты освященъ еси, единыя же Сіонскія церкви святымъ сосецъ ея нелестнымъ млекомъ воспитѣнъ еси съ нами, сирѣчь единой православной вѣрѣ и здравымъ догматамъ съ нами отъ юности наученъ еси. Почто по духу братію свою тако оскорбляеши?»

Аввакумъ старается снять съ себя и своихъ собратій обвиненіе въ расколѣ и даже въ ереси, которое противъ нихъ выставлялось православными полемистами; въ подобныхъ несправедливыхъ укорахъ виноватъ самъ царь: «Ты, самодержче, судъ подымеши о сихъ всѣхъ, иже таково дерзновеніе имъ подавый на ны... Воистину, царь-государь, глаголемъ ти: смѣло дерзаете, но не на ползу себѣ. Кто бы смѣлъ рещи таковыя хулныя глаголы на святыхъ, аще бы не твоя держава попустила тому быти?» Въ противовѣсъ такому обвиненію въ расколѣ, является у Аввакума извѣстное, общее всѣмъ раскольникамъ, унаслѣдованное отъ древнихъ временъ, опроверженіе необходимости исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ: если мы раскольники и еретики, то таковы и всѣ святые отцы наши, всѣ прежніе цари и патріархи. Повидимому, Аввакумъ не возстаетъ противъ самаго принципа исправленія, если въ книгахъ дѣйствительно есть погрѣшности; онъ говоритъ: «Аще во православіи нашемъ, отеческихъ святыхъ книгахъ и догматѣхъ ихъ, хотя едина ересь и хула на Христа Бога обрящется и церковь его: то рады мы за нихъ прощатися предъ всѣми православными, паче же за то, аще мы отъ себе что внесохомъ соблазновъ въ церковь или расколы». Но такихъ погрѣшностей въ старыхъ книгахъ найти невозможно: «вся бо церковная права суть разумѣвающимъ истину и здрава обрѣтающимъ разумъ по Христѣ Іисусѣ, а не по стихіямъ сего міра, за нюже мы страждемъ и умираемъ и крови своя проливаемъ». Отвергнувъ такимъ образомъ мысль о неисправности старыхъ книгъ, Аввакумъ выставляетъ и принципіальное возраженіе противъ Никоновой реформы, возраженіе, связанное съ распространившимися вѣрованіями въ скорое наступленіе антихристова царства и высказывавшееся нѣкоторыми расколоучителями уже раньше: «Испытай, царь христіанскій, писаніе и виждь, яко въ послѣдняя времена исправленія вѣры и обрѣтенія истины нигдѣ же нѣсть и не будетъ, но вездѣ писано есть: въ послѣдняя времена отступятъ вѣры, а не исправятъ ю, и исказятъ писанія и превратятъ, и внесутъ ереси погибельныя

и многихъ прелстятъ». Затѣмъ Аввакумъ рѣшительно повторяетъ мысль о паденіи царя, такъ какъ онъ покровительствуетъ «искривленію Никона богоотмѣтника и еретика». «Умеръ еси по души его ученіемъ, а не воскресъ», говоритъ онъ царю и требуетъ новаго разбора дѣла, хотя уже не въ формѣ очной ставки съ противниками, какъ того желалъ Лазарь: «Аще правдою спросишь, и мы скажемъ ти о томъ ясно, и усты къ устамъ, съ очей на очи возвѣстимъ ти велегласно. Аще ли же ни, то пустимъ до Христова суда. Тамъ будетъ тебѣ тошно; да тогда не пособишь себѣ ни мало. Здѣсь ты намъ праведнаго суда съ отступниками не далъ: и ты тамо отвѣщати будеши всѣмъ намъ». Загробными казнями грозитъ Аввакумъ и православнымъ іерархамъ, которые льстятъ царю, и даже отказывается отъ всякой попытки убѣдить ихъ: «нѣсть бо уже намъ къ нимъ ни едино слово». Одна надежда остается на царя, но и она слаба: «Все въ тебѣ, царю, дѣло затворися, и о тебѣ единомъ стоитъ. Жаль намъ твоея царскія души и всего дому твоего, зѣло болѣзнуемъ о тебѣ; да пособить не можемъ: понеже самъ ты пользы ко спасенію своему не хощеши».

Упомянувъ затѣмъ о неправославіи грековъ, на основаніи свидѣтельствъ Арсенія Суханова и «Повѣсти о бѣломъ клобукѣ», Аввакумъ касается распоряженія правительства не погребать раскольниковъ и «лишать ихъ исповѣди и святыхъ таинъ» и такъ же, какъ и Лазарь, утверждаетъ, что за такія притѣсненія предстоитъ раскольникамъ еще большая награда отъ Бога, что этимъ они уподобляются святымъ мученикамъ, такъ что въ сущности царь «со властьми своими добро такъ придумалъ». «Елико ты насъ оскорбляеши болши, и мучишь, и томишь: толико мы тебя больше любимъ, царя, и Бога молимъ до смерти твоей и своей о тебѣ и всѣхъ клянущихъ насъ: спаси, Господи, и обрати по истинѣ своей! Аще же не обратитеся, то вси погибнете вѣчно, а не временно».

Послѣ такого замѣчанія Аввакумъ опять естественно переходитъ къ вопросу о православіи царя и въ подтвержденіе своего отрицательнаго взгляда ссылается на слѣдующее чудесное видѣніе: «Нѣкогда мнѣ молящуся о тебѣ з горкими слезами, отъ вечера и до полунощи зѣло стужающу Божеству, да же бы тебѣ исцѣлитися душею своею и живу быти предъ нимъ, и отъ труда своего азъ многогрѣшный падохъ на лицы своемъ, плакахся

и рыдахъ горько, и отъ туги великія забыхся, лежахъ на земли, и видѣхъ тя предъ собою стояща, или ангела твоего, умиленна, подпершися подъ лице правою рукою. Азъ же возрадовахся, и начахъ тя лобызати и обымати со умиленными глаголы. И видѣхъ на брюхѣ твоемъ язву зѣло велику, исполнену гноя многа и убоявся вострепетахъ душею своею, и положихъ взнакъ на войлокъ свой, на немже молитвы и поклоны творю, и начавъ язву на брюхѣ твоемъ слезами моими покропляти, а руками сводити: и бысть цѣло брюхо и здраво, яко николиже болѣ. Душа же моя возрадовася о Господѣ и о здравіи твоемъ зѣло. И паки поворотихъ тя вверхъ спиною твоею, и видѣхъ спину твою згнившу паче брюха, и язва больши первыя явися. Мнѣ же тако плакавшуся, рукама своима сводящу язву твою спинную, и мало посошлася, и не вся исцѣлѣ. И очутихся отъ видѣнія того, не исцѣлихъ тя всего здрава до конца». Изъ этого видѣнія дѣлается такой выводъ: «нѣтъ, государь, болше покинуть о тебѣ плакать: вижу, не исцѣлить тебя», т. е. надежды на исправленіе царя уже нѣтъ, она свыше признана неосуществимой.

Заговоривши о чудесныхъ явленіяхъ, Аввакумъ разсказываетъ царю еще о двухъ своихъ видѣніяхъ: одно было во время заключенія Аввакума въ Угрѣшскомъ монастырѣ, и мы о немъ уже упоминали по поводу дѣла о сыновьяхъ Аввакума; другое — было въ Пустозерскѣ и представляется характернымъ, какъ по обстоятельствамъ, его сопровождавшимъ, такъ и по своему содержанію. Начиная съ понедѣльника первой недѣли великаго поста 1669 г., Аввакумъ ничего не ѣлъ въ теченіе 4 дней, а въ пятницу «прежде часовъ (говоритъ онъ) начахъ келейное правило, псалмы Давыдовы пѣти, и пріиде на мя озноба зѣло люта и на печи зубы мои разбило з дрожи. Мнѣ же лежащу на печи, умомъ моимъ глаголющу псалмы, понеже отъ Бога дана Псалтырь изустъ глаголати мнѣ». Несмотря на сильное изнуреніе, строгій постъ продолжался еще нѣсколько дней, и «отъ дрожи тоя нападе на мя мытъ, и толико изнемогъ, яко отчаявшумися и жизни сея, уже всѣхъ дней десять не ядшу ми и болши». Наконецъ, въ ночь на пятницу второй недѣли Аввакуму представилось слѣдующее видѣніе: «Божіимъ благоволеніемъ распространися языкъ мой и бысть великъ зѣло, потомъ и зубы быша велики, а се и руки и ноги быша велики, потомъ весь широкъ и пространенъ подъ небесемъ и по всей земли распространился;

а потомъ Богъ вмѣстилъ въ меня небо, и землю и всю тварь. Мнѣ же молитвы непрестанно творящу и лѣствицу перебирающу въ то время. И потомъ воставшу ми отъ одра легко, и поклонихся до земли Господеви». Этотъ разсказъ очень ярко характеризуетъ душевное состоянiе Аввакума, и мы видимъ, что, кромѣ изнуренiя вслѣдствiе продолжительнаго поста, подобныя видѣнiя имѣли и чисто идейную подкладку: удрученный всевозможными бѣдствiями, не разсчитывая на какое-либо снисхожденiе со стороны властей, протопопъ ищетъ утѣшенiя въ иллюзiяхъ, въ мысли о будущей своей силѣ, начинаетъ смотрѣть на себя, какъ на какого-то избранника Божiя, которому подвластны и небо, и земля. По крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ толкуетъ онъ самъ свое видѣнiе: «Видиши ли, самодержавне?—обращается онъ къ царю,—ты владѣеши, на свободѣ живучи, одною русскою землею; а мнѣ Сынъ Божiй (покорилъ) за темничное сѣденiе небо и землю. Ты отъ здѣшняго своего царства въ вѣчной свой домъ пошедши, только возмешъ гробъ и саванъ; азъ же присужденiемъ вашимъ не сподоблюся савана и гроба, но наги кости мои псами и птицами растерзаны будутъ и по землѣ влачимы. Такъ добро и любезно мнѣ на земли лежати, и свѣтомъ одѣяну и небомъ покрыту быть. Небо мое и земля моя, свѣтъ мой и вся тварь,—Богъ мнѣ далъ, якоже выше сего рекохъ». Эта мысль о своемъ избранничествѣ въ награду за страданiя и стойкость въ вѣрѣ проявляется во многихъ сочиненiяхъ Аввакума, и даже его автобiографiя, какъ увидимъ далѣе, должна отчасти служить подтвержденiемъ той же идеи.

Однако и эта идея, и самый фактъ чудеснаго видѣнiя могли подвергнуться критикѣ со стороны враждебныхъ никонiанъ и, какъ бы предупреждая подобный скептицизмъ, Аввакумъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что ему «не первому показано сице», и ссылается на Палею, въ которой разсказывается, какъ «ангелъ великiй Алтезъ древле восхитилъ Авраама выспрь, сирѣчъ на высоту къ Богу, и показа ему отъ вѣка сотворенная вся Богу тако изволшу». Эта ссылка имѣетъ въ виду извѣстное апокрифическое «Откровенiе Авраама» [13]), но въ этомъ памятникѣ мы напрасно стали бы искать литературный источникъ видѣнiя Аввакума: вознесенiе Авраама на седьмое небо и открытiе ему небес-

[13]) Тихонравовъ. Пам. отреч. литер. т. I, стр. 54—77.

ныхъ тайнъ только по общему своему символическому смыслу соотвѣтствуетъ Аввакумову видѣнію, по фактическому же содержанію и по всѣмъ подробностямъ оба эпизода не представляютъ ничего сходнаго. Боязнь никоніанской критики проявляется въ разбираемомъ посланіи и въ томъ, что Аввакумъ проситъ царя ничего не говорить никоніанамъ объ извѣстномъ уже намъ видѣніи въ Угрѣшскомъ монастырѣ, «да не поругаютъ Христа Іісуса Сына Божія и Бога. Глупы вѣть они дураки, блюютъ и на самого Бога нечестивыя глаголы».

Заключая свое посланіе, Аввакумъ еще разъ пытается обратиться къ царю съ увѣщаніемъ, хотя и въ очень слабой формѣ: «посемъ, говоритъ онъ, миръ ти и паки благословеніе, аще снабдиши, о немже молю твою царскую душу; аще ли же ни, буди воля твоя, якоже хощеши. Не хотѣлося было мнѣ въ тебѣ некрѣпкодушія того: вѣть то всячески всяко будемъ вмѣстѣ, — не нынѣ, ино тамо увидимся».

Конечно, подобное посланіе, заканчивавшееся къ тому же условной формой благословенія, не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія на царя; вѣроятно, таково же было впечатлѣніе и отъ другого «невеликаго посланія» Аввакума, которое до насъ не дошло [14]), и столь же отрицательно должны были подѣйствовать на патріарха и высшее духовенство посланія Лазаря: во всѣхъ такихъ челобитьяхъ обнаруживалось, что расколоучители и не думаютъ уняться въ своихъ нападеніяхъ на православную церковь; вмѣстѣ съ тѣмъ могли возбуждать опасенія и тѣ слухи о чудесномъ исцѣленіи языковъ у Лазаря и Епифанія, которые доносились изъ Пустозерска. Какъ видно изъ показаній «Житія» Аввакума, казнь, къ которой были присуждены расколоучители, въ Москвѣ была исполнена не совсѣмъ аккуратно: языки были рѣзаны «легко», такъ что «осталось немного» [15]), и Епифаній и Лазарь могли говорить; это-то обстоятельство, конечно, и послужило мотивомъ къ созданію легенды о первомъ чудесномъ исцѣленіи, причемъ, вѣроятно, не обошлось безъ вліянія фактовъ изъ житій Іоанна Дамаскина и Максима Исповѣдника. Чтобы прекратить пропаганду расколоучителей и положить конецъ распространенію легенды, рѣшено было еще разъ прибѣгнуть къ увѣща-

[14]) Хр. Чт. 1888 г. т. II, стр. 592.
[15]) Мат. V, стр. 85, Хр. Чт. 1888, II, стр. 593.

нію, а въ случаѣ упорства усилить репрессивныя мѣры и произвести новую казнь надъ Лазаремъ, Епифаніемъ и Өедоромъ.

Въ 1670 г. былъ присланъ изъ Москвы въ Пустозерскъ стрѣлецкій полуголова Иванъ Елагинъ, который, какъ показываетъ Епифаній въ своемъ «Житіи», вызвалъ расколоучителей и прочиталъ имъ слѣдующій царскій наказъ: «вѣруете ли вы в Символѣ вѣры в Духа Святаго не истиннаго, а трема персты креститися хощете ли по нынѣшнему изволу цареву? Аще пріимѣте сіи двѣ тайны, и царь васъ вельми пожалуетъ». По изложенію Епифанія, отвѣтъ былъ такой: «мы вѣруемъ въ Духа Святаго истиннаго и животворящаго, а трема персты креститися не хотимъ, нечестиво то»; по словамъ Аввакума отвѣтъ былъ пространнѣе: «годъ и мѣсяцъ, и паки мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а палестинскаго патріарха Паисея (*Каз.:* Паисея Александрскаго патріарха) со товарищи еретическое соборище проклинаемъ. И иное тамъ говорено многонко, и Никону, заводчику ересемъ (*Каз.:* еретику) досталось небольшое мѣсто». Увѣщанія однако продолжались, расколоучителей, какъ говоритъ Епифаній, «три дня нудили всяко сіи двѣ отступныя вещи приняти», наконецъ привели ихъ къ плахѣ и прочитали слѣдующій указъ (по изложенію Аввакума): «изволилъ де государь и бояра приговорили: тебя, Аввакума, вмѣсто смертные казни учинить срубъ въ землю и сдѣлавъ окошко, давать хлѣбъ и воду, а прочимъ товарищамъ рѣзать безъ милости языки и сѣчь руки». Выслушавъ это повелѣніе, Аввакумъ сказалъ: «я плюю на ево кормлю, не едше умру, а не предамъ благовѣрія». Заключенный въ срубъ, Аввакумъ въ теченіе 10 дней отказывался отъ пищи, «да братья велѣли». Урѣзаніе языковъ братіи было произведено вторично, Епифанію отсѣкли на рукѣ 4 пальца, а Өедору отсѣкли руку поперекъ ладони [16]).

Въ это же время произведены были казни и въ другихъ мѣстахъ: между прочимъ на Мезени казнили двухъ преданнѣйшихъ учениковъ Аввакума, Өедора юродиваго и Луку Лаврентьевича, юношу 25 лѣтъ; хотѣли также повѣсить двухъ сыновей Аввакума, Ивана и Прокопія, но они отреклись отъ раскола; все же

---

[16]) Мат. V, стр. 82—87, Хр. Чт. 1888, II, стр. 592—594, 1889 г., I, стр. 230, 234.

ихъ не освободили, а посадили въ земляной срубъ вмѣстѣ съ матерью.

Сохранилось письмо Аввакума, посланное имъ женѣ и дѣтямъ вскорѣ послѣ этихъ казней. Ссылаясь на Священное Писаніе, Аввакумъ напоминаетъ, что нынѣшнее, земное существованіе суетно и потому не слѣдуетъ терять бодрости духа и надо положиться на Христа и Богородицу, которые защитятъ отъ всякихъ бѣдствій. Вспоминаетъ Аввакумъ и о Пашковѣ: «Помните, — звѣрь даурскій всяко распопу бѣднова, еже есть меня протопопа, умышлялъ погубить: а не явно ли Божія милость? На Москвѣ въ руки мнѣ Богъ его выдалъ,—ростеняся лежитъ предо мною, что мертвой! Помнишь, жена, какъ онъ мнѣ говоритъ: ты воленъ и со мною, что хощешъ, то и сотворишъ! А я постригъ его и посхимилъ, по воли Божіи и по докуки своей къ Нему, Свѣту. Помнишь ли въ Даурахъ казакамъ на поѣздѣ говорилъ, и въ Енисейскѣ Ржевскому и вездѣ по городамъ: мнѣ реку Пашкова постричь надобно! Да Богъ мнѣ тово и далъ. А то вы и не вѣдаете, какъ о томъ докучалъ Богу». Страннымъ представляется это сообщеніе Аввакума женѣ и дѣтямъ, людямъ, хорошо знавшимъ обстоятельства его жизни, о фактѣ, котораго не было. Въ 1682 году мы встрѣчаемъ Пашкова воеводой въ Нерчинскѣ [17]), такъ что Аввакумъ не могъ не только «посхимить» его, но даже просто постричь. Неужели озлобленіе противъ Пашкова было такъ сильно, что Аввакуму пріятно было утѣшать себя иллюзіями о мести? Не явилось ли такое ложное сообщеніе вслѣдствіе намѣренія Аввакума приписать своему частному письму болѣе общій характеръ литературнаго произведенія, въ которомъ наказаніе притѣснителя представлялось бы весьма поучительнымъ? Упомянувъ объ этой мнимой мести, Аввакумъ успокаиваетъ жену увѣреніемъ, что такимъ же образомъ попадутъ на ихъ расправу и никоніане: «А нынѣшнюю зиму потерпите только маленко: силенъ Богъ,— уже собакъ—тѣхъ, перепутавъ огненнымъ ужемъ, отдастъ намъ въ руки».

Затѣмъ Аввакумъ обращается къ сыну своему Аѳанасію, хвалитъ его за твердость въ вѣрѣ, что онъ предъ воеводой не отрекся отъ раскола: «яко левъ рычи, живучи, обличая ихъ многообразную прелесть», наставляетъ онъ сына. Вмѣстѣ съ этимъ онъ

[17]) Д. А. И. т. VIII, стр. 346.

проситъ его не гнушаться братьевъ, хотя они и «смалодушничали». Замѣчательно мягкое отношеніе Аввакума къ этому паденію сыновей. «Чтожъ дѣлать? говоритъ онъ,—«и Петръ апостолъ нѣкогда такъ здѣлалъ: слезъ ради прощенъ бысть. А онъ также Богу кающихся прощаетъ и припадающихъ къ нему пріемлетъ. Разговаривай братіи: не сѣтуйте де о паденіи своемъ выше мѣры,—проститъ васъ! Да и батюшка де, по воли Божіи, васъ прощаетъ и разрѣшаетъ, даетъ прощеніе въ сей вѣкъ и въ будущій! Впредь не падайте, стойте; задняя забывающе, на предняя простирающеся, живите! Единъ Богъ безъ грѣха и безъ извратѣ, а человѣчество немощно, падаетъ, яко глина, и востаетъ, яко ангелъ. Се тому не работаетъ грѣху, но присносущному Богу, Христу Сыну Божію Свѣту, со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Богъ проститъ всѣхъ смалодушествующихъ и паки (возвращшихся) на первое достояніе». Такое мягкое отношеніе къ кающимся, какъ мы уже видѣли изъ разсмотрѣнной нами формулы принятія кающагося, въ данномъ случаѣ не можетъ объясниться исключительно любовью къ своимъ сыновьямъ и происходило, какъ намъ кажется, изъ общаго принципа прощенія кающихся еретиковъ, принципа, сближающаго Аввакума съ послѣдователями Нила Сорскаго. Однако рѣзкимъ диссонансомъ къ такой мягкости являются замѣчанія о никоніанахъ, о той казни, которая имъ предстоитъ, о готовности Аввакума расправиться со своими врагами: такія замѣчанія, къ которымъ далѣе мы укажемъ другія параллели изъ сочиненій Аввакума, скорѣе роднятъ Аввакума съ противоположнымъ направленіемъ осифлянъ.

ГЛАВА VI.

Столкновеніе Аввакума съ діакономъ Ѳедоромъ по догматическимъ вопросамъ.— Сочиненія Аввакума истолковательнаго характера.— Посланія Аввакума къ нѣкоему Борису, къ боярынѣ Морозовой, къ Маремьянѣ Ѳедоровнѣ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ.

Незадолго до описанныхъ казней между Аввакумомъ и Лазаремъ съ одной стороны и діакономъ Ѳедоромъ съ другой относительно нѣкоторыхъ догматическихъ вопросовъ начались крупныя несогласія, сильно обострившіяся послѣ казней. Вполнѣ возстановить картину этихъ споровъ представляется чрезвычайно затруднительнымъ, такъ какъ почти всѣ свидѣтельства, какія мы о нихъ имѣемъ, принадлежатъ только одной изъ спорившихъ сторонъ, діакону Ѳедору, подлинныхъ же сочиненій Аввакума намъ неизвѣстно въ цѣломъ ихъ составѣ, и объ ихъ содержаніи мы можемъ судить или по показаніямъ Ѳедора, или по сообщеніямъ православныхъ полемистовъ, или по тѣмъ выпискамъ, которыя находятся въ сборникахъ Императорской Публичной Библіотеки и Черниговской духовной семинаріи, выпискамъ, сдѣланнымъ тоже съ полемической цѣлью обличить заблужденія Аввакума и его послѣдователей. Въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя несомнѣнно принадлежатъ Аввакуму, встрѣчаются только отрывочныя замѣчанія объ ихъ спорахъ.

Въ виду нѣкоторой запутанности этого вопроса, намъ представляется не безполезнымъ изложить его исторію. Изъ православныхъ писателей первые упоминаютъ о еретическихъ сочиненіяхъ Аввакума св. Дмитрій Ростовскій и Питиримъ, еп. Нижегородскій. Въ «Розыскѣ» обличенію Аввакумовыхъ заблужде-

ній посвящены въ первой части семь главъ второй статьи, и здѣсь мы находимъ слѣдующія выписки изъ спорныхъ писемъ Аввакума: 1) въ главѣ 17-й: «Зри, Игнатій Соловлянинъ, и вѣруй трисущную Троицу. Несѣкомую сѣки по равенству, не бойся, едино существо на три существа, тожде и естества. На трое течетъ источникъ Божества, не рцы по Арію три естества неравные, а равные три естества или существа добрѣ, не шевели больше того. Комуждо особно сѣдѣніе, Отцу, и Сыну, и Духу Святому, не спрятався сѣдятъ три цари небесніи. Христосъ сѣдитъ на особномъ престолѣ, равно сцарствуя Святѣй Троицѣ»; 2) въ главѣ 18-й: «Азъ, Аввакумъ, сице исповѣдую и вѣрую, свойство недвижимо, но изліявъ себе Богъ слово во утробу Дѣвыя силу существа естественную, сирѣчь благодать совершенную, припряженна бо къ Божію хотѣнію сила, восхотѣвъ бо и изліявъ Себе неизреченно, а самое существо отнюдь непоступно. Соступивъ съ небеси силою благодати своея и къ намъ весь въ Пречистую Дѣву: тверди весь благостію, а существомъ весь горѣ съ Отцемъ бѣ несѣкомо»; 3) въ главѣ 19-й: «Христова душа отъ креста на небо ко Отцу пошла: воскресши же отъ гроба Христосъ сниде во адъ съ тѣломъ по воскресеніи отъ мертвыхъ»; 4) въ главѣ 24-й передается, что Аввакумъ назвалъ свою еретическую книгу «евангеліемъ вѣчнымъ: не мною де писано, но перстомъ Божіимъ»; 5) въ 25-й главѣ: «Өедька, а Өедька, по твоему кучею надобе, едино лицо и единъ образъ: охъ, блядинъ сынъ, собака косая, дуракъ страдникъ! коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вопроси бабы поселянки: скажи де государыня о Святѣй Троицѣ, Троица де что есть; такъ она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ; и ты су Өедька, ну лбомъ, блядинъ сынъ, поселянкѣ той о землю. Таки и мнѣ грѣшному диво, каково хорошо старуха та отвѣщала. Вопроси еще ея же, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ»; 6) въ главѣ 26-й: «А еще воскреснемъ изъ мертвыхъ, тогда меня Господь атаманомъ учинитъ»; 7) въ главѣ 27-й находимъ выписку изъ разобраннаго выше посланія къ царю о чудесномъ видѣніи, въ которомъ во власть Аввакума были отданы небо и земля; наконецъ 8) въ 18 и 21 главахъ сообщается, что послѣдователь Аввакума, Ерофей Андреевъ писалъ въ своихъ сочиненіяхъ: а) «Сынъ благостію и промысломъ воплотися кромѣ существа», и б) «поклонятися Евангелію повѣсти, написанному черниломъ, то татарской обычай».

Въ «Пращицѣ» еп. Питирима мы находимъ только краткое изложеніе мнѣній Аввакума: «колико погибоша въ мудрованіи зломъ Аввакумовѣ, иже мудрствовалъ быти Троицу трисущную, Сына Божія воплотитися благодатію и промысломъ, Христа сидѣти на особомъ престолѣ близъ Святыя Троицы».

Современникъ Питирима и Димитрія Ростовскаго, основатель Саровской пустыни, іеросхимонахъ Іоаннъ сообщаетъ по вопросу о еретическихъ сочиненіяхъ Аввакума слѣдующее: «той бо проклятый Аввакумъ раздѣляетъ Святую Троицу на три существа, глаголетъ бо во своемъ безумномъ преданіи раскольническомъ сице: «сѣки, не бойся Святую Троицу на три существа», и паки на Господа нашего Іисуса Христа глаголетъ хульная, аки бы бездушна бывша Его, и съ плотію во адѣ бывша по воскресеніи, и прочая нелѣпая хуленія на святую церковь и на православную вѣру блядословяше, и всякій расколъ творяше,—о семъ нелѣпо и писати. Его же ученицы нынѣшніе раскольницы заволжскіе, держаще таковое его блядимое преданіе зѣло похваляютъ, и къ похваленію тово дерзнуша окаянніи то проклятое его преданіе нарицати вѣчнымъ Евангеліемъ» [1]).

Въ рукописномъ сборникѣ Имп. Публ. Библіотеки № 1579 (Погод.) [2]) на л. 79—84 об. имѣется статья подъ заглавіемъ: «Безумное умствованіе капитоновъ о Божествѣ», какъ видно изъ самаго заглавія, составленная какимъ-то православнымъ полемистомъ. Эта статья состоитъ изъ трехъ частей: въ первой излагаются еретическія мнѣнія Аввакума, причемъ они распредѣлены по 18 пунктамъ, которые являются, за исключеніемъ 11 и 12 пунктовъ, буквальнымъ повтореніемъ приведенныхъ выше выписокъ св. Димитрія Ростовскаго; 11 и 12 пункты излагаются такъ: «Духъ Святый не существомъ сниде въ день пятьдесятницы на святыя апостолы», и «душа человѣческая единосоставна, а не трисоставна, и прежде ума и слова сотворена». Вторая часть заключаетъ въ себѣ изложеніе «вѣры Ероѳея Андреева съ единомышленники своими» и вошла цѣликомъ въ «Сказаніе о распряхъ на Керженцѣ», напечатанное г. Субботинымъ въ VIII т. «Матеріаловъ» (стр. 247—249). Третья часть состоитъ изъ различныхъ выписокъ изъ подлинныхъ сочиненій Аввакума,

[1]) Братское Слово, 1875, III, стр. 370—371.

[2]) А. В. Бычковъ. Опис. ркп. сборн. И. П. Библ., стр. 9—10.

частью уже напечатанныхъ г. Субботинымъ, частью же намъ неизвѣстныхъ, и по этимъ выпискамъ можно заключать, что составитель статьи имѣлъ подъ руками какой-то сборникъ подлинныхъ сочиненій Аввакума, Хотя нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ не имѣютъ никакого отношенія къ вопросу о еретичествѣ Аввакума, но въ виду того, что онѣ извлечены изъ не дошедшихъ до насъ сочиненій Аввакума, мы помѣщаемъ ихъ въ приложеніи къ настоящему изслѣдованію.

Протоіерей Андрей Іоанновъ сообщаетъ, кромѣ приведеннаго въ «Розыскѣ» отрывка изъ письма къ Игнатію Соловлянину, слѣдующія двѣ выписки: 1) «Да слышитъ сынъ мой духовный Ѳедька отщепенецъ, отъ никоніанъ рукopoложенецъ: блудишь сице пиша и глаголя о Святѣй Троицѣ: несѣкомо есть, и нераздѣльно лице коеждо другъ отъ друга; не такъ, не бляди: комуждо особно есть сѣдѣніе Отцу, и Сыну, и Духу Святому; не спрятавши сидятъ три Цари небесные»; 2) «Яко же бо слово отъ души рождается, и паки въ человѣка не возвращается, тако и Сынъ отъ Отца родился, а во чрево Отчее не возвратися. И о душѣ тою же слѣпотою говоришь, слушать нѣчего; глаголеши бо ее трисоставну; не такъ, не бляди; вси святіи научаютъ, яко душа единорастлѣна и тѣлесовидна, умъ, слово и духъ, Ангелъ нѣкій, чистѣйшій духъ, душа, но плотовидна есть, единовидна, а не трисоставна [3]).

Въ «Извѣщеніи праведномъ о расколѣ безпоповщины» бывшаго безпоповца Григорія Яковлева мы находимъ нѣкоторыя существенныя дополненія къ приведеннымъ выпискамъ: 1) еретическое изложеніе догмата о Св. Троицѣ сопровождается слѣдующей ссылкой Аввакума: «Зри такъ на Палеи пишется въ лицахъ»; 2) догматъ о воплощеніи изложенъ подробнѣе, чѣмъ у Св. Димитрія Ростовскаго: «Азъ Аввакумъ сице исповѣдую и вѣрую: свойство недвижимо, но изліявъ себѣ все Слово во утробѣ Дѣвыя, силу существа естественную, сирѣчь благодать совершенную. Припряженна бо къ Божію хотѣнію сила; восхотѣвъ и изліявъ себѣ неизреченно, а самое существо отнюдь не поступно. Соступивъ съ небесе силою благодати своея къ намъ весь въ Пречистую Дѣву. Тверди: весь благодатію, а существомъ весь горѣ со Отцемъ бѣ несѣкомо. Исповѣдую во утробѣ Дѣвыя

[3]) Полн. истор. извѣстіе о раскольникахъ, изд. 1855 г., стр. 62.

силу Божества, а не самое Божественное существо поступи отъ превыспреннихъ въ промыслъ неизглаголанный». 3) Къ выпискѣ о еретическихъ мнѣніяхъ Аввакума о Христовомъ воскресеніи сдѣланы слѣдующія добавленія: «Сугубо сошествіе во адъ Христово — Богъ и человѣкъ съ душею, а не одна душа безъ тѣла».—«Сугубствомъ по воскресеніи и во адъ сошелъ».— «Ѳеодоръ поганецъ, слышишь ли о еже слова ради по воскресеніи во адъ, и той сходи сугубо».—«Христосъ же отъ Святаго Духа зачатъ бѣ и чистѣ, за сіе и неповиненъ осужденію. Чистая душа на небо ко Отцу пошла. Аминь» [4]).

Свѣдѣнія о еретическихъ мнѣніяхъ Аввакума, сообщенныя св. Димитріемъ Ростовскимъ и еп. Питиримомъ, были подвергнуты сомнѣнію Семеномъ Денисовымъ, который въ своемъ «Виноградѣ Россійскомъ», въ главѣ объ Аввакумѣ, прямо обвиняетъ православныхъ полемистовъ въ томъ, что они «неправедными наношеньми неистинныя баснословія сшивати на вседобляго тщатся». Свое сомнѣніе (относительно котораго трудно сказать, чтобы оно было искреннимъ, такъ какъ Денисовъ врядъ ли могъ не знать о несогласіяхъ Аввакума съ Ѳедоромъ и особенно о спорахъ изъ-за Аввакумовыхъ писемъ въ средѣ раскольниковъ на Керженцѣ) Денисовъ основываетъ на томъ соображеніи, что ни патріархъ Никонъ, ни кто-либо изъ членовъ собора 1666—1667 гг., ни авторы «Жезла Правленія» и «Увѣта Духовнаго» не упоминаютъ о еретичествѣ Аввавума; кромѣ того Аввакумъ нисколько не колебался въ православномъ чтеніи Символа вѣры», въ старыхъ обрядахъ, которыми вполнѣ правильно символизировались тѣ догматы, въ искаженіи которыхъ его обвиняютъ; наконецъ, отсутствіе споровъ доказывается, по мнѣнію Денисова, и тѣмъ обстоятельствомъ, что предъ смертью Ѳедоръ просилъ у Аввакума благословенія [5]).

Однако такое сомнѣніе Денисова въ существованіи еретическихъ мнѣній Аввакума и даже въ самомъ фактѣ споровъ между Пустозерскими расколоучителями [6]) опровергается, какъ это

---

[4]) Яковлевъ, стр. 19.

[5]) См. главу изъ «Винограда» въ «Приложеніяхъ».

[6]) Это сомнѣніе повторяется въ раскольническомъ обличеніи на книгу Андрея Іоаннова; здѣсь говорится, что спорныя письма сочинены «подъ именемъ протопопа Аввакума и Ѳеодора діакона нѣкіими внѣшними іезуиты на разврать святой церкви». Хр. Чт. 1897 г. іюль, стр. 87.

обстоятельно доказано авторомъ статьи «Протопопъ Аввакумъ, какъ вѣроучитель и законодатель раскола»[7]) и П. С. Смирновымъ[8]), тѣми данными, которыя находятся въ раскольническихъ источникахъ. Источники эти слѣдующіе:

1) «Сказаніе о распряхъ, происходившихъ на Керженцѣ изъ-за Аввакумовыхъ догматическихъ писемъ», напечатанное въ VIII т. «Матеріаловъ» г. Субботина, извлеченное изъ рукописи Имп. Публ. Библіотеки, № 1256 (Погод.), которою пользовался г. Есиповъ въ статьѣ «Керженцы въ царствованіе Петра Великаго»[9]). «Сказаніе» это состоитъ изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая историческая, а вторая полемическая. Въ первой части, цѣликомъ изданной г. Субботинымъ, мы находимъ краткое извлеченіе изъ «писемъ» Аввакума (стр. 219—223) и изъ посланія дьякона Өеодора къ его сыну Максиму (объ этомъ посланіи мы говоримъ далѣе) и подробное изложеніе распри, происходившей въ Керженскихъ скитахъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв., причемъ защитниками еретическихъ мнѣній Аввакума являлись игуменъ Сергій, старецъ Онуфрій, Поликарпъ Петровъ, Ероѳей Андреевъ и др. Вторая часть озаглавлена «Обличеніе отъ святаго писанія на несогласныя письма протопопа Аввакума и на заступниковъ тѣхъ писемъ, старца Онуфрія, Іероѳея бѣльца и на единомышленниковъ ихъ» и напечатана г. Субботинымъ не въ полномъ составѣ, такъ какъ догматическія разсужденія представляютъ въ значительной степени повтореніе сказаннаго въ первой части; для насъ эти разсужденія не имѣютъ интереса, такъ какъ касаются позднѣйшей догматики раскола; въ этой же второй части имѣется «Сказаніе вкратцѣ о брани протопопа Аввакума съ Өеодоромъ діакономъ о вѣрѣ и о несогласныхъ писмахъ Аввакумовыхъ, ихже многая лѣта держалъ и вѣровалъ старецъ Ануфрій, и какъ потомъ отложилъ и похулилъ»,— это «Сказаніе» дополняетъ нѣкоторыми подробностями свѣдѣнія, сообщаемыя въ первой части. Сочиненіе написано въ 1710 году противникомъ Аввакумовскихъ теорій.

2) «Собраніе отъ божественнаго писанія вкратцѣ, на обличеніе ложныхъ и нецерковныхъ, несогласныхъ съ божественнымъ

---

[7]) Братское Слово, 1875 г. IV, отд. 2, стр. 265—275.

[8]) Хр. Чт. 1897 г. іюль, стр. 60—94.

[9]) Раск. дѣла XVIII ст., т. II, стр. 203—277.

писаніемъ святыхъ отецъ письмъ протопопа Аввакума, отложенныхъ христіанскимъ соборомъ въ лѣто отъ созданія міра 7217 мѣсяца ноября въ 28 день». Это обличеніе еретическихъ писемъ Аввакума, находящееся въ рукописи Черниговской духовной семинаріи (по описанію г. Лилеева № 135), представляетъ наиболѣе полныя изъ нихъ выписки, раздѣленныя на 16 статей, изъ которыхъ каждая опровергается отдѣльно. Это же обличеніе имѣется въ двухъ спискахъ въ рукописи № 136 той же библіотеки, причемъ варіанты (иное раздѣленіе статей) существенной важности не представляютъ. Такъ какъ изъ «Сказанія о спорахъ на Керженцѣ» извѣстно, что распространявшій сперва Аввакумовы письма инокъ Сергій былъ впослѣдствіи ихъ обличителемъ, авторъ же настоящаго «Собранія» ссылается на отписки къ Сергію изъ Москвы, то П. С. Смирновъ съ нѣкоторою вѣроятностью предполагаетъ, что Сергій былъ именно авторомъ «Собранія». Относительно личности этого инока Сергія, котораго Аввакумъ называетъ также игуменомъ, г. Смирновъ доказалъ, что это былъ тотъ самый Симеонъ, близкій ученикъ Аввакума, посланія къ которому изданы г. Субботинымъ.

3) «Посланіе діакона Ѳедора изъ Пустозерска къ сыну Максиму и прочимъ сродникамъ и братіямъ по вѣрѣ», изданное г. Субботинымъ въ VI т. «Матеріаловъ», стр. 90—137. Источникъ этотъ очень важенъ, такъ какъ возстановляетъ намъ фактическія обстоятельства распри между Пустозерскими узниками и дополняетъ нѣкоторыми подробностями данныя другихъ источниковъ о содержаніи еретическихъ мнѣній Аввакума и Лазаря.

4) Нѣкоторыя собственныя сочиненія Аввакума, частью уже напечатанныя, частью находящіяся еще въ рукописяхъ, причемъ въ однихъ сочиненіяхъ мы видимъ вполнѣ православное изложеніе спорныхъ догматовъ, въ другихъ же встрѣчаемся съ ересью. Изъ напечатанныхъ сочиненій къ этому вопросу относятся: а) второе посланіе къ боярынѣ Морозовой (т. V, стр. 175—176); б) бесѣда объ Авраамѣ (т. V, стр. 345—350); в) посланіе къ игумену Сергію (т. VIII, стр. 107—112); г) посланіе ко всѣмъ ученикамъ (т. VIII, стр. 81—87). Изъ рукописныхъ сочиненій по данному предмету мы можемъ указать: а) толкованіе пророчества Исаіи, въ сборникѣ Имп. Публ. Библіотеки, О. I. № 339, и б) статью о сложеніи перстъ въ сборникѣ библіотеки Черниговской дух. семинаріи, № 134; оба эти сочиненія находятся въ

такихъ сборникахъ, въ которыхъ не замѣтно тенденціи полемизировать противъ мнѣній Аввакума, а потому въ особенности второе, какъ заключающее въ себѣ еретическое изложеніе догмата о св. Троицѣ, представляются чрезвычайно важными источниками; оба памятника, въ виду такого ихъ значенія помѣщаются нами въ «Приложеніяхъ».

Споры начались, какъ разсказываетъ діаконъ Ѳедоръ, относительно одного стиха въ Псалтыри со возслѣдованіемъ, напечатанной при патріархѣ Іоасафѣ, экземпляръ которой былъ у Аввакума. Въ этой Псалтыри, въ тройческомъ канонѣ 6-го гласа, въ первой пѣсни было напечатано: «пресущный едине Господи и *трисіянне образы*, въ тождествѣ зрака сый», но въ послѣдующихъ изданіяхъ выраженіе «*трисіянне образы*» было замѣнено выраженіемъ «*трисіянне лицы*». Ѳедоръ отстаивалъ правильность этого измѣненія, такъ какъ Богъ «исповѣдуется въ трехъ лицахъ въ единомъ образѣ»; но Аввакумъ не соглашался съ нимъ, называя «свою Псалтырь правѣе всѣхъ тѣхъ книгъ», на которыя ссылался Ѳедоръ. Споръ, конечно, былъ чисто внѣшняго свойства, хотя впослѣдствіи, при неумѣніи споривших, особенно же Аввакума, справляться съ отвлеченными догматическими вопросами, получилъ характеръ дагматическаго спора и привелъ Аввакума къ выраженіямъ, въ которыхъ заключалась ересь. О психологическомъ процессѣ возникновенія такихъ еретическихъ выраженій мы скажемъ далѣе, а теперь упомянемъ еще объ одномъ спорѣ, бывшемъ, вѣроятно, такъ же, какъ изложенный, до Пустозерскихъ казней. Въ той же Іоасафовской Псалтыри, въ 104 псалмѣ было ошибочно напечатано: *и вниде Израиль во Египетъ и возврати люди своя зѣло*, — вмѣсто: «*возрасти люди своя зѣло*», какъ было исправлено впослѣдствіи. Когда Ѳедоръ указалъ на эту ошибку, Аввакумъ разсердился и «всяко браняше» его: «ты хулишь старыя книги, говорилъ онъ Ѳедору, и перепpавливать мнѣ велишь, а я за нихъ мучуся отъ никоніянъ давно преже тебя». Лазарь соглашался съ Аввакумомъ и тоже «брюжжалъ» на Ѳедора. Споръ продолжался больше года, пока Аввакумъ не согласился исправить «опись» своей книги. «И не мудрая та рѣчь и не богословская, замѣчаетъ по этому поводу Ѳедоръ, да и о той у него велика голка была». Споръ относительно перваго стиха тоже на время прекратился; Аввакумъ говорилъ Ѳедору: «кое правѣе въ коихъ

книгахъ, тако и буди, а впредь покинемъ о томъ стязатися въ темницѣ сей» [10]).

Однако вскорѣ послѣ Пустозерскихъ казней споръ о Троицѣ возобновился и принялъ уже острую форму, причемъ затронуты были и другіе церковные догматы. Первое по времени извѣстіе объ этомъ столкновеніи, относящееся приблизительно къ 1672 году, принадлежитъ самому Аввакуму, который такъ разсказываетъ объ этомъ въ посланіи (второмъ) къ боярынѣ Морозовой: «Увы мнѣ, грѣшному! Ей, слезамъ достойно есть: у меня здѣсь діаволъ отъ десныхъ ссору положилъ,—въ догматахъ считалися, да и разбилися. Молодой щенокъ, Ѳедоръ дьяконъ, сынъ духовной мнѣ, учалъ блудить надъ старыми книгами и о святой Троицѣ преткнулся, и о Христовѣ во адъ сошествіи и о иныхъ догматствуя цониконіянски, нелѣпотно. Въ книгѣ моей написано и послано къ вамъ о Господѣ. Азъ же, не утерпѣвъ безумію его, и слышати не могъ хулы на Господа Бога моего, отрѣзалъ его отъ себя и положилъ подъ клятвою, не ради внѣшнихъ досадъ,—ни, никакоже!—но ради безстудства его на Бога и хулы на старыхъ книгъ. Буди онъ проклятъ врагъ Божій!» [11]).

Такимъ образомъ Аввакумъ обвиняетъ Ѳедора въ еретическомъ ученіи о св. Троицѣ и о сошествіи Христовомъ во адъ, не объясняя, въ чемъ собственно состояло еретичество Ѳедора въ этомъ случаѣ. Объясненіе это мы находимъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ». «Есть, говоритъ Аввакумъ, обрѣтаются нѣкоторые гады, изъ чрева своего гадятъ по человѣкообразію быти Бога, неслитенъ единъ образъ и единосіятеленъ, Сына же и Духа внутрь Отца злѣ глаголютъ быти безобразныхъ.—Да иныя неподобныя догматы тѣжъ уста гадятъ: бытто Христосъ по востаніи изъ гроба не бысть тѣломъ обоженнымъ з душею во адѣ, но прежде тридневнаго востанія отъ креста взялъ діаволъ [12]) душу Христову и несе во адъ, и бывши де во адѣ Христова душа три дня, изведе Адама и вся праведники, и пріиде к тѣлу, и воскресе Христосъ, явися женомъ и ученикомъ» [13]).

---

[10]) Мат. V, стр. 119—129, 127.

[11]) Мат. V, стр. 175--176.

[12]) Слова «діаволъ» въ изданномъ текстѣ нѣтъ, но по смыслу его слѣдуетъ вставить, такъ какъ дальше говорится: «не діаволъ снесе нагую душу»:—то же есть и въ Мат. VIII, стр. 107.

[13]) Мат. V, стр. 346, 347.

Обращаясь къ первому вопросу, т. е. къ догмату о св. Троицѣ, мы видимъ, что Аввакумъ подозрѣваетъ Θедора въ стремленіи «слить» лица св. Троицы и противъ такого еретическаго представленія направляется вся его аргументація, какъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ», такъ и въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя извѣстны намъ только въ отрывкахъ, причемъ рядомъ съ православнымъ изложеніемъ догмата мы находимъ у самого Аввакума ересь, но только противоположную той, въ которой онъ обвиняетъ Θедора.

Православное изложеніе мы видимъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ», здѣсь говорится слѣдующее: «Вѣруемъ Божество и естество единосраслено, а не слитнѣ, тріипостасно и трисіятельно, равносильно. Отецъ нерожденъ, Сынъ отъ того же естества рожденъ, Духъ Святый отъ Отца исходящъ. Три солнца незаходящія, три свѣта присносіяющія, озаряюща концы. Едина имъ власть, едино господство. Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ Духъ Святый: не три Бози, но единъ Богъ. Вседержитель Отецъ, Вседержитель Сынъ, Вседержитель Духъ Святый: не три вседержителя, но единъ вседержитель. Подобнѣ и равнѣ и в сей святѣй Троицѣ ничтоже первое, или послѣднее, ничтоже болѣе, или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны себѣ суть и равны». Одинаковое съ приведеннымъ изложеніе (за исключеніемъ незначительныхъ, чисто внѣшнихъ отличій) мы находимъ и въ «Житіи» Аввакума и въ его толкованіяхъ на 12 главу книги пророка Исаіи [14]).

Иначе выражается Аввакумъ въ недошедшихъ до насъ посланіяхъ къ діакону Θедору и къ Игнатію Соловлянину; здѣсь прежде всего бросается въ глаза рѣзкій полемическій тонъ словъ Аввакума, а кромѣ того изложеніе настолько сильно направляется противъ предполагаемаго Аввакумомъ еретическаго слiянія лицъ Св. Троицы, что получается прямо еретическое же разсѣченіе Св. Троицы. Видно, что для Аввакума понятія: «существо», «естество», «лицо», «образъ» представлялись вполнѣ тождественными, и потому-то онъ и спрашиваетъ Θедора: «По твоему кучею надобѣ, едино лице и единъ образъ?» Игнатію онъ пишетъ слѣдующее: «Зри, Игнатій Соловьянинъ, и вѣруй трисущную Троицу. Существо *едино* на трое равно раздѣляй: на

[14]) Мат. V, 345—6, 7—8, ркп. И. Публ. Биб. О. I. 339, см. «Приложенія».

трое течетъ источникъ божества. По Арію не рцы — три существа не равныя, а равныя три существа добрѣ или естества. Не шевели больше того. *Несѣкомую* сѣки, небось, по равенству *едино* на три существа или естества. Якоже бо слово отъ души рождается и паки въ человѣка не возвращается, тако и Сынъ отъ Отца родился и во чрево Отчее паки не возвратися. Якоже Спасъ рече: Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ,— волею, а *не существо въ существѣ*. Три цари небесные, три непостижимые, Комуждо особно сѣдѣніе: Отцу и Сыну и Святому Духу. *Не спрятався* сѣдятъ три цари небесные: яко Петръ и Павелъ и Іоаннъ Богословъ, трое растоящи, тому прилично и божественное трое раздѣльшееся». Всѣ выраженія, которыя мы напечатали курсивомъ, служатъ, на нашъ взглядъ, достаточно убѣдительнымъ доказательствомъ, что въ своихъ еретическихъ сочиненіяхъ Аввакумъ не имѣлъ въ виду проповѣдывать ереси, а стремился только рельефнѣе, образнѣе опровергнуть предполагавшуюся имъ ересь Ѳеодора: Троицу онъ называетъ «несѣкомой», говоритъ о «единомъ существѣ», но, по его мнѣнію, Ѳедоръ «пряталъ существо въ существо», и онъ даже напоминаетъ Ѳедору, будто тотъ говорилъ: «Аввакумъ свинья, что знаешь? А я небесныя тайны вѣщаю; мнѣ дано; словомъ говорю Троицу, а умнѣ во Отцѣ Сына и Духа вѣрую» [15]).

Своему образному представленію лицъ Св. Троицы Аввакумъ думалъ найти подкрѣпленіе въ иконописномъ изображеніи явленія св. Троицы Аврааму. «Видали вы, братія, говоритъ онъ, на иконахъ пишется,—подъ дубомъ за столомъ три ангела сидятъ въ равенствѣ святыхъ образовъ, еже есть всѣмъ тремъ единъ образъ по равенству: яковъ первый, таковъ и вторый и третій, неслитна лица святѣй Троицѣ, но въ тождествѣ зрака сый». По цитатѣ Яковлева, приведенной выше, Аввакумъ ссылался также и на лицевую Палею. Такое стремленіе къ образности привело единомышленника Аввакума, Лазаря, къ дальнѣйшему развитію еретическаго ученія о Св. Троицѣ. По словамъ діакона Ѳедора, Лазарь, препираясь съ нимъ, вопилъ: «Троица рядкомъ сѣдитъ,—

---

[15]) Мат. VIII, стр. 219 — 220, ркп. Черн. дух. сем. № 135, ст. 1—10. Погод. № 1579, л. 79, ст. 1—4. Въ ркп. Черниговской дух. сем. № 136, мы находимъ еще одну «статью», хорошо характеризующую стремленіе Аввакума къ образному представленію догмата: «Яко три солнышка единосвѣтни свѣтятъ три цари небесные, лицы и образы равныя». Хр. Чт. 1897 г. іюль, стр. 70—71

Сынъ одесную, а Духъ Святый ошуюю Отца на небеси на разныхъ престолахъ,—яко царь з дѣтьми сѣдитъ Богъ Отецъ,—а Христосъ на четвертомъ престолѣ особномъ сѣдитъ предъ Отцемъ небеснымъ»! [16]) За Лазаремъ и Аввакумъ началъ, по выраженію Өедора, «четверить» Троицу, причемъ такое свое еретическое толкованіе онъ мотивировалъ опять же, какъ опроверженіе ереси Өедора, который будто бы утверждалъ, что «Христосъ возшедъ на небо сѣде во Отцѣ». Өедоръ рѣшительно отрицаетъ справедливость подобнаго обвиненія, говоря, что Аввакумъ на него «лжетъ по страсти гнѣвной». Однако опроверженіе этой мнимой ереси Өедора является у Аввакума довольно пространнымъ, онъ пишетъ: «не скрывайте, еретики, и Христа тово, въ Троицу мѣсяще невѣдомѣ... Сѣдитъ на особомъ престолѣ равно Святѣй Троицѣ сцарствуя. Сѣдитъ Богъ и человѣкъ одесную Бога на престолѣ Своемъ царскомъ. Да и ладно такъ, дитятко бѣшеное: не замай Его, на престолѣ томъ своемъ сѣдитъ, не пехай поганымъ своимъ языкомъ съ престола того царскаго къ ногамъ Отца. Помнишь ли, собака, лаешь: существо де Божества внутрь Отца, а смотрѣніе подлѣ ногъ Отца близь сѣдитъ. Такъ то ты говорилъ, громобитный врагъ» [17]).

Какъ ни яростны эти нападки Аввакума на приписываемую имъ Өедору ересь, въ собственномъ сочиненіи Өедора мы находимъ вполнѣ православное изложеніе догматическаго ученія о св. Троицѣ [18]); однако намъ кажется, что на этомъ основаніи мы не можемъ вполнѣ безаппеляціонно обвинить Аввакума во лжи: очень можетъ быть, что въ устномъ спорѣ со своими противниками Өедоръ выражался не совсѣмъ такъ точно, какъ онъ излагаетъ въ своемъ сочиненіи; а кромѣ того даже и въ письменномъ изложеніи мы находимъ такую фразу, которая отчасти можетъ намъ объяснить возникновеніе подозрѣній Аввакума, далеко не обладавшаго способностью и подготовкой къ отвлеченному богословскому мышленію. Вотъ эта фраза: «Азъ исповѣдую... единъ трисіяненъ образъ, *другъ въ друзѣ вмѣщеніе имутъ* кромѣ всякаго размѣшенія и сліянія, по Богослову Григорьеву словеси». Весьма

---

[16]) Мат. VI, стр. 107—108. Ссылка Аввакума на икону явленія Св. Троицы Аврааму была извѣстна и Өедору. Мат. VI, стр. 126.

[17]) Ркп. Черниг. сем. № 135, ст. 14 (Хр. Чт. ibid., стр. 72).

[18]) Мат. VI, стр. 97, 98, 108.

возможно, что выраженіе «другъ въ друзѣ вмѣщеніе имутъ», взятое внѣ связи съ остальной аргументаціей Ѳедора, возбуждало въ Аввакумѣ и Лазарѣ подозрѣніе, что Ѳедоръ «прячетъ существо въ существо», помѣщаетъ «существо Божества внутрь Отца», впадаетъ въ «единобожество» [19]).

Приведенныя выше слова: «Христа того не скрывайте, еретики, въ Троицу мѣсяще, недовѣдомѣ изліянія-того во Христѣ благодать, того же существа сѣдит на особномъ престолѣ, равно Святѣй Троицѣ сцарствуя» мы нашли въ статьѣ «О сложеніи перстъ» въ сборникѣ Черниговской духовной семинаріи, № 134. Тамъ эти слова приписаны Мелетію, патр. Антіохійскому, и являются обличеніемъ троеперстнаго крестнаго знаменія. Это обстоятельство, на нашъ взлядъ, можно считать подтвержденіемъ предположенія, высказаннаго П. С. Смирновымъ, что еретическое ученіе о св. Троицѣ въ примѣненіи къ крестному знаменію могло явиться и при самой первой вспышкѣ протеста противъ Никоновыхъ исправленій, въ челобитной, поданной Аввакумомъ и Даніиломъ Костромскимъ. Такимъ предположеніемъ г. Смирновъ объясняетъ вопросъ Никона восточнымъ патріархамъ: «Како разумѣти двѣма персты, указательнымъ и среднимъ, смотрѣнія таинство, яко да не возмнится кому четвертое лицо въ составѣхъ имѣти»; такимъ же образомъ объясняется и наставленіе «Скрижали»: «зрите убо, еда не впадете, аще и нехотящимъ вамъ, во еже мудрствовати двѣ ипостаси во единомъ Христѣ и раздѣляти по Несторію, глаголющему иного убо быти сына Бога Слова, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ, другаго же Іисуса иже изъ Назарета, человѣка проста непщевавшему, и по любви соединенна, а не Бога истинна воплощшася, якоже и вы нынѣ раздѣляете: первѣе въ трехъ перстѣхъ изображающихъ святую Троицу указуете быти Сыновню ипостась, таже особь отдѣливше ину повѣдаете быти, во указательномъ, глаголю, и великосреднемъ» [20]). Объясненіе г. Смирнова пріобрѣтаетъ, по нашему мнѣнію, еще большую вѣроятность въ виду указаннаго нами примѣненія еретическаго ученія о Троицѣ къ вопросу о перстосложеніи. Тѣмъ не менѣе мы не рѣшимся пока утверждать, чтобы статья «о сложеніи перстъ», которую мы раз-

[19]) Мат. VI, стр. 121.

[20]) Хр. Чт. ibid., стр. 63—64.

смотримъ далѣе, была не дошедшей до насъ челобитной Аввакума и Даніила.

Вторымъ пунктомъ, по которому вскорѣ послѣ Пустозерскихъ казней возникло разногласіе между Ѳедоромъ и Аввакумомъ, былъ, какъ мы видѣли, вопросъ о сошествіи Христа во адъ. Кратко свое ученіе по этому вопросу Аввакумъ, съ которымъ не соглашался въ этомъ случаѣ и Лазарь, излагаетъ въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ» слѣдующимъ образомъ: «обоженнымъ тѣломъ и душею по востаніи изъ гроба Христосъ тридневно сниде во адъ человѣкъ обоженъ, еже есть тѣло и душа, и изведе вся святыя отцы и праотца Адама и со Еввою». Гораздо пространнѣе и съ подробностями реальнаго характера изложено то же ученіе въ отрывкахъ, находящихся въ рукописи № 135, Черниговской духовной семинаріи: «Прежде изъ гроба востаніе, а потомъ во адъ сошествіе. Понеже Господня душа, просто молыть, не была во адѣ, якоже прочихъ святыхъ души, но Христосъ послалъ ее къ Отцу съ кровію Своею, насъ выкупая, а не во адъ отъ креста поиде. Пречистой души во адъ сошедши съ тѣломъ неистлѣннымъ во гробѣ лежащимъ, а не безъ души тѣло бысть во адѣ и душа бес плоти. Яко воста изъ гроба Христосъ и низложися во адъ, еже есть Богъ Слово плотію и душею сниде во адъ. Каковъ родился, таковъ обоженною душею и плотію во адѣ былъ. А еже глаголете, яко не бысть Христосъ по востаніи изъ гроба тѣломъ и душею во адѣ, но единою-де душею ада плѣни, а тѣло-де въ то время мертво въ гробу лежа: пощади, Сынъ Божій, отъ сего безумія и нелѣпаго мудрованія! Проклятъ тако мудрствуя! Въ третій день воста Сынъ Божій, сниде тѣломъ и душею во адова жилища; ну, такъ человѣкъ Христосъ и былъ во адѣ, а не душа безъ тѣла,—не плутай! Пресвятая душа во адъ сошедши, водя тѣло нетлѣнно во гробѣ Избавителя—нашего свѣта. Во гробѣ Богъ Слово, лежа человѣчески, уничиженъ безславно, а егда воставше яко отъ сна, веемъ душу той же Богъ Слово, лежай во гробѣ, яко левъ шатаніемъ разшатався плотію з душею во адъ Божески, и прилетѣвъ красненекъ отъ гроба, яко женихъ отъ чертога, да возми да понеси силы небесныя, воровъ—бѣсовъ души; яко левъ, пьянъ бывъ, реветъ да ломаетъ, шюмитъ у него въ головѣ—той,—употчивали любимыя дѣтушки, возлюбленный Израиль... А Ѳедька прелагатай со единомышленники проклятъ да есть, ей да будетъ и будетъ во вѣкъ. Собака,

бл... сынъ, адовъ песъ! Вотъ тебѣ, отступникъ, пѣсни пѣснямъ Соломоновы: играй подъ клятвою вѣчною! Да затворитъ тя Богъ въ противленіе истинѣ, погибай со своими, окаянный! Өедька. поганецъ, слушай: умучи ада, сошедъ во адъ плотію, горе бысть аду отъ плоти, пресѣкло тѣло Христово чрево адово. «Слава Богу! подите, бѣдные тюремщики изъ тюрьмы вонъ, Богъ простилъ Адама со адамленки»,—да и вышелъ со святыми изъ земли Христосъ и со всѣми бѣдными горемыками воскресшими, по апостолу, вото, въ третій день, по Писаніихъ, явися апостоломъ» [21]).

Такъ излагаетъ Аввакумъ свое ученіе о сошествіи Христовомъ во адъ въ своихъ сочиненіяхъ, въ устной же полемикѣ съ Өедоромъ, вѣроятно, присоединялись и другія подробности образнаго, реальнаго характера. Такъ, по словамъ Өедора, онъ различалъ «востаніе» изъ гроба отъ воскресенія: первое было при схожденіи въ адъ, а «воскресъ Христосъ, какъ изо ада вышелъ»; кромѣ того Аввакумъ, по словамъ Өедора, говорилъ, что «до востанія Христова душа въ рукахъ Отчихъ бысть на небеси: тамо ходила къ Богу Отцу и кровь Христову гостинца носила и на жидовъ била челомъ, еже они Христа убили напрасно» [22]); эта фраза является болѣе образнымъ выраженіемъ того, что говорится въ отрывкѣ, сохраненномъ Черниговской рукописью, что Христосъ со креста послалъ Свою душу къ Богу Отцу со Своею кровью, хотя очень можетъ быть, что Өедоръ, руководясь ироніей, не совсѣмъ точно передаетъ слова Аввакума. Однако, что касается различія между востаніемъ и воскресеніемъ, то на это можно видѣть нѣкоторый намекъ въ слѣдующихъ словахъ Аввакума: «Воста Христосъ: и низложися адъ; воста Христосъ: и падоша бѣсове (Виждь: воста Христосъ отъ гроба, и потомъ низложися адъ и падоша бѣсове; но востаніе изъ гроба разореніе аду бысть и праведнымъ изведеніе, и потомъ явися Христосъ женамъ и ученикамъ). Воскресе Христосъ: и радуются ангели; воскресе Христосъ: и жизнь живетъ во всемъ мірѣ» [23]). Можетъ быть, это отдѣльное комментированіе словъ

---

[21]) Хр. Чт. ibid, стр. 77—78. Ркп. Черниг. дух. сем. № 134, ст. 13.
[22]) Мат. VI, стр. 97, 107.
[23]) Мат. V, стр. 348.

«воста Христосъ» и было поводомъ для Аввакума установить различіе между востаніемъ и воскресеніемъ.

Ѳедоръ относительно этого пункта разногласій мыслилъ вполнѣ православно и ссылался на Священное писаніе (Евангеліе и Дѣянія апостоловъ) и на православное богослуженіе, говоря: «паче же святый Дамаскинъ Іоаннъ во Октаѣ, во всѣхъ осми гласѣхъ, по вся воскресныя дни, въ стихѣрахъ и канонѣхъ научаетъ, яко во адѣ бысть Христосъ до воскресенія Своего съ душою единою три дни и три нощи, по словеси Своему, якоже Іона въ китѣ, а во гробѣ съ плотію толико же лежа, погребенъ бѣ; а не послѣ востанія отъ гроба сходилъ съ плотію, — никакоже». Кромѣ этого Ѳедоръ ссылался на Цвѣтную Тріодь и на сочиненія отцевъ церкви: Евсевія Самосатскаго, Іоанна Златоуста, Григорія Солунскаго и Епифанія Кипрскаго [24]). Аввакумъ же въ свое оправданіе приводилъ слѣдующія свидѣтельства: 1) Слово Іоанна Златоуста на св. Пасху, въ которомъ говорится: «свободи насъ Спасова смерть, угаси бо ея, иже отъ нея держимый, умучи ада сошедый во адъ, горе бысть ему вкусившу плоть его»; въ этихъ словахъ Аввакуму особенно убѣдительнымъ въ пользу его воззрѣній казалось выраженіе «вкусившу плоть», и онъ прибавлялъ въ поясненіе: «а не нагую душу», хотя цитата не имѣла никакого отношенія къ вопросу о сошествіи Христа во адъ. 2) Изъ пророчества Исаіи приводятся слова: «адъ огорчися, срѣтъ тя долѣ, ибо поруганъ бысть; пріятъ тѣло, и Богу приразися» и т. д., причемъ выраженіе: «пріятъ тѣло» также толкуется въ буквальномъ смыслѣ, съ поясненіемъ «не нагую душу». 3) Изъ «Слова на иконоборцевъ» Іоанна Дамаскина въ Большомъ Соборникѣ дѣлается слѣдующая цитата, тоже не подходящая къ вопросу: «Но речеши мнѣ, противниче, всяко, яко Христосъ неописанъ есть, и недомыслимъ, и безстрастенъ, и непостижимъ; и азъ тебѣ глаголю тако: но плотію описуется, якоже явися на земли со страстьми ея. Но паки речеши ми, яко прочее разлучаеши плоть отъ Божества? Но послушай сопротивляяйся, яко никогдаже разлучишася другъ отъ друга, ниже во утробѣ матери, ниже в крещеніи, ниже на крестѣ, ниже во адѣ». 4) Слова Епифанія Кипрскаго: «Предшествуютъ же ему архангели Михаилъ и Гавріилъ и прочія силы ангельскія, гла-

[24]) Мат. VI, стр. 105—107.

голюще: возмите врата князи ваша и прочая»; и 5) Слова Евсевія Самосатскаго: «Идуще предъ Спасителемъ силы вопіяху: возмите врата князи ваша».

Послѣднія двѣ цитаты, не имѣющія прямого отношенія къ вопросу о томъ, сходилъ ли Христосъ въ адъ тѣломъ и душой, или одною душею, явились у Аввакума для опроверженія мнѣнія, которое Ѳедоръ высказалъ въ устныхъ спорахъ, о томъ, что «душа Христова была снесена въ адъ смертью и дьяволомъ». Доказывая это свое положеніе, Ѳедоръ ссылался на одно выраженіе въ 4 словѣ «Просвѣтителя» Іосифа Волоцкаго [25]) и на сочиненія Григорія Омиритскаго. Аввакумъ называлъ это мнѣніе «бреднями» и съ негодованіемъ восклицалъ: «статное ли дѣло, душу Божію діаволамъ обладать? Смерть и тѣломъ не обладала, нежели душою! Какой то будетъ Богъ, что душу свою отъ разбойниковъ отнять не могъ?» Ссылка Ѳедора на авторитетъ Іосифа Волоцкаго и Григорія Омиритскаго не удовлетворяла Аввакума, онъ высказывалъ сомнѣніе въ принадлежности такого взгляда этимъ святымъ: «святое-тъ бы насилу самъ написалъ бы такъ. Полно, воръ нѣкто такой же въ книгу ту его внесъ, что и Ѳедка отступникъ, въ тетрадкахъ подметныхъ чтути. На Григорья того Амиритскаго солгалъ нѣкто воръ,— именемъ ево бездѣлицу утвержаетъ». Интересны при этомъ нѣкоторыя общія критическія положенія, высказывавшіяся Аввакумомъ: «Сего ли дни воруютъ? Во-ся петь Климантовы-тѣ книги, и повыше Іосифа—того, не исказили-ль? Или и Григорія Низкова правила? Въ письменныхъ тѣхъ всячину найдешь! Во псалтыряхъ тѣхъ толковыхъ есть всячина: толковщиковъ тѣхъ много!» Но даже, если тѣ свидѣтельства, на которыя опирался Ѳедоръ, дѣйствительно принадлежатъ святымъ Іосифу и Григорію, то и въ такомъ случаѣ они, по мнѣнію Аввакума, не могутъ имѣть значенія: «Іосифъ Волоцкій ратуется съ писаніемъ, пишетъ неладно», «и тому не подобаетъ вѣрить». Поэтому правовѣрнымъ дается совѣтъ плюнуть въ то мѣсто, идѣже писано, «яко діаволъ и смерть душу Христову безъ тѣла во адъ волочили» и даже

[25]) И сведена бысть смертію и діаволомъ душа Его въ адъ, имущи въ себѣ потаено Божество, яко на удици лщенія. «Просвѣтитель», 3-е изд., стр. 156.

одобряется, «если кто и всю книгу ту за Христово безчестіе во огнь кинетъ» [26]).

Догматическій споръ о лицахъ Св. Троицы привелъ Пустозерскихъ расколоучителей къ вопросу объ общихъ свойствахъ Божества, и отсюда истекли два новыхъ заблужденія Аввакума, касавшіяся догматовъ воплощенія Христова и сошествія Св. Духа на апостоловъ. Разногласіе произошло, можетъ быть, прежде всего изъ-за вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ понимать вездѣприсутствіе Божіе,—это вопросъ основной, отъ котораго зависѣло правильное пониманіе спорныхъ догматовъ, хотя, ставя этотъ вопросъ впередъ, мы не рѣшимся утверждать, чтобы и по времени онъ возникъ раньше; дѣйствительно, легко могло быть, что послѣ обнаруженія тѣхъ или другихъ еретическихъ мнѣній, противники рѣшили обратиться къ самому основанію этихъ мнѣній, а основаніе это въ «спорныхъ письмахъ» Аввакума являлось въ такой формѣ: «Исповѣдую всюду Божій промыслъ, всюду Божія сила, всюду обдержитъ неизреченно, всюду видитъ и слышитъ всевидящее Око, а свойства блаженнаго Существа въ вышнихъ пребываетъ, въ свѣтѣ живый неприступнѣмъ, а на землю и подъ землю непоступно» [27]). Такимъ образомъ существо Бога представлялось сознанію Аввакума съ нѣкоторымъ пространственнымъ ограниченіемъ, «пребывающимъ въ вышнихъ», «непоступнымъ»; подобное представленіе о «непоступности» Божества можно видѣть и въ приведенныхъ уподобленіяхъ Бога земному царю. Эта мысль заключается въ томъ положеніи, что Богъ «великъ не по существу состава, но великъ и всесиленъ властію державы, въ существѣ Его къ хотѣнію припряжена сила: что восхощетъ, то и сотворитъ». Величіе «властію державы» и «непоступность существа» тѣсно между собою связаны, и вѣроятно, первое положеніе предшествовало второму, а его источникъ опять-таки заключался въ стремленіи къ образности, которое выразилось въ уподобленіи Бога земному царю, «не великому, но вездѣ обладающему». Теорія «непоступности» Божества у нѣкоторыхъ сторонниковъ Аввакума, по словамъ діакона Ѳедора, выражалась еще болѣе радикальнымъ образомъ; они го-

---

[26]) Мат. VIII, стр. 108. 112 Ркп. Черниг. дух. сем. № 135, ст. 13 (См. Приложенія).

[27]) Ркп. Черниговской дух. сем. № 135, ст. 7 (См. Приложенія).

ворили: «не сходитъ само Божество и существо съ неба на землю, не вездѣ есть Богъ существомъ» [28]).

Но если существо Божіе отличается «непоступностью», то какъ согласовать съ этимъ свойствомъ ученіе о Христовомъ воплощеніи? Какъ допустить, чтобы Богъ, «непоступно существомъ пребывающій въ вышнихъ», могъ сойти «въ чрево Дѣвыя», быть «во гробѣ съ плотію», «во адѣ душею нагою», «въ раи со разбойникомъ»? Не явится ли такимъ образомъ «разсѣченіе единороднаго Сына на четыре ипостаси»? И вотъ, чтобы избѣжать такого противорѣчія своему основному взгляду на свойство существа Божія, Аввакумъ сталъ проповѣдывать, что Богъ вочеловѣчился не существомъ, но благодатью. «Азъ исповѣдую, писалъ онъ къ Сергію, и вѣрую свойство недвижимо, но изліявъ Себе Богъ Слово во утробу Дѣвыя силу существа естественную, припряженна бо къ Божію хотѣнію Ему сила: восхотѣвъ бо, изліявъ Себѣ неизреченно, а самое существо отнюдь, отнюдь непоступно. Отча нѣдра не оставль, сошедъ на землю *силою благодати* несказанно. Не самое Божественное существо поступи отъ превыспреннихъ, но *промыслъ* неизглаголанъ. Якоже пророцы видѣша, тако и вочеловѣчися Сынъ Божій дѣйствомъ Духа Святаго, а не самымъ существомъ, но *схожденіемъ*». Опять являлось новое матеріальное уподобленіе схожденія Божества солнечному свѣту: «Якоже солнце луча своя на землю низпущаетъ, а самый кругъ огня выспрь при тверди, тако и о Бозѣ подобаетъ разумѣвати». Аввакуму казалось, что, допуская воплощеніе Бога существомъ, придется предположить «истощеніе Божественнаго существа»; поэтому онъ особенно настоятельно говорилъ, что Христосъ «вочеловѣчися неотлучнымъ Божествомъ существа Своего отъ нѣдръ Отчихъ», что «самое существо ипостаси не истощися и пребысть нераздѣльно и отъ Отца неотлучно», что «Христосъ существомъ весь горѣ со Отцемъ бысть несѣкомо» [29]). Такимъ образомъ, источникъ этого новаго заблужденія Аввакума опять-таки заключается въ полемическомъ увлеченіи, въ стремленіи опровергнуть мнимую ересь Ѳедора, будто-бы разсѣ-

---

[28]) Мат. VI, стр. 110.

[29]) Ркп. Черниговской дух. сем. № 135, ст. 12. Это же ученіе о воплощеніи находится и въ посланіи Аввакума къ нѣкоему Іонѣ, Хр. Чт. 1888, I, стр. 752 (См. также Приложенія къ настоящему изслѣдованію).

кающаго Божественное существо; а кромѣ того ясно, что отвлеченная высота христіанскаго догмата не была доступна пониманію Аввакума, привыкшаго мыслить конкретно, образно, прибѣгавшаго вслѣдствіе этого къ такимъ сравненіямъ, которыя еще болѣе укрѣпляли его въ его заблужденіяхъ.

Съ догматомъ о воплощеніи тѣсно связанъ былъ вопросъ о зачатіи Христовомъ. Каково было объ этомъ мнѣніе Ѳедора, мы изъ его собственныхъ сочиненій ничего не знаемъ; Аввакумъ же приписываетъ ему очень странный взглядъ: «ухомъ де Христосъ вниде въ Дѣву, и неизреченно бокомъ изыде». Насколько достовѣрно это показаніе, мы не можемъ сказать, но, опровергая заблужденіе Ѳедора, Аввакумъ пускается въ такія разсужденія, которыя представляются прямо неумѣстными. «Мы же, говоритъ онъ, о зачатіи Бога Слова по писанію вѣруемъ сице: пророку Іезекіилю показано на востоцѣ дверь заключена, ею же дверію никтоже пройде токмо единъ Богъ, и паки запечатлѣну остави. И Іосифъ творецъ канономъ пишетъ, святый, сице: не разверзе двери дѣвства въ воплощеніи, гробу не разверзе печати, Христосъ изыде. Сій стихъ писанъ на Пасху. И паки той же Іосифъ пишетъ въ канонѣ акаѳисту Богородицы 8-я пѣсни стихъ: ложесны Слово пріяла еси, и иже вся носящаго понесла еси. Виждь, слышателю, въ зачатіи Богъ Слово дверію естественною вниде, сирѣчь ложесны, а не ухомъ слуха, и пріимъ кровь отъ пречистыхъ кровей ея, девятомѣсячно изыде тѣми же дверьми неизреченно, а не бокомъ, но ложесны изыде, и паки запечаталъ. Понеже прежде рожества и въ рожествѣ и по рожествѣ паки дѣвая» [30]).

Эти споры волновали раскольниковъ, и, вѣроятно, образное изложеніе Аввакума привлекало на его сторону не мало людей, для которыхъ отвлеченная, хотя и вполнѣ православная, рѣчь Ѳедора представлялась не совсѣмъ понятной. Являлись, по словамъ Ѳедора, разные «невѣжи, безумно толкующіе отъ своего нечистаго смысла и заблуженія»,—они приводили Ѳедору такое доказательство: «аще бы самое существо сошло въ дѣвицу-ту, Христову мать, такъ бы и сожгло ея чрево-то» [31]). Укоряли его и во всѣхъ другихъ его мнимыхъ заблужденіяхъ: «не буди

[30]) Мат. V, стр. 349—350.
[31]) Мат. VI, стр. 114.

намъ, Θеодоръ Ивановичъ, и помыслити по твоему, еже самое существо во Христѣ вѣровати, или безъ плоти Христу до воскресенія во адъ сходити съ душею единою, или Святому Духу самому существомъ сняти на Апостолы тогда въ Пятдесятницу» [32]).

Къ догматическому ученію о Святомъ Духѣ Аввакумъ примѣнилъ тотъ же самый принципъ «непоступности» Божества, и съ этой точки зрѣнія оказалось, что «самое существо Параклитово отнюдь свойство недвижимо пребываетъ», или (какъ, по словамъ Θедора, выразился еще рельефнѣе какой-то ученикъ Аввакума, «слѣпой бѣдной буесловъ»), Богъ Духъ не посылается съ неба никуды, но благодать и сила отъ Духа посылается». Согласно съ такимъ взглядомъ, приходилось признавать, что въ день Пятидесятницы Духъ Святый сошелъ на апостоловъ не существомъ, а только благодатью, подобно тому, какъ Онъ дѣйствовалъ черезъ пророковъ. «Статное ли то дѣло, восклицалъ Аввакумъ, существомъ Духу Святому снити и раздавше дары, паки горѣ взыти? Самый робячей розмыслъ! Якоже посулилъ Господь, тако и сотворилъ: въ десятый день по Вознесеніи посла Утѣшителя, сирѣчь благодать, а не самое существо, ниж тварно что, но благъ благодать пріиде и вселися во ученики и неотлучно пребысть съ ними». Какъ передаетъ Θедоръ, и въ этомъ случаѣ не обошелся Аввакумъ безъ крайне реалистическаго толкованія чудеснаго факта, сообщаемаго Священнымъ Писаніемъ: «тѣ убо языки на главахъ апостольскихъ не Духа Святаго сѣденіе глаголалъ онъ, но благодать пришедшую изъ апостоловъ сквозѣ тѣмя: не вмѣстилася-де въ нихъ вся и на главы вышла!» Заблужденія относительно свойствъ Сына Божія и Святаго Духа были самыми упорными, и Аввакумъ продолжалъ ихъ держаться, даже примирившись съ Θедоромъ относительно другихъ пунктовъ разногласій [33]).

Коснулись въ спорѣ ученія о душѣ, причемъ изъ словъ Аввакума можно предполагать, что споръ этотъ возникъ вслѣдствіе уподобленія души Божественному существу по ея безплотности и трисоставности, на что можно найти указанія у Отцевъ Церкви. Аввакумъ утверждалъ, что всѣ святые «научаютъ, яко душа единосраслена и тѣлесовидна: умъ, слово и духъ — силы

---

[32]) Мат. VI, стр. 101.

[33]) Ркп. Черниговской дух. сем. № 185, ст. 15. Мат. VI, стр. 101, 120.

въ ней дѣйственныя», т. е. не составныя части, а три вида проявленія душевной энергіи. Человѣкъ, по словамъ Аввакума, сообразенъ Богу; но душа «не по естеству божественному имать естество, но вещь тѣлесовидна, ангелъ нѣкій, чистѣйшій духъ—душа, но и плотна есть, единовидна и единосоставна, а не трисоставна, прежде ума и слова сотворена». Названіе души трисоставной, какъ указалъ П. С. Смирновъ, встрѣчается у Григорія Богослова, но есть ли въ этомъ названіи указаніе частей души, противъ котораго возстаетъ Аввакумъ, сказать трудно. Во всякомъ случаѣ видно, что и здѣсь Аввакумъ вооружался противъ какой-то представлявшейся ему ереси Ѳедора, можетъ быть, противъ разсѣченія души на три части, понимаемаго какъ-нибудь матеріально, хотя положительнаго свидѣтельства о такомъ взглядѣ мы не имѣемъ, такъ какъ самъ Ѳедоръ объ этомъ пунктѣ разногласія ничего не говоритъ [34]).

Кромѣ изложенныхъ вопросовъ, о которыхъ мы имѣемъ показанія самого Аввакума, мы знаемъ со словъ Ѳедора еще о трехъ предметахъ, возбудившихъ споры между Пустозерскими соузниками. Прежде всего препирательство возникло между Ѳедоромъ и Лазаремъ, къ которому присоединился и Аввакумъ, по вопросу о томъ, какъ надо себѣ представлять ангеловъ, причемъ Лазарь, какъ видно изъ словъ Ѳедора, стремился къ человѣкообразному представленію ангеловъ, согласно съ тѣмъ, какъ они пишутся на иконахъ, и ссылался на Діонисія Ареопагита. «И у ангеловъ онъ, Лазарь, глаголаше власы быти, и торочки на главахъ, и зерцала въ рукахъ, и крыла у нихъ. Азъ же глаголахъ ему преко, яко ангели вси не имѣютъ плотскаго въ себѣ ничего, ни власовъ, ни крилъ, ни главъ, ни рукъ человѣческихъ: зане дуси суть. А пишутся они по плотскому виду того ради, понеже инако не возможно написати ангела и души, и Бога самого на иконѣ... И то они, батки, поставили въ хулу мнѣ по рвенію, Аввакумъ писалъ глухо, бутто азъ бѣдной, такой и сякой, отъ сновъ прельстился и с ума сбрелъ. Не постави имъ, Господи, въ грѣхъ сего!» Ссылка на сочиненія св. Діонисія Ареопагита дѣлалась, вѣроятно, примѣнительно къ мнѣніямъ Аввакума и Лазаря о лицахъ св. Троицы, такъ какъ приводилось, по словамъ Ѳедора, названіе Сына Божія и Духа Святаго «бо-

---

[34]) Ркп. Чернит. дух. сем. № 135, ст. 16. Хр. Чт. 1897 г., іюль, стр. 80—81.

госадными отраслями», и при этомъ ссылались и на статьи Діонисія объ ангелахъ. Каковы были эти послѣднія ссылки, Өедоръ не сообщаетъ, у Аввакума же въ его «Житіи» мы находимъ ссылки, не имѣющія отношенія къ излагаемому Өедоромъ человѣкообразному ученію объ ангелахъ [35]).

По двумъ другимъ спорнымъ вопросамъ, о которыхъ мы знаемъ со словъ Өедора, по вопросамъ о пресуществленіи св. даровъ на литургіи и объ основаніи церкви, Аввакумъ и Лазарь высказывали мнѣнія, также не принятыя православной церковью: относительно пресуществленія они думали, что оно совершается на проскомидіи, тогда какъ Өедоръ тоже неправильно полагалъ, что оно совершается при произнесеніи словъ Спасителя: «пріимите и ядите, се есть тѣло мое» [36]); основаніемъ церкви Аввакумъ и Лазарь считали не Христа, но апостола Петра [37]). Это послѣднее показаніе Өедора можетъ быть отчасти подтверждено тѣми неясными выраженіями, которыя мы находимъ въ разобранномъ нами Аввакумовомъ «посланіи къ неизвѣстному лицу», въ которомъ, говоря о четвероконечномъ и осьмиконечномъ крестахъ и приведя слова Спасителя: «Яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою», Аввакумъ замѣчаетъ: «Пускай, стереги церковь Христову, *на тебѣ церковь положена*, сирѣчь приказано тебѣ то дѣло вѣрному и доброму пастырю: стой в олтарѣ, пастырь, и гляди на всю церковь» [38]). Отмѣченныя курсивомъ слова, можетъ быть, въ устномъ изложеніи и вели къ предположенію, что основаніемъ церкви долженъ считаться апостолъ Пётръ, хотя въ приведенномъ отрывкѣ, а особенно въ другомъ сочиненіи Аввакума, въ «Книгѣ на крестоборную ересь» нельзя видѣть яснаго выраженія этого неправославнаго взгляда; и тамъ Аввакумъ, сравнивая формы крестовъ, выражается о крестѣ «Петровомъ» (четвероконечномъ) такимъ образомъ: «Гляди на престолъ и на церковь, и люди Христовы паси, по заповѣди Его, якоже приказано тебѣ стадо сіе противу отвѣта твоего»; а затѣмъ приведя относящееся сюда мѣсто изъ Евангелія, онъ говоритъ: «Да по заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Іисуса

---

[35]) Мат. VI, стр. 117—118, V, стр. 6—7.
[36]) Мат. VI, стр. 128.
[37]) Мат. IV, стр. 97.
[38]) Мат. V, стр. 219.

Христа и намъ дана таже власть, архіереомъ и іереомъ, якоже и Петру, право правящимъ слово Господне,—вмѣстѣ сѣдимъ на горнемъ мѣстѣ подъ его Петровымъ крестомъ» [39]). Изъ этого можно видѣть, что въ спорѣ опять таки было какое-то недоразумѣніе, происходившее отъ неясности выраженій, которыхъ, къ сожалѣнію, мы не знаемъ.

Резюмируя изложенныя свѣдѣнія о еретическихъ мнѣніяхъ Аввакума, мы находимъ правильнымъ установить слѣдующія положенія:

1) Отвергать дѣйствительность споровъ, происходившихъ между Пустозерскими расколоучителями, и существованіе еретическихъ мнѣній Аввакума, какъ это дѣлаетъ Семенъ Денисовъ въ своемъ «Виноградѣ», не представляется возможнымъ,—и это уже доказано митр. Макаріемъ, Александромъ Б., авторомъ статьи «Протопопъ Аввакумъ, какъ вѣроучитель и законодатель раскола», и П. С. Смирновымъ.

2) Предметы, по которымъ произошелъ споръ между расколоучителями, точно опредѣляются нашими источниками, перечисленными выше.

3) Однако источники эти не полны или односторонни. Показанія Өедора, несмотря на видимую его добросовѣстность, не могутъ быть принимаемы безъ всякихъ оговорокъ: въ нихъ передается вполнѣ, вѣроятно, точно самая сущность еретическихъ мнѣній Аввакума, но они не даютъ намъ ключа къ опредѣленію причинъ возникновенія этихъ мнѣній. Собственныя сочиненія Аввакума, относящіяся къ данному вопросу и сохранившіяся только въ отрывкахъ (за исключеніемъ «Бесѣды объ Авраамѣ». «Посланія къ нѣкоему Іонѣ» и «Посланія къ Сергію»), именно благодаря этой отрывочности, не даютъ достаточно прочнаго основанія для сужденія о генезисѣ еретическихъ взглядовъ протопопа.

4) Но все же мы можемъ по нѣкоторымъ выраженіямъ, нами указаннымъ, предположить, что еретичество Аввакума, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ пунктахъ спора, имѣло источникомъ желаніе опровергнуть предполагаемое еретичество противника; опровергая такую ересь, Аввакумъ, благодаря неумѣнію отвлеченно мыслить, благодаря стремленію представлять свою мысль въ возможно образной, рельефной формѣ, увлекаясь полемиче-

[39]) Мат. V, стр. 281—282.

скимъ задоромъ, самъ впадалъ въ ересь, противоложную той, въ которой онъ заподозрѣвалъ своего противника и въ которой тотъ былъ совсѣмъ неповиненъ.

Послѣ этихъ замѣчаній о содержаніи полемики между Аввакумомъ и Өедоромъ скажемъ нѣсколько словъ и о ея характерѣ. Въ отрывкахъ сохранившихся «спорныхъ писемъ» Аввакума намъ бросается прежде всего въ глаза та бездоказательность, съ которой онъ выставляетъ свои еретическія мнѣнія. Однако, если мы сравнимъ эти отрывки съ Бесѣдой объ Авраамѣ» и съ «Посланіемъ къ Сергію», то мы замѣтимъ, что въ этихъ послѣднихъ произведеніяхъ Аввакумъ приводитъ разныя доказательства изъ Священнаго Писанія, твореній св. отцовъ и изъ богослужебныхъ книгъ (мы ихъ указывали выше); о такихъ доказательствахъ упоминаетъ и Өедоръ, говоря, что Аввакумъ неправильно толкуетъ писанія, и на этомъ основаніи мы можемъ предположить, что подобныя же доказательства могли быть и въ недошедшихъ до насъ «спорныхъ письмахъ»; эти доказательства не представляли интереса для составителей обличеній на «спорныя письма», для нихъ важно было, въ виду ихъ полемической цѣли, представить одну сущность Аввакумовыхъ заблужденій, и они свободно опускали его доказательства, приводя, впрочемъ, изъ нихъ такія, которыя являлись бы курьезомъ и по своему характеру говорили не въ пользу Аввакума. Таково, напримѣръ, слѣдующее наставленіе Аввакума, составляющее въ обличеніяхъ 9 и 10 статьи еретическихъ мудрованій Аввакума: «Федька, а Федька, коли не знаешь въ книгахъ силы, и ты вопроси бабы поселянки: заблудилъ де отъ гордости, государыня-матушка,.. помози моему сиротству,.. скажи-де, государыня о Святѣй Троице, Троица де что есть. Такъ она тебѣ отвѣщаетъ и скажетъ... Вопроси еще ея же, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ» [40]). По самому вступленію «коли не знаешь въ книгахъ силы», намъ кажется, можно предположить, что этому отрывку предшествовали какія-нибудь свидѣтельства отъ книгъ, такъ что совѣтъ обратиться къ бабѣ-поселянкѣ явился уже въ качествѣ послѣдняго ироническаго пріема доказательства, какъ указаніе на очевидность подтверждаемой книгами правоты Аввакума даже для бабы-поселянки.

---

[40]) См. «Приложенія».

Кромѣ этой бездоказательности, происходящей отъ неполноты источника, насъ поражаетъ въ «письмахъ» не знающій предѣла, ругательный тонъ, съ которымъ Аввакумъ обращается къ своему противнику. Дьяконъ все время называется уничижительно Ѳедькой и награждается всевозможными бранными эпитетами, какъ то: «еретичешко худой, ересникъ, прелагатай, отъ никоніанъ рукоположенецъ, поганецъ, собака косая, дуракъ страдникъ, адовъ песъ, блядинъ сынъ» и т. д. Аввакумъ предаетъ своего противника проклятію въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А Федка прелагатай со единомысленники проклятъ да есть, ей да будетъ и будетъ в вѣкъ, собака, блядинъ сынъ, адовъ песъ. Вотъ тебѣ, отступникъ, Пѣсни пѣснямъ Соломоновы! Играй подъ клятвою вѣчною, затворилъ тя Богъ въ противленіе истинѣ, погибай со своими, окаянный!».

Если сравнить съ этими полемическими отрывками то, что писалъ Ѳедоръ, то сразу замѣчается гораздо болѣе спокойный, мягкій тонъ и стремленіе обставить свое изложеніе по возможности систематическими доказательствами. Ѳедоръ самъ указываетъ тотъ методъ, котораго слѣдуетъ держаться для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ; онъ пишетъ своему сыну: «И ты, чадо мое животное Максиме, аще знаеши тѣхъ мнящихся быти учителей и наставниковъ погибели и во тьмѣ невѣдѣнія шатающихся, вели имъ прочести трезвымъ умомъ и съ чистою совѣстію четыре Христова Евангелія, изряднѣе же Сына Громова богословіе, и прочихъ святыхъ апостоловъ проповѣдь вселенную, и святыхъ седми соборовъ и девяти помѣстныхъ дѣянія и правила ихъ пройти, ксимже святыя учителныя слова прочести съ разумомъ и со извѣстнымъ испытаніемъ, да ктомуже и вся службы на господьскія двунадесятыя праздники просмотрити, стихѣры и славники, и ирмосы, и каноны, богомудрыхъ творцовъ гранесія» [41]).

Но кромѣ доказательствъ отъ книгъ Ѳедоръ въ свое оправданіе разсказывалъ о разныхъ своихъ чудесныхъ видѣніяхъ, легко возникавшихъ вслѣдствіе того удрученнаго состоянія, въ которомъ онъ находился подъ вліяніемъ тяжелаго для него столкновенія со своимъ духовнымъ отцемъ и соузникомъ. Вотъ для примѣра одно такое видѣніе: «Въ постъ Филипповъ отпѣхъ за-

---

[41]) Мат. VI, стр. 101.

утреню рано, и повалихся на скамейку, и начахъ размышляти въ себѣ, глаголя: что се, Господи, будетъ? тамо, на Москвѣ, клятвы вси власти налагаютъ на мя за старую вѣру и на прочихъ вѣрныхъ, и здѣ у насъ между собою стали клятвы и свои друзи мене проклинаютъ за несогласіе с ними въ вѣрѣ же, во многихъ догматѣхъ болши и никоніянскихъ! И егда размышляющу ми о сихъ всѣхъ, абіе внезапу гласъ бысть, яко громъ, во узилищи нашемъ. И яко войско велико аггеловъ или святыхъ пріиде,—не видѣхъ лицъ ихъ,—и начаша согласно вси глаголати во едино слово, яко мнози ученицы у мастера, псаломское оно слово: оскверниша завѣтъ его, раздѣлишася отъ гнѣва лица его. И многажды се слово возглашаху они, и престаша. И паки начаша второе слово возглашати посемъ псаломское же, сіе оное: истинною твоею потреби ихъ. Къ Богу вопіяху на противящихся истинѣ Божіи. И сію рѣчь многажды же глаголаху соборнѣ. И посемъ ино не бысть ничтоже. И мнѣ грѣшному дано тѣ гласы слышати, а не сказано ничтоже, на ково они тѣ слова пояху,—на никоніянъ ли, или насъ, или мене научаху внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ тою молитвою потребляти. И въ недоумѣніи былъ великомъ о томъ. И своимъ клевретомъ сказахъ о томъ,—и они обругали то, и въ смѣхъ поставили, и не умилилися ни мало» [42]). Рядъ подобныхъ видѣній вызывалъ, какъ и въ этомъ случаѣ, только насмѣшки противниковъ Ѳедора, которые увѣряли, что онъ отъ сновъ прельстился и съ ума сошелъ.

Вмѣстѣ съ этими видѣніями Ѳедоръ приводитъ и другіе аргументы, тоже чудеснаго свойства, причемъ представлены посрамленными его противники. Говоря о незаконности того проклятія, которое на него наложилъ Аввакумъ, Ѳедоръ разсказываетъ о наказаніи, испытанномъ протопопомъ за свою несправедливость: «А здѣ уже бысть таковое знаменіе отъ Бога надъ нимъ, протопопомъ, за пустошную его клятву, еже на мя налагалъ,—вскорѣ было тогда по томъ развратѣ: пріидоша бѣси къ нему явно и связаша его, якоже и онаго попа, о немъ же писано въ житіи святаго Симеона Столпника, иже неправедно такоже клятву налагалъ на духовныхъ дѣтей. Онъ же начатъ плакати о томъ. И бѣси отступиша отъ него въ то время. А

[42]) Мат. VI, стр. 95—96.

послѣ паки тѣмже хвалится зломъ, и къ вамъ писа, еже подъ правило свое мя положи по рвенію»[43]).

Тонъ изложенія у Өедора гораздо болѣе сдержанный, чѣмъ у Аввакума, хотя и у него мы находимъ мѣстами грубыя выраженія, въ родѣ, напр.: «и сіе ваше зловѣріе и дуракъ узнаетъ», или такое объясненіе: «А который человѣкъ во Христѣ Богѣ моемъ самаго существа и самыя невидимыя ипостаси не исповѣдуетъ въ немъ, таковый подобенъ есть мужу ругателю, или дураку, паче же бѣснующемуся, иже бы аще, видя царя земнаго лице, и вѣнецъ и багряницу на себѣ носяща; и вѣнецъ и ризы на царѣ почитаетъ и поклоняется, а лице само царево безчеститъ, и ругается ему, и отметается его: и за буйство и бѣснованіе сподобляется милости отъ царя своего; аще ли отъ ума тако дуритъ таковый, лютой казни смертной предается въ правду»[44]). Эта послѣдняя фраза, напоминающая о смертной казни, показываетъ намъ, что и Өедоръ далеко не особенно милостиво былъ настроенъ по отношенію къ своимъ противникамъ. Однако, въ концѣ посланія мы находимъ у него довольно безпристрастный о нихъ отзывъ: «Подвижники они и страстотерпцы великія, отъ никоніянъ за церковныя законы святыхъ отецъ доблественнѣ, и терпѣніе ихъ и скорби всякія многолѣтныя болши первыхъ мучениковъ мнится ми воистинну. За таже вся и азъ с ними стражду и умираю купно. И еже бо новоприбывшая ихъ оная мудрованія непріятна мнятся мнѣ зѣло, и та вся отлучаютъ мя отъ нихъ, и тѣми раздражаютъ мя вельми, и воспаляютъ присно»[45]).

Нетерпимость, отмѣченная нами у Өедора на словахъ, со стороны его противника выразилась не одними ругательствами, не одними посланіями къ разнымъ его ученикамъ, Игнатію Соловецкому, игумену Сергію[46]), но и крайне неприглядными дѣй-

---

[43]) Мат. VI, стр. 125—126. Не есть ли этотъ эпизодъ тотъ же самый, о которомъ съ указаніемъ другихъ мотивовъ передаетъ самъ Аввакумъ въ посланіи къ Маремьянѣ Өедоровнѣ? Этимъ, можетъ быть, дается, какъ увидимъ далѣе, основаніе для опредѣленія даты посланія.

[44]) Мат. VI, стр. 133.

[45]) Мат. VI, стр. 137.

[46]) Өедоръ говоритъ, будто Аввакумъ писалъ объ этихъ спорахъ царю и царевнамъ: «діаконъ-де во единобожество впалъ, прельстился», Мат. VI, 125; но насколько это достовѣрно, мы не знаемъ.

ствіями, о которыхъ мы имѣемъ разсказъ Θедора. О всѣхъ предметахъ своего разногласія съ Аввакумомъ Θедоръ составилъ «книжицу не малу листовъ съ полтораста». Эту рукопись онъ предлагалъ прочесть Аввакуму, но тотъ отказался, впослѣдствіи же расправился со своимъ противникомъ слѣдующимъ образомъ: «Нѣкогда въ полночь выходилъ азъ изъ ямы вонъ окномъ, якоже и онъ, Аввакумъ, въ тынъ, и ихъ посѣщалъ и прочихъ братію внѣ ограды. И то хоженіе мое нелюбо ему стало: и сотнику сказалъ онъ. Сотникъ же, Андрей именемъ, врагъ бысть, мздоимецъ, и на мя гнѣвъ имѣлъ за нѣкое обличеніе. И въ то время велѣлъ меня ухватитв стрѣльцамъ въ тыну, нага суща. И яша мя, и начаша бити зѣло безъ милости двѣмя дубцы велики стоящаго, и все тѣло мое нагое избиша до крови. Азъ вопихъ: Господи, помилуй! И посемъ связаша руцѣ мои опако, и къ стѣнѣ привязали и знобили на снѣгу часа съ два. А друзи мои зряще мя и смѣющеся! А стрѣлцы, влѣзше въ мою темницу, по благословенію протопопову, и тѣ книжицы и выписки мои похитиша, и ему продаша. И онъ ис тѣхъ книжицъ моихъ листа с три токмо выдралъ лукавно и тѣ листки послалъ на Русь братіямъ нашимъ, перепортя писаніе мое, еже бы мене обвинили, а его бы ученіе оправдали. Азъ убо ему тогда велѣлъ тѣ книжицы всѣ, не портя, послать къ вѣрнымъ: и онъ тако не восхотѣлъ по правдѣ Божіи сотворити... И сія вся писанія изгубилъ онъ у меня по зависти бѣсовской. И посемъ заковали окно мое решеткою: и нужно ми бысть в то время и горько зѣло» [47]). Θедоръ говоритъ даже, что его противники готовы были его убить. Трудно сказать, насколько вѣрно все, что тутъ передаетъ Θедоръ, однако по невоздержному характеру его противниковъ нѣчто подобное разсказанному представляется весьма возможнымъ.

Споръ между Аввакумомъ и Θедоромъ тянулся почти все время ихъ Пустозерской жизни; по крайней мѣрѣ нѣкоторые памятники этого спора писаны не ранѣе 1678—1679 гг.: таково посланіе Θедора къ Максиму, излагающее подробности еще незаконченныхъ препирательствъ; таково и одно изъ посланій Аввакума, который жалуется, что его считаютъ еретикомъ. «Я, грѣшный, говоритъ Аввакумъ, кромѣ писаннаго, не хощу собой за-

[47]) Мат. VI, стр. 131—132.

тѣвать: какъ написано, такъ и вѣрую; идѣже что святыя написали, мнѣ такъ и добро. Иное же уже, окаянной, разсмѣюся: какъ то, реку, уже сатана-то надо мною не возится? никоніяня еретикомъ зовутъ, дѣти духовныя еретикомъ же зовутъ? Да тѣмъ, реку, ты меня, бѣсъ, не отлучишь отъ любви-той Христовы: аще Богъ по мнѣ, кто на ны? И тмы легеоновъ бѣсовъ и злыхъ человѣкъ со Христомъ Іисусомъ не боюся, нежели злословія пустова сосудовъ бѣсовскихъ. Время имъ лаять, а мнѣ терпѣть за имя Господне, не умерши мучитися» [48]).

Однако пока продолжался изложенный догматическій споръ, литературная дѣятельность Аввакума широко развивалась, причемъ нѣкоторыя изъ его многочисленныхъ сочиненій, написанныхъ за это время, могутъ быть отчасти пріурочены къ этому спору, другія явились, какъ отвѣтъ на различные возникавшіе въ средѣ приверженцевъ старой вѣры вопросы практическаго и обрядового свойства, третьи объясняются личными сношеніями Аввакума съ тѣми или другими его послѣдователями. Съ исторической точки зрѣнія самымъ правильнымъ представлялось бы разсмотрѣніе сочиненій Аввакума въ ихъ хронологической послѣдовательности: при этомъ можно было бы прослѣдить видоизмѣненія его взглядовъ на разные вопросы, нарождавшіеся въ средѣ его приверженцевъ, можно было бы лучше представить себѣ картину его душевной жизни во время Пустозерской ссылки... Но такое хронологическое распредѣленіе сочиненій Аввакума, несмотря на всю свою желательность, оказывается чрезвычайно затруднительнымъ: въ очень рѣдкихъ случаяхъ дата можетъ быть найдена прямо въ самомъ сочиненіи, большею же частью намъ приходится прибѣгать къ разнымъ конъектурамъ, которыя помогаютъ намъ установить то, что сочиненіе написано не ранѣе или не позднѣе извѣстнаго года; наконецъ, за исключеніемъ всѣхъ такихъ предположительныхъ выводовъ, все-таки остается третья категорія, рядъ сочиненій, относительно которыхъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, написаны-ли они въ первые годы ссылки или подъ самый конецъ жизни Аввакума.

Всѣхъ сочиненій Аввакума, написанныхъ имъ послѣ Пустозерскихъ казней и потому нами до сихъ поръ не разсмотрѣнныхъ, насчитывается 42, если не считать издаваемыхъ нами въ

---

[48]) Мат. VIII, стр. 84—85.

приложеніяхъ къ настоящему изслѣдованію двухъ варіантовъ статьи «О сложеніи перстъ». Изъ этого числа 32 напечатаны Н. И. Субботинымъ въ V и VIII томахъ его «Матеріаловъ» [49]), а 10 изданы нами въ «Христіанскомъ Чтенія» 1888 г. [50]) и теперь перепечатываются въ «Приложеніяхъ», съ присоединеніемъ второго изъ указанныхъ варіантовъ статьи «О сложеніи перстъ» и новыхъ отрывковъ толкованій на псалмы и пареміи, отрывковъ, входившихъ, какъ можно думать, въ составъ цѣлаго сочиненія, часть котораго была раньше издана г. Субботинымъ въ VIII т. «Матеріаловъ».

Изъ всѣхъ этихъ сочиненій только самая незначительная часть можетъ быть отнесена въ указанную нами первую категорію, т. е. заключаютъ въ себѣ опредѣленныя основанія для установленія ихъ даты. Это слѣдующія сочиненія:

1) «Списаніе и собраніе о божествѣ и о твари и како созда Богъ человѣка»,—по мнѣнію г. Субботина, это сочиненіе, есть, по всей вѣроятности, та «тетрадка на четырехъ листахъ, отъ божественнаго писанія собраніе протопопа Аввакума», которая была отобрана отъ Златоустовскаго игумена Өеоктиста въ 1665 году, и написано оно до 1653 года, судя по тому, что въ немъ не встрѣчается никакихъ нападеній на церковь и что вообще оно не имѣетъ такого раскольническаго характера, какимъ отличаются всѣ другія сочиненія Аввакума» [51]). Но съ такимъ мнѣніемъ почтеннаго издателя намъ трудно согласиться по слѣдующимъ основаніямъ: во-первыхъ, одно совпаденіе слова «собраніе» въ заглавіи тетрадокъ Өеоктиста и настоящаго сочиненія еще нисколько не можетъ вести къ отожествленію этихъ сочиненій, такъ какъ «собраніе» есть довольно обычный терминъ. Во-вторыхъ, нельзя сказать, чтобы въ этомъ сочиненіи совсѣмъ отсутствовали нападки на православную церковь; такъ, послѣ разсказа о столпотвореніи Вавилонскомъ мы находимъ такое замѣчаніе: «Такъ то и нынѣшнія алманашники, слыхалъ я, мало покоя имѣютъ себѣ: и ветхая испражнять пойдетъ, а въ книжку поглядитъ здорово ли испразднится. Бѣдные, бѣдные! Какъ вамъ

---

[49]) Въ V томѣ №№ 1, 2, 7, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 23, 24, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34 и 35; въ V т.—№ 1 и изъ № 2, а, б, в, г, д, е, ж, з.

[50]) Хр. Чт. № II, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII (въ «Приложеніяхъ» нумерація другая).

[51]) Мат. V, стр. XXXI.

не соромъ себя! Оставя промыслъ Творца своего, да діаволу работаете, невродяне безчинники! Уйдете ли на столпъ, какъ гнѣвъ Божій пріидетъ? *Отстрѣляетеся изъ пищалей и изъ мушкетовъ?* Знать по всему! Да вы, *пестрые рыси,* отмахаетеся накрестъ руками, воздухъ-тотъ осѣняя? Полно, терпитъ всевидящее око, ожидаетъ вашего покаянія! Свиньи и коровы болше васъ знаютъ,— предъ погодою вижжатъ, да ревутъ, да подъ повѣти бѣгутъ: и послѣ того дождь бываетъ. А вы, разумные свиньи, лице небу и земли измѣряете, а времени своего не искушаете, како умереть. Горе только съ вами, *съ толстыми быками!* Покайтеся, бѣдные, прибѣгните къ Богу, да проститъ и помилуетъ васъ, яко благъ и человѣколюбецъ»[52]). Подчеркнутыя нами выраженія «пестрыя рыси» и «толстые быки» прямо относятся къ православнымъ епископамъ, которыхъ Аввакумъ не разъ награждаетъ подобными эпитетами. Фраза «отстрѣляетеся изъ пищалей и мушкетовъ» несомнѣнно заключаетъ въ себѣ намекъ на какую-то войну, и если тутъ не подразумѣвается Соловецкая осада (что менѣе вѣроятно), то, намъ кажется, этотъ намекъ можно отнести къ войнѣ съ турками 1671 года. Наконецъ, самое важное обстоятельство, опредѣляющее дату, есть собственное указаніе Аввакума: «отъ Христа до сѣхъ мѣстъ 1680 лѣтъ», а такъ какъ по раскольническому счету отъ сотворенія міра до Рождества Христова прошло 5500 лѣтъ, то дата Аввакума соотвѣтствуетъ нашему 1672 году, чѣмъ и объясняется намекъ на недавно бывшую турецкую войну.

2) Сочиненіе «О иноческомъ чинѣ» (Мат. V, стр. 282—291)— тоже должно быть отнесено къ 1672 году, такъ какъ въ этой статьѣ упоминается о томъ же нашествіи турокъ: «И на Русь было напрягъ (турской царь) въ мимошедшемъ *году»,* т. 1671 г. Указаніе «тому времени 282 *года,* какъ бысть во Флоренцѣ соборъ»— должно быть исправлено 232 *года;* ошибка легко могла произойти при перепискѣ отъ смѣшенія славянскихъ цифръ для 30 и 80, а при исправленіи получается для этого сочиненія дата 1671 (1672) годъ. Имѣя въ виду эти соображенія, мы устраняемъ категорическое отрицаніе принадлежности настоящаго сочиненія Аввакуму, высказанное Влад. Карповымъ (Библіографъ, 1884 г. № 1).

---

[52]) Мат. V, стр. 335.

3) Статья «О образѣхъ» (Мат. V, стр. 291—297) можетъ быть отнесена къ 1673—74 г., такъ какъ въ ней упоминается «въ Боровскѣ пещь халдѣйская, идѣже мучатся святіи отроцы, херувимомъ уподобившеся, трисвятую пѣснь возсылающе», т. е. боярыня Морозова, кн. Урусова и Марія Данилова.

4) Къ тому же времени и по тѣмъ же мотивамъ слѣдуетъ отнести толкованія Аввакума на псалмы и пареміи, помѣщенныя въ VIII т. Матеріаловъ, стр. 1—16, и дополненія къ нимъ, печатаемыя нами въ «Приложеніяхъ».

5) Годъ написанія «Житія» опредѣляется г. Жежеленко[53]) на основаніи показанія Аввакума «всего тридцать лѣтъ, какъ имѣю священство», и «совершенъ въ протопопы—тому минуло 20 лѣтъ». Изъ этихъ словъ г. Жежеленко выводитъ, что «Житіе» написано въ 1671 году, такъ какъ Аввакумъ поставленъ въ протопопы въ 1651 г. Г. Субботинъ (Мат. V, стр. XXXI) относитъ написаніе «Житія» къ 1675 г., и въ первомъ изданіи настоящей книги мы принимали ту же дату, но теперь мы соглашаемся съ датой 1672—73 гг., установленной г. Смирновымъ (Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII вѣкѣ, а также Журн. М. Н. П. 1899 г. кн. 1, стр. 263—265).

6) Книга на крестоборную ересь» (Мат. V, стр. 258—281) написана въ 1675 году, судя по тому, что Аввакумъ говоритъ «А Соловецкой монастырь в осадѣ 7 лѣтъ отъ никоніянъ сидитъ».

7) Къ тому же 1675 году относится частью и «Бесѣда объ Авраамѣ» (Мат. V, стр. 337—376), въ которой, вспоминая о своихъ страданіяхъ, Аввакумъ говоритъ: «22 лѣта плаваю такъ и сякъ, иногда нагъ, иногда гладенъ» и т. д.

8) Въ томъ же году написана «Книга всѣмъ горемыкамъ миленькимъ» (Мат. V, стр. 231—239). Въ ней мы находимъ такое показаніе: «А здѣсь Кіпріяну голову отсѣкли 83, іюля въ 7 день въ среду». Точность этой записи можетъ служить для насъ доказательствомъ, что Аввакумъ упоминаетъ о фактѣ, случившемся недавно, такъ что самое посланіе могло быть писано осенью того же 1675 года.

9) «Посланіе ко всѣмъ ученикамъ» (Мат. VIII, стр. 81—87) относится приблизительно къ 1678 году; Аввакумъ говоритъ о «никоніянахъ», «безпрестани лѣтъ съ полтретьятцать дѣлаютъ

---

[53]) Странникъ, 1883, августъ, стр. 580—581, примѣчаніе.

на хребтѣ моемъ»; если считать съ 1653 года, то получается 1678 годъ.

10) «Посланіе къ нѣкоему брату» (Мат. VIII, стр. 67—81) написано въ 1680 году, такъ какъ въ этомъ сочиненіи упоминается о смерти священника Дометіана, сжегшагося въ Сибири въ 1679 году.

11) Посланіе Аввакума къ царю Ѳедору Алексѣевичу (Мат. V, стр. 155—161), было, какъ предполагаетъ П. С. Смирновъ, написано по полученіи въ Пустозерскѣ вѣсти о вступленіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича, т. е. въ 1676 году.

Ближе всего къ этой категоріи сочиненій съ точно опредѣляемой датой подходятъ посланія Аввакума къ боярынѣ Морозовой: за исключеніемъ перваго, разобраннаго нами въ предыдущей главѣ, всѣ они написаны въ 1673 и 1674 годахъ. Въ одномъ изъ этихъ посланій (пятомъ по изданію г. Субботина) есть указаніе, позволяющее точно сказать, когда оно написано; Аввакумъ говоритъ, что его «мучатъ 20 лѣтъ и единое лѣто», слѣдовательно это посланіе надо относить къ 1674 году. Во второмъ посланіи упоминается о смерти Ивана Морозова, такъ что оно могло быть написано въ 1672 году; третье же и четвертое посланія, какъ полагаетъ Н. И. Субботинъ, написаны Аввакумомъ послѣ полученія извѣстій о «страданіяхъ» Морозовой, такъ что ихъ можно относить къ 1673 или 1674 гг., но не позже, такъ какъ съ этого времени, вѣроятно, прекратились всякія сношенія съ Морозовой ея единомышленниковъ.

Почти съ такою же точностью можетъ быть опредѣлено и время написанія трехъ посланій къ нѣкоему Симеону; самымъ послѣднимъ, по нашему мнѣнію, надо считать то посланіе, которое г. Субботинъ называетъ первымъ; мы такъ думаемъ потому, что въ этомъ посланіи самъ Аввакумъ указываетъ, что со времени его отправленія въ первую ссылку прошло 23 года и 7 мѣсяцевъ;—слѣдовательно посланіе написано въ апрѣлѣ или въ маѣ 1677 года. Что касается второго и третьяго (по изданію г. Субботина) посланій, то они писаны раньше перваго, одно еще при жизни царя Алексѣя Михайловича: въ третьемъ Аввакумъ, говоря о стѣсненіяхъ, которыя ему приходится терпѣть въ Пустозерскомъ заключеніи, выражается такъ: «мнѣ видится, и у царя Алексѣя Михайловича нѣтъ такова покоя»; а кромѣ того въ этомъ посланіи есть обращеніе къ боярынѣ Морозовой; во вто-

ромъ же посланіи, обращаясь къ царю Максиміану, подъ которымъ, вѣроятно, разумѣется царь Алексѣй Михайловичъ, Аввакумъ говоритъ: «Ну, сквозь землю пропадай, блядинъ сынъ! Полно христіанъ-тѣ мучить!» Судя по этой фразѣ можно думать, что или Аввакумъ писалъ свое посланіе при жизни царя Алексѣя Михайловича, или только получилъ извѣстіе о его смерти. Такимъ образомъ всѣ три посланія могутъ быть отнесены къ промежутку между 1675—1677 гг.

Относительно хронологіи другихъ сочиненій Аввакума наши предположенія не могутъ быть особенно прочными и сводятся къ ихъ группировкѣ въ два разряда: одни написаны до «Житія» или въ царствованіе Алексѣя Михайловича, другія болѣе поздняго происхожденія, написаны уже при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Къ первому разряду можно отнести слѣдующія сочиненія:

1) Посланіе къ Маремьянѣ Ѳедоровнѣ (Мат. V, стр. 195—200) и статья «О сложеніи перстъ» вошли въ составъ Казанскаго списка «Житія», и потому можно предположить, что они написаны ранѣе «Житія». Быть можетъ даже, что статья «О сложеніи перстъ», какъ мы скажемъ далѣе, представляетъ собою переработку той челобитной, которая была подана Аввакумомъ и Даніиломъ Костромскимъ въ 1653 году. Конечно, наше предположеніе о томъ, что эти два сочиненія написаны ранѣе «Житія», можетъ подтвердиться тогда, если будетъ признано наше другое предположеніе, что Казанскій списокъ представляется наиболѣе близкимъ къ подлинному тексту «Житія». Впрочемъ относительно посланія къ Маремьянѣ мы полагаемъ возможнымъ принять исправленіе П. С. Смирнова, полагающаго, что оно могло быть писано около 1676 г. и позднѣе (Ж. М. Н. П. 1899, кн. 1, стр. 266 и Внутр. вопросы въ расколѣ, стр. LXII).

2) Къ первому періоду, думается намъ, слѣдуетъ отнести и статью «О дняхъ поста и мясоястія»; въ этой статьѣ Аввакумъ касается вопроса, возбужденнаго въ началѣ 1670-хъ годовъ, вопроса о постѣ въ субботу, а кромѣ того говоритъ о сошествіи Христовомъ во адъ, причемъ тонъ его спокойный, не полемическій, такъ что можно думать, что этотъ пунктъ изложенныхъ разногласій его съ Ѳедоромъ еще не вызывалъ въ немъ страстнаго отношенія.

3) Статья «о внѣшней мудрости», по нѣкоторой близости со-

держанія съ статьей «объ иконномъ писаніи», можетъ быть относима къ 1673—4 гг., хотя такое основаніе очень шатко.

Столь же шатки основанія для опредѣленія времени «посланія къ нѣкоему Іонѣ», которое также имѣетъ въ содержаніи нѣчто общее съ этими статьями.

Ко второму разряду можно отнести слѣдующія сочиненія:

1) «Бесѣду о наятыхъ дѣлателяхъ», въ которой находимъ такое мѣсто: «хотя много надосадитъ никоніянинъ, да какъ пришедъ (по другому списку: пришлетъ) съ лестью бывало: вѣдаю твое чистое и непорочное и богоподражательное житье, помолись обо мнѣ, и о женѣ, и о дѣтяхъ, и благослови насъ!—такъ мнѣ жаль станетъ, плачю предъ Богомъ о немъ. Да и нынѣ его жаль,—не знаю што. Завелъ ево собака Никонъ-то за мысъ: а то онъ доброй человѣкъ былъ. Знаю я ево». Никоніанинъ, о которомъ здѣсь говорится, конечно, царь Алексѣй Михайловичъ, такъ какъ слова «вѣдаю твое чистое и непорочное и богоподражательное житіе» и т. д. были переданы Аввакуму, по разсказу «Житія», отъ лица царя Матвѣевымъ и Башмаковымъ. Судя по приведенному отрывку, можно думать, что эта бесѣда написана уже послѣ смерти царя, такъ какъ о немъ говорится въ прошедшемъ времени; однако г. Смирновъ полагаетъ на основаніи тѣхъ же словъ, что «Бесѣда» писана при жизни царя Алексѣя Михайловича (Ж. М. Н. П. 1899, кн. 1, стр. 266); хотя г. Смирновъ и говоритъ, что это «ясно видно», но мы такой ясности не замѣчаемъ.

2) «Посланіе къ Исидору» (Мат. VIII, стр. 100 — 102) относится къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича и, можетъ быть, къ тому же времени надо отнести и второе посланіе къ Исидору, напечатанное вслѣдъ за этимъ.

3) «Посланіе къ Борису» можетъ быть отнесено тоже къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича; такъ какъ въ этомъ посланіи упоминается игуменъ Сергій, лицо, тождественное съ ученикомъ Аввакума Симеономъ, а это переименованіе произошло уже въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Кромѣ того, по весьма вѣроятному предположенію П. С. Смирнова, проектъ подачи царю челобитной, о которомъ здѣсь говорится, должно быть, явился не за долго до смерти самого Аввакума и былъ осуществленъ уже въ правленіе царевны Софіи, во время стрѣлецкихъ смутъ.

Изложенными соображеніями ограничивается все, что мы мо-

жемъ сказать о времени написанія сочиненій Аввакума, и изъ этого видно, что покуда мы не имѣемъ возможности разсматривать ихъ въ строгой хронологической связи, что дало бы намъ возможность возстановить картину душевнаго состоянія Аввакума и указать послѣдовательность возникновенія въ средѣ раскольниковъ тѣхъ или другихъ вопросовъ, а также очертить постепенное развитіе круга сношеній Аввакума съ его послѣдователями. Кромѣ того о нѣкоторыхъ сочиненіяхъ мы можемъ сказать, что они представляютъ собою компиляцію изъ другихъ сочиненій Аввакума, произведенную не имъ самимъ: таково напечатанное нами «посланіе къ Сергію», состоящее изъ отрывковъ, причемъ отмѣтки: «писалъ Аввакумъ своею рукою» показываютъ, что это цитаты, сдѣланныя другимъ лицомъ, можетъ быть самимъ Сергіемъ; такова и компиляція «посланія къ вѣрнымъ объ антихристѣ», составленная изъ сочиненія дьякона Θедора и изъ отрывка, принадлежащаго, судя по стилю, Аввакуму и цѣликомъ ему приписанная въ рукописи Черниговской семинаріи, откуда мы ее извлекли. Поэтому при разсмотрѣніи сочиненій Аввакума по-неволѣ приходится прибѣгнуть къ другому порядку: отчасти придерживаясь ихъ хронологіи, группировать ихъ по содержанію.

Изъ такихъ группъ мы прежде всего выдѣлимъ сочиненія истолковательнаго характера, которыя и по времени распредѣляются довольно послѣдовательно. Это слѣдующія сочиненія: 1) Списаніе и собраніе о бежествѣ и твари—1672 года; 2) Толкованія на псалмы и пареміи—1673—4 гг.; 3) Бесѣда объ Авраамѣ—1675 г., и 4) Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ, написанная вскорѣ послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича. Судя по тому, что Аввакумъ въ этихъ своихъ сочиненіяхъ касается тѣхъ вопросовъ, которые послужили предметомъ его споровъ съ дьякономъ Θедоромъ, мы можемъ предположить, что эти споры были однимъ изъ мотивовъ, побудившихъ Аввакума заняться истолкованіемъ Священнаго Писанія: этихъ догматическихъ вопросовъ, какъ мы уже указывали выше, Аввакумъ касается въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ» и въ «Толкованіи 12 главы пророчества Исаіи». Однако возникновеніе истолковательныхъ сочиненій Аввакума не можетъ быть объяснено однимъ только этимъ мотивомъ: «Списаніе и собраніе о божествѣ и твари» написано въ опроверженіе апокрифической «Бесѣды трехъ святителей», и кромѣ

того всѣ указанныя толкованія заключаютъ въ себѣ рядъ полемическихъ выходокъ противъ ненавистныхъ Аввакуму никоніанъ, такъ что болѣе общимъ побужденіемъ написанія этихъ истолковательныхъ сочиненій можно признать желаніе доказать свою правоту посредствомъ истолкованія Священнаго Писанія въ извѣстномъ направленіи.

Первое по времени изъ этихъ сочиненій «Списаніе и собраніе» является опроверженіемъ апокрифическаго памятника только въ началѣ, а затѣмъ Аввакумъ занимается толкованіемъ первыхъ трехъ главъ книги Бытія и излагаетъ кратко содержаніе послѣдующихъ пяти главъ. Разбирая «Бесѣду трехъ святителей», Аввакумъ прежде всего (нѣсколько ошибочно) указываетъ на историческую невозможность бесѣдъ между Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Богословомъ и Іоанномъ Златоустомъ, такъ какъ они жили въ разное время. Обращаясь къ содержанію «Бесѣды», Аввакумъ разсматриваетъ только нѣкоторые изъ первыхъ ея вопросовъ.

1) «Вопросъ Василіевъ: гдѣ бѣ Богъ, егда не бѣ свѣтъ? А Григорій будто протолковалъ сице: есть на небеси три каморы, тамо бысть въ каморахъ Отецъ, Сынъ и Святый Духъ» (Мат. V, стр. 311). Этотъ пунктъ представляетъ сокращеніе текста, имѣющагося въ изданіи А. Н. Пыпина, гдѣ эти вопросы и отвѣты являются въ слѣдующей формѣ: «Василій рече: гдѣ Богъ первѣе жилъ, иже не бысть свѣта? Іоаннъ рече: суть каморы три на воздусѣхъ, ту бяше Господь въ трехъ каморехъ, агнцемъ, а свѣту тогда не бысть. Григорій рече: Протолкуй ми Троицу въ трехъ каморехъ. Іоаннъ рече: Отецъ, Сынъ и Святый Духъ, единъ свѣтъ, а трое огнь» [55]). Очень можетъ быть, что такое сокращеніе текста вопросовъ и отвѣтовъ было уже въ томъ спискѣ, который находился подъ руками Аввакума, хотя съ другой стороны мы можемъ предположить, что Аввакумъ не считалъ нужнымъ, цитируя опровергаемое мнѣніе, сохранять его форму: такъ, по крайней мѣрѣ, онъ поступилъ съ нѣсколькими послѣдующими вопросами, ограничившись краткой передачей ихъ смысла, что представлялось ему вполнѣ достаточнымъ для его полемической цѣли. По этому первому вопросу Аввакумъ въ доказательство ложности той мысли, что «Богъ объемлется мѣ-

---

[55]) Памят. стар. рус. лит. вып. III, стр. 169.

стомъ», ссылается на апостола Павла, Псалтырь, библейскія явленія Бога Аврааму, Моисею, Исаіи, Іезекіилю, Даніилу, на Діонисія Ареопагита и на «Слово Василія Великаго на Рождество Богородицы».

2) Послѣ этого опровергается мнѣніе «Бесѣды» о сотвореніи ангеловъ: «Да въ ложныхъ же тетратяхъ пишетъ, вопросъ Василіевъ, бутто сице: протолкуйте ми, отъ чего взяты ангели быша? Толкъ лукавый: отъ Святаго Духа глаголетъ». Здѣсь опять находимъ незначительное измѣненіе текста, изданнаго А. Н. Пыпинымъ, опроверженіе же сопровождается ссылками на Псалтырь и каноны.

3) Далѣе излагаются суммарно космогоническія положенія «Бесѣды»: «Да у нихъ же писано: отъ чего солнце взято? Отвѣтъ: отъ честныя ризы Господня (а мѣсяцъ отъ духа и отъ престола Господня), а земля-де отъ пѣны морскія,—ангели-де по морю пѣну собирали, и отъ того-де Богъ землю сдѣлалъ, и на трехъ большихъ китахъ и на 35 малыхъ устроилъ, а море-де на желѣзныхъ столпахъ утвержено». Опровергнувъ кратко эти положенія, въ которыхъ не находится «церковнаго разума», Аввакумъ ссылается на книгу Бытія и «Толковый Гранографъ». Изъ Гранографа берется упоминаніе объ огненномъ небѣ. Земля взята, замѣчаетъ Аввакумъ, не изъ пѣны, а изъ воды, и лежитъ на водахъ, а не на китахъ. Опровергая заблужденія «Бесѣды», Аввакумъ старается говорить образно и «просто», непонятныя реченія объясняетъ, примѣняясь къ своей паствѣ: такъ, возражая противъ происхожденія земли изъ пѣны, онъ говоритъ: «пѣна легкое дѣло; а водное естество тяжко; потому и земля тяжела»; приведя слова псалма «основа землю на тверди своей», онъ поясняетъ: «просто молвить: сгустилися подъ нею воды, да на нихъ и плаваетъ лежа,—Богъ приказалъ». Уже въ этихъ мелкихъ замѣчаніяхъ можно замѣтить тотъ реализмъ, который съ такой силой проявляется при объясненіи грѣхопаденія первыхъ людей.

Разобравъ указанные вопросы «Бесѣды трехъ святителей», Аввакумъ обращается къ толкованію книги Бытія. Главный его источникъ при этомъ тотъ же «толковый Гранографъ» или Палея, на нихъ онъ иногда прямо указываетъ, иногда пользуется ими безъ указанія: такъ напримѣръ, изъ Палеи или Хронографа взяты названія звѣздъ: «Аррисъ, Ермисъ, Афродита, Кронъ»,

оттуда же объясняются «вышнее» и «огненное» небеса. Кромѣ этого Аввакумъ обильно цитируетъ Маргаритъ, также не всегда указывая источникъ. Сотвореніе человѣка руками Божіими и сообщеніе ему души представляются по «Слову: и насади Богъ рай прямо востоку и введе человѣка ту, егоже сотвори»; при этомъ считаемъ не лишнимъ отмѣтить объясненіе простымъ выраженіемъ; «и сотвори человѣка, яко скудельникъ скуделу— просто молвить, горшешникъ горшокъ». Изъ «Слова о вочеловѣченіи» есть заимствованія буквальныя, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго сопоставленія:

«Сотворимъ, рече, человѣка по образу нашему и по подобію: прикладно бѣ сіе и Сыну глаголати ко Отцу. Пожди до конца и не рцы, оболгуетъ сей Бога, не сый съ тамошними, како вѣсть сія: аще конецъ не пристанетъ къ мысли, яко оболгателя мя суди. Сотворимъ, рече, человѣка по образу нашему и по подобію, яко содѣтель глаголаше, и якоже предвѣдѣтель отвѣщеваше: аще согрѣшитъ Адамъ, согрѣшитъ бо, и похулится наше сотвореніе. Помысли сія глаголюща или Сына ко Отцу, или Отца къ Сыну, не разступенъ бо совѣтъ, ихже нераздѣльно существо: но согрѣшаетъ Адамъ, преступаетъ и умираетъ, и тѣмъ вси человѣцы погибаютъ: и оболжется наше созданіе, яко зло бывше. Паки совѣтъ: но прежде всѣхъ достоитъ уставити врачеваніе. Подобаетъ бо, о Единородный Мой! О Сыне и Слове! О Сіяніе Моея славы, аще весма промышляеши созданіемъ, яже сами сотворихомъ: подобаетъ ти въ тлимаго облещися человѣка, подобаетъ ти апостолы пріяти» [56]).

Говоря объ этомъ божественномъ совѣтѣ, Аввакумъ приводитъ почти тѣ же самыя слова:

«И рѣче Отецъ Сынови: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и преступитъ бо. И рече: О, единородный мой! О, свѣте мой! О, Сыне и Слове! О сіяніе славы Моея! Аще промышляеши созданіемъ своимъ, подобаетъ ти облещися въ тлимаго человѣка, подобаетъ ти по земли ходити, апостолы воспріяти, пострадати, воскреснути и вся совершити. И отвѣща: буди, Отче, воля Твоя!» [57]).

---

[56]) Маргаритъ, изд. 1783 г. М. л. 390.

[57]) Мат. V, стр. 323.

Столь же близко совпаденіе и въ слѣдующихъ двухъ отрывкахъ.

Маргаритъ.

Прежде даже не создатися Адаму, провидѣ Богъ, яко немощно есть образу Его инако востати, не обновльшуся отъ Христа. Во Адаме бо зряше Богъ Павла, зряше и Петра, не зряше токмо Адама въ породѣ кормима и изгонима: но зряше въ немъ Павла, благочестіе проповѣдующа и въ рай восхищаема, Петра, ключи небесныя ввѣряема, и вся въ первомъ человѣцѣ зряше: въ корени бо бяху плоды.

Аввакумъ.

И въ то время провидѣ Господь во Адамѣ Апостоловъ Петра и Павла: Петру ключа царствія небеснаго ввѣряема, Павлу же благочестіе проповѣдающу. И не зритъ Господь Адама въ раи веселящася и ликовствующа, но внутрь его Апостоловъ зря, Богъ радуяся глаголетъ: сіи мои двѣ маслины...

Общія черты можно указать и въ изображеніи смятенія въ природѣ послѣ изгнанія Адама изъ рая:

Маргаритъ.

Тварь же раздѣлися, ова убо отступи, ова же пребысть работающи. Львы навѣтоваху образу, зміи хапляху, все яко безсловесное естество на владыку возбѣсися, понеже видѣ того преступивша Божій законъ. Восхотѣ и другая тварь отбѣгнути господства, восхотѣ солнце не возсіявати преступнику, восхотѣ луна помрачити своя лучы, восхотѣша звѣзды не сіяти зданію, восхотѣша источницы отрещися водъ и рѣки теченія, овощницы цвѣтія, садовія пищи, вся восхотѣша отрещися человѣка, понеже отвержеся своего Владыки... Но Богу повелѣвшу не досадитеся Божію образу... и т. д.

Аввакумъ.

Егда же изгнанъ бысть Адамъ, вся тварь вознегодова на преступника: солнце сожещи его хотѣло, луна и звѣзды примрачились, небо простерто стояти не хотѣло, земля изъ воды хощетъ побѣжати, море ис предѣлъ выступить тщится и потопити законопреступныхъ, садовіе плодовитое увядаютъ, трава и крины красные засыхаютъ, звѣріе и скоти и птицы небесныя преступника растерзати ищутъ, ангели на небеси плачутъ и вся тварь съ ними рыдаетъ. Не восхотѣли падшему служити. Но Владыка долготерпѣливый Господь Богъ рече боголѣпнымъ своимъ гласомъ ко всей твари: Азъ вамъ повелѣваю, — стерпите и т. д.

Послѣдній отрывокъ повторяется Аввакумомъ въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и въ толкованіи на 55 главу пророчества Исаіи, причемъ здѣсь прямо указываетъ источникъ: «Павелъ пишетъ и Златоустъ въ Маргарите по вышереченному разсуждаетъ».

Заимствуя свои толкованія изъ Палеи, Аввакумъ часто пользуется и тѣми апокрифическими сказаніями, которыя вошли въ

Палею или въ Хронографъ; а иногда у него встрѣчаются подробности, взятыя изъ апокрифовъ, существовавшихъ отдѣльно отъ Палеи.

Вліяніе апокрифа прежде всего можно видѣть въ разсказѣ о грѣхопаденіи первыхъ людей: какъ въ апокрифическомъ «Исповѣданіи Еввы», такъ и въ передачѣ Аввакума, змій сперва приходитъ къ Адаму, а когда тотъ отказывается послѣдовать его соблазнительному совѣту, обращается къ Евѣ; о змѣѣ говорится, что она была «хорошей звѣрь, красной, докамѣстъ не своровала, ноги у нея и крылья были». Послѣдняя подробность, можетъ быть, возникла подъ вліяніемъ живописныхъ изображеній зміевъ (напр. змія, убиваемаго Георгіемъ Побѣдоносцемъ) и народныхъ поэтическихъ представленій. Въ апокрифической книгѣ Адама о змѣѣ говорится: «сколько онъ былъ прежде высокъ, столько же теперь онъ униженъ; прежде онъ былъ выше всѣхъ животныхъ, а теперь ползаетъ на своемъ чревѣ; прежде онъ былъ красивѣе всѣхъ животныхъ, а теперь отвратительнѣе». Можетъ быть, эта характеристика змѣя, довольно близко совпадающая съ библейскими данными, осложнилась изображеніемъ змѣя съ крыльями и ногами въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ намъ апокрифѣ, повліявшемъ на толкованіе Аввакума, хотя можетъ быть также, что мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ собственнымъ домысломъ Аввакума [58]).

Изъ Палеи заимствованъ разсказъ о смерти и погребеніи Авеля: Каинъ убиваетъ своего брата «во главу каменемъ», Авель «лежитъ непогребенъ», «Адамъ и Ева плакашася: не вѣдаютъ, камо дѣти его»; тогда прилетаютъ двѣ горлицы, изъ которыхъ одна убиваетъ другую и закапываетъ въ землю, послѣ чего и Адамъ «мертвеца своего въ землю закопалъ». Апокрифическій разсказъ, послужившій въ этомъ случаѣ матеріаломъ для Аввакума и вошедшій въ Палею, напечатанъ въ «Памятникахъ» А. Н. Пыпина и въ «Апокрифическихъ сказаніяхъ (по Соловецкимъ рукописямъ)» И. Я. Порфирьева [59]).

Упоминаніе о двухъ дочеряхъ Адама и о занятіяхъ Сиѳа

---

[58]) Порфирьевъ. Апокрифич. сказанія о ветхозав. лиц. и событіяхъ. Казань. 1872, стр. 183. Пам. стар. рус. лит. III, л. 1—3. Сборн. отд. рус. яз. и слов. т. XVII, стр. 91.

[59]) Пам. стар. рус. лит., т. III, л. 9, Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XVII, стр. 106.

астрономіей («имена нарече всѣмъ звѣздамъ небеснымъ, и изочте ихъ, и хитрость свою предаде по писанію») имѣетъ источникомъ апокрифическія сказанія, отмѣченныя Порфирьевымъ во «Временникѣ Георгія Амартола» [60]).

Извѣстіе о гигантахъ заимствовано также, повидимому, изъ апокрифическихъ источниковъ, хотя, можетъ быть, дополненныхъ самимъ Аввакумомъ: послѣднее мы можемъ предположить, такъ какъ одна изъ подробностей этого упоминанія о гигантахъ не встрѣчается въ извѣстныхъ намъ сказаніяхъ «Еллинскаго Лѣтописца» и Палеи. Въ «Еллинскомъ Лѣтописцѣ» говорится, что гиганты произошли черезъ 2102 года послѣ сотворенія міра, были «человѣки на зміиныхъ ногахъ, елма же звѣринъ умъ имутъ, а ничтоже Бога небеснаго на умѣ имуще, но имуще нозѣ ходяща на земная злая дѣла и неправедная»; спустя 140 лѣтъ послѣ рожденія гигантовъ, былъ потопъ [61]). Въ Палеѣ гиганты или волоты изображаются, какъ «человѣци отъ вѣка, Сифа ради велици, красьни, силни, Каина же ради лукави и несмыслени»; они исполнились «блуда и всякаго скарѣдія и убиства и зависти, чада беществоваху отца своя, жены отмѣтахуться мужии, а мужи не храняхуть совѣсти женамъ и унии блядяху на старыя, старыя ж уняхуся на уныя» [62]). Взявши изъ Хронографа (Еллинскаго Лѣтописца) хронологическое указаніе 2242 и изъ обоихъ отмѣченныхъ источниковъ краткое упоминаніе о нравахъ гигантовъ, Аввакумъ дополняетъ эти данныя сообщеніемъ, что гиганты «обращались звѣрьми и птицами и летали по аеру діяволимъ наученіемъ».

Разсказъ о построеніи Ноева ковчега и о собраніи въ ковчегъ звѣрей, причемъ Ной «ударяше въ било», также находится въ связи съ повѣствованіемъ Палеи и со сказаніемъ Меѳодія Патарскаго [63]).

Наконецъ, вліяніе апокрифовъ (входившихъ въ Палею) можно видѣть и въ слѣдующемъ разсказѣ о столпотвореніи Вавилонскомъ: «Сію проклятую хитрость (т. е. астрологію) по потопѣ въ пятьсотное лѣто, при столпотвореніи, Невродъ исполинъ обрѣте,

---

[60]) Сборникъ, стр. 247—248.

[61]) Поповъ. Обзоръ хронографовъ, I, 5, II, 77.

[62]) Толковая Палея, Коломенск. списка, стр. 100.

[63]) Ibid., стр. 103. Пам. стар. рус. лит. III, л. 17—18.

послѣ людей потопныхъ. Онѣ прежде потопа написали гадая на дву столпахъ, на каменномъ, да на плинфеномъ: аще ли, рѣша, вода пріидетъ, ино-де останется послѣ воды каменной; аще ли огнь пріидетъ, ино де останется кирпишной. И Неврод обрѣте на столпѣ каменномъ, и бысть врагъ таковый же Богу: умыслилъ столпъ здати. Собравъ людей, рече: аще пріидетъ паки вода, и мы со столпа вполчимся Богу небесному и брань сотворимъ. И вознесъ того вверхъ 10000 саженъ, а шириною 3000. И видѣ Богъ безуміе ихъ, разсѣя всѣхъ по лицу земли; а столпъ двѣ доли разорилъ, а треть оставилъ. И оттолѣ начаша глаголати вси различными языки. Одинъ Е́веръ не присталъ совѣту и дѣлу ихъ: тотъ старымъ языкомъ и говоритъ,—сирскимъ, имже Адамъ и вси прежде говорили». Преданіе о происхожденіи астрологіи отъ Немврода находится въ отрывкѣ изъ «Временника Георгія Амартола», изданномъ Порфирьевымъ; разсказъ же о столпотвореніи въ Палеѣ имѣетъ форму очень близкую къ перифразу Аввакума [64]).

Эти замѣтки объ источникахъ толкованій Аввакума на книгу Бытія дополнимъ однимъ не совсѣмъ точнымъ указаніемъ самого Аввакума. Представивъ картину страшнаго суда на основаніи «Словъ» Ефрема Сирина и Палладія Мниха (изъ Сборника 1647 года), и не упоминая этихъ источниковъ, Аввакумъ говоритъ о будущихъ мукахъ грѣшниковъ: «А всѣхъ злѣйше мука въ тартарѣ будетъ: огнь и студень лютая будетъ. Тамо мучатся еллинстіи бози, тамо вси отступники будутъ, тамо и дияволъ з бѣсы осужденъ будетъ, и мучени будутъ во вѣки вѣкомъ. Разумѣешъ ли, слышателю, гдѣ писаніе возвѣщаетъ тартаръ? Патрикіи прусскіи пишетъ сице: адъ убо сотворенъ в пустошныхъ земли, надъ твердію; низу же его, на тверди, тамо зодіи ходятъ, тамо планиты обтекаютъ, и отъ того строится подъ твердію и въ тартарѣ преглубокомъ лютая студень; еще же и огнь негасимый тамо же будетъ». Эта ссылка на Патрикія Прусскаго дѣлается, вѣроятно, на память по тѣмъ словамъ, которыя приписаны этому святому въ Прологѣ, подъ 19 мая. Проложное изображеніе тартара, «идѣже бози еллинстіи пріобрѣтоша жити», дополнено у Аввакума упоминаніемъ о «планитахъ и зодіяхъ».

---

[64]) Сборникъ отд. рус. яз. и слов. XVII, стр. 110, 249.—Палея, стр. 114—115.

Таковы заимствованія Аввакума изъ его источниковъ, но разсматриваемое сочиненіе представляетъ важность преимущественно по тѣмъ оригинальнымъ своимъ чертамъ, которыя особенно ярко характеризуютъ истолковательные пріемы Аввакума, постоянно имѣющаго въ виду свою паству и примѣняющагося къ ея житейскому и умственному складу. Въ этихъ оригинальныхъ толкованіяхъ можно видѣть, пожалуй, очень грубый реализмъ, граничащій съ цинизмомъ, но никакъ нельзя отказать имъ въ яркой образности и жизненности, благодаря которой они должны были представляться вполнѣ понятными и производить сильное впечатлѣніе на тѣхъ, для кого они писались.

Подобное значеніе имѣетъ крайне своеобразная идея уподобить Адама и Еву послѣ ихъ грѣхопаденія пьянымъ людямъ. «Ева, послушавъ зміи, приступи къ древу, вземъ грезнъ и озоба его, и Адаму даде: понеже древо красно видѣніемъ и добро в снѣдь, — смоковь красная, ягоды сладкіе, слова межю собою льстивыя! Онѣ упиваются, а дьяволъ въ то время смѣется. Увы невоздержанія! Увы небреженія заповѣди Господни! Оттоли и до днесь въ слабоумныхъ человѣкахъ такъ же лесть творится. Подчиваютъ другъ друга зеліемъ нерастворениымъ, сирѣчь зеленымъ виномъ процѣженнымъ и прочими питіи и сладкими брашны, а опослѣ и посмѣхаютъ другъ друга, упившагося допьяна! Слово в слово, что въ раю было при діяволѣ и при Адамѣ. Паки Бытія: И вкусиста Адамъ и Евва отъ древа, отъ него же Богъ заповѣда; и обнажистася. О, миленькія! Пріодѣти стало некому! Ввелъ діяволъ въ бѣду, а самъ и всторону! Лукавый хозяинъ накормилъ, напоилъ, да и з двора спехнулъ: пьяной валяется на улицѣ ограбленъ,—никто не помилуетъ! Паки Бытія: Адамъ же и Евва сшиста себѣ листвіе смоковишное отъ древа, отъ негоже вкусиста, и прикрыста срамоту свою, и скрыстася, подъ древо возлегоста. Проспалися бѣдныя с похмѣлья, ано и самимъ себя соромъ: борода и усъ въ блевотинѣ, а отъ г...на въ мотылѣхъ, со здоровныхъ чашъ кругомъ голова идетъ и на плечахъ не держится! А инъ отца и честнова сынъ, пропився на кабакѣ, подъ рогожею на печи валяется! Увы тогдашнева Адамова безумія и нынѣшнихъ адамленковъ!».

Столь же оригинальными представляются комментаріи Аввакума къ отвѣтамъ, которые даны были Богу Адамомъ и Евой. Слова Адама: «жена, юже ми даде» объясняются слѣдующимъ

образомъ, причемъ далѣе развивается приведенная параллель съ пьянымъ человѣкомъ: «Просто рещи: на што-де мнѣ такую дуру сдѣлалъ? Самъ неправъ, да на Бога же пѣняетъ! И нынѣ похмельныя тоже шпыняя говорятъ: нашто Богъ и сотворилъ хмел-етъ! Весь пропился и ѣсть нечего! Да меня же де избили всево! А иной говоритъ: Богъ де судитъ ево,—допьяна упоилъ. Правится бѣдной,—бутто отъ неволи такъ здѣлалось!» По поводу отвѣта Евы, что ее прельстилъ змѣй, является опять такое замѣчаніе, которое обнаруживаетъ стремленіе Аввакума приноровиться къ реальности, окружающей его паству: «Дѣло кругомъ пошло, другъ на друга переводятъ: а всѣ заодно своровали! А змія говоритъ: діяволъ научилъ мя. Бѣдные, бѣдные, всѣ правы, и виноватова нѣтъ, а полишное на шеѣ виситъ!»

Такія же своеобразныя подробности реальнаго объясненія находимъ мы въ разсказѣ объ убіеніи Каиномъ Авеля: Каинъ принесъ въ жертву Богу «хлѣбенко худой, который негоденъ себѣ», Авель же—«борана лучшаго»; по поводу отвѣта Каина Богу Аввакумъ замѣчаетъ: «Своровавъ, да и запирается, бутто ни въ чемъ не бывалъ! А руки въ крови, полишнее на вороту!»

Отмѣтимъ подобную же черту въ разсказѣ о Вавилонскомъ столпотвореніи: «А работы тоя было, нужи тоя терпѣли дѣлаючи, мученики сатанины! И роженицѣ женѣ дни не дадутъ полежать,—оставя младенца, бѣдная, поволокись на столпъ съ кирпичемъ, или со извѣстью. И ребенокъ бѣдной трехъ годовъ потащись тудыжъ съ кирпичемъ на столпъ.»

Наконецъ, укажемъ оригинальное филологическое толкованіе, можетъ быть, заимствованное Аввакумомъ изъ какого-нибудь неизвѣстнаго намъ Азбуковника, а можетъ быть и составляющее плодъ его собственныхъ соображеній. Это — толкованіе слова «жидъ»: «Жидове словутъ потому, понеже жителіе земли обѣтованной».

Разсмотрѣнное сочиненіе является по своему характеру почти цѣликомъ истолковательнымъ, полемическихъ выходокъ противъ православной церкви въ немъ почти нѣтъ, что и подало поводъ Н. И. Субботину предположить, что оно написано Аввакумомъ до 1653 г., хотя, какъ мы указывали выше, это предположеніе опровергается данными, заключающимися въ самомъ сочиненіи. Единственный полемическій намекъ, встрѣчающійся

въ этомъ сочиненіи и отмѣченный нами выше, очень слабъ сравнительно съ яростными нападеніями на православную церковь, которыя мы находимъ въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума, и изъ этого, намъ кажется, можно заключить, что отсутствіе нападокъ на церковь объясняется только тѣмъ обстоятельствомъ, что въ настоящемъ случаѣ желаніе истолковать библейскій текстъ взяло верхъ надъ полемическими увлеченіями Аввакума.

Значительно отличаются въ этомъ отношеніи отъ «Собранія и списанія» другія истолковательныя сочиненія Аввакума: тонъ ихъ уже не столь спокойный, и полемика съ православными почти цѣликомъ составляетъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ бесѣдъ. Слѣдуя установленному нами хронологическому порядку, мы разсмотримъ сперва тѣ сочиненія, которыя изданы г. Субботинымъ подъ заглавіемъ «Толкованія на нѣкоторые псалмы и пареміи», дополненія къ которымъ, извлеченныя изъ сборника Имп. Публичной Библіотеки, № 0. I. 339, мы помѣщаемъ въ «Приложеніяхъ». Считаемъ здѣсь не лишнимъ сдѣлать небольшую оговорку къ данному нами выше опредѣленію даты этихъ толкованій: соглашаясь съ г. Субботинымъ, мы относимъ ихъ къ 1673—74 гг.; однако въ толкованіи главы 55-й пророчества Исаіи мы находимъ такое указаніе: «пѣніе въ Соловкахъ церковное и килейное по старому православію, и книги имѣютъ старопечатные, вашимъ бл.... противятся, того ради отъ васъ в осадѣ сидятъ *седьмъ годовъ»;* изъ этого видно, что нѣкоторыя изъ этихъ толкованій писались и позже указанной даты, конечно, явились не всѣ сразу, и трудно опредѣленно сказать, представляютъ ли они собой отрывки исподволь писавшагося цѣльнаго сочиненія Аввакума, объединенные впослѣдствіи въ одномъ сборникѣ какимъ-нибудь почитателемъ Аввакума, или же такое объединеніе было произведено самимъ Аввакумомъ; въ пользу послѣдняго соображенія говоритъ одно мѣсто въ печатаемомъ нами сочиненіи Аввакума «Нравоученіе», о которомъ мы скажемъ далѣе.

Число и порядокъ толкованій на псалмы въ томъ Боровскомъ сборникѣ, по которому ихъ издалъ Н. И. Субботинъ, и въ Богдановскомъ сборникѣ Имп. Публичной Библіотеки (№ О. I, 339) почти совсѣмъ совпадаютъ; разница замѣчается лишь въ толкованіи псалма 44, которое въ сборникѣ Имп. Публ. Библ. раздѣлено на двѣ части: отрывокъ толкованія, начинающійся въ «Матеріалахъ» словами: «О царю Алексѣе! покажу ти путь ко

спасенію», въ этомъ сборникѣ составляетъ особую статью. Оба сборника могутъ быть относимы къ началу XVIII вѣка, а Богдановскій даже къ концу XVII, и совпаденіе ихъ въ порядкѣ расположенія толкованій даетъ, намъ кажется, право предполагать, что они списывались съ оригинала, близкаго къ первоисточнику, если не съ Аввакумовскаго подлинника. Такое же значеніе имѣетъ и совпаденіе порядка двухъ толкованій на пареміи изъ книгъ Притчей и Премудрости Соломона, причемъ въ обоихъ сборникахъ первое толкованіе озаглавлено ошибочно: «Отъ Еклисиаста, еже есть Премудрости Соломани». Сборникъ Боровскій хуже сохранился, чѣмъ Богдановскій: въ немъ нѣтъ нѣкоторыхъ толкованій, имѣющихся въ Богдановскомъ, да и тѣ, которыя сохранились, не имѣютъ иногда начала или конца[65]). Тѣ толкованія, къ которымъ Богдановскій сборникъ даетъ значительныя дополненія (равно, какъ и неизданныя толкованія), помѣщены нами въ «Приложеніяхъ»; что же касается толкованія на псаломъ 102, то оно въ «Матеріалахъ» не имѣетъ заглавія и начала, которое мы и приводимъ:

«Совѣтъ мужа грѣшна къ хотящимъ спастися. Псаломъ Давидовъ 102.

Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя святое Его.

Толкъ. Виждь, душа, Христа закалаема на божественнѣй трапезѣ и не бесѣдуй, окаян(ная), прилежно со друг(и с)воими. Бога бо п(ро)гнѣваеши мног(огрѣ)шная, но благ(ослови) Господа внутренняя и имя Его пресвятое.

Псаломъ. Благослови, душе моя, Господа и не забывай всѣхъ воздаяній Его.

Толкъ. Душе моя окаянна...» и т. д., какъ въ «Матеріалахъ».

Здѣсь же приведенъ отрывокъ толкованія на псаломъ 40-й, дополняющій текстъ, помѣщенный въ «Матеріалахъ». Объясненіе стиха 12-го заканчивается слѣдующими словами: «якоже рыси звѣрю невозможно измѣнити пестрины свои или мѣдвѣдю звѣрю черность свою на себѣ, *тако и никоніяномъ невозможно*

---

[65]) Къ сожалѣнію, Боровскаго сборника, принадлежащаго частному лицу, мы не могли видѣть сами, и свѣдѣнія о немъ даются, на основаніи сообщеній Н. И. Субботина въ предисловіи къ VIII т. «Матеріаловъ».

отъ блудни перестать[66]). Далѣе идутъ стихи 13 и 14 съ толкованіями:

Псаломъ. Мене же незлобіе пріятъ и утвердилъ мя еси предъ собою въ вѣкъ.

Толкъ. Взыде претерпѣвый за незлобіе на небеса и царствуетъ Со Отцемъ и Святымъ Духомъ в вѣкъ. Такоже и вси терпящіи по немъ утверждени будутъ в вѣкъ предъ Спасителемъ нашимъ Христомъ. Всѣ же псы и чародѣи извержени будутъ во тьму кромѣшную: ту будетъ плачь и скрежетъ зубовъ.

Псаломъ. Благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ века и до века будетъ, будетъ.

Толкъ. Подобаетъ всякому страждущему сице благодарити Бога и незлобіемъ до конца терпѣти и вся на Бога полагати: яко годѣ Ему, тако и буди. Не станемъ и мы на никоніянъ тѣхъ гневатися, но на діявола, научившаго ихъ сему ремеслу. Сосуды онѣ Божія гнѣва, и безъ нашева гнева будетъ имъ жарко. Якоже Павелъ апостолъ пишетъ, зач. 329, волею бо согрѣшающимъ намъ по пріятіи разумá истины, к тому о грѣсехъ не обрѣтается жертва, страшно ж нѣкое чаяніе суда и огня ревность и т. д., какъ въ «Матеріалахъ».

Послѣ псалмовъ въ обоихъ указанныхъ сборникахъ идутъ толкованія на пареміи, причемъ Богдановскій сборникъ оказывается значительно полнѣе. Совпаденіе въ порядкѣ толкованій можно опять замѣтить по отношенію къ двумъ первымъ отрывкамъ: въ обоихъ сборникахъ послѣ псалмовъ истолковывается 9 глава Притчей Соломоновыхъ, причемъ заглавіе одинаковое: «Отъ Еклисіаста, еже есть Премудрости Соломони»; а затѣмъ слѣдуетъ толкованіе 5-й главы «Премудрости Соломона». Дальше совпаденіе прекращается, и Богдановскій сборникъ даетъ слѣдующія толкованія, утраченныя въ Боровскомъ: «Премудрости Соломона», гл. 4, и пророчествъ Исаіи, главъ 35, 55 и 12.

Къ толкованію 9 главы Притчей Соломоновыхъ приводимъ отрывокъ о второй просвирѣ, не находившійся въ оригиналѣ, съ котораго печаталъ свой текстъ г. Субботинъ:

«Тако и здѣсь бываетъ въ дѣйствѣ: агнецъ тѣло Христово, а вода кровь Христова преложеніемъ Святаго Духа. И покрывается пеленами обоя сія святая: яко древле Іосифъ с Никоди-

[66]) Напечатаннаго курсивомъ нѣтъ въ «Матеріалахъ».

момъ спрята тѣло Іисусово во гробъ, обвивъ ризами и со араматы. Еще же и потиръ покрываемъ, яко Іяковъ скры съ таинствомъ в тыкови. Вторую же просвиру священникъ вынимаетъ в честь и в память Пресвятѣй, Пречистѣй и Преблагословеннѣй Владычице нашей Богородицѣ и Приснодѣвѣй Маріи, приглашая празники ея, Рождество и Введеніе и Благовѣщеніе и Успеніе, и полагаетъ часть одесную страны близ агньца: понеже она упованіе наше на небесѣх, близ Сына Своего предстоя, непрестанно о насъ молитъ, ходатайствуя наше спасеніе. А мы, бѣдныя, Ей докучаемъ, Заступницѣ нашей, и мили ся дѣемъ симъ приношеніемъ, принося Богу со агньцемъ, да милостивъ будетъ намъ Владыка Матере Своея ради. Таже священникъ третію просвиру поемлетъ и т. д., какъ въ «Матеріалахъ».

Сравнивая комментаріи Аввакума къ псалмамъ съ тѣми объясненіями, которыя находятся въ Хлудовской Толковой Псалтыри [67]), мы можемъ замѣтить нѣкоторыя, правда, очень незначительныя черты сходства: въ псалмѣ 4-мъ стихи 7—10 толкуются согласно съ комментаріемъ Аѳанасія Великаго; въ толкованіи стиховъ 6 и 7 видно вліяніе толкованій Исихія и Аполлинарія; въ псалмѣ 41-мъ толкованіе стиха 6 взято у Аполлинарія, а стиха 7 у Аѳанасія Великаго; въ псалмѣ 44-мъ къ стиху 4 толкованіе Исихія, къ стиху 11—Евсевія, къ стихамъ 12, 13 и 14—Аѳанасія Великаго и т. д. Однако надо замѣтить, что сходство заключается только въ общемъ смыслѣ толкованій и почти не распространяется на отдѣльныя выраженія. Для примѣра укажемъ нѣкоторыя параллели:

Псаломъ 41, ст. 6.—Толкованіе Аполлинаріево. Да не оскорбляютъ тебе, глаголетъ, настоящая, о душе, ни да смущаютъ, но надежа яже на Бога да утѣшитъ тя, зане получимъ благая благодаренію достойна и спасенія будемъ имѣти яже въ явленіи его, еже и по Павлу есть чаяти явленія Господня и царства Его. Сія же разумѣвай о будущихъ, яко выше восходящыхъ, неже обѣщанія яже по закону, по реченному по сихъ от Павла пророческы, лучше разрѣшитися и со Христомъ быти, а яже по сему повѣданія суть оскорбляющыхъ.

Толкованіе Аввакума. Подобаетъ о житейскомъ не скорбѣти, ниже унывати и смущатися въ бѣдахъ и напастѣхъ, но на

---

[67]) Изд. Московской единовѣрч. типогр. въ 1897 году.

Бога уповати во всемъ: Той бо есть избавитель душамъ нашимъ. А иже смущается и колеблется, таковый удобь разрушается: понеже не твердо уповаетъ на Бога и оставляетъ Его.

Псаломъ 41, ст. 7.—Толкованіе Аѳанасія Великаго: Понеже смутися, глаголетъ, душа моя, воспомянувшу ми себе о твоихъ чудесехъ, и яже во Іорданѣ намъ показалъ еси, и яже на горѣ Аермонстѣй, но и иная по сихъ много, утѣшу себе, яко таковъ буду во Іорданѣ, сирѣчь сподобихся святаго крещенія, тогда воспомяну тебе словомъ исповѣданія, помяну же и Ермоніимъ, еже толкуется путь свѣтилника, яко святаго крещенія путь имъ отверзающу просвѣщенія.

Толкованіе Аввакума. Егда смутится душа, тогда поминай чудеса бывшая Божія въ пустыни Іорданьстѣй и на горѣ Синайстѣй отъ Христа Ісуса, егда преобразися по написанному: Фаворъ и Ермонъ о имени Твоемъ возрадовастася.

Псаломъ 44, ст. 11.—Толкованіе Евсевіево. Кояже отъ языкъ глаголетъ церкви, не убо речено было сущимъ отъ Израиля. Забуди люди твоя и домъ отца твоего, мы убо бѣхомъ преже безумніи чада гнѣва внимающе діаволу и бѣша намъ идолослужители людіе; аще древле и ко Аврааму глаголашеся: изыди отъ земли твоея и отъ сродства твоего и отъ дому отца твоего, и до нынѣ приступающеи къ божественному просвѣщенію обращени къ западу глаголютъ: отрицаемся тебе, сатана и т. д.

Толкованіе Аввакума. Приклони ухо твое ко Евангелію и ко апостольской проповѣди; и забуди люди твоя, еже есть бѣсовы и козни ихъ, и домъ отца твоего, сирѣчь кумирницы и идольское жреніе. Отложи блудни сія, душа окаянная!

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ сходство толкованій въ сущности очень отдаленное, и если бы увеличить еще число параллелей, то мы нашли бы, что Аввакумъ вездѣ очень свободно обращается со своимъ источникомъ, заимствуя изъ него или только общее направленіе или отдѣльныя выраженія. Отношеніе Аввакума къ Толковымъ Псалтырямъ было далеко не особенно почтительное, онъ говорилъ, что въ нихъ «есть всячина», такъ какъ «толковщиковъ много». Въ виду этого, если и былъ у него подъ руками какой-нибудь экземпляръ Толковой Псалтыри, онъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нимъ вполнѣ свободно, видоизмѣнять и сокращать текстъ его толкованій; но еще вѣроятнѣе намъ кажется предположеніе, что та-

кого списка у него не было и что свои толкованія, совпадающія съ комментаріями Отцовъ церкви, онъ приводилъ на память. Такое цитированіе на память несомнѣнно допускалось Аввакумомъ, причемъ иногда бывало и неправильно. Такъ, въ толкованіи псалма 44-го мы находимъ слѣдующую ссылку: «И Златоустый въ словѣ на Іудея отъ Христова лица такъ же говоритъ: Азъ есмь матерь убилъ, сына ли не заколю? Ей, всяко упражню. Ищи въ Маргаритѣ, кому надобѣ?» Эта крайне неопредѣленная цитата вмѣстѣ съ тѣмъ и невѣрна, такъ какъ ни въ одномъ изъ 6 «словъ на Іудея» приведенной фразы не встрѣчается. При такомъ отношеніи къ почитаемой книгѣ (а ею безъ сомнѣнія былъ для Аввакума Маргаритъ), ничего нѣтъ невѣроятнаго, что толкованія на псалмы тоже приводились на память, причемъ нигдѣ не указывается ихъ источникъ.

Весьма важнымъ пособіемъ для нѣкоторыхъ толкованій Аввакума былъ Азбуковникъ, который онъ называетъ Алфавитомъ или Алексикономъ. Изъ этого источника Аввакумъ бралъ комментаріи естественнонаучнаго характера, включенные въ Азбуковникъ изъ Физіолога, въ который они въ свою очередь внесены изъ Палеи. Въ виду немногочисленности этихъ цитатъ мы приведемъ ихъ всѣ параллельно съ текстомъ Физіолога и Азбуковника.

Толкованіе словъ псалма 102: «обновится, яко орлу, юность твоя», у Аввакума дается слѣдующее: «Чти Алфавитъ, да разумѣеши, како обновляется орелъ. Аще внимаеши и азъ ти повѣмъ. Егда состарѣется орелъ и обетшаетъ весь, тогда обрѣтаетъ источникъ воды чисты и возлетаетъ выспрь съ великимъ трудомъ, еже есть въ высоту, взимается къ небесному огню, сирѣчь близъ солнца подлетаетъ, и обгоритъ вся ветхость на немъ; онъ же паки возвращается на прежереченный источникъ чистыя воды и измывается довольно въ немъ и, паки опернатѣвъ, бываетъ юнъ вмѣсто ветха. Ну, душе, сотвори и ты такъ. Аще обетшала грѣхми, да обновится, яко орлу, юность твоя; такъ же прибѣжи къ огню небесному попаляющу рукописаніе нашихъ грѣховъ. Съ Павломъ реку: Богъ нашъ огнь поядаяй есть. И измойся чистою водою естественною, еже есть крестися паки во второе, по писанію, понеже второе крещеніе грѣшнику — слезы и покаяніе. Да обновится, яко орлу, юность твоя» (Мат. VIII, стр. 2—3).

Текстъ Физiолога очень близокъ къ этому толкованiю, и притомъ весьма характерно, что и въ Физiологѣ замѣчанiе объ орлѣ прiурочено къ объясненiю тѣхъ же самыхъ, что и у Аввакума, словъ псалма 102-го. Вотъ это объясненiе Физiолога:

«О орлѣ. Давыдъ глаголетъ. Обновиться, яко орля, юность твоя. Θисилогъ рече о орлѣ яко аще състарѣеться отяжъчаета ему очи и ослѣпнеть, что убо створить? Взыщеть источника воды чисты и возлѣтить на въздухъ солнечныи и изожьжеть крилѣ свои и тьму очiю своею и снидеть на землю, и погрузить въ водѣ трижды. И ты убо, жительне, аще ветхаго человѣка имаши одежю и очи разума твоего аще ослѣпе еста, взыщи разумнаго источника божественнаго словесе. Мене оставиша источника воды живыя, нъ възлѣтаи на высоту солнца праведнаго Iсусъ Христа, и съвлѣци ветхаго человѣка съ дѣлы его, погрузися трикраты въ приснотекущеи водѣ во имя Отца и Сына и Святаго Духа и совлечеши ветхую одежу дiяволю, и облечешися въ новую богозданную, и скончаеться въ тебѣ пророчество Давыдово, яко обновиться, яко орлу уность твоя» [68]).

Изъ сопоставленiя этихъ двухъ отрывковъ видно, что и нравственное толкованiе текста псалма довольно близко совпадаетъ у Аввакума и въ Физiологѣ. Въ Азбуковникѣ это нравственное толкованiе отброшено и дается только описанiе свойствъ орла. Въ Азбуковникѣ, изданномъ Сахаровымъ, мы читаемъ это описанiе въ такой формѣ:

«Глаголятъ бо яко орелъ егда состарѣется, отягчаета очи ему, и ослѣпнетъ; обрѣтъ же источникъ воды чистыя, и возлетитъ выспрь, на воздухъ солнечный, изжетъ крылѣ свои и мракоту очiю своею, снидетъ долу, и погрузится въ источницѣ воднѣмъ трикраты и тако паки юность прiемлетъ» [69]).

Въ толкованiи псалма 83 мы находимъ у Аввакума слѣдущее замѣчанiе о горлицѣ: «та птица печальная егда осиротѣетъ послѣ мужа своего—горличища, потомъ за иного не посягаетъ и на сыромъ древѣ не обитаетъ, но на сухомъ садится, а и та гнѣздо имѣетъ къ воспитанiю птенцовъ. Сiя птица образъ носитъ хотящихъ наслѣдовати спасенiе. Всякому правовѣрному печаловатися паче всего подобаетъ о умершей грѣхми души

[68]) Карнѣевъ. Физiологъ, стр. 196—197.

[69]) Сахаровъ. Сказанiя рус. народа, т. II, стр. 175.

своей и сырости ошаятися, еже есть толстыхъ пищъ и питія, и ясти и пити толико, еле бы живу быти, токмо птенцы своя полагати всегда во гнѣздѣ, еже есть во царствіи Божіи умъ, и мысль, и желаніе не отложно имѣти, и расти и питатися словомъ Божіимъ (Мат. VIII, стр. 9).

Физіологъ даетъ намъ слѣдующее описаніе горлицы: «есть горлица мужелюбивная птица, всѣхъ птицъ превъсходящи. Идуть обои мужескъ пол и женскъ и гнѣздо сътворивши чада родять; егда же разлучатся смертію, хранять единобрачіе до конца живота своего. Толкъ. И ты убо мысленыи человѣче, егда исплънишися беззаконно, любезно ти будеть время еж покаятися, отврьзи еже зло творити, и да не впаднеши въ другую скверну, сирѣчь въ другіи грѣх, но храни единобрачія твоего, сирѣчь предѣлы жены твоея, даже обрящеши обитель въ второе пришествіе»[70]).

Въ этомъ случаѣ, при сходствѣ въ характеристикахъ горлицы, мы замѣчаемъ различіе въ нравоучительныхъ объясненіяхъ. Аввакумъ извлекаетъ изъ своего примѣра болѣе широкое нравоученіе, чѣмъ это дѣлается въ Физіологѣ.

Въ толкованіи псалма 41 Аввакумъ даетъ слѣдующую характеристику оленя: «Елень бо звѣрь легкій и быстрый, питается мохомъ, и зиму и лѣто щиплетъ подлѣ земли пищу свою, и по прилучаю пожираетъ змѣй и поглощаетъ живы во утробу свою; змія же, егда утробу терзати начнетъ, елень же течетъ быстро на источникъ водный и піюще текущую воду, умерщвляетъ въ себѣ змію, и паки здравъ и живъ бываетъ; аще ли не получитъ воды въ той часъ, змія его умерщвляетъ» (Мат. VIII, стр. 18—19).

Физіологъ даетъ намъ ту же характеристику оленя, что и Аввакумъ (за исключеніемъ, впрочемъ, подробности о томъ, что олень «питается мохомъ и зиму и лѣто щиплетъ подлѣ земли пищу свою»—подробности, которая могла явиться у Аввакума, какъ плодъ его личныхъ наблюденій надъ сѣвернымъ оленемъ); при этомъ опять характерно, что описаніе оленя, какъ и раньше описаніе орла въ Физіологѣ пріурочено къ тому же псаломскому тексту, что и у Аввакума («якож желаетъ елень на источники водныя»), и объясненіе нравоучительное имѣетъ нѣкоторыя черты сходства. Вотъ текстъ Физіолога: «Елень живетъ 50 лѣтъ и

[70]) Карнѣевъ, стр. XXV.

по семъ ходитъ по странах и во дрязгахъ горьскихъ обухаетъ змію да идеж налезетъ ю облинявшую трижды обухаетъ ю и помѣтаетъ ю, и шедъ пьетъ воду. Аще ли не пьетъ, то умираетъ; аще испьетъ, да живетъ другую 50 лѣтъ. Да сего дѣля рече пророкъ: якож желает елень на источники водныя, тако и ты человѣче, три обновленія имаши в собѣ: крещеніе, покоаніе и неистлѣніе, да егда согрѣшиши, тѣци къ церкви и ко источнику живу книжну и на сказаніе пророческое и піи воды живы сиречь святое комканіе» [71]. Нравоученіе Аввакума подъ живой водой въ этомъ случаѣ подразумѣваетъ «Евангеліе и всѣ святыя писанія».

Наконецъ, съ Физіологомъ же имѣетъ связь описаніе птицы «Сирина», находящееся въ толкованіи на 35 главу пророчества Исаіи (См. «Приложенія»), причемъ Аввакумъ ссылается на Алфавитъ [72].

Всѣ указанныя черты совпаденія толкованій Аввакума съ Физіологомъ даютъ нѣкоторое основаніе предположить, что Аввакумъ въ этомъ случаѣ цитировалъ свой источникъ не на память, и если не имѣлъ подъ руками какого-нибудь списка Физіолога, то пользовался или Толковой Палеей, или, что вѣроятнѣе, если принять во вниманіе его собственныя указаія, такимъ Азбуковникомъ, который лучше сохранилъ первоначальный текстъ включенныхъ въ него изъ Физіолога объясненій.

Кромѣ этихъ источниковъ Аввакумъ при своихъ толкованіяхъ постоянно пользуется Священнымъ Писаніемъ и иногда ссылается на сочиненія отцовъ Церкви, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Лѣствичника, Діонисія, хотя не обозначаетъ точно, изъ какого именно сочиненія беретъ ту или другую цитату; такъ напр. въ толкованіи 102 псалма онъ ссылается на Василія Великаго, говоря только: «якоже Василій Великій рече». Изъ этого можно также заключить, что такія цитаты изъ твореній отцовъ Церкви дѣлались большею частью на память.

Однако указаніе всѣхъ такихъ источниковъ, при разсмотрѣніи истолковательныхъ сочиненій Аввакума не имѣетъ особенно важнаго значенія въ виду того, что всѣ эти сочиненія, какъ мы

---

[71]) Ibid, стр. V—VI.

[72]) См. Карнѣевъ, стр. 244 и В.

замѣтили выше, имѣютъ главнымъ образомъ цѣль полемическую, обличеніе никоніянъ: передъ нами въ этихъ толкованіяхъ выступаетъ не церковный экзегетъ, а скорѣе публицистъ, пользующійся текстомъ Священнаго Писанія, какъ орудіемъ для обличенія своихъ противниковъ, и потому часто отвлекающійся отъ задачи истолковательной. Такія отступленія иногда очень велики по объему, и одно изъ нихъ при толкованіи псалма 44-го въ сборникѣ Богдановскомъ составляетъ даже особую статью.

Но, прежде чѣмъ разсматривать эту полемическую сторону толкованій Аввакума, отмѣтимъ въ нихъ нѣсколько примѣровъ реализма, подобнаго тому, съ которымъ мы встрѣчались при разборѣ толкованій на книгу Бытія; такіе образцы, безъ полемическихъ выходокъ противъ православныхъ, весьма немногочисленны, ихъ всего три: 1) въ толкованіи стиха 2 псалма 40 значеніе милостыни на страшномъ судѣ сравнивается съ проѣзжей памятью: «гдѣ ни показалъ, ино не держатъ»; 2) говоря о томъ, что не слѣдуетъ предаваться унынію при смерти близкихъ людей (въ толкованіи стиховъ 14—15, IV главы Премудрости Соломона), Аввакумъ представляетъ слѣдующую картину поминанія умершихъ людьми нечестивыми: «у грѣшныхъ же поминаніе не тако, но наварятъ на поминки вина и пива и напьются пьяни и передерутся, а бабы по мертвыхъ кричатъ да вопятъ, яко невѣрніи иноземцы: кленутъ зъ горя плачучи и небо, и землю, и тварь всю, и самому Творцу досаждаютъ»;—очевидно, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ личными наблюденіями Аввакума надъ окружавшей его дѣйствительностью; 3) такая же жизненная черта проявляется и въ нѣсколько книжномъ толкованіи стиховъ 2—3 гл. 55 пророч. Исаіи: сказавъ о роскошной жизни себялюбивыхъ богачей, Аввакумъ замѣчаетъ: «а къ душевному строю претитъ діаволъ въ церковь, и нищимъ подати не хощетъ, а что и подастъ, ино смѣху достойно, денешку и полденешку, или кусокъ корки сухіе. А имѣетъ тысящи серебра и злата, и на псахъ ожерелки шелковые и кольца серебряные». Наконецъ, укажемъ еще одинъ такой примѣръ, однако уже съ примѣсью полемической: въ толкованіи стиха 9, главы IV Премудрости Соломона никоніяне сравниваются, по своему увлеченію всякой новизной, съ ребенкомъ, который «по землѣ прилежай, и щепу и г...о поемля, въ ротъ себѣ пихаетъ,

и падая съ лавки и съ полатей, язвы себѣ отъ безумія пріемлетъ».

Въ своихъ полемическихъ выходкахъ противъ православной церкви Аввакумъ даетъ намъ, конечно, со своей точки зрѣнія, какъ общую характеристику никоніянъ, такъ и характеристику отдѣльныхъ представителей ненавистнаго ему церковнаго направленія, самаго патріарха Никона, Павла, митр. Крутицкаго, Іоны, митр. Ростовскаго и др.; говоритъ онъ о томъ, какъ надо относиться къ никоніянамъ, о будущей ихъ казни, высказываетъ свой взглядъ на царя, касается вопроса о пришествіи антихриста, разбираетъ нѣкоторыя обрядовыя разногласія съ никоніянами и, наконецъ, затрогиваетъ нѣкоторые внутренніе вопросы, возникавшіе среди приверженцевъ старины, каковъ былъ напр. вопросъ о самосожженіи. Конечно, при такомъ разнообразіи содержанія и благодаря избранной Аввакумомъ истолковательной формѣ, изложеніе не можетъ отличаться послѣдовательностью, и намъ приходится при разборѣ этихъ сочиненій группировать во едино отдѣльныя разбросанныя подробности Аввакумовой полемики.

На первомъ планѣ среди церковныхъ враговъ Аввакумъ ставитъ, конечно, патріарха Никона и по отношенію къ нему нисколько не стѣсняется въ самыхъ яростныхъ нападкахъ, причемъ въ нихъ отражаются и впечатлѣнія личнаго его знакомства съ патріархомъ. Никонъ называется «пресквернѣйшимъ», «блудодѣемъ», «новымъ Валаамомъ», «ближнимъ предотечей антихриста». По своему характеру Никонъ настолько приближается въ представленіи Аввакума къ антихристу, что разница почти исчезаетъ. Никонъ еще съ дѣтства научился чародѣйству, и самое его происхожденіе представляется сомнительнымъ: «одва не татарка его родила». Онъ сынъ діавола и «работаетъ отцу своему, сатанѣ», говоритъ «надъ просвирой во время переноса» какіе-то заклинательные стихи и «масломъ мажетъ причастниковъ своей сквернѣ, прибѣгшихъ къ его милости. Самъ государь трудится святитель: какъ лишиться такой святыни! Да такъ-то міръ-отъ мажетъ и сквернитъ; да такая бѣда,—кого помажетъ, тотъ и измѣнится умомъ-тѣмъ. Явно омрачаетъ. Или антидоромъ-тѣмъ накормитъ, такъ и пошелъ по немъ. Есть протопопъ, Ермиломъ зовутъ, ярославской, доброй человѣкъ и мнѣ другъ давной, да ум-отъ у него не крѣпокъ. Поборникъ былъ по цер-

квѣ, да омрачился отъ мази-той и антидора-того! Нѣкогда пришли мы вмѣстѣ съ нимъ въ соборную церковь, такъ онъ бѣжитъ къ маслу-тому, и я ему браню: пошто ты идешь, Ермилъ! И онъ мнѣ: да какъ же, братецъ! Я не могу того учинить, чтобы мнѣ того не помазатися! Я ево ухватилъ, чтобы не пустить,—и онъ дрожитъ, стоя. Я и пехнулъ: иди, реку, гори въ огнѣ съ ними заодно!» [73]). Поведеніе Никона въ то время, какъ онъ былъ архимандритомъ и митрополитомъ, еще болѣе заставляетъ Аввакума сближать его съ антихристомъ, который такъ же («слово въ слово»), какъ и Никонъ, «испервა будетъ казатися людемъ кротокъ и смиренъ, и милостивъ и человѣколюбивъ». При этомъ Аввакумъ ссылается на свои собственныя наблюденія и сообщаетъ крайне неприличную сплетню о Никонѣ: «Я ево высмотрилъ с... с... до мору тово,—великой обманщикъ, бл.... сынъ! Какъ-то при духовникѣ-томъ Стефанѣ вздыхаетъ, какъ-то плачатъ, овчеобразный волкъ. Въ окно ис палаты нищимъ деньги бросаетъ, ѣдучи по пути нищимъ золотые мечетъ! А мір-отъ слѣпой хвалитъ: государь такой-сякой, миленькой, не бывалъ такой отъ вѣка! А бабы молодые, простите Бога ради, и черницы, въ палатахъ-тѣхъ у него временницы, тѣшатъ его, великаго государя прескверпѣйшаго, а онъ ихъ холоститъ бл....; у меня жила Максимова попадья, молодая жонка, и не выходила отъ него; тогда сегда дома побываетъ, поруха! Всегда весела съ вотокъ да с меду; пришедъ, пѣсни поетъ: у святителя государя въ ложницѣ была, вотьку пила! И иные рѣчи блазнено и говоритъ. Мочно вамъ знать и самимъ, что прилично блуду. Простите же меня за сіе. И больши тое бездѣлицы вѣдаю; да плюнуть на все. Слово въ слово, таковъ-то и антихристъ будетъ» [74]) Однако, какъ ни близко ставитъ Аввакумъ Никона къ антихристу, но признать опредѣленно его самого антихристомъ, какъ это дѣлали Ефремъ Потемкинъ и, можетъ быть, нѣкоторые другіе расколоучители, онъ не рѣшается.

Такая нерѣшительность объясняется тѣмъ, что Аввакумъ полагаетъ, что время антихристово еще на наступило, «послѣднеетъ чортъ не бывалъ еще», хотя приходъ его подготовляется, «тайна уже дѣется беззаконію». Антихристъ «зачнется отъ блуда,

---

[73]) Мат. VIII, стр. 34—35.

[74]) Мат. VIII, стр. 31—32. Ркп. Имп. Публ. Библ. № О. I. 339.

отъ жены жидовки, изъ колѣна Данова». При этомъ въ представленіи Аввакума рожденіе антихриста сближается съ народно-поэтическимъ образомъ происхожденія змѣевичей: «мнитмися, самъ сатана сблудитъ съ нею симъ подобіемъ, якоже змѣй нынѣ летаетъ къ женамъ; дьявольской же духъ, и дастся зачатому душа за плоть матерню» [75]). При антихристѣ начнется мучительство, подобное происходящему теперь на Москвѣ: «всяко постраждутъ миленькіе и отъ самого и отъ прикащиковъ его, какъ-то и нынѣ: на Москвѣ жгутъ, и по городомъ жгутъ митрополиты и воеводы». Такъ какъ антихристъ долженъ быть царемъ, то и Аввакума будущее отношеніе къ нему людей, какъ подданныхъ къ царю, изображается въ такихъ чертахъ, которыя опять таки сближаютъ антихристово время съ тѣмъ, что происходило при Аввакумѣ: «а люди-те омраченные, страха ради и прещенія, пуще величаютъ: благочестивѣйшій, тишайшій, самодержавнѣйшій, государь нашъ природной, праведной, буди здравъ на многа лѣта! Да и на обѣдняхъ—тѣхъ такъ же величаютъ. Обѣдни-тѣ у нихъ не по нашему будутъ: гдѣ прибрело, тутъ и обѣдня,—не въ церквѣ, у престола, предъ образомъ Пречистыя Богородицы, но литонъ разославше и въ заходѣ и вездѣ обѣдня, какъ никоніяня напечатали нынѣ во своихъ книгахъ». Въ этихъ словахъ можно, пожалуй, видѣть намекъ на царя Алексѣя Михайловича, который далѣе представляется омраченнымъ лестью Никона: «царе-ть, петь, въ тѣ поры чаетъ и мнится быт-то и впрямь таковъ, святѣе ево нѣтъ»! [76]). Однако нельзя думать, чтобы именно царь Алексѣй Михаиловичъ приравнивался антихристу: всетаки отношеніе къ царю остается пока не совсѣмъ опредѣленнымъ, и въ разсматриваемыхъ толкованіяхъ проглядываетъ надежда склонить царя на свою сторону.

Эта неопредѣленность взгляда Аввакума на царя выражается съ одной стороны въ довольно рѣзкихъ обличеніяхъ царя, а съ другой въ попыткахъ обратить его на путь истины, привести къ покаянію. Такъ, въ толкованіи псалма 40-го мы находимъ слѣдующее разсужденіе о загробномъ мученіи нечестиваго человѣка: «Ну, безумной, вотъ сталъ осужденъ! Кто пособитъ? Пи-

[75]) Мат. VIII, стр. 31. См. Халанскій. Южно-Слав. сказанія о крал. Маркѣ, стр. 178.

[76]) Мат. VII, стр. 32, 35.

санія не слушалъ, заповѣдей Христовыхъ не хранилъ и милостыни не творилъ. День пришелъ лютой. Кто избавитъ? Господа не утѣшилъ: того ради неутѣшимый плачь обрѣте. Бѣдной, бѣдной! Пропалъ душею и тѣломъ. А какъ бы жилъ боясь Бога, никоніянъ-тѣхъ шпыней не слушалъ, и держалъ старую вѣру, и жилъ бы такъ, какъ апостоли и святіи отцы научиша: такъ Господь бы тя избавилъ, и сохранилъ...... За что ты здѣсь отщепился отъ Христа, и пречестную икону Богородичну со престола согналъ и прочія ереси любезнѣ держалъ, а правовѣрныхъ пекъ и огнемъ палилъ? Будетъ ти и самому жарко въ день лютъ отъ Господа; а печеные-те отъ вѣры живы будутъ тамъ». Хотя въ этомъ разсужденіи и не называется прямо царь Алексѣй Михайловичъ, но легко замѣтить, что рѣчь идетъ о лицѣ, имѣющемъ власть, поддерживающемъ еретиковъ-никоніянъ; а кромѣ того общій характеръ этого обличенія позволяетъ его сблизить съ обращеніемъ Аввакума (во второмъ посланіи къ Симеону) къ царю Максиміану, подъ именемъ котораго можно разумѣть царя Алексѣя Михайловича.

Нѣсколько иное отношеніе къ царю мы видимъ въ толкованіи псалма 44-го: здѣсь отступленіе царя отъ истинной, старой вѣры извиняется тѣмъ, что онъ былъ соблазненъ Никономъ и его помощниками, причемъ опять является что-то въ родѣ чародѣйства, такъ какъ Никонъ «умъ отнялъ у милова, какъ близь его былъ». «Я вѣть тогда тутъ былъ, все вѣдаю, поясняетъ Аввакумъ,—всему тому сваха Анна Ртищева со дьяволомъ. Какъ его причастилъ антидоромъ, такъ съ тѣхъ мѣстъ возми, да понеси, да ломай все старое, давай новую вѣру римскую, и протчая ереси клади въ книги; а кто обрящется противенъ, того осуждай въ сылки и въ смерти, сажай живыхъ въ землю». Во всемъ виноваты архіереи, которые внушили царю, что онъ долженъ имъ «указывать», можетъ «владѣть церковью и измѣнять догматы». Называя православныхъ архіереевъ волками и душегубцами, Аввакумъ сравниваетъ ихъ съ «земскими ярыжками»: что имъ велятъ, то и творятъ. Только у нихъ и вытвержено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь! Медвѣдя Никонъ смѣяся прислалъ Іонѣ Ростовскому на дворъ, и онъ челомъ медвѣдю,—митрополитищо, законоположникъ! А тутъ же въ сонмищѣ съ палестинскими сидитъ, бытто знаетъ! А о Павлѣ Крутицкомъ мерзко и говорить: тотъ явной любодѣй, церковной кровоядецъ

и навадникъ, убійца и душегубецъ: Анны Михайловны (т. е. Ртищевой) любимой владыка, подпазушной песъ борзой, готовъ заяцовъ Христовыхъ ловить и въ огонь сажать». Желая представить раболѣпство архіереевъ, Аввакумъ приписываетъ имъ такія рѣчи: «жги, государь, христіанъ-тѣхъ, а намъ какъ прикажешь, такъ мы въ церкви и поемъ; во всемъ тебѣ, государю, не противны; хотя медвѣдя дай намъ въ олтарь, и мы рады тебя, государя, тѣшить, лише намъ погребы давай, да кормы со дворца» [77]).

Такимъ образомъ, благодаря этимъ ожесточеннымъ нападкамъ на Никона и архіереевъ соблазнителей, вина самого царя Алексѣя Михайловича оказывается нѣсколько смягченной, вслѣдствіе чего Аввакумъ питаетъ надежду на его исправленіе и обращается къ нему отчасти съ нѣжнымъ увѣщаніемъ покаяться, отказаться отъ общенія съ еретиками-никоніянами, отчасти грозитъ ему такими же казнями, какія раньше постигали нечестивыхъ царей. Въ отношеніяхъ къ царю такимъ образомъ проявляется какая-то неопредѣленность, невыдержанность, особенно ярко замѣтная при сопоставленіи приведеннаго выше отрывка изъ толкованія на псаломъ 40-й съ пространнымъ разсужденіемъ о мучительствѣ и увѣщаніемъ царю, которое мы находимъ въ толкованіи псалма 44-го [78]), причемъ весьма существеннымъ представляется то обстоятельство, что это увѣщаніе въ сборникѣ Имп. Публ. Библіотеки О. I. № 339 составляетъ особую статью, да и въ Боровскомъ сборникѣ оно прицѣплено къ толкованію

[77]) Въ чемъ состоялъ тотъ эпизодъ съ медвѣдемъ, который упоминаетъ Аввакумъ, и было ли что-либо подобное въ дѣйствительности, мы не знаемъ. Можетъ быть, это сплетня, возникшая значительно раньше, чтобы очернить Іону, митр. Ростовскаго, по всей вѣроятности, покорно повиновавшагося Никону. Павелъ Крутицкій упоминается и въ толкованіи 9 главы Притчей Соломоновыхъ, какъ «водійщикъ»: «со мною онъ, Павелъ безумной, стязался, глаголющи: велѣно де, протопопъ, научитися премудрости алъманашной и звѣздочетію, писано-де: взыщите премудрость, да поживете». Не обратилось ли въ этомъ случаѣ требованіе научнаго образованія, предъявленное Павломъ, въ наставленіе заниматься астрологіей? Что касается Анны Михайловны Ртищевой, то въ этихъ же «толкованіяхъ» мы имѣемъ свидѣтельство Аввакума, что она пыталась увѣщевать его: «И Анна Ртищева мнѣ говорила: а и Аввакумъ протопопъ! Коли тебя изводъ возметъ!» Мат. VIII, стр. 15, 29, 38, 48, 59.

[78]) Мат. VIII, стр. 35—52.

нѣсколько механически. Нельзя ли на этомъ основаніи предположить, что это увѣщаніе было какъ бы проектомъ новой попытки обратить царя на путь истины? Въ пользу такого предположенія, кромѣ общаго тона увѣщанія, говоритъ и самая форма непосредственнаго обращенія къ царю: «О, царю Алексѣе, покажу ти путь къ покаянію и спасенію твоему»; правда, подобное же обращеніе есть и въ предъидущей части толкованія, гдѣ Аввакумъ убѣждаетъ царя остановить преслѣдованія защитниковъ старины и, указавъ на примѣръ Манасіи, замѣчаетъ: «Виждь, начальныхъ согрѣшенія какову бѣду міру наносятъ. Скоро истшутъ или яко быліе злака скоро отпадутъ. Престаниже, государь, проливати крови неповинныхъ; пролей вмѣсто слезы; угаси пещь палящую рабовъ Христовыхъ въ Боровскѣ и въ Казани; съ воздыханіемъ изъ глубины сердца расторгни узы сѣдящихъ въ темницахъ и изведи живыхъ закопанныхъ въ землю; припади къ колѣнома ихъ съ покаяніемъ, да умолятъ о тебѣ Бога, яко о Ѳеофилѣ иконоборцѣ Меѳодій». Однако здѣсь это обращеніе является въ видѣ какой-то эпизодической вставки, въ виду того, что Аввакумъ говоритъ о царѣ въ этой части постоянно въ третьемъ лицѣ: такъ онъ высказываетъ желаніе «постричи» царя, который «много накудесилъ, горюнъ, въ жизни сей»; упоминаетъ о томъ, что «житіе царя было и нарочито исперва, да расказилъ собака Никонъ», причемъ проводитъ параллель между царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и императорами Львомъ Армяниномъ, Василіемъ Македоняниномъ и Ѳеодосіемъ, которыхъ также соблазняли разные еретики; намекъ явный на царя можно видѣть и въ упоминаніяхъ объ Озіи и Манасіи, тѣмъ болѣе что эти же примѣры приводятся и въ дальнѣйшей части, непосредственно обращенной къ царю; наконецъ, въ этой же первой части находимъ и довольно пространную молитву о томъ, чтобы Богъ «премѣнилъ отъ прелести царя Алексѣя бѣднаго отъ новаго злодѣя Никона съ дьяволомъ и далъ бы ему очищеніе и освященіе и душевное прозрѣніе». Вотъ это-то различіе въ формѣ двухъ частей толкованія и представляется намъ основаніемъ для предположенія о самостоятельномъ возникновеніи каждой изъ нихъ; объединеніе же ихъ въ одномъ сочиненіи, произведенное, можетъ быть, самимъ Аввакумомъ, явилось какъ результатъ близости ихъ по содержанію, такъ какъ въ

обѣихъ говорится о никоніянскомъ мучительствѣ, которому царь потворствуетъ [79]).

Это мучительство составляетъ главный предметъ нападокъ Аввакума на никоніянъ, нападокъ, разсѣянныхъ по всѣмъ разсматриваемымъ «толкованіямъ», причемъ обвиняются больше всего Никонъ и архіереи. Уговаривая царя прекратить преслѣдованія приверженцевъ старины, Аввакумъ почему-то высказываетъ надежду на то, что лучшія времена настанутъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.—«Сынъ твой, говоритъ онъ, послѣ тебя распуститъ же о Христѣ всѣхъ страждущихъ и вѣрныхъ по старымъ книгамъ въ Господа нашего Іисуса Христа! На шестомъ соборѣ бысть же сіе,—Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животъ дарова. Тако глаголетъ Духъ Святый мною, грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь тоже будетъ послѣ тебя! И ты послушай меня, сдѣлай доброе при себѣ, дондеже еси въ животѣ. Егда пріидетъ хищникъ и восхититъ тя, не успѣешь тогда: понеже судъ бываетъ безъ милости несотворившимъ милости. Вѣдь мы у тебя не отнимаемъ здѣсь царства-тово, ниже иныхъ возмущаемъ на тебя; но за вѣру свою стоимъ, боля о законѣ своемъ, преданнѣмъ отъ святыхъ отецъ. Что ти успѣетъ въ грядущій вѣкъ? Грабишь насъ напрасно и обнажаешь отъ Христа. Время и тебѣ покаяться, понеже любитъ Господь Богъ кающихся». Въ этихъ словахъ видно только довольно умѣренное желаніе избавиться отъ преслѣдованій, и то же можно сказать и о слѣдующемъ увѣщаніи: «Вѣдаю разумъ твой; умѣешь многими языки говорить, да што въ томъ прибыли? Съ симъ вѣкомъ останется здѣсь, а о грядущемъ ничимже пользуется. Воздохни-тко по старому, какъ при Стефанѣ бывало, добренько, и рцы по русскому языку: Господи, помилуй мя, грѣшнаго! А киріелеисонъ-отъ отставь; такъ ельнаня говорятъ; плюнь на нихъ. Ты вѣдь, Михайловичъ, русакъ, а не грекъ. Говори своимъ природнымъ языкомъ; не уничижай его ни въ церкви, и ни въ дому, и ни въ пословицахъ. Какъ насъ Христосъ на-

[79]) Что касается обвиненій въ обрядовыхъ искаженіяхъ, то они дѣлаются какъ бы мимоходомъ, и только относительно седмипросфорія мы находимъ обширное разсужденіе, въ толкованіи на 9 главу Притчей Соломоновыхъ (Мат. VIII, стр. 53—58).

училъ, такъ подобаетъ говорить. Любитъ насъ Богъ не меньше грековъ, предалъ намъ и грамоту нашимъ языкомъ Кирилломъ святымъ и братомъ его». Однако, такой мягкій тонъ увѣщаній не выдерживается Аввакумомъ до конца, и тутъ же мы встрѣчаемся съ требованіемъ казни никоніянамъ: «Перестань-ко ты насъ мучить-тово! Возми еретиковъ-тѣхъ, погубившихъ душу твою, и пережги ихъ скверныхъ собакъ, латынниковъ и жидовъ, а насъ распусти природныхъ своихъ».

Вообще отношеніе Аввакума къ своимъ врагамъ никоніянамъ, какъ мы указывали и раньше, не отличается послѣдовательностью, и такія же противорѣчія можно замѣтить и въ разсматриваемыхъ «Толкованіяхъ»: съ одной стороны мы встрѣчаемся здѣсь съ наставленіями, въ которыхъ можно видѣть проявленіе нѣкоторой религіозной терпимости, а съ другой стороны насъ поражаютъ угрозы никоніянамъ будущими загробными казнями и желаніе расправиться съ ними, отомстить имъ теперь же за ихъ мучительство. Такъ, въ толкованіи псалма 40-го мы находимъ приведенное нами выше (стр. 235) наставленіе не гнѣваться на еретика, такъ какъ никоніянамъ «и безъ нашего гнѣва будетъ жарко»; но рядомъ съ этимъ въ другихъ толкованіяхъ встрѣчаются такія поученія Аввакума своимъ единовѣрцамъ: «Съ еретикомъ какой миръ? Бранися съ нимъ и до смерти, и не повинуйся его уму развращенному. Своего врага люби, а не Божія, сирѣчь еретика и ненавистника душевнаго уклоняйся и ненавиди, отрицайся его и душею и тѣломъ» (Мат. VIII, стр. 60). «Бѣги отъ еретика и не говори ему ничего о правовѣріи; токмо плюй на него. Аще онъ и мягко съ тобою говоритъ, отклоняйся его, понеже ловитъ тебя, да же наведетъ бѣду душевную и тѣлесную.—Ей, собаки и свиньи хуже еретикъ. Слово правое и истинное уничтожаетъ и хулитъ, а свою бл... утверждаетъ. Отступи отъ него» (Ibid., стр. 61—62). Особенно энергично Аввакумъ настаиваетъ на необходимости борьбы съ никоніянами въ толкованіи на 5-ю главу книги Премудрости Соломона; здѣсь праведники, т. е. сторонники Аввакума, представлены смѣло обличающими еретиковъ, несмотря ни на какія преслѣдованія: «грѣшники праведниковъ мучатъ, а они больши ихъ обличаютъ, не молчатъ небось, стрѣляютъ ихъ праведными словесы своими мѣтко; не обмишулится праведникъ-отъ,—ужъ какъ пуститъ слово-то свое о Христѣ на собаку на никоніянина, тот-

часъ неправду-то въ еретикѣ заколетъ». Въ борьбѣ съ никоніянами помогаетъ самъ Христосъ: «Онъ имъ, надежа, силу-ту подаетъ; а то бы беззаконники-тѣ тотчасъ праведниковъ-тѣхъ перевертѣли; да Христосъ воли-той имъ не даетъ. Утѣшаетъ своихъ-тѣхъ Владыка бѣдненькихъ всяко. Собаки-тѣ огрызутъ нашему брату бѣдному руку, или языкъ, или иную кую пакость сотворятъ, а Христосъ и исцѣлитъ; а ворамъ-тѣмъ горько да не знаютъ, какъ извѣсти праведника-того» (Мат. VIII, стр. 64—65, см. также Приложенія). Божественная помощь проявляется, какъ видно изъ этихъ словъ, въ разнаго рода знаменіяхъ, и къ числу подобныхъ чудесныхъ знаменій можно отнести и открытіе мощей Соловецкаго угодника, игумена Иринарха, «бывшаго древле въ православной вѣре при благочестивомъ царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ»; этотъ фактъ, по мнѣнію Аввакума, долженъ служить яркимъ обличеніемъ никоніанъ: «Иринархъ по всей земли вѣрныхъ возвѣселилъ, а никоніянъ вбѣсилъ и скорбь имъ наведе явленіемъ своимъ, понеже старыя нашія изгнанныя православныя вѣры кринъ процвѣтѣ на обличеніе никоніаномъ, новолюбцамъ, врагомъ и отступникомъ отъ Христа и отъ Пречистыя Богородицы и отъ Соловецкихъ чудотворцевъ» (см. Приложенія, стр. 68—69).

За всѣ свои прегрѣшенія, за отступничество и за преслѣдованіе правовѣрныхъ, никоніяне будутъ жестоко наказаны при будущемъ судѣ Христовомъ: эта мысль подробно развивается, на основаніи апокалипсическихъ предсказаній, въ толкованіи на 5-ю главу Премудрости Соломона, причемъ дается такое предостереженіе: «Добро бы образумитца и, яко отъ сна, убудитися коемуждо отъ злобъ своихъ, пачеже скверны любодѣянія церковнаго и догматьнаго измѣненія престать» (Прилож. стр. 58). Такое же предсказаніе осужденія: «в печаль и в скорбь вѣчную со діаволомъ мучитися» и обѣщаніе, что при отсутствіи покаянія никоніянъ, «Богъ пріидетъ скоро и брань сотворитъ съ ними мечемъ устъ своихъ и двигнетъ престолы ихъ и кости ихъ предастъ псомъ на снѣденіе, якож Іезавелины», мы находимъ въ толкованіи на 12-ю главу пророчествъ Исаіи (Прилож. стр. 71, 72).

Однако успокоиться одной этой мыслью о будущемъ возмездіи оказывается для Аввакума очень труднымъ, и онъ припоминаетъ для утѣшенія своей паствы, какъ были наказаны разные нечестивцы, Манасія, Валаамъ, Іезавель; откровенно заяв-

ляетъ: «Воли мнѣ нѣтъ, да силы,—перерѣзалъ бы, что Илья пророкъ студныхъ и мерскихъ жерцовъ всѣхъ, что собакъ». Конечно, болѣе всего должна быть сурова расправа съ Никономъ: «Какъ бы добрый царь, повѣсилъ бы ево на высокое древо, яко древле Артаксеркс Амана, хотяще погубити Мардохея и родъ Израилевъ искоренити. Миленькой царь Иванъ Васильевичъ скоро бы указъ сдѣлалъ такой собакѣ». Злобно обѣщаетъ Аввакумъ своимъ врагамъ расправиться съ ними: «Дайте только срокъ, собаки, не уйдете отъ меня въ рукахъ! выдавлю я изъ васъ сокъ-отъ! [79]). Наконецъ, мы встрѣчаемся съ приведеннымъ уже нами выше требованіемъ, чтобы царь пережегъ всѣхъ никоніянъ. Всѣ такія проявленія нетерпимости, а въ особенности ссылки при этомъ на ветхозавѣтные примѣры сближаютъ Аввакума съ осифлянскими тенденціями, хотя признать его въ этомъ отношеніи вполнѣ послѣдовательнымъ не представляется возможнымъ, въ виду указанныхъ нами и въ другихъ его сочиненіяхъ, и въ настоящихъ толкованіяхъ примѣровъ иного отношенія къ тѣмъ, кого онъ считалъ врагами церковными.

Отмѣтимъ, наконецъ, еще двѣ весьма существенныя подробности въ разсматриваемыхъ толкованіяхъ: Это, во-первыхъ, упоминаніе о самосожженіи, а во-вторыхъ, двукратное обращеніе Аввакума къ Симеону. О самосожженіи говорится въ толкованіи псалма 44 въ такихъ выраженіяхъ: «Наипаче же въ нынѣшнее время въ нашей Россіи сами въ огонь идутъ отъ скорби великія, ревнуя по благочестіи, яко древле апостоли; не жалѣютъ себя, но Христа ради и Богородицы въ смерть идутъ, да вѣчно живы будутъ. А какъ же не ити въ огонь роду христіанскому? Богородицу со престола согнали никоніяня-еретики, воры, бл.... дѣти. Да еще бы не горько христіанину!» Въ этихъ словахъ можно видѣть указаніе причинъ для самосожженія независимо отъ преслѣдованія со стороны никоніянъ, однако строить на этомъ основаніи какія-нибудь опредѣленныя заключенія, какъ мы это объяснимъ далѣе, не представляется возможнымъ. Рядомъ съ приведеннымъ отрывкомъ о самосожженіи имѣетъ не малое значеніе упоминаніе въ той же самой статьѣ имени ученика Аввакума, Си-

---

[78]) Мат. VIII, стр. 29, 45, 56.

[79]) Ibid., стр. 28.

меона: какъ мы увидимъ далѣе, всего больше о самосожженіи Аввакумъ писалъ этому Симеону (съ которымъ, какъ доказано П. С. Смирновымъ, тожественъ игуменъ Сергій), а то обстоятельство, что въ Богдановскомъ сборникѣ Имп. Публ. Библіотеки разсматриваемыя толкованія помѣщены вмѣстѣ съ двумя посланіями къ Симеону, наводитъ на мысль, что всѣ эти толкованія, между которыми есть связь, указываемая самимъ Аввакумомъ въ «Нравоученіи», писались именно для Симеона, который, можетъ быть, былъ главнымъ посредникомъ между Аввакумомъ и его паствой. Не лишено также значенія для подтвержденія мысли о тождествѣ Симеона и игумена Сергія и то обстоятельство, что въ разсматриваемыхъ толкованіяхъ и въ «Нравоученіи» Аввакумъ нѣсколько разъ мимоходомъ затрогиваетъ догматическіе вопросы, послужившіе предметомъ его спора съ діакономъ Ѳедоромъ и разбиравшіеся въ недошедшихъ до насъ его сочиненіяхъ, которыя распространялись среди раскольниковъ Сергіемъ.

По установленному нами хронологическому порядку за разобранными толкованіями слѣдуетъ обширное сочиненіе Аввакума, озаглавленное г. Субботиннымъ «Бесѣда объ Авраамѣ», хотя въ рукописи Е. В. Барсова (съ которой оно напечатано) не имѣющее никакого заглавія. Варіанты въ изданіи г. Субботина приведены по спискамъ Хлудовской библіотеки, №№ 257 и 273. Въ первомъ изъ списковъ нѣтъ начала, находящагося въ рукописи Е. В. Барсова, а второй состоитъ изъ отрывковъ. Такой же отрывочный характеръ имѣетъ списокъ библіотеки В. Г. Дружинина, № 53, О. № 30, причемъ здѣсь это сочиненіе озаглавлено: «Слово 1 Аввакума протопопа къ своимъ отцамъ». Если разсмотрѣть составъ текста напечатаннаго, то и въ немъ замѣчается непослѣдовательность, отрывочность, происходящая, можетъ быть, оттого, что первоначальный текстъ вообще не сохранился, и въ одномъ сочиненіи были объединены отрывки изъ разныхъ другихъ; однако отрывочность могла быть и въ первоначальномъ текстѣ, такъ какъ послѣдовательностью изложенія далеко не всегда отличаются сочиненія Аввакума.

По формѣ «Бесѣда» представляется толкованіемъ нѣкоторыхъ частей изъ посланій апостола Павла къ Галатамъ (гл. 4, ст. 23—31, и гл. 5, ст. 1) и Римлянамъ (гл. 4, ст. 16—25 и гл.

5, ст. 1—5), но рядомъ съ толкованіемъ мы находимъ полемику противъ никоніянъ, и разсужденія объ антихристѣ, и разсмотрѣнныя нами выше опроверженія заблужденій дьякона Өедора, и обширную статью объ Авраамѣ, которая, можетъ быть, служила продолженіемъ «Списанія и собранія о Божествѣ и твари». Такимъ образомъ составъ сочиненія представляется нѣсколько смѣшаннымъ, и всякія заключенія о его первоначальномъ видѣ пока могутъ быть только гадательными.

Эта непослѣдовательность изложенія особенно обнаруживается въ томъ обстоятельствѣ, что толкованіе стиховъ 22 и 23 гл. 4 посланія къ Галатамъ дается Аввакумомъ два раза, причемъ толкованіемъ въ собственномъ смыслѣ можно признать лишь то краткое поясненіе, которымъ начинается вторая часть «Бесѣды» (со стр. 358, т. V Мат.); все же предшествующее является дѣйствительно бесѣдой объ Авраамѣ, довольно обстоятельнымъ пересказомъ относящагося къ Аврааму текста книги Бытія и Палеи или «Гранографа». Въ обѣихъ этихъ частяхъ мы находимъ опять, какъ и въ другихъ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума, обширныя отступленія, въ которыхъ онъ говоритъ о современныхъ церковныхъ несогласіяхъ и полемизируетъ со своими врагами.

Дополненія къ библейскому повѣствованію, заимствованныя изъ «Гранографа», состоятъ въ слѣдующемъ: 1) разсказывается объ идолопоклонствѣ Фары, о противодѣйствіи ему со стороны Авраама, о сожженіи идоловъ и о смерти «Арама», младшаго брата Авраама, причемъ и замѣчаніе: «и отъ Адама до сего меншей прежде старшаго не умиралъ» подходитъ къ словамъ Палеи: «предъ симъ бо не умиралъ сынъ предъ отцемъ»[81]); 2) статья «о Мелхиседецѣ» представляется сокращеннымъ изложеніемъ «Слова Аөанасія архіеп. александрійскаго о Мелхиседеце»[82]); 3) статья «о жертвѣ Авраамовѣ, егда принесе Богу» въ эпизодѣ о вознесеніи Авраама на небо ангеломъ Алтезомъ носитъ на себѣ слѣды вліянія апокрифическаго «Откровенія Авраама» (вошедшаго въ Палею); самый же разсказъ о жертвоприношеніи близокъ къ библейскому тексту.

Реальныя подробности толкованія, подобныя тѣмъ, которыя

---

[81]) Сборн. отд. рус. яз. и слов., т. XVII, стр. 117.

[82]) Ibid., стр. 131—135. Памятн. стар. рус. лит. III, стр. 21—23.

мы указывали раньше, замѣтны какъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ Аввакума, такъ и въ параллеляхъ, проводимыхъ между библейскими событіями и фактами современной жизни. Примѣромъ первой категоріи могутъ служить слѣдующія «простыя» объясненія: «ему (Лоту) то мѣсто (Содомская земля) полюбилось, а опослѣ милой и мучился много з добрыми людьми», «Сарра пироговъ напекла» для Св. Троицы, Сарра отвѣчаетъ Богу на обѣщаніе, что у нея родится сынъ: «я-де баба лѣтъ девятдесятъ,—како будетъ се?» Что касается приноровленій къ современной жизни, то здѣсь мы встрѣчаемся прежде всего, при разсказѣ объ аскетическомъ образѣ жизни Мельхиседека на Ѳаворской горѣ, со слѣдующимъ замѣчаніемъ: «прямой былъ священникъ, не искалъ ренскихъ и романей, и водокъ и винъ, процѣженныхъ, и пива съ кардамономъ, и медовъ лимоновыхъ и вишневыхъ и бѣлыхъ разныхъ крѣпкихъ». Послѣ этого Аввакумъ обращается къ Иларіону, архіепископу рязанскому, напоминаетъ ему о своемъ давнемъ, начинающемся съ юности, знакомствѣ, обличаетъ его роскошную и безнравственную жизнь: «въ корету сядетъ, растопорщится, что пузырь на водѣ, сѣдя на подушкѣ, расчесавъ волосы, что дѣвка, да ѣдетъ, выставя рожу, на площадѣ, чтобы черницы-волухи-унеятки любили». Вмѣстѣ съ этимъ Аввакумъ обвиняетъ Иларіона въ мучительствѣ, говоря, что ни одинъ изъ православныхъ архіереевъ столько «не льститъ царя ухищреніемъ басней и пронырствомъ и люди Божія губитъ». Такое обвиненіе противъ Иларіона истекаетъ, вѣроятно, изъ того факта, что Иларіонъ занималъ въ православной іерархіи очень выдающееся положеніе и, можетъ быть, поэтому принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ расколомъ; во всякомъ случаѣ онъ представлялся защитникамъ старины однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ, и это можно хорошо видѣть, если сопоставить съ приведенными словами Аввакума то обстоятельство, что въ рисункѣ, приложенномъ къ Казанскому списку «Житія» Аввакума (какъ мы укажемъ далѣе), Иларіонъ помѣщенъ въ числѣ пяти главныхъ противниковъ церкви, рядомъ съ патріархами Паисіемъ Александрійскимъ, Макаріемъ Антіохійскимъ, Никономъ и Іоакимомъ.

Мучительство Иларіона и другихъ никоніянскихъ властей вызываетъ въ представленіи Аввакума сравненіе ихъ съ евреями, преслѣдовавшими пророковъ и апостоловъ, а также и съ

Магометомъ и съ Иродомъ: «Мнѣ сіе любо гораздо: освятилася русская земля кровію мученическою. Не лѣнитеся, бѣдныя, подвизайтеся гораздо, яко Махметъ подклоняйте мечемъ непокоряющихся въ свою вѣру, да и по смерти своей, яко Иродъ древле, прикажите владыкъ и старѣйшинъ галилейскихъ на память кончины своея побить».

Разсказъ о жертвоприношеніи Авраама и о терпѣніи и покорности Исаака приводитъ Аввакума къ нравоучительнымъ размышленіямъ о современныхъ обстоятельствахъ, о необходимости крѣпко стоять за старое правовѣріе, несмотря ни на какія преслѣдованія, въ виду того, что въ будущемъ терпѣніе вознаградится: «нынѣ намъ отъ никоніянъ огнь и дрова, земля и топоръ, ножъ и висѣлицы: тамо же ангельскія пѣсни, и славословіе, и хвала и радованіе. Яра нынѣ зима, но тамо сладокъ рай; болѣзненно терпѣніе, но блаженно воскресеніе». Призывъ къ страданію за вѣру выражается въ такихъ словахъ, которыя могли быть истолкованы, какъ одобреніе самосожигательства: «Всякъ вѣрный не развѣшивай ушей-тѣхъ и не задумывайся: гряди со дерзновеніемъ во огонь, и с радостью Господа ради постражи, яко добръ воинъ Ісусъ Христовъ, правости ради древнихъ книгъ святыхъ». Однако связь этихъ словъ съ приведенными раньше и съ послѣдующимъ разсужденіемъ, въ которомъ видно только желаніе укрѣпить своихъ послѣдователей въ стояніи за вѣру, не позволяетъ опредѣленно признать ихъ призывомъ къ самосожженію: тутъ говорится только о томъ огнѣ, которымъ дѣйствуютъ никоніяне, — этого-то огня не слѣдуетъ бояться, такъ какъ не страшны вообще никакія муки. За мученіе ожидаетъ вѣрныхъ награда на небесахъ, въ грядущемъ положеніе измѣнится совсѣмъ въ противоположную сторону: «судити васъ станутъ, говоритъ Аввакумъ никоніянамъ о своихъ послѣдователяхъ, и обладаютъ вами ворами; тогда что вамъ говорить съ ними будетъ, бѣшеные собаки, егда воцарится Господь въ нихъ во вѣки?» Рядомъ съ наказаніемъ загробнымъ предсказывается никоніянамъ возмездіе земное, какъ это мы видѣли и въ толкованіяхъ на псалмы и пареміи; здѣсь это возмездіе представляется въ болѣе опредѣленной формѣ, можетъ быть, подъ вліяніемъ извѣстій о войнѣ съ турками: «Разумѣйте, братіе, вси страждущіе отъ никоніянъ и не скорбите: плотолюбцы бо то есть; гонятъ духовныхъ, якожъ по плоти роди-

выйся Измаилъ Исаака духовнаго. И самымъ имъ быть прогнанымъ отъ Духа в степь ко Измаилу, еже есть предастъ Богъ, яко грековъ, *туркамъ и крымскимъ татаровямъ*, а въ будущій вѣкъ в преисподній тартаръ всѣхъ з жидами заодно».

Никоніяне, какъ и всѣ еретики, по словамъ Аввакума, впадають въ свои заблужденія отъ невѣжества, превратнаго пониманія Священнаго Писанія: «верхи у писанія того хватають, что мыши углы у книгъ-тѣхъ угрызають, а внутрь лежащаго праведнѣ нимало разсудять; и иное знають, да ухищреніемъ заминають, и всѣмъ хотящимъ спастися запинають». Благодаря такимъ «ухищреніямъ», никоніяне «всю невѣсту Христову разорили зѣло и обезчестили; кой что захватилъ, такъ то и потащилъ: иной за сердце-то ухватилъ, еже есть престолъ святый четырестолпный перемѣнилъ,..... а иной воръ за голову-ту ухватилъ невѣсту Христову и вѣнецъ благоукрашенный сорвалъ, еже есть древо жизни и спасенія (т. е. четвероконечный крестъ),.... а иной кобель борзой антимисъ сорвалъ съ престола,... а иной воръ церковной съ просвиръ крестъ схватилъ, да крыжъ римской положилъ». Особенно почему-то распространяется Аввакумъ относительно отмѣны седмипросфорія, видя въ этомъ первый шагъ къ латинству, къ принятію опрѣсноковъ, и при этомъ сообщаетъ оригинальное объясненіе, данное, по его словамъ, Спиридономъ Потемкинымъ тому, какъ появились въ римской церкви опрѣсноки: «Папа еретикъ,—забылъ имя! — Спиридонъ Потемкинъ покойникъ помнилъ,—такъ же откинулъ отъ седми двѣ просфоры: подобаетъ-де надъ пятію просфирами служить в пять чувствъ человѣческихъ. А другой папа еще двѣ откинулъ: подобаетъ-де надъ тремя служить во образъ святыя Троицы. А послѣ того третій папа еще двѣ откинулъ: подобаетъ-де на одной служить во едино Божество. А иной папа: не подобаетъ-де кислой просфирѣ в службѣ быть, но опрѣснокъ надобѣ Моисеова закона ветхаго».

Всѣми своими церковными исправленіями Никонъ и его сторонники готовятъ, «угладили» путь антихристу, который хотя еще и не пришелъ, но «скоро будетъ», такъ какъ никоніяне печатаютъ всѣхъ его печатью. Подъ вліяніемъ апокалипсическихъ представленій Аввакумъ сообщаетъ даже, что онъ видѣлъ антихриста. «Нѣкогда мнѣ печальну бывшу и помышляющу, какъ пріидетъ антихристъ врагъ послѣдній и коимъ образомъ,

да сидя, молитвы говоря и забыхся: понеже не могу стояти на ногахъ, — сидя молюся окаянной. А се на полѣ нечистомъ много множество людей вижу. И подлѣ меня нѣкто стоитъ. Я ему говорю: чего ради людей много въ собраніи? Онъ же отвѣща: антихристъ грядетъ; стой, не ужасайся. Я подперся посохомъ своимъ двоерогимъ протопопскимъ, сталъ бодро: ано ведутъ ко мнѣ два в бѣлыхъ ризахъ нагово человѣка,—плоть-та у него вся смрадна, зѣло дурна, огнемъ дышитъ изо рта и изъ ноздрей, и изъ ушей пламя смрадное исходитъ. За нимъ царь нашъ послѣдуетъ и власти со множествомъ народа. Егда ко мнѣ привели его: я на него закричалъ и посохомъ хощу его бить. Онъ же мнѣ отвѣщалъ: что ты, протопопъ, на меня кричишь? Я нехотящихъ не могу обладати, но волею послѣдующихъ ми, сихъ во области держу. Да изговоря, палъ предо мною, поклонился на землю. Я плюнулъ на него да очутился; а самъ воздрогнулся и поклонился Господеви. И дурно мнѣ сильно стало и ужасно; да нечего на то глядѣть. Знаю я по писанію о Христѣ безъ показанія: скоро ему быть».

Послѣднее по времени изъ истолковательныхъ сочиненій Аввакума есть «Бесѣда о наятыхъ дѣлателяхъ», напечатанная Н. И. Субботинымъ въ V томѣ «Матеріаловъ» по списку, принадлежавшему митр. Макарію и теперь принадлежащему Кіевской духовной Академіи [83]); варіанты приведены по спискамъ библіотекъ Хлудова (№ 257) и Е. В. Барсова. Въ послѣднемъ спискѣ сочиненіе не имѣетъ никакого заглавія, въ двухъ же другихъ оно озаглавлено, какъ у г. Субботина, съ присоединеніемъ обычнаго возгласа, предшествующаго чтенію Евангелія. По своему составу «Бесѣда» въ этихъ трехъ спискахъ заключаетъ въ себѣ кромѣ толкованія притчи о виноградаряхъ комментарій къ притчѣ о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. Нѣсколько иной видъ имѣетъ «Бесѣда» въ спискѣ Имп. Публ. Библіотеки № 0, I. 339, гдѣ она включена въ составъ обширнаго сочиненія, озаглавленнаго «Нравоученіе» (см. Приложенія, № 30): здѣсь толкованія притчи о богатомъ и Лазарѣ нѣтъ, а текстъ перваго толкованія представляетъ нѣкоторыя отличія отъ напечатаннаго у г. Субботина. «Нравоученіе» по своему содержанію отличается логической цѣльностью: оно заключаетъ въ себѣ сперва раз-

[83]) Петровъ. Описаніе рукоп. собр., находящихся въ г. Кіевѣ, I, № 58.

сужденіе объ общихъ обязанностяхъ христіанскихъ, любви къ Богу и любви къ ближнему, причемъ разъясняется отличіе последней отъ плотской любви и значеніе брака; здѣсь мы встрѣчаемся съ рядомъ реальныхъ подробностей о прелюбодѣяніи; а затѣмъ, сказавъ о своемъ учительствѣ, проведя параллель между собою и нищимъ, собирающимъ подаяніе у богатыхъ людей, Аввакумъ обращается къ своей паствѣ со слѣдующими словами: «Хощете ли азъ вамъ образъ покаянія предложу изъ Евангелія? Выпросилъ я у Христа, цѣлая коврига мяхъкова хлѣба! Есть что купать милостію Божіею: у Него, Свѣта, не скудно! Ту сьедимъ, и другую подастъ: не скупъ и не завѣстливъ Владыка, всѣхъ желаетъ, всѣхъ спасенія ищетъ, *старыхъ и молодыхъ, всякаго возраста, на всякъ часъ* собираетъ въ небесное царство. Подщимся, не обленимся и мы причастницы быти со святыми».

Послѣ этихъ словъ вполнѣ естественнымъ является переходъ къ толкованію притчи о наятыхъ дѣлателяхъ, которое и заканчивается объясненіемъ послѣдняго входящаго въ притчу стиха евангельскаго: «мнози бо суть званніи, мало же избранныхъ». Связь между этимъ толкованіемъ и первой частью «Нравоученія», кромѣ приведеннаго вступленія, видна и изъ слѣдующаго обращенія къ прелюбодѣю, о которомъ упоминалось въ первой части: «Каково помышляеши, прелюбодѣю, избыти адъскихъ жилищъ? Во сластехъ всегда и в тимѣніи валяещися, заповедь Божію попирая и наруговая владычество Его. О окаянне и страстне, вниди в совесть свою, познай Господа; престани, покайся, миленкой!» Послѣ же этого толкованія въ текстѣ «Нравоученія» непосредственно слѣдуетъ статья, напечатанная г. Субботинымъ въ V т. «Матеріаловъ» подъ заглавіемъ «Посланіе къ неизвѣстнымъ обличительное за любострастіе», по тѣмъ же спискамъ библіотекъ Хлудова и митр. Макарія, гдѣ оно помѣщено отдѣльно отъ «Бесѣды». Разсматривая это «Посланіе», мы сразу замѣчаемъ, что оно представляетъ собою отрывокъ какого-то цѣльнаго сочиненія; это видно уже изъ самаго начала: «Слышалъ ли еси милосердіе Божіе, о друже, гладкая глава и учесаныя кудри, и ты, разумная, походка гладкая, умазанное лицо, добрая жена?» Упоминаніе «евангельскихъ словесъ» и приглашеніе отдать «старость поне Богу» сближаетъ «Посланіе» съ текстомъ «Бесѣды», включеннымъ въ «Нравоученіе»; а ссылка

на притчу о богатомъ и Лазарѣ ставитъ его въ связь съ текстомъ «Бесѣды», помѣщеннымъ въ «Матеріалахъ»; и изъ этого послѣдняго обстоятельства, намъ кажется, можно заключить съ нѣкоторой достовѣрностью, что для логической цѣльности текстъ «Нравоученія» долженъ быть дополненъ толкованіемъ притчи о богатомъ и Лазарѣ, если мы не предположимъ, что Аввакумъ, включая въ «Нравоученіе» ранѣе написанную «Бесѣду», самъ по какому-то недосмотру опустилъ это толкованіе. Наконецъ, для установленія связи между отдѣльными частями «Нравоученія» представляется очень важнымъ и тотъ фактъ, что приведенное выше обращеніе къ обличаемымъ въ «Посланіи» очень подходитъ къ слѣдующей яркой характеристикѣ прелюбодѣевъ въ первой части «Нравоученія»: «Кудри бѣдной разчесываетъ и усъ расправливаетъ посредѣ народа. Силно хорошо! И плюнуть не на ково! А прелюбодѣица белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, отвѣты мяхки, привѣты сладки, и взгляды благочинны, шествіе по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Кака быть хороша! Вторая египтянныня Петерфіина жена или Самсонова Далида бл....! Посмотри-тко, дурка, на душю свою, какова она красна, и ты, кудрявецъ, чосаная голова!»

Такимъ образомъ «Нравоученіе» по своему составу отличается извѣстной стройностью, такъ какъ всѣ три его части имѣютъ между собой опредѣленную логическую связь, и если предположить указанный нами выше недосмотръ самого Аввакума, то мы имѣемъ дѣло съ такимъ текстомъ, который очень близокъ къ оригиналу [84]).

Установивъ это положеніе о составѣ «Нравоученія», укажемъ тѣ основанія, которыя заставляютъ насъ думать, что «Бесѣда» возникла раньше «Нравоученія». Сличая оба текста «Бесѣды», мы замѣчаемъ въ ихъ строеніи значительную разницу,

---

[84]) Что касается текста «Посланія», то къ нему въ Богдановскомъ сборникѣ имѣется только одинъ незначительный варіантъ: послѣ словъ «вся наше яко сѣно, и яко цвѣтъ оцвѣте» и передъ словами «и яко трава посѣчена бысть» вставлены слова «и яко извергъ». Кромѣ того въ печатномъ текстѣ нужна слѣдующая поправка: предложенія «Свелъ ихъ въ приказъ воеводы. Тѣ къ тому дѣлу милостивы» слѣдуетъ читать: «Свелъ ихъ въ приказъ. Воеводы-тѣ къ тому дѣлу милостивы».

которая обнаруживается уже съ самаго начала, въ толкованіи первыхъ двухъ стиховъ евангельской притчи (Матѳ. гл. 20, ст. 1—2): въ «Нравоученіи» это толкованіе пространнѣе, чѣмъ въ отдѣльномъ текстѣ; добавлено упоминаніе о грѣхопаденіи Адама, а также и о спасеніи его и пришедшихъ въ первый часъ, т. е. жившихъ до потопа, Авеля, Сиѳа, Еноха и Ноя, тогда какъ послѣдняя подробность въ отдѣльномъ текстѣ отнесена къ толкованію двухъ непосредственно слѣдующихъ стиховъ притчи. Еще болѣе различаются комментаріи къ этимъ двумъ стихамъ: въ отдѣльномъ текстѣ къ нимъ относятся всѣ тѣ толкованія, которыя въ «Нравоученіи» отнесены къ дальнѣйшему (5-му) стиху Евангелія, причемъ самый этотъ стихъ въ отдѣльномъ текстѣ «Бесѣды» выпущенъ; кромѣ того сюда же отнесена часть толкованія къ стихамъ 6 и 7; наконецъ, важно и то, что въ отдѣльномъ текстѣ иносказательнымъ («преводнымъ») называется какъ разъ то объясненіе, которое въ «Нравоученіи» является въ качествѣ прямого. Къ послѣднимъ упомянутымъ стихамъ въ текстѣ «Матеріаловъ» дается болѣе пространное объясненіе, значительно отличающееся отъ текста «Нравоученія»; послѣ объясненія часовъ призванія, какъ символа возрастовъ человѣческой жизни, которое, какъ мы сказали, отнесено въ «Бесѣдѣ» къ предъидущимъ стихамъ, «Бесѣда» и «Нравоученіе» совпадаютъ въ слѣдующемъ толкованіи (правда, выраженномъ въ «Бесѣдѣ» нѣсколько образнѣе):

Бесѣда.	Нравоученіе.
Аще отдали діяволу юность: дайте мнѣ, своему создателю и владыкѣ, поне старость! Что здѣ стоите весь день праздны? Пріидите ко мнѣ своему владыкѣ, и припадите! Аще не можете труда, поста и поклоновъ принесть ми: дайте мнѣ воздыханіе и слезы. Что здѣ стоите весь день праздны? Аще не можете странну и нищу послужити: дайте мнѣ жезлы и кресты, стояніе на молитвѣ. Что здѣ весь день стоите праздны? Аще не можете стоять, поне сице [86]) и лежа воззрѣніе на образъ мой принесите своему владыкѣ. Что здѣ	Отдали есте юность свою діяволу, дайте мнѣ, Владыцѣ своему, поне старость. Что здѣ стоите весь день праздны? отдали есте діяволу крѣпость, дайте мнѣ, Владыке своему поне дряхлость, дайте мнѣ поне трясущіяся кости. Что здѣ стоите праздны?—пріидѣте в мою церковь, принесите ми вкупѣ кресты и жезлы, дряхлость свою потвержая; пріидѣте в церковь состарѣвыйся на играхъ и на плищ... многомятежнаго сего вѣка, ничтоже ино имый, токмо стоитъ у дверей, жезломъ подпершися и перстовъ сложить не умѣетъ,

[86]) Не слѣдуетъ ли здѣсь исправить: «сидя» вмѣсто «сице»?

стоите весь день праздны? Они же рѣша ему: яко никтоже насъ наятъ. Еже есть: старикъ бѣдной желтехонекъ въ церковь прибрелъ, плачетъ и воздыхаетъ, не разумѣетъ церковнаго ничтоже, жезломъ подпершися стоитъ, и персты по преданію сложить не умѣетъ, а кланятися въ землю и подавно не можетъ, охаяваетъ себя, глаголя: яко никтоже насъ наятъ. Дни де своя с молода нерадѣніемъ изжилъ, а нынѣ не могу потрудиться, — старость постигла. Перекреститься не умѣю, въ перстахъ дряхлость, рука не служитъ, колѣна на землю не могу преклонить, кости отерпли, болѣзненна спина! и т. д.

понеже плоть измождала, руки не гнутся, перекреститися не можетъ и поклонитися плоть не служитъ: дрожатъ ноги, спина не гнется, услышавъ евангельское слово: покайтеся, приближибося царство небесное, и къ сему токмо воздыхаетъ измождалый бѣдный, слезы ото очію испущая, сокрушая свое сердце и т. д.

Конецъ толкованія этихъ стиховъ въ «Бесѣдѣ» и въ «Нравоученіи» сильно различается: въ «Бесѣдѣ» распространеннѣе. Болѣе распространеннымъ является въ «Бесѣдѣ» и толкованіе слѣдующаго (8-го) стиха. Стихъ 9-й въ «Нравоученіи» толкуется отдѣльно отъ стиховъ 10—12, тогда какъ въ «Бесѣдѣ» дается имъ общее толкованіе, причемъ начало его отличается немного отъ толкованія, помѣщеннаго въ «Нравоученіи». Толкованіе стиховъ 13 и 14 въ «Нравоученіи» по смыслу близко къ «Бесѣдѣ», хотя отличается въ нѣсколькихъ частностяхъ. Кромѣ того конецъ стиха 14 объясняется въ «Бесѣдѣ» вмѣстѣ съ началомъ 15 стиха, а конецъ 15 имѣетъ отдѣльное толкованіе, тогда какъ въ «Нравоученіи» такого произвольнаго дробленія евангельскаго текста нѣтъ; къ тому же опять есть нѣкоторыя различія въ частностяхъ толкованій. Наконецъ толкованія послѣдняго (16-го) стиха представляются совершенно различными, причемъ важно, что въ «Матеріалахъ» это толкованіе заключается слѣдующимъ разсужденіемъ, составляющимъ естественный переходъ къ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ: «много ли ихъ избранныхъ, еже бы душа своя по Христѣ положити? Ни, ни,—не токмо душа, но и съ женою и дѣтьми разлучитися не хощетъ Господа ради; и не токмо съ женою и чады, но и двора своего и имѣнія лишитися не хощетъ правды ради; не токмо всего имѣнія, но и ризы единыя нагому жалѣетъ дати; и не токмо ризы, но и копѣйки цѣлыя нищему Христа ради жалѣетъ дати, но и денежки на смѣнъ

просить! А инъ сто рублевъ имѣетъ, а нищему глаголетъ: Богъ пошлетъ! Какъ намъ себя не соромъ? Да пришедше въ церковь, ста на мѣстѣ обычномъ и глаголетъ, яко сущій христіянинъ: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! или: Помяни мя, Господи, во царствіи си! А за што—Боже милостивъ буди тебѣ грѣшному? За то, что нищему ничево не далъ? Лицемѣръ! Богатаго онаго исчадіе, иже облачашеся въ порфиру и виссонъ, веселяся на вся дни свѣтло!»

Всѣ отмѣченныя черты сходства и различія двухъ текстовъ толкованія притчи о виноградаряхъ приводятъ къ тому заключенію, что одинъ текстъ является переработкой другого; судя же по реализму, обнаруживающемуся въ обоихъ текстахъ, они должны быть признаны одинаково принадлежащими Аввакуму: наконецъ, включеніе въ тотъ текстъ, который вошелъ въ «Нравоученіе», приведенныхъ выше словъ, связывающихъ его съ другими частями «Нравоученія», служитъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ того, что «Бесѣда» возникла самостоятельно и только впослѣдствіи была приноровлена къ общему строю болѣе поздняго «Нравоученія».

Разсматриваемое «Нравоученіе» представляется намъ особенно важнымъ потому, что въ немъ мы находимъ нѣкоторыя данныя для подтвержденія высказаннаго нами выше предположенія о первоначальномъ единствѣ тѣхъ истолковательныхъ сочиненій Аввакума, которыя вошли въ упомянутые Боровскій и Богдановскій сборники. Такое подтвержденіе можно видѣть прежде всего въ слѣдующемъ обращеніи Аввакума къ паствѣ, которую онъ призываетъ къ покаянію: «возрите на *вышереченное* Ниневитцкое покаяніе и Манасіино»; а объ этомъ покаяніи говорится въ толкованіи псалма 44-го, въ указанномъ выше увѣщаніи царю Алексѣю Михайловичу. Другимъ важнымъ аргументомъ, позволяющимъ объединить истолковательныя сочиненія Аввакума, является слѣдующее его сравненіе, имѣющее отдаленное сходство съ приступомъ Златоуста въ «словѣ о оглашеніи» [87]): «Подобенъ я нищему человѣку, ходящу по улицамъ града и по окошкамъ милостыню просящу. День той скончавъ и препитавъ домашнихъ своихъ, на утро паки поволокся. Тако и азъ, по вся дни волочась, збираю и вамъ, питомникамъ церковнымъ, пред-

[87]) Маргаритъ, л. 312.

лагаю: пускай ядше веселимся и живи будемъ. У богатова человѣка Христа изъ евангелія ломоть хлѣба выпрошу, у Павла апостола, у богатова гостя, ис посланей ево хлѣба крому выпрошу, у Златоуста, у торговаго человѣка, кусокъ словесъ ево получю, у Давида царя и у Исаи пророковъ, у посадцкихъ людей, по четвертинѣ хлѣба выпросилъ; набравъ кошель, да и вамъ даю, жителямъ в дому Бога моего». Этотъ перечень источниковъ, которыми пользовался Аввакумъ для своихъ наставленій, въ особенности же упоминаніе царя Давида и пророка Исаіи, связываетъ настоящее «Нравоученіе» съ толкованіями псалмовъ и пророчествъ Исаіи, находящимися въ томъ же самомъ сборникѣ Имп. Публ. Библіотеки.

Обращаясь къ тѣмъ источникамъ, которыми пользовался Аввакумъ для своего «Нравоученія», мы замѣчаемъ, что кромѣ обширнѣйшихъ заимствованій изъ Священнаго Писанія, особенно Псалтыри и посланій апостола Павла (напр. Ефес. гл. 5, ст. 12—33, гл. 6, ст. 1—9, I Коринѳ. гл. 7, ст. 3—4 и т. д.), причемъ указаніе не всегда бываетъ опредѣленнымъ, Аввакумъ постоянно прибѣгаетъ къ тѣмъ же двумъ главнымъ пособіямъ, которыя ему служили при другихъ его истолковательныхъ сочиненіяхъ, т. е. къ Палею и къ Маргариту. Къ этимъ двумъ источникамъ онъ присоединяетъ еще «Бесѣды апостольскія» Іоанна Златоуста и Шестодневъ» Іоанна, экзарха Болгарскаго, заимствуя изъ послѣдняго нѣкоторыя космографическія замѣчанія о небѣ, солнцѣ, лунѣ, звѣздахъ.

На Маргаритъ есть прямая ссылка, при сопоставленіи мнѣнія «Шестоднева» о томъ, что «солнце въ нощи въ водахъ измывся свѣтлѣйши просіяваетъ» со «словомъ объ умиленіи и слезахъ», причемъ Аввакумъ въ своей цитатѣ приводитъ текстъ Маргарита не буквально, но только передаетъ общій смыслъ словъ Іоанна Златоуста, какъ это видно изъ слѣдующей параллели:

Аввакумъ.	Маргаритъ.
Есть и Златоустъ сему согласуетъ в словѣ о умиленіи и слезахъ сице пишетъ: не без ума бо солнце во акіянъ сходитъ, но измывся луча просвѣти. Тамо (тако?) и праведное солнце Христосъ во Іордани.	Не без дѣла же мнимъ сошествіе солнечное во окіянъ, нѣсть бо праздно что бывающихъ и ничтоже туне отъ сотворенныхъ: ничтоже бо худа Богъ сотворилъ, но все предвѣдый... Егда убо узриши мыющееся солнце во окіяне, то не прися о праведнѣмъ и разумнѣмъ измывшемся солнцѣ

Христѣ во Іорданѣ: се бо измывся водою лучы просвѣти (Маргаритъ, л. 453).

Болѣе всего въ Маргаритѣ Аввакумъ пользовался «словомъ о оглашеніи», такъ какъ оно является толкованіемъ той же самой притчи о виноградаряхъ, которой посвящена вторая часть «Нравоученія». Сходство темъ, конечно, привело Аввакума къ заимствованію толкованія у Златоуста: заимствованіе заключается и въ построеніи толкованія, и въ нѣкоторыхъ очень близкихъ къ тексту Маргарита цитатахъ, хотя вездѣ видна переработка цитируемаго текста, такое же реалистическое приноровленіе, какое встрѣчается и въ другихъ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума. Однако, при несомнѣнномъ заимствованіи, объ источникѣ Аввакумъ почти не упоминаетъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ этихъ параллелей. Такъ, стихи 6-й и 7-й гл. 20 Матѳ. толкуются слѣдующимъ образомъ:

Аввакумъ.

Глагола господинъ винограда: что здѣ стоите весь день праздны, еже есть: отдали есте юность свою діяволу, дайте мнѣ, Владыце своему, поне старость. Что здѣ стоите весь день праздны? отдали есте діяволу свою крѣпость, дайте мнѣ, Владыце своему, поне дряхлость, дайте мнѣ поне трясущіяся кости. Что здѣ стоите праздны?—пріидѣте в мою церковь, принесите мнѣ вкупѣ кресты и жезлы, дряхлость свою подкрепляюще...

Маргаритъ.

Рече Спасъ: идите и вы въ виноградъ мой. Хощу бо и старцевъ дѣлати хотящихъ; хощу бо и сѣдины благочестіемъ цвѣтущія; хощу и трясущыяся составы вѣрою укрѣпляемы; сладцѣ бо зрю и старцы держащыя жезлы, вкупѣ и кресты. Идите и вы въ виноградъ мой, иже убо діяволу юность принесосте, мнѣ же поне старость даруйте, мнѣ поне изнемогшыя уды принесите (л. 315).

Аввакумъ (продолж.): сты и жезлы, дряхлость свою подпержая; пріидѣте в церковь состарѣвыйся на играхъ и на плищ... многомятежнаго сего вѣка, ничтоже ино имый, токмо стоитъ у дверей, жезломъ подпершися, и перстовъ сложить не умѣетъ, понеже плоть измождала, руки не гнутся, перекреститися не можетъ и поклонитися плоть не служитъ: дрожатъ ноги, спина не гнется, услышавъ евангельское слово: покайтеся, приближибося царство небесное, и къ сему токмо воздыхаетъ измождалый бѣдный, слезы ото очію испущая, сокрушая свое сердце.

Маргаритъ (продолж.): Вземше же роптаху на господина, глаголюще: сіи послѣдніи, сіи состарѣвшіися, сіи иже колѣна едва преклонше къ твоему поклоненію, сіи иже твое владычествіе едва познавшіи, иже трясущимися персты крестное знаменіе едва могуще на лицахъ своихъ сотворити (л. 317).

Къ стиху 8 даются слѣдующія толкованія:

Аввакумъ.

Глагола же господинъ винограда к приставнику своему: призови дѣлателя и даждь имъ мзду,—призови Авеля, перваго праведника, Мене ради кровь проліявша, призови Сиѳа, призови Еноха, вѣрна ми бывша и неищевавша истинна Мя Бога, призови Ноя, спасшаго миръ отъ потопа, призови Авраама и Исаака и Іякова и дванадесяте патріарха, призови пророки и праведники, угодившія в законѣ, призови апостолы и мученики, святители и преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ от века угодившихъ, и давай имъ мзду, наченъ от послѣднихъ до первыхъ; отверзи Моя сокровища, открой сокровенныя дары и даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ до первыхъ; первое обвесели послѣднихъ, таже воздаждь первымъ. Первое обвесели послѣднихъ, да не унываютъ подожданіемъ замедленія ко пріятію неимущихъ благихъ дѣлъ, токмо покаяніе; праведники же уповаютъ ждуще, имуще предъ собою трудъ, свой подвигъ.

Маргаритъ.

Призови всѣхъ иже отъ Адама: призови Авеля, ради жертвы пожренаго, и призови и Еноха угодившаго и преставлшагося, призови Ноя, потопленаго естества добраго кормителя, призови вѣрнаго Авраама, боголюбиваго паче, нежели чадолюбиваго, воевавшаго на свое чадо, мучившаго свое естество, призови Іосифа, цѣломудрія дѣлателя, призови вся патріархи, призови пророки, призови Илію добрѣ ѣздившаго и бывшаго всадника огненныхъ колесницъ, призови апостолы, новаго завѣта бывшая свѣтила, призови мученики, подражавшыя мою за нихъ смерть, призови Стефана... Варлаама... призови вся добрѣ трудившыяся, призови мой виноградъ добрѣ дѣлавшихъ, и даждь мзду. Отверзи моя сокровища, открый сокровенная... даждь имъ мзду, наченъ отъ послѣднихъ даже и до первыхъ. Послѣднихъ первѣе обвесели дарованіемъ: сіи бо потребу моея имутъ благости; они бо первіи от утра подвигъ начеише, того же дне и тѣхже часовъ и добродѣтелей подвигъ имутъ свидѣтеля, послѣдніи же всѣхъ сихъ пусти быша и т. д. (л. 316).

Толкованіе слѣдующаго стиха у Аввакума подходитъ къ Златоустовскому, хотя представляется болѣе образнымъ и живымъ:

Аввакумъ.

Получили старики милыя дары драгія и честны и безцѣнны, превращаютъ сѣмо и овамо в рукахъ своихъ, удивляяся, глаголюще: аще не быхомъ вѣровали, не быхомъ таковаго безцѣннаго дражайшаго бисере получихомъ; слава всѣхъ содѣтелю Богу нашему, приведшему насъ въ познаніе и отверзе намъ путь покаянія. Ради бѣдненькія старики.

Маргаритъ.

И пришедшіи же во единый надесять часъ взяша по пѣнязю, и съ радостію въ своихъ рукахъ видяще глаголаху: аще бы не вѣровали быхомъ, погибнути имѣхомъ. Вѣдѣша бо дѣланіе свое, яко ничтоже достойно противо дарованію: видѣша даръ своими очесы и руками благодать держаще радовахуся, торжествовахуо безнадежныхъ благихъ (л. 316).

Таковы наиболѣе существенныя заимствованія Аввакума изъ Маргарита. Кромѣ нихъ можно указать и многія болѣе мелкія черты сходства его толкованій съ источникомъ, однако вездѣ, какъ и въ приведенныхъ образцахъ, видна переработка первоначальнаго текста, видно стремленіе Аввакума рядомъ съ буквальнымъ заимствованіемъ не совсѣмъ удобопонятно выраженнаго объясненія дать кое-что свое оригинальное.

Что касается заимствованій изъ другихъ указанныхъ источниковъ, то они по существу не представляютъ особаго значенія, и потому мы не будемъ разбирать ихъ въ подробностяхъ.

Сводя наши отдѣльныя замѣчанія объ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума, мы можемъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Главными источниками толкованій Аввакума являются Маргаритъ, Палея или Хронографъ, какой-нибудь текстъ «Толковой Псалтыри» и Азбуковникъ.

2) Заимствованіе изъ источниковъ въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ буквальное; почти всегда Аввакумъ передѣлываетъ тотъ текстъ, которымъ онъ пользуется: или сокращаетъ его, или упрощаетъ внесеніемъ реальныхъ подробностей, иногда почерпнутыхъ изъ личныхъ наблюденій и всегда приноровленныхъ къ умственному кругозору его паствы, причемъ порой такое реалистическое толкованіе, благодаря нравамъ эпохи, граничитъ съ цинизмомъ.

3) Такія приноровленія становятся особенно важными въ виду полемическаго направленія почти всѣхъ истолковательныхъ сочиненій Аввакума, причемъ сильнѣе всего полемика проявляется въ толкованіяхъ псалмовъ и паремій и въ «Бесѣдѣ объ Авраамѣ», почти отсутствуетъ въ «Списаніи и собраніи« и совсѣмъ незамѣтна въ «Нравоученіи», хотя и есть въ одномъ намекѣ на царя Алексѣя Михайловича въ отдѣльномъ текстѣ «Бесѣды о наятыхъ дѣлателяхъ».

4) Кромѣ полемики противъ никоніянъ, разсмотрѣнныя сочиненія заключаютъ въ себѣ важныя данныя для сужденія о направленіи Аввакума въ вопросѣ религіозной терпимости, а также нѣкоторыя замѣчанія о внутреннихъ вопросахъ, занимавшихъ въ то время старообрядческую общину, каковы ученіе объ антихристовомъ царствѣ, о самосожженіи.

5) Можно думать, что «Толкованія псалмовъ и паремій» и

«Нравоученіе» были объединены самимъ Аввакумомъ и писались для его ученика Симеона; что касается «Бесѣды объ Авраамѣ», то одна ея часть можетъ считаться продолженіемъ «Списанія и собранія».

6) Важно, что, цитируя свои источники, Аввакумъ далеко не всегда различаетъ въ нихъ принятое Церковью отъ подробностей апокрифическаго характера, хотя въ то же время и высказываетъ нѣкоторыя соображенія о критическомъ отношеніи къ книгамъ.

Послѣ разсмотрѣнныхъ истолковательныхъ сочиненій мы полагаемъ возможнымъ въ слѣдующей группѣ объединить тѣ произведенія Аввакума, которыя посвящены имъ различнымъ обрядовымъ вопросамъ, послужившимъ причиной его разногласія съ православною Церковью; а эти сочиненія въ свою очередь могутъ быть распредѣлены въ два разряда: 1) касающіяся отдѣльныхъ обрядовъ, и 2) заключающія въ себѣ болѣе общія обличенія никоніянской ереси.

Къ первому разряду могутъ быть отнесены статьи «о сложеніи перстъ», «объ иконномъ писаніи» и «объ иноческомъ чинѣ», хотя въ послѣдней есть довольно много замѣчаній общаго характера; ко второму разряду относятся изъ напечатанныхъ г. Субботинымъ статьи: «Книга на крестоборную ересь», «Книга всѣмъ горемыкамъ миленькимъ», «Посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ», «Сказаніе о дняхъ поста и мясоястія», «О внѣшней мудрости», а изъ изданныхъ нами «Посланіе къ неизвѣстному («ко иному», Приложенія № 4), «Посланіе къ нѣкоему Іонѣ», «Посланіе къ неизвѣстнымъ» (Приложенія, № 10 и 13).

Статья «о сложеніи перстъ» издана Н. И. Субботинымъ въ V т. «Матеріаловъ» по списку Хлудовской библіотеки, № 257, и въ VIII т. по списку той же библіотеки, № 148 (по прибавл. къ каталогу); первый изъ этихъ списковъ есть отрывокъ, цѣликомъ входящій во второй, гдѣ эта статья составляетъ часть «посланія къ нѣкоему брату»; кромѣ того списокъ № 257 не совсѣмъ исправенъ: предложеніе «обѣ тайны пребеззаконны» утратило всякій смыслъ, обратившись въ фразу «обитанный пребеззаконный»; въ виду всего этого гораздо важнѣе списокъ № 148. Эта же статья издается нами въ приложеніяхъ къ настоящему изслѣдованію (№ 15 и 22) по спискамъ Казанской духовной академіи, № 1679 (109), гдѣ она включена въ составъ «Житія»

Аввакума, и Черниговской духовной семинаріи, № 134. Первый изъ этихъ списковъ представляется интереснымъ потому, что въ немъ рядомъ съ вопросомъ о перстосложеніи затрогивается вопросъ о земныхъ поклонахъ, т. е. соединены тѣ два обряда, которые послужили предметомъ перваго протеста Аввакума и Даніила Костромского противъ патріарха Никона. Во второмъ спискѣ особенно любопытно, какъ мы уже раньше указывали (при разсмотрѣніи догматическаго спора Аввакума съ діакономъ Ѳедоромъ) то обстоятельство, что съ вопросомъ о перстосложеніи отчасти связывается еретическое мнѣніе Аввакума о Св. Троицѣ. Однако ни того, ни другого изъ этихъ списковъ мы не рѣшаемся признать совпадающимъ съ челобитною Аввакума и Даніила: списокъ Казанскій обращенъ къ какому-то «боголюбцу» противъ «нынѣшнихъ антихристова духа», а толковъ объ антихристѣ при первой вспышкѣ протеста мы не знаемъ, такъ что это замѣчаніе можетъ относиться только къ позднѣйшему времени, на что указываютъ также и упоминанія о неправославіи «Сербовъ, Албанасовъ, Волоховъ и Грековъ» и о мученіяхъ за вѣру («дома Вавилонъ»); въ Черниговскомъ спискѣ тоже говорится о никоніянскомъ мучительствѣ, котораго еще не было при подачѣ первой челобитной. Такимъ образомъ оба списка оказываются позднѣйшими, но, несмотря на это, общность ихъ содержанія съ челобитной Даніила и Аввакума и тотъ характеръ выписокъ изъ Писанія, который имѣетъ Черниговскій варіантъ, позволяютъ намъ, кажется, построить такое предположеніе: въ основѣ всѣхъ четырехъ списковъ статьи «о сложеніи перстъ» лежитъ именно не дошедшая до насъ челобитная Аввакума и Даніила, и, касаясь вопроса о перстосложеніи впослѣдствіи, Аввакумъ повторялъ тѣ же доводы, которые были имъ выставлены въ челобитной; отсюда и присоединеніе вопроса о поклонахъ и такая аргументація въ пользу двуперстія, которая подавала поводъ уже Никону заподозрить своихъ противниковъ въ еретичествѣ; съ другой стороны позднѣйшей переработкой текста объясняются указанныя черты, отсутствовавшія въ челобитной. Обыкновенно въ рукописныхъ сборникахъ сочиненій Аввакума послѣ этой статьи помѣщаются изображенія крестовъ четвероконечнаго, осьмиконечнаго, но, какъ замѣтилъ г. Субботинъ, такое помѣщеніе этихъ рисунковъ является не совсѣмъ кстати, такъ какъ въ статьѣ о формѣ крестовъ ничего не говорится; а потому ри-

сувки слѣдуетъ относить или къ «Книгѣ на крестоборную ересь» или къ «Посланію къ неизвѣстному лицу» (Мат. V, стр. 217—223).

Сравнивая всѣ четыре списка по ихъ составу, мы замѣчаемъ, что два первые (т. е. Хлудовскіе) почти цѣликомъ, но съ раздѣленіемъ на двѣ части, включены въ списокъ Черниговскій, который представляется полумеханическимъ соединеніемъ этихъ отрывковъ съ выписками изъ Кирилловой книги (л. 183) и Малаго Катихизиса (л. 17), причемъ и разсказъ объ отсѣченіи трехъ перстовъ у папы Формоса является въ качествѣ выписки изъ «книги Бароніи», тогда какъ въ Хлудовскихъ спискахъ источникъ указывается немного иначе: «Писано сіе въ Лѣтописцѣ, и въ Книгѣ о вѣрѣ помянуто, листъ 160 (или 150)». Ссылка на Книгу о вѣрѣ неправильна, такъ какъ разсказъ о Формосѣ находится на листѣ 239 и въ Аввакумовой передачѣ онъ отличается бо̀льшими подробностями, сравнительно съ текстомъ Книги о вѣрѣ; какъ это видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Книга о вѣрѣ.	Аввакумъ.
И ниже помяну мало Стефана седьмаго, иже Формоса папежа из гроба выкопати повелѣлъ и облачивши яко папежа на столицѣ посадити повелѣлъ, и поруганія и насмѣянія творяше надъ нимъ, и потомъ разоблачити повелѣ, и три персты, ими же благословлялъ отсѣщи и тѣло его въ Тиверь рѣку воврещи.	А еже креститися тремя персты... се бо есть древняго Фармоса отступника и еретика, папы римскаго, мудрованіе его со діяволомъ: онъ тремя персты крестился и людей благословлялъ. И по немъ бывый седмый папа Стефанъ, ревнуя по благочестіи, выкопавъ его, Фармоса, поругавъ, и повелѣ перстъ единъ отсѣщи и вергнуть на землю и разступися земли и бысть пропасть велія; таже другіи отсѣщи и вергнуть: и изыде огнь изъ бездны; таже и третій: и бысть смрадъ лютъ во градѣ. Онъ же повелѣ и тѣло Фармосово повергнути въ Тиверь рѣку. И сложа персты по преданію, мѣсто благословилъ: бысть земля по прежнему.

Ссылка на Книгу о вѣрѣ, сдѣланная, очевидно, на память, даетъ намъ возможность объяснить ссылку на Баронія, который указанъ именно въ Книгѣ о вѣрѣ и котораго Аввакумъ не имѣлъ подъ руками, какъ это можно видѣть изъ той формы, въ какой является настоящая ссылка въ Казанскомъ спискѣ: «О семъ писано въ лѣтописцѣ латынскомъ, о вѣрѣ книга указуетъ, лѣ-

тописецъ которой». Это различіе въ указаніяхъ источника цитаты, на нашъ взглядъ, объясняется слѣдующимъ образомъ: Черниговскій списокъ принадлежитъ не самому Аввакуму, что видно и изъ надписанія въ серединѣ текста «Отца Аввакума посланіе» и изъ раздробленія болѣе связнаго текста Хлудовскихъ списковъ; однако, не будучи прямо произведеніемъ Аввакума, Черниговскій списокъ весь составленъ изъ отрывковъ его сочиненій, причемъ въ него входятъ и тѣ слова изъ посланій Аввакума противъ діакона Ѳедора, въ которыхъ выразилось еретическое «четвереніе» Св. Троицы; такимъ образомъ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ дѣло съ компиляціей, составленной позднѣе какимъ-либо послѣдователемъ Аввакума, имѣвшимъ подъ руками тѣ выписки, которыя входили въ челобитную Аввакума и Даніила, и уже отъ себя внесшимъ ссылку на Баронія.

Что касается трехъ остальныхъ списковъ, то изъ нихъ два почти тождественны между собой, такъ что существенно отличаются другъ отъ друга только два текста, Хлудовскій № 148 и Казанскій. Различіе заключается главнымъ образомъ въ построеніи статьи и замѣтно прежде всего въ самомъ приступѣ къ сочиненію, который въ Казанскомъ спискѣ пространнѣе, какъ это видно изъ слѣдующей параллели:

Казанскій списокъ.	Хлудовскій списокъ.
Всякому убо правовѣрному подобаетъ крѣпко персты въ рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с нерадѣніемъ и бѣсовъ тѣшить, но подобаетъ на главу и на брюхо и на плеча класть рука съ молитвою, еже бы тѣло слышало, и умомъ внимая о сихъ тайнахъ крестися; тайны тайнамъ въ рукѣ образуютъ. Сице разумѣй по преданію святыхъ отецъ: подобаетъ сложити персты великіи и т д.	Вѣрну убо сущу не подобаетъ колебатися и влаятися умомъ, но преданная отъ отецъ крѣпцѣ и извѣстнѣ держати. Якоже пріяхомъ креститися и благословляти, въ десницѣ слагая пять перстовъ: великій и т. д

Послѣ этихъ вступительныхъ словъ мы находимъ въ обоихъ спискахъ почти одинаковое изложеніе символическаго смысла двуперстія; въ Хлудовскомъ спискѣ вслѣдъ за этимъ толкованіемъ говорится: «посемъ поклонитися на землю—являетъ Адамово паденіе; таже восклонитися—являетъ паки возстаніе Хри-

стовымъ смотрѣніемъ, сирѣчь вочеловѣченіемъ и воскресеніемъ», а затѣмъ перечисляются доказательства въ пользу двуперстія; этотъ перечень доказательствъ въ Казанскомъ спискѣ является въ нѣсколько иномъ видѣ. Приводимъ оба перечня:

Казанскій списокъ.	Хлудовскій списокъ.
Тако научиша насъ персты слагати святіи отцы: Мелетіи, архіепископъ Антіохійскіи, и Феодоритъ блаженный, епископъ Киринейскій, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ. Писано о семъ во многихъ книгахъ: во Псалтыряхъ, и въ «Кириловѣ» и «о вѣрѣ» въ книгѣ и въ житьѣ Мелетіевѣ; вездѣ единако святіи о тайнѣ сей по вышереченному толкуютъ.	Сице повелѣша персты слагати первіи пастыріе, святіи отцы и учители наши: Мелетій антіохійскій, и Ѳеодоритъ блаженный, киринѣйскій епископъ, и Петръ Дамаскинъ и Максимъ Грекъ; еще же и бывый на Москвѣ помѣстный соборъ при царѣ Иваннѣ, также повелѣваетъ креститися и благословляти по выше писанному. Тамо при царѣ Иваннѣ, на соборѣ быша знаменоносцы русскіе; наши святіи: Гурій смоленскій и Варсонофій тверскій, иже быша казанскіе чудотворцы, и Филиппъ соловецкій игуменъ, иже бысть митрополитъ въ Москвѣ градѣ: писано сіе въ Стоглавѣ царя Ивана.

Такимъ образомъ въ Хлудовскомъ спискѣ отсутствуетъ упоминаніе тѣхъ книгъ, которыя перечислены въ Казанскомъ; что же касается ссылки на Стоглавъ, то она въ Казанскомъ спискѣ отнесена къ концу, гдѣ снова повторяется перечень отцовъ, свидѣтельствующихъ въ пользу двуперстія.

Послѣ перечня доказательствъ мы находимъ въ Казанскомъ спискѣ взамѣнъ приведеннаго выше краткаго упоминанія Хлудовскаго списка о земныхъ поклонахъ довольно обстоятельное разъясненіе необходимости «творить метаніе на колѣну, какъ церковь прежде держала», и это наставленіе заканчивается слѣдующимъ полемическимъ замѣчаніемъ противъ никоніянъ: «Видишь ли, боголюбче, какъ у святыхъ-тѣхъ положено разводно и спасительно, и покойно, не какъ у нынѣшнихъ антихристова духа: и в великой постъ метанія на колѣну класть окаянные не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ! Развѣ умерши станутъ кланятца прилежьно, да мертвые уже на ногахъ не стоятъ и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго востанія и противо дѣлъ воздаянія, а мнѣ видятся равны

уже он мертвецамъ-тѣмъ, аще и живи суть, по исполу живи, но дѣла мертвечія творять,— срамно и глаголати о нихъ».

Затѣмъ Казанскій списокъ возвращается къ вопросу о перстосложеніи, и различіе обоихъ текстовъ выражается въ порядкѣ изложенія: начинается обличеніе православнаго перстосложенія съ его уподобленія апокалипсической троицѣ, «змію, звѣрю и лживому пророку», уподобленія, являющагося въ Хлудовскомъ спискѣ послѣ упоминанія о «безъимянномъ иподьяконѣ»; далѣе въ обоихъ спискахъ идетъ приведенный выше разсказъ о папѣ Формосѣ, послѣ чего является обличеніе имесловнаго благословенія, причемъ формы этого обличенія нѣсколько различаются:

Казанскій списокъ.	Хлудовскій списокъ.
Да тамъ же въ Грекахъ какой-то, сказываютъ, протопопъ Малакса архіереомъ и іереомъ благословлять рукою повелѣваетъ нѣкако странно, сложа персты Ісусъ Христомъ. Все дико: у давешняго врага вочеловѣченія нѣтъ, а у сего Малаксы Святыя Троицы нѣтъ; чему быть? время то пришло, нѣкимъ имъ играть, аже не Богомъ. Да что на нихъ и сердитовать. Писанное время пришло.	А благословляютъ нѣкако странно, пятію персты, развращенно, по преданію врага и адова пса, Малаксы протопопа. Обѣ тайны пребеззаконны,—и три персты и пять перстовъ противны святыхъ отецъ преданію, — крестяся не исповѣдуютъ вочеловѣченіе, а благословляя и все тріипостасное Божество отмещутъ.

Послѣ этого въ обоихъ спискахъ является ссылка на Св. Ипполита и Ефрема Сирина относительно того, что никоніяне «скверный и мерзкій образъ на чела возлагаютъ» («печать антихристову» (по Хлудов. сп.), и «идолъ въ рукѣ слагая» (по Казанскому), и что вслѣдствіе этого умъ у нихъ помраченъ, и они погибаютъ. Далѣе опять видимъ различіе: въ Казанскомъ спискѣ мы находимъ проклятіе всѣмъ, пріемлющимъ новое перстосложеніе, и послѣ упоминанія о Стоглавомъ соборѣ слѣдующее заключеніе: «и ты, правовѣрнѣ, безъ сомнѣнія держи преданія святыхъ, Богъ тебя благословитъ, умри за сіе, и я с тобою же долженъ. Станемъ добрѣ, не предадимъ благовѣрія, не по што намъ ходить въ Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили. Слава..... Аминь» [88]); въ Хлудовскомъ спискѣ послѣ краткаго

[88]) Упоминаніе Персиды и Вавилона встрѣчается въ сочиненіи объ иконномъ писаніи: «Не по што въ Персы итти пещи огненныя искать, но Богъ далъ дома Вавилонъ, въ Боровскѣ пещь халдѣйская...» Мат. V, стр. 295.

увѣщанія остерегаться «скверной печати», чтобы не подвергнуться осужденію «со діяволомъ въ тартарѣ преглубокомъ», слѣдуетъ разрѣшеніе отъ грѣха впавшимъ «въ никоніянскую ересь невѣдѣніемъ» и проклятіе тѣмъ, кто «сердцемъ прилежитъ къ триперстной ереси», входящее въ составъ «Отрывка посланія къ неизвѣстному», печатаемаго нами по списку Имп. Публ. Библіотеки, О. XVII, № 37; заканчивается же статья «О сложеніи перстъ» не совсѣмъ умѣло присоединеннымъ отрывкомъ изъ «Посланія къ нѣкоему Іонѣ», отрывкомъ, въ которомъ три перста сравниваются съ апоколипсическими тремя «жабами или лягушками». Въ «Посланіи къ нѣкоему Іонѣ» этотъ отрывокъ былъ умѣстенъ и начало его нѣсколько иное, чѣмъ въ Хлудовскомъ спискѣ статьи «О сложеніи перстъ»: сказавъ о символическомъ значеніи перстосложенія, Аввакумъ здѣсь говоритъ: «Такъ свято и праведно отъ святыхъ богословцевъ преданная держимъ, а не треперстная бл..., еже сице слагаютъ. Явна бѣ во Апокалипсисѣ», изъ нея бо исходятъ три духа нечистыя» и т. д., тогда какъ въ Хлудовскомъ спискѣ отрывокъ начинается такъ: «А треперстная блядь, еже сице слагаютъ, явна бѣ во Апокалипсисѣ», безъ связи съ предъидущимъ изложеніемъ.

Изъ этого сравненія двухъ текстовъ намъ представляется возможнымъ заключить, что Казанскій списокъ отличается большей цѣльностью содержанія, а потому можетъ быть признанъ окончательною редакціею статьи «О сложеніи перстъ», редакціей, сохранившей притомъ полнѣе доводы, приведенные въ защиту земныхъ поклоновъ, отмѣненныхъ патріархомъ Никономъ, и это послѣднее обстоятельство болѣе всего сближаетъ, какъ мы это указали, статью «О сложеніи перстъ» съ недошедшей до насъ челобитной Аввакума и Даніила, которою Аввакумъ, вѣроятно, пользовался, какъ матеріаломъ, при написаніи разсмотрѣнной статьи.

Сочиненіе «объ иконномъ писаніи» издано проф. Субботинымъ въ V т. «Матеріаловъ», на стр. 291—297, по списку библіотеки Е. В. Барсова, гдѣ оно озаглавлено «О образѣхъ»; варіанты приведены по спискамъ Хлудовской библіотеки № 273 и 257, въ которыхъ статья не имѣетъ заглавія; также безъ заглавія она является въ рукописи Имп. Публ. Библіотеки (Богдановскаго собранія), № О. I. 1059, л. 23—28 [89]). Наибольшею

[89]) Отчетъ Имп. Публ. за 1890 г. Приложенія, стр. 4.

полнотой отличается списокъ Е. В. Барсова, заключающій въ себѣ болѣе особенностей реальнаго Аввакумовскаго стиля, которыя сглажены въ Хлудовскихъ спискахъ; ближе всего къ Барсовскому списку подходятъ Богдановскій и Хлудовскій № 257, въ Хлудовскомъ же спискѣ № 273 пропущенъ довольно большой отрывокъ, касающійся боярыни Морозовой и бывшихъ вмѣстѣ съ нею въ Боровскѣ княгини Урусовой и Маріи Даниловой.

По формѣ своей это сочиненіе представляется вполнѣ цѣльнымъ и законченнымъ: есть и вступленіе «Паки и паки и еще къ вашей любви побесѣдую», есть и заключеніе «Богу нашему слава о всемъ, аминь», а самое изложеніе отличается извѣстною логическою послѣдовательностью. Возстаетъ Аввакумъ въ этомъ своемъ полемическомъ трактатѣ противъ новыхъ пріемовъ православнаго иконописанія, въ которомъ проявляется излишнее стремленіе къ живости и естестественности, и въ этомъ стремленіи онъ видитъ латинское вліяніе. «Есть же дѣло настоящее, говоритъ онъ, пишутъ Спасовъ образъ Еммануила, лицо одутловато, уста червонная, власы кудрявыя, руки и мышцы толстыя, персты надутыя, такъ же и у ногъ бедры толстыя, и весь яко нѣмчинъ брюхатъ и толстъ учиненъ, лишо сабли-той при бедрѣ не написано. А то все писано по плотскому умыслу: понеже сами еретицы возлюбиша толстоту плотскую и опровергоша долу горняя. Христосъ же Богъ нашъ тонкостны чювства имѣя вся, якоже и богословцы научаютъ насъ. Чти въ Маргаритѣ слово Златоустаго на Рожество Богородицы; въ немъ писано подобіе Христово и Богородично: ни близко не походило, какъ нынѣ еретицы умыслиша. А все то кобель борзой Никонъ врагъ умыслилъ будто живыя писать. А устрояетъ все по фряжьскому, сирѣчь по нѣмецкому. Якоже пишутъ фрязи образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, чреватую, брюхо на колѣни виситъ,—во мгновеніи ока Христосъ совершенъ во чревѣ обрѣтеся! А у насъ въ Москвѣ обрѣтеся,—въ Жезлѣ написали слово въ слово противъ сего: въ зачатіи-де Христосъ обрѣтеся въ дѣвицѣ совершенъ человѣкъ, яко да родится. А въ другомъ мѣстѣ яко тридесяти лѣтъ. Вотъ смотрите-су, добрые люди: коли съ зубами человѣкъ родится! На васъ всѣхъ шлюся отъ мала до велика: бывало ли то отъ вѣка? Пуще они фряговъ-тѣхъ напечатали враги Божіи». Въ своемъ обличеніи новаго иконописанія Аввакумъ прибѣгаетъ къ ироническому предположенію

тѣхъ абсурдовъ, до которыхъ можетъ довести никоніянъ ихъ стремленіе къ естественности. «Вотъ, говоритъ онъ, и никоніяне учнутъ Христа въ Рожествѣ съ бородою писать, да и ссылаются на книгу-ту: такъ у нихъ и ладно стало. А Богородицу чревату въ Благовѣщенье, яко и фрязи поганые. А Христа на крестѣ раздутова: толстехонекъ, миленкой, стоитъ, и ноги-те у него, что стулчики. Охъ, охъ, бѣдная Русь! Чего-то тебѣ захотѣлось нѣмецкихъ поступковъ и обычаевъ!»

Подражаніе нѣмцамъ Аввакумъ видитъ въ измѣненіи именъ святыхъ: «А Николѣ чюдотворцу дали имя нѣмецкое: Николай [30]), а при апостолѣхъ еретикъ былъ Николай; а во святыхъ нѣтъ Николая». Это упоминаніе объ искаженіи именъ святыхъ является въ болѣе пространномъ видѣ въ «Посланіи къ неизвѣстнымъ», находящемся въ рукописи Черниговской духовной семинаріи, № 134 (см. Приложенія, № 14). Здѣсь, перечисляя заблужденія никоніянъ, Аввакумъ говоритъ: «Не токмо святыя книги измѣнили, но и ризы, и мірскія обычаи, и вещи, и пословицы, и имена преложили: глаголютъ бо Христа Ісуса Іисусомъ, а Николу чюдотворца Николаемъ, — той бо Николай при апостолѣхъ еретикъ бысть, а великій чюдотворецъ Никола бысть при царѣ Констянтинѣ. Еще же предагатаи нарицаютъ Иванна именемъ женскимъ, пишуще безъ титла Анною». Упомянувъ объ этихъ измѣненіяхъ, Аввакумъ заключаетъ: «вся бо Богови грубо: не подобаетъ бо своего языка уничижать, а странными языки украшати рѣчи». Въ этихъ словахъ выразился патріотизмъ Аввакума, постоянно утверждавшаго, что онъ любитъ свой языкъ русскій и «виршами философскими не обыкъ рѣчи красити».

Сказавши объ измѣненіи имени Св. Николая Чудотворца, Аввакумъ переходитъ къ общему вопросу объ отношеніяхъ къ православной церкви, и здѣсь опять проявляется его нетерпимость: «Толко суть стало съ ними Никола чудотворецъ терпитъ, говоритъ онъ, а мы немощни: хотя бы одному кобелю голову-ту назадъ рожею заворотилъ, да пускай бы по Москвѣ-той такъ походилъ! Что петь дѣлать? Христосъ имъ время то попустилъ... Слышателю, терпитъ имъ Богъ, яко бѣсомъ, до суднаго дня.

---

[30]) Не есть ли это Николай Нѣмчинъ, противъ котораго писалъ Максимъ Грекъ?

А нынѣ пускай ихъ поиграютъ съ бѣсами-тѣми заодно надъ Христомъ, и надъ Николою, и надъ всѣми святыми съ Богородицею-тою свѣтомъ нашимъ — да и надъ нами бѣдными, что черти надъ попами возятся». Начавъ такимъ энергичнымъ пожеланіемъ казни своимъ врагамъ, Аввакумъ какъ бы смягчается и признаетъ допустимость временнаго торжества ненавистныхъ ему никоніянъ; онъ припоминаетъ страданія за вѣру прежнихъ праведниковъ, Іоанна Златоуста и митрополита Филиппа, и такимъ образомъ вполнѣ естественно приходитъ къ призыву своихъ послѣдователей на страданія: «Кольми же за церковный изврать всякъ православный и правовѣрный, много не разсуждая, пойди во огонь: Богъ благословитъ и наше благословеніе да есть съ тобою во вѣки». Однако въ этихъ словахъ нельзя видѣть еще призыва къ самосожженію, въ нихъ есть только поощреніе къ мученіямъ за вѣру, какъ это объясняется изъ дальнѣйшихъ словъ Аввакума. «Пещь халдейская» оказывается въ Боровскѣ, куда сосланы боярыня Морозова, ея сестра и Марія Данилова, которыя и уподобляются тремъ отрокамъ, вверженнымъ въ печь Навуходоносоромъ, и ихъ-то примѣръ рекомендуется православнымъ: «Сіе дѣло предлежитъ во образъ за хотящихъ наслѣдовати спасеніе». Послѣ этого наставленія Аввакумъ вполнѣ послѣдовательно возвращается къ вопросу о новомъ иконописаніи. «Не поклоняйся и ты, рабе Божій, убѣждаетъ Аввакумъ, неподобнымъ образомъ, писаннымъ по нѣмецкому преданію, якоже и тріе отроки въ Вавилонѣ тѣлу златому, поставленному на полѣ Деировѣ. Толсто же тѣлище-то тогда вылито, что нынѣшнія образы, писанныя по нѣмецкому! Да и много уже у нихъ измѣненія во иконахъ-тѣхъ: власы расчесаны, и ризы измѣнены, и сложеніе перстъ,—малакса вмѣсто Христова знаменія! Малаксу поганую цѣлуй! Знаешь ли, что я говорю? А то руку-ту раскорякою пишутъ тою. Не моги не цѣлуй ея: то антихристова печать. Плюнь на нея; побѣги прочь; не гляди на нея: привяжется дурная мысль. Будетъ образа подобна написана не прилучится: и ты на небо на востокъ кланяйся, а такимъ образомъ не кланяйся».

Сочиненіе «Объ иноческомъ чинѣ», изданное г. Субботинымъ по списку Хлудовской библіотеки № 257, съ варіантами по спискамъ той же библіотеки № 273 и библіотеки Е. В. Барсова, въ этихъ рукописяхъ заглавія не имѣетъ, и безъ заглавія же является

оно и въ другихъ спискахъ, намъ извѣстныхъ, въ сборникахъ Московскаго Румянцевскаго Музея, № 1808, л. 11—14 (только отрывки), № 2555, л. 102 об.—104, и № 2548, л. 38—41, Импер. Публичной Библіотеки (Богдановскаго собранія), № О. I. 1059, л. 18—23, Кіевской духовной академіи, собранія митр. Макарія, по описанію Н. И. Петрова, № 59, л. 71—77. Вездѣ это сочиненіе предшествуетъ статьѣ объ иконномъ писаніи и помѣщается или вслѣдъ за «Книгой на крестоборную ересь», или же отдѣлено отъ этой книги разсказомъ о видѣніи антихриста, включеннымъ въ «Бесѣду объ Авраамѣ»; такое постоянное расположеніе этихъ сочиненій въ извѣстномъ порядкѣ можетъ, по нашему мнѣнію, служить основаніемъ къ предположенію о нѣкоторой первоначальной между ними связи; можетъ быть, въ такомъ порядкѣ они явились уже въ самыхъ первыхъ сборникахъ сочиненій Аввакума.

Въ Хлудовскомъ спискѣ № 257, въ Барсовскомъ и въ Богдановскомъ статья начинается вступленіемъ: «Понеже убо мнози начаша чинити повѣсть о извѣствованныхъ въ насъ вещехъ» и т. д., вступленіемъ, представляющимъ почти буквальное заимствованіе изъ Евангелія отъ Луки, гл. I, ст. 1—3, и отсутствующимъ въ большинствѣ другихъ списковъ, въ которыхъ Аввакумъ сразу приступаетъ къ вопросу объ измѣненіи иноческой одежды, т. е. о введеніи «камилавокъ подклеекъ женскихъ и рогатыхъ клобуковъ». Это нововведеніе, «сія пагуба», заимствовано «отъ костела римскаго», гдѣ починъ новой монашеской одежды принадлежалъ папѣ-женщинѣ, о которой Аввакумъ сообщаетъ слѣдующія подробности, заимствованныя изъ распространенныхъ уже издавна обличительныхъ разсказовъ о латинянахъ: «Бысть въ Римѣ прежде собора Флоренскаго на престолѣ въ папахъ баба еретица въ римской церкви, по попущенію Божію, устроила себѣ клобукъ на подклейкѣ, сицевымъ образомъ, яко женской, что жены носятъ, якоже Никонъ, иже носятъ и нынѣ прелщенніи тамо и здѣсь. Идущи любодѣицы за кресты въ ходу, родила на пути идучи младенца выблядка. Разумѣвше же и видѣвше римстіи людіе извергоша ю отъ сана святительства, яко на Москвѣ врага Божія патріарха Никона, клобукъ же ея и всяко мудрованіе и преданіе въ церкви неизриновенъ бысть. И оттогда въ церквѣ ихъ слабость велія бысть, жены и дѣвы во олтарь входяще, за престоломъ на горнѣмъ мѣстѣ саждахуся,

людіе же ослабѣша и небрегуще о семъ, понеже ересь одолѣ благочестіе. И егда умножися грѣхъ, ту избыточествова благодать». Окончательное утвержденіе «рогатыхъ клобуковъ» въ римской церкви приписывается папѣ Евгенію, благодаря которому они, послѣ Флорентинскаго собора (о которомъ разсказывается съ неопредѣленной ссылкой на «лѣтописцевъ латынскихъ и русскихъ») были перенесены и въ восточную церковь: «Сія уставы и въ Царьградъ пришли: оттолѣ и греки развратилися, и клобуки такіе же вздѣли на себя, и иные догматы Флоренскаго собора учиниша въ церквахъ своихъ».

Воспоминаніе о бѣдствіяхъ, постигшихъ грековъ за отпаденіе отъ православія на Флорентинскомъ соборѣ, приводитъ Аввакума къ параллели съ современнымъ ему состояніемъ церковныхъ дѣлъ. «Видите-ли, вѣрніи, восклицаетъ онъ, римское-то дѣло родилося каково хорошо! А у насъ на Москвѣ не хуже того! Мнѣ царя-тово бѣднова жаль пуще всѣхъ греческаго: здѣшняя и вѣчная все погубилъ! Послѣ брата его роднова Константина царя предалъ Богъ за отступленіе Магмету турецкому царю, и все царство греческое съ нимъ. А на Русь было напрягъ въ мимошедшемъ году. Да еще удержали молитвы сѣдящихъ по темницамъ и тюрмамъ, вопіющихъ къ Богу день и нощь». Однако такія знаменія Божія гнѣва нисколько не дѣйствуютъ на никоніянъ отрезвляющимъ образомъ: напротивъ, въ своемъ увлеченіи «обычаями и поступками римскаго костела» сторонники новшествъ не знаютъ границъ, «не свѣдятъ камо грядутъ» и безпощадно преслѣдуютъ правовѣрныхъ: «Токмо жги да пали, сѣки, да руби, да вѣшай единородныхъ своихъ! Слыши небо и внуши земле! Вы будите свидѣтели нашей крови изливающейся». Дѣло защитниковъ старины, конечно, вполнѣ правое, такъ какъ они «держатъ неизмѣнно преданіе своихъ отецъ», и по этому поводу приводится обычный аргументъ, выставляемый противъ исправителей: «подобаетъ имъ извергнути отъ памяти прежде бывшихъ царей и патріарховъ и всѣхъ русскихъ святыхъ. За что они намъ послѣ себя оставили книги сія, за нихже мы полагаемъ душа своя! Аще ли ихъ памяти честнѣ творятъ и святыхъ русскихъ почитаютъ всѣхъ, ихже мы уставы и пре́даніе держимъ неизмѣнно: за что же насъ мучить и грабить?».

Въ церковь внесено смятеніе патріархомъ Никономъ и «римскими блюдолизами», которыхъ ожидаетъ за это кара свыше,

такъ какъ измѣненіе ризы запрещено пророкомъ Софоніей; и эта послѣдняя ссылка даетъ намъ основаніе думать, что сочиненіе «объ иноческомъ чинѣ» есть, можетъ быть, позднѣйшая переработка неизвѣстнаго намъ сочиненія, матеріалы для котораго были, какъ мы указывали ранѣе[91]), отобраны у Благовѣщенскаго сторожа Андрея: въ этихъ матеріалахъ были между прочимъ и выписки изъ пророчествъ Софоніи о странныхъ одеждахъ... Кромѣ Софоніи Аввакумъ ссылается на Василія Великаго и на Діонисія Ареопагита, причемъ ссылки дѣлаются на память, особенно послѣдняя: «Почти Діонисія Ареопагита: онъ тебя научитъ. *Помнится мнѣ*, писано въ книгѣ его». Доказательства изъ божественныхъ писаній являются такимъ образомъ несущественными, а потому опять выдвигается обличительное, сатирическое изображеніе представителей православной іерархіи, причемъ вспоминается приведенное нами раньше подобное же изображеніе Иларіона, архіепископа Рязанскаго: «А то малое ли дѣло, Богомъ преданное скидали съ головы, и волосы расчесавъ, чтобы бабы блудницы любили ихъ, выставя рожу всю, да препояшется по титкамъ, вздѣвши на себя широкій жупанъ... Подобаетъ истинному иноку дѣлы Христу подобитися, а не словесы глумными, и такъ творить, якоже святіи. Помнишь ли? Іоаннъ Предтеча подпоясывался по чресламъ, а не по титькамъ, поясомъ усменымъ, сирѣчь кожанымъ: чресла глаголются, подъ пупомъ опоясатися крѣпко, да же брюхо не толстѣетъ. А ты что чреватая женка, не изврѣдить бы въ брюхѣ ребенка, подпоясываешся по титькамъ! Чему быть! И въ твоемъ брюхѣ-то не менше ребенка бабья накладено бѣды-той,—ягодъ мигдалныхъ, и ренскова, и романей, и водокъ различныхъ съ виномъ процѣженнымъ налилъ: какъ ево подпоясать! Невозможное дѣло ядомое изврѣдить въ немъ! А се и ремень надобе дологъ! Бѣдные, бѣдные!» Послѣ всѣхъ такихъ рѣзкихъ обличеній, весьма замѣчательными представляются тѣ слова, которыми Аввакумъ заканчиваетъ настоящую статью, слова, выражающія до нѣкоторой степени настроеніе миролюбивое, однако безъ желанія уступить въ чемъ-либо своимъ врагамъ: «Ну-су, полно браниться намъ! Пріимите вы первыя наши книги, ихже святіи предаша, и обычаи свои дурные отложите: мы станемъ предъ вами прощаться о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ».

[91]) См. выше, стр. 123—4.

Резюмируя содержаніе этихъ трехъ статей, составляющихъ особый разрядъ въ группѣ обрядово-полемическихъ сочиненій Аввакума, мы замѣчаемъ, что доказательства въ пользу старыхъ обрядовъ приводятся Аввакумомъ изъ писанія сколько-нибудь обстоятельно только въ статьѣ «о сложеніи перстъ», а по существу дѣло сводится къ реалистическому обличенію своихъ противниковъ: мы встрѣчаемся здѣсь не столько съ послѣдовательнымъ богословскимъ разсужденіемъ, сколько съ памфлетомъ на современныхъ дѣятелей противоположнаго направленія и съ извѣстнымъ пріемомъ ободрить свою паству, укрѣпить въ ней готовность къ защитѣ своей старой вѣры противъ врывающихся въ русскую жизнь иноземныхъ «поступковъ», латинскихъ, фряжскихъ и нѣмецкихъ обычаевъ, вводимыхъ совратившимися въ латинство греками и патріархомъ Никономъ. При этомъ однако слѣдуетъ замѣтить, что нѣкоторыя обвиненія Аввакума совершенно неправильно направляются противъ Никона: таково обвиненіе въ искаженіи иконнаго писанія, — извѣстно, что Никонъ самъ былъ противникомъ сильно распространившихся фряжскихъ иконъ, чѣмъ даже вызвалъ волненіе въ Москвѣ во время морового повѣтрія.

Такимъ же характеромъ отличаются и тѣ сочиненія, которыя мы выдѣлили во второй разрядъ. Изъ нихъ наиболѣе обширнымъ является «Книга на крестоборную ересь», названная такъ потому, что въ ней Аввакумъ обвиняетъ никоніанъ въ отверженіи истинной формы креста. Собственно этому спеціальному вопросу посвящена только вторая половина сочиненія, начиная со словъ: «Пребывайте, чада о Господѣ, пребывайте и крестъ Христовъ трисоставный почитайте»; первая же половина заключаетъ въ себѣ болѣе общее обличеніе никоніанскаго мучительства, причемъ кратко излагается исторія возникновенія разногласій въ церкви и преслѣдованій, которымъ подверглись защитники старины.

Послѣ пространнаго вступленія въ самоуничижительномъ духѣ, Аввакумъ поучаетъ свою паству, что наступило время плакать, такъ какъ «антихристъ пріиде ко вратамъ двора и народилось выблядковъ его полна поднебесная. И въ нашей Русской земли обрѣтеся чортъ большой, емуже мѣра высоты и глубины адъ преглубокій: помышляю, яко во адѣ стоя, главою и до облакъ достанетъ». Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ

нѣтъ опредѣленнаго утвержденія, что антихристъ уже явился,— онъ только пришелъ «ко вратомъ двора». Исторія Никонова исправленія излагается въ такихъ чертахъ: Никонъ «вкрался на престолъ патріаршескій», обольстивъ протопопа Стефана Вонифатьева, который и убѣдилъ царя поставить Никона на патріаршество. Челобитную въ этомъ смыслѣ подписалъ и самъ Аввакумъ (Какъ надо относиться къ этому извѣстію, мы говорили уже выше [92]). Первое распоряженіе патріарха о крестномъ знаменіи и о поклонахъ вызвало протестъ противъ него, какъ «еретика и предотечи съ антихристова», и вслѣдствіе этого начались гоненія. Въ слѣдующемъ за этимъ разсказомъ длинномъ перечнѣ Никоновыхъ мучительствъ, конечно, есть много преувеличеній, хотя фактическая его провѣрка врядъ-ли для насъ возможна. Хотя по Уложенію царя Алексѣя Михаиловича смертная казнь могла примѣняться къ раскольникамъ, однако представляется нѣсколько страннымъ, почему были казнены второстепенные представители партіи, стоявшей за старину, главные же коноводы, а въ томъ числѣ и самъ Аввакумъ, подверглись только ссылкѣ и заточенію; совсѣмъ невѣроятными являются массовыя сожженія людей неизвѣстныхъ («въ Боровскѣ Поліевкта священника сожгли и съ нимъ 14 человѣкъ, въ Казани 30 человѣкъ»); извѣстіе о сожженіи Павла, епископа Коломенскаго, ничѣмъ не подтверждается; гиперболизмъ этого перечня особенно ярко виденъ въ заключительныхъ словахъ: «да по Волгѣ живущихъ въ градѣхъ и въ селѣхъ и въ деревенкахъ тысяща тысящами положено подъ мечъ, не хотящихъ принять печати антихристовы». Этотъ перечень пострадавшихъ за вѣру гораздо обширнѣе въ статьѣ «О обличеніи отступленія и казни и о лютомъ гоненіи и мученіи», вошедшей въ сборники Казанской духовной академіи №№ 1989 и 1733, описаніе которыхъ мы дали во введеніи къ настоящему изслѣдованію, причемъ на такое распространеніе, какъ мы указали, можно смотрѣть, какъ на позднѣйшую переработку Аввакумова текста.

Разсказъ объ этихъ преслѣдованіяхъ приводитъ Аввакума къ увѣщанію своихъ послѣдователей стоять за правду, причемъ онъ на этотъ разъ уже вполнѣ опредѣленно высказывается въ пользу самосожженія. «А иные, говоритъ онъ, ревнители закона

---

[92]) См. стр. 47—48, примѣчаніе 65.

суть, уразумѣвше лесть отступленія, да не погибнутъ злѣ духомъ, собирающеся во дворы съ женами и дѣтками, и сожигахуся огнемъ своею волею. Блаженъ изволъ сей о Господѣ! Мы же оставшіи и еще дышущіи, о всѣхъ сихъ поминаніе творимъ жертвою со слезами изъ глубины воздыханіи неизглаголанными, воспѣваемъ радующеся, Христа славяще: упокой, Господи, душа рабъ своихъ, всѣхъ пострадавшихъ отъ никоніянъ на всякомъ мѣстѣ, и учини ихъ, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица твоего, въ селѣхъ со святыми избранными твоими, яко благъ и человѣколюбецъ. Рабомъ Божіимъ побіеннымъ вѣчная память 3-жды. Почивайте, миленкіе, до общаго воскресенія и о насъ молитеся, даже и мы ту же чашу испіемъ о Господѣ, которую вы испили и уснули вѣчнымъ сномъ». Въ приведенной похвалѣ самосожигающимся не указывается мотивъ преслѣдованія, а скорѣе рекомендуется въ самосожженіи средство избѣжать гибели духовной, такъ что эти слова могутъ быть хорошимъ мѣриломъ той степени, до которой доходилъ фанатизмъ защитниковъ старины: быть можетъ, на практикѣ всѣ случаи самосожженія объяснялись исключительно страхомъ отдаться въ руки еретической власти, но въ теоріи могло быть самоистребленіе и безъ этого внѣшняго побужденія. Ограничиваясь пока этими замѣчаніями, мы вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи къ вопросу о самосожженіи и объ отношеніи Аввакума къ этому любопытному явленію въ жизни нашего старообрядчества.

Призывая своихъ послѣдователей къ страданіямъ и смерти за вѣру, Аввакумъ указываетъ имъ на примѣръ боярыни Морозовой и ея двухъ единомышленницъ, которыя «живы закопаны въ землю»: боярыня была богата, «50 тысячъ крестьянъ имѣла, да домоваго доходу тысящъ болѣе дву сотъ было,—сына не пощадѣла единородного, къ сему и другая такоже дѣтей». Въ виду такого примѣра, конечно, бѣднымъ людямъ не приходится колебаться: «А ты, душе, много ли имѣешъ при нихъ? Развѣ мѣшокъ, да горшокъ, а третіе лапти на ногахъ». — Само царство небесное въ ротъ валится, а ты откладываешь, говоря: дѣти малы, жена молода, разориться не хочется! А тово не видишъ, какую честь-то бросили боярынѣ-тѣ! Да еще жены суть. А ты мужикъ, да безумнѣе бабы, не имѣешъ цѣла ума. Ну, дѣти-тѣ переженишъ, и жену-ту утѣшишъ; а затѣмъ что? не гробъ ли»?

Выраженіе «царство небесное въ ротъ валится» вызывало со

стороны нѣкоторыхъ духовныхъ нашихъ писателей упрекъ Аввакуму въ цинизмѣ, однако врядъ-ли можно признать такой упрекъ справедливымъ, такъ какъ мы имѣемъ здѣсь дѣло опять же съ тѣмъ самымъ стремленіемъ выражаться просто, на которое мы неоднократно указывали и которое составляло силу Аввакума, какъ вполнѣ народнаго проповѣдника, свободно пользовавшагося народной образной рѣчью. И въ этомъ же самомъ сочиненіи мы рядомъ встрѣчаемся съ другимъ примѣромъ подобнаго образнаго выраженія мысли. Указавъ своей паствѣ на примѣръ боярыни Морозовой, Аввакумъ обращается къ доводамъ изъ божественныхъ писаній въ пользу спасительности страданій за вѣру, и здѣсь найденная имъ въ Евангеліи отъ Іоанна параллель между радостнымъ состояніемъ жены, разрѣшившейся отъ бремени, и духовной радостью христіанъ, когда они узрятъ Христа, вызываетъ со стороны Аввакума слѣдующее толкованіе, являющееся собственно образно: реальнымъ перифразомъ евангельскаго текста: «Якоже и жена беременна передъ родинами день и нощь бѣдная печется, какъ бы разродитися, ожидаетъ, яко часа смертнаго, а егда родила робенка, такъ и все забыла: такъ то и христіанское Христа ради терпѣніе и мученіе скорбно нынѣ кажется, а тогда въ радости забудемъ все, егда надежа наша Христосъ явится намъ. Знаешь ли когда? Тогда, егда оживотворитъ мертвенная тѣлеса наша Духомъ Святымъ, что робенокъ изъ брюха, вылѣземъ паки изъ земли матери нашея».

Ссылка на писаніе нѣсколько отвлекаетъ Аввакума въ сторону отъ его разсужденія о терпѣніи за вѣру, и онъ высказываетъ похвалу «книжному поученію»; эта похвала довольно шаблоннаго характера, повторяется извѣстное изреченіе: «всякаго добра добрѣйши суть книжное поученіе», рекомендуется проводить время въ постѣ, молитвѣ и книжномъ поученіи, а затѣмъ Аввакумъ снова переходитъ къ страданіямъ за вѣру, даетъ своимъ послѣдователямъ слѣдующее замѣчательное наставленіе: «побѣждай благимъ злое, сирѣчь терпи», и въ подтвержденіе этой мысли ссылается на слова Спасителя «аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко мене прежде васъ возненавидѣ». Это наставленіе Аввакума по своему характеру противорѣчитъ многимъ яростнымъ его нападкамъ на противниковъ и тѣмъ проявленіямъ мстительнаго настроенія, которыя намъ приходилось отмѣчать; однако, какъ мы уже указывали, такія противорѣчія очень часты

въ сочиненіяхъ Аввакума, и послѣдовательности въ его отношеніяхъ къ врагамъ почти нигдѣ не видно. Гоненія, которымъ подвергаются правовѣрующіе, представляются даже какъ нѣчто нормальное: «Міръ своихъ любитъ, а Христовыхъ гонитъ. А міру тому державецъ діяволъ; онъ такъ научаетъ дѣлать, Христовыхъ людей вяжетъ, да куетъ, да бѣды наводитъ, да и въ смерть загонитъ, потому что не любитъ Христа тово гораздо. Идѣже кѣмъ заповѣдь Христова соблюдается, ту благодать Духа Святаго преизобилуетъ, а діявола палитъ сила Божія; такъ онъ, что бѣшеная собака, бросается на человѣка того такъ и сякъ, ищетъ какъ бы развратити отъ вѣры и отъ дѣлъ добрыхъ, чтобы благодать та отгнати отъ человѣка, такъ бы ему не тѣсно было».

Діяволъ, конечно, врагъ креста Христова, и онъ-то научилъ никоніянъ «изврещи крестъ Христовъ трисоставный и крыжъ латынской вмѣсто его вчинилъ», приготовивъ такимъ образомъ путь антихристу. Послѣ этого объясненія замѣны восьмиконечнаго креста четвероконечнымъ Аввакумъ естественно переходитъ ко второй части своего сочиненія, т. е. къ разсужденію о разныхъ формахъ креста, ихъ значеніи и происхожденіи. Истиннымъ «Христовымъ крестомъ» признается крестъ «трисоставный, отъ кипариса, и певга и кедра устроенъ»; въ доказательство приводятся не совсѣмъ подходящія слова пророка Исаіи: «пріидетъ къ тебѣ слава ливана отъ кипариса и певга и кедра», а затѣмъ сообщается разсказъ о чудѣ Моисея на водахъ Мерры, «якоже о томъ свидѣтельствуетъ Библія». Однако въ послѣднемъ случаѣ источникъ указанъ невѣрно, такъ какъ въ Библіи (Исходъ, гл. 15, ст. 25) нѣтъ тѣхъ подробностей, которыя приводятся Аввакумомъ, а взяты онѣ изъ Палеи [93]). Кромѣ этого, въ доказательство преимущества восьмиконечнаго креста предъ четвероконечнымъ, Аввакумъ ссылается на слова апостола Павла и на Псалтырь. «Не внимаютъ, говоритъ онъ о своихъ противникахъ, Апостолу глаголющу: мнѣ, рече, не буди хвалитися, токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа, на немъ же страдавъ, уби страсти. Того убо и мы держимся креста Господня, похвалы всѣхъ насъ. И индѣ Апостолъ глаголетъ: долгота креста, и широта, и высота, и глубина небесемъ равна. Внимай же не о четверо-

---

[93]) Сборникъ отд. рус. яз. и слов. XVII, стр. 196, 217, Толковая Палея (Колом.), ст. 512.

конечномъ Павелъ глаголетъ, но о тричастномъ Христовѣ кре-стѣ: долгота — долгое и протяженное древо, широта же прекое, высота и глубина — подножіе. И Псалмопѣвецъ учитъ: возносите Господа Бога нашего и кланяйтеся подножію ногу его, яко свято есть. Сіе реченное о подножномъ древѣ». Наконецъ, въ качествѣ послѣдняго аргумента въ пользу превосходства осьмиконечнаго креста является ссылка на апокрифическое сочиненіе, приводимая на память; Аввакумъ передаетъ содержаніе апокрифа «о крестномъ древѣ», о принесеніи Лотомъ главень отъ вѣнца Адамова, изъ которыхъ впослѣдствіи былъ сдѣланъ крестъ Спасителя, и при этомъ указываетъ свой источникъ такимъ образомъ: «Я грѣшной читалъ сице, а не въ церковныхъ книгахъ, кои обносятся въ церкви свидѣтельствованы, но въ лежащихъ и несвидѣтель-ствованныхъ. Аще сіе правда, или ни, Богъ вѣсть. Азъ вѣрую крѣпко пророкомъ и апостоломъ и богословцемъ всѣмъ. Они насъ научаютъ, яко тричастенъ крестъ Христовъ, сирѣчь отъ трехъ древъ сотворенъ». Цитированіемъ на память можно объ-яснить нѣкоторыя отличія разсказа Аввакума отъ извѣстныхъ намъ апокрифовъ «о крестномъ древѣ» [94]).

Осьмиконечный крестъ, по разъясненіямъ Аввакума, долженъ быть «на престолѣ и на жертвѣ, еже есть на просфирѣ, и на главѣ церкви, и на иконахъ и повсюду вмѣстообразная, еже есть въ поклоненіе». Допускается, по преданію святыхъ отецъ, и четвероконечный крестъ, «но не вмѣстообразная, только на ризахъ, и на стихаряхъ, и патрахиляхъ, пеленахъ, идѣже положиша отцы. А иже кто его учинитъ на просфирахъ или напишетъ на немъ образъ распятаго Христа, и положитъ его на престолѣ вмѣсто тричастнаго: таковый мерзокъ есть и непотребенъ въ церкви, подобаетъ его изринути. Почто на вла-дычнѣмъ мѣстѣ садится! Рабъ онъ Христову кресту или предо-теча. Знай свое мѣсто, не восхищай Господскія чести!». Затѣмъ Аввакумъ перечисляетъ отдѣльные случаи изъ Ветхаго Завѣта, когда былъ «знаменоносенъ» четвероконечный крестъ: при исходѣ евреевъ изъ Египта, при переходѣ черезъ Чермное море, при по-бѣдѣ надъ Амаликитянами, при вступленіи Іисуса Навина въ обѣтованную землю, во время заключенія пророка Даніила во

[94]) Пам. стар. рус. лит. III. л, 81—85. Тихонравовъ. Пам. отреч. рус. лит. I, стр. 305—308. Сборн. отд. рус. яз. и слов. XVII, стр 216—220

рву, во время нахожденія Іоны во чревѣ кита. Но всѣ эти примѣры «быша знаменія къ плотьскому избавленію, а не къ душевному спасенію, прообразуя и прописуя силу хотящую быти креста Христова. Древняя бо мимоидоша: се быша нова. Тамо жезлъ Моисеевъ образъ творя и распростертія рукъ къ плотскому избавленію: здѣ же животворящее и спасеное древо, крестъ Христа Бога нашего, къ душевному нашему вѣчному спасенію предлежитъ. Тамо образъ креста людей израильтескихъ отъ Египта избави и море проведе, и въ пустынѣ Амалика побѣди, и въ землю обѣтованную введе и вся къ плотскому жительству устрои: здѣ же сила Христова креста не отъ чувственнаго токмо Фараона избави и избавляетъ, но отъ мысленнаго Фараона, глаголю діявола и бѣсовъ его, на всякъ часъ избавляетъ, и лютыя мытарства воздушныхъ князей мирно и немятежно душа проводитъ, и не въ землю обѣтованную вводитъ, но въ самое небо и въ землю кроткихъ, на воду покойну, въ мѣсто свѣтло, въ мѣсто злачно, въ мѣсто прохладно, отнюдуже отбѣже всяка болѣзнь и печаль и воздыханіе, идѣже присѣщаетъ свѣтъ лица Господня, тамо устрояетъ всѣхъ подъ кровъ его прибѣгшихъ».

Установивъ при помощи такихъ доводовъ первенство креста осьмиконечнаго, Аввакумъ обвиняетъ православныхъ въ томъ, что они совратились въ латинство, «идутъ въ пагубу, возлюбивши крестъ четвероконечный паче истиннаго креста Христова, и на на немъ распятіе пишутъ Христово безъ подножія и на жертвѣ почитаютъ крыжъ латынской, а Христовъ презираютъ. Такъ и стало крыжъ польской, выблядокъ римскаго костела». Выражаясь такъ о четвероконечномъ крестѣ, Аввакумъ не замѣчаетъ, что онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ допустилъ употребленіе этого креста въ нѣкоторыхъ случаяхъ и въ православной церкви. Въ дальнѣйшемъ разсужденіи дѣлается различеніе между крестами «четвероконечнымъ сѣновнымъ» и «Петровымъ безъ возглавія»: послѣдній семиконечный, такъ какъ при распятіи апостола Петра «распинателіе поворотиша вверхъ ногами Петра и въ колоду вдолбиша верхней конецъ креста его по прошенію его». Тутъ является новый оригинальный образецъ филологическаго толкованія слова «костелъ», такъ какъ «той стоитъ на костяхъ апостола Петра». Учредивъ этотъ костелъ, «римстіи людіе воспріяша и крестъ съ колодкою Петровъ, а Христовъ отринуша прочь, и стали писать распятіе Христово

на сѣновномъ, еже есть на четвероконечномъ крестѣ, и сіи двѣ вещи, Петровъ крестъ и четвероконечный, изринуша с одново Владыку своего, крестъ Христовъ».

Здѣсь снова Аввакумъ естественно приходитъ къ отрицанію четвероконечнаго и Петрова крестовъ, объявляя ихъ «мудрованіемъ римскаго костела и выблядковъ его, поляковъ и кіевскихъ уніятъ, еще же и нашихъ никоніянъ». Однако вслѣдъ за этимъ повторяется приведенное противорѣчіе въ попыткѣ указать, въ какихъ случаяхъ допускаются кресты Петровъ и четвероконечный. «Не отмещемъ же, говоритъ Аввакумъ, отъ церкви и сѣновнаго четвероконечнаго, еще же и Петрова креста. Понеже четвероконечный образецъ и предотеча Христову кресту, да будетъ въ церкви на ризахъ и пеленахъ и прочая, идѣже положенъ. А Петровъ крестъ безъ верхняго возглавія..., якоже бысть, и нынѣ такоже да будетъ по преданію, неизмѣнно въ церкви, идѣже положиша его отцы... въ Потребникѣ назнаменанъ, какъ сдѣлать деревяной, по тому образу подпись на немъ учинить сице: освятися сей олтарь въ лѣта сія, индикта сего и мѣсяца день, и поставить древяный водружальный крестъ во олтарѣ, за престоломъ на стѣнѣ стоитъ неподвижно. Гляди на престолъ и на церковь, и люди Христовы паси, по заповѣди его, якоже приказано тебѣ стадо сіе.... «Въ заключеніе Аввакумъ говоритъ: «люби паче Христовъ крестъ, и бѣжитъ отъ тебя сатана, силою его гонимъ; а Петровъ и сѣновный не тяжелъ ему: не болно онъ боится тѣхъ крестовъ, понеже не владычни». Еще ярче непослѣдовательность во взглядѣ Аввакума на различныя формы крестовъ выражается въ слѣдующемъ его энергичномъ увѣщаніи своей паствѣ: «Ну, слышателю, разсуди: которая земля лучьши,—Іерихонъ ли во обѣтованіе, или небо? временное ли житіе или вѣчное? Аще ли вѣчнаго житія не хощешъ, но нынѣшнево, яко жидовинъ во обѣтованіи живешъ и ищешъ: и ты держися четвероконечнаго креста, да съ ними же въ пеклъ нойдеши, во огонь неугасимый. Помянешъ тогда наши нынѣшнія рѣчи, егда восплачются вся племена земная и ты съ ними же, попиратель креста Христова, егда узритъ его всяко око грядуща съ силою многою на облацѣхъ небесныхъ». Такимъ образомъ въ этомъ полемическомъ трактатѣ Аввакума замѣчается рядъ противорѣчій, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено только какъ результатъ упорнаго стремленія

обличить еретичество никоніянъ; отсюда же объясняется и неразборчивое пользованіе всякими источниками, даже и апокрифическаго свойства.

По своему содержанію, касаясь во второй части вопроса спеціальнаго, а въ первой болѣе общаго, «Книга на крестоборную ересь» представляетъ переходъ отъ указаннаго нами перваго разряда обрядово-полемическихъ сочиненій Аввакума къ второму, хотя слѣдуетъ замѣтить, что рѣзкихъ разграниченій между отдѣльными группами сочиненій Аввакума установить невозможно, и что всякое такое дѣленіе чисто условно и объясняется только большими сравнительно внѣшними удобствами группового разсмотрѣнія.

Въ намѣченномъ нами второмъ разрядѣ наиболѣе общимъ характеромъ отличается «Посланіе ко всѣмъ вѣрнымъ», изданное проф. Субботинымъ по рукописи митр. Макарія, № 34, принадлежащей теперь Кіевской духовной академіи [95]); варіанты приведены по Хлудовской рукописи № 257. Это же сочиненіе мы печатаемъ въ позднѣйшей передѣлкѣ по рукописи Московскаго Румянцевскаго Музея, № 592 (Приложенія № 23); переработка текста выразилась въ стилистическихъ распространеніяхъ отдѣльныхъ его частей и внесеніемъ въ него большаго количества славянизмовъ, хотя и первоначальный текстъ (если такимъ считать изданный г. Субботинымъ) заключаетъ въ себѣ сравнительно мало особенностей реальнаго русскаго стиля, вообще свойственнаго сочиненіямъ Аввакума. Примѣръ такого стилистическаго распространенія мы находимъ уже въ самомъ началѣ посланія, гдѣ одно предложеніе: «стойте твердо въ вѣрѣ и незыблемо» превращается въ слѣдующее обширное и витіеватое увѣщаніе:

«Стоите въ древле-преданной святыми апостолы и святыми седми вселенскими и девяти помѣстными соборами, святыми отцы, въ вѣрѣ Христовѣ твердо и незыблемо, въ которой прародители и родители наши умроша и безчисленное множество отецъ святыхъ въ той же вѣрѣ спасошася и в нетлѣнныхъ тѣлесѣхъ, аки звѣзды небесныя просияша, и паче снѣга убѣлишася, и на небеса возлетѣша, яко небопарніи орли, прекрасныя ихъ души, ихъ же и до днесь зримъ нетлѣнныя мощи честнаго ради житія ихъ и вѣры теплыя къ Богу. Въ той же и мы грѣшніи вѣрѣ древле-

[95]) Петровъ. Опис. кіев. рукоп. собраній, I, стр. 101.

православней пребудемъ до скончанія вѣка нашего непоколебимо и неподвижно, а нововводных ересей, умышленных отъ нынешнихъ учителей отступниковъ отъ святыя вѣры православныя и церкви святѣй сопротивныхъ, не пріемлите, поненже многія злыя ереси, иже и нелѣть есть о нихъ и глаголати, в книгахъ новыхъ находятся, иже з древними книгами зѣло не сходны. Пріемлющіи же с нововводными ересми книги не точію спастіся по нихъ возмогутъ, но и снидутъ до ада».

Въ такомъ же родѣ переработано въ Румянцевскомъ спискѣ и все посланіе: характеръ этой передѣлки по своей витіеватости очень подходитъ къ тѣмъ пріемамъ, которые установились въ раскольничьей литературѣ въ XVIII вѣкѣ, благодаря дѣятельности получившаго риторическое образованіе Андрея Денисова.

По своему содержанію «Посланіе къ вѣрнымъ» особенной важности не представляетъ; все оно состоитъ въ развитіи приведеннаго увѣщанія стоять твердо за вѣру, причемъ въ отношеніи къ противникамъ отличается замѣчательной мягкостью. Возбуждая въ своихъ послѣдователяхъ безстрашіе, Аввакумъ вмѣстѣ съ тѣмъ внушаетъ имъ смиренномудріе, какъ средство побѣдить «всѣхъ противящихся»: «о Христовѣ дѣлѣ говори кротко и привѣтно, да же слово твое будетъ сладко, а не терпко. Аще и разгорится духъ огнемъ божественнымъ: слово къ человѣку говори, а умомъ ярость износи на діявола. А кающагося на всяко время прощай, и вся твори, не человѣкомъ показуяся, но Богови. Таже и молися за противнаго». Напоминая о необходимости имѣть во время гоненія «незлобіе голубино», Аввакумъ уговариваетъ свою паству не сѣтовать о потерѣ имѣнія и даже о лишеніи семейства и ссылается на свой собственный примѣръ: «Пускай діяволъ емлетъ: онъ владыка сему вѣку. Христосъ заплатитъ въ будущій вѣкъ. А жену-ту и дѣтей Христосъ сохранитъ же въ нечестивыхъ рукахъ. У меня Марковна сидитъ себѣ въ землѣ съ дѣтьми, будто въ клѣткѣ, Божіею благодатію снабдѣваема. А я пою Богу моему дондеже есмь». Защищая старое правовѣріе, слѣдуетъ ревностно исполнять слово Божіе и помнить о грядущемъ страшномъ судѣ, на которомъ должна обнаружиться всякая людская неправда. Всякій правовѣрный прежде всего долженъ думать о своихъ грѣхахъ и не долженъ «считать братнихъ паденія», а между тѣмъ современное положеніе дѣлъ наводитъ на грустныя размышленія: «у насъ и въ заводѣ тово нѣтъ, говоритъ Аввакумъ, — всюду ро-

потъ, да счетъ, да самомнѣніе съ гордостью, да укоризны другъ друга, да напыщеніе на искреннихъ, да всякъ учитель, а послушниковъ нѣтъ. Горе времени сему и намъ живущимъ». Особенно слѣдуетъ остерегаться «нынѣшнихъ духовныхъ», потому что они «дѣломъ бѣси» и легко могутъ прельстить въ свою ересь; поэтому Аввакумъ запрещаетъ всякое общеніе съ ними, однако тутъ же онъ приказываетъ ихъ обличать, причемъ обличеніе должно отличаться тѣмъ же мягкимъ характеромъ: «не гнѣвайся на него; аще и разгнѣватися, но на діявола подобаетъ, а не на искренняго». Возмездіе отступникамъ неизбѣжно въ будущемъ, и тогда правовѣрные «натѣшатся» надъ ними: «егда Христосъ тебѣ ево отдастъ, кто можетъ тогда отнять? Какъ захочешь, такъ осудишь его о Христѣ. А нынѣ терпи,— моли Бога о немъ, даже въ разумъ истинный ево приведетъ. А не станешъ навѣтовъ терпѣть, такъ и самъ пропадешь». Для утѣшенія своихъ послѣдователей Аввакумъ рисуетъ слѣдующую апокалипсическую картину будущей казни никоніянъ: «выѣдетъ на конѣ бѣломъ и царя ихъ со лжепророкомъ въ огнь всадитъ живымъ. Потомъ и діявола за ними же. Измѣнитъ же ихъ, со бакъ, во мгновеніе ока, сирѣчь убіетъ, да и паки оживитъ, да ужъ въ огон-етъ кинетъ. А прочихъ войско-то ихъ побито будетъ на мѣстѣ нѣкоемъ Армагеддонъ. Тѣ до общаго воскресенія не оживутъ: тѣлеса ихъ птицы небесныя и звѣри земныя ѣсть станутъ: тушны гораздо, брюхаты,—есть надъ чѣмъ птицамъ и и звѣрямъ прохлажатся. Пускай онѣ нынѣча бранятъ Христа, а насъ мучатъ и губятъ: отольются медвѣдю коровьи слезы».

Изъ приведенныхъ словъ Аввакума видно, что и въ этомъ сочиненіи его отношеніе къ никоніянамъ отличается тою же непослѣдовательностью, какую мы отмѣчали при разсмотрѣніи его истолковательныхъ сочиненій: покорность и безропотное перенесеніе преслѣдованій за вѣру и даже наставленіе не гнѣваться на еретиковъ парализуются наставленіемъ противоположнаго свойства, въ силу котораго еретиковъ надо чуждаться, а также и яркой картиной будущаго возмездія, когда правовѣрнымъ удастся «натѣшиться» надъ своими врагами; несмотря на все стараніе держаться мягкаго тона, обнаруживается та же страстная нетерпимость по отношенію къ своимъ противникамъ; разница между этимъ «Посланіемъ» и «Толкованіями псалмовъ» замѣчается только въ томъ, что въ «Посланіи» Аввакумъ не гово-

ритъ о расправѣ съ никоніянами въ настоящей жизни. Совпаденіе съ «Толкованіями» есть и въ взглядѣ на антихриста, который еще не явился, причемъ въ «Посланіи» повторяются даже нѣкоторыя выраженія «Толкованій», какъ напр.: «послѣдней чортъ не бывалъ», «тайна уже дѣется беззаконія»; повторяется и надежда на возвратъ старины: «еще послѣ никоніянъ чаемъ поправленія о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ». Правда, относительно этихъ словъ объ антихристѣ и поправленіи слѣдуетъ сказать, что они присоединены къ «Посланію» въ видѣ postscriptum, уже послѣ заключительнаго благословенія всѣмъ вѣрнымъ, и потому, можетъ быть, они являются позднѣйшей прибавкой, тѣмъ болѣе, что ихъ нѣтъ въ Хлудовскомъ спискѣ; однако связь ихъ съ предшествующими замѣчаніями объ антихристѣ можетъ быть установлена.

Къ сказанному о внѣшнихъ особенностяхъ этого «Посланія» считаемъ нужнымъ добавить, что, несмотря на обиліе славянизмовъ, въ немъ все же встрѣчаются нѣкоторыя черты, свойственныя вообще Аввакумовымъ произведеніямъ: есть пословица «отольются медвѣдю коровьи слезы», послѣ принадлежащаго «нѣкоему старцу» сравненія людского отношенія къ своимъ и чужимъ грѣхамъ съ двумя мѣшками,—«одинъ назади, а другій напреди,— и свои грѣхи въ задней мѣшокъ кладетъ, а братніи въ передній, и безпрестанно на нихъ глядитъ, а своихъ назади не видитъ»— Аввакумъ обращается къ читателю съ вопросомъ: «Правдою ли старецъ рекъ? А чаю не солгалъ». Наконецъ характернымъ для Аввакумова стиля является объясненіе текста: «будьте мудры, яко зміи, и чисти, яко голуби»; основою этого объясненія, вѣроятно, послужилъ какой-нибудь Азбуковникъ, въ который указаніе свойствъ змѣи вошло изъ «Физіолога,» гдѣ оно является въ слѣдующемъ видѣ: «егда приступить человѣкъ къ змии, хотя ю оубити, все тѣло свое на смерть предасть, а главу змии крыеть; подобаеть оубо намъ все тѣло свое предати Христа ради на смерть, а главу хранити о грѣсѣхъ и о дѣлехъ, якоже створириша пресвятии мученици; всякому оубо мужю глава есть Христосъ, яко же пишеться»[96]). Это толкованіе является въ одномъ изъ сочиненій патріарха Никона, считавшагося въ свое время образцовымъ проповѣдникомъ, а поэтому мы считаемъ не лиш-

[96]) Карнѣевъ. Физіологъ, стр. 223.

нимъ привести оба толкованія, такъ какъ эта параллель указываетъ на отличіе пріемовъ рѣчи Аввакума отъ пріемовъ его современниковъ:

У Никона.

Глаголетъ же, яко и мудру подобаетъ быти, и яко вѣдѣти, како подобаетъ пребывати посреди многихъ врагъ, якоже бо змій все тѣло свое предаетъ на біеніе, главу же токмо соблюдаетъ, тако и христіанинъ вся имѣнія даетъ тѣло свое поражающимъ, главу же, еже есть Христосъ и вѣра, яже къ Нему, и законъ и заповѣди, сохранена да будетъ даже до смерти [97]).

У Аввакума.

Разумѣешъ чево для Господь на змію-ту указываетъ? А то,—змію-ту какъ бьетъ кто, такъ она все тѣло предаетъ біемо быти, главу же свою соблюдаетъ, елико возможно: свернется въ клубокъ, а голову-ту въ землю хоронитъ. Я ихъ бивалъ съ молода ума. Какъ главы не разобьешъ, такъ и опять оживетъ; а голову-ту какъ разобьешъ, такъ она и цѣла и мертва. Такъ и христіянинъ безъ головы умретъ смертію вѣчною, сирѣчь безъ вѣры Христовы непорочные. Хотя онъ и цѣлъ, не разоренъ и не убитъ, да безъ вѣры мертвъ. Кая бѣда въ немъ? Плюнуть на него! А аще разграбленъ и уязвенъ, глава непорочна, еже есть православная вѣра въ души его: живъ есть таковый животомъ вѣчнымъ.

Основа толкованія у обоихъ писателей одна и та же, но Аввакумъ умѣетъ оживить толкованіе болѣе образнымъ представленіемъ змѣи, свертывающейся въ клубокъ и хоронящей голову въ землю, а также и ссылкой на свой личный опытъ; наставленіе хранить вѣру тоже становится ярче, благодаря замѣчанію: «Кая бѣда въ немъ? Плюнуть на него!» Видно обычное для Аввакума стремленіе приноровиться къ языку и образу мышленія тѣхъ, къ кому онъ обращается. Та же самая черта видна въ толкованіи второй части евангельскаго текста: «Еще же и незлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино. Понеже голубь, птенцовъ своихъ лишаемъ, не гнѣвается и отъ владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо строитъ и иныхъ дѣтей заводитъ. Я ихъ смолода держалъ,—поповичъ я голубятникъ былъ. Какъ не хороши дѣтенки-тѣ, и лищаешъ отъ родителей; а онѣ бѣдные свитаются, и другія станутъ заводить».

«Посланіе къ нѣкоему Іонѣ» является послѣ «Книги на крестоборную ересь» самымъ обширнымъ изъ разсматриваемыхъ

[95]) Записки Отд. Слав. и Рус. Археологіи, т. II, стр. 447—448.

сочиненій Аввакума. По своему содержанію оно отличается большимъ разнообразіемъ, касаясь весьма многихъ предметовъ, какъ пунктовъ разногласія съ православною церковью, такъ и разныхъ вопросовъ, возникавшихъ внутри общества сторонниковъ прежняго правовѣрія; въ виду такой многосторонности содержанія, «Посланіе» по формѣ представляется какъ бы составленнымъ изъ отрывковъ, не совсѣмъ подходящихъ другъ къ другу; однако такая отрывочность не составляетъ исключительной особенности настоящаго сочиненія, она замѣчается во многихъ другихъ писаніяхъ Аввакума и можетъ объясняться и чисто внѣшними условіями ихъ происхожденія: они являлись часто отвѣтомъ на тѣ вопросы, которые ставились расколоучителямъ ихъ приверженцами, а въ виду отсутствія полной свободы сношеній, естественно было, что подобныхъ вопросовъ накоплялось немало, пока не представлялся случай довести ихъ до свѣдѣнія Пустозерскихъ учителей; эти же въ свою очередь тоже не всегда могли придавать своимъ отвѣтамъ сколько-нибудь систематическую форму; Аввакумъ не особенно-то былъ вообще способенъ къ послѣдовательному изложенію, а кромѣ того, вѣроятно, приходилось писать урывками, такъ какъ не много имѣлось книгъ, да и въ бумагѣ ощущался недостатокъ.

Іона, личность котораго намъ неизвѣстна, обратился къ Аввакуму съ посланіемъ, въ которомъ указывалъ, что замѣтилъ «много въ человѣцехъ по градомъ раздѣленія во ученіи», и просилъ между прочимъ разрѣшить вопросъ о поклоненіи иконамъ, о единогласномъ пѣніи, о разныхъ другихъ обрядахъ, объ отношеніяхъ къ никоніянамъ, о молитвѣ за царя, объ антихристѣ. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ Аввакумъ отвѣчалъ уже раньше, а потому теперь онъ ссылается на свои прежнія сочиненія, ограничиваясь краткимъ ихъ изложеніемъ, хотя кое-что добавляетъ къ своей аргументаціи; нѣкоторые же вопросы потребовали болѣе обстоятельнаго разъясненія.

Вопросъ о поклоненіи иконамъ, какъ видно, возбуждалъ очень оживленные толки въ средѣ приверженцевъ старины: прежде всего затрудненіе возникло потому, что было много иконъ, неправильно написанныхъ; затѣмъ являлось недоумѣніе, слѣдуетъ ли поклоняться иконамъ, хотя и правильно написаннымъ, но находящимся въ никоніянскихъ домахъ и храмахъ, и наконецъ находились даже такіе люди, которые совершенно отвергали по-

клоненіе иконамъ;—такъ по крайней мѣрѣ можно заключить, судя по тому, что Аввакумъ считаетъ нужнымъ вообще защищать поклоненіе иконамъ. Его очень печалятъ возникшія разногласія, такъ какъ «старолюбцы, иже между собою несогласуются и спорами безумными или рещи правѣе высокомысліемъ падаютъ, кождо хотя своя поставити, а не яже суть Божія. И сія грядутъ стезею неправою, понеже Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. А иже держатъ Евангеліе и Апостолъ, а святыя иконы отмещутъ, то явныя враги есть, сирѣчь нѣмцы». Затѣмъ онъ излагаетъ нѣкоторые взгляды лютеранъ и «калвинцовъ» и, возвращаясь къ вопросу объ иконахъ, повторяетъ: «А иже иконы укоряютъ и говорятъ: подобаетъ де знати Бога единаго,—и то бляцкой глаголъ. И бѣси вѣруютъ и трепещутъ, яко есть Богъ единъ, и вси еретицы глаголютъ такоже, да и мы иконъ не боготворимъ, но первообразное почитающе поклоняемся, а Бога единаго вѣруемъ и исповѣдуемъ Отца и Сына и Святаго Духа, въ Троицы славимаго, и по Бозѣ святымъ Божіимъ иконамъ поклоняемся, яко угодниковъ его почитающе, а не боготворимъ же». Это обличеніе «люторцевъ и калвинцовъ» можно объяснить лучше всего при предположеніи, что среди старолюбцевъ находились люди, совсѣмъ отвергавшіе поклоненіе иконамъ. Что касается иконъ новаго письма, то о нихъ въ «Посланіи къ Іонѣ» говорится то же самое и приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ, что и въ разсмотрѣнномъ нами сочиненіи «Объ иконномъ писаніи», хотя есть черты, которыя сближаютъ настоящее «Посланіе» съ «Посланіемъ къ священнику Стефану»; таковъ вопросъ о многогласномъ пѣніи, причемъ, настаивая на необходимости единогласія, Аввакумъ припоминаетъ, что онъ писалъ объ этомъ предметѣ «пространно въ Москву въ мимошедшая лѣта». Послѣдняя часть «Посланія къ Іонѣ» по содержанію есть сокращенное изложеніе статьи «о сложеніи перстъ», но вопросъ о перстосложеніи соединяется здѣсь съ ученіемъ о молитвѣ Іисусовой: отстаивая двуперстіе, Аввакумъ защищается отъ выставляемаго никоніянами обвиненія въ еретичествѣ, будто двуперстіе есть символъ признанія «двухъ Сыновъ».

Въ этомъ же посланіи снова затронутъ важный вопросъ о священствѣ, такъ какъ въ средѣ старообрядцевъ находились люди, отвергавшіе авторитетъ простыхъ старцевъ и даже от-

странявшіеся отъ св. Причастія. Мысли, высказываемыя теперь Аввакумомъ по этому вопросу, являются дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ теорій безпоповства и бѣглопоповства, которыя намѣчались имъ уже раньше [98]). Обѣ эти теоріи въ настоящемъ посланіи являются равноправными: Аввакумъ допускаетъ съ одной стороны совершеніе церковныхъ требъ простыми иноками, а съ другой стороны разрѣшаетъ принимать въ служеніе поповъ новопоставленныхъ. По отношенію къ первымъ дается такое разъясненіе: «А иже держатся крѣпко старыхъ книгъ, а новыхъ отнюдь не пріемлютъ, и въ церковь къ новому пѣнію не ходятъ, и ходити не повелѣваютъ, и поповъ въ домы не пущаютъ, и отъ нихъ бѣгаютъ, и младенцевъ имъ крестити не даютъ, а крестятъ простые иноки и постригаютъ же иноки, а грамотѣ умѣющеи, и на духъ пріимаютъ простые жъ старцы,—и сіи человѣцы раби Бога вышняго, отметающеся скверны, хранятъ цѣло благочестіе. Аще они и простіи, но дѣйство духовное, понеже и рукоположенцевъ тѣхъ не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ». Дальше Аввакумъ указываетъ, какія службы можетъ совершать такой простецъ: «простому иноку не подобаетъ глаголати: «Благословенъ Богъ нашъ» и «Боже, ущедри ны», но «За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ», та же трисвятое и прочая, и канонъ за единоумершаго, таже панихида, и кадить кадиломъ, також поетъ и молебенъ, емуж хощетъ, говоритъ каноны съ Евангеліемъ, и кончаетъ по трисвятомъ тропарь, и 40 «Господи помилуй или 100, ектеней же не глаголетъ, но «Честнѣйшую» и «Слава и нынѣ», «Господи помилуй» 3, да молитвою и кончаетъ». Въ этихъ наставленіяхъ видны извѣстныя ограниченія, такъ сказать, богослужебной компетенціи простецовъ, однако въ этомъ же «Посланіи» мы встрѣчаемъ не совсѣмъ ясно выраженное правило, которое можно толковать въ смыслѣ крайняго расширенія этой компетенціи, какъ разрѣшеніе простецамъ совершать таинство причащенія: «Мощно иноку просцу и простолюдину истиннымъ таинствомъ причащатися; есть Григорія Богослова правила о семъ, повелѣваетъ въ нужду причащати себя». Эти слова, встрѣчающіяся вслѣдъ за наставленіемъ о принятіи «новопоставленныхъ поповъ», могутъ объясняться, какъ указаніе способа обходиться

[98]) См. выше, въ л. V.

безъ поповъ; а если можно причащаться самому, то отсюда не особенно затруднителенъ переходъ къ причащенію другихъ, который и дѣлается Аввакумомъ по отношенію къ младенцамъ въ «Книгѣ всѣмъ горемыкамъ миленькимъ», гдѣ, какъ увидимъ, дается уже обстоятельное описаніе порядка причащенія безъ священника.

Наставленіе о принятіи новопоставленныхъ поповъ выражается тоже нѣсколько подробнѣе, чѣмъ это было раньше, какъ мы указывали при разсмотрѣніи сочиненія, озаглавленнаго «Аввакума отца разсужденіе»; въ настоящемъ посланіи Аввакумъ обстоятельно перечисляетъ тѣ требы, къ которымъ допускается «новикъ» («да глаголетъ «Благословенъ Богъ» и возгласъ: «Яко твое есть царство», и служитъ вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говоритъ и креститъ»), относительно же совершенія литургіи ставитъ болѣе строгое условіе: въ «Разсужденіи» считается достаточнымъ, если «новикъ оплачетъ себя стонавше, проклявше еретическое дѣйство, здѣсь же онъ получаетъ право «литорисать» только въ томъ случаѣ, если онъ «постраждетъ отъ мучителей и кровь свою изліетъ за старое благочестіе».

Вопросъ о причащеніи становился въ это время очень сложнымъ, такъ какъ нѣкоторые старолюбцы «отлучали себя отъ причастія», какъ передаетъ Аввакумъ, подъ тѣмъ предлогомъ, «яко не обрящеши святыхъ таинъ». Такихъ крайнихъ представителей своей партіи Аввакумъ «не похваляетъ» и обращается къ нимъ съ такимъ увѣщаніемъ: «только то и людей святыхъ, что будьто одны мы, а то всё погибли! Миленькіе батюшки, добро ревность по Богѣ, да знать ей мѣра. Не блюдись, до конца не упразднитъ жертвы той и самъ антихристъ; самъ бо рече Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка».

Здѣсь Аввакуму естественно пришлось коснуться и вопроса объ антихристѣ, но какихъ-либо новыхъ мыслей онъ по этому поводу не высказываетъ, повторяетъ то же, что говоритъ въ «Толкованіяхъ на псалмы», т. е. отвергаетъ мнѣніе, будто антихристъ явился въ лицѣ патріарха Никона, мнѣніе, поддерживаемое тѣми людьми, «которые, въ зодійстѣмъ крузѣ увязше, по книгамъ смотрятъ, и дни и седмицы раздѣляюще, толкуютъ». Опять Аввакумъ, какъ и въ «Толкованіяхъ», ссылается на свое личное знакомство съ Никономъ, отецъ котораго былъ «череми-

синъ, а мати русалка» (вѣроятно, въ рукописи это слово явилось въ замѣну слова «русачка»), послѣ Желтоводской обители, постепенно возвышаясь, Никонъ «попалъ къ чертямъ въ атаманы, а нынѣ, яко кинопсъ волхвуя, ужо пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ». Вообще приходъ антихриста еще не наступилъ, такъ что въ этомъ отношеніи Аввакумъ довольно послѣдовательно держится того же взгляда, который высказывается имъ въ другихъ его сочиненіяхъ.

Возникалъ между старолюбцами также споръ и о молитвѣ за царя, но Аввакумъ отзывается объ этомъ спорѣ, какъ о «суетномъ словопреніи», и наставляетъ, что, молясь за царя, не слѣдуетъ его называть благовѣрнымъ, «потомъ же и о обращеніи ихъ на просвиромисаніи и вездѣ, а буде совѣстію угнѣтаемъ, не можешъ на имя царя и патріарха просвиры выняти, понеже оттекли отъ тѣлеси церкви, и ты о благовѣрныхъ князѣхъ вынимай и о священствѣ безъимянно».

Важной подробностью «Посланія къ нѣкоему Іонѣ» является похвала тѣмъ, которые себя сжигаютъ и «испоста умираютъ»,— послѣднее указываетъ на новый способъ самоистребленія.

Близко по содержанію къ разсмотрѣнному сочиненію и «Посланіе къ неизвѣстному» («ко иному»), изданное нами по списку Имп. Публичной Библіотеки, О. XVII, № 37 [99]). Какъ видно изъ нашихъ подстрочныхъ примѣчаній къ этому тексту, онъ сплошь почти состоитъ изъ отрывковъ разныхъ Аввакумовыхъ сочиненій, такъ что весьма возможно, что былъ составленъ уже не самимъ Аввакумомъ, а какимъ-либо изъ его учениковъ. Любопытными здѣсь являются только нѣкоторыя дополненія къ тому, что говорится въ «Посланіи къ Іонѣ» о людяхъ, отлучающихся отъ причастія: изъ этихъ дополненій видно, что отрицаніе таинства причащенія было связано съ отрицаніемъ священства, такъ какъ «взята благодать», и съ ученіемъ о приходѣ антихриста. Интересенъ также и разсказъ о чудѣ съ просвирой, являющійся здѣсь въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ въ «Посланіи къ Марея҃нѣ Ѳедоровнѣ», но этотъ разсказъ вмѣстѣ съ другими его версіями мы разсмотримъ, когда будемъ говорить объ этомъ послѣднемъ посланіи.

«Посланіе къ неизвѣстнымъ», издаваемое нами по списку

---

[99]) Приложенія, № 4.

Черниговской духовной семинаріи, № 134 (Приложенія, № 13), является краткимъ обличеніемъ вообще всѣхъ никоніянскихъ новшествъ, особенно измѣненія именъ святыхъ и нѣкоторыхъ словъ въ молитвахъ, напр. «вѣкóвъ», вмѣсто «вѣкомъ», такъ какъ «малое слово великую ересь сóдѣваетъ». За извращеніе вѣры русскую землю постигли всякія наказанія, начиная съ морового повѣтрія; наказаній было такъ много, что «иныхъ пагубъ нѣсть времени исчести уму моему». Никонъ опять сравнивается съ Формосомъ за введеніе троеперстія, а про повинующихся его распоряженіямъ Аввакумъ говоритъ, что ими онъ (т. е. Никонъ) «обладаетъ яко кабальными: что они велятъ, то и творятъ: «такъ де намъ государи патреархи указали, на нихъ де Богъ положилѣ». Указавъ, что всѣ прежніе обряды были установлены въ церкви святыми, Аввакумъ по обыкновенію яростно нападаетъ на православныхъ іерарховъ. «Али ты чаешь, спрашиваетъ онъ, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ тóлсты, что у коровъ: да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по-скотски и ко всякому беззаконію ползски. Или на то глядишь, что они воздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ! Вздыхаетъ чернецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится великія степени, вотъ ужжо и воздыхать перестанетъ, а буде и вздохнетъ, а инъ ласкосердьствуетъ, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь діяволъ. Павелъ Крутицкій да Иларіонъ Резанскій горазды были сему рукодѣлію, да и всѣ однаки власти-те кромѣ избранныхъ, де лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бываетъ отъ нихъ».

Очень подходитъ по нападкамъ на православную іерархію къ этому послѣднему сочиненію статья «О внѣшней мудрости», изданная г. Субботинымъ по рукописи библіотеки Хлудова № 257, съ варіантами по рукописямъ той же библіотеки № 273 и библіотеки Е. В. Барсова, и во всѣхъ этихъ спискахъ не имѣющая заглавія. Она является толкованіемъ текста: «Погублю премудрость премудрыхъ и разума разумныхъ отвергуся....» и, какъ почти всѣ толкованія Аввакума, должна быть признана памфлетомъ на современные ему церковные порядки. Внѣшняя мудрость есть наука «алманашниковъ и звѣздочетцевъ и всѣхъ зодѣйщиковъ», которые «осуетишася своими умышленьми уподоблятися Богу своею мудростію начинающе, якоже первый бля-

дивый Невродъ, и по немъ Зевесъ прелагатай, блудодѣй, и Ермисъ піяница, и Артемида любодѣица, о нихже Гранографъ и всѣ кронники свидѣтельствуютъ, также по нихъ бывше Платонъ и Пиѳагоръ, Аристотель и Діогенъ, Иппократъ и Галинъ; вси сіи мудри быша и во адъ угодиша. Достигоша съ сатаною разумомъ своимъ небесныхъ твердей и звѣздное теченіе поразумѣвше, и оттолѣ пошествіе и движеніе смотряху небеснаго круга, гадающе къ людской жизни вѣка сего настоящаго,—или тщету, или гобзованіе, — и тою мудростію своею уподобляхуся Богу, мнящеся вся знати. «Глаголютъ: мы разумѣемъ небесная и земная, и кто намъ подобенъ! И взимахуся, блядины дѣти, выше облакъ,—слово въ слово яко и сатана древле». Спасеніе для людей заключается не въ этой еллинской внѣшней мудрости, но въ христіанскомъ смиреніи, такъ какъ память Платона и Пиѳагора погибла съ шумомъ, а самихъ ихъ, «яко свиней, вши съѣли». Современные зодійщики уподобляются древнимъ. «Токмо насыщатися и упиватися и бабъ блудить ваше дѣло», говоритъ, обращаясь къ нимъ, Аввакумъ,—«прости, не судя глаголю, къ слову прилучилося. Не ваше то дѣло, но бѣсовское наученіе. Плакати о васъ подобаетъ, а не ругати: понеже плоть отъ плоти нашея, и кость отъ костей нашихъ, тѣла нашего и уди отчасти».

Послѣ этого обширнаго вступленія Аввакумъ обращается къ разнымъ новшествамъ никоніянскимъ и особенно нападаетъ на новое иконописаніе. «Воззри на святыя иконы и виждь угодившія Богу, како добрыя изуграфы подобіе ихъ описуютъ: лице и руки и нозѣ и вся чувства тончава и измождала отъ поста, и труда, и всякія имъ находящія скорби. А вы нынѣ подобіе ихъ перемѣнили, пишите таковыхъ же, яковы сами: толстобрюхихъ, толсторожихъ, и ноги и руки яко стулцы у кажнова святаго. Спаси Богъ вамъ! Выправили вы у нихъ морщины-тѣ у бѣдныхъ: сами они въ животѣ своемъ не догадалися такъ сдѣлать, какъ вы ихъ учинили!» Укоряя своихъ противниковъ въ томъ, что они кичатся своей внѣшней мудростью, Аввакумъ обвиняетъ ихъ въ презрѣніи къ русскимъ святымъ и приводитъ, какъ мы раньше указывали, въ вольной передачѣ тотъ отвѣтъ, который данъ былъ ему на соборѣ 1666—1667 г. г. на его защиту старыхъ обрядовъ. Напоминая этотъ эпизодъ, онъ уже прямо выражается, что его «стали бить», хотя въ разсказѣ «Жи-

тія» онъ говоритъ только, что его собирались бить. Никоніянъ онъ называетъ «другими нѣмцами русскими» за измѣненіе «церковныхъ уставовъ и поступковъ», отъ котораго «горко милымъ христіанамъ». Это горькое положеніе представляется Аввакумомъ въ слѣдующемъ трогательномъ образѣ: «Онъ, бѣдной (т. е. христіанинъ), мается шесть-ту дней на трудахъ, а въ день воскресной прибѣжитъ въ церковь помолити Бога и труды своя освятити: ано и послушать нечево—полатынѣ поютъ, плясавицы скоморошьи». Такое печальное искаженіе вѣры, совращеніе въ латинство, конечно, должно возбуждать въ защитникахъ старины готовность къ страданіямъ, а потому статья заканчивается оправданіемъ огненной смерти: «Да еще бы христіянинъ въ огонь не шолъ! Сгорятъ всѣ о Христѣ Іисусѣ, а васъ собакъ не послушаютъ. Да и надобѣ такъ правовѣрнымъ всѣмъ: то наша и вѣчная похвала, что за Христа своего и святыхъ отецъ преданія сгорѣти, да въ будущемъ живи будемъ». Какъ ни ярко восхваляется въ этихъ словахъ огненная смерть, однако въ нихъ нѣтъ прямого одобренія произвольному самосожженію; здѣсь огненная смерть является скорѣе, какъ орудіе дѣйствія никоніянскихъ властей. Этимъ мы не имѣемъ намѣренія утверждать, что Аввакумъ не наставлялъ своихъ послѣдователей самосожженію; мы только хотимъ точно разграничить тѣ слова Аввакума, которыя относятся къ самосожженію, отъ похвалъ огненной смерти, являющейся не въ видѣ произвольно избираемаго средства душевнаго спасенія.

«Сказаніе о дняхъ поста и мясоястія», изданное Н. И. Субботинымъ по списку библіотеки Е. В. Барсова, гдѣ оно не имѣетъ никакого заглавія, начинается съ наставленія «о субботѣ, како должно есть праздновати по завѣщанію святыхъ Апостолъ», и потому, можетъ быть, стоитъ въ нѣкоторой связи съ тѣмъ вопросомъ о постѣ въ субботу, который, какъ мы указывали, поднимался уже раньше среди приверженцевъ Аввакума. Особеннаго интереса литературнаго это сочиненіе не представляетъ, будучи пересказомъ церковныхъ правилъ о постахъ и праздникахъ; любопытными являются только двѣ подробности: 1) прямое выраженіе еретическихъ взглядовъ Аввакума на Христово воскресеніе («Христосъ же *воста* отъ мертвыхъ в третій день и во адъ сниде, изведе оттуду вся святыя отцы; таже явися ученикомъ и по воскресеніи ядѣ съ ними и пія» и т. д.),

а 2) проявленіе мстительности и нетерпимости по отношенію къ никоніянамъ. Картина страшнаго суда при этомъ рисуется такая же, съ какой мы встрѣчались въ истолковательныхъ сочиненіяхъ Аввакума; сказавъ о будущемъ наказаніи еретиковъ, Аввакумъ обращается къ своимъ врагамъ: «Ну-петь знайте, знайте себѣ римляне и никоніяне! Христа тово однако вы говорите за нѣкое погрѣшеніе распяли жидове: вотъ вамъ отъ грѣшнова тово указъ, враги, богоубійцы, бѣшеные собаки! Что то вамъ пособитъ другъ вашъ антихристъ, его же жадаете поюще... А насъ мучите, силою велите антихристу своему вѣровати. Возми—здорово—будетъ по вашему! Нѣтъ, друшки, не надѣйтеся! Жить намъ со своимъ надежею — Христомъ, Сыномъ Божіимъ, и умремъ с нимъ, и паки оживемъ с нимъ; а васъ собакъ всѣхъ намъ подъ началъ отдастъ. Дайте-тко срокъ, — я вамъ и лутчему тому ступлю на горло о Христѣ Іесусѣ Господѣ нашемъ».

Послѣднимъ намѣченнымъ нами изъ категоріи обрядово-полемическихъ сочиненій Аввакума является «Книга всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленкимъ», изданная г. Субботинымъ по рукописи библіотеки митр. Макарія, № 34, съ варіантами по Хлудовскимъ спискамъ №№ 257 и 273. По формѣ это посланіе является отчасти подражаніемъ апостольскимъ посланіямъ: Аввакумъ именуетъ себя «рабомъ и посланникомъ Іесусъ Христовымъ» и обращается къ цѣлой «тысящи», къ «чадомъ святыя соборныя и апостольскія церкви». Изъ этой «тысящи» приводятся имена довольно многихъ лицъ, нѣкоторыя имена извѣстны изъ другихъ сочиненій Аввакума, другія принадлежатъ какимъ-то неизвѣстнымъ лицамъ, составлявшимъ, вѣроятно, тѣсно сплоченную общину. Имена Анны Амосовны, старицы Меланьи, Елены указываютъ на связь этой «тысящи» съ боярыней Морозовой; Маремьяна, вѣроятно, то же лицо, къ которому есть отдѣльное посланіе Аввакума.

Начавъ съ призыва твердо стоять за православную вѣру и поддерживать другъ друга, Аввакумъ даетъ нѣсколько наставленій въ отвѣтъ на недоумѣнія своихъ послѣдователей. Первый вопросъ касался отношенія къ памяти «сожженныхъ братій», слѣдуетъ ли ихъ признавать святыми и поклоняться ихъ иконамъ. Аввакумъ приказываетъ ихъ «почитати», но иконъ «не поставляти, дондеже Богъ коего прославитъ». Почитаніе выражается въ томъ, что кости сожженныхъ хранятся «въ честнѣ

мѣстѣ», имъ приносится «каженіе и цѣлованіе», при водоосвященіи они полагаются въ воду вмѣстѣ съ крестомъ; указаны и молитвы: «Боже, за молитвъ пострадавшихъ сего и сего спаси насъ, Господи, и ихъ помяни во царствіи небеснѣмъ. Да перекрестяся, Богу лбомъ въ землю. А мощи кадя, глаголи: отче мой, или брате, елико имапи дерзновеніе къ Богу, молися о мнѣ грѣшномъ. Да поцѣловавъ и покадя, челомъ ему усердно,— просто. Аще и перекрестяся поцѣлуемъ, не согрѣшимъ. Добро, кого Богъ оправдитъ, а не мы человѣки».

Послѣ этого дается наставленіе, какъ совершать таинство причащенія безъ священника; здѣсь мы встрѣчаемся съ подробнымъ описаніемъ безпоповскаго чина причащенія, которому должна предшествовать исповѣдь предъ «искуснымъ простолюдиномъ», который лучше «невѣжи попа или еретика». Это наставленіе въ нѣсколько измѣненной формѣ находится и въ «Житіи» Аввакума, гдѣ оно помѣщено послѣ разсказа объ исцѣленіи «бѣшеныхъ бабъ» (а въ Казанскомъ спискѣ послѣ разсказа о чудѣ съ просвирой). Приведемъ оба наставленія по текстамъ, изданнымъ Н. И. Субботинымъ:

Книга горемыкамъ.

Есть въ правилахъ пишетъ, повелѣваетъ исповѣдатися искусному простолюдину, нежели невѣжи попу, паче же еретику. Аще нужда привлечетъ, и причаститися бес попа можно святымъ комканіемъ. Аще мужескъ полъ или женескъ, в нынѣшнее настоящее огнепалное время со исповѣданіемъ и съ прощеніемъ другъ ко другу тѣла Христова и крови причащайтесь. Предъ образомъ Владычнимъ возжги свѣщу и на столцѣ устрой платъ, и на немъ поставь сосудецъ съ виномъ и водою, и вложи часть тѣла Христова, вземше фиміамъ и кадило съ Іисусовою молитвою покади образъ, и святая, и домъ весь, и потомъ цѣлуй святыя иконы и крестъ на себѣ носяй, и поклонився на землю глаголи полное прощеніе предъ образомъ Господнимъ. И возставъ глаголи: Владыко Господи Іисусе Христе человѣколюбче, да не во осужденіе ми

Житіе.

Въ нашей православной вѣрѣ безъ исповѣди не причащаютъ: въ римской вѣрѣ творятъ такъ, — не брегутъ о исповѣди, а намъ, православіе блюдущимъ, такъ не подобаетъ, но на всяко время покаяніе искати. Аще священника нужды ради не получишь: и ты своему брату искусному возвѣсти согрѣшеніе свое, и Богъ проститъ тя, покаяніе твое видѣвъ, и тогда съ правильцомъ причащайся Святыхъ Таинъ. Держи при себѣ запасный агнецъ, аще въ пути, или на промыслу, или всяко прилучится кромѣ церкви, воздохня предъ Владыкою и, по вышереченному, ко брату исповѣдався, съ чистою совѣстію причастися святыни: такъ хорошо будетъ! По постѣ и по правилѣ, предъ образомъ Христовымъ на коробочку постели платокъ, и свѣчку зажги, и въ сосудцѣ водицы маленко, да на ложечку почерпни, и часть тѣла Христова съ

будетъ причастіе святыхъ ти таинъ, но во очищеніе и во освященіе души и тѣлу, и во обрѣтеніе будущія жизни и царствія, яко благословенъ еси во вѣки, аминь. Таже и къ намъ прощеніе, изливая свою душу,—и Богъ тебя благословитъ, причастися святаго сокромента. И паки моли о себѣ и о насъ Бога; а мы о вашемъ благоприступаніи елико можемъ. А младенцевъ причащайте истиннымъ запасомъ. И мірянинъ причащай ребенка,—Богъ благословитъ! молитвою въ воду на ложку положи, и кадиломъ вся покади, поплакавъ, глаголи: Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшники спасти (писано въ чинѣ причащенія). Потомъ падше на землю, предъ образомъ прощеніе проговори, и, возставъ, образы поцѣлуй, и перекрестясь, съ молитвою, причастися, и водицей запей, и паки Богу помолись. Ну, слава Христу! Хотя и умрешъ послѣ того, ино хорошо. (Мат. V, стр. 39).

Въ Казанскомъ спискѣ «Житія» молитва передъ причащеніемъ изложенá нѣсколько иначе, а кромѣ того указаны поклоны предъ образами и прощеніе къ брату.

Этотъ чинъ причащенія нужно было установить, чтобы избавить «старолюбцевъ» отъ необходимости обращаться къ никоніянскимъ священникамъ; однако иногда трудно бывало избѣгнуть общенія съ никоніянами, «привлекала нужда», и для такихъ случаевъ Аввакумъ рекомендуетъ рядъ весьма неблаговидныхъ, казуистическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ наружно могли сохраняться хорошія отношенія съ православнымъ священникомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не вредилось благочестіе старолюбцевъ: такъ, на исповѣди Аввакумъ совѣтуетъ «сказывать сказки, какъ лисица у крестьянина куры крала» или повалиться на землю и лежать, «ногу вверхъ подымя»; войдя въ церковь, если «нужею затащатъ», не слѣдуетъ «слушать пѣнія», а «воздыхая» надо говорить «молитву Іисусову». Если православный священникъ придетъ «въ домъ твой съ водою, и въ дому бывъ, водою и намочитъ, и ты послѣ ево вымети метлою, а робятамъ вели по-за печью отъ него спрятатися, а самъ з женою ходи тутъ и виномъ ево пой, а самъ говори: прости, бачко, нечистъ,—з женою спалъ и не окачивались,—недостойны ко кресту. Онъ кропитъ, а ты рожю-ту в уголъ вороти, или в мошну въ тѣ поры полѣзь, да деньги ему добывай; а жена за домашними дѣлами поди, да говори ему, раба Христова: бачко, — какой ты человѣкъ! Аль по своей попадьѣ не разумѣешь?—Не время мнѣ! Да какъ нибудь что собаку отжените его. А хотя и омочитъ водою-тою: душа бы твоя не хотѣла!» Кромѣ такихъ лицемѣрно-

іезуитскихъ изворотовъ Аввакумъ одобряетъ по отношенію къ никоніянскимъ попамъ и болѣе крутыя мѣры: «А на молебны тѣ хотя и давайте имъ, а молебны-тѣ въ Москву рѣку сажайте. Хотя и попа-то врага Божія въ воду-ту посадишъ, и ты не согрѣшиши. Левъ Катанскій въ огонь посадилъ же таково вора». Это наставленіе со ссылкою на примѣръ Льва Катанскаго очень важно, такъ какъ указываетъ на близость Аввакума къ осифлянскому направленію, въ которомъ подобная ссылка была однимъ изъ важнѣйшихъ аргументовъ въ пользу преслѣдованія еретиковъ. Заканчивается рядъ приведенныхъ наставленій іезуитскаго свойства слѣдующимъ характернымъ замѣчаніемъ: «А въ чемъ погрѣшится: и ты кайся предъ Господемъ Богомъ! Гдѣ же дѣтца? *живыя могилы нѣтъ*!» Послѣднія слова являются очевиднымъ противорѣчіемъ призыву къ самосожженію, которое въ большинствѣ случаевъ одобряется, какъ послѣднее средство спастись отъ насилія.

Послѣ этихъ общихъ наставленій Аввакумъ обращается къ отдѣльнымъ представителямъ «тысящи», Борису, Досиѳею, Симеону и Маремьянѣ: Борису онъ посылаетъ разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ и совѣтуетъ «всегда прощенія говорить»[100]); у Досиѳея Аввакумъ проситъ благословенія, Симеону пишетъ: «Денги твоего привозу всѣ пропали: толко три рубли пришло съ пустобородомъ, а то всѣ девяносто рублевъ съѣлъ діяволъ. Ѳеодосей привезъ къ намъ 11 рублевъ». Изъ этихъ словъ можно видѣть, насколько дѣятельно помогали Аввакуму его послѣдователи; они заботились и о его семьѣ, положеніе которой на Мезени было довольно тяжело: «Онѣ, бѣдные, требуютъ и ко мнѣ приказываютъ, не вѣдома кой бѣды гладуютъ: живутъ большо неблагодарно». Маремьяна извѣщала протопопа, что отправила ему лѣствицу, и спрашивала наставленія относительно пищи по вторникамъ и четвергамъ, Аввакумъ благодаритъ за лѣствицу, даетъ просимое разрѣшеніе и приказываетъ Маремьянѣ быть въ послушаніи у какой-то дѣвицы Акилины Гавриловны, которую онъ называетъ игуменьей. Такимъ образомъ посланіе принимаетъ чисто личный характеръ и потому оно можетъ быть для

[100]) По справедливому замѣчанію проф. Ивановскаго, такія заочныя прощенія, притомъ грѣховъ неповѣданныхъ, слишкомъ уже далеки отъ таинства исповѣди. Критич. разборъ ученія безпоповцевъ о церкви и таинствахъ, стр. 60.

насъ переходомъ къ слѣдующей группѣ Аввакумовыхъ сочиненій, заключающей въ себѣ такія поученія отдѣльнымъ лицамъ.

Къ этой категоріи относятся всѣ пока нами не разобранныя сочиненія Аввакума, за исключеніемъ его «Житія», но нѣкоторыя изъ нихъ, касающіяся главнымъ образомъ вопроса о самосожженіи и большею частію относящіяся къ послѣднимъ годамъ жизни Аввакума, мы разсмотримъ послѣ «Житія»; въ настоящей же главѣ мы скажемъ только о тѣхъ, которыя имѣютъ болѣе личный характеръ увѣщанія, направлены главнымъ образомъ къ поддержанію бодрости духа въ защитникахъ церковной старины.

Здѣсь прежде всего мы остановимся на четырехъ посланіяхъ[101]) къ боярынѣ Морозовой, княгинѣ Урусовой и Маріи Даниловой (первое изъ пяти посланій къ этимъ лицамъ мы разсмотрѣли въ предыдущей главѣ). Отношенія Аввакума къ тремъ своимъ знатнымъ ученицамъ отличаются замѣчательной нѣжностью: въ похвалахъ имъ онъ не знаетъ никакихъ границъ и доходитъ до такого же гиперболизма, какой въ противоположномъ направленіи обнаруживается у него по отношенію къ ненавистнымъ ему представителямъ православной церкви. Обращаясь къ боярынямъ и перечисляя ихъ добродѣтели, Аввакумъ говоритъ языкомъ акаѳистовъ и другихъ церковныхъ величаній. «Увы, Ѳеодосья! увы, Евдокея!—восклицаетъ онъ,—два супруга неразпряженная, двѣ ластовицы сладкоглаголивыя, двѣ маслины и два свѣщника предъ Богомъ на земли стояще! Воистинну подобни есте Еноху и Иліи, женскую немощь отложьше, мужескую мудрость воспріявше, діявола побѣдиша, и мучителей посрамиша, вопіюще и глаголюще: пріидите тѣлеса наша мечи ссѣците и огнемъ сожгите, мы бо радуяся идемъ къ жениху своему Христу. О, свѣтила великія, солнце и луна Рускія земли, Ѳеодосія и Евдокѣя, и чада ваша яко звѣзды сіяющія предъ Господемъ Богомъ! О, двѣ зари, освѣщающія весь міръ на поднебеснѣй! Воистину красота есте церкви и сіяніе присносущныя славы Господни по благодати! Вы забрала церковная и стражи дома Господня, возбра-

[101]) Изданы проф. Субботинымъ по рукописи библіотеки митр. Макарія № 34 (Петровъ. Опис. кіев. рукоп. собр., I, № 58), съ варіантами по спискамъ библ. Хлудова, № 257, и Е. В. Барсова, въ Мат. т. V, стр. 174—195. Раньше издавались неисправно Мельниковымъ и Тихонравовымъ.

няете волкамъ входъ во святая» и т. д. Аввакумъ прямо называетъ своихъ ученицъ святыми, уподобляетъ ихъ Аѳанасію Александрійскому, Іоанну Златоусту, Василію Великому, Григорію Богослову; величаетъ ихъ «херувимами многочитыми, серафимами шестокрилными, воинствомъ небесныхъ силъ», доходитъ до примѣненія къ Морозовой эпитета «блаженной и треблаженной въ женахъ», а ко всѣмъ тремъ обращается, какъ къ «тричисленной единицѣ трисоставнаго Божества», наконецъ сравниваетъ Морозову съ Христомъ: «Какъ такъ, государыни, изволили съ такія высокія степени сступить и въ безчестіе вринутися? Воистину подобни Сыну Божію: отъ небесъ сступилъ, въ нищету нашу облечеся и волею пострадалъ. Томужъ и здѣсь прилично о васъ мнѣ разсудить».

Согласно съ этимъ тономъ величаній изображается и прошлая жизнь боярыни и ея страданія. «Вѣмъ, другъ мой милой Ѳеодосья Прокопьевна,—жена ты была боярская, Глѣба Ивановича Морозова, вдова честная, вверху чина царева, близъ царицы. Дома твоего тебѣ служащихъ было человѣкъ с триста, у тебя ж было крестьянъ 8000, имѣнія въ дому твоемъ на 200,000, или на полтретьи. У тебя же былъ всему сему наслѣдникъ сынъ, Иванъ Глѣбовичъ Морозовъ. Друговъ и сродниковъ въ Москвѣ множество много. Ѣздила къ нимъ на колесницѣ, еже есть въ коретѣ драгой, и устроеной мусіею и сребромъ, и аргамаки многи, 6 или 12, з гремячими цѣпьми. За тобою же слугъ, рабовъ и рабынь, грядущихъ 100, или 200, а иногда человѣкъ и триста оберегали честь твою и здоровье. Предъ ними же лѣпота лица твоего сіяла, яко древле во Израили святыя вдовы Іюдифы, побѣдившія навходоносорова князя Алоферна. И знаменита была въ Москвѣ предъ человѣки, яко древняя Деввора во Израили, Есфирь жена царя Артоксеркса». Въ такомъ же риторическомъ стилѣ передаетъ Аввакумъ и о благотворительности Морозовой, о ея аскетическихъ подвигахъ еще въ то время, когда она была богата и пользовалась почетомъ при дворѣ, и о ея мужественномъ стояніи за правое старое перстосложеніе: «Напослѣдокъ же сына свого Ивана въ жертву принесе, еже есть скончался скоро отрокъ отъ великія печали, егда отступники съ тобою разлучили. Ты же нимало отъ подвига уклонися, ни усумнѣся, но и паче простирашеся ко обличенію враговъ креста Христова

и раззорителей догматовъ святыя церкви. Они же тя, яко звѣріе дивіи, терзаху на пыткѣ, руцѣ твои и плоть рвахӯ» и т. д.

Однако рядомъ съ этой пышной риторикой въ письмахъ къ Морозовой видно и простое, чисто сердечное отношеніе наставника къ своимъ послѣдовательницамъ; оно замѣтно и въ отдѣльныхъ эпитетахъ, какъ напр. «другъ мой головной», «мати моя», «свѣты мои, сердечныя друзья», и въ такихъ обращеніяхъ, какое мы встрѣчаемъ въ пятомъ посланіи: «Свѣтъ моя! Еще ли ты дышишъ? Другъ мой сердечной! Еще ли дышишъ, или сожгли тебя, или удавили тебя? Не вѣмъ и не слышу; не вѣдаю—жива, не вѣдаю—скончали!» Послѣ витіевато-цвѣтистыхъ восклицаній по поводу смерти Ивана Морозова, Аввакумъ замѣчаетъ: «Уже ктому не печется о суетной многострастной плоти, и тебѣ некову чотками стегать, и не на ково поглядѣть, какъ на лошадки поѣдетъ, и по головки некову погладить,—помнишъ ли?—какъ бывало? Миленькой мой государь! Впослѣднее увидѣлся съ нимъ, егда причастилъ ево. Да пускай,—Богу надобно такъ! И ты не больно о немъ кручинься: хорошо право Христосъ изволилъ».

Эта живая нота простого отношенія къ своимъ ученицамъ слышится и въ тѣхъ суровыхъ наставленіяхъ, въ тѣхъ выговорахъ, съ которыми Аввакумъ обращается къ нимъ послѣ приведенныхъ изысканныхъ восхваленій. Боярыни жаловались на свое стѣсненное положеніе, присылали протопопу «свое оханье», печалилась и сама Морозова о смерти своего сына, а вмѣстѣ съ тѣмъ она, какъ выражается Аввакумъ, «во снѣ брусила, говорила суторщину», что протопопъ ее забылъ. Между тѣмъ у Аввакума было и своего оханья много, и вотъ онъ строго поучаетъ свою вѣрную послѣдовательницу: «А что петь о Иванѣ-то болно сокрушаешся? Главы не сохранилъ! Какъ поразсудить-то дѣло твое: ино ужасъ возметъ. Какъ то надежа — свѣтъ Христосъ изволилъ! То бы по твоему добро, какъ бы на лошадяхъ-те безъ тебя ѣздить сталъ, да бабъ-те воровать?—Привели бы онѣ на вся, ругаяся тебѣ, — и Христа бы отрекся, какъ и онѣ жъ! А то дорогое дѣло—по новому робенка причастили! Великая бѣда, куды! Онъ и не знаетъ, ни вѣдаетъ въ печалѣхъ в то время, что надъ нимъ кудесили блядины они дѣти, и со всѣмъ умысломъ своимъ у Спаса—свѣта правда будетъ на судѣ. Толко бъ онъ ево надежа-свѣтъ не возлюбилъ: и онъ бы ево в такую

нужную пору не взялъ къ себѣ. Я благодарю Бога о немъ,— причастилъ я ево помню: довлѣетъ ему сіе во вѣки вѣковъ: Не истлѣла въ немъ благодать. Я на твое плюсканье не гляжу. Тебѣ бы таки всякъ исповѣдникъ! Охъ, матка Божія, — не по Ѳедосьину хотѣнью дѣлается! Плач-ко ты о себѣ болши; а о немъ слава Христу и безъ твоихъ возгрей! А што? Горе уже отъ безумія твоего стало мнѣ! Есть о немъ плачющихъ-те. Иной и одинъ вздохнетъ, ино адомъ потрясетъ; хотя бы и впрямь осужденъ былъ: ино выпустятъ. А то за что ево осудить? Въ мукахъ скончался робя. Григорей о Троянѣ о мучители помолился; ино отдали. Сказалъ же ему Христосъ: опять де не моли мнѣ о таковыхъ, не стужай; а однако таки отдалъ милостивый Богъ. А Иванъ не мучитель былъ, — самъ покойникъ мучился и свѣта не видалъ вся дни житія своего. Да собаки опоганили при смерти, такъ у матушки и брюхо заболѣло: охти мнѣ,—сына опоганили! во адъ угодилъ! Не угодилъ,—не суетися. Для тебя такъ попущено, чтобъ ты не вознеслась. Блюдися себевозношенія, инока схимница! Дорога ты, что в черницы-те попала, грязь худая? А кто ты,—не Ѳеодосья ли дѣвица преподобно-мученица? Еще не дошла до тое версты! Ну, полно бранится. Прости, — согрѣшилъ. Не кручинься о Иванѣ: такъ и бранить не стану». Особенно строгъ Аввакумъ къ Морозовой потому, что она должна служить примѣромъ своимъ соузницамъ, а между тѣмъ ея слабость приводитъ къ тому, что и онѣ «глядя на нее кручинятся»: княгиня Урусова боится, какъ бы ея дѣти не «ввалились въ грѣхи»,—но ее Аввакумъ наставляетъ мягче, чѣмъ Морозову, призывая ее къ упованію на Христа. Съ другой стороны онъ настойчиво внушаетъ кн. Урусовой и Даниловой, что онѣ должны оказывать повиновеніе боярынѣ Морозовой: «не пререкуйте вы предъ старицею-тою,—она вѣдь ангельскій чинъ содержитъ, а вы простые бабы,—грѣхъ вамъ предъ нею пререковать». А пререканія, повидимому, происходили изъ-за разныхъ церковныхъ вопросовъ, — по крайней мѣрѣ въ томъ же посланіи Аввакумъ поучаетъ: «А у васъ, свѣты мои, какое догматство между собою? Женской бытъ одно говори: какъ в старопечатныхъ книгахъ напечатано, такъ я держю и вѣрую, съ тѣмъ и умираю. Да молитву Іисусову грызи, да и все тутъ».

Припоминаетъ Аввакумъ и юродиваго Ѳедора, который пе-

редъ смертью жаловался ему на боярыню: «стала-де ты скупа быть, не стала милостыни творить и имъ-де на дорогу ничево не дала, и съ Москвы отъ твоей изгони съѣхалъ, и кое-што сказывалъ. Да уже Богъ васъ проститъ! Нечево старова поминать: меня не слушала, какъ я говорилъ; а послѣ пѣняешъ мнѣ. Да што на тебя и дивить! У бабы волосы долги, а умъ коротокъ. Ну, прости же меня; а тебя Богъ проститъ во всемъ. Мучтеся за Христа хорошенко, не оглядывайтеся назадъ».

Во всѣхъ этихъ наставленіяхъ ярко выступаетъ задушевный, частный характеръ посланій къ Морозовой, и эта же черта проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда Аввакумъ говоритъ о своихъ личныхъ дѣлахъ. Такъ онъ благодаритъ боярыню за то, что она посылаетъ денегъ его женѣ, и сообщаетъ объ одномъ щекотливаго свойства домашнемъ дѣлѣ: «У меня в домишку дѣвка рабичищо робенка родила. Иныя говорятъ — Прокопей сынъ мой привалялъ; а Прокопей божится и запирается». Весьма характернымъ является слѣдующее замѣчаніе по этому поводу, замѣчаніе, рисующее способность Аввакума снисходить къ человѣческимъ слабостямъ, хотя не слѣдуетъ забывать, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ отношеніемъ отца къ сыну: «Въ лѣтахъ дѣтина, не дивно и ему привалять! Да сіе мнѣ скорбно, яко покаянія не могу получить. Въ иную пору совѣсть разсвирѣпѣетъ, хощу анаѳемѣ предать и молить Владыку, да послетъ бѣса и умучитъ его, яко древле въ Коринфахъ соблудившаго съ мачехою; и паки посужу, какъ бы самому въ напасть не впасть: аще толко не онъ, такъ горе мнѣ будетъ тогда,—мученика казни предамъ!»

Кромѣ этихъ личныхъ отношеній въ посланіяхъ къ Морозовой встрѣчаются замѣчанія болѣе общаго характера по вопросамъ церковно-обрядовымъ: такъ, въ третьемъ и четвертомъ посланіяхъ Аввакумъ яростно нападаетъ на никоніянъ за нѣкоторыя кажущіяся ему ихъ ереси, за стремленіе измѣнять во что бы то ни стало: «какъ бы нибудь, лише бы не по старому»; во второмъ посланіи онъ упоминаетъ, какъ мы уже говорили, о своей ссорѣ съ діакономъ Ѳедоромъ.

Такимъ же характеромъ личныхъ отношеній отличается и посланіе Аввакума къ Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ, изданное г. Субботинымъ также по списку библіотеки митр. Макарія, № 34, съ варіантами Хлудовскихъ списковъ, №№ 257 и 273, причемъ нигдѣ это сочиненіе заглавія не имѣетъ; также безъ заглавія

имѣется оно въ рукописи Имп. Публичной Библіотеки Q. I № 1075, почти ничѣмъ не отличающейся отъ печатнаго текста.

Въ посланіи этомъ Аввакумъ благодаритъ Маремьяну (которая, судя по упоминанію объ Аннѣ Амосовнѣ, имѣла какую-нибудь связь съ боярыней Морозовой) за то, что она помогаетъ протопопицѣ съ дѣтьми, проситъ сообщить свѣдѣнія о «братіи» и посылаетъ черезъ нее благословеніе Дмитрію, Козмѣ, Стефану и др. Послѣ призыва терпѣть за вѣру, желая доказать гнусность нынѣшняго пѣнія, Аввакумъ передаетъ о томъ, какъ онъ подвергся нападенію бѣсовъ за просвиру, принятую отъ новопоставленнаго священника. Разсказъ объ этомъ чудѣ мы находимъ, кромѣ настоящаго посланія, въ Казанскомъ спискѣ «Житія» Аввакума, въ издаваемомъ нами, по списку библіотеки В. Г. Дружинина, «Словѣ святаго отца Аввакума о никоніянскомъ ереси» и въ «Посланіи ко иному». Въ послѣдней версіи разсказъ наиболѣе сжатъ, хотя есть подробность, отсутствующая въ другихъ варіантахъ: приведено имя попа Димитрія, принесшаго просвиру. Изъ трехъ остальныхъ варіантовъ нѣсколько болѣе подробностей заключаетъ въ себѣ Дружининскій, представляющійся амплификаціей Казанскаго такъ же, какъ послѣдній есть распространеніе разсказа, включеннаго въ «Посланіе къ Маремьянѣ Ѳеодоровнѣ». Во всѣхъ трехъ варіантахъ одинаково говорится, что, получивъ просвиру, Аввакумъ положилъ ее въ уголку (или «на мѣстѣ») и, покадивъ, легъ спать; послѣ этого явились бѣсы, и одинъ изъ нихъ («щербатъ и черменъ», по Казанскому и Дружининскому вар.) завернулъ ему голову; при этомъ, по списку «Посланія», бѣсъ сказалъ: «сѣмъ-ко ты сюды», по «Житію»: «семъ-ко ты сюды, попалъ ты въ мои руки»; въ Дружининскомъ же варіантѣ сообщается о разговорѣ бѣсовъ: «бѣсъ говоритъ: попалъ ты намъ въ руки. А другой говоритъ: не болно же. И той паки отвѣща: знаю, не указывай». Далѣе разница между тремя разсказами выражается только въ отдѣльныхъ словахъ, причемъ по языку проще всего текстъ «Посланія», какъ это, напримѣръ, видно изъ слѣдующаго сопоставленія:

Посланіе.	Житіе.
З доски свалясь на полъ, предъ образомъ, немощенъ плачючи Никона проклялъ и ересь ево. И паки в той часъ здравъ бысть. Видишь	С доски сваляся на полъ, моля Бога и каяся о своемъ безуміи, проклялъ отступника Никона с никоніяны и книги ихъ еретическія, и

ли, Маремьяна, какъ бы съѣлъ просвиру-ту, такъ бы что Исакія Печерскаго затомили.

жертвы ихъ, и всю службу ихъ, и благодать Божія паки пріиде на мя, и здравъ бысть. Виждь, человѣче, каково лѣпко бѣсовское дѣйство христіаномъ! А егда бы съелъ просвиру-ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси.

Заключительнаго нравоученія («виждь» или «видишь») въ Дружининскомъ спискѣ нѣтъ, и изложеніе болѣе подходитъ къ варіанту «Житія». Сравнительная простота разсказа въ «Посланіи», на нашъ взглядъ, можетъ быть основаніемъ, чтобы признать его первоначальнымъ по отношенію къ двумъ другимъ текстамъ.

Можетъ быть, къ той же группѣ послѣдователей Аввакума, къ которой принадлежала Маремьяна, слѣдуетъ отнести и неизвѣстнаго, по другимъ источникамъ Алексѣя Копытовскаго, хотя основаніе для такого предположенія заключается единственно въ упоминаніи какого-то Максима какъ въ «Посланіи къ Маремьянѣ», такъ и въ «Посланіи къ Алексѣю Копытовскому», изданномъ г. Субботинымъ (Мат. VIII, стр. 98—100) по рукописи Хлудовской библіотеки № 149 (по прибавл. къ каталогу). Этотъ ученикъ Аввакума обратился къ нему съ утѣшительнымъ посланіемъ и спрашивалъ, вѣроятно, какъ слѣдуетъ относиться къ какому-то Лукьяну: за утѣшеніе Аввакумъ благодаритъ, а Лукьяна за что-то называетъ «треглавымъ змѣемъ», «собакой, дурой», лишаетъ его благословенія, Алексѣю же приказываетъ «побить его палкой». Въ заключеніе Аввакумъ даритъ Алексѣю свои четки.

Немного содержательнѣе предыдущаго «Посланіе къ отцамъ въ Поморье», напечатанное по той же рукописи въ Мат. VIII стр. 88—89. Изъ поморскихъ отцевъ называются здѣсь Савватій, Евфимій, Тимофей и Авксентій. Послѣ риторическаго обращенія къ этимъ отцамъ, обращенія, по стилю подходящаго къ витіеватымъ фразамъ посланій къ Морозовой, Аввакумъ проситъ ихъ молитвъ, которыя помогутъ ему въ борьбѣ съ еретиками: «Аще Богъ по насъ, кто на ны?—говоритъ онъ, измѣняя тонъ,— Со Христомъ и болшому-тому волку, хохлатой-той собакѣ, глазъ вырву, нежели щенятамъ. Молитеся толко вы о насъ крѣпко и неослабно, Господа ради, отцы святіи. Мнѣ веть неколи плакать: всегда играю съ человѣки, таже со страстми и похотми бьюся окаянный». Проситъ Аввакумъ поморскихъ отцовъ молиться и

о своей женѣ и дѣтяхъ, проситъ писать и прислать «какой-нибудь гостинецъ: или лошку, или ставецъ, или ино што». «Али и у самихъ, спрашиваетъ Аввакумъ, нѣтъ ничего, бѣдные батюшки мои? Ну, терпите Христа ради! Ладно такъ. Я веть богатъ: рыбы и молока много у меня».

Тѣмъ же личнымъ характеромъ отличается «Посланіе къ нѣкоему Аѳанасію», печатаемое въ «Приложеніяхъ», № 9. Кто этотъ Аѳанасій, также неизвѣстно; неизвѣстенъ и какой-то бояринъ Борисъ Аѳанасьевичъ, упоминаемый въ посланіи. Любопытно сѣтованіе Аввакума на слабость бояръ, измѣняющихъ старой вѣрѣ: «Чему быть! Не хотятъ отстать отъ Антіоха тово египетскаго; рафленые куры да крѣпкіе меды какъ покинуть?» Приступъ къ посланію: «Аѳанасій, не умеръ ли ты?» напоминаетъ подобныя обращенія въ посланіи къ Маремьянѣ Ѳедоровнѣ и пятомъ посланіи къ Морозовой.

Наконецъ, къ этой же категоріи личныхъ утѣшительныхъ сочиненій надо отнести два посланія къ неизвѣстнымъ (Приложенія, №№ 7 и 8), которыхъ Аввакумъ убѣждаетъ твердо стоять за вѣру и не бояться смерти. Стиль посланій не отличается обычной яркостью, тѣмъ болѣе, что при краткомъ объемѣ они заключаютъ много выписокъ изъ Св. Писанія.

Къ этому обзору послѣдней категоріи посланій Аввакума [102]) считаемъ не лишнимъ добавить, что, поучая свою паству, Аввакумъ принимаетъ большею частью тонъ «раба и посланника Ісусъ Христова», т. е. даетъ наставленія, какъ власть имущій, хотя иногда впадаетъ въ тонъ самоуничиженія, говоритъ о своихъ грѣхахъ.

---

[102]) Къ этому же разряду личныхъ увѣщаній, не имѣющихъ характера обрядово-догматическаго, слѣдуетъ отнести и посланіе Аввакума и «горемыкамъ миленькимъ на Соловкахъ» (изданное миссіонеромъ Ст. Луканинымъ въ Русскомъ Трудѣ» 1899 г. № 18). По характеру изложенія посланіе можетъ быть признано Аввакумовскимъ, хотя могутъ возбуждаться нѣкоторыя сомнѣнія тѣмъ обстоятельствомъ, что многія отдѣльныя мѣста этого посланія встрѣчаются въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума. Вполнѣ оригинальныя, яркія выраженія (напр. обращеніе къ арх. Никанору, призывъ къ страданіямъ: «Сожгутъ одного изъ насъ, что золы-то выйдетъ?» и т. д.) склоняютъ въ пользу признанія подлинности посланія; однако трудно дѣлать какія-нибудь опредѣленныя заключенія, такъ какъ издатель, къ сожалѣнію, не сообщилъ никакихъ свѣдѣній о рукописи, изъ которой онъ извлекъ настоящій любопытный памятникъ.

Разсмотрѣніе какъ полемическихъ, такъ и лично-утѣшительныхъ произведеній Аввакума даетъ возможность опредѣлить слѣдующія ихъ особенности:

1) Доказательства правоты старыхъ обрядовъ приводятся Аввакумомъ далеко не обстоятельно, причемъ черпаются даже изъ источниковъ совсѣмъ не авторитетныхъ.

2) Сила полемики заключается не столько въ доказательствахъ, сколько въ образныхъ представленіяхъ и реальномъ стилѣ.

3) Стиль посланій и полемическихъ сочиненій, отличаясь реализмомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ самимъ Аввакумомъ подгонялся къ извѣстнымъ риторическимъ формамъ, и въ этихъ случаяхъ являлось преобладаніе славянизмовъ надъ русскими оборотами рѣчи.

4) Нѣкоторыя сочиненія подверглись позднѣйшей переработкѣ, такъ что подлинный текстъ ихъ намъ неизвѣстенъ.

5) Отношеніе къ противникамъ отличается большею частью нетерпимостью, которая однако не вездѣ выдержана.

6) Ученіе объ антихристѣ довольно опредѣленно выражено въ томъ смыслѣ, что антихристъ еще не пришелъ, но близокъ, и есть его предотечи.

7) Изъ практическихъ наставленій Аввакума наиболѣе важными представляются тѣ, которыми опредѣлялись подробности безпоповской теоріи.

ГЛАВА VII.

«Житіе» протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное.—Посланія къ Симеону, Борису, Исидору и др.—Смерть Аввакума и его соузниковъ.

Среди сочиненій Аввакума самымъ важнымъ какъ по объему, такъ и по содержанію является его автобіографія. Она была, какъ мы указываемъ въ предисловіи, прежде всего издана Н. С. Тихонравовымъ по списку неисправному, причемъ издатель не указалъ, какого времени списокъ и какими внѣшними особенностями онъ отличается, такъ что изданіемъ Тихонравова приходилось пользоваться, какъ первоисточникомъ, до выхода въ свѣтъ V тома «Матеріаловъ» Н. И. Субботина. Здѣсь «Житіе» напечатано по списку Хлудовской библіотеки № 258, варіанты же приведены по спискамъ той же библіотеки № 257 и 353 и по изданію Тихонравова. Важныя отличія представляетъ къ напечатаннымъ ранѣе текстамъ списокъ Казанской духовной академіи, подробно описанный нами въ «Христ. Чтеніи», 1888 г. № 9—10, и теперь печатаемый въ полномъ составѣ въ «Приложеніяхъ».

Отличія этого списка замѣчаются уже въ самомъ началѣ: къ нему есть предисловіе, отсутствующее въ другихъ спискахъ, но по своему содержанію имѣющее тѣсную связь съ «Житіемъ» и заключающее въ себѣ любопытную фактическую подробность. Въ другихъ спискахъ «Житіе» начинается какъ-то ex abrupto: «Аввакумъ протопопъ понуженъ бысть житіе свое написати инокомъ Епифаніемъ,—понеже отецъ ему духовный инокъ,—да не забвенію предано будетъ дѣло Божіе. И сего ради понуженъ бысть отцемъ духовнымъ на славу Христу Богу нашему, аминь». Этому приступу въ третьемъ лицѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ въ

Казанскомъ спискѣ аналогичная фраза, тоже въ третьемъ лицѣ, причемъ Аввакумъ называется «многострадальнымъ протопопомъ, темничнымъ горемыкой и нужетерпцемъ, исповѣдникомъ Христовымъ, священнопротопопомъ»; но этой фразѣ предшествуетъ небольшое вступленіе въ первомъ лицѣ, что «Житіе» писано, по благословенію Епифанія, собственноручно протопопомъ, который проситъ не зазирать его «просторѣчію», такъ какъ онъ любитъ «свой русской природной языкъ и виршами философскими не обыкъ рѣчи красить»; вслѣдъ за этими словами идетъ, несомнѣнно по стилю принадлежащее Аввакуму, замѣчаніе: «Вотъ что много разсуждать; не латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры Господь, но любви съ прочими добродѣтельми хощетъ; того ради я и не брегу о краснорѣчіи, и не уничижаю своего языка русскаго». Это замѣчаніе имѣетъ близкую связь съ «поученіемъ Аввы Дорофея о любви», отсутствующимъ въ другихъ спискахъ и являющимся поясненіемъ къ тому рисунку, который приложенъ къ Казанскому списку, и судя по изображеніямъ, въ немъ заключающимся, его оригиналъ не можетъ быть относимъ ко времени позднѣе конца XVII вѣка.

Послѣ этого поученія въ Казанскомъ спискѣ имѣется посвященіе «Житія» какому-то неизвѣстному лицу, причемъ Аввакумъ благословляетъ этого неизвѣстнаго, его жену Марью Пименовну и всѣхъ его родственниковъ. Это посвященіе интересно потому, что помогаетъ намъ понять, кто тотъ «рабъ Христовъ», къ которому вмѣстѣ съ инокомъ Епифаніемъ обращается Аввакумъ въ «Житіи» послѣ разсказа о спасеніи «замотая» (Старецъ да и рабъ Христовъ. Простите же меня, что я лгалъ тогда» и т. д.). Этотъ рабъ Христовъ является и послѣ разсказа о бѣшеномъ Өедорѣ.

Весьма важно и хронологическое указаніе въ этомъ предисловіи Казанскаго списка: «Вотъ вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ»; этому указанію соотвѣтствуетъ въ дальнѣйшемъ изложеніи другое, тоже встрѣчающееся только въ Казанскомъ спискѣ: «а отъ роду на шестой десятокъ идетъ».

Какъ мы сказали, Казанскій списокъ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя фактическія подробности, не встрѣчающіяся въ другихъ спискахъ: такъ, послѣ разсказа объ изгнаніи изъ Лопатицъ,

Аввакумъ сообщаетъ, что его провожали многіе прихожане (Прилож. стр. 78). Говоря о призваніи Никона на патріаршество, Аввакумъ замѣчаетъ: «царь его на патріаршество зоветъ, онъ бытто не хочетъ, мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладываютъ, какъ чему быть, и много тружався взошелъ на патріаршество Божіимъ попущеніемъ»,—вѣроятно, здѣсь подразумѣвается особенно ненавистная Аввакуму сторонница Никоновыхъ исправленій Анна Ртищева. Упоминая о своей жизни въ Москвѣ при Нероновѣ, Аввакумъ передаетъ, что «поговорилъ о братіяхъ родныхъ духовнику, и онъ ихъ вверху у царевны, а инова при себѣ жить устроилъ попомъ въ церькви», — это извѣстіе касается, конечно, тѣхъ братьевъ Аввакума, которые умерли во время моровоѓо повѣтрія. Протопопъ Даніилъ Темниковскій называется Никольскимъ («другова тамъ, Никольскаго»). Въ разсказѣ о первомъ своемъ арестѣ Аввакумъ добавляетъ эпизодъ объ исцѣленіи бѣсноватаго «брата подначальнаго изъ Хамовниковъ». Приведя пророчество Неронова о бѣдствіяхъ, грозящихъ русской землѣ, Аввакумъ прибавляетъ: «а опослѣ и самъ милой принужденъ тремя персты креститца», и затѣмъ распространяется о дѣйствіяхъ антихристова духа.

Въ повѣствованіи о Даурской ссылкѣ опущены нѣкоторыя подробности относительно помощи, оказывавшейся семейству Аввакума женой и снохой Пашкова, на зато пространнѣе сказано о походѣ отъ озера Иргеня: вмѣсто предложенія: «одинъ бѣдной горемыка-протопопъ нарту сдѣлалъ и зиму всю волочился за волокъ» (Мат. V, стр. 34),—мы находимъ слѣдующій отрывокъ, болѣе рельефно представляющій положеніе: «Одинъ бѣдной протопопъ здѣлалъ нарту и зиму всю за волокъ бродилъ. У людей собаки въ подпряшкахъ, а у меня не было; одинова лишо двухъ сыновъ, маленки еще были, Иванъ и Прокопей тащили со мною, что кобелки, за волокъ нарту. Волокъ— верстъ за сто—насилу бѣдные и перебрели; а протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила, а дочь Ографена брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея по маленку со мною тащили. И смѣхъ и горе, какъ помянутся дніе оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ даетъ, и они съѣдши опять лямку потянутъ; и кое-какъ перебилися волокъ, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба мамврійска. Не пустилъ насъ и въ засѣку Пашковъ сперва,

дондеже натѣшился, и мы недѣлю, другую мерзли подъ сосною съ робяты одны, кромѣ людей на бору, и потомъ въ засѣку пустилъ и указалъ мнѣ мѣсто. Такъ мы съ робята огородились и балаганецъ здѣлавъ, огонь курили, и какъ до воды домаялись,— весною на плотахъ поплыли на низъ по Ингодѣ рѣкѣ». При изображеніи бѣдственнаго положенія отряда Пашкова, является такое дополненіе: «и безъ битья насилу человѣкъ дышетъ, съ весны по одному мѣшку солоду дано на десять человѣкъ на все лѣто, да петь работай, никуды на промыселъ не ходи; и вербы бѣдной ущипать збродитъ, и за то палкой по лбу: не ходи, мужикъ, умри на работѣ. Шестьсотъ человѣкъ было, всѣхъ такъ то перестроилъ». Говоря о концѣ своихъ странствованій съ Пашковымъ, Аввакумъ приводитъ причину, почему онъ не поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ воеводой: «а се и самъ я убоялся съ нимъ плыть на поѣздѣ; говорилъ—здѣсь де земля не взяла, на дороге де вода у меня приберетъ; съ середи моря бы велѣлъ съ судна пехнуть, а сказалъ бы, бытто самъ ввалился».

Разсказъ о возвращеніи изъ Сибири въ Казанскомъ спискѣ заключаетъ менѣе подробностей: опущенъ эпизодъ о спасеніи замотая, опущены и нѣкоторыя вставочныя разсужденія. Повѣствованіе о «Московскомъ бытіи» тоже сокращено, такъ какъ нѣтъ разсказовъ о нѣкоторыхъ чудесахъ, да и фактическія обстоятельства въ печатныхъ изданіяхъ сообщаются полнѣе. Обстоятельства новаго ареста тоже изложены сокращеннѣе, хотя и есть нѣкоторыя черты, отсутствующія въ другихъ спискахъ; такъ, напримѣръ, о привозѣ въ Москву изъ Пафнутьева монастыря передается слѣдующее: «опять къ Москвѣ свезли томнова человѣка, посадя на старую лошадь, приставъ созади—побивай да побивай; иное вверхъ ногами лошадь въ грязи упадетъ, а я черезъ голову, и днемъ однымъ перемчали девяносто верстъ, еле живъ дотащился до Москвы». Послѣ собора сообщается о присылкѣ Дементія Башмакова на Угрѣшу, о пріѣздѣ туда царя Алексѣя Михайловича. О Ѳедорѣ юродивомъ говорится, что его отецъ богатый «мытоимецъ» изъ Новгорода. Интересны подробности объ увѣщаніяхъ послѣ собора 1667 года.

Всѣ эти фактическія отличія въ Казанскомъ текстѣ такого рода, что ихъ нельзя считать позднѣйшими дополненіями, не принадлежащими самому Аввакуму, а потому намъ представляется вѣроятнымъ предположить, что Казанскій списокъ бли-

зокъ къ первоначальному тексту «Житія», хотя съ другой стороны нѣкоторыя сокращенія, встрѣчающіяся въ немъ, могутъ вести къ предположенію, что измѣненія могли дѣлаться и самимъ Аввакумомъ, такъ что уже при немъ былъ не одинъ списокъ его «Житія» [1]).

Кромѣ фактическихъ особенностей Казанскій списокъ отличается и нѣкоторыми дополненіями чудесныхъ разсказовъ, присоединенными въ концѣ его; однако различіе въ количествѣ чудесъ могло тоже принадлежать самому Аввакуму, оно замѣчается и въ другихъ спискахъ; такъ разсказъ (Мат. I, стр. 108—110) объ исцѣленіи жены Мезенскаго воеводы, Алексѣя Цѣхановицкаго, встрѣчается только въ одномъ спискѣ, хотя по характеру изложенія не возбуждается никакихъ сомнѣній въ его принадлежности Аввакуму.

Отъ этихъ замѣчаній о спискахъ «Житія» перейдемъ къ его разбору. Уже въ самомъ началѣ видно, что оно не есть простая автобіографія, но написано съ тою цѣлью, «да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе, и слѣдовательно должно подробно раскрыть и выяснить, въ чемъ состояло это дѣло Божіе. Такимъ образомъ автобіографія становится сразу житіемъ святого, характеризующимъ его борьбу съ отступниками, работу во славу Христа. Поэтому-то уже въ предисловіи Аввакумъ обращается къ главному заблужденію никоніянъ, къ опущенію въ Символѣ вѣры слова «истиннаго», причемъ, ссылаясь на Діонисія Ареопагита, старается доказать, что «истинный» есть присносущное имя Божіе, что «истины испаденіе сущаго отверженіе есть, отъ сущаго же Богъ испасти не можетъ, и еже не быти нѣсть». Ссылка на Діонисія Ареопагита сдѣлана довольно точно: пропущено только нѣсколько словъ, не имѣющихъ важнаго значенія [2]). Отступничество никоніянъ указывается, по мнѣнію Аввакума небесными знаменіями, бывшими въ 1654 г. и 14 лѣтъ

---

[1]) Сохраняя эту формулировку, установленную нами и въ первомъ изданіи нашей книги, мы нисколько не противорѣчимъ заключеніямъ П. С. Смирнова. Принявъ, какъ мы сказали въ предыдущей главѣ, указанную имъ дату написанія «Житія» и признавая вмѣстѣ съ П. С. Смирновымъ древнѣйшимъ— списокъ Хлудовской библіотеки № 257, мы видимъ въ Казанскомъ спискѣ другую, несомнѣнно Аввакумовскую редакцію «Житія», весьма цѣнную по фактическимъ подробностямъ и близкую по времени къ первой.

[2]) Срав. Великія Четьи-Минеи, октябрь 3, столб. 399, слѣд. 562, 564.

спустя и напоминающими ему знаменіе, явившееся Діонисію Ареопагиту во время крестныхъ страданій Спасителя. Оба эти момента важны въ жизни Аввакума: въ 1653 — 1654 г. начиналось на него гоненіе Никона, онъ былъ въ Тобольскѣ, и его притѣснялъ Струна, а черезъ 14 лѣтъ его разстригли и прокляли; въ первый разъ Никонъ «казилъ вѣру и законы церковные», во второй разъ то же дѣлали соборы темныхъ властей; оба раза за преступленіями и знаменіями слѣдовали казни Божіи, въ 1654 г.—моръ, въ 1667—нестроеніе церковное. Далѣе Аввакумъ говоритъ о сугубой аллилуіи, ссылаясь на Діонисія Ареопагита и на житіе Евфросина Псковскаго, и исповѣдавъ свою вѣру, причемъ останавливается на тѣхъ вопросахъ, которые послужили поводомъ его разногласія съ дьякономъ Θедоромъ, приступаетъ къ разсказу о своей жизни. Весь этотъ большой приступъ совсѣмъ не безсмыслица, какъ полагалъ Александръ Б. [3]), и въ немъ ясно обнаруживается житійное направленіе автобіографіи.

Житійный характеръ сочиненія сказывается прежде всего въ нѣкоторыхъ внѣшнихъ чертахъ. Мы замѣчаемъ въ немъ какую-то неопредѣленность мѣста, времени и дѣйствующихъ лицъ: точныхъ хронологическихъ данныхъ почти совсѣмъ нѣтъ, Аввакумъ говоритъ какъ-то смутно: «во ино время», «по малѣ времени», различно показываетъ онъ, сколько времени былъ съ Пашковымъ, то шесть или семь лѣтъ, то десять (Мат. V, стр. 36, 51); мѣсто и лица обозначаются такъ: «переселихся *во ино мѣсто*», «инъ начальникъ». Такъ какъ жизнь Аввакума представляется имъ какъ дѣло Божіе, то происходятъ частыя уклоненія отъ нити разсказа для защиты этого дѣла Божія и мы часто встрѣчаемся съ фразами «паки на первое возратимся», «полно о семъ», послѣ которыхъ возобновляется прерванный разсказъ.

Дѣло Божіе подкрѣпляется чудесами, видѣніями и благочестивыми подвигами, о которыхъ должно быть много разсказовъ, но нельзя думать, чтобы Аввакумъ намѣренно выдумывалъ свои чудеса и явленія ему отъ Бога: онъ былъ искренно убѣжденъ, что все было такъ, какъ онъ передаетъ. Чудеса эти можно объяснять вполнѣ естественнымъ образомъ, или какъ факты дѣй-

[3]) Опис. раск. рукоп. т. I, стр. 10. Также не совсѣмъ правильно мнѣніе Александра Б., что слова Діонисія Ареопагита «безъ сомнѣнія искажены».

ствительные, но получившіе въ глазахъ Аввакума сверхъестественную окраску, или какъ результатъ галлюцинацій, которыя были весьма возможны при его аскетическихъ упражненіяхъ и при постоянномъ нервномъ возбужденіи въ борьбѣ съ врагами, или литературнымъ заимствованіемъ, конечно, косвеннымъ, т. е. скорѣе вліяніемъ житійныхъ образовъ на фантазію, стремившуюся и въ дѣйствительности найти что-либо подобное этимъ образамъ. Замѣчательно, что Аввакумъ простодушно иногда самъ даетъ ключъ къ истолкованію своихъ чудесъ, иногда прямо указываетъ на реальное обстоятельство, ихъ объясняющее, а то даже обнаруживаетъ и литературный источникъ; напр., разсказывая, какъ онъ вылѣчилъ куръ у боярыни Пашковой, онъ присовокупляетъ: «еще Козьма и Даміанъ человѣкомъ и скотомъ благодѣйствовали и цѣлили о Христѣ» (Мат. V, 42). Большая часть чудесъ весьма обыкновенна: напримѣръ, разсказы объ исцѣленіяхъ отъ болѣзней, объ изгнаніи бѣсовъ составляютъ необходимую принадлежность всякаго житія, средство прогонять бѣсовъ и лѣчить болѣзни—крестъ, священное масло—тоже не новое. Весьма многія чудеса заимствованы изъ Дѣяній и посланій апостольскихъ, напр. освобожденіе отъ оковъ, принесеніе пищи ангеломъ; нѣкоторыя чудеса имѣютъ источникъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, напр. чудесная курочка Пашковой, несущая ежедневно по 2 яичка, показывающая неистощимость пищи, можетъ быть приравнена къ чуду пророка Елисея со вдовой пророческаго ученика (II Царствъ, IV, 1—7) и т. д.

Но не столько важно то или другое объясненіе чудесъ, сколько взглядъ на нихъ самого Аввакума, опредѣленіе ихъ внутренняго смысла, насколько они выражаютъ тѣ или иныя воззрѣнія Аввакума. Сообщая въ изобиліи о своихъ чудесахъ и ожидая упрека въ нескромности, Аввакумъ оправдывается примѣромъ Павла и Варнавы, которые на соборѣ въ Іерусалимѣ разсказывали передъ всѣми, «елика сотвори Богъ знаменія и чудеса во языцѣхъ съ ними». Надо возвѣщать о чудесахъ не во славу себѣ, а для прославленія Божія. «Пускаії рабъ Христовъ веселится чтучи». Никогда не слѣдуетъ забывать, что чудеса творятся силою Божіею: «надо помнить сіе не насъ ради, не намъ, но имени Своему славу Господь даетъ». Ради этого при чудесахъ не слѣдуетъ возноситься гордостью: «Іуда былъ тоже чудотворецъ, но сребролюбія ради ко діяволу попалъ. И самъ діаволъ на небѣ былъ,

да высокоумія ради сверженъ бысть. Адамъ былъ въ раю, да сластолюбія ради изгнанъ бысть» (Мат. V, 111). Чудеса творитъ Богъ и черезъ недостойныхъ: «Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ, и при Іуліанѣ мученикѣ — рысью, и при Сисиніи — оленемъ; говорили человѣческимъ гласомъ... Чти житіе Өедора Едесскаго, тамо обрящеши, и блудница мертваго воскресила» (37). Какъ явное свидѣтельство въ пользу Божія дѣла, разсказы о чудесахъ составляютъ особенность всѣхъ житій раскольническихъ: о своихъ чудесахъ повѣствуютъ и Өедоръ діаконъ, и инокъ Епифаній, о чудесахъ Неронова много разсказывается въ его біографіи, написанной Өеоктистомъ, Златоустовскимъ игуменомъ.

Общій смыслъ всѣхъ чудесъ — проявленіе Божіей справедливости: Богъ стоитъ всегда за правыхъ и не даетъ ихъ въ обиду. Какой-то начальникъ сталъ притѣснять Аввакума, покушался даже на его жизнь, стрѣлялъ изъ пищалей, но «Божіею волею на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрѣлила», и это повторилось два раза. Когда Еремѣй, сынъ Пашкова, сталъ заступаться за Аввакума, воевода выстрѣлилъ въ сына три раза, но все была осѣчка, онъ кинулъ пистоль, казакъ выстрѣлилъ и осѣчки не было (Мат. V, 47). За обиду праведника Богъ строго караетъ. Начальникъ въ Лопатицахъ, послѣ одного нападенія на Аввакума, вдругъ сильно заболѣлъ, и за помощью пришлось обращаться къ тому же Аввакуму: «Воля Божія» смирила притѣснителя, заставила кланяться угнетенному,— «болше у Христа-тово остра шелепуга-та» (Ibid. 14 — 15). Дощеникъ Пашкова послѣ наказанія Аввакума кнутомъ не могъ тронуться съ мѣста, пока Пашковъ не раскаялся въ своей несправедливости.

Особенно угодна Богу твердость въ вѣрѣ древле-православной: у Өедора юродиваго разсыпаются «желѣза», Аввакуму ангелъ приноситъ въ Андроньевомъ монастырѣ пищу. Характеренъ разсказъ, показывающій, что Богъ для того только, чтобы утолить жажду праведника, совершаетъ великія чудеса: «Егда въ Даурахъ я былъ», говоритъ Аввакумъ, «на рыбной промыслъ къ дѣтямъ по льду зимою по озеру бѣжалъ на безлукахъ: тамъ снѣгу не живетъ,— морозы велики живутъ и льды толсты намерзаютъ,— близко человѣка толщины. Пить мнѣ захотѣлось и, гораздо отъ жажды томимъ, итти не могу. Среди озера стало: воды добыть нельзя, озеро верстъ 8. Сталъ, на небо взирая, го-

ворить: Господи, источивый ис камени въ пустынѣ людемъ воду, жаждущему Израилю, тогда и днесь Ты еси, напой мене ими же вѣси судьбами, Владыко Боже мой! Охъ, горе! не знаю, какъ молвить! Простите Господа ради! Кто есмь азъ? Умерый песъ! Затрещалъ ледъ предо мною и разступися чрезъ все озеро сюду и сюду и паки снидеся: гора велика льду стала! И дондеже уряженіе бысть, азъ стахъ на обычномъ мѣстѣ, и на востокъ зря поклонихся дважды или трижды, призывая имя Господне краткими глаголы изъ глубины сердца. Оставилъ мнѣ Богъ пролубку маленьку, и я, падше, насытился. И плачу, и радуюся, благодаря Бога. Потомъ и пролубка сдвинулася, и я, возставъ, поклоняся Господеви, и паки побѣжалъ по лду, куды мнѣ надобе къ дѣтямъ» (Ibid. 112).

Богъ ободряетъ вѣрныхъ своихъ слугъ въ ихъ борьбѣ за благочестіе, Онъ прославляетъ ихъ, черезъ другихъ людей возвѣщаетъ о ихъ правотѣ и о чести, которой они удостаиваются на небесахъ. Аввакумъ неоднократно получалъ чудесныя подтвержденія своей правоты при защитѣ старыхъ обрядовъ. Дочери его Аграфенѣ какой-то «свѣтленекъ» говорилъ въ Дауріи, чтобы онъ не покидалъ «правила», какъ выѣдетъ на Русь. Служанка Аввакума, кумычка Анна (вѣроятно, она и была черница-татарка, о которой упоминалось выше, на стр. 131) заснула на три дня, и во снѣ ей показали ангелы какія-то чудесныя палаты Аввакума. Жена Мезенскаго воеводы, совращенная Аввакумомъ въ расколъ, говорила ему, что ей показано Богомъ, что «худы затѣи новыя и мрачны зѣло», ихъ сторонникамъ «уготовано у Христа» что-то страшное, а его, т. е. Аввакума, «слушаетъ и любитъ Богъ».

Черезъ вѣрныхъ своихъ слугъ Богъ оказываетъ благодѣянія и другимъ людямъ: такъ напримѣръ, Пашкову былъ посланъ урожай, когда онъ послушался совѣтовъ Аввакума.

Награждая за добрыя дѣла, за исповѣданіе правой вѣры, Богъ не терпитъ нарушенія своихъ заповѣдей и караетъ преступниковъ. Но передъ казнью Онъ посылаетъ разныя знаменія, чтобы злые люди образумились; такъ, были знаменія предъ началомъ церковнаго нестроенія; являлись знаменія предъ несчастнымъ походомъ Еремѣя Пашкова за шаманское гаданье: «лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы тутъ возревѣли, и овцы и козы заблѣяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, за-

выли: ужасъ на всѣхъ напалъ» (Мат. V, 46). Наказанія Божіи бываютъ весьма различны. Еремѣй Пашковъ за суевѣрное гаданіе потерпѣлъ неудачу въ походѣ, невѣстка Пашкова за обращеніе къ знахарю поплатилась усиленіемъ болѣзни ребенка. Строже всего наказывается нарушеніе церковныхъ правилъ, иногда чисто-мелочныхъ внѣшнихъ предписаній благочестія, за работу въ праздникъ, за лѣнь въ молитвѣ и т. д. За подобныя нарушенія закона насылаются на человѣка бѣсы. Бѣсы насылались на самого Аввакума: разъ за то, что онъ промѣнялъ на лошадь книгу, данную ему Стефаномъ Вонифатьевымъ, въ другой разъ за никоніянскую просвиру. Одинъ бѣшеный былъ наказанъ за то, что соблудилъ съ женою въ праздникъ. Служанка Анна подверглась мукамъ отъ бѣсовъ, влюбившись въ своего прежняго господина.

Такъ какъ всѣ наказанія, въ томъ числѣ и бѣсы, посылаются Богомъ за наши грѣхи, то необходимо покаяніе, которое имѣетъ великую силу, такъ какъ «не сегодни кающихся есть Богъ» (Ibid. 44). Общее наставленіе о дѣйствіяхъ противъ бѣса такое: «боится бѣсъ креста Христова, да воды святыя, да священнаго масла, а совершенно бѣжитъ отъ тѣла Христова» (38). Лицо, желающее бороться съ бѣсами, должно отличаться нравственной чистотой,—иначе бѣсы его не послушаютъ, какъ было съ Аввакумомъ послѣ того, какъ онъ побилъ свою жену и «домочадицу» Фотинью (98—100).

Такимъ образомъ разсказы Аввакума о чудесахъ имѣетъ важное значеніе для характеристики его міросозерцанія. Обратимся теперь къ фактической сторонѣ «Житія», которое заключаетъ обильный матеріалъ не только для біографіи самого Аввакума, но и для характеристики цѣлой эпохи, ея выдающихся дѣятелей; конечно, матеріалъ односторонній, пристрастный и потому требующій крайне осторожнаго отношенія; но этотъ недостатокъ объективности помогаетъ намъ узнать взгляды Аввакума на тѣ или другія событія и лица, и этимъ намъ болѣе уясняется его личность.

Посмотримъ прежде всего, какимъ представляетъ Аввакумъ самого себя. Онъ повсюду является помощникомъ угнетенныхъ и слабыхъ, защитникомъ ихъ противъ сильныхъ притѣснителей: таковъ онъ еще въ селѣ, когда возстаетъ противъ начальника, отнявшаго дочь у вдовы (12); таковъ онъ въ Тобольскѣ, гдѣ

защищаетъ отъ Струны дьячка Антона; въ Дауріи онъ заступается за старухъ, которыхъ самодурствующій воевода хочетъ выдать замужъ, стоитъ на сторонѣ казаковъ, съ которыми Пашковъ поступаетъ жестоко и которые терпятъ страшную нужду. За все это его преслѣдуютъ разные начальники: одинъ «у руки огрызъ персты, яко песъ, зубами», другой стрѣляетъ въ него изъ пищали, въ Тобольскѣ его хотятъ утопить, Пашковъ мучитъ его такъ, что онъ иногда доходитъ до отчаянія и ропщетъ на Бога (Ibid. 30). Аввакума «тѣшатъ» тѣ рѣчи изъ священнаго писанія, гдѣ заповѣдуется неослабное страданіе; онъ переноситъ всѣ преслѣдованія съ непоколебимой твердостью: «сила Божія возбраняетъ» ему просить у Пашкова снисхожденія. Старается онъ побѣждать своихъ гонителей кротостью и смиреніемъ: на ругательства одного отвѣчаетъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!»—другого вылѣчиваетъ отъ болѣзни, даже Пашкова онъ смягчаетъ кротостью,-и тотъ говоритъ: «спаси Богъ! отечески творишъ,—нашево зла не помнишь»; люди, которыхъ онъ вывезъ изъ Сибири, были его враги. Однако иногда онъ дѣйствуетъ и сурово: ломаетъ домры и хари у скомороховъ, отказывается итти къ снохѣ Пашкова помочь ея ребенку, проситъ у Бога неудачи Еремею въ походѣ, бьетъ свою жену и домочадицу, «стегаетъ» Струну. Правда, иногда онъ спохватывается и кается въ такихъ дѣйствіяхъ: жену и Фотинью онъ умоляетъ о наказаніи за то, что ихъ оскорбилъ; вспоминая о молитвѣ противъ Еремея, онъ восклицаетъ: «Охъ души моей, тогда горко, и нынѣ не сладко! Пастырь худой погубилъ своя овцы, отъ горести забылъ реченное во Евангеліи, егда Зеведеевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали и т. д. (45). Особенно сильно проявляется энергія Аввакума въ борьбѣ съ никоніянами, отъ старой вѣры его не могутъ отвратить ни мученія, ни заманчивыя обѣщанія въ родѣ «духовничества»; онъ неутомимый пропагандистъ: повсюду, куда онъ ни является,—въ Тобольскѣ, въ Москвѣ, на Мезени—онъ распространяетъ расколъ, «запустошаетъ» никоніянскія церкви. Весьма рѣдки случаи его слабости въ этомъ отношеніи,—но здѣсь его спасаютъ чудесныя видѣнія.

Несмотря на всю строгость нравственныхъ правилъ, иногда Аввакуму самому случается впасть въ искушеніе. Онъ разсказываетъ слѣдующій случай: когда онъ еще служилъ въ селѣ, къ нему пришла на исповѣдь дѣвица, «многими грѣхми обре-

менена, блудному дѣлу и малакіи всякой повинна». Исповѣдуя ее, онъ почувствовалъ соблазнъ, «внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ». Но онъ употребилъ весьма сильное средство: «въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою, и возложилъ руку на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ угасло злое разженіе». Этотъ случай близко подходитъ къ разсказу, помѣщенному въ Прологѣ, подъ 27 декабря, какъ къ нѣкоему старцу пришла блудница, и онъ, почувствовавъ разженіе, сжегъ свои пальцы. Трудно опредѣлить въ виду такого сходства, является ли разсказъ Аввакума простымъ литературнымъ заимствованіемъ, или съ нимъ былъ дѣйствительно такой случай, и онъ подражалъ древнему старцу въ средствѣ умиренія блудной похоти.

Аввакуму приходилось въ его бурной и разнообразной приключеніями жизни сталкиваться со многими лицами, и въ «Житіи» передъ нами выступаетъ длинный рядъ историческихъ дѣятелей. Конечно, всѣ симпатіи Аввакума на сторонѣ защитниковъ старины, которые исполнены огненной ревности и которымъ покровительствуетъ самъ Богъ, какъ это видно изъ всякихъ чудесъ, какъ напр. чуда съ рубашкой протопопа Логгина Муромскаго, съ урѣзаніемъ и чудеснымъ исцѣленіемъ языковъ Пустозерскихъ расколоучителей. Напротивъ, въ самыхъ мрачныхъ краскахъ представляются ихъ утѣснители, патріархъ Никонъ и духовныя власти русскія и греческія. Благодаря имъ, Россія уподобляется Персидѣ, въ которой мучили христіанъ. «Чюдо! какъ то въ познаніе не хотятъ пріитти! восклицаетъ Аввакумъ,— огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостоли научили такъ?—Не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, ежебы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить... Волею зоветъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жжечь и на висѣлицахъ вѣшать. Татарскій богъ Махметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ ихъ главы мечемъ подклонити. А нашъ Христосъ ученикамъ своимъ никогда такъ не повелѣлъ. И тѣ учители явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ, по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же» (88). Это никоніянское мучительство не должно устрашать правовѣрныхъ, и Аввакумъ призываетъ своихъ послѣдователей къ открытому исповѣданію старой вѣры: «вотъ тебѣ

царство небесное дома родилось! Богъ благословитъ, мучься за сложеніе перстъ, не разсуждай много!»

Призывъ къ смерти и страданіямъ, къ постоянной открытой борьбѣ противъ Никоновыхъ новшествъ вдохновлялъ многихъ, и въ «Житіи» Аввакумъ выводитъ нѣкоторыхъ своихъ учениковъ, смѣло обличавшихъ исправленіе и не останавливавшихся ни передъ чѣмъ: такой ревностью «по Христѣ» отличались боярыня Морозова, княгиня Урусова, Марья Данилова и др. Особый разрядъ обличителей представляютъ собою юродивые, которые, пользуясь огромнымъ вліяніемъ на народъ, могли нисколько не стѣсняться въ своихъ противоцерковныхъ дѣйствіяхъ. Таковъ былъ юродивый Ѳедоръ, объ отношеніяхъ котораго къ Аввакуму намъ не разъ приходилось говорить; онъ даже самого Аввакума иногда побуждалъ къ дѣятельности: «зѣло у него во Христа горяча была вѣра!—говорилъ Аввакумъ,—всяко тщится раззорити и обличити неправду». «Хорошъ» былъ, по отзыву Аввакума, и юродивый Аѳанасій, но этотъ былъ «Ѳедора» посмирнѣе и въ подвигѣ малехнее покороче».

За борьбой старой и новой партіи внимательно слѣдило все русское общество, болѣе сочувствовавшее, по показаніямъ Аввакума, старолюбцамъ. Царь Алексѣй Михайловичъ, человѣкъ мягкій до крайности, добрый, благочестивый, не рѣшается окончательно порвать связь со старыми преданіями и является заступникомъ ревнителей старины: онъ проситъ Никона не стричь Аввакума; когда послѣдній возвращается изъ Дауріи, онъ принимаетъ его очень милостиво, проситъ его благословенія, даже послѣ собора 1666—1667 гг. царь соболѣзнуетъ Аввакуму и прилагаетъ много стараній къ его увѣщанію, отношенія царя къ Аввакуму отличаются даже какою-то сентиментальностью, и тѣ мѣры, которыя царь принимаетъ противъ раскольниковъ, объясняются такъ же, какъ это дѣлается Аввакумомъ въ другихъ его сочиненіяхъ, дѣйствіемъ «лестчаго духа», проводниками котораго представляются Никонъ и другія духовныя власти. Одинаково съ царемъ относятся къ раскольникамъ и бояре: «всѣ бояре-те до насъ добры», они даютъ Аввакуму денегъ, просятъ постоянно вслѣдъ за царемъ благословенія протопопа, принимаютъ его «яко ангела», но и они не въ силахъ противиться до конца «лестчему духу». Не всегда сочувствіе бояръ истекаетъ изъ подражанія царю, среди нихъ есть тайные и явные рас-

кольники: князь Хилковъ въ Тобольскѣ плачетъ, когда Аввакумъ разсказываетъ ему о своемъ видѣніи; кн. Воротынскій приходитъ къ окну темницы Аввакума въ Угрѣшскомъ монастырѣ, князя Ивана Хованскаго бьютъ батожьемъ за пристрастіе къ старинѣ.

Въ сочувствіи царя и бояръ раскольникамъ сказывается отчасти и вліяніе терема, женской половины русскаго общества. Женщины у Аввакума вообще отличаются большею религіозностью и чувствительностью, чѣмъ мужчины, онѣ всегда являются заступницами сторонниковъ древняго благочестія, страданія которыхъ вызываютъ ихъ умиленіе. Аввакумъ постоянно находитъ поддержку въ женщинахъ: ему покровительствуютъ жена и невѣстка воеводы Пашкова, отношенія къ нему Цѣхановицкой доходятъ до высокой степени религіознаго экстаза, въ Москвѣ у него цѣлая большая группа ревностныхъ учениць изъ высшаго класса, во главѣ которыхъ стоитъ Морозова; его вліяніе проникаетъ въ теремъ царицы Марьи Ильиничны, такъ что у царя съ царицей происходитъ великое нестроеніе, когда Аввакума разстригаютъ.

Такими красками рисуются у Аввакума участники религіознонаціональнаго движенія, совершавшагося у насъ въ половинѣ XVII вѣка. Какъ отдѣльный эпизодъ, не имѣющій тѣсной связи съ этимъ движеніемъ, является въ «Житіи» экспедиція Пашкова. Воевода изображается жестокимъ самодуромъ, его отношенія къ казакамъ и къ Аввакуму какимъ-то безтолковымъ и безцѣльнымъ притѣснительствомъ. Съ Аввакумомъ онъ обращается чисто по-звѣрски: «Пашковъ же, возведя очи свои на меня,—слово въ слово, что медвѣдь морской бѣлой, жива бы меня проглотилъ»; онъ ищетъ гибели протопопа, даже уѣзжая на Русь и разставаясь съ нимъ. Но и его беретъ иногда раскаяніе: такъ, когда его дощеникъ остановился на порогѣ Падунѣ, онъ «сѣлъ на стулъ, шпагою подперся, задумался и плакать сталъ, а самъ говоритъ: согрѣшилъ окоянной,—пролилъ кровь неповинну, напрасно протопопа билъ: за то меня наказуетъ Богъ». Однако, говоря о разставаніи съ Пашковымъ, Аввакумъ нѣсколько смягчаетъ мрачную картину отношеній воеводы такимъ замѣчаніемъ: «Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я его,—не знаю: Богъ разберетъ въ день вѣка». Съ большой благодарностью Аввакумъ вспоминаетъ о своихъ покровительницахъ-боярыняхъ, женѣ и

снохѣ Пашкова, о Еремѣѣ, своемъ «тайномъ другѣ», съ особенной похвалой отзываясь между прочимъ о почтительныхъ отношеніяхъ Еремѣя къ отцу. Ярко изображается бѣдственное положеніе казаковъ и отъ притѣсненій Пашкова, и отъ недостатка пищи, и отъ разныхъ климатическихъ условій. Въ разсказѣ о сибирскихъ скитаніяхъ мы находимъ два весьма художественныхъ описанія природы: одно мы уже приводили (стр. 73), въ другомъ изображается озеро Байкалъ: «Егда къ берегу пристали, востала буря вѣтренная, и на берегу на силу мѣсто обрѣли отъ волнъ. Около ево горы высокія, утесы каменные и зѣло высокіе,— 20,000 верстъ и больши волочился, а не видалъ такихъ нигдѣ! Наверху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, ограда каменная и дворы,—все богодѣланно. Лукъ на нихъ растетъ и чеснокъ,—больши романовскаго луковицы, и слатокъ зѣло. Тамъ же растутъ и конопли богорасленные, а во дворахъ — травы красныя и цвѣты благовонны гораздо. Птицъ зѣло много, гусей и лебедей, — по морю яко снѣгъ плаваетъ. Рыба въ немъ—осетры и таймени, стерледи, и омули, и сиги, и прочихъ родовъ много. Вода прѣсная, а нерпы и зайды великія въ немъ: во окіанѣ морѣ большомъ, живучи на Мезени, такихъ не видалъ. А рыбы зѣло густо въ немъ; осетры и таймени жирны гораздо,— нельзя жарить на сковородѣ: жиръ все будетъ».

Кромѣ автобіографическаго повѣствованія и разсказовъ о чудесахъ, «Житіе» заключаетъ въ себѣ не мало отступленій полемическаго свойства, которыми тоже должно поддерживаться «дѣло Божіе», составляющее главную цѣль сочиненія. Эти полемеческія выходки по существу не представляютъ отличія отъ тѣхъ нападокъ на никоніянъ, съ которыми мы встрѣчались въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума: никоніяне обличаются за мучительство, за стремленіе къ новшествамъ, каковы бы они ни были, «лише бы не по старому». Указывали мы и на наставленіе о безпоповскомъ чинѣ причащенія. Этотъ обзоръ содержанія «Житія» приводитъ насъ къ заключенію, что считать его сочиненіемъ историческимъ нельзя: по самой своей основѣ, какъ защита «Божія дѣла», какъ «книга живота вѣчнаго» (см. Прилож.), оно является сочиненіемъ поучительно-полемическимъ, причемъ автобіографическій матеріалъ играетъ въ немъ служебную роль доказательства правоты дѣла старолюбцевъ. По своему стилю «Житіе» отличается тѣми же особенностями реализма и «просторѣчія», которыя видны въ другихъ сочиненіяхъ Аввакума.

Учительство продолжалось до послѣднихъ дней его жизни, а по указаннымъ нами ранѣе хронологическимъ соображеніямъ, ко второй половинѣ его жизни въ Пустозерскѣ относятся посланія къ Симеону (онъ же и Сергій игуменъ), къ Исидору, Борису и къ другимъ лицамъ, около нихъ группировавшимся, какъ это видно изъ посланій. Главный предметъ этихъ сочиненій страданія за вѣру, въ особенности же самосожженіе; кромѣ того во многихъ изъ этихъ посланій затрогиваются разные практическіе вопросы, возникавшіе въ средѣ послѣдователей Аввакума и зависѣвшіе отъ основного вопроса раскольнической доктрины, того затрудненія, которое истекало изъ невозможности устроиться со священствомъ и таинствами: безпоповство еще не достаточно развилось, какъ теорія, а между тѣмъ нарождались вопросы, естественные при отсутствіи законной іерархіи, такіе, которые впослѣдствіи должны были вести къ дробленію раскола на всяческіе толки: таковъ былъ, напримѣръ, вопросъ о бракѣ.

Посланія къ Симеону изданы Н. И. Субботинымъ по списку библіотеки митр. Макарія, № 34, причемъ къ первому и ко второму изъ нихъ приведены варіанты по рукоп. Хлудовской № 257; отрывокъ перваго посланія, пропущенный въ текстѣ «Матеріаловъ», печатается нами въ «Приложеніяхъ», № 29. Какъ мы уже говорили выше, порядокъ посланій долженъ быть измѣненъ: первое по счету г. Субботина слѣдуетъ признать послѣднимъ,— и въ этомъ порядкѣ мы будемъ ихъ разсматривать.

Первое посланіе написано Аввакумомъ по поводу дошедшихъ до него извѣстій о казни Паисія, патр. Александрійскаго и о бѣгствѣ въ Грузію Макарія, патр. Антіохійскаго. Слухъ о бѣдствіяхъ, постигшихъ этихъ архипастырей, которые своимъ авторитетомъ утвердили Никоновы преобразованія, а потому въ глазахъ Аввакума уподобились Пилату и Каіафѣ, вызываетъ радостное замѣчаніе Аввакума: «правилнѣ варваръ надъ ними творитъ. Яко Тиверій древле Пилата и Каіяфу, первыхъ распинателей, а нынѣ Салтанъ Мегметовичъ. Подай, Господи». Вмѣстѣ съ этимъ возбуждается надежда на торжество старолюбцевъ: «Еще надѣюся Тита втораго Іусписіяновича на весь новый Іорусалимъ, идѣже течетъ Истра рѣка, и съ пригородкомъ, въ немже Неглинна течетъ. Чаю, подвигнетъ Богъ того же турка на отмщеніе кровей мученическихъ». Однако эта надежда, пожалуй, представляется слишкомъ мало осуществимой, а потому Аввакумъ

больше говорить о торжествѣ загробномъ, рисуя картину казни царя Максиміана (подъ которымъ, какъ мы указывали, можно подразумѣвать царя Алексѣя Михайловича), а своихъ послѣдователей призываетъ къ терпѣнію и къ неослабному стоянію за вѣру. При этомъ онъ распространяется объ огненной смерти: «А хотя и бить станутъ, или жечь: ино и слава Господу Богу о семъ. Достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея. На се бо изыдохомъ ис чрева матери своея. На что лучше сего? с мученики в чинъ, со апостолы въ полкъ, со святители в ликъ, побѣдный вѣнецъ, сообщникъ Христу... А во огнѣ-то здѣсь неболшое время потерпѣть,—аки окомъ мгнуть, такъ душа и выступитъ! Развѣ тебѣ не разумно? Боисься пещи-той? Дерзай, плюнь на нея, небось! До пещи страхъ-отъ; а егда въ нея вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и видишь Христа и ангельскія силы съ нимъ, емлютъ души-тѣ отъ тѣлесъ, а Онъ-надежа и благословляетъ и силу ей подаетъ божественную, не уже къ тому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы лѣтаетъ, ровно яко птичка попархиваетъ,—рада ис темницы-той вылетѣла».

Въ приведенныхъ словахъ восхваляется, поэтизируется огненная смерть, есть призывъ къ страданію, но нѣтъ никакого указанія на самосожженіе, такъ какъ огненная казнь есть дѣло никоніянъ. Такой же призывъ къ страданіямъ, но не къ самосожженію заключается во второмъ посланіи (по счету г. Субботина третьемъ). Никоніяне, говоритъ Аввакумъ, «кормятъ, кормятъ да въ лобъ палкой, да и на огонь жарить!» Этой смерти не слѣдуетъ бояться, а напротивъ должно «дерзать всенадежнымъ упованіемъ. Таки размахавъ, да и въ пламя! На вось, діяволъ, еже мое тѣло; до души моей дѣла тебѣ нѣтъ!» Сопоставленіе этихъ отдѣльныхъ мѣстъ посланія не позволяетъ прямо относить ихъ къ самосожженію. Не такъ представляется дѣло въ первомъ (по нашему въ третьемъ) посланіи къ Симеону: здѣсь уже мы встрѣчаемся съ опредѣленно выраженнымъ одобреніемъ самосожигательства. Изложивъ по своему исторію Никонова мучительства и похваливъ «Христовыхъ исповѣдниковъ» [4]), Аввакумъ гово-

[4]) Слово въ слово яко комары или мушицы. Елико ихъ болши подавляютъ, тогда болши пищатъ и въ глаза лѣзутъ: такъ и русаки бѣдныя, пускай глупы, рады мучителя дождались,—полками в огонь дерзаютъ за Христа Сына Божія-Свѣта. Мудры блядины дѣти греки, да с варваромъ турскимъ с одново блюда патріархи кушаютъ раѳленые курки.

ритъ о Нижегородскихъ самосожженіяхъ [5]): «овыхъ еретики пожигаютъ, а иніи распалшеся любовію и плакавъ о благовѣріи, не дождався еретическаго осужденія сами во огнь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣріе, и сожегше своя тѣлеса, душа же в руцѣ Божіи предавше, ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самоволныя мученики, Христовы рабы. Вѣчная имъ память во вѣки вѣкомъ. Добро дѣло содѣяли, чадо Симеоне,—надобно такъ! Разсуждали мы между собою и блажимъ кончину ихъ». Этотъ отрывокъ, съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ подробностей повторяется въ «Посланіи къ нѣкоему брату» (Мат. VIII, стр. 67—81) и въ «Посланіи къ Сергію» (Приложенія, № 11).

По всей вѣроятности, приведенныя слова явились въ качествѣ отвѣта на вопросъ, предложенный Симеономъ (иначе Сергіемъ). Вопросъ этотъ, какъ видно изъ «Отразительнаго писанія» старца Евфросина, былъ поставленъ такъ, что дѣйствительная причина самосожженія была скрыта отъ Аввакума. «Сергій, говоритъ Ефросинъ, видя бѣду и нелѣпоту в самосожигателехъ і бесчиние и нестроение слыша, зазрѣ самъ себѣ и раскаяся рекъ: азъ де виновенъ вопросомъ своимь протопопову отвѣту,. слишкомъ возвѣстихъ бѣду и не такъ сказаль есми, что сами самоволно збираются и бѣду на себя накликають; но повѣдахъ, яко изъ рукъ мучительскихъ урываются и сожигаются» [6]). Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ упоминалось о смерти мученицы Домнины съ двумя дочерьми и Софроніи, что и находимъ въ посланіяхъ «къ нѣкоему брату» и къ Сергію. Въ виду этого послѣдняго обстоятельства, остановимся сперва на составѣ этихъ посланій, чтобы опредѣлить ихъ достовѣрность, такъ какъ изъ того же «Отразительнаго писанія» извѣстно, что были распространены многія поддѣлки Аввакумовыхъ сочиненій; нѣкій инокъ Іосифъ говорилъ: «егда гдѣ увидите какое писмо, надписание имый протопопа Аввакума, не вѣрте де тому: много де в тѣхъ писмахъ прелести; мнѣ, рече, не одинъ уже братъ покаялся: азъ де многихъ прелщаль, сложа писмо самъ, какъ знаю, и подписаль Аввакумово имя и нося прочитахъ и многу корысть собрахъ» (стр. 89).

---

[5]) Записано нижегородскимъ лѣтописцемъ подъ 1672 г. См. П. С. Смирновъ. Происхожденіе самоистребленія въ русскомъ расколѣ, стр. 5.

[6]) Отразительное писаніе, стр. 110.

«Посланіе къ нѣкоему Сергію» состоитъ изъ отрывковъ «Толкованій на псалмы», «Книги на крестоборную ересь», «посланій къ Симеону» и въ одномъ отрывкѣ представляетъ сокращеніе «Посланія къ нѣкоему брату»: при этомъ отрывки соединены совсѣмъ механически, такъ что сразу бросается въ глаза поддѣлка, какъ это указалъ П. С. Смирновъ. Однако почти то же самое можно сказать и относительно «посланія къ нѣкоему брату», въ немъ также замѣтна склейка изъ разныхъ сочиненій Аввакума: такъ, въ него вставлена статья «О сложеніи перстъ», есть повторенія, послѣ статьи «о сложеніи перстъ» мы находимъ заглавіе «Того же свидѣтельство о жертвѣ», показывающее, что въ такомъ видѣ «посланіе» не могло выйти непосредственно изъ-подъ пера Аввакума. Сравнивая общія мѣста двухъ посланій, мы иногда должны отдать предпочтеніе тексту посланія къ Сергію: напр. «зналъ я покойника Дементіяна» болѣе умѣстно (если предположить, что «посланіе къ нѣкоему брату» отправлялось къ Сибирь), чѣмъ «зналъ я нѣкоего Доментіяна священника»; «Григорій Нероновичъ писалъ» лучше чѣмъ «Григорію Неронову писалъ» (неизвѣстно, кто). Такимъ образомъ намъ кажется возможнымъ признать оба посланія поддѣлкой, составленной изъ подлинныхъ сочиненій Аввакума, причемъ однако въ «посланіи къ нѣкоему брату» заключается отрывокъ такого сочиненія, которое до насъ нé дошло и которое было отправлено въ отвѣтъ на запросъ Сибирскихъ старолюбцевъ, присылавшихъ послѣ самосожженія Дометіана своихъ представителей въ Пустозерскъ [7]).

Возвращаясь къ отвѣту, данному Аввакумомъ на запросъ Симеона-Сергія, мы въ немъ видимъ, какъ мотивъ самосожженія, стремленіе «цѣло и непрочно соблюсти правовѣріе», предупредить «еретическое осужденіе», такъ что Аввакумъ одобрилъ самосожженіе, какъ средство не даться въ руки еретикамъ, на что именно и указывалъ въ своихъ вопросахъ Сергій, скрывъ дѣйствительныя побужденія сторонниковъ «самоубійственныхъ смертей». Отсюда мы заключаемъ, сопоставляя приведенныя ранѣе замѣчанія Аввакума о самосожженіи съ отвѣтомъ Симеону-Сергію, что ученіе о необходимости самоистребленія, какъ оно вы-

---

[7]) Отразит. писаніе, 19. Такой же поддѣлкой, какъ и эти сочиненія, слѣдуетъ считать печатаемое нами въ Приложеніяхъ «Посланіе къ вѣрнымъ объ антихристѣ», составленное изъ посланія дьякона Θедора и отрывка Аввакумовскаго посланія и приписанное въ рукописи Аввакуму.

разилось въ тѣхъ толкахъ, противъ которыхъ писалъ старецъ Евфросинъ, въ сочиненіяхъ Аввакума прямого своего подтвержденія не находитъ, хотя на нихъ и ссылались такіе пропагандисты самосожженія, какъ Сергій и Поликарпъ.

Еще одна подробность въ отвѣтѣ Симеону заслуживаетъ вниманія: Аввакумъ пишетъ: «разсуждали между собою», но какъ указалъ П. С. Смирновъ, разсужденіе могло быть только съ инокомъ Епифаніемъ, такъ какъ съ діакономъ Ѳедоромъ Аввакумъ въ это время былъ въ ссорѣ, а совѣщанія съ Лазаремъ не было, какъ объ этомъ, по словамъ Евфросина, сообщала впослѣдствіи вдова Лазаря [8]).

Въ «Посланіи къ нѣкоему брату», кромѣ указанныхъ подробностей, представляется любопытнымъ опроверженіе ученія о духовномъ приходѣ Иліи и Еноха предъ наступленіемъ антихристова царства; это ученіе распространялъ инокъ Трифилій, пользовавшійся, по показанію «Винограда Россійскаго», славою «провидца» [9]) и ссылавшійся на какое-то странное видѣніе: «я де су былъ на небѣ, мнѣ показано, и ангелъ ко мнѣ приходитъ всегда и возвѣщаетъ Божіе хотѣніе». Смѣясь надъ разсказами Трифилія, Аввакумъ вспоминаетъ и о своихъ видѣніяхъ и указываетъ по отношенію къ нимъ такой критерій: «У насъ и самѣхъ много того живетъ. Держатися подобаетъ писанныхъ. Есть иное и отъ Бога живетъ, и то бываетъ за малодушіе мое. Я въ то не уповаю; но вѣрую по писаніихъ, а за то Богу поклоняюся, яко подтверждаетъ мя. И то поразумѣвъ, егда сходно съ писаніемъ, и въ себѣ измѣрю вину тому дѣлу, коея ради вины случится вещь та быть. И часто бывало,—во время молитвы окружитъ мя духъ, и распространится умъ, и радости неизглаголанныя исполнится сердце, да и минется. И азъ поклонюся; а опослѣ поразумѣю, ано моего ради малодушія се бысть, егда о чемъ опечалюся, или чрезмѣрно разсуждаю что, и Богъ удержитъ мя отъ безумія моего. А егда что сблужу, тогда мнѣ и наказаніе живетъ: духъ томитъ мя,—еле отдохну». Все это возраженіе противъ Трефилія, конечно, не имѣетъ связи съ вопросомъ о самоистребленіи и является еще однимъ признакомъ спайки посланія изъ разныхъ элементовъ.

---

[8]) Смирновъ. Происх. самоистреб. 21—23. Отразит. пис. 19.

[9]) Хр. Чт. 1897, іюнь, 878—879. Смирновъ. Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в. стр. LIII—LV.

«Посланія къ Исидору съ братіей» (Мат. VIII, 100—102, 102—106) касаются двухъ сравнительно мелкихъ вопросовъ, возникавшихъ за это время среди «старолюбцевъ», о томъ, какъ рѣзать скотъ, вопроса о единогласномъ пѣніи, и двухъ весьма существенныхъ предметовъ доктрины и быта раскольническаго, брака и моленія за царя. По первому вопросу, т. е. относительно брака, Аввакумъ рѣшительно возстаетъ противъ тѣхъ людей, которые отрицали бракъ, не признавая его возможности въ антихристовомъ царствѣ, законности его совершенія новопоставленнымъ попомъ. Этихъ отрицателей брака Аввакумъ называетъ суесловцами, говоритъ, что они «учатъ жить посодомски или заводятъ кваковскую ересь», и разрѣшаетъ дѣло такимъ образомъ: «А обвѣнчалъ гдѣ ни буди православно, оно и добро: коли ужъ нужа стала, изба по нужѣ церковь. Не стѣны, но законы церковь, Златоустъ пишетъ, ниже мѣсто, но нравъ. На всякомъ мѣстѣ владычество Его: благослови, душе моя, Господа! А буде не возможно обрѣсти церкви, а опоганено православное священіе: ино молитву проговорилъ, да водою покропилъ, да и ладно,—дѣйствуй! А послѣ тебя Богъ воленъ и съ нею. Есть и то писано: скверное святится, а святое скверно не бываетъ». Въ этихъ словахъ обнаруживается безразличное отношеніе Аввакума къ вопросу о томъ, кто совершаетъ бракъ, простецъ или священникъ; да и вообще посланія къ Исидору представляютъ извѣстную двойственность взгляда на значеніе священства: допускается совершеніе требъ и таинствъ, какъ новопоставленными попами, такъ и простыми людьми;— въ сущности разницы между тѣми и другими не особенно много, такъ какъ перешедшіе къ старолюбцамъ новики представляются не болѣе, какъ простецами, и, лишившись іерархіи, старолюбцамъ по-неволѣ пришлось признавать возможность обходиться безъ нея. Что касается царемоленія, то по этому вопросу Аввакумъ рѣшительно высказывается противъ отрицавшихъ молитву за царя: «А о Θеодорѣ царѣ за что не молите Бога, — спаси его Господи и помилуй и благій родъ его дѣда-прадѣда помяни Господи!» Упоминаніе о дѣдѣ-прадѣдѣ и рядомъ съ нимъ умолчаніе объ отцѣ совпадаетъ съ наставленіемъ въ посланіи къ Іонѣ не молиться за умершаго царя еретика, а въ посланіи къ Исидору сюда же относится слѣдующее наставленіе: «а поминать мертвыхъ-тѣхъ, Григорей, не знаю какъ, емуже живу врагу Божію бывшу; а во

адѣ нѣсть покаянія». Затѣмъ въ обоихъ посланіяхъ Аввакумъ убѣждаетъ своихъ послѣдователей жить между собою въ мирѣ.

Съ этими посланіями стоитъ въ связи «Посланіе къ игумену Сергію съ братіею»: тутъ Аввакумъ такъ же наставляетъ слушаться поповъ Стефана и Козьмы, какъ это онъ дѣлаетъ въ посланіяхъ къ Исидору, и говоритъ о томъ, какъ надо относиться къ еретическому крещенію. «Посланіе къ Сергію» заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя замѣчанія о сошествіи Христа во адъ и объ отношеніи къ толкованіямъ Писанія,—эти замѣчанія мы приводили, говоря о спорахъ Аввакума съ дьякономъ Ѳедоромъ. Интересна подробность личнаго свойства: узнавъ, что дочь княгини Урусовой—царская невѣста, Аввакумъ вспоминаетъ съ любовью ея мать и тетку, а молодыхъ княженъ научаетъ жить такъ же, какъ жили ихъ мать и тетка.

Обширное посланіе къ Борису съ братіей касается главнымъ образомъ вопросовъ о бракѣ и о единогласіи, причемъ Аввакумъ сообщаетъ любопытныя подробности о томъ, какъ самъ обыкновенно совершалъ богослуженіе. По вопросу о бракѣ высказывается то же, что мы находимъ въ посланіяхъ къ Исидору; только здѣсь мы встрѣчаемся съ конкретныхъ примѣромъ, показывающимъ, какъ далеко шли отрицатели брака: старица Елена разлучила нѣкую Ксенію Гавриловну съ ея мужемъ. За это Аввакумъ налагаетъ на Елену строгую епитимію. Весьма важно въ заключеніи посланія благословеніе, которое Аввакумъ даетъ отцу Досиѳею «съ челобитными по жребію стужати царю о исправленіи вѣры». Это исправленіе, какъ выяснилъ П. С. Смирновъ, находится въ связи съ раскольнической смутой 1682 года, въ которой видными дѣятелями были Сергій и Досиѳей.

Къ этому же послѣднему времени жизни Аввакума относится его «посланіе ко всѣмъ ученикамъ» (Мат. VIII, 81—87), проникнутое фанатизмомъ по отношенію къ никоніянамъ. Послѣдователей своихъ Аввакумъ убѣждаетъ стоять за вѣру и не мудрствовать несогласно съ писаніемъ, такъ какъ онъ слышалъ, что многіе развратились: «ови глаголютъ духомъ Бога познавати, кромѣ писанія, иніи же и писаніе толкуютъ злѣ, развратно и противно истинѣ». Находились такіе люди, которые отвергали авторитетъ Аввакума, и онъ замѣчаетъ: «Иное же уже, окаянный, разсмѣюся: какъ то, реку, уже сатана-та надо мною не возится?

никоніяне еретикомъ зовутъ, дѣти доховныя еретикомъ же зовутъ».

Разсмотрѣніе сочиненій Аввакума указываетъ намъ, какъ обширенъ былъ кругъ тѣхъ вопросовъ, съ которыми обращались старолюбцы къ Пустозерскимъ расколоучителямъ: тутъ были и важные вопросы общаго міросозерцанія раскольниковъ, какъ, напримѣръ, ученіе объ антихристѣ, и болѣе мелкіе вопросы обрядовые, и вопросы о внутренней организаціи раскольнической общины, и объ отношеніяхъ къ православной церкви, и къ государственной власти, здѣсь обсуждались и проекты возстановленія «древняго православія». Какъ одна изъ послѣднихъ попытокъ самого Аввакума направить правительство на путь истины, можетъ разсматриваться посланіе, съ которымъ Аввакумъ обратился къ царю Ѳеодору Алексѣевичу. Послѣ обширнаго риторическаго вступленія, Аввакумъ проситъ царя возстановить старину и при этомъ обнаруживаетъ крайнее стремленіе отомстить своимъ врагамъ никоніянамъ. «А что, государь, говоритъ Аввакумъ, кабы ты мнѣ далъ волю, я бы ихъ, что Илія пророкъ всѣхъ перепласталъ во единъ день. Не осквернилъ бы рукъ своихъ, но освятилъ, чаю. Да воевода бы мнѣ крѣпко умной—Юрія Алексѣевичъ Долгорукой! Перво бы Никону собаку и разсѣкли начетверо, а потомъ бы никоніянъ». Вспоминаетъ Аввакумъ въ посланіи и о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: «въ мукахъ онъ сидитъ, — слышалъ я отъ Спаса: то ему за свою правду» (Мат. V, стр. 157).

Это посланіе было послѣднимъ обращеніемъ къ власти, и, можетъ быть, за него (хотя и не вслѣдъ за нимъ) протопопа постигла вмѣстѣ съ его соузниками окончательная кара. Патріархъ Іоакимъ, по предположенію П. И. Мельникова, сталъ настоятельно требовать казни расколоучителей, изъ дальняго Пустозерска поддерживавшихъ и распространявшихъ расколъ повсюду. Было повелѣно: «за великія на царскій домъ хулы сжечь ихъ». Это было исполнено въ Пустозерскѣ 1 апрѣля 1681 года. На площади построили срубъ изъ дровъ, на которомъ сгорѣли Аввакумъ, Лазарь, Епифаній и Никифоръ. Аввакумъ предвидѣлъ казнь и заблаговременно распорядился имуществомъ и роздалъ книги. На казнь собрался народъ и снялъ шапки... дрова подожгли — замолчали всѣ; Аввакумъ народу говорить началъ и крестъ сложилъ двуперстный: «вотъ будете этимъ крестомъ мо-

литься—во вѣкъ не погибнете; а оставите его,—городокъ вашъ погибнетъ; пескомъ занесетъ; а погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ!» Огонь охватилъ казнимыхъ и одинъ изъ нихъ закричалъ; Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать... Такъ и сгорѣли. Въ Пустозерскѣ за лѣсомъ есть площадка: тамъ крестѣ стоитъ и зовется Аввакумовымъ».

Такъ разсказываетъ о казни Аввакума Мельниковъ,—источники этого разсказа неизвѣстны: можетъ быть, всѣ эти подробности взяты изъ устныхъ раскольническихъ преданій, а можетъ быть ихъ надо признать, какъ полагаетъ П. С. Смирновъ, домысломъ беллетриста. Въ раскольнической повѣсти «О рожденіи, и воспитаніи, о житіи и кончинѣ патріарха Никона» дата смерти Аввакума сообщается другая: «въ лѣто 7190-е апрѣля 14 дня, въ день великаго пятка»[10]), хотя въ «Виноградѣ Россійскомъ» дата та же, что и у Мельникова[11]). Существуетъ еще одно преданіе о смерти Аввакума, сообщенное крестьяниномъ Храмцовымъ, со словъ Пустозерскихъ жителей: «былъ де здѣсь протопопъ Аввакумъ, сосланный за вѣру, и онъ де, Аввакумъ, за твердость въ вѣрѣ сожженъ на кострѣ, и что когда горѣлъ Аввакумъ, то въ воздухѣ былъ виденъ голубь; когда его душа улетала на небо, то голубь парилъ въ воздухѣ. Во время же пытокъ Аввакуму была усѣчена рука и она чудесно исцѣлѣла. Въ память будущаго дня своей кончины Аввакумъ еще при жизни заготовилъ собственными руками крестъ и приказалъ поставить на извѣстномъ мѣстѣ». Однако, какъ видно изъ надписи на этомъ крестѣ, онъ сооруженъ какимъ-то купцомъ Протопоповымъ, фамилія котораго, можетъ быть, и послужила основаніемъ связать происхожденіе креста съ знаменитымъ протопопомъ[12]).

Подводя итоги нашему изслѣдованію, мы можемъ формулировать слѣдующія заключенія:

1) Движеніе, выразившееся въ дѣятельности Аввакума, было чисто церковнаго характера, національный же и соціальный эле-

[10]) Ркп. Имп. Публ. Библіотеки, Q. I, № 1058.

[11]) Дата повѣсти о Никонѣ встрѣчается, какъ указалъ П. С. Смирновъ, и въ другихъ раскольническихъ источникахъ и должна быть признана истинною.

[12]) «Церковный Вѣстникъ» 1880 г. № 35.

менты, значенія которыхъ нельзя отрицать, играютъ роль подчиненную. Національныя столкновенія въ XVII вѣкѣ являлись причиною усиленія религіозныхъ опасеній, развивавшихся на почвѣ апокалипсическихъ представленій. Протестъ противъ царской власти, будучи самъ по себѣ явленіемъ не религіознымъ, истекалъ изъ религіозныхъ мотивовъ, такъ какъ власть отпала отъ православія.

2) Доктрина раскола въ главныхъ чертахъ выработалась въ самое первое время его существованія, уже до собора 1666 года.

3) Ученіе объ антихристѣ было въ это время особенно развито Спиридономъ Потемкинымъ, но уже тогда явились такіе взгляды, противъ которыхъ впослѣдствіи возражалъ Аввакумъ.

4) Всѣ сочиненія Аввакума по существу полемическія.

5) Полемикой объясняется рядъ противорѣчій въ сочиненіяхъ Аввакума.

6) Источники сочиненій не всегда выбирались Аввакумомъ осторожно.

7) Пользованіе источниками всегда свободное, обнаруживающее оригинальность Аввакума.

8) Оригинальность проявляется въ реализмѣ и яркости русскаго стиля Аввакума.

9) По вопросу объ отношеніяхъ къ еретикамъ Аввакумъ колеблется между двумя противоположными направленіями, существовавшими у насъ съ конца XV вѣка.

10) Аввакумъ разработалъ основы безпоповщины, исходя изъ безразличнаго отношенія къ простецамъ и новопоставленнымъ попамъ, переходящимъ въ расколъ.

11) Еретичество Аввакума объясняется, какъ результатъ полемическаго увлеченія и неумѣнія точно выражаться объ отвлеченныхъ богословскихъ предметахъ.

12) Самосожженіе одобрялось Аввакумомъ не какъ средство душевнаго спасенія, но какъ единственный въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ избѣжать рукъ противниковъ.

13) Многія сочиненія Аввакума подвергались его собственной переработкѣ, а также и передѣлкѣ его послѣдователей.

ПРИЛОЖЕНІЯ

№ 1. Списокъ съ отписокъ дѣтей духовныхъ отца Іоанна, Савина, Григорія, Андрея, Герасима Плещеевыхъ, ихже писаша отъ жалости ко отцу Іоанну въ Каменскій монастырь, слово въ слово [1]).

Вышеестественному и равноангельному и въ послѣднемъ семъ и лютомъ времени по церкви Христовѣ крѣпкому поборнику, и страдальцу, государю священнопротопопу Іоанну Нероновичу. Грѣшный Савинъ благословенія отъ тебя, отца и пастыря, прошу и къ честнымъ твоимъ ногамъ припадая, челомъ бью.

Скорбь, государь, не малу творятъ намъ нововведшіяся догматы, паче же раздоры отъ Духа Святаго преданнаго закона, непоклонническую ересь глаголю, и прочія и прочія нововведенныя догматы, иже отрѣваютъ Христово словесное стадо отъ тѣснаго и прискорбнаго пути, ведущаго въ животъ, паче же еже во исповѣданіи вѣры не исповѣдывати Духа Святаго истиннымъ. Таже и се входитъ въ слухи моя грѣшная, яко и иніи нѣцыи раздоры внити хощутъ вскорѣ, и непокоряющымся бѣды и мученія навестися хощутъ; но о семъ, отче честный и страстотерпче святый, извѣстно писати не могу, самъ бо еси вѣси, яко азъ своея ради грубости не имѣю достойна присвоенія къ могущимъ вѣдати таковая; обаче мню сбытися нѣкимъ хотящимъ быти раздорамъ по прореченію Книги о вѣрѣ, въ нейже пишетъ о отпаденіи Запада и о отступленіи и прельщеніи юнитовъ отъ святыя восточныя церкве к Западному костелу, по числу еже от антихриста. Повелѣ бо и намъ отъ таковыхъ же винъ опасеніе имѣти, егда исполнится отъ воплощенія Сына Божія 1666 лѣтъ. Се бо нынѣ таково число исполняется, и раздоры таковы, по прореченію предреченныя сея книги, вводятся.

Мы же не пріимати таковыя растлѣнныя догматы извѣствуемся отъ новаго святаго писанія, паче же отъ Христовой заповѣди, речено сице: внимайте отъ ложныхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ одеждами овчими внутрь же суть волцы и хищницы. Сіе же мѣсто толкуя, великій Іоаннъ

[1]) По рукописи Казан. дух. акад. № 1727 (182), л. 103 об. — 112 об. Эти же посланія имѣются въ другомъ сборникѣ той же библіотеки, № 1986, л. 95 об.—104 об. Оба сборника содержатъ сочиненія Неронова, писаны поморскимъ полууставомъ.

Златоустъ сія рече глаголя: лжепророки здѣ не еретики повѣдаетъ, якоже мню, но житіе имущыя растлѣнно, лицемъ же добродѣтели обложены; тѣмъ же и рече и глагола: отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Сія же Златоглаголиваго сего словеса написана суть въ Прологѣ 24 числа октября мѣсяца. И по малѣ рече: тѣмъ убо и Павелъ являя глаголаше, яко благими словесы прельщаютъ сердца незлобивыхъ. И паки по малѣ рече: понеже бо мнози благихъ отъ злыхъ мнятъ, всяка убо лишая ихъ отвѣта. Сія реченія бо имаши рещи, яко прелстихся и не домыслихся, убо извѣстно то предахъ, еже отъ дѣлъ увѣдѣніе. Сія же пишу къ тебѣ, о храбрый воине Христовъ, да не недовѣдомо ти будетъ, яко аще и самъ есмь широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ погибель, не удаляюся, обаче сего и не похваляю, и яко да познаетъ всякъ, яко азъ, аще и боязливъ есмь и нетерпѣливъ къ мученію же и бѣдамъ, обаче прошу отъ Бога помощи, во еже творити ми, и любити, и облобызати, и хвалити тѣсный и прискорбный путь, ведущій въ животъ, и послѣдовати не нынѣшнимъ тщемудрецемъ, иже паче себе гречанину Арсенію, иже соблазнившемуся въ Латынѣ, нежели похвальной правдѣ Христовой вѣровати велятъ. Ибо Христосъ рече внимати, по Златоустову толкованію глаголя, отъ растлѣнно житіе имущихъ.

Сіи же, оставивъ всѣхъ святыхъ отецъ ученіе, паче же Христово предреченное сіе заповѣданіе, не точію скверное житіе имущихъ не блюдутся, но и вмѣсто наставниковъ и учителей ихъ имѣютъ, а ходящихъ тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ, ведущимъ въ животъ, отрѣваютъ и гнушаются, и ненавидятъ, паче же и мучити и въ заточеніе посылати соизволяютъ. Къ нимъ же подобаетъ рещи сей глаголъ: не вѣсте ли, не слышасте ли, не возвѣстилися вамъ, како Христосъ, глава церкве поживе, украшался ли златокованными нѣкими одеждами и многоразличными и свѣтлыми нѣкими дароношеніи и иными житейскими прелестьми и царства земнаго прикрасами, не нищь ли бѣ Спасъ, не страненъ ли, не бѣ ли въ гоненіихъ, въ бѣдахъ, въ уничиженіихъ, въ клятвахъ, въ поруганіихъ, въ тѣснотахъ, въ язвахъ, въ смерти, въ оклеветаніихъ, своимъ же здѣшнее ли царство обѣща или угодіе тѣлесное, или животъ? Никако же, но скорбь, рече, въ мірѣ семъ имѣти будете.

Сія же пишу, о честный отче и воине Христовъ, отъ болѣзни сердца, купно же помышляю, еда како приключится кому малое сіе писанейцо чести, да не явленно будетъ ему нынѣшняго раздора церквовнаго начинаніе въ нынѣшнихъ 161 и 162 лѣтехъ. Ты же здравъ буди о Христѣ, о немже страждеши, и спасайся, помощію Его побѣждая видимыя и невидимыя враги, и моли Бога за мя грѣшна́го. Аминь.

Второе посланіе тѣхъ же.

Вышеестественному и равноангельскому, и въ послѣднемъ семъ и лютомъ времени крѣпкому по истинѣ поборнику, изволившему и душу свою

положити за словесное стадо Христово, подражая того самаго добраго пастыря, душу свою положившаго за овцы своя, государю священнопротопопу Іоанну Нероновичу. Грѣшныи Савинъ, Григорей, Герасимъ, Андрей Плещеевы благословленія отъ тебя, отца нашего и пастыря, просимъ и, къ честнымъ твоимъ стопамъ припадаючи, челомъ бьемъ.

Ей, государь, ей в правду нынѣ люта зима и горько истопленіе, еже церковь объятъ: якоже бо море зримо, отъ самыя бездны глубинъ возмутившееся, тако и духъ антихристовъ широкимъ путемъ и пространнымъ, ведущимъ въ погибель, нача крѣпко возмущати истинный корабль Христовъ, и якоже пловцы его, руцѣ къ колѣнома сплетшихъ и къ невозмоганію бурному недоумѣвающихъ, ни небо видящихъ, ни пучины, ни суши, но по полеганіихъ лежащихъ и плачущихъ и истерзающихся. Но нынѣ о церкви горшій мятежъ и множайшыя волны: есть бо мнози ревнители церкви Христовой, но къ возмущенію духа антихристова недоумѣваются, но якоже они въ корабли на полежаніихъ лежатъ и плачютъ и истерзаются, тако и сіи плачутъ и скорбятъ, а какъ помощи, не домыслятся, занеже, мню, не хотятъ креста своего взяти, но не вземъ креста своего мнятся послѣдовати Христу. Яковы же и мы есмы, забывше писаннаго, якоже никтоже пріобщается Христу, питаяйся, и сѣяй, и лѣняйся, и мокрое сіе и распутное живущи житіе; но иже въ скорби сый и въ напасти, сей близъ Христа сталъ есть, иже тѣснымъ шествуяй путемъ; ибо Христосъ симъ хождаше, тѣмже и глаголаше: Сынъ Человѣческій не имать, гдѣ главы подклонити. Но понеже, якоже пишетъ святый апостолъ Павелъ въ посланіи своемъ къ Тимоѳею, яко въ послѣдняя дни настанутъ времена люта, будутъ бо человѣцы самолюбцы, и происходя наведе: сластолюбцы паче, нежели боголюбцы; — се таково бысть и предъ сими лѣты, а нынѣ и зѣло горше. Понеже тщатся ратующіи церковь Христову до конца низповрещи, и ересь непоклонническую ввести, къ сему же и во исповѣданіи православныя вѣры Духа Святаго Господа истиннаго истиннымъ не повелѣваютъ исповѣдывати; якоже и Сына Божія истиннымъ не возбраняютъ же исповѣдывати; еже есть глаголати: вѣрую во единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія единороднаго, иже отъ отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, а Духа Святаго въ исповѣданіи вѣры уже не хотятъ исповѣдывати истиннымъ, но повелѣваютъ глаголати: и въ Духа Святаго Господа животворящаго, а истиннаго повелѣваютъ не глаголати.

Мы же не вѣмы, что сотворити въ таковое горькое и плачу достойное время, и утѣшенія ни откуду не имамы, но всегда отъ тебе благословеніе восприяхомъ. И юже грамоту прислалъ еси къ намъ съ сыномъ своимъ, Ѳеофилактомъ Гавриловичемъ, ей, во истинну возрадовахомся, яко не забвени твоею святынею быхомъ. Обаче и въ печаль немалу впадохомъ, помышляюще прежнее свое пребываніе, зане егда видѣхомъ твое святое житіе, тогда поне мало въ доброе помышленіе приходихомъ; нынѣ же бѣдни

къ кому прибѣгнемъ, и отъ грѣхъ себе отставити у кого научимся, и отъ широкаго и пространнаго пути, ведущаго въ погибель, удалятися отъ кого навыкнемъ, и узкими враты, и прискорбнымъ путемъ ходити, ведущимъ въ животъ, кому подражаемъ? Но молимъ твою святыню, да не лишени будемъ и въ прочее время твоего благословенія и душеполезнаго твоего учительнаго къ намъ писанія о Христѣ Іусѣ Господѣ нашемъ, его же благодатію здравъ буди, и побѣждай помощію Его видимыя и невидимыя враги, молитвами Богородицы и всѣхъ святыхъ, и о насъ грѣшныхъ воспоминаніе имѣй къ Богу. Аминь.

№ 2. Отвѣтъ Аввакума Андрею Плещееву [1]).

Противже сего многокозненнаго и прелестнаго посланія Аввакумъ протопопъ вописуетъ, льсти и хулы исполненныя оуста заграждаетъ и посрамляетъ, и яко остріемъ меча посѣкаетъ вселукаваго языка глаголы. Спаситель же сему авва Спиридонъ.

Правду реклъ еси воспомяноувъ дружество, еже по Христѣ, яко полѣзно есть, и азъ тебѣ глаголю, яко не точію полезно, но паче солнечныхъ лоучь просвѣщаетъ и согрѣваетъ друговъ искреннихъ, иже о Христѣ, единомъ оучителѣ всего христіанства, а не кромѣ Христа, якоже глаголеши, повинутися мудрѣйшимъ, отъ нихъ же оутаилъ есть Господь таины благодати своея, а открылъ есть та младенцемъ, да боуиствомъ проповеди спасаетъ вѣрныхъ своихъ, а не мудрѣйшими, якоже ты глаголеши. Чти слово истиннаго оучителя Христа Спаса нашего, аще еще не отреклъ ся его весма, а еже оуслаждаеши моудрѣйшими исправленія въ церковныхъ догматехъ, то сія соуть исправленія отпадшихъ, сладка соуть отпадшимъ, а сыномъ сіонскимъ горка соуть. Церковь бо созда Христосъ сицѣ святу и крѣпку сицѣ, не преклонну и недвижиму, яко не токмо оуста еретическая, но и самая врата адова не одолѣютъ еи, по словеси Господню, въ неи бо Христосъ живетъ и въ неи царствуетъ и не даетъ еи погрѣшити ни мало что не токмо в вѣрѣ и догматехъ вѣры, но ни малѣйшеи чертицѣ божественныхъ церковныхъ догматъ, каноновъ и пѣсней. Вся бо церковная цѣла соуть и ничимъ же вредима. Отпадшіи же отъ церкви, невѣроуютъ словесемъ Христовымъ, яко церкви Христовы врата адова не одолѣютъ, никакову исправленію не подлежитъ отъ начала вѣры даже до скончанія вѣка; но перваго звѣря пестроту во всемъ пріемши, хулоу глаголютъ на Бога и на селеніе его, еже есть церковь и на вся живоущая, а себѣ самѣхъ нарицаютъ церковію. Глаголютъ бо: поблудиша отцы наши в церковныхъ догматѣхъ и многа времена въ погруженіи пребысть, даже до насъ; мы же

[1]) Сборникъ Имп. Публ. Библ. Q. I. 486, л. 188 об.—200. Варіанты по сборнику той же Библіотеки Q, I. 476.

нынѣ ко исправленію оумудрившеся, погибшее обрѣтаемъ, а стропотная гладка сотворяемъ, а еже церкви Христовой врата адова не одолѣютъ, сего и вопросити стыдятся за великою моудростію. Но церковь святая соборная и апостольская, въ ней же Христосъ живетъ, глаголя: съ вами есть (?) по вся дни до скончанія вѣка, вѣсть проклинати отпадшихъ, и не первыя есте вы отторгшеся от единства церковныя вѣры. Мните себе исправляти и под титломъ исправляти, чемъ далѣе, тѣмъ глубѣе (вар. глупѣе) во адово дно себе низводите; и тому мнимому вашему исправленію конца не будетъ, дондеже не останется в васъ ни едина малѣйшая жилица христіянская. Тако бо отпадоша аріане от церкви Христовы і исправиша себе въ лютѣйшую погибель: тако македоніяне ж пріяли, тако и прочіи вси, тако римляне, тако оуніяты, тако люторяне, тако алсовизниты (?), тако вси отметающіися Христа, и непріемлющіи словесъ Христовыхъ, о нихъ же глаголетъ Богословъ, глаголя: всякъ преступаяи и не пребываяи во ученіи Христовѣ Бога не имать.

Твори еже хощеши, азъ же оуже сумнюся о твоемъ обращеніи, по словеси святаго апостола Павла, яко плотское мудрованіе вражда на Бога, закону бо Божію не повинуется, не можетъ бо оуже покоритися. А еже глаголеши о сложеніи перстовъ во еже знаменати лица христіяномъ, тако хоульно, яко глаголеши, то нѣсть дивно: во тмѣ бо затворенныя како можетъ свѣтъ видѣти? символъ бо православныя вѣры раздирая отъ словесъ Христовыхъ како можетъ о крестѣ Христовѣ добрѣ мудрствовати? Тѣмъ же бо святыя таины сокровенныя соуть в сложеніи перстовъ и во знаменіи креста Господня на лицахъ христіянскихъ, яже и во святомъ непорочномъ символѣ православныя христіянскія вѣры.

А еже намъ отсылаеши прочести въ писаніихъ подкрѣпленіемъ (sic!) словесемъ твоимъ,—тамо бо прочтохомъ и познахомъ нравъ твоего мудрованія, подобенъ человѣку оутопляющему, емоу же аще бы кто и бритву подалъ, и за ту хватается: тако и ты вездѣ смѣхъ себе сотворилъ еси. А понеже соуетныя сія глаголы издавъ не стыдишися, то азъ тя стыждоуся пред людьми святыми, иже соуть столпы непоколебиміи во православной христіяньской вѣрѣ и во святой соборной апостольской церкви, еяже никогда же врата адова не одолѣютъ, никакова исправленія не требуетъ. Аще бо и ангелъ с небеси восхотѣлъ исправляти, анаѳема да боудетъ по писанію; не токмо нынѣшнихъ піяныхъ апостоловъ исправленіе, которыя всегда с похмелья моудрствоуютъ, составляюще лукавыя догматы, еже изгнати отъ чреды церковь Христову и поставити мерзость запустѣнія во христіянехъ, да скорѣе речется в людѣхъ миръ и оутверженіе, по писанію и нападетъ на нихъ всегубительство внезапу. Ей не внидетъ, возлюбленне, благодать духовная в тѣ оуста, в няже входитъ вино кормчемное, аще и тмократъ наречеши ихъ моудрѣйшими: поведоутъ тя с ними, идѣже аще хощеши, возопіеши: горѣ и оувы. Но не во время еще глаголеши, облыгая святѣйшихъ вселеньскихъ патріарховъ, якобы онѣ имѣли отлучати от Святыя

Троицы Отца и Сына и Духа Святаго тѣхъ, которыя не пріемлютъ вселукаваго римскаго догмата, в тѣхъ перстахъ сокровеннаго, и лѣстію хоулоу на Святый Духъ наводящаго, о нем же ты ниже слышалъ еси тогда. Сія ложь на святыхъ пастырей нашихъ, а не истина: вѣдать бо знати святѣйшія патріархи, яко сатана сокрывшеся прельсти прародителей нашихъ, тако же и нынѣ творитъ, ища потопити вѣрныхъ в непрощенномъ нечестіи, еже есть хула на Святый Духъ истинный. Троицею бо кромѣ воплощенія Сына Божія и страстей Христовыхъ знаменати крестъ хоулно есть и нечестиво, развѣ аще кто продаетъ вѣру за 30 сребреникъ, емоуже соудитъ Богъ.

А о яблоки: красенъ бѣ и добрѣ в снѣдь иже Адама оумертвивый плодъ, его же вы нынѣ возжелѣете вкушати прежде времени, не вѣдуще силы въ словеси семъ: проели есте на яблокахъ преданія церкви Христовой. Не вашихъ піяныхъ мудрецовъ разоумомъ, но всецелымъ россійскимъ соборомъ во время святаго священія пріятъ церковь россійская просвѣщати яблоки, за скоудость винограда, точію да не лишится молитва тая плода: во всемъ послѣдуетъ святой соборной и апостольской церкви греческаго закона. Тогда еще непорочна соущи, понеже нынѣ, егда расколъ творятъ книги еретическія от римлянъ, от парижанъ, от венетовъ и продаемыя грекомъ, (прочее оумолчю до время) и тѣмъ книгамъ зазорнымъ, сквозѣ еретическія роуки прошедшимъ, святѣйшія вселенскія патріархи ни в чемъ не послѣдоуютъ, но еще и с великимъ трудомъ преписоуютъ себе книги с непорочныхъ книгъ письменныхъ, и потомъ правятъ слово святыя истины: имъ же во всѣх послѣдоутъ моуравы, болгары, сербы, малтани, волохи, оугрове. Тѣ все непорочныя книги печатаютъ словеньскимъ языкомъ и по нихъ работаютъ, а не такъ, якоже ваши нынѣшнія дрождями прокислыя мудрецы трясоущимися роуками пишоутъ, ползающе по земли, яко гадове: что могутъ доброе начати. А ты ихъ моудрѣйшими нарицаешъ и мнѣ тѣмъ повинутися радѣешъ. От нихъ же ты самъ бѣжати долженъ еси, аще хощеши Христа видѣти в день суда: церкви бо Христовой и врата адова не одолѣютъ, в ней же аще бы и ангелъ дерзноулъ что подвигноутъ, анаѳема да будетъ. По писанію вашему, возлюбленне, церковь в ней же глаголеши погибшее обрѣтосте, косвенная отрѣваете, кривое правите, и строптивое гладка сотворяете,—како не одолѣша васъ врата адова, понеже та и таковая въ вашю церковь внидоша и много время в таковомъ блазненіи пребысть, то како тоу наречете Христову, то како ея врата адова не одолѣша по словеси Господню? Пріиди в чювство, в кіихъ обрѣтаешися, аще мощно ти есть познати истинну, да не погубиши себе во вѣки; припади къ ногамъ распятаго за ны истиннаго оучителя Христа Бога нашего; призови Духа истиннаго и наставитъ тя на всяку истинну. Того бо ради положи Господь во святомъ евангеліи притчю о блоудномъ сынѣ, да познаемъ церковь Христову, и отступленіе в правду и блуженіе: что бо принесе блудныи, развѣ наготоу свою, и пріят первоую одежду и наслажденіе въ домоу милостиваго отца и паки сынъ наречеся въ домоу отчемъ: не семоу спо-

добляемся, аще двоедивно согрѣшаемъ, кромѣ хуленія на Святый Духъ рекшему едино слово, иже не подобаетъ нарицати въ симюлѣ истиннымъ. Аще и едино есть, сомнюся о его спасеніи: сей бо содержитъ истинну в неправдѣ; по писанію нѣсть бо мощно символъ прочитати без истиннаго. Кто семоу повѣритъ: се бо есть истинна в неправде, на се открывается гнѣвъ Божіи, по писанію еретикъ несетъ гнѣвъ Божіи за ересь, а наслѣдникъ за наслѣдіе, застоупникъ за застоупленіе, а молчай за молчаніе, а невѣжда за невѣжество свое. Гнѣвъ Божіи проливается по пророчеству Іезекіиля пророка. Прочее оумолчю, да не гнѣваются людіе.

На новоумысленный чистецъ. Глав. 14, Вѣра л. 11. Лук. 83.

Пропасть велика между нами и вами утвердися, яко да хотящіи преити отсюду къ вамъ не возмогутъ; ниже оттоуду к намъ преходятъ. Въ божественномъ писаніи два мѣста обрѣтаемъ: едино праведныхъ, а другое грѣшныхъ; два же и владыки господьствуютъ: въ небесехъ Господь Богъ со своими святыми; во адѣ же діаволъ со грѣшными; два же паки пути; по нихъ же человѣцы по своему произволенію на семъ свѣтѣ живоущіи преходятъ (Въ бесѣд. святаго Моисея съ Касіан.): единъ къ царствію божію, а другіи к царству діавольскому проводитъ,—и о третіемъ не вѣмы, кто владычествуетъ имъ и на коемъ мѣстѣ обрѣтается. О дѣтелехъ двоихъ для оувѣдѣнія правовѣрнымъ достоитъ воспомянути, яко да не надѣющеся на третіи, на слабое житіе уклонятся, но святыхъ наслѣдующе, на семъ свѣтѣ терпѣнія подвиги очищаются, и тамо неочищенія ради, но упокоенія ради отидутъ. А сіе въ велицемъ оудивленіи есть намъ яко ни единъ отъ святыхъ не важна ся разумѣлъ, ниже отложи, яко да в боудущемъ вѣцѣ очистится, но здѣ вся сія исправивъ очистися, и намъ, аще хощемъ тамо быти, наслѣдовати ихъ потреба. Христосъ Спаситель въ божественномъ своемъ еvангеліи два пути, и два мѣста являетъ, глаголя (Мат. 21): тѣсенъ поуть вводяй в животъ, а широкъ поуть, вводяи въ пагубу, и мнози соуть входящіи имъ. И на иномъ мѣстѣ (Мат. 12): буди отвѣщаваяся с соперникомъ своимъ скоро, дондеже еси на пути съ нимъ, да не предастъ тебе соперникъ соудіи и судія тя предастъ слузѣ и в темницу вверженъ боудеши. Здѣ не чистителную разумѣвай, но вѣчную: святіи богословцы вси тако разумѣютъ, о чесомъ боудетъ ниже: (Мѳ. 25. зач. 104, въ той же главѣ зач. 105) От притчи же, еже о десяти дѣвахъ можетъ всякъ разсоудити, яко пятихъ дѣвъ за оскудѣнія елея въ чистецъ не отосла. Тамо же и того, иже не оусоугоуби таланта, во тму кромѣшную, а не в чистецъ праведныи судія ввергнути повелѣ; и за сіе, еже кто алчющаго не накормилъ и иныхъ милости достойныхъ дѣлъ не сотворилъ и за самое праздное слово, не в чистецъ, яко же в той главѣ, замыкаетъ, и идутъ, рече, сіи в моуку вѣчную, праведницы жъ в животъ вѣчныи; се оуже в божественномъ еvангеліи о чистьцѣ ни единого помяновенія нѣсть.

Идемъ же до святыхъ апостоловъ. Святыи апостолъ Петръ пишетъ (во 2 посл. глав. 2, зач. 67): вѣсть Господь благочестивыя от напасти изба-

вляти, неправедники же в день соудныи моучимы блюсти. Пространнѣе же о семъ во глав. 2 и 3 пишетъ: яко все отложено страшныи день. Святыи апостолъ Павелъ (во 2-мъ къ Солун. глав. I, зач. 274) пишетъ: не послушающимъ благовѣствованія Господа Нашего Іесуса Христа иже моуку пріимутъ погибельну вѣчную; и от сихъ словесъ апостольскихъ в посланіи к Кориньфомъ (гл. 3, зач. 128) идѣже тако пишетъ: аще ли кто назидаетъ на основаніи семъ злато, сребро, каменіе честное, дрова, сѣно, тростіе, коего же дѣло явленно будетъ, день бо явитъ, занс огнемъ открыется; кіи же день той по святыхъ сказанію страшнаго суда (2 Кор. гл. 5, зач. 179), той же, всѣмъ намъ явитися подобаетъ пред судищемъ Христовымъ, да пріиметъ каждо, яже с тѣломъ содѣла, или благая, или злая. Святыи Іоаннъ Златоустъ (Бѣсѣд. 9, глав. 3) на сія словеса пишетъ: аще кто житіе злое имать с вѣрою правою, не застоупитъ его вѣра, во еже не моучитися дѣлу (?) сгараемому, ниже той же спасется тако же, яко же огнемъ; спасется ничто же ино, развѣ протяженіе моуки назнаменова, яко аще бы глаголалъ, той же боудетъ непрестанно моучимъ, то есть, самъ не згоритъ тако, якоже дѣла, но боудетъ пребывати во вѣки во огни. А иже святыи Даніилъ пророкъ в видѣніи своемъ, о рѣце огненѣй воспоминаетъ сія словеса: зрѣхъ, доньдеже престоли поставишася, и ветхіи деньми сѣдяше, рѣка же огненная течаше, исходящи пред Нимъ. На сія словеса мнози от святыхъ писали, яко же и на словеса Давыдова: огнь пред нимъ возгорится, въ толкованіи, ни единаго помяновенія о чистьцѣ не творятъ. Святый же Амбросіи, сице о семъ пиша глаголетъ: по скончаніи свѣта сего, сіе боудетъ крещеніе, егда огнемъ попалена боудетъ злоба, яко да праведніи возсіяютъ, яко солнце в царьствіи Отца ихъ, и аще кто бы Петръ былъ, или Іоаннъ, крестити сія боудутъ тѣмъ огнемъ. И с нимъ согласнѣ святіи богословцы пишютъ, яко вси провожаеми боудутъ сквозѣ огненую рѣку, яко и праведніи, овіи на потопленіе (осужденіе), а овіи на просвѣщеніе. Святыи Василіи Великіи тако пишетъ на псаломъ 28: гласъ Господа пресѣцающаго пламень огня: огнь той гласомъ Господнимъ пресѣченъ боудетъ, яко да боудетъ соугубѣй силѣ едина на страшное сожженіе тѣхъ, иже его себѣ заслужили; вторая же на веселіе и на просвѣщеніе праведнымъ. Ниже: а ихъ же дѣла палитися боудутъ, достойны покажютъ, яко дрова сѣно, и солома с подобною си вещію равно вѣчнымъ временемъ горѣти боудутъ. И паки той же в главѣ, пишетъ: вѣдати потреба, яко иже біенъ боудетъ много, и иже біенъ боудетъ мало, не конецъ, но различіе моукъ являетъ. Тертуліанъ древніи оучитель (в глав. 35), о томъ же пишетъ: не боудетъ отпоущенъ и малѣйшіи грѣхъ, в воскресеніе боудетъ явленъ той же о воскресеніи (о души, в глав. 52), яко да не познаетъ ада, которое бы на немъ даже до малѣйшаго кодранта, или мѣдницы избавленія потребуетъ.

Ѳеодоритъ паки пишетъ і Екуменіи 13 день пришествія Господня, боудетъ острое и силное свидѣтельство, и тѣхъ, что добрѣ на семъ свѣтѣ по-

жиша, яко злато и сребро огнь свѣтлѣйшихъ явитъ, оныхъ же паки, иже беззаконія плодствоваху, по подобію древа, сѣна и сламы пожжетъ и прочая и обоймстъ во вѣки. С ними же всѣми и святыи Исаакъ Сиріанинъ явленнѣйше о двоихъ мѣстѣхъ пишетъ: что безоумнѣйше или несмысленнѣйше глаголющихъ, яко доволно ми есть геены избѣжати, а еже въ царство внити, не брегомо ми есть; еже избѣжати геены самое се есть, еже внити въ царство; а еже сего отпаднути, в геену есть внити; не бо наоучи насъ божественное писаніе три вмѣщенія, но что, егда пріидетъ Сынъ Человѣческій в славѣ своей, и поставитъ оубо овцы о десную себе, козлища же о шоуюю. Ниже: не три бо чины рече, но едино о десноую и едино о шоуюю и разлоучитъ предѣлы селеніемъ ихъ рекъ, яко идутъ сіи в моукоу вѣчноую: явѣ, яко грѣшницы; праведницы же просіяютъ тогда, яко солнце, въ царствіи. Отъ сихъ всѣхъ доводовъ и свидѣтельствъ показоуется вельми явственнѣ, яко ни единаго чистительнаго огня нѣсть, въ немъ же бы нынѣ души нагія бес тѣлесъ чистилися, и искушеніе имѣли: душа бо по разлученіи от тѣлесе, не тѣлеснымъ вѣществомъ бываетъ и не подобно, яко да видимымъ огнемъ моучитися имать, но здѣ на семъ свѣтѣ, якоже святый Григорія Богословъ пишетъ, искушается печальми и хлопотами, якоже и вси избранніи Божіи искоушаеми бѣша, зане тамо моученію, а не очищенію время пріидетъ, яко по святому Дамаскину душа ни добра ниже грѣха, здѣ пребывающи бес тѣла, творити не можаше, но вкоупѣ. Того ради и обое вкоупѣ мздоу благоую или злоую пріимутъ; сего ради и за оумершихъ молимся и милостыню творимъ, яко еще и малѣйшыя грѣхи несужены, яко да симъ прежде суда благаго умоляемъ судію и без чистця благодатію Божіею и изліяніемъ кровѣ Сына Божія можем ся очистити: а кто вѣритъ въ чистецъ, той боудетъ в немъ чиститися во вѣки. Мы же паки православніи вѣруемъ оправданію Господню, имъ же призва насъ и избави и освяти, и вѣчныя свѣтлости причастники сотвори, в сей истиннѣй вѣрѣ по Бозѣ живоуще да сподобитъ насъ вѣчныхъ благъ достигнути, Емоу же слава и поклоненіе, во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 3. Аввакума отца разсужденіе [1]).

Еже ми прислали поученіе отъ правилъ обравше [2]), и о семъ благодарю Бога, давшего [3]) вамъ таковую благодать и премудрость, яко храбро полководствуете стадо Христово. Но молю вы: посудите и на предняя дни разсмотрите: егда до конца истребятъ истинный уставъ крещенія, тогда по-

---

[1]) По списку Имп. П. Б. № О. XVII. 37, л. 8—9. Варіан. по ркп. В. Г. Дружинина, № 39, л. 144—150.

[2]) Собравше.

[3]) Давшему.

добаетъ совершенно крестити; а дондеже отрицаютъ и погружаютъ, сихъ догматъ передѣловати не подобаетъ, но токмо молитвы, и октеньи, и символъ, то дѣйствовать снова, и масломъ прежесвященнымъ помазати, и водою святою покропить, и обведше по уставу кругъ купѣли, цѣловавъ святыя иконы, причастить святыхъ тайнъ. А въ вѣнчаніи брака молитвы всѣ же подобаетъ говорити, а вѣнцы аще на главахъ быша и на рукахъ перстни, вдругорядь не подобаетъ возлагати, а святіи молитвы [4]) пѣвше кругомъ въ посолонь водити подобаетъ.

И о попахъ судихомъ: аще и старои рукоположенецъ блудитъ, не подобаетъ отъ него ничтоже пріимати. Аще ли новикъ ревнитель крѣпкои, по нуждѣ принять его будетъ въ службу потребъ мирскихъ, но токмо ему не комкать. А егда мощно старое получити, добрѣ бы благо (было?). Но не всѣмъ вся возможна. Чаю, егда новикъ оплачетъ себя стонавше, призоветъ духовное дѣйство и въ комканіи, проклявше еретическое дѣйство. Понеже сіе время ис правилъ вышло; пуще мучителей еретическіе кобн; святіи отцы правила узаконоположиша на тихое время, идѣже самовластіе бываетъ; а егда гонима церковь, по нуждѣ всяко бываетъ. И безъ воды и безъ дѣйства иной огнемъ и мукою крестится, исповѣдуя Христа Сына Божія быти. И сіе могіи вмѣстити, да вмѣститъ. Есть, рече Господь къ Никодиму, аще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царство небесное. Да и кровь-та въ мученіи судитъ воды купѣльныя. А и слезами-тѣми кто помоетъ свое недостатки, и сія вода добра бываетъ.

Вося при [5]) антихристѣ томъ испразднится всяко священьство, но развѣ маліи въ разсѣлинахъ горскихъ, но Христа до конца не испразднитъ и благодать Духа. Помни въ писаніи на пути крещенъ пескомъ бысть по нуждѣ и пріято Богомъ. И дѣти, играюще на камени, пѣвше литоргію, и бысть жертва. Кольми жъ въ неимущее время плачющему послетъ Богъ Духа Святаго освятити дары или въ крещеніи, и въ вѣнчаніи, или ино что отъ таковыхъ. И простолюдинъ плачюще призоветъ Духа Святаго, и будетъ ему, аще речетъ: всякъ бо просяй пріиметъ и ищай обрящетъ. Самъ рече Владыка. Нынѣ еще перебиваемся кое-какъ, а тогда нужно будетъ не токмо церкви, но и книгъ православныхъ; но и губами пошевелить нельзя, развѣ сердцемъ держатися Бога.

Ну, чадо, на васъ полагаю: какъ лутче и какъ мочно, такъ и добро. Не на никоніянъ гнѣваяся, подобаетъ тайны тѣ исправляти, но Бога блюдяся. Что зло, то зло, а что нарочито, то и такъ пускай.

---

[4]) «Святіи мученицы».
[5]) Вся сія при...

№ 1. Того жъ посланіе ко иному [1]).

Отвергли никоніяня вѣчную правду церковную, не восхотѣли пятію персты по преданію святыхъ отецъ креститися, но нѣкако странно трема персты запечатлѣшася въ сокровища всегубителя, глаголю, печатію запечатлѣшася антихристовою, въ нейже тайна тайнамъ бѣ: зміи, звѣрь и лжепророкъ. Всякъ, тремя персты знаменуяся, не можетъ разумѣти истины: омрачаетъ бо у таковаго духъ противный умъ и сердце его. Подобаетъ бо христіянину зѣло къ сему опасну быти и о семъ пещися день и нощь въ молитвахъ и умиленіихъ пребывающу, да не преткнетъ яко о камень ногу свою и невѣденіемъ погубитъ единородную душу свою. Велія бо язва и неисцѣльна отъ трехъ перстовъ бываетъ души. Лучше бо человѣку не родитися, нежели трема персты знаменатися. Да и прочихъ удалятися подобаетъ преданій еретическихъ. Понеже и крещеніе еретическое нѣсть крещеніе, но оскверненіе. Аще никоніяне крестятъ дѣтей, подобаетъ послѣ нихъ православному попу сызнова молитвы вся говорити, а не отрицать паки, ниже второе погружать, но токмо поставя въ купѣль, молитвы проговоря, и масломъ помазать, и миромъ, и около купели обойти. Есть бо сицѣва правила, повелѣваютъ и простолюдину по нуждѣ крестить, и простому иноку: аще простый инокъ или простолюдинъ креститъ по нуждѣ болящаго, и умретъ крещеный, благодать таковаго совершитъ, умретъ крещенъ; аще ли оздравѣетъ, да несутъ его въ церковь, довершитъ его священникъ, поставя въ купѣль, и молитвы вся глаголетъ и прочая по вышереченному [2]).

Отъ новопоставленныхъ вѣнчавшихся на духъ пріимать, и давать по силѣ имъ епитемью, а распущатися имъ не вели. И въ вѣнчаніи кое новикъ не исправилъ, ино ты доверши, молитвы старыя говори. Также и младенцевъ, отъ новиковъ крещенныхъ, аще отрицалъ и погружалъ, не перекрещивай, токмо молитвы старыя проговори, и масломъ помажь, и что новикъ не дѣйствовалъ, доверши. А будетъ отрицаніе и погруженіе не было, и ты сызнова крести совершенно. Такожъ отъ староставленнаго по новому Потребнику,—и надъ всѣми дѣйствуй также по прежереченному. А кои по старому Потребнику крещены отъ кого-нибудь, тѣ и такъ живутъ. А попы-тѣ старой или новой по новому дѣйствовалъ, одна бездѣлица; а буде по старому дѣйствовалъ новикъ или старой, (а служба по новому), кладу то въ дѣло и крещеніе и вѣнчаніе [3]).

О крещающихся младенцахъ. По старому Служебнику и новопоставленной попъ, аще въ немъ духъ не богопротивенъ, да креститъ ребенка. Гдѣ

---

1) По рук. И. П. В. № 0 XVII. 37, л. 9 об.—14 об. Вар. по списк. В. Г. Дружинина № 39, л. 150 обор.—160 обор.

2) Мат. для ист. раск. т. VIII, стр. 68—69.

3) Срав. Мат. для ист. раск. т. VIII, стр. 103—104.

же дѣтца: нужда стала. Аще и старой попъ по новому Служебнику, не пріято. (Кой проклинаетъ Никонову ересь да за Христа умереть тщится, за старую вѣру, того духъ не богопротивенъ). Есть пишетъ въ правилѣхъ, не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика. И я то помышляю: иной станетъ въ попы-тѣ, а душею о старинѣ-той горитъ, таковыхъ по нуждѣ пріемлемъ; аще богоборствуетъ и старой чортъ, плюнь на него и съ паками [4]).

А которые люди въ никоніянскіе храмы не ходятъ и съ ними не соединяются и не молятся, тіи добрѣ творятъ. Не подобаетъ благочестивому съ нечестивымъ соединятися, по писаному, кая часть вѣрному съ невѣрными, и кое общеніе свѣту со тмою, и Христу съ веліаромъ, и церкви Божіи со идолы [5]).

А иже въ православныхъ церквахъ, гдѣ пѣніе безъ примѣса внутрь алтаря и на крылосахъ, и попъ новопоставленъ, о семъ посудить. Аще онъ попъ проклинаетъ никоніянъ и службу ихъ и всею крѣпостію любитъ старину, по нуждѣ настоящаго ради времени, да будетъ попъ. Какъ же міру быть бес поповъ? Къ тѣмъ церквамъ приходить. Будетъ же попъ и староноставленъ, блудитъ хотя мало нѣчто, бѣжать отъ него подобаетъ [6]).

А ижъ новопоставленный попъ пріидетъ въ покаяніе, и прокленетъ ересь никоніянскую, и чисто учнетъ хранить старое благочестіе, таковый да глаголетъ: «Благословенъ Богъ», и возгласъ «Яко Твое есть царство», и служитъ вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говоритъ, и креститъ, а литоргисать ему не повелѣваю: страшно дѣло се и чистыхъ рукополагаемыхъ. Аще ли постражетъ отъ мучителей, и кровь свою излістъ за старое благочестіе, мню, тогда можетъ освятитися отъ вышняго рукоположеніемъ и будетъ оттолѣ попъ совершенъ, литоргисавъ, и причащаетъ невозбранно.

Прости, чадо, нынѣ еще первое горе, а во второмъ еще краше тово будетъ; а таки спасаяйся да спасется: меньше—петь спишъ, да болше ревешъ, воставше ночью. А къ попамъ тѣмъ для чево не хощете итти къ православнымъ? Сіе, мнѣ мнится, гордость въ васъ воюетъ: я де и самъ болши Досифея и прочихъ знаю. Худо, нехорошо такъ; Досифей, слышу, человѣкъ добрый; аще бы мнѣ возможно, я бы и самъ литоргисалъ съ нимъ.

Спаси Богъ чада церковныя, яко опасство ко лжебратіи имате; пріиметъ Богъ ваше благоразуміе, но о священствѣ и о причастіи не по разуму мудрствуете. Глаголете: упражненіе,—не бойтеся, свѣты, и по антихристѣ не упразнится тѣло Христово составляемо быти до скончанія вѣка. Токмо разсмотрять поповство то надобно: мнози бо лжепророцы и лжехристи преобразуются въ апостолы Христовы, сыны геенны. И вы веть душу разумичну

[4]) Мат. для ист. раск. т. V, стр. 234, пр. 1.
[5]) Мат. для ист. раск. т. V, стр. 221.
[6]) Мат. для ист. раск. т. V, стр. 221, примѣч. 1.

имате: аще учитъ право по старому православію, по книгамъ Филаретовымъ, пріемлите таковаго, а изустныхъ—тѣхъ гордоусовъ мочно вамъ разумѣть: языкомъ говоритъ, а дѣлы отмещется.

Не прелагай предѣлы, яже положиша отцы, и держи преданное неизмѣнно. Креститися подобаетъ, яко пріяхомъ, вѣровати жъ, яко крестихомся. А то возвони во уши твои, сопостатъ, священство упражняешъ, да и таинство люторски и кальвински. Забрела ты, другъ, во глубину золъ, воспряни; понеже ни самъ дьяволъ упразнити можетъ священнотаинства, нежели антихристъ съ чады. Рече ученикамъ своимъ Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка, аминь. Глава наша Христосъ, царь и архіерейсый. Коли уставъ (святыни) упразднитъ попуститъ, не блазнися, чадо: аще изгнано будетъ священство, но не до конца погибнетъ.

А кои не причащаются люди, и онѣ дѣлаютъ не гораздо, своимъ умысломъ говорятъ: взята де благодать. И послѣ антихриста, послѣднева чорта, благодать та не покинетъ вѣрныхъ своихъ. Самъ Господь во евангеліи научаетъ: се Азъ съ вами есмь до скончанія вѣка, аминь. А о главѣ что тужить или о мѣстѣ, по жидовски о Іерусалимѣ, да у насъ на всякомъ мѣстѣ владычество есть. Благослови душа моя Господа. Тогда жреніе во одномъ Іерусалимѣ бысть, а отроки въ чюжей странѣ въ Вавилонѣ тако рекоша. А опослѣ и паки по седмидесяти лѣтехъ возвратися плѣнъ и взыде Неемія, градъ паки и храмъ воздвиже высокъ и остѣненъ. Златоустъ научаетъ, Маргаритъ, Слово на Іюдея. Чти и Библѣю. И паки до Антіоха жрали служа. Антіохъ пришелъ, паки разорилъ градъ и осквернилъ святая, полчетверта лѣта кумирѣ его стоялъ на мѣстѣ святе, во образъ антихриста по всему. Да послѣ ево до Христа лѣтъ съ триста и болши и паки служили. Христосъ пришедъ упразднилъ вся. По вознесеніи лѣтъ 40 минувъ, римская власть и градъ, и храмъ, и люди вся разсѣяше. Іосифъ Евреинъ пишетъ, и Златоустъ, и иніи мнози. Тако и здѣсь разумѣй: до вторагo пришествія Христова будетъ служба, полно нужно въ горахъ и въ вертепахъ укрывающеся. Разумѣй, дѣти коли и на камени обѣдню сдѣлали, огнь съ небесе пріиде.

А иже отъ причастія себя отлучаютъ, а мочно толко получить сокрамента святаго, чистыя святыя службы, и я того не похваляю. Рече бо самъ Господь: ядый мою плоть, и піяй мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ. Какъ то такъ дерзо глаголютъ, яко не обрящеши святыхъ таинъ. Толко то и людей святыхъ, что бытто одны мы, а то всѣ погибли! Миленкіе батюшки, добро ревность по Бозѣ, да знать ей мѣра. Не блюдися [7]), до конца не упразнитъ жертвы-той и самъ антихристъ. Самъ бо рече Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка.

А Дмитрей попъ сперва не разумѣя по новому служилъ, и я тогда отъ него пострадалъ. Пріѣхавъ съ Москвы, началъ по старому служить, и ко мнѣ просвиру прислалъ, и я принялъ просто, не развѣдавъ о томъ. Я чаялъ

[7]) Не блазнися.

онъ о первой-той блудни покаялся, а онъ бес покаянія служилъ. Просвиру ту принявъ и положилъ до завтрея, а въ нощи той вскочили бѣси и умучили меня, еле-еле молитву назнаменовалъ,—такъ отскочили. На силу всталъ, ис-полу живъ, не вѣмъ коея ради вины, а се въспала та-то просвира на умъ Я не знаю, что съ нею дѣлать, а крестъ на ней Христовъ. Выложилъ ея за окно. Другая нощь пришла, дрожу, боюсь,—послѣ правила также взвалился, и не сплю. Ано вскочили опять бѣси з домрами и гутками, да сѣлъ у нихъ хорошое-тъ врагъ на томъ мѣстѣ, гдѣ просвира-та прежде была, да почалъ играть, а меня ужъ не замаютъ. Игравъ, исчезли. Я догадався, да затопя избу, да и въ печь просвиру-то, да и пепелъ за окно,—поди къ черту все,—да и здоровъ сталъ. А до тово не могъ отъ бѣсовъ тѣхъ. Да много тово розсказывать, Дмитрею—тому отписалъ, такъ онъ покаялся и бысть мнѣ сынъ духовной. Велѣлъ я опять прислать просвиру и просилъ Бога недостоинствомъ своимъ. Въ нощи вижу: солнце возсіяло на церковь-ту, гдѣ онъ служитъ, а онъ тутъ оскорбяся бродитъ, ино мнѣ на просвиру-ту яко перстомъ указало. Духу Святому осѣнившу мя, я ухватя и поцеловалъ ея, да на обѣдѣ и съѣлъ, да и сталъ отъ него святыню принимать, и нынѣ служитъ по старому [8]).

№ 5. Посланіе къ какимъ-то черницамъ, безъименное [1]).

Бабушки чернушечки, вонмите глаголемая: тогда бо тогда нынѣшній нравъ добродѣтельный во ангела претворитъ, или злый нравъ въ бѣса претворитъ. Приклоните уши ваши во глаголемое: не риза спасетъ, но нравъ; не мѣсто пустынное, но обычай благій. Слушайте ж совѣта моего к вамъ любезнымъ моимъ: повинуйтеся наставникамъ вашимъ и покоряйтеся и, яко отъ устъ Божіихъ, заповѣданная отъ нихъ храните. Есть во Отечницѣ писано: пріиде Иванъ Лѣствичникъ во обитель ко Иванну Великому, и рече Великій ко Лѣствичнику: хощеши ли, да покажу ти раба Божія? И отвѣща Лѣствичникъ: хощу, честнѣйшій отче. И сѣдшемъ имъ ясти за трапезою, возва Іванъ Великій ветха денми и сѣдинами украшена дьякона Лаврентія: изъ-за стола гряди сѣмо, Лаврентій. Онъ же скоро воспрянувъ, не ядше предста у трапезы игуменовы, зря на игумна Иванна, аки на Христа, не смѣя вопросити, чего для возва. Иванъ же, съ Лѣствичникомъ бесѣдуя, ничто же Лаврентію не рече во весь обѣдъ и егда же отъиде столъ, посла Иванъ Лаврентія не ядша ко Исидору осужденному желѣзному, повелѣ псаломъ 34 изглаголати. Удиви же ся Лѣствичникъ таковымъ сѣдинамъ послу-

---

[8]) Срав. Мат. для ист. раск. т. V, стр. 197—199. Отсюда по списку Дружинина до конца идетъ отрывокъ изъ «Посланія къ нѣкоему Іоанну», т. V, стр. 225 и т. VI, стр. 62—63. Со словъ: «Да и старые ставленники, коснувшеся агньца неправеднаго».. до словъ: и прочая тамъ пространно.

[1]) По рукописи И. П. В. № О. XVII. 37, л. 14 об.—15 обор.

шанія. И потомъ скончася Лаврентій и искипѣ миро изъ ногъ его въ показаніе послушникамъ, и нетлѣнно яви Богъ тѣло его трудолюбное. Видите ли, матушки, каковы плоды растутъ отъ послушанія. Вонми: прежде же избери себѣ наставницу руководства небеснаго неблазненну, и егда подклониши главу свою, не моги таити отъ нея дѣлъ своихъ и помышленій; аще заповѣсть ти что и во мнящихся злыхъ тобою, должна еси послушати, развѣ ереси и блуда, и піянства вина нерастворенннаго. Сего не подобаетъ послушати, а аще мясо велитъ, искушая тя, ясти, яждь: аще и спать велитъ, спи; аще и біетъ тя, терпи; аще и не кормитъ, терпи; аще и злословитъ, молчи; послала, побѣги; не велѣла, возвратись; дала что, пріими; отняла, поклонись. Да та вся пріемли Христа ради безъ ропоту, служа, яко Богу, а не человѣку, о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ.

№ 6. Посланіе къ неизвѣстнымъ [2]).

Благословите, отцы святіи, благословите, преподобныя матки. Како пребываете и все ли по здорову? Дерзнулъ нагой грѣшникъ изъ земли пріитти въ нѣдра ваша. Освятите мя молитвами своими, понеже пришлецъ есмь изъ сквернаго мира. Ну, творите же о мнѣ молитву: благослови благословящая тя, Господи, и спаси уповающая на тя, и прочая. Спаси Богъ, миленькіе батюшки, очистники всего мира, и меня очистили поганца. Ей, право, отъ грѣхъ оскверненъ есмь. Вѣдаете ли, отцы и матки, есть ли любовь между вами? Скажите ми кратко: скажемъ ти, отче Аввакумъ, яко Богу, люблю брата, яко ѳусточку, себя ж вмѣняю предъ нимъ, яко онучку. Оле, чюдо! нашолъ достоянія нашего образъ, Христа превѣчнаго Бога. Ей, добро такъ! Всякъ бо возносяяся смирится, а смиряяйся вознесется; смиреніе бо побѣждаетъ всякъ грѣхъ, отцы святіи; понеже Христосъ смирилъ себе, послушливъ бывъ даже до смерти, смерти ж крестнѣй, тѣмъ же и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени.

Простите, батки, пошолъ я къ маткамъ старицамъ въ кѣльи. Благословите, преподобныя, небесныхъ красотъ смотрящіи. Како труждаетеся, со страстьми и похотьми бравшеся и молящеся о благостояніи, святыхъ Божіихъ церквахъ и о царѣ Ѳедорѣ и иже съ нимъ пекущихся о исправленіи православныя вѣра? Рцыти ми, по здорову ли душа и тѣлеса ваша о Христѣ Ісусѣ: здравъ буди, отецъ Аввакумъ, со всѣми православными христіяны, мы живемъ десницею Божіею покровени, взирающе на начальника вѣрѣ и совершителя Ісуса, ходяще по заповѣдехъ Божіихъ и оправданіихъ Господнихъ безпорочно. Слава Господу Богу. Веселитеся о Господѣ и радуйтеся, праведніи, хвалитеся, вси правіи сердцемъ. Простите и молите о мнѣ Бога Миръ вамъ всѣмъ и благословеніе со гражданы. Повидался съ вами.

---

[2]) По рук. И. П. Б. № О. XVII, 37 л. 29—30.

№ 7. Посланіе къ неизвѣстной[1]).

Возлюбленной нашей о Христѣ радоватися, стоящей въ пути благочестія. Свѣтъ наша, буди благодарна въ скорбяхъ, помяни Христа рекшаго; многими скорбьми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное. Отъ дней бо Иванна Крестителя царство небесное нужно есть, и нуждницы восхищаютъ. Милуя тебя, Богъ посылаетъ скорби и напасти, и озлобленія, да единодушно работай ему въ напастехъ, Бога своего и прославляй, яко Іовъ. Въ нихъ бо и взыщи всѣмъ разумомъ волю и возлюби скорби, да пріимеши свѣтъ въ сердечныя очи. Богъ, любя твою душу, посылаетъ скорби, да прибѣгаеши къ нему. Нѣціи прибѣгоша, спасеніе получиша. Пишетъ бо ся: призови мя въ день печали твоея и избавлю тя. Сиди, Бога ради, не мятися; двоедушія Богъ не пріемлетъ. Пишетъ бо ся: исправите сердца ваша, двоедушніи; его же бо любитъ Богъ, того и наказуетъ; скорбящихъ вопль плачевный восходитъ къ Богу и умножается благодать. Другъ нашъ, не отрадъ тебѣ будетъ, но и паче на скорбь. Проси отъ Христа милости и помощи, заступитъ тя Пресвятая Царица Богородица и всѣ святіи. Миръ тебѣ о Господѣ и спасеніе.

№ 8. Посланіе къ неизвѣстному[2]).

Брату любезному нашему о Христѣ радоватися въ вѣрѣ Христа Спасителя нашего. Миръ тебѣ отъ Господа, и святыхъ отецъ благословеніе, и молитва ко Господу Богу и Пречистой Его Богоматери и отъ меня грѣшнаго. Буди надъ тобою милость Сына Божія, осѣни тя Духъ Святый истинный въ часъ искушенія, укрѣпи тя сила крестная, заступи тя Пресвятая Царица Богородица, сохрани тя ангелъ хранитель души твоея. Терпи, братецъ, возложи упованіе на Бога; уповающаго на Бога милость обыдетъ, рече бо Господь: прославляющаго мя прославлю; предъ владыки же и цари ведени будете мене ради, претерпѣвшій до конца, той спасенъ будетъ. Положи на сердце своемъ Христово слово. Не бойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же коснутися не могутъ, не бойтеся, не оставлю васъ сирыхъ; Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка, да еще и власъ зъ главы вашея не погибнетъ безъ воли Отца Моего; въ терпѣніи вашемъ стяжите и душа ваша. Положись весь на Христа, выше силы не попуститъ быть искушенію. Блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе, пріиметъ вѣнецъ отъ Христа Бога. Молися о насъ, Господа ради, а ты у насъ у всѣхъ въ сердце лежиши и молимся о тебѣ.

---

[1]) По рукоп. И. Публ. Биб. № О. XVII, 37, л. 32 об.
[2]) По рук. И. П. Биб. № О. XVII. 37, л. 32 об.—33.

№ 9. Посланіе къ нѣкоему Аѳанасію [1]).

Аѳонасій не умеръ ли ты? Да какъ умереть? Аѳонасій безсмертіе толкуется. Носи гораздо пироги-тѣ по тюрмамъ тѣмъ. А Борисъ Аѳонасьевичъ еще ли Троицу ту страха ради не принялъ? Жури ему: бояринъ де су одинова умирать, хотя бы то де тебя скать по г . . . у тому плетми теми и побили, инобы некакая диковина, — не Христова бы кровь пролилась, человѣчья. А Хованской князь Иванъ Болшой изнемогъ же. Чему быть! не хотятъ отстать отъ Антіоха тово египетскаго; раѳленые куры да крѣпкіе меды какъ покинуть? Бѣдненкіе увязаютъ въ совѣтѣхъ, яже умышляютъ грѣшніи, да покинуть будетъ и не хотя, егда повелитъ Господь расторгнути душу съ тѣломъ. Аще и Илія и Енохъ не вкусили смерти плотски, но при антихристѣ и тѣ плотію постраждютъ и, на стогнахъ убиты полежавъ три дни и полъ, отъ живущихъ паки на небо взыдутъ. Видишъ ли, толикія свѣтила смерть плотьски вкусятъ, а мы когда безсмертни будемъ? Ну, Аѳонасей, прости. Спаси Богъ тя за пироги; моли Бога о мнѣ. Миръ ти и благословеніе отъ всѣхъ насъ, а отъ меня и поклонъ съ любезнымъ цѣлованіемъ.

№ 10. Посланіе къ нѣкоему Іонѣ [2]).

Господи Ісусе Христе, помогай намъ, Сыне Божій, помилуй насъ.

Чадо церковное и господине отецъ святый Іона, вопросилъ мя еси грубаго Богу и человѣкомъ, стараго, грѣшнаго протопопа Аввакума, ей, во грѣсехъ обветшавшаго. Отъ чрева матери моея работаю сластемъ вѣка сего, не мое дѣло то дѣло, еже сѣдѣти на Моисеовѣ сѣдалище, но то разумныхъ есть и жизнь свою въ церкви изнуряющихъ, азъ же человѣкъ волокита и некниженъ сый, и гдѣ что возму, и вижу, и слышу. Словеса писанія обдержатъ мя по человѣку . . . [3]) рыкающе.

Развѣ ради послушанія, за молитвъ святыхъ Божіихъ, отвѣщаю малая. Господу помогающу, благослови, отче, и моли о мнѣ, да дастъ ми ся проглаголати слово къ полезному себѣ и вамъ. Вонмемъ реченая. Еже бо видѣхъ ты много въ человѣцехъ по градомъ раздѣленія во ученіи, и сему не дивлюся азъ: чреда бо имъ, по попущенію Божію; овіи возсіяютъ, а иніи погибаютъ, и вѣрныхъ по писанію четвертая часть спасается. А обтекшихъ (?) никоніянехъ слова мнѣ нѣсть, тѣ явно грядутъ въ пагубу, но бесѣдую о старолюбцахъ, иже между собою несогласуются и спорами

---

[1]) По рук. И. П. Б. № О. XVII, 37, л. 33—33 об.

[2]) По рук. И. П. Б. № О. XVII, 37, л. 56—75 об.

[3]) Слово стерлось.

безумными или рещи правѣе высокомысліемъ падаютъ, каждо своя хотя поставити, а не яже суть Божія. И сія грядутъ стезею неправою, понеже Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. А иже держатъ Евангеліе и Апостолъ, а святыя иконы отмещутъ, то явныя враги есть, сиречь нѣмцы. И ихъ есть вѣра такова: не пріемлютъ святыхъ 7 соборъ, ниже словесъ святыхъ отецъ, ни иконнаго покланенія, но токмо Апостолъ и Евангеліе, и евангелики глаголются, також люторцы и калвинцы. Священническій чинъ иноческій отринувше: и баба, и робя, умѣюще грамотѣ, то и попъ у нихъ. А иже глаголютъ, подобаетъ де намъ не подъ клятвы законныя востати, и сего словесе, акибъ не разумѣюще, не по правдѣ толкуютъ писмя сіе, но козненно. Есть такъ: Христосъ избавилъ ны отъ клятвы закона ветхаго, той бо законъ плотянъ бѣ, проклятъ тогда всякъ, вися на древѣ и праведно и неправедно: егдаж распятся на древѣ Сынъ Божій, оттолѣ упразнилъ клятву законную, и бысть то древо проклятое — намъ благословеніе, сирѣчь: совостахомъ бо со Христомъ, отъ ветхія клятвы избавилъ ны есть. И потомъ собравшимся боговидцамъ и слугамъ, апостоломъ и по нихъ соборомъ вселенскимъ седми, изложиша правила; не плотска суть, но Духъ Святый пріиде на апостолы во огненѣ видѣніи. Со Духомъ Святымъ правила располагающе и не хранящихъ подъ клятву подлагающе, глаголаша: иже кто не пребываетъ во ученіи словесъ Господнихъ и во всѣхъ писанныхъ, да будетъ проклятъ. И не соблюдая среды и пятка и прочихъ постовъ, да будетъ проклятъ, и прочая прилична тому, сирѣчь епитимія отъ апостолъ и отецъ, или просто рещи: отлучаетъ слово се отъ Бога и отъ лица церкви и посылаетъ во осужденіе ада всеядца. Сію бо власть самъ Христосъ предалъ апостолу Петру и прочимъ по немъ, рече бо: егоже аще свяжеши на земли, будетъ связанъ на небеси, и егоже аще разрѣшиши на земли, будетъ разрѣшенъ на небеси. Да по заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа всякъ архіерей вяжетъ и разрѣшаетъ, по правдѣ судя; не по правдѣ судъ Божій не послѣдуетъ, но себя вяжетъ глупой, и или еретикъ патріархъ, судя по гнѣву, а не по правиломъ. А еже иконы укоряютъ и говорятъ: подобаетъ де знати Бога единаго,—и то бляцкой глаголъ. И бѣси вѣруютъ и трепещутъ, яко есть Богъ единъ, и вси еретицы глаголютъ такоже, да и мы иконъ не боготворимъ, но первообразное почитающе поклоняемся, а Бога единаго вѣруемъ и исповѣдуемъ Отца и Сына, и Святаго Духа, въ Троицы славимаго, и по Бозѣ святымъ Божіимъ иконамъ поклоняемся, яко угодниковъ его почитающе, а не боготворимъ же. Богъ есть единъ сотворивый небо и землю и вся, яже суть въ нихъ, таж сотворивый отъ единоя крови весь языкъ человѣчь областію своею, и нѣсть инъ Богъ, развѣ Его. На послѣдокъ же лѣтъ посла Сына своего Спасителя миру; Онъ же пострада и воскресе, взыде на небеса и сѣде о десную Бога Отца и сѣдитъ, дондеже подложитъ вся враги подъ ногами своима. Послѣдній же врагъ егда испразднится смерть, и тогда будетъ пожерто мертвенное животомъ, сирѣчь

воскресеніемъ вси лежащеи во гробѣхъ, и иже сѣдяй о десную Отца пріидетъ судити и воздати комуждо по дѣломъ его.

А иже держатся крѣпко старыхъ книгъ, а новыхъ отнюдь не пріемлютъ, и въ церковь къ новому пѣнію не ходятъ, и ходити не повелѣваютъ, и поповъ въ домы не пущаютъ, и отъ нихъ бѣгаютъ, и младенцевъ имъ крестити не даютъ, а крестятъ простые иноки и постригаютъ простые же иноки, а грамотѣ умѣющеи, и на духъ пріимаютъ простые жъ старцы,—и си чѣловѣцы раби Бога вышняго, отметающеся скверны, хранятъ цѣло благочестіе. Аще они и простіи, но дѣйство духовное, понеже и рукоположенцовъ тѣхъ не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ. Есть такъ писано въ правилѣхъ, вѣси писанное. Апостолъ рече: кое пріобщеніе свѣту ко тмѣ, и кая часть вѣрному съ невѣрными, и кое согласіе Христу съ веліаромъ и церкви Божіи со идолы. Хорошо творятъ, къ попомъ любодѣиваго соборища, къ новикамъ не ходятъ, да не осквернятся, но да хранятъ чистоту, отъ нихъ бѣгая, тому же да и иныхъ научаютъ, добрѣ тако творятъ, и отъ нашия худости имъ миръ и благословеніе.

А иже мужи и жены съ чады своими утекаютъ отъ соблазнъ, стригутся, выходя въ пустыни, и помираютъ гладомъ, постяся до смерти, а наставниковъ имѣютъ простыхъ старцовъ, а не священныхъ рукоположеніемъ, и стригутъ они и схимятъ и на духъ пріимаютъ, и на подвигъ укрѣпляютъ, и тѣ люди творятъ доброе, благодать ихъ соблюдаетъ и совершаетъ по усердьству и ревности сердецъ ихъ, отходятъ въ вѣчное блаженство. Благословенъ Богъ, соблюдая рабы своя отъ непріязни и отъ отступническаго навѣта. И егда тѣхъ людей имаютъ звѣри никоніяня кровососы, и во грады и въ приказы приводятъ, и отъ мучителей искушаеми бываютъ, велятъ имъ рабомъ Божіимъ во церквахъ и въ приказахъ поклонятися иконамъ, они же діявола и ихъ, угодниковъ діявольскихъ, никоніянъ не тѣшатъ, не кланяются иконамъ и твердо стоятъ до смерти мучими и біеми, сице зѣло творя добрѣ и правилнѣ. Есть бо правила сице: да не молится со еретики вкупѣ во церкви или въ домѣхъ ихъ, но развѣ безъ нихъ. Аще и въ еретическомъ храмѣ обрящеши святую икону, навъ предъ нею, поклонися, а на соборѣ еретикъ никакоже съ ними молитися не подобаетъ: злохулятъ бо, сходяся, Божеству досаждая. И си исповѣдницы и сущіи христіяне чистоту и опрятство чинно держатъ, и по ихъ пустынимъ своимъ им иконамъ (sic) не кланяются предъ еретики и слѣпымъ народомъ, ниже крестятся, за сіе добрѣ умираютъ и враговъ Божіихъ нетѣшатъ, а что ихъ потязаютъ отступники попы и діаконы и воеводы, и сему не дивися: чреда бо ихъ погибели пріиде. Пускай насъ съ ними со христіяны мучатъ и вѣнцедавцы намъ бываютъ, предавше смерти. Рече апостолъ: вси бо де хотящеи о Христѣ благочестно жити, гонимы будутъ, лукавіи же человѣцы и чародѣи преуспѣваютъ, на горшая прелщаеми, прелщающе. А еже которое лице предъ мучители, не стерпѣвъ муки, и угодная имъ сотворитъ отступникамъ, помолится съ ними, и потомъ уте-

четъ ко своимъ въ пустыни, они же пустынницы смиряютъ таковаго, епитимію налагающе по разсмотрѣнію, очищая его, яко прокаженнаго отъ проказы. Хорошо такъ и добрѣ творятъ отцы святіи, спаси ихъ Господи, яко праздно не отпускаютъ, изъязвленнаго исцѣлеваютъ. Любо Богу, и я по Бозѣ люблю такъ же, да нніи научатся не ослабѣвати.

А иже по новымъ книгамъ служатъ и на совершенныхъ Христовыхъ крестахъ или мало прибавлено, или отъято, не подобаетъ того комканія причащатися. А иже новопоставленной попъ пріидетъ въ покаяніе и проклянетъ ересь никоніянскую и чисто учнетъ хранити старое благочестіе, таковый да глаголетъ: «Благословенъ Богъ» и возгласъ: «Яко твое есть царство», и служитъ вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говоритъ и креститъ, а литоргисать ему не повелѣваю, страшно бо дѣло сіе и чистыхъ рукополагаемыхъ; аще ли постраждетъ отъ мучителей и кровь свою изліетъ за старое благочестіе, мню, тогда можетъ освятитися отъ вышняго рукоположеніемъ, и будетъ оттолѣ попъ совершенъ: литоргисавъ, и причащаетъ невозбранно. Мощно иноку просцу и простолюдину истиннымъ таинствомъ причащатися; есть Григорія Богослова правила о семъ, повелѣваетъ въ нужду причащати себя [4]).

А иже въ тропарѣ кресту: «Побѣды благовѣрному царю даруй на сопротивныя», и о семъ суетное словопрѣніе: которой благовѣренъ, о томъ церковь и молитъ, а которой зловѣренъ, тому и ничего. А молитися и о зловѣрномъ надобно; Златоустъ повелѣваетъ въ Бесѣдахъ Апостольскихъ и Маргаритѣ, на Іюдея въ Словѣ; молитися объ обращеніи и всѣхъ никоніянъ не согрѣшиши. Я бы хотѣлъ и діяволу въ чювство притти, да не можетъ старая мерзость быти нова; а никоніяня братія наша были, и укралъ ихъ такъ діяволъ. Проси Бога, да отъиметъ у него плоть и душу одушевленную и сочетаетъ ко святѣй церкви своей. Егда же умретъ въ нечестіи, тогда не стужати о немъ Божеству, пускай ево къ чертямъ пойдетъ, а о живыхъ молись и уповай, яко силенъ Богъ всѣхъ спасти. Егда и о царѣ отщиненцѣ молися, благовѣрнымъ его не нарицай, но просто имя рцы: «Спаси Господи царя имрка», или «Побѣды царю, имрку, на сопротивныя даруй», сирѣчь на бѣсовы и на діяволы, да и прочая. Потомъ же о обращеніи ихъ на просвиромисаніи и вездѣ, а буде совѣстію угнѣтаемъ не можешъ на имя царя и патріарха просвиры выняти, понеже оттекли отъ тѣлеси церкви, и ты о благовѣрныхъ князѣхъ вынимай и о священьствѣ безъимянно.

Посемъ и сіе буди ти разумно: простому иноку не подобаетъ глаголати: «Благословенъ Богъ нашъ», и «Боже, ущедри ны», но «За молитвъ святыхъ отецъ нашихъ», таже трисвятое и прочая, и канонъ за единоумершаго, таже панихида, и кадить кадиломъ, також поетъ и молебенъ, емуж хощетъ, говоритъ каноны со Евангеліемъ, и кончаетъ по трисвятомъ тро-

[4]) См. выше, № 4.

парь, и 40 «Господи помилуй» или 100, ектеней же не глаголеть, но «Честнѣйшую» и «Слава и нынѣ», «Господи помилуй» 3, да молитвою и кончаетъ.

А иже сами ся сожигаютъ, хранятъ цѣло благочестіе, тому же прилично, яко испоста умираютъ, добрѣ творятъ.

А иже отъ причастія себя отлучаютъ, а мочно только получить сокрамента святаго, чистыя, святыя службы, и я того не похваляю; рече бо самъ Господь: ядый мою плоть и піяй мою кровь, во мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ. Какъ то такъ дерзко глаголетъ, яко не обрящеши конечно святыхъ таинъ; только то и людей святыхъ, что будьто одны мы, а то всѣ погибли! Миденькіе батюшки, добро ревность по Богѣ, да знат ей мѣра. Не блюдись, до конца не упразнитъ жертвы той и самъ антихристъ; самъ бо рече Владыка: Азъ есмь съ вами до скончанія вѣка [5]).

А Никонъ веть не послѣдней антихристъ, такъ шишъ антихристовъ, бабо...бъ, плутишко, изникъ въ земли нашей. А которые, въ зодійстѣмъ крузѣ увязше, по книгамъ смотрятъ, и дни, седмицы раздѣляюще, толкуютъ, антихристомъ послѣднимъ Никона называютъ, то все плутня, а не Святымъ Духомъ разсужденіе. Аѳанасій Великій пишетъ: идѣже нозѣ Спасителя нашего Христа походиша, оттолѣ отъ Галилеи и антихристъ изникнетъ; а не отъ нашеи Русіи. Я Никона знаю: недалеко отъ мене родины родился, между Мурашкина и Лыскова, въ деревнѣ; отецъ у него черемисинъ, а мати русалка, Мина да Манька, а онъ Никитка колдунъ учинился, да бабъ блудить научился, да въ Желтоводіе съ книгою поводился, да выше, да выше да и къ чертямъ попалъ въ атаманы, а нынѣ, яко кинопсъ волхвуя, ужо пропадетъ скоро и память его съ шумомъ погибнетъ. Потрясы церковью тою не хуже послѣдняго чорта антихриста, и часть его съ нимъ во огни негасимомъ.

А иніи глаголютъ, яко Илія и Енохъ были на земли, и людямъ проповѣдаютъ; и то не ложно, и я говорю: были, да не купно —Енохъ прежде потопа седьмый отъ Адама, а Илія во Израили при Ахавѣ. На послѣдокъ же пріидутъ паки Илія и Енохъ, со Иванномъ, чювственно человѣцы, плоть и кровь одушевленна, понеже еще не вкусиша смерти, въ пищномъ раю пребываютъ, къ тому времени Богомъ блюдоми. Тогда бо тогда, егда времена и лѣта, яко бревно з горы низпущено на равнину прикатится, тако и тварь вся въ скончаніе пріидетъ. И преже мучителю родъ человѣческій искусити подобаетъ, родится антихристъ отъ Галилеи, отъ колѣна Данова, отъ жены жидовски. Чти о семѣ Ефрема, Ипполита, тамо обрящеши пространно. Пророцы ж Енохъ и Илія съ Иваномъ послани будутъ проповѣдати людемъ, яко той есть льстецъ погубляяй останки, не русскую токмо землю, но и всю подъ небесемъ землю, идѣже елико солнце сіяетъ. Онъ же ихъ убіетъ чювственно и повержетъ на стогнахъ града Іеросалима.

---

[5]) См. выше, № 4.

Аще и воцарится антихристъ въ Римѣ, но препдетъ мучительски и до Іерусалима, истнѣвая и сокрушая человѣческій родъ, вѣрныхъ во Христа Ісуса. Таж оживотворитъ Богъ мертвенная тѣлеса Духомъ Святымъ, пророковъ, въ день четвертый взыдутъ на небо во очію всѣхъ человѣкъ, ту бывшихъ. Чти Апокалипсисъ, глава 11, тамъ писано пространно, и вѣруй писанію, а не бабіямъ баснямъ, яко будутъ пророцы на утверженіе людей и на обличеніе мучителю злодѣю.

А что спорятъ между собою, заблудя отъ писанія, и тому дивитися не подобаетъ; моя совѣсть спороватися не хощетъ, но нуждѣ ворчу, понеже докучаютъ; а какъ бы не спрашивали, я бы и молчалъ больше.

Отче Іоно, зайца ясти правила возбраняютъ, понеже трехдневное, яко и вельбудъ, избрысуетъ (sic!), и вельбудъ по тому же чину, аще на кого осердится, трехдневную ядь на него выблюетъ; за сіе Второзаконіе (sic) писано, и во благодати не указано его ясти, аще и рассохатъ и пазнокти имать, но изнутри нечистъ сый. А заяцъ и по двоимъ винамъ нечистъ есть: первое, яко и вельбудъ, тридневное отрыгаетъ, а второе не имутъ ноги его копыта рассохата, но песья лапа, и посему поганъ же. А въ понедѣльники мірянамъ мяса ясти правила повелѣваютъ, развѣ кто самъ изволитъ не ясти мяса и рыбы въ понедѣльники, и яко среду и пятокъ соблюдати изволитъ, или по заповѣди отца духовнаго епитимію понесутъ за своя согрѣшенія; и то все доброе дѣло: во всяко время пріятенъ есть постъ Богу.

А единогласнаго пѣнія и нарѣчнаго кто не любитъ, тотъ смущенъ, и молитва его суетна есть,.и не совершенъ то есть боголюбецъ, но крадетъ душу свою слабоуміемъ, не хотя повинутися вѣчной правдѣ. Праведно бо есть пѣти и славити Святую Троицу единогласно и на рѣчь, глаголати противъ печати: Богъ, а не Бого, Спасъ, а не Сопасо, рождается, а не раждается, грядетъ же, и не идете же ко крещенію. Кая польза многобожіе вводите: ражаетеся въ знаменныхъ, али не единъ Христосъ родися? Единъ Богъ Спасъ міру Христосъ, а не два, ни три. Прочитай Аѳанасія Великаго «Слово къ Маркелину», тамъ уразумѣешь о измѣненіи глаголъ тѣхъ. Красоглаголаніемъ тѣмъ погубляеши разумъ, прибывши (sic!) души разумѣти тонкости глагола. Да и Павелъ апостолъ научаетъ разумно въ церкви пѣти и прочитати, указуетъ на трубы бездушныя и сопѣли. Зачало 155: аще де пріиду къ вамъ, языки глаголя, кую вамъ пользу сотворю аще не глаголю откровенно, или въ разумѣ; обаче бездушная, гласъ дающа: аще сопѣль, аще гусли разньствія писканіемъ не дадятъ, како будетъ разумное писканіе или гудѣніе; ибо аще безвѣстенъ гласъ труба дастъ, кто уготовится на брань? Тако и вы, аще не благоразумно слово дадите языкомъ, како разумѣется глаголемое? будете бо въ воздухъ глаголюще. Да и все зачало то прочти разумно, да и еще зачало, и еще зачало. Вся глаголетъ, о разумѣ глаголя.

А во многлаголаніи пѣніе и не на рѣчь, какъ, разумъ глаголя, разу

менъ будетъ? И самъ пѣвецъ, поюще не разумѣетъ, токмо лише знамя украшаютъ ревущи; крюки имъ надобны, а не сила, глаголя. Не ново су единогласное пѣніе и на рѣчь, но старая то вѣчная правда. И Златоустъ во нравоученіи бѣсѣдуетъ, да и въ Прологу, помнится, есть тоже ево слово, сице глаголетъ: егда пѣвецъ поетъ, тогда епископъ молчитъ, епископъ глаголетъ, пѣвецъ молчитъ. Да много той ево бесѣды. Заслѣпилъ полно діяволъ косноуміемъ истину разумѣти, а то всѣмъ знать мочно: одно одново лутче, какъ напечатано, такъ и пѣти подобаетъ и говорити во единъ гласъ, хотя бы пять словъ, во единъ гласъ, речи не портя, изреклъ ко Владыцѣ: полезнѣе бо ему всего торжества, сопасы тѣ на ѳиты распѣвая. Есть о семъ писалъ пространно въ Москву въ мимошедшая лѣта [6]), а нынѣ и сего довлѣетъ: разумному боголюбцу и едино довлѣетъ ко исправленію, а сопротивоборцу и тьма словъ не полезно.

А еже вопрошаеши меня о иконномъ писаніи, аще иновѣрецъ напишетъ подобно, подобаетъ поклонятися. Но не мню новолюбцамъ правость чинить, святыя иконы писать. Видалъ я ихъ рукодѣль; не то испорчено, ино иное, похабствомъ вся чинятъ, и въ лицахъ бѣлость, а не румянство, и въ ризахъ скудость, а инде прибавлена небылица, власы простерты или у святителя и у преподобнаго, яко у нѣмчина, и у самаго Спаса косы и браду неподобно пишутъ, а благословлящая рука малакса, сирѣчь оттеня мизинецъ, и подпись Іисусъ. Еще и распятіе Господне пишутъ по-латыньски, со креста тѣло все по длинному древу стаща низу, вверхъ руками написуютъ. И всякой иконѣ, написанной не подобно, кланятися не подобаетъ. А еже на бумагѣ или на холстѣ образъ Спасовъ или Пречистые Богородицы написанъ подобно, подобаетъ кланятися. Златоустъ Великій пишетъ, и Дамаскинъ и иніи богословцы. И восколіятельному образу кланятися повелѣваютъ Христову, и Богородичну и святыхъ всѣхъ, лише бы подобно вылитъ, а мѣдному, и сребряному, и на древѣ рѣзному и паки подобаетъ. Аще нелѣпо вылитъ или вырѣзанъ, такому кланятися не подобаетъ, а безчестити и укоряти не подобаетъ же, велѣть разумно передѣлать.

Да уже то, отче Іоно, со фряжскихъ книгъ книги печатаютъ, таковы и иконы дѣлаютъ. Нѣмцы вѣдь иконамъ не кланяются, токмо свои образины пишутъ, каковы сами волосаты, таковы и образы пишутъ да и въ нихъ не однако разъ ихъ всякъ діяволъ (sic!). Иные Христовъ образъ и Богородиченъ пишутъ неподобно, но тѣло бо и тучно, и волосатъ, и яко нѣмчинъ, Христовъ образъ написанъ. А Благовѣщеніе образъ Богородиченъ, стоитъ со архангеломъ чревата; такъ-то и въ Жезлѣ безбожномъ соборище у насъ напечатали: къ зачатію же Дѣвы растворися утроба и паки затворися; и пониж тоя рѣчи блядь другая, и совершенъ младенецъ обрѣтеся во утробѣ, и еще блядь, яко 30 лѣтъ мужъ. Видиши ли, съ усомъ и з бородою. А во

[6]) Вѣроятно, здѣсь упоминается «Посланіе къ священнику Стефану», помѣщенное въ Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 214—217.

иной книгѣ въ Богословлѣ Григорія и протчихъ Ивана Дамаскина слово и рѣчь евангелія о Іосифѣ: и не знаяше ея, дондеже роди сына своего первенца. И никоніяня протолковали: посему же знать, яко не пресѣкается дѣторожденіе ея и по Христѣ. Видишь ли, какая бѣда? По жидовски, буто со Іосифомъ послѣ Христа дѣтей родила Богородица. Коли ужъ лаютъ въ книгахъ, а на иконахъ коли велятъ истину писать? Пропала, чадо, правда, нѣгдѣ сыскать стало, развѣ въ огонь совѣстью собрався или въ тюрму по нашему. Кому охота Христа подержатся, какъ правда молвить, и молитва ихъ, и книги, и образы все подобаетъ, собравъ съ просвирами въ мѣшокъ да въ воду съ каменемъ,—такъ слава Богу, а трудящемуся побѣдный вѣнецъ отъ Христа Ісуса [7]).

А еже никоніяня запсаяли (sic!) на сложеніе перстовъ стараго нашеı(православія, и глаголютъ, два Сына бутьто въ рукѣ слагаемъ и крестимся, и тому дивитися не подобаетъ; не можетъ бо діяволъ со ученики своими ни видѣти, ни слышати правды, понеже ложь есть самъ и своими ложь глаголетъ. Мы въ сложеніи перстовъ не глаголемъ двухъ Сыновъ быти, но единъ Сынъ, сый прежде сложенія міра со Отцемъ и Духомъ. Той же на послѣдокъ нашего ради спасенія возсія отъ Дѣвы. Отча нѣдра не оставль, сошедъ на землю, Слово присносущное Отцу и Духу, еже есть силою своея благодати, а существо самое бысть непоступно вездѣ, въ нижнихъ силою своею, а существомъ никакоже отступль вышнихъ. Разумѣй реченное Дамаскинымъ Иванномъ. По пріятіи убо бесѣдѣ отъ ангела Святѣй Дѣвицѣ, осѣни ю Духъ Святый, и тогда присѣти къ ней Бога вышняго ипостасная премудрость и сила, Сынъ Божій во своемъ составѣ. Зри. И мы также глаголемъ: ипостасная премудрость и сила Сынъ Божій, а не существо самое сниде, но сила сущная Бога Слова вселися во утробу дѣвичю; вочеловѣчився, пострада и воскресе, взыде на небеса, и сѣдѣ о десную Бога на своемъ царстѣмъ, огнезрачнѣмъ престолѣ, и сѣдитъ во двою естеству, Богъ и человѣкъ со душею, славится именемъ земнымъ, Богъ и человѣкъ единъ Сынъ Божій, а не два по Несторію, но единъ, единъ Сынъ. Аще и два во Христѣ естества познаваемъ несмѣсно, но имя едино Богу и человѣку. Сынъ бѣ единородный, свѣтъ отъ свѣта велика пришедъ, и въ нищетную плоть нашу облещился и, зовомъ Богъ и человѣкъ, единочаденъ бѣ начальному великому Отцу Свѣту. Зри.

На персты вото истина сіяетъ: указательный и великосредній во Христа Ісуса, великій же и два послѣднихъ во образъ Святыя Троицы и во Святую Троицу. Во Христѣ же силу единосущную Богу Слову помышляй быти Святыя Троицы, а не отдѣляй въ вочеловѣченіи силы отъ Святыя Троицы. Такъ свято и праведно отъ святыхъ богословцевъ преданная держимъ, а не треперстная блядь, еже сице слагаютъ. Явна бѣ во Апокалипсисѣ, изъ нея бо исходятъ три духи нечистыя и вселяются въ поганую

---

[7]) Срав. Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 292—293.

душу, преводне рещи, три жабы или три лягуши, оскверняють человѣка: всякъ бо крестяйся тремя персты, кланяется первому звѣрю, папежу и второму русскому, творять ихъ волю, а не Божію, или рещи, кланяяся жертвуеть душею тайно антихристу и самому діяволу. Въ ней же бо щепоти тайна тайнамъ сокровенная: змій, звѣрь, лжепророкъ, сирѣчь змій діяволъ, а звѣрь царь лукавой, яко бо пророкъ папежъ римской, и по немъ патеръ русскій и протчіи подобни имъ. Полно о томъ бесѣдовать, возми ихъ діяволъ, Христу и намъ онѣ не надобны.

Разумно ти да будеть и о молитвѣ Ісусовѣ. Сія бо правость отеческая, сія истинна церковная: егда глаголемъ: «За молитвъ отецъ нашихъ», тогда кончаемъ: «Сыне Божій, помилуй насъ»; еда же глаголемъ: «За молитвъ Пречистыя Ти Матере», тогда кончаемъ: «Боже нашъ, помилуй насъ». Аще глаголеши наго: «Господи Ісусе Христе», тогда глаголи: «Сыне Божій, помилуй насъ»; но идѣже Отчее имя или Матернее, тутъ «Боже нашъ» глаголется, понеже свойство сыновства при Отцѣ и при Матери; а идѣже наго въ домѣхъ, и на пути, и на правилѣ, и вездѣ, тамо «Сыне Божій» подобаетъ глаголати,—тако бо держимъ отъ отецъ предано.

Никоніяня бо, вземся на Христа, Сына Божія, искореняють имя Его въ сложеніи перстахъ, и въ молитвѣ, и на жертвѣ, полагають сѣнь, латиньской крыжъ. Новые бо то жиды, не хотять единочадаго Сына Божія славы ни слышати, ни глаголати, ниже именемъ Его страшнымъ и славнымъ знаменатися. Не Троица бо пострада по насъ, но Сынъ Божій, вочеловѣчився, имже приведени бѣхомъ Богу и Отцу; сего ради именемъ Сына Божія украшаемся и, слагая персты по преданію, полагаемъ на чело и на пупъ и на оба плеча, тайну бывшую смотрѣнія его образующе, якож учить церковный учитель блаженный Ѳеодорить Киринейскій, и Мелетій Антіохійскій, и Петръ Дамаскинъ, и Грекъ Максимъ, возсіявый въ нашей русской земли. Еще же и помѣстный соборъ Московскій, бывшій при Иванѣ царѣ, тамо засѣдатель бывъ Макарій, митрополитъ Московскій и съ нимъ Гурій, епископъ Смоленскій и Варсоноѳій Тверскій, и Ѳилиппъ, игуменъ Соловецкій, еже нынѣ въ Москвѣ нетлѣнно лежить тѣло его, а Гурій и Варсоноѳій въ Казани нетлѣнно ж опочивають. Чти сто главъ правилъ изложенія ихъ, свидѣтельство ихъ о всемъ истинно. Никоніяня бо бабо. . .ы злохулять ихъ всѣхъ, а русскихъ называють неуками, понеже праведное солнце не возсія имъ и свѣтъ правды не облиста ихъ; грядутъ, другъ друга ведуще вси въ пагубу, по немъ же пути и древніи шествовали еретицы. Мы же проповѣдуемъ Христа Ісуса, Сына Божія, и якоже свѣщникъ, свѣщу нося, просвѣщается, тако и мы именемъ Сына Божія украшаемся: Никоніянамъ соблазнъ, а намъ христіянамъ исправленіе, никоніянамъ камень претыканія, а намъ камень утвержденія, никоніянамъ паденіе, а намъ востаніе о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно, и ва вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 11. Посланіе къ нѣкоему Сергію [1]).

Тѣло наше безъ души есть калъ, и пепелъ и прахъ, а вы ужъ другъ друга гнушаетесь и хлѣба не ядите вмѣстѣ, глупцы, гордитеся другъ другомъ, а все одна земля и пепелъ. Ну, да полно тово, живите хорошенько иново отъ ереси тоя человѣка уведи, Богу работать добро будетъ, а грѣхъ-отъ тотъ возложи на мою выю, не кайся, что добро здѣлалъ. А иконамъ святымъ честь воздавай, а не по подобію написаннымъ тѣмъ не ругайся, но просто отъиди отъ нихъ или вели переписать сызнова.

Господи Іусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь. Псаломъ: помяну имя Твое во всякомъ родѣ и родѣ, сего ради людіе исповѣдятся тебѣ въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Толкъ. Зри, и намъ поминаетъ имя Господне великимъ и малымъ во всякомъ родѣ и родѣ, и апостольски по Христѣ жить. Да и есть въ нашемъ родѣ; на нихъ зря, людіе исповѣдятся людіе Богу въ вѣкъ и въ вѣкъ вѣка непрестанно. Наипаче же въ нынѣшнее время въ нашей Россіи сами въ огонь идутъ отъ скорби великія, ревнуя по благочестіи, яко и древле апостоли; не жалѣютъ себя, но Христа ради и Богородицы въ смерть идутъ [2]). Бысть овыхъ еретики пожигаютъ, а иніи распальшеся любовію и плакавъ о благовѣріи, не дождався еретическаго осужденія, сами въ огонь дерзнувше, да цѣло и непорочно соблюдутъ правовѣріе, и сожегше своя тѣлеса, душа въ руцѣ Божіи предаша. Ликовствуютъ со Христомъ во вѣки вѣкомъ, самовольныя мученики, рабы Христовы, вѣчная имъ память во вѣки вѣкомъ. Добро дѣло содѣяли, чадо Сергій, надобно такъ разсуждать: мы между собою блажимъ кончину ихъ, аминь. Аввакумъ писалъ своею рукою здѣсь.

Брате, брате, дорогое дѣло, что въ огонь посадятъ; помнишь ли, въ Нижегородскихъ предѣлѣхъ, гдѣ я родяся живалъ, тысячи з двѣ и сами миленькіе отъ лукавыхъ тѣхъ духовъ забѣжали въ огонь; разумно онѣ здѣлали, тепло себѣ обрѣли, симъ искушеніемъ тамошняго искуса утекли. Да не всѣмъ то такъ: званой на пиръ ходитъ. А ты, любезный мой, поплачь преже, нынѣ живучи, да и меня поминай въ молитвахъ своихъ, да и нарядися хорошенько въ одежду брачную, яко мученикъ Ѳилиппъ, медвѣдю въ глаза зашедъ плюнь, такъ онъ и взбѣсится да изгрызетъ, яко мяконкой пирожокъ. Ну, а то слава страстемъ Твоимъ, Господи. А иже сами ся сожигаютъ, хранятъ цѣло благочестіе, тому ж прилично, яко не поста умираютъ, добрѣ творятъ. Зналъ я покойника Доментіяна, простъ былъ человѣкъ, но вѣра тепла и несумнѣнна, а конецъ добро сотворилъ, отъ отступниковъ утекая, сожегся. А иныя ревнители закона суть, уразумѣвше лесть отступленія, да не погибнутъ злѣ духомъ своимъ, собирающеся во дворы з женами и дѣтми и сожигахуся огнемъ своею волею. Блаженъ есть сей

---

[1]) По рук. И. П. Б. О. XVII, 37, л. 76—82 об.

[2]) Мат. для ист. раскола, т. VIII, стр. 28.

изволь о Господѣ [3]). Згорятъ су всѣ о Христѣ Iсусѣ, а васъ собакъ не послушаютъ. Да и надобѣ такъ правовѣрнымъ всѣмъ; то наша и похвала, что за Христа и за святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, до во ономъ будущемъ вѣцѣ жить будемъ съ ними во вѣки. Что ты задумался? Не задумывайся, не размышляй много, пойди въ огонь,—Богъ благословит. Добро тѣ здѣлали, кои въ огонь забѣжали. Мы же разсуждали сами меж собою: кажется, не худо онѣ здѣлали, да не осквернятъ ризъ своихъ, еже есть святаго крещенiя, и во огнь себя ринули, якож и оныя жены отъ варварскихъ рукъ въ воды. Благословенъ буди о нихъ Господи. Вѣчная имъ память. Пишетъ Григорiй Нероновичъ: отскочи отъ прелести, да спасешися, лучше во огнѣ згорѣть или въ водѣ утопитися, неж по новымъ Служебникамъ причаститися жертвѣ никонiянской.

Мѣсяца октября 4. Святыя мученицы Домнины и двухъ дщерей. Зри тамъ: мѣсяца марта 22, о мученикахъ, бывшихъ при Троянѣ царѣ и дщери его Фросидѣ. Зри тамъ: мѣсяца ноября 13 день, святыя мученицы Манеѳы дѣвицы,—мучена ж бысть и по многихъ мукахъ освобожена бысть, и многiя чудеса сотвори, послѣди же въ раженную пещь сама вниде въ ню, тако скончася. Мѣсяца августа 1. Святыя мученицы Соломонiи, послѣ мученiя дѣтей своихъ держима и на отданiе чистоты ея соизволяюща, и рече, иже поне отъ мучителя прiидоша: «пождите ми, азъ же уряжуся, яко достоитъ», и отшедъ къ храмину, воздѣвъ къ Богу руцѣ, да сохранитъ чистоту ея, моляше и, воспрiимше ножъ, удари сама себя въ перси, въ послѣдняя словеса, и притекшу ту мучителю, приказуя: тако христiяне по мнѣ угодны мучителю да явятся, и тако скончася. Книга Библiя, Судей израильскихъ, г. 11, зри тамъ. Писано есть въ житiи святаго мученика Ареѳы: нѣкая жена восприiять во время мученiя ея со младенцемъ 4 лѣтъ, послѣ сынъ ея самъ въ огонь бросился и згорѣ смертiю [4]).

Нравоученiе. Поученiе послушайте се, чада, да скажу вамъ, что есть тайна христiянская и какъ жити. Слушай-ко! меня Аввакума протопопа въ заточенiе сослали въ Сибирь, потомъ въ Дауры. Прочихъ же отецъ и братiй нашихъ безчисленно погуби душъ еретики никонiяня, возми таковыхъ отъ земли: не подобаетъ имъ жити. И оттолѣ и по се время безпрестанно жгутъ и вѣшаютъ исповѣдниковъ Христовыхъ. Онѣ миленкiе ради Пресвѣтлыя, и честныя, и вседѣтельныя, пренеисчетныя Троица несытно пущи въ глаза лѣзутъ, слово въ слово яко комары или мушицы. Елико ихъ болши подавляютъ, тогда болши пищатъ и въ глаза лѣзутъ. Такожъ и русаки бѣдныя, пускай глупы, ради, мучителя дождались, полками въ огонь дерзаютъ за Христа Сына Божiя Свѣта. Мудры блядины дѣти греки, да съ варваромъ турскимъ съ одново блюда патрiархи кушаютъ раѳленыя курки. Русачки же миленкiе не такъ,—въ огонь лѣзутъ, а благовѣрiя не преда,

---

[3]) Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 264—265.

[4]) Сравни съ начала до этого мѣста съ Мат. для ист. раскола, т. VIII, стр. 75—78.

ютъ [5]). А въ огнѣ томъ здѣсь не болшее время потерпѣть,—аки окомъ мигнуть, такъ душа и выскочитъ. Развѣ тебѣ не разумно. Боишься пещи той? Дерзай, плюнь на нея, не бойся! До пещи той страхъ; а егда въ нея вошелъ, тогда и забылъ вся. Егда же загорится, а ты и увидишь Христа и ангельскія силы съ Нимъ, емлютъ душу-ту отъ тѣлесъ, да и приносятъ ко Христу: а Онъ надежда благословляетъ и силу ей даетъ божественную, не уже къ тому бываетъ тяжка, но яко восперенна, туды же со ангелы лѣтаетъ, равно яко птичка попорхиваетъ,—рада, ис темницы той вылетѣла! Вотъ пѣла до того плачюще: Изведи ис темницы душу мою, исповѣдатися имени Твоему. Мене ждутъ праведницы дондеже воздаси ми. Ну, а то выплакала! Темница горитъ въ пещи; а душа, яко бисеръ и яко злато чисто, взимается со ангелы выспрь [6]). Чти Бесѣды. Не пекись о родителяхъ, не брехших своего спасенія, но дерзай за истиннаго Параклита подъ топоръ, и во огнь, и на висѣлицу. Утѣшитъ Онъ, Свѣтъ нашъ, утѣшитель истинный, вѣчнымъ утѣшеніемъ въ вѣки грядущія. А жену и дѣтей предай Владычицѣ Богородицѣ, крѣпкой стѣнѣ и огражденію: печется бо и промышляетъ о стадѣ своемъ маніемъ неизреченно, строя человѣческій родъ. Аще, любимиче, не нынѣ, потомъ умремъ же́ всяко. Красный и свѣтлый праздникъ отъ никоніанъ скончатся: во 100 и въ 1000 лѣтъ трудившеся постомъ и молитвами, толикія мзды не получиши, якож дерзнувъ въ пещь огненную, во временнѣ часѣ пріимешь. Рече Господь: аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ. И прочая чти. Писалъ Аввакумъ протопопъ своей рукою.

Чадо, не буди тяшко, но встанливъ, а не лѣнивъ и къ церкви Божіи почасту приходи, да не бреди со слѣпыхъ тѣхъ въ никоніянскую костелъ и сонмицу. И будетъ небо ново и земля нова, и земляная вся обновятся, еже есть рай будетъ вся земля та. Иніи праведницы въ раю томъ учинитъ Богъ, а иніи на небесѣхъ, а иніи въ свѣтѣ неизреченнѣмъ близъ Святыя Троицы, а грѣшницы прогнани будутъ подъ землю во адъ, а иніи съ дьяволомъ въ тартаръ глубокій, еже есть низу ада подъ твердію. Ревете медвѣдемъ подъ водами тамо.

А на павечерницѣ и полунощницѣ предъ образомъ молитва говори: «Ослаби» или «Прости мя, Владыко, Христе Боже, еже согрѣшихъ», и прочая вся до конца.

Вѣруяй въ мя несумнѣнно, не собираетъ, коею смертію скончается: или отъ человѣкъ, или отъ звѣрей, или гладомъ, или отъ нужныхъ великихъ трудовъ. Двухъ же смертей не будетъ, а единыя никтоже избѣжати можетъ. Единою бо возложивыйся на Бога, во всѣхъ нужахъ, царствія ради небеснаго и умрый мірови, къ тому не ищетъ, како скончается, къ тому не печется собою. Единою возложивыйся на Бога, елика творитъ, успѣетъ и вездѣ обрящетъ полезное души своей, но вѣсть точію, яко Бога ради на вся скорби

[5]) Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 203.
[6]) Мат. для ист. раскола, т. V, стр. 207—208.

предается, и на всякомъ мѣстѣ спасеніе обрящетъ; по вѣрѣ нашей и благодать Божія намъ дается: мала вѣра, мала и дается, болши вѣруеши, болши и благодать дается.

№ 12. Отрывокъ посланія къ неизвѣстному [1]).

А иже невѣдѣніемъ впалъ въ сію проклятую ересь никоніянскую, или страха ради, и мукъ боясь, таковый да кается предъ Богомъ плачася паденія своего, и впредь да опасается отъ треперстныя ереси, и Богъ простнтъ его въ сій вѣкъ и въ будущій, и наше на немъ благословеніе да будетъ во вѣки, и въ будущемъ вѣцѣ часть наша съ таковымъ да будетъ равна у Христа Сына Божія, свѣта нашего. А еще кто любитъ сію ересь триперстную и всѣмъ сердцемъ къ ней прилежитъ, живъ уловленъ въ волю діяволю, а отстать не ищетъ и каятися не хощетъ, таковый седмію соборы вселенскими и мною грѣшнымъ да будетъ проклятъ. Правовѣрныхъ же да помилуетъ Господь Богъ и спасетъ, яко благъ и человѣколюбецъ [2]). Аминь, аминь, ей, ей, буди тако въ вѣкъ. Да и азъ многогрѣшный молю и прошу именемъ Ісусъ Христовымъ аще еси палъ, воставай ради Христа, Сына Божія, свѣта нашего, и ради Пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ небесныхъ силъ и ради святыхъ апостолъ и пророкъ и всѣхъ святыхъ. Не отчайся, но покайся и плачися, якожъ Петръ, и яко мытарь, и блудный, и Манасія, и блудница. Милостивъ бо Господь нашъ, пріемлетъ грѣшныхъ покаяніе и падшихъ воздвиваетъ. Аминь.

Что ты стужаешь мнѣ въ дохматехъ, или забылъ писаніе: аще и мало отъято будетъ отъ преданія намъ святыхъ отецъ вѣры, повреженo все бысть, такожъ и прилогъ судится равно. А у никоніянъ (или не разумно ти?), и вся разрушено суть: вмѣсто Христова трисоставнаго креста сѣнь ветхую или рещи крыжъ еретической на жертву возложили, сирѣчь раба на Владычнѣ устроили мѣстѣ, — погана жертва и агнецъ учинился неправеденъ. Також и въ сложеніи перстовъ, и три перста и малакса — рать на Христа Ісуса и души оскверненіе. Толковати ж времени ми нынѣ нѣсть, а иже нечистому причащаются агньцу и просвиры круты, и тѣ за скудость ума сквернятъ своя души. По Апостолу, всякъ пріобщаяся Господу, единъ духъ съ Господомъ, и прикасаяся прелюбодѣицѣ едино тѣло есть съ прелюбодѣицею. Писано есть: еретическое крещеніе нѣсть, но паче оскверненіе. Или ти мнится, не еретики никоніяня? Ей, еретики! Духа Святаго не глаголютъ истинна, Сына Божія отмещутся. Да въ краткой бесѣдѣ сей гдѣ петь все изговорить? Едино, едино: христіянину сущу подобаетъ удалятися

[1]) По рук. И. П. В. № 0. XVII, 37 л. 82 обр.—84 об., гдѣ это посланіе озаглавлено: Выписано изъ книги отца Аввакума протопопа, житія его.

[2]) Сравн. Мат. для ист. раск., т. VIII, стр. 72—73.

не токмо жертвы, но и селенія ихъ: поганцы суть и древнихъ еретиковъ поганѣе. А иже которые причащалися тайнамъ ихъ и, познавше, притекли въ покаяніе, таковыхъ Богъ проститъ, токмо бы впредь отъ блудни сея хранилися. Понеже невѣдая согрѣшитъ, біенъ бываетъ мало, а вѣдая, — много. А за первое ихъ безуміе, правило имъ противу лица комуждо: молодому менше, а старому болше, 3 лѣта...

№ 13. Посланіе къ неизвѣстнымъ [1]).

О измѣненіи пишетъ в книгѣ о вѣрѣ листъ 248: Измѣнятъ бо времена законъ беззаконующіи, завѣтъ наведутъ съ прелестію, и осквернятъ священія, и представятъ учащеніе, и дадятъ вне огнушеніе искажено. И ты смотри, всякъ православный, и внимай, что творится въ нашей Россіи, измѣненіе вещемъ отъ Бога и отъ отецъ положеннымъ. Не токмо святыя книги измѣнили, но и ризы, и мирскія обычаи, и вещи, и пословицы, и имена преложили: глаголютъ бо Христа Ісуса Іисусомъ, а Николу чюдотворца Николаемъ, — той бо Николай при апостолех еретикъ бысть, а великій чюдотворецъ Никола бысть при царѣ Констянтинѣ. Еще же прелагатаи нарицаютъ Иванна именемъ женскимъ, пишуще безъ титла Анною. Вся бо Богови грубо; не подобаетъ бо своего языка уничижать, а странными языки украшати рѣчи. Въ старопечатныхъ книгахъ: вó имя, а въ новыхъ: во имя; въ старыхъ: Израиль, а в новыхъ: Исраиль; въ старыхъ: вѣкомъ, а въ новыхъ: вѣковъ; в старыхъ: аминь, а в новыхъ: аминъ. Малое бо се слово велику ересь содѣваетъ; Кирилъ святый пишетъ: Посмотри же, любимиче, на просодіи, и на запятыя, и точки. И вся силы измѣнили на странныя пословицы, противны святымъ отцемъ нашимъ: не обрѣтохомъ бо во ученіи апостолъ и пророкъ, еже бы измѣняти пословицы и ризы всему миру, но токмо нравы богопротивныя судиша апостоли отлагати, сирѣчь тщеславіе и гордыни, буести и зависти, объяденія, пьянства, блуда и лихоиманія, татбы и сребролюбія, клеветы и убіиства и прочихъ злыхъ; вскрай того удалятися повелѣша, яже враждаютъ наша душа. О нихже правила возбраняютъ, того стрещися недреманнымъ окомъ подобаетъ; а никоніяна, увы! преложиша истину во лжу и почтоша беззаконіе въ законъ. Зѣло бо огорчиша церковь Божїю и общую матерь нашу оскверниша догматы незаконными, вся бо от вѣка ереси внесоша въ ню, о нихже ми не достанетъ лѣто повѣствующу: заколаютъ бо агнецъ неправедный, еже есть дѣйство льсти литоргѣйное. Отнюд бо православному христіянину ихъ служенія не подобаетъ причащатися, суетно бо ихъ кадило и мерзко приношеніе, понеже бѣсомъ жрутъ никоніяне, а не Богови. Страшно бо нѣкое чаяніе суда и огня ревность поясти хощетъ сопротивныя; писано бо есть: отвергся кто

---

[1]) Рукоп. Черниговской духовной семинаріи, № 134 л. 43—46 об.

закона Моисеова, безъ милосердія умираетъ при двою или тріехъ свидѣтелехъ; колицей же мнится сподобитися муцѣ горшей, иже Сына Божія поправый, и кровь завѣтную скверну возмнѣвъ, в нейже освятися, и духъ благодати укоривъ. Вѣмъ бо рекшаго: Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ, глаголетъ Господь; страшно есть впасти въ руцѣ Бога жива.

Слышалъ ли сіе страшное прещеніе, о Іюдею новый? И что шарпаешися со Христомъ Ісусомъ, низлагая благодать и воставляя ветхая? Яко древній Іуліянъ царь покушаешися низложити Христовъ крестъ трисоставный и сѣнь законную, четвероконечный крестъ почитаеши паче истины, пачеже рещи не сѣнь, но крыжъ латынскій, умыслъ діявольскій. Аще вещь и такова же образомъ, якову церковь держитъ на ризахъ и пеленахъ, но разньство веліе, и заблуженіе въ вашемъ разумѣ. Пріимете без зазора промыслъ и о костелѣ томъ, яко Іуліянъ царь о святая святыхъ. Пріиде ваша година и область темная, даже той же огнь искочитъ и пожжетъ ваша душа и тѣлеса, яко и при Уліяне отступнице на отцы ваши, на жидовы.

Видите ли, не менше днесь тогдашнева наказанія за извращеніе вѣры православныя? Сначала бляди сея нововводныя погуба была всемирная при нашемъ зрѣніи: моромъ во всю землю рускую во 162 и третьемъ году во градѣхъ и селѣхъ пусто здѣлалъ Богъ, таже кровопролитіе полскими, таже междоусобіе с Разинымъ; и иныхъ пагубъ нѣсть времени исчести уму моему: по се число, яко звѣздъ небесныхъ и яко каплей дождевыхъ, толико пало главъ человѣческихъ. Еще же за ваши прилоги колика зла въ Руси нашей учинишася: пожары и иныя без числа гнѣвы, и трепетъ, и ужасъ, ожидающе кончины и с прилогами своими, далече отъ Бога отриновени быша, яко изверги, понеже приступили к римскому костелу и къ Фармосову преданію римскаго папы. Такой же былъ воръ церковной, что и Никонъ прелагатай: весь западъ обольстилъ, тремя персты креститися научилъ и прочія догматы развратилъ также. Адовы псы, однаки ходатаи пагубѣ вѣчной гибнущими, яко кабальными, обладали; что они велятъ, то и творятъ: «такъ де намъ государи патреархи указали, на нихъ де Богъ положилъ то дѣло». А которой Богъ? скажитко, простолюдинъ, развѣ богъ тмы сего ослѣпилъ сердца ваши, еже не возсіяти вамъ истинны и правды? Прозри, безумне! Болишь слѣпотою неразумія! Преданіе вѣры не отъ человѣкъ, но отъ Ісуса Христа, Сына Божія и отъ Святаго Параклита, и рѣчь осѣненіемъ Святаго Духа глаголаша Божіи святіи человѣцы, свидѣтельствовавше истинну, не чревобожники, ни блудодѣи и не піяницы, не убійцы и не сребролюбцы, но равноангельно живущіи въ постѣ и молитвѣ со слезами, любящеи правду,—таковыми дѣйствоваше благодать Духа Святаго.

Али ты чаешь, потому святы нынѣшнія законоположники власти, что брюха-те у нихъ толсты, что у коровъ; да о небесныхъ тайнахъ не смыслятъ, понеже живутъ по скотски и ко всякому беззаконію ползски. Или на то глядишь, что они воздыхаютъ? Не гляди на вздохи-те ихъ? Воздыхаетъ черпецъ, что долго во власти не поставятъ, а какъ докупится ве

ликія степени, вотъ ужжо и воздыхать перестанетъ; а буде и вздохнетъ, и онъ ласкосердьствуетъ, лститъ мира, показуя себе свята, а внутрь діяволъ. Павелъ Крутицкій да Иларіонъ Резанскій горазды были сему рукодѣлію, да и всѣ однаки власти-те кромѣ избранныхъ, да лихо су избраннымъ тѣмъ и тѣсно бѣднымъ бываетъ от нихъ. Повертится, что порплица, да и онъ туды же склонится бѣдной: «воля де Божія, не одинъ де я по сей колесницѣ ѣду; гдѣ же де дѣтца?» А чортъ ли билъ в зашей? Ино было и не искать величества да жить пониже, такъ бы душѣ здоровіе было. Вотъ меня и въ духовники звали, да какъ о Христѣ Ісусѣ не захотѣлъ, да не захотѣлъ же, да живу себѣ вь ямѣ з братіею о Христѣ Ісусѣ; вертепъ сей лутче мнѣ Синайскія горы о Святѣмъ Дусѣ. Аминь.

№ 14. Посланіе къ вѣрнымъ объ антихристѣ [1]).

Неключимый рабъ Пресвятыя и Животворящія Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго истиннаго Бога, юзникъ по вѣрѣ и церкви Христовѣ возлюбленнымъ святымъ братіямъ, сіонскимъ чадомъ, всѣмъ православнымъ христіяномъ афетороссійскаго рода радоватися, утвержатися, вкупѣ же и здравствовати въ непорочнѣй вѣрѣ Спасителя нашего Господа Ісуса Христа Сына Божія, и воспитоватись и возрастати во святыхъ благочестивыхъ отеческихъ догматехъ, кромѣ всякія еретическія скверны и порока.

Да вопрашиваютъ насъ нѣцыи о словеси избраннаго сосуда Павла, Христова апостола, еже къ Солуняномъ глаголетъ, благовѣствуя во второмъ посланіи 2 главы в зач. 275-мъ о антихристѣ сіе: Да никто же васъ, рече, прельститъ ни по единому образу: яко еще не пріидетъ отступленіе прежде и открыется человѣкъ грѣха, сынъ погибели, противникъ и прочая. И азъ вамъ отвѣщаю о семъ по дарованію Святаго Духа, елика дадемися. Тогда при апостолѣ процвѣте Христова вѣра въ Солунѣ отъ сихъ проповѣдниковъ истинныхъ Христовыхъ, и діяволъ воздвигъ своихъ нѣкихъ безчинниковъ и лестцовъ развратныхъ, якож и здѣ окрестъ Костромы и Павлова перевоза, о нихже глаголете многая блядущихъ лживая и нечистивая ученія діяволя, — гатко и слышати намъ. И тако они Солуняне обхождаху братію и прельщаху, глаголюще, яко уже пришествію Христову второму наставшу, и слышащихъ ужасаху и смущаху, и Павла апостола облыгающе и тѣмъ сказующе, яко от него слышаще, еще же и отъ Духа глаголюще сицевая слышати, яко Христосъ грядетъ уже на судъ. О сатанина духа прелести! Утро благочестія токмо нача свѣтити еще по вселеннѣй, а сотонинъ духъ сказуя, слѣпымъ глаголя: солнце уже на западѣ! И сіе увѣдавъ, апостолъ отъ Рима посла к нимъ в Солунь посланіе сіе, моля ихъ и глаголя, чтобы

---

[1]) Рукоп. Черниговской духовной семинаріи № 134, л. 75—82 об.

не внимали прелестникомъ, глаголющимъ, яко уже настоитъ день Христовъ. Отнюдь, рече, не будетъ пришествія Христова на судъ, дондеже проповѣстся благовѣстіе Христово по вселеннѣй всѣмъ языкомъ. И потомъ по временамъ будетъ, рече, отступленіе от вѣры во всѣхъ языцѣхъ. И потомъ открыется въ миру человѣкъ беззаконія, еже есть противный врагъ Богу антихристъ, и быти ему, рече, во свое время: тайна бо уже дѣется беззаконія, сирѣчь Христови апостоли сѣяху благочестіе по земли, а лживіи апостоли діяволи злочестіе свое, якоже быша при них Симонъ волхвъ, Филиппа діякона крестникъ, Николай отступникъ, Кинопсъ и прочіи. И до соборовъ такъ все брася церковь Христова со враги, и межъ соборами, и по соборахъ и до нынѣ: Христова часть святое дѣло творитъ и дѣйствуетъ Христовымъ духомъ, а антихристова часть свое тайное беззаконіе дѣетъ въ мирѣ непріязненымъ духомъ. Чада Божія есть, по Іоанну Богослову, и чада непріязненная. Къ тому рече Павелъ апостолъ: уже дѣется беззаконіе, точію держай нынѣ, дондеже отъ среды будетъ [1]).

Сіе о римской власти рече, въ Римѣ бо писа. И тогда явится беззаконный, егоже Господь убіетъ духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришестія своего; егоже есть пришествіе по дѣйству сатанину во знаменіихъ и чюдесѣхъ ложныхъ и прочая. И священный Златоустъ и благоумный Ипполитъ согласно вѣщаютъ, яко римская держава и власть антихриста разорится, и тамо быти ему, а не здѣ. Не смущайтесь, братіе! І Іяковъ Жидовинъ пишетъ въ своей книгѣ, яко по престатіи царства греческаго быти десяти рогомъ антихристовымъ. Се 10 царей вкупѣ будутъ со антихристомъ; — роги цари суть. И паче Іякова Іоаннъ Богословъ во Откровеніи (гл. 17) пишетъ: ангелъ толкова ему о блудницѣ, сѣдящей на звѣри красномъ, иже имать главъ 7 и роговъ десять. Тѣ-то 10 рогъ, сирѣчь царей, соберутся и прелюбодѣицу возненавидятъ и разорятъ, и власть свою всю и силу дадутъ антихристу, и поклонятся ему вси купно со іюдеи и возвеличатъ его и великимъ царемъ нарекутъ себѣ и во Іерусалимѣ престолъ ему велій устроятъ, идѣже прежде жидовскія цари бяху великія. И онъ царство ихъ обновитъ, и вознесется окаянный, и Богомъ себя назоветъ, и ту великихъ свидѣтелей Ілію и Еноха и Іоанна Богослова убіетъ, идѣже и Господь нашъ распятъ бысть. А о Богословѣ въ Книгѣ о вѣрѣ пишетъ, яко и Богословъ вкупѣ антихриста обличати будетъ со Іліею и Енохомъ. Ипполитъ пишетъ въ словѣ своемъ о Богословѣ, яко быти ему с ними же.

И самого еще анхтихриста нѣтъ, не видимъ и не слышимъ, — не ужасайтейсь, — предотечи же его быша мнози, и нынѣ есть, и по сихъ еще и иніи будутъ до сына погибельнаго. И ждите того: егда станетъ римская власть разорятися и обстоимъ будетъ Римъ вои отовсюду, и тогда разумѣйте, яко приближися запустѣтъ ему и антихристово царство пріиде, по Ипполиту и Златоусту. И Божію и человѣческую власть содержитъ нынѣ

[1]) Книга о вѣрѣ глав. 30.

папа римской, спрѣчь обѣма начальствы владѣетъ, и духовнымъ и градскимъ. А не о Никонѣ здѣшномъ то писаніе збыстся, но о римскомъ папежи; а не антихристъ самъ Никонъ бысть, но предотеча его ближней, и послѣдующіи его развращенію предотечи суть. А еже по временамъ отступленіе преже пріидетъ, по Павлову глаголу къ Солуняномъ, и о томъ число звѣрино указуетъ, еже есть 666; и о семъ добрѣ протолковано въ Книгѣ о вѣрѣ печати московскія. И болѣ того не ищите, и о себѣ ничего не мудрствуйте; горе мудрымъ о себѣ! писаніе сказуетъ.

И вы того, возлюбленіи, бойтеся и не вся тщитеся собою испытовати и продерзіемъ злѣ толковати недовѣдомыя тайны, глаголы Божія. Егда пріидетъ коей вещи время, тогда ту тайну и открываетъ Христосъ и немудрымъ младенцемъ; егда же сице не у время исполнится чему, тогда и премудрымъ и богословцемъ недовѣдомо бываетъ и закрыто Святымъ Духомъ; не вся бо вѣдятъ и святіи богословцы: вся бо Богъ единъ вѣсть, а святымъ своимъ коемуждо даетъ явленіе духа на ползу: кой сосудъ что можетъ понести, и не разбитися, и не разсыпатися. О ономъ числѣ звѣринѣ прежде многихъ лѣтъ и до перваго отступленія римскаго, пиша, святый Ипполитъ, главнѣйшій отецъ и пастырь поднебесной, егоже Златоустъ похваляетъ вельми въ «Словѣ о лжеучителяхъ», — гдѣ бо, рече, Ипполитъ сладкій и благоумный, — но и той рече о числѣ томъ: не бо рече опасно свѣмъ сего писанія. И святый Андрей, архіепископъ Кесаріи Каппадокійскій толковалъ Апокалипсисъ сице и, егда дойде до числа того же, и рече: сіе бо время открыетъ. А егда тѣмъ тайнамъ пріидетъ время, тогда благовѣрнымъ и познано бысть и писанію предано, а въ гибнущихъ и нынѣ покровено есть, в нихже богъ вѣка сего ослѣпи разумы невѣрныхъ, по апостолу Павлу.

А о трехъ царехъ, ихже убіетъ антихристъ по воцареніи своемъ, о нихже пишетъ Ипполитъ, мѣсто сказуя, а лицъ не указа: и нынѣ о васъ, братіе, толкуютъ нѣцыи о тѣхъ царехъ нестрообразно и отнюдь неподобно, да не реку и еретическо. Аще святый лицъ не указа прежде времени, а они всуе мятутся, и не дарованное имъ разумѣніе восхищаютъ, и мудрѣйши себя святыхъ показуютъ. А не вѣмы, кто есмы. И еже 17 главу Откровенія Богословля седмоглавіе звѣря толкуютъ о патріарсѣхъ московскихъ, и то ихъ толкованіе ложно и соблазнено. Малымъ таковыхъ любовію духа не мудрствовати, но мудрствовати въ цѣломудріи, по апостолу, якоже подастъ Богъ. И мы бо о себѣ, братіе, не хощемъ ничтоже вамъ предавати, и уставляти, и неподобная толковати, паче Богомъ преданныхъ святыхъ и непорочныхъ дохматовъ древнихъ отеческихъ, за нихже сподоби насъ Христосъ и пострадати до крови и знаменія на насъ явити дивная, о нихже не вѣсте непщую и не по нашему то достоинству есть, но васъ ради избранныхъ спасенія, да и вы отъ ложныхъ ерессей не прельщени будете, и православія ризу на себѣ носяще и непорочно сохраните, да не осуждени, и не нази и не постыдни явитеся и со всѣми станете на страшномъ судѣ одесную Царя славы, великаго Бога и Спаса нашего Ісуса Христа

[1]) А еже глаголете о Никонѣ, бывшемъ патріархѣ, иже святую церковь разодра, и расврати и симъ расколомъ всю святорусскую землю возмути, рождшася его от нечистыя дѣвки татарки, и сего ради мните его самого антихриста быти,—ни, братіе, ни! Аще и тако суть рождься, о семъ извѣстно не вѣмъ азъ самъ, но подобаетъ и о вразѣ правду свидѣтельствовати. Татарове не Данова племени и колѣна суть, но отъ Агары суть пошли и отъ сына ея Измаила, его же роди Авраамъ отъ сея Агары рабыни своея, и сего ради татарове словутъ агаряне и измаильтяне. А антихристъ будетъ отъ жидовскаго колѣна Данова, его же роди Іяковъ Израиль отъ Валлы, рабыни Рахилины, и отъ сего колѣна Данова антихристъ будетъ, а не отъ татарска рода. А антихристъ будетъ царь, а не патріархъ. Испытайте писанія съ великимъ опаствомъ, прочитайте съ разумомъ и со вниманіемъ прилѣжнымъ, да не прельщени будете отъ лжесловесниковъ и бабьихъ басней; ибо велія бѣда отъ невѣдѣнія святыхъ писаніихъ (sic) рождается: отъ сего и ереси вси, отъ сего и расколы церковныя, и мятежи, и брани и пагубы душевныя. Не увѣдѣша бо, ниже разумѣша, во тмѣ ходятъ.

А что люди-те называютъ Никона послѣднимъ антихристомъ, плюнь бартѣ (sic). Какой послѣдней такой блудяга, блядивый сынъ, бабоблудишка! Послѣднеетъ не на тѣхъ саняхъ поѣдетъ, но постенъ будетъ и милостивъ, а сія брюханы блудодѣи жрутъ и блудятъ, сколько хотятъ. Послѣднеетъ су-исперва чистоту возлюбитъ. Помнишь, Кипріяна подле себя посадилъ и говоритъ ему: «блаженъ еси, Кипріане, яко чистоты ради и дѣвства твоего вторый еси Амврій». Знаешь-ли Амврія-тово? А то Моисею что противилися Аннiй и Амврій, живы во адѣ, не умирывали; у фараона-тово египетцкаго не ходили онѣ за бабами, одно знали, чары творили и волхвованія. А Кипріянъ-отъ свѣтъ не зналъ, чаялъ яко Бога діавола-тово, докамѣстъ Іустина ево дѣвица научила, служилъ ему въ правду по простосердію. И ты себѣ смечай: и діаволъ-отъ любитъ чистоту, и антихристъ-отъ все его дѣйство воспріялъ, аще и человѣкъ грѣха будетъ, сынъ погибели, человѣкъ, а преисполненъ льсти и лукавства. Всяко потщится отъ Бога людей тѣхъ отвести и под дьявола подклонити, да дастъ ему дьяволъ силу свою и мочь чудеса творить мрачная, не истинная, во обманъ. И кто поклонится ему, той не уразумѣетъ силы кознямъ его, затмится въ умѣ его; а иже кто отъ сердца любитъ Сына Божія Христа, той вся разумѣетъ козкованія его и лесть, не глядитъ на прелесть его, одно знаетъ, вѣру по писанію держитъ. А то су у него будетъ догадокъ-тѣхъ не с Никоново. Ни! Говоришь единороднаго испо вѣдаетъ, а тотъ самъ назовется: «я отъ небесъ пришелъ по писанію спасти люди вся, я Сынъ Божій, и нѣсть иного Бога развѣ мене; вѣруйте въ мя». Да чюдо сотворитъ. А миръ-отъ слѣпой и з женами и з дѣтми: «ты еси Богъ нашъ, и нѣсть Бога развѣ тебѣ; о тебѣ Моисей рече, ты еси истинный Мессія, царь Израилевъ». Обманщикъ лютой будетъ: исперва-тово смиренъ

[1]) Отсюда до конца сравни выше, № 10.

и милостивъ покажется, а какъ уже воцарится, такъ возглаголетъ прегордая на Бога богомъ. Возми да понеси, какъ и нынѣ бояря сво творятъ. Насъ же да избавитъ Богъ отъ прелести сея, о Христѣ Iсусѣ, Господѣ нашемъ.

№ 15. О сложенiи перстъ[1]).

Всякому убо правовѣрну подобаетъ крѣпко персты въ рукѣ слагая держати и креститися, а не дряхлою рукою знаменатися с нерадѣнiемъ и бѣсовъ тѣшить, но подобаетъ на главу, и на брюхо и на плеча класть рука с молитвою, еже бы тѣло слышало, и умомъ внимая о сихъ тайнахъ крестися; тайны тайнамъ в руке персты образуютъ. Сице разумѣй, по преданiю святыхъ отецъ подобаетъ сложити три персты: великiи, и мизинецъ и третiй подлѣ мизиннаго, всѣхъ трехъ концы вкупѣ, — се являетъ триипостасное божество Отца и Сына и Святаго Духа. Таже указательныи и великосреднiи два сiя сложити и единъ от двухъ великосреднiи мало наклонити, — се являетъ Христово смотренiе Божества и человѣчества; таже вознести на главу являетъ умъ нерожденный: Отецъ роди Сына превѣчнаго Бога, преже вѣкъ вѣчьныхъ; таже на пупъ положити — являетъ воплощенiе Христа Сына Божiя от святыя Богоотроковицы Марiи; таже вознести на правое плечо—являетъ Христово вознесенiе и о десную Отца сѣдѣнiе и праведныхъ стоянiе; таже на лѣвое плечо положить являетъ грѣшныхъ от праведныхъ отлученiе и в муки прогнанiе и вѣчное осужденiе. Тако научиша насъ персты слагати святiи отцы: Мелетiи, архiепископъ Антiохiйскiй, и Феодоритъ блаженный, епископъ Киринейскiй, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ. Писано о семъ во многихъ книгахъ: во Псалтыряхъ, и въ «Кириловѣ» и «о вѣрѣ» въ книгѣ, и въ Максимовѣ книгѣ, и Петра Дамаскина въ книгѣ, и в житье Мелетiевѣ; вездѣ единако святiи о тайнѣ сей по вышереченному толкуютъ. И ты правовѣрне, назидая себя страхомъ Господнимъ, перекрестяся и падъ, поклонися главою въ землю (се являетъ Адамово паденiе, егда же восклонисся—се являетъ Христовымъ смотренiемъ всѣхъ насъ востанiе). Глаголи молитву, сокрушая свое сердце: Господи Iсусе Христе, Сыне Божiи, помилуй мя грѣшнаго. Таже твори по уставу и метанiе на колѣну, какъ церковь прежде держала: опирайся руками и колѣньми, а главу до земли не доводи—такъ Никонъ Черныя Горы игуменъ повелѣваетъ в своей книгѣ творити метанiя; всякому своя плоть пометати пред Богомъ подобаетъ без лѣности и без гордыни — во церкви и в дому и на всякомъ мѣстѣ. Изряднѣ еже в великiи постъ томимъ плоть своя по уставу, да не воюетъ ны духъ, въ праздники же и в суботы и в недѣли просто молимся стояще, поклоны по уставу творимъ поясные и в церкви и в келье изравняюще главу противъ пояса, по-

---

[1]) Рук. Казанской духовной академiи, № 1679 (109), л. 88—93.

неже праздника ради не томимъ плоти метаніемъ, а главу наклоняемъ в поясъ без лѣности и без гордыни Господу Богу и Творцу нашему. Субота бо есть упокоенія день, в онь же Господь почи от всѣхъ дѣлъ своихъ, а недѣля—всѣхъ насъ востаніе воскресенія ради. Тако же и праздники радостно и духовно веселящеся торжествуемъ. Видишъ ли, боголюбче, какъ у святыхъ тѣхъ положено розводно, и спасительно, и покойно, не какъ у нынѣшнихъ антихристова духа: и в великой постъ метанія на колѣну класть окаянные не захотѣли, гордыни и лѣности ради. Да что сему конецъ будетъ! Развѣ умерши станутъ кланятца прилежьно, да мертвые уже на ногахъ не стоятъ и не кланяются, лежатъ всѣ и ожидаютъ общаго востанія и противо дѣлъ воздаянія, а мнѣ видятся равны уже онѣ мертвецамъ тѣмъ, аще и живи суть, но исполу живи, но дѣла мертвечія творятъ—срамно и глаголати о нихъ. Онѣ же бѣдные мудрствуютъ трема персты креститися—большой и указательный и великосредній, слагая в Троицу, а не вѣдомо в какую, болшо в ту, что во Апокалепсисѣ пишетъ Иванъ Богословъ—зміи, звѣрь, лживый пророкъ (Толкованіе: зміи — глаголется діяволъ, а лживый пророкъ учитель ложный, папа или патріархъ, а звѣрь—царь лукавый, любяй лесть и неправду). Сіи три перста предалъ Фармосъ, папа римской, благословлялъ и крестился ими, и по немъ бывый Стефанъ, седмый папа, выкопавъ, поругалъ его, перстъ отсѣкше бросилъ на землю, и разступилася земля и пожре перстъ; таже отсѣкше другіи, бросилъ, и бысть пропасть велика; потомъ и третіи отсѣкше бросилъ, изыде изъ земли смрадъ лютъ и начаша люди отъ смрада издыхати. Стефанъ же велѣлъ и тѣло Фармосово в Тиверь рѣку кинути и, сложа персты своя, по преданію благословилъ пропасть и снидеся земля по прежнему паки (о семъ писано в лѣтописце латынскомъ, о вѣрѣ книги указуетъ, лѣтописецъ которой). Но аще ревнитель Стефанъ и обличилъ сію триперстную ересь, а однако Римляне и до нынѣ трема персты крестятся, потомъ и Польшу прельстили и вси окрестныя рѣши — Немецъ, и Серби, и Албанасы, и Волохи, и Греки вси оболстились, а нынѣ и наша Русь тѣже три перста возлюбила—преданіе Никона отступника со дьяволомъ и с Фармосомъ. Еще и новый адовъ песъ выскочилъ из бездны в Грекахъ Дамаскинъ иподьяконъ безъимянникъ, и предалъ безумнымъ Грекамъ тѣже три перста, толкуетъ за Троицу, отсѣкая вочеловѣченіе Христово. Чему быть! Выблядокъ того же римскаго костела, братъ Никону патріарху! Да тамъ же въ Грекахъ какой-то, сказываютъ, протопопъ Малакса архіереомъ и іереомъ благословлять рукою повелѣваетъ нѣкако странно, сложа персты Ісусъ Христомъ. Все дико: у давешняго врага вочеловѣченія нѣтъ, а у сего Малаксы Святыя Троицы нѣтъ; чему быть? время то пришло, нѣкимъ имъ играть, аже не Богомъ. Да что на нихъ и сердитовать. Писанное время пришло. Ипполитъ святыи и Еѳремъ Сиринъ, издалеча уразумѣвъ о семъ времени, написали сице: и дастъ имъ скверныи печать свою за знаменіе Спасителево; се о трехъ перстахъ реченно —

егда самъ себя волею своею печатаетъ трема персты, таковаго умъ теменъ бываетъ и не разумѣваетъ правая, всегда помраченъ, печати ради сея скверныя. Еще же и другое писаніе: и возложитъ имъ скверный и мерскій образъ на чело (се писано о архіерейскомъ благословеніи, еже Малакса предалъ); от разумѣющихъ толкуется: идолъ в рукѣ слагая на чело возлагаютъ, еже есть мерскій образъ. Да будутъ онѣ прокляти со своимъ мудрованіемъ развращеннымъ; тотъ—такъ, другой—инакъ,—сами в себѣ несогласны враги креста Христова. Мы же держимъ святыхъ отецъ преданіе—Мелетія и прочихъ неизмѣнно, — якоже знаменуемся пятью персты, такоже и благословляемъ пятью персты во Христа и во Святую Троицу, слагая по вышереченному, какъ святіи предаша, и при царѣ Иванѣ бывыи в Москвѣ помѣстный соборъ такъ же персты повелѣваютъ слагати, якоже Ѳеодоритъ, и Мелетіи, и Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ научиша пятью персты креститися и благословляти. Тамо на соборѣ быша знаменоносцы Гуріи, и Ворсонофіи и Филиппъ, русскія чюдотворцы, и ты правовѣрнѣ без сомнѣнія держи преданія святыхъ, Богъ тебя благословитъ, умри за сіе и я съ тобою же долженъ. Станемъ добрѣ, не предадимъ благовѣрія, не по што намъ ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили. Слава о семъ Христу Сыну Божію со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 16. Толкованіе псалма 83 [1]).

Коль возлюбленна села Твоя, Господи силъ.

(Толкъ). Села оная, въ нихъ же святіи веселятся, кому разумѣти. Павелъ апостолъ не исповѣдалъ, егда восхищенъ бысть въ раи и слыша глаголы неизреченны, ихъ же нелѣть есть языки человѣческими глаголати: а инъ кто исповѣдати можетъ оно веселіе и радость? токмо любовію и желаніемъ достизати села она.

(Псаломъ). Желаетъ и скончевается душа моя во дворы Господа.

(Толкъ). Слыши псалмопѣвца рекша, не просто желаетъ, но и скончевается отъ желанія великаго, умомъ вперяяся въ жилища она водворитися, идѣже гласъ неизреченный и неисповедимо веселіе.

(Псаломъ). Сердце мое и плоть моя возрадовашеся о Бозѣ живѣ.

(Толкъ). Всякъ праведникъ радуется и веселится упованіемъ будущихъ благъ, залогъ имѣя въ себѣ Духа Святаго благодать: аще и скорби терпитъ, не смущается, не зритъ видимая, но невидимая осязаетъ умомъ и веселится, всегда царство небесное имѣя въ себѣ.

(Псаломъ). Ибо птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнездо себѣ, идѣже положи птенца своя.

---

[1]) По рукоп. Имп. Публ. Библ. (собранія Богданова) № 0. I, 339, л. 20—33 об.

(Толкъ). На птенцы указуетъ пророкъ, изряднѣ же на горлицу, ибо та птица печалная: егда оспрѣетъ после мужа своего горличица, потомъ за инаго не посягаетъ и на сыромъ древѣ не обитаетъ, но на сухомъ садится; а и та де гнездо имѣетъ къ воспитанію птенцовъ. Сія птица образъ носитъ хотящихъ наслѣдовати спасеніе: всякому правовѣрному печаловатися паче всего подобаетъ о умершей грѣхми души своей и сырости ошаятися, еже есть толстыхъ пищъ и питія, и ясти и пити толико, ело живу быти, токмо птенцы своя полагати всегда во гнездѣ, еже есть въ церкви Божіи умъ и смыслъ и желаніе неотложно имѣти и расти и питатися словомъ Божіимъ (О горлицѣ во Алексиконѣ писано).

(Псаломъ). Олтаря Твоя, Господи Боже силъ, Царю мой и Боже мой. Блажени живущеи въ дому твоемъ въ вѣкъ вѣка восхолятъ (sic!) тя.

(Толкъ). Разумѣй по вышереченному, яко же горлица и прочая птицы обрѣтаютъ себѣ ко успокоенію храмину, тако и намъ ко олтарю прибегать и вѣчнова покоя искать. Блаженъ будетъ живяй въ дому Божіи въ вѣкъ вѣка, еже есть нынѣ и во грядущемъ таковый восхвалитъ Христа Сына Божія.

(Псаломъ). Блаженъ мужъ, ему же есть заступленіе его отъ Тебе.

(Толкъ). Какъ цеть таковый не блаженъ, ему же вездѣ заступникъ Богъ и помощникъ во всемъ; противо добраго смысла его, и ходитъ и седитъ, а то на умѣ, какъ угодная Богу сотворить.

(Псаломъ). Возхожденія въ сердцы своемъ положи во удоли плачевнѣ, въ мѣстѣ, идѣже положи.

(Толкъ). Вотъ, какъ за сіе не будетъ блаженъ! Безпрестанно помышляетъ, какъ муки грѣшникомъ будутъ, какъ праведнымъ небесное царство; разсуждаетъ во удоли плачевной бѣдненкой, какъ бы отъ нея избыть. Разумѣй о ней,--мы тебѣ побесѣдуемъ о Христе: есть во Іерусалимѣ подъ домомъ Давидовымъ потокъ сухъ и глубокъ, пропасть несвѣдомая; тамо плачевныя гласы безпрестанно воютъ дне и нощь гласы умиленными и неисповедимыми. Есть и другая удоль Савина близъ обители Савы Освященнаго, отъ Іерусалима пять верстъ ея же устіе впало въ море Черное. Въ тѣхъ удоляхъ исполнитъ Христосъ огня негасимаго на мученіе грѣшникомъ, яко же Иванъ Дамаскинъ поетъ: въ дому Давидовѣ страшная совершается, огнь бо тамо палящь всякъ срамепъ умъ. Еще же и другій стихъ: въ дому Давидовѣ страхъ великъ, ту бо престоломъ поставленымъ судятся всяка племена земная и языцы. Блаженъ мужъ, иже о семъ въ сердце своемъ помышляетъ всегда, о судѣ Христовѣ и о воздаяніи грѣшнымъ и праведнымъ.

(Псаломъ). Ибо благословенія дастъ законъ даяй. Поидутъ отъ силы въ силу: явится Богъ богомъ въ Сіонѣ.

(Толкъ). Праведнымъ тогда благословеніе дастъ законъ даяй Іисусъ Христосъ и учинитъ ихъ силныхъ во вѣки, егда явится во святомъ Сіонѣ Богъ богомъ, еже есть Христосъ святымъ своимъ. Сіонъ бо тогда будетъ

пресвятый градъ вышніи, жилище святымъ вѣчное, со агнецемъ пречистымъ Христомъ не престанное веселіе. Сіонъ бо глаголется мѣсто покойное; глаголется и церковь Сіонъ: упокояетъ насъ отъ житейскихъ волнъ; и гора сіонская — Сіонъ глаголется, въ ней же водворяшеся Христосъ и Пречистая Богомати его со апостолы. Издалеча уразумѣлъ пророкъ и свительствуя о Христовѣ житіи въ Сіонѣ семъ со апостолы. Еще же водворяшеся въ горѣ Елеонстей часто и на небо съ нея же по воскресеніи взыде. Древеса на ней масличьная растутъ и прочая. Въ ней же всегда моляшеся Господь и Пречистая Богородица также послѣ Ево на камени мраморнѣ, яко же Андрей Критцкій свидѣтельствуетъ; тутъ и погребена бысть отъ апостоловъ; любимое мѣсто у нея въ саду томъ было молитися у надежи нашія, и у Христа Бога нашего, намъ образъ дая къ молитвѣ искати затишія.

(Псаломъ). Господи Боже силъ, услыши молитву мою, внуши, Боже Іаковль, защитниче нашь, виждь, Боже и призри на лице Христа твоего.

(Толкъ). Виждь и разумѣй молитву пророчю: тако Іесусъ моляшеся Отцу своему, яко же древле пророкъ Давидъ, понеже и онъ Христосъ бысть, сирѣчь помазанецъ: и призри на лице помазаннаго твоего, глаголя: но не истинный Христосъ, токмо надъ человѣки царствова. Царь же истинный Христосъ Богъ нашъ, понеже воцарися надъ грѣхомъ, помазанъ не масломъ отъ рога, полагаемаго на главу, но Духомъ Святымъ. Моляшеся Отцу за плотское смиреніе: и призри на лице помазаннаго Своего.

(Псаломъ). Яко лутче день единъ во дворѣхъ Твоихъ паче тысящь.

(Толкъ). Во пророкѣ Духъ Святый тако глагола, свидѣтельствуя о тамошней жизни, яко лутче день единъ въ будущемъ, паче тысящи вѣковъ здѣшнихъ. Христосъ же Самъ вѣсть вся, понеже Творецъ всему и Зиждитель, глагола тако ко Отцу Своему, насъ вразумляя.

(Псаломъ). Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селѣхъ грѣшничихъ.

(Толкъ). Села праведныхъ церкви Божія, села грѣшничи мытарства и мытницы, въ нихъ же пребываютъ со человѣки бѣсове, а въ церкви съ правовѣрными ангели Божіи.

(Псаломъ). Яко милость и истинну любитъ Господь Богъ, благодать и славу дастъ.

(Толкъ). Всякому приметающемуся въ дому Господни съ вѣрою и истинною Богъ милость свою посылаетъ и благодать Святаго Духа и любя Его прославляетъ здѣсь, а наипаче прославитъ въ вѣце будущемъ.

(Псаломъ). Господь не лишитъ блага ходящихъ незлобіемъ.

(Толкъ). Ей воздастъ сторицею, понеже любитъ Богъ беззлобивыхъ; всѣмъ добродѣтелемъ верхъ кротость и незлобіе; аще и вся сотворитъ человѣкъ добродѣтели [1]), постъ, молитву и прочая, а злобенъ и не милостивъ,

[1]) До сихъ поръ напечатано въ Мат. т. VIII, стр. 8—13.

ничто же есть таковый предъ Богомъ: нигдѣ не писано, Господь не лишитъ блага ходящихъ злобою, но незлобіемъ.

(Псаломъ). Господи Боже силъ, блаженъ человѣкъ уповаяй на Тя.

(Толкъ). Блаженъ и треблаженъ, понеже уповающаго на Господа милость обыдетъ, упованіе во грядущемъ не посрамитъ; уповаяй, яко левъ рыкая ходитъ, вси отъ него боятся, яко ото льва, повсюду страшенъ и удивителенъ предъ всѣми уповаяй на Бога о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Чюденъ и удивителенъ левъ и страшенъ предъ всѣми зверми и брашна стараго не естъ: аще онъ и самъ поималъ вчера или въ мимошедшее время и дни, но питается на всякъ день новымъ брашномъ и свѣжими мясы; ему же возревѣвшу, и притекаютъ къ нему Богомъ послани звѣріе на день. Тако и праведникъ старое брашно, Адамово сластолюбіе, отреваетъ отъ себя и питается слезами и постомъ, исполняяся Духомъ Святымъ, крѣпко предъ Богомъ реветъ, ѣсть прося, хотя наслѣдити вѣчныхъ благъ о Христѣ Іисусѣ. Аминь.

№ 17. Тоя же Премудрости Соломони чтеніе[1]) (гл. V).

Праведницы во вѣки живутъ и отъ Господа мзда ихъ и промышленіе ихъ отъ Вышняго.

(Толкъ). Являетъ безконечную будущую жизнь и отъ Господа мзда, венцы и слава неизреченна, напромышляли миленькія здѣсь живучи помощію Христовою.

(Сущее) (ст. 16). Сего ради пріимутъ царствія благолѣпіе и венецъ доброты отъ руки Господня; яко десницею покрыетъ ихъ и мышцею защититъ ихъ.

(Толкъ). Того де ради сподобятся пріяти красоту царствія велелѣпнаго на небесѣхъ, яко десница Божія здѣсь покрывала ихъ и мышца Сынъ, Слово Божіе, защищалъ и ограждалъ ихъ отъ находящихъ золъ, живущихъ въ заповедѣхъ его и вѣрующихъ несумнѣнно и уповающихъ на Божественный промыслъ Его.

(Сущее) (ст. 17). Пріиметъ всеоружіе ревности Его и вооружено сотворитъ созданіе въ месть врагомъ.

(Толкъ). Егда увидитъ Богъ ревность праведную по правдѣ Его, тогда приподастъ ему божественныя силы своея, еже есть исполняетъ въ немъ благодатію своею премудрость и разумъ, и даетъ ему разумѣвати козни сатанины, и устроитъ его созданіе свое на отмщеніе врагомъ, сирѣчь, яко победителя оруженосна сотворитъ.

---

[1]) По рукоп. Имп. Публ. Библ., собранія Богданова, № О. I. 339, л. 153 об.—166. Обозначенія стиховъ сдѣланы нами и приводятся въ скобкахъ.

(Сущес) (ст. 18—19). И облечетъ я во броня правды и возложитъ шлемъ, судъ не лицемѣренъ, и пріимъ щитъ непобѣдимъ, преподобіе.

(Толкъ). Вижду, слышателю, каковое оружіе имѣютъ праведніи, еже есть правду, нелицѣмѣріе, преподобіе; Христосъ, надежа наша, противъ ратниковъ видимыхъ и невидимыхъ облагаетъ, яко въ латы, въ правду и возлагаетъ на главу, яко шоломъ, нелицѣмѣріе всаждаетъ въ душу праведничю. Онъ же, пріимъ отъ Господа, яко щитъ, преподобѣство, еже есть достоинство, службы его Господни воюетъ, подвизаяся на враги, воеводу имѣя у себя Христа и Пречистую Богородицу помощницу. Сечетъ [1]) миленькой на всѣ стороны, никто его не побѣдитъ, силенъ словомъ и дѣломъ предъ Богомъ и всѣми людми. О миленькая ты правда! Надобна ты мнѣ, бѣдному горюну.

(Сущес). (ст. 20). Поострить же напрасенъ гнѣвъ во оружіи и споборетъ съ нимъ миръ на безумныя.

(Толкъ). Гневливи праведники [2]) на неправду и зело не терпятъ видети и слышати ея; разжигаются остротою на неправду, ни мало не молча обличаютъ и изгоняютъ отъ безумныхъ человѣкъ дерзновеніемъ своимъ и ревностію, яже по Христѣ.

(Сущес) (ст. 21—22). И пойдутъ праволучнѣ стрѣлы молненны, яко отъ блага кругла лука облаковъ на намѣрѣніе летятъ и о пращь каменныхъ, ярости исполнь.

(Толкъ). Вижду, праведники те какъ ходятъ,—яко стрела изъ лука въ примѣту [3]) летитъ, или же яко пращь каменной, ярости исполнь, убивая дьявола и козни его. Яко Давидъ Голіада каменемъ изъ ременя ушибъ, тако и праведникъ гордаго дьявола и сосуды его, сирѣчь лукавыхъ человѣкъ, ревностію по Христѣ шествуя, яко стрѣла на намереніе ея, убиваетъ въ нихъ лукавую всякую кознь; да и въ будущемъ онъ же полетитъ, яко стрѣла, молніеносенъ по облакомъ на встретеніе небеснаго царя Христа.

(Сущес) (ст. 22). Падутъ грады, вознегодуетъ на нихъ вода морская, рѣки же потекутъ жесточае.

(Толкъ). Глаголетъ: падутъ грады—отъ Бога отступятъ люди; а вознегодуетъ вода морская—грѣшные праведныхъ изгоняютъ; рѣки же потекутъ жесточае—еже есть праведники пуще ихъ воровство обличаютъ; грѣшники праведниковъ мучатъ, а онѣ болши ихъ обличаютъ, не молчатъ, не боясь [4]) стреляютъ ихъ праведными словесы своими мѣтко; не обмешулится праведникъ от,— ужъ какъ пуститъ слово-то свое о Христѣ на собаку никоніянина, тотъ часъ неправду-ту въ еретикѣ то заколетъ.

(Сущес) (ст. 23—24). Сопротивъ станетъ имъ духъ силы и яко вихорь

---

[1]) Отсюда и до словъ: «Слышите, царіе, и князи и судіи земстіи, и внушите, на кажится...» напечатано въ Мат. т. VIII, стр. 64—66.

[2]) Въ Мат.: гнѣвливъ праведникъ.

[3]) Въ Мат. этого слова нѣтъ.

[4]) Мат.: «не молчатъ небось».

развѣетъ я, и опуститъ всю землю беззаконія и злодѣянія превратитъ престолы сильныхъ.

(Толкъ). Супротивъ станетъ Христосъ съ праведными на воровъ тѣхъ [1]). Онъ имъ, надежа, силу ту подастъ, а то бы беззаконники тѣ тотъ часъ праведныхъ тѣхъ перевертѣли, да Христосъ воли той имъ вовсе не даетъ. Утѣшаетъ своихъ тѣхъ Владыка бѣдненькихъ всяко. Собаки тѣ огрызутъ нашему брату бѣдному руку, или языкъ, или иную кую пакость сотворятъ, а Христосъ исцелитъ; а ворамъ тѣмъ горько, да не знаютъ, какъ извести праведника тово. А которова Христосъ изволитъ венчать и къ себѣ взять, и отдастъ его имъ, дѣлателямъ спасенія нашего, такъ онѣ что волки, съ сердца тово въ клочье изорвутъ раба тово Христова; изжегше, и кости те исекутъ бердышами да и опять дровъ наваляютъ, да потомъ собрався на радостяхъ пировать станутъ: перевели обличителя, не мешаетъ тотъ, слава Богу седмиглавому! помогъ милостію своею, изъ бездны пришедъ; раба Христова скончать! Да и сядетъ діаволъ то посредѣ ихъ на пиру томъ съ ними же, научаетъ еще на инова Христова раба. А Христосъ терпитъ свѣтъ— попускаетъ имъ, даже соберетъ своихъ повсюду, яко кокошъ подъ крылѣ птенцы своя. И егда совершится тайна писанія, тогда, яко вихорь, развѣетъ я, беззаконниковъ, и пусту всю землю сотворитъ, и злодѣйство ихъ перемѣнитъ, и престолы ихъ и все подъ гору поидетъ, по видѣнію Іоанна Богослова, глава 18, егда видѣ ангелъ сходящь съ небеси, имущъ область велію, и земля просветися отъ славы его и возопи въ крѣпости гласомъ веліимъ, глаголя: паде, паде Вавилонъ великій! и бысть жилище бесомъ и хранитель духу нечистому всякому и хранилище всѣхъ птицъ нечистыхъ, и ненавидимо: яко отъ вина ярости и любодѣянія ея напои вся языки и царии земстіи съ нею любы дѣяще и купцы земстіи отъ силы пища ея разбогатѣша, и прочая по ряду,—чти въ Апокалипсисе, что женѣ той пьяной воздастъ Богъ за игрушьки тѣ нынѣшнія. Жена —градъ есть великій, Богослову ангелъ сказалъ и протолковалъ въ 14 главѣ. На что лутче толку сего ангельскаго.

(Сущес) (гл. 6, ст. 1—3). Слышите убо, царіе, и разумѣйте и накажитеся судія концемъ земли, внушите содержащіи множество и гордящіися о народѣхъ языкъ, яко дана бысть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго.

(Толкъ). Слышите, царіе, и князи, и судіи земьстіи, внушите, накажитеся [2]) гордящіися: на время вамъ дана власть и сила отъ Вышняго; аще не покаетеся скоро, погибнете. Слышите, что Богослову сказано, во осмой на десятъ главѣ: и слышахъ гласъ инъ съ небесе глаголющъ: изыдите из нея, люди мои, да не причаститеся грѣха ея, и отъ язвы ея да не вредитеся, яко прилѣпѣшася грѣси ея; воздадите ей, яко и та воздастъ вамъ, и усугубите ей по дѣломъ ея сугубо, чашею, ею же черпа вамъ, черпните ей

---

[1]) Мат.: «на воротѣхъ».

[2]) Здѣсь обрывается текстъ въ Мат.

сугубо. Елико прославися и расвирѣпе, талико дадите ей и мукъ и рыданіи, яко въ сердцы своемъ глаголя, яко сѣжю царицею, и вдова нѣсмь, и рыданія не имамъ видѣти; сего ради во единъ день пріидутъ язвы ей: смерть, и плачъ, и гладъ, и огнемъ сожжена будетъ, яко крѣпокъ Господь Богъ, судяи ей. И возрыдаютъ и восплачются ея цари земстіи, любы дѣявше съ нею и разсвирѣпевше, егда узрятъ дымъ запаленія ея, издалеча стояще за страхъ мукъ ея, глаголюще: горе, горе! градъ великій Вавилонъ, градъ крѣпкій! яко во єдинъ часъ пріиде судъ твой. И купцы земстіи возрыдаютъ и восплачются о немъ, яко бременъ ихъ никто же купуетъ, къ тому бременъ злата и сребра и каменія драгаго и бисера и висса и порфиры, и шика и червени и всякаго древа финна, и всякаго сосуда слонова, и всякаго сосуда отъ древа честнаго, и мѣдяна и желѣзна, и мраморна, и корица, и ѳиміяна, и мира, и ливана, и вина, и елея, и семидалинъ, и пшеница, и скота, и овецъ, и конь, и колесницъ, и телесъ и душъ человѣческихъ. И овоща похотіи душа твоея отъиде отъ тебя и вся тучная и свѣтлая отъидоша отъ тебе и къ тому не имѣша обрѣсти ихъ. Купцы твои, симъ обогащъшеся, издалеча станутъ за страхъ мученія ея, рыдающе, и плачющеся, и глаголюще: горе, горе, градъ великій, облеченный въ висонъ и порѳирою и червленицею, и позлащенный златомъ и каменіемъ драгимъ и бисеромъ, яко во единъ часъ погибе толико богатства. И всякъ кормъчіи и всякъ плаваяй въ кораблехъ, и всякъ сликъ въ мори дѣлаяй издалеча сташа и вопіяху, видяще дымъ ражженія его,—глаголюще: кто подобенъ граду великому? И положиша персть на главахъ своихъ и возопиша, плачющеся и рыдающе, глаголюще: горе, горе, градъ великій, въ немъ же обогатишася вси имущи корабля въ мори отъ чести его, яко единемъ часомъ запустѣ. И веселися о семъ небо и святіи апостоли и пророцы, яже суди Богъ вашъ отъ него. И взятъ единъ ангелъ камень крѣпокъ, великъ, яко жерновъ, и верже въ море, глаголя: тако стремленіемъ вверженъ будетъ Вавилонъ градъ великіи и не иматъ обрѣстися, къ тому и гласъ гудецъ и мусикій и пискъ трубъ не иматъ слышатися ктому въ тебе, и всякъ хитрецъ всякія хитрости не обрящется къ тому въ тебѣ, и шумъ жерновный не иматъ быти слышанъ въ тебѣ, и свѣтъ свѣтильника не свѣтитъ въ тебѣ, къ тому и гласъ жениха и невѣсты не иматъ слышанъ быти въ тебѣ, къ тому яко купцы твои бѣша вельможи земстіи, яко волхвованіи твоими прельщени быша вси языцы, и въ немъ кровь пророческая и святыхъ обрѣтеся и всѣхъ избіенныхъ на земли. Слышите, царіе и разумѣйте и накажитеся, судія концемъ земли, внушите, содержащіи множество и гордящіися о народѣхъ языкъ, яко дана бысть отъ Господа держава вамъ и сила отъ Вышняго, плачите, бѣдныя, грѣхъ своихъ, яко приближается на вы запустѣніе за ваше беззаконіе и неправедныя суды. Добро бы образумитца и, яко отъ сна, убудится коемуждо отъ злобъ своихъ, паче же сквернъ любодѣянія церковнаго и догматъчнаго измененія престать Христа Іисуса Господа ради.

———

№ 18. Тоя же Премудрости Соломони чтеніе[1]).

Праведникъ аще постигнетъ скончатися, въ покои будетъ (гл. IV, ст. 7).

(Толкъ). Здѣсь праведнымъ навѣтно и суетно отъ бесовъ и отъ злыхъ человѣкъ и зело безпокойно и томительно: не имать бо часа единаго, еже бы не мучился; отовсюду запинанія душевная и телѣсная пакости отъ враговъ и отъ друговъ, отъ чюждихъ и отъ своихъ, на улицѣ и въ дому; ей! по словеси Христову и врази человѣку домашніи его. Егда же постигнетъ скончатися, въ покой поидетъ миленькой, слава Богу, добрелъ до краю, старикъ бѣдной!

(Сущее) (ст. 8). Старость бо честна не многолѣтна, ни въ числѣ лѣтъ изочтена.

(Толкъ). Не сей бо старъ, иже много лѣтъ живетъ, но аще кто благочестно и боголюбезно пребываетъ, сей старъ и предъ Господемъ честенъ: не числомъ бо лѣтъ сія бываетъ старость, но во изволѣ сердца добродѣтели творящу; аще и столѣтенъ сый, неправедне живый, и кромѣ заповѣди Господни, младъ есть таковый и подобенъ робяти. Яко же и Павелъ апостолъ пишетъ: егда бѣ младенецъ, яко младенецъ смышляхъ и яко младенецъ мудрствовахъ, егда же быстъ мужъ, отвергохъ младенческая. Сирѣчь младенчество глаголетъ первое свое житіе при ногу Гамалиилову, егда же живяше кромѣ Христовы вѣры. Грядущу же ему въ Дамаскъ мучити христіянъ, явися ему Господь отъ небесе и призва его. Павелъ же отвергохъ безуміе, яко младеньчество и бысть мужъ исполненъ духа и разума Божія. Оттоля нача проповѣдати имя Ісусово, въ Дамасцѣ и во всей поднебѣсней. Тако и нынѣ кто проповѣдь Павлову дѣлы проходитъ, сей старъ и разуменъ по реченному.

(Сущее) (ст. 9). Седина же есть мудрость человѣкомъ, и возрастъ старости житіе нескверное.

(Толкъ). Зри житіе чистое и нескверное и безгрѣшное, мудрость и честность, и слава и старость честная человѣку. Всѣхъ богатыхъ богатѣйши и славныхъ славнѣйше во всемъ мирѣ обносится имя его, живущаго въ вѣре Христовѣ и въ делѣхъ Господнихъ. Блаженъ есть таковый и треблаженъ, иже не ульсти языкомъ своимъ, и не сотвори искреннему своему зла, и поношенія не пріятъ на ближнія своя. Окаянне же и безумне же оттекаетъ отъ вѣры Христовы истинныя старыя премудрости и прилеплѣется бесомъ молодой вѣрѣ, глупостію младенческою одержимъ. Таковыи и дѣлъ благихъ не имать,—тако глупъ, яко робенокъ: по землѣ прилѣжаи, и щепу и говно поемля, въ ротъ себѣ пихаетъ, и падая съ лавки и съ полатей, язвы себѣ отъ безумія пріемлетъ. Тако любяи никоніянскія книги спадаетъ съ высоты разума старопечатныхъ книгъ московскихъ и язвитъ себя по внутреннему человѣку: яко щепу и калъ, пихаетъ въ ротъ, научаяся лжи

---

[1]) По рукоп. И. П. Библ., собранія Богданова, № 0. I, 339, л. 166 об.—175 об.

и неправдѣ отъ блядивыхъ книгъ никоніянскихъ; таковый, аще и сѣдъ и многолѣтенъ, но младенецъ сый неразумія ради.

(Сущее) (ст. 10—11). Благоугоденъ бывъ и возлюбленъ бысть и живыи посредѣ грѣшникъ преставися, восхищенъ бысть, да не злоба изменитъ разума его или лесть прельститъ душу его.

(Толкъ). Не обольстится, любяй правду и истинну Христову, и не изменитъ разума благого и въ мукахъ и въ самой смерти Христовъ рабъ, понеже твердо'вѣренъ, аще по средѣ грѣшникъ, яко человѣкъ, и умираетъ бесчестно и поносно, но десницею Божіею восхищенъ бываетъ ко престолу Царя славы, понеже угодникъ Божій и возлюбленъ Сыну Божію; преставися отъ злаго во благое, идѣже свѣтъ живота и радость безъ конца.

(Сущее) (ст. 12). Раченіе бо злое губитъ добрая и желаніе похоти применяетъ умъ незлобивъ.

(Толкъ). Аще кто возлюбитъ злыя никоніянскія книги и иныя поступки, нарѣчія и одежды и прочія бляди, нововводныя коби, таковый вся своя добрая погубляетъ и отъ Бога чюждъ бываетъ, понеже желаніе дурное перемѣнитъ его бѣднова, ко всему нестроенъ учинится: умъ-отъ у нево омрачится отъ погани той новой, и бываетъ милостивый не милостивъ, и незлобивый злобенъ, и праведный лживый учинится. Такова то ихъ новая та благодать проклятая, губитъ людей тѣхъ добрыхъ. Того ради подобаетъ неослабно прибѣгати къ Богу и милости просити: всякъ бо, правости ища и вѣры правыя, не погибнетъ, но имать по словеси Христову животъ вѣчный, а прилежай настоящей блазни, всяко погрязнетъ.

(Сущее) (ст. 13). Скончався въ малѣ исполнитъ лѣта долга.

(Толкъ). Виждь премененіе обоихъ и праведныхъ и грѣшныхъ: вмалѣ житіе се поживутъ, а тамъ надолгая безконечная лѣта отходятъ грѣшникъ мучитися, а праведникъ веселитися.

(Сущее) (ст. 14—15). Угодна бо бѣ Господеви душа его, сего ради потщався отъ среды лукавствія, люди едаже видѣвше, неразумѣвше, ни положиша въ помышленіи таковаго, яко благодать и милость на преподобныхъ Его и посещеніе во избранныхъ Его.

(Толкъ). Единаче умираютъ и праведніи и грѣшніи: разбоиниковъ вѣшаютъ и исповѣдниковъ вѣшаютъ, еретиковъ жгутъ и исповѣдниковъ жгутъ. Люди, еже видѣвше не разумѣвше, сирѣчь прилѣпившіися земнымъ не разумѣютъ ниже помышляютъ, яко благодать Божія и милость надъ тѣмъ, иже правости ради жренъ бываетъ, но толко говорятъ неразумніи: грѣшника казнятъ, или жгутъ или вѣшаютъ. Ослепи бо ихъ суетіе вѣка сего. Правовѣрніи же не тако, но разумѣютъ духовніи отъ дѣлъ кончину праведныхъ и грѣшныхъ и, благодаря Бога, радуются и веселятся о скончаніи праведныхъ, о грѣшныхъ же тужатъ и втаи предъ Богомъ плачютъ, даже отрадитъ ему Богъ въ вѣкъ вѣка. Яко же и Андрей юродивый видѣ богатаго ко гробу несома и водою смрадною отъ бѣсовъ кропяща, плакавъ о немъ святыи нощъ всю неутѣшно, яко и очи ему отъ слезъ опухли, и

получивъ умерый за молитвъ святаго отраду,—тако и нынѣ у святыхъ бываетъ. У грѣшныхъ же поминаніе не тако, но наварятъ на поминки вина и пива и напьются пьяни и передерутся, а бабы по мертвыхъ кричатъ да вопятъ, яко невѣрніи иноземцы: кленутъ зъ горя плачючи и небо, и землю, и тварь всю, и самому Творцу досаждаютъ. Горе тако творящимъ и мертвымъ бѣднымъ не полезно: суетно спасеніе грѣшныхъ бѣдныхъ. Дѣло добро, еже поминати мертвыхъ, да не добре въ нихъ творимо бываетъ. Благоразумніи же о мертвыхъ во умиленіи изливаютъ слезы, безъ крику и безъ вопля прося имъ у Владыки милости,—и се бо есть добро и благопріятно,—Богу любезно, а мертвымъ полезно, а плачющимъ мздовоздаятелно, отъ всюду хорошо воспоминаніе творимъ о мертвыхъ. Плака Магдалыни Марія, плачющися о умершемъ Ісусѣ: плачю, рече, яко взяша Господа моего отъ гроба и не вѣмъ, гдѣ положиша Его. Слезы проливала, а не кричала, не вопила. Еще же и самъ Ісусъ въ Виѳаніи прослезися надъ Лазаремъ, паки претя въ себѣ, пріиде ко гробу, идѣ же бѣ умерый лежа, гласомъ великимъ возва: Лазаре, гряди вонъ,—а прежде возванія хвалу Отцу воздая, научая насъ, даже и мы отъ небесе просимъ умершимъ милости со умиренньмъ плаканіемъ, а не съ бесчиннымъ воплемъ и кличемъ по язычески, яко же невѣрніи творятъ, неимущіи упованія мертвымъ воскреснути, и помышляютъ яко погибшихъ ихъ, а не преставльшихся. Мы же съ Павломъ речемъ, аще бо вѣруемъ, яко Ісусъ умре и воскресе, тако и Богъ умершая о Ісусѣ приведетъ съ нимъ, еже есть (оживотворитъ). Сіе бо вамъ глаголемъ словесемъ Господнимъ, яко мы живущіи, оставшіи въ пришествіе Господне, не имамы предварити умершихъ (сирѣчь всѣмъ вкупе востаніе будетъ, аще и живи кои при кончинѣ будутъ, но изменятже ся въ мегновеніи ока въ послѣдней трубѣ). Апостолъ: яко самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ архангеловѣ и по трубѣ Божіи, снидетъ съ небеси и мертвіи о Христѣ воскреснутъ прежде, потомъ же мы живущіи оставшіи купно съ ними восхищени будемъ на облацѣхъ въ стретеніе Господне на воздусѣ и тако всегда съ Господемъ будемъ. Слыши Павла глаголюща радость неизреченную зъ Богомъ бытіе. На что же ревѣть, яко изгибшимъ? Но радоватися подобаетъ о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки векомъ.

№ 19. Отъ пророчества Исаина глава 35 [1]).

(Ст. 1). Тако глаголетъ Господь, да возвеселится пустыни жаждущія, да возрадуется пустыни и процвѣте, яко кринъ и оцвѣтет и вся возвеселится.

(Толкъ). До пришествія Христова пуста вся земля благодати бысть,

---

[1]) По рукописи Имп. Публ. Библ., собранія Богданова, № О. I, 339.

понеже отъ Адама царствова грѣхъ и не на согрѣшившихъ не бысть хваленія и славы Богу во человѣцехъ, но оплеташеся весь родъ человѣческіи сластми и похотми телесными, и дебелымъ умомъ не могоша достизати красотъ на небеси, яже уготова Богъ любящимъ его, токмо маліи познаваху тонце отъ твари вразумляхуся: Авель, Сиѳъ, Енохъ, Еносъ, Ное, Авраамъ, и Ісаакъ и Іаковъ, Мельхиседекъ, и Іовъ, Моисей же и Аронъ и Самуилъ и прочіи въ законѣ пророцы. Сіи знаменито познаша Бога, но не тако, якоже апостоли, исполнився Духа Свята. По вочеловѣченіи же Сына Божія Гопода нашего Іисуса Христа разумно бысть небо всѣмъ живущимъ. Ученіемъ апостольскимъ и вразумленіемъ Святаго Духа подвигшеся по благочестіи мужи, и жены, отроки и отроковицы всякаго чина, и исполнишася грады и пустыни пѣнія и молитвы, яже къ Богу, и бысть веселіе душевное на всякомъ мѣсте, и яко крины, обители монастырей процвѣтоша въ пустыхъ мѣстехъ и въ тѣсныхъ дебряхъ пустынники и пустынницы, жестокое житіе Христа ради терпяще, упованіемъ будущихъ веселятся.

(Сущее) (ст. 2). И да возрадуется пустыни Іерданова, и слава Ливанова дана бысть ей, и честь Кормилова.

(Толкъ). Ливанъ гаголется ладанъ, — повсюду каженія въ церквахъ и въ скитахъ во славу Богу. Множество же много во Іерданстей пустыни работающихъ Господеви и честни быша въ концехъ земныхъ добродѣтелей ради, яко гора Кармильская житія ради Іліи пророка. Чаю, всякому разумно житіе Египетскія Маріи, живущей въ пустыни Іорданстей. І Анофреи Великій 60 лѣтъ и Тимофѣй 40, иныхъ неисчетно, безъ одеждъ наги, и безъ пищи человѣческія работали Богу, вся земная презрѣвше. Миленькіе голубчики! со зверми витали.

(Сущее) (ст. 2). Людіе мои узрятъ славу Господню и высоту Божію.

(Толкъ). Егда крестился Христосъ на Іорданѣ, всѣмъ бысть видима людямъ слава Господня, стоящимъ на Іорданѣ, понеже Духъ Святый отъ Отца пріиде надъ Него голубинымъ видомъ, и гласъ съ небеси глаголя: сей есть Сынъ мой возлюбленый, о немъ же благоизволихъ. Разумна бысть всѣмъ сія слава Господня отъ высоты Божія.

(Сущее) (ст. 3). Укрепитеся руки ослабленныя и калѣна разслабленная утешитеся.

(Толкъ). Раслабленъ бысть отъ дьявола рода человѣчь, но и паче языцы жруще Богомъ бездушнымъ, на всякую грѣховную слабость со остротою текуще, яко во тмѣ, въ невѣденіи живуще и детей съ печалію бѣсомъ жруще, пророкъ же возвещаетъ пришествіе Сына Божія и утѣшителя Святаго Духа.

(Сущее) (ст. 4). И рцѣте малодушнымъ мыслію: укрѣпитеся, и не бойтеся. Се Богъ нашъ судъ воздаетъ и воздастъ, той пріидетъ и спасетъ насъ.

(Толкъ). Укрѣпившимся Христомъ и силою Духа Святаго велитъ понуждать и малодушныхъ на тоже дѣло безъ боязни, яко всѣхъ спасаяй

грядетъ. Приступити къ нему и просвѣтитеся и лица ваша не постыдятся, Се Богъ нашъ судъ воздаетъ, сирѣчь грѣхъ осуждаетъ вочеловѣченіемъ своимъ, еще же и воздастъ во второе пришествіе свое комуждо по дѣломъ. Той пріидетъ и спасетъ насъ,—оба прихода являетъ Христова и первой и второй за спасеніе наше.

(Сущее) (ст. 5—6). Тогда отверзутся очеса слепымъ, и уши глухихъ услышатъ, тогда скочитъ, яко елень, хромый и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ.

(Толкъ). Не явленно ли во святомъ евангеліи, колики очеса слепыхъ Христосъ просвѣтилъ, и отверзъ уши глухихъ, и хромыхъ востави, разслабленныхъ стягнувъ, и гугнивыхъ ясно глаголати устрои, изрядніе же рещи слѣпотою невѣрія болящихъ. весь родъ человѣческій просвѣти и въ богоразуміе приведе смотреніемъ вочеловѣченія своего и проповѣдію не мудрыхъ и гугнивыхъ апостолъ всю вселенную уловль. На ноги подняли свѣты наши бѣдныхъ насъ, яко хромыхъ.

(Сущее) (ст. 6—7) Яко проразися въ пустыни вода и дебрь въ земли жаждущей, и будутъ безводная въ блата и въ жаждущей земли источникъ воды будетъ.

(Толкъ). Въ пустыни проразися вода, еже есть во всей земли святое крещеніе во имя Отца и Сына и Святаго Духа, въ купели погруженіе на омовеніе сквернъ грѣховныхъ, яко же Деонисіи Ареопагитъ пишетъ: егда сводимъ бываетъ крещающійся въ воды, тогда вся скверны грѣховныя съ собою сноситъ и чистъ отъ воды восходитъ; треми погруженми и возгруженми образуетъ Святую Троицу: Отца и Сына и Святаго Духа. И будутъ безводная въ блата и въ жаждущей земли источникъ воды будетъ. Земля жаждущая — мы языцы, иссохлая земля, яко болото наводнилася, яко источники вездѣ потекли хорошіе ключи купѣлные на оцыщеніе грѣховъ, въ древнемъ Моисѣове законѣ къ плотстѣй чистотѣ омывахуся водою и отираху ризы своя, просто рещи, и на торгу походитъ, аще не покуплется; хлѣба не ясть, и во церкви на всяко время входяще измывахуся водою предъ дверми церковными, по обою страну по пяти сосудовъ каменныхъ, исполненныхъ воды отъ моря Соломаня, и во всѣхъ сосудѣхъ хотяй въ церковь внити, измываяся и чистъ бывъ, дары приноситъ Господеви на всесожженіе; всегда очищахуся и кровію жремыхъ покропяхуся; здѣ же во благодати единожды измоемся, крестившеся, и чисти бываемъ во вѣки, и не уже къ тому кровію покропляемся, но причащаемся тѣла и крови непорочнаго и пречистаго агньца Христа, единою о насъ принесшаго себе и заклавшемуся въ жертву Богу и Отцу, и не уже къ тому плачемъ со Еввою, лишившеся рая, но паки въ рай, ино на небо восходимъ, омывшеся надежею Христомъ.

(Сущее) (ст. 7). И ту будетъ вселеніе птицамъ и водвореніе сириномъ и тростіе и стебліе.

(Толкъ). Много птицъ поющихъ по пустыни сей пътичье житіе проходятъ, многіе святые отцы, и яко сирины, со умиленіемъ и со слезами пѣснь Богу поютъ. Сиринъ бо есть птица краснопѣснивая, — писано во Алѳавите о ней—обрѣтается къ востоку близъ рая, во аравитцкихъ странахъ, въ райскихъ селеніяхъ живетъ и, егда излѣтаетъ изъ рая, поетъ пѣсни красныя и зело неизреченны и не вмѣстимыи человѣчю уму; егда же обрящеть ея человѣкъ и она узритъ его, тогда и паче прилагаетъ сладость пѣнія своего. Человѣкъ же слышавше забываетъ отъ радости вся видимая и настоящая вѣка сего и внѣ бываетъ себя, мнози же и умираютъ слушавше, шествуя по ней, понеже красно и сладко пѣніе; и есть не захочетъ горюнъ отъ желанія своего. Было также и при Христѣ Бозѣ нашемъ, яко же и евангеліе повѣствуетъ о семъ: егда хождаше въ пустыни Іисусъ, а за нимъ народа пять тысящь и паки 4 зъ бабами и съ робята волочатся, слушавше, яко сирина, пѣсенъ его и не ядше, бѣдные приседятъ: сладки гараздо пѣсни. Онъ же умилосердився о нихъ и хлѣбомъ чюдеснымъ и рыбою ихъ накормилъ, после ученія пречистаго своего. Да плуты люди-те сія забыли все, и пѣсни и чюдеса идоша вспять отъ Него. Кто ихъ похвалитъ, дураки, начали, а не совершили. Претерпѣвый до конца, тои спасенъ будетъ, не начный блаженъ, но скончавый. Тако и нынѣ: кто сириновъ тѣхъ свѣтовъ слушаетъ, сирѣчь ученія святыхъ отецъ и тщится дѣломъ совершить, блаженъ будетъ и треблаженъ, понеже, яко июдѣи не отступаетъ вспять отъ Христа, но умереть за истинну готовъ, уповая на Господа, яко трость вкоренень крѣпко, и яко стебль у кореня Христа прицепился неотлучно.

(Сущее) (ст. 8). И тамо будетъ путь чистъ и путь святъ наречется, и не мимо идетъ тамо нечистъ, ниже будетъ тамо путь нечистыхъ, разсѣянии же пойдутъ по нему и не заблудятъ.

(Толкъ). Путь чистъ и путь святъ заповеди Божія глаголетъ, въ нихъ же ходятъ святіи, чистое и непорочное живуще житіе о Христѣ Іисусѣ; а нечистіи сими путьми не ходятъ, еже есть еретики, не соблюдаютъ заповедей Господнихъ, но и текущимъ по нихъ возбраняютъ, не любятъ по Бозѣ живущихъ, понеже стыдно имъ глядеть на постника многоядцемъ и блуднымъ на цѣломудрыхъ и пьянымъ на трезвыхъ. Праведникъ, яко светилникъ, неугасая светитъ, и люди о немъ веселятся, по писанію, похваляему праведнику, возвеселятся людіе. А богоотступнику досадно: ево такъ не хвалятъ, да ищетъ, какъ бы праведника уловить или погубить. Разсѣяни же поидутъ по нему и не заблудятъ, сирѣчь, аще еретикъ праведника изгоняетъ въ сылки, въ расѣяніе посылаетъ во страны дальнія, яко же Никонъ отступникъ дѣлалъ съ никоніяны, отецъ и братію мою въ остроги, и въ Новгородъ, и въ Сибирь, и въ Дауры, и въ Пустозерье, вездѣ разсѣяни по лицу всей земли, а онѣ миленькіе не заблуждаютъ, единаче ходятъ по пути Господни.

(Сущее) (ст. 9). И не будетъ тамо льва, ниже звѣрей лукавыхъ взы-

детъ нань, ниже обрящется въ немъ, но поидутъ по нему собранніи избавленіи отъ Господа.

(Толкъ). Левъ—дьяволъ, звѣри—лукавыя бѣси, не входятъ въ душу праведничю, но Христосъ пребываетъ въ немъ, благодатію своею соблюдаетъ его. Левъ же дьяволъ и звѣри лукавыя бѣси, живутъ въ душахъ грѣшничихъ и еретическихъ и яко свиньи, питаютца рожцами, грѣхами ихъ; приводнѣ же рещи и грѣхолюбцы, за соединство съ бесами, звѣріе глаголются: не ходятъ по сему пути, еже есть по заповедямъ на собраніи и избавленіи отъ Господа, ходятъ по нему, еже есть твердо соблюдаютъ Христовы заповеди. Ихъ же призва Христосъ, сихъ и оправда; а ихъ же оправда, сихъ и прослави,—апостолъ рече.

(Сущее) (ст. 10). И обратятся и пріидутъ въ Сіонъ съ веселіемъ и радостію, и веселіе вѣчное, надъ главою ихъ хвала и радованіе и веселіе постигнетъ ихъ, отъбеже болѣзнь и печаль и воздыханіе.

(Толкъ). И обратятся и пріидутъ въ Сіонъ, еже есть по воскресеніи въ превзятый горніи Сіонъ съ веселіемъ и радостію веліею; и веселіе вѣчное надъ главою ихъ —венцы и почесть даровъ; хвала и радованіе и веселіе постигнетъ ихъ, сирѣчь ангельское утешеніе и съ ними ликовствованіе,—еже есть здѣся осталася вся скорбная и болѣзненая находящая имъ. Тогда забудутъ праведніи здѣшныя темницы и воздыханіе и печаль, ушли миленькія отъ хлопотъ тѣхъ, покинули насъ! Не забывайте же насъ въ молитвахъ своихъ предъ Господемъ Богомъ и Отцемъ и предъ единороднымъ Сыномъ Его Спасителемъ нашимъ Іисусъ Христомъ и предъ покровителемъ нашимъ истиннымъ Духомъ Святымъ, во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 20. Того же пророка Исаіи глава 55 [1]).

(Сущее) (ст. 1). Тако глаголетъ Господь: жаждущіи на воду грядите и елицы не имате сребра, шедше купите безъ сребра и цены вино и масло.

(Толкъ). Алка человѣчество и жаждею томимо до вочеловѣченія Христа Бога нашего; а егда достигохомъ до лѣтъ устроенія, не уже къ тому гладни и жадьни, но насыщаемся благодати Господни, измывшеся во святой купѣли и прочихъ сподобляемся святынь доволно. Вино же глаголетъ и масло ученіе Христово и апостольская проповѣдь. Иногда Христосъ поливаше виномъ, иногда мазаше масломъ. Егда глаголаше: пріидѣте ко Мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и Азъ покою вы, се глаголется масло, егда же глагола: горе вамъ насыщеніи, яко взалчете и прочая таковая, се глаголется вино. Еще же вино и вода во святомъ причастіи и масло въ помазаніи.

---

[1]) По рукоп. Имп. Публ. Библ., собранія Богданова, № 0. I. 339. л. 189 об.—207.

(Сущее) (ст. 2—3). Почто цените сребро не въ хлѣбы и трудъ вашъ не въ сытость; послушайте мене и снѣсте благая, и насытится во благихъ душа ваша; внимайте слухомъ вашимъ и послѣдуйте путемъ моимъ, и жива будетъ во благихъ душа ваша.

(Толкъ). Развративъ ся Іздраиль тогда отъ закона и заповѣдей Божіихъ, ослабѣли имѣнія ваша, изживаху вненодобство, яко же и у насъ въ новомъ Ізраили бываетъ; также по жидовски украшаютъ плоть, а душу же презираютъ, а иніи строятъ многоцѣнныя ризы, иніи возгражаютъ домы красныя и различныя жилища, а иніи конѣ и колесницы, и иная несказанная; а къ душевному строю претитъ діаволъ въ церковь и нищимъ подати не хощетъ, а что и подастъ, ино смѣху достойно, денешку и полденешку, или кусокъ корки сухіе. А имѣетъ тысящи сребра и злата, и на псахъ ожерелки шелковые и кольца сребряные. Охъ! увы ценившимъ сребро не въ хлѣбы и трудъ не въ постъ! гладъ себѣ вѣчной немилостивіи собираютъ, изживая въ непотребство и въ блудню, вѣчныхъ благихъ не желаютъ, ушми не слушаютъ и сердцемъ не внимаютъ Господу, зовущу: внимайте слухомъ вашимъ и послѣдуйте путемъ Моимъ и жива будетъ во благихъ душа ваша. А сребролюбцы немилостивіи пуще изощряются на злая, тогда во іюдѣяхъ, и нынѣ въ нашихъ; единаче недугуетъ человѣчь родъ инымъ недугомъ смертоноснымъ необратно.

(Сущее) (ст. 3—4). И завѣщаю вамъ завѣтъ вѣченъ преподобная Давидова вѣрная, се свидѣтельство во языцѣхъ дахъ и князя и повелителя во языцѣхъ.

(Толкъ). Се глаголаше пророкъ о Христѣ Іисусѣ. Онъ надежа и повелитель царемъ и княземъ земскимъ и обладатель аду и смерти и завѣща намъ завѣтъ вѣченъ всѣмъ языкомъ. Родився Сынъ Слово Божіе отъ безневѣстныя дѣвы, отъ корене Давидова и отъ вифліомскія веси, и настави насъ на путь спасенія всѣхъ языковъ. Имъ, Свѣтомъ, Отца небеснаго увѣдехомъ и познахомъ и призывающе имя Его, къ Нему прибѣгаемъ.

(Сущее) (ст. 5). Се языцы, иже невѣдяше тя, призовутъ тя и людіе, иже не познаша тя, къ тебѣ прибѣгнутъ, Господа ради, Бога твоего святаго Израилева, яко прославилъ тя есть.

(Толкъ). Разумѣй, яко познаніе наше Бога и Отца Христомъ Іисусомъ Господомъ Богомъ и святымъ Израилевымъ, понеже прославилъ бывъ на земли Бога и Отца своего, сего ради и языцы славятъ Святую Троицу, увѣдевше отъ Христа; и прибѣгаетъ къ Богу ходатаемъ спасенія нашего имъ Владыкою Іисусъ Христомъ.

(Сущее) (ст. 6—7). Взыщите Бога и внегда вамъ обрѣсти Его, призовите; внегдаж аще приближится вамъ, да оставитъ беззаконный пути своя и мужъ нечестивъ совѣты своя.

(Толкъ). Тогда глагола пророкъ іюдеомъ: взыщите Бога, и нынѣ намъ глаголетъ: взыщи Бога, понеже приближися спасеніе наше, обрѣтохомъ Іисуса Сына Божія, паче же Онъ насъ обрѣтъ и вознесе на первое блажен-

ство, отнюдуже испадохомъ: да оставитъ беззаконный пути своя: блудъ, нечистоту и всякую злу вещь и мужъ нечестивъ совѣты своя, сирѣчь ниже помышляй на злая.

(Сущее) (ст. 7). И обратитеся ко Господу Богу вашему и помилованы будете, яко по многу оставитъ вамъ грѣхи ваша.

(Толкъ). Разумѣй милость Божію, яко не противъ дѣлъ нашихъ милосердіе Его бываетъ. Давидъ преподобный разбойникъ былъ и, егда въ покаяніе прінде, чюдотворецъ бысть; и Никита Столпникъ Переславскій разбойникъ былъ, а преж смертиж чюдотворецъ бысть, и много того въ писаніи сыщешь, что нашему уму невмѣстимо. То творитъ Богъ чрезъ человѣка грѣшна, въ покаяніе приведша; въ житіе Феодора Едескаго писано: блудница мертваго воскресила. Какъ не чюдо!

(Сущее) (ст. 8—9). Не суть бо совѣти мои, яко ж совѣти ваши, ни яко же путіе ваши, путіе мое, глаголетъ Господь, но яко же отстоитъ небо отъ земли, тако отстоитъ путь мой отъ путіи вашихъ и размышленія ваши отъ мысли моея.

(Толкъ). Съ Павломъ рцемъ: о глубина богатства, премудрости и разума Божія! яко неиспытани судбы Его ниже изслѣдовани путіе Его! Кто разумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть? Ей, яко отстоитъ небо отъ земля, тако Ево Божій путь въ праведникахъ лежащь, не познанъ умы грѣшными, и дебелы суть и толсты размышленія грѣшныхъ о небесныхъ красотахъ, не достизаютъ умомъ своимъ тонце духовнаго житія. Вся творятъ не по воли Божіей и не по уставу, плотолюбцы праздники празднуютъ обьяденіемъ и пьянствомъ и праздными бесѣдами, юродовство имъ вмѣняется путь духовной, и святыхъ наказаніе въ посмѣхъ бываетъ. Праведніи жъ разумѣютъ путь Господень и въ немъ ходятъ на всякъ часъ, соблюдая заповѣди и повелѣнія Господня. Сего ради исполнясь благодати, совѣтъ Божій знаютъ и грѣшнымъ возвѣщаютъ, повелѣвая сотворити, иже угодно Богу.

(Сущее) (ст. 10—11). Яко жъ бо аще снидетъ дождь или снѣгъ съ небесе и не возвратится отнюду, дондеже упоитъ землю и родитъ и прозябнетъ и дастъ сѣющему сѣмя и хлѣбъ въ снѣдь, тако будетъ глаголъ мой, иже аще изыдетъ изо устъ моихъ и не обратится ко мнѣ тощь, дондеже скончаетъ вся елика восхотѣхъ.

(Толкъ). Се глагола Духъ Святый пророкомъ о вочеловѣченіи Бога Слова: Онъ надежа наша, яко дождь съ небесе на руно сниде, и воплотися насъ ради, бывъ убо человѣкъ безначаленъ и не возвратился тощь, дондеже скончa благоволеніе Отче, напоилъ землю иссохшую ученіемъ своимъ пречистымъ и апостольскою проповедію, и родила плодъ изряденъ сѣявшему сѣмя и хлѣбъ въ снедь принесеся, спасеніе наше. Святѣй Троице слава, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

(Сущее) (ст. 12). И соверпу пути моя и повелѣнія моя, веселіемъ бо изыдѣте и радостію научитеся.

(Толкъ). Егда кто пріидеть въ совершенство пути Господня и повелѣнія Его чисто и непорочно сохранитъ, соблюдая заповѣди Его пречистыя, въ веселіи таковый исходитъ и въ радости неизреченной, научаяся премудрости духовной, вечеръ и утро и полудне; утѣшаетъ бо его утѣшитель истинный, Духъ Святый. Всегда веселится, залогъ имѣя въ себѣ упованіе вѣчнаго живота грядущихъ благъ.

(Сущее) (ст. 12 — 13). Горы бо и холми изменятся, чающе васъ въ радости, и вся древеса дубравная восплещутъ вѣтьвми, и вмѣсто прута взыдетъ кипарисъ, вмѣсто же праха взыдетъ мирсина и будетъ имя Господне во знаменіе вѣчно и не оскудѣетъ, рече Господь.

(Толкъ). Горы бо и холми—царіе языкъ и власти земстіи изменяются ученіемъ Христовымъ и святыхъ Его, приходятъ въ благоразуміе, чающе радости небесныя со святыми; и вся древеса дубравная восплещутъ, и люди всѣ вѣрни бывше во Христа, возрадуются; прежде бывше, яко голая лоза и яко прутъ сухой, протцветутъ во благовонный кипарисъ вѣрою во Христа, израстутъ древеса чюдная по всей земли, воня благоуханія чюдесъ наполнена святыхъ. И нынѣ явился новой святои Илинархъ во Соловетцкомъ монастырѣ. Вмѣсто же праха взыдетъ мирсина,—зрите и разумѣйте, не прахъ ли былъ Илинархъ-отъ? въ землѣ лежалъ,—кто ево зналъ? земля ино земля, а нынѣ яко мирсина взошолъ, зѣло завонялъ во всю русскую землю. Мирсина бо есть древо райское, обрѣтается къ восточнымъ странамъ посредѣ кедровъ и кипарисовъ, и зело древо уханно, еже есть вони исполненно благой: изъдалеча приходящаго обвеселитъ. Тако и Иринархъ по всей земли вѣрныхъ возвеселилъ, а никоніянъ вбесилъ и скорбь имъ наведе явленіемъ своимъ, понеже старыя нашія изгнанныя православныя вѣры кринъ процвѣте на обличеніе никоніяномъ, новолюбцамъ, врагомъ и отступникомъ отъ Христа и отъ Пречистой Богородицы и отъ Соловетцкихъ чюдотворцовъ. Какъ вы, никоніяне, скрыть чюдо сіе умыслите, али сице рцете, яко вашего ради достоянія земля Иринарха отца изведе и изъ нѣдръ своихъ ради вашихъ новыхъ блядивыхъ молитвъ? Гордоусы объмишулились! не такъ, не такъ, не лгите на истинну! пѣніе во Соловкахъ церковное и килейное по старому православію, и книги имѣютъ старопечатные, вашимъ блядямъ противятся, того ради отъ васъ в осадѣ сидятъ седмь годовъ. Милые алъчни и жадни, наги и боси, терпятъ всякую нужду ради вѣры православныя. Того ради утешая ихъ Богъ, изведе изъ земля стараго игумна Иринарха, бывшаго древле въ православной вѣре при благочестивомъ царѣ Михаиле Федоровиче всеа Руси и будетъ имя Господне во знаменіе вѣчно, рече Господь, еще же и не оскудѣетъ, по словеси Божію, старое наше православіе молитвами святыхъ отецъ, а ваше никоніянское собачье умышленіе скоро изводъ возметъ: не будетъ яко мирсина и кипарисъ, но яко невѣрія паки въ прутъ иссохнетъ и въ прахъ разы-

дется и провоняетъ яко мертвой песъ. Всякъ любяй вѣру никоніянскою, не будетъ яко мирсина; никако, но яко Фармосъ папа, законоположникъ римскаго стола, по смерти провонялъ и смрадомъ своимъ весь градъ огнусилъ и ко издохновенію приведъ, дондеже Стеѳанъ папа въ Тиверь реку смрадное тѣло ввергъ. Тако и нынѣшнихъ московскихъ законоположниковъ новыхъ съ Никономъ врагомъ вверлсетъ послѣдній родъ въ Москву реку, и прахъ ихъ лопатами згребутъ блядиныхъ дѣтей, провонялыхъ душъ. Адомъ воняютъ всѣ, не лгу ни какъ, я ихъ знаю, водился съ ними! Что вы, раби Христовы, не имѣте вѣры? право такъ, не затеваю! Приводнѣ же рещи: горы и холми изменятся чающе васъ въ радости и вся древеса дубравная восплещутъ вѣтвьми, глаголетъ пророкъ, показуетъ обновленіе всей твари распятіемъ Христовымъ и погребеніемъ и воскресеніемъ Его. Егда сотворилъ Богъ небо и землю и рай во едемѣ насади, и Адама сотворилъ, тогда исперва до преступленія бысть земля, яко Божіи отъ едемскаго рая рай облагоюхалась и вся тварь въ радости служаще первозданному Адаму. Егда же заповедь преступи, вознегодова вся тварь на преступника, не восхотѣ ему служить, звѣріе и птицы и гады сокрушити хотѣли Адама, воды потопити и земля пожрати хотяще Адама и прочая потому же вся восплакала и возрыдала,—крины селныя и древеса дубравная оскорбѣша, не возхотѣша преступнику служити. Къ нимъ же Владыка и Господь рече благолѣпнымъ гласомъ: стерпите и не выступайте изъ предѣлъ своихъ, дондеже паки обновлю падшіи мой образъ. Оттоле бо суете повинуется тварь не волею, но за повинувшаго ю о надежди, яко и сама тварь свободитися отъ работы тлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ. Павелъ пишетъ и Златоустъ въ Маргарите по вышереченному разсуждаетъ. Егда же исполнися время и приближися спасеніе наше, Сынъ Божіи вочеловѣчився и пострадалъ насъ ради, воскресъ изъ гроба и узы растерзавъ Адамли и вся съ нимъ святыя отца изведе изъ ада, глаголя ангеломъ: сраду(и)темися яко обрѣтохъ изгибшую драхму, иже вся мудрѣ устроивый, Господи, слава Тебѣ. Таже съ нимъ обновилъ и всю тварь и примирилъ паки человѣка къ себѣ Христосъ, яко же апостолъ пишетъ Коласаемъ, зачало 251, и той есть глава тѣлу церкве иже есть начатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ той первеньствуя, яко въ немъ благоизволи все исполненіе вселитися и таже примирити вся-ческая къ себѣ, умиривъ кровію креста своего Собою, аще земная, аще ли небесная. Внимай Павлу, глаголющу: вездѣ глава Христосъ, еже есть начатокъ, и изъ мертвыхъ воста отъ гроба первой, потомъ же и прочихъ совоскресивъ съ собою, яко да будетъ во всѣхъ той первеньствуя вездѣ въ первыхъ. Христосъ глава наша и въ земномъ строеніи и въ небесномъ, яко въ немъ благоизволи все исполненіе вселитися и тѣмъ примирити всяческая къ себѣ. Премудро сотворилъ Сынъ Божіи: одѣлся въ плоть и смиреннымъ образомъ вся уморилъ (sic!) и обновилъ паки истлѣвшее есте-

ство наше и на небо вознесе и съ нимъ всю тварь обновилъ кровію креста Своего, оттоле вся возрадовашася и восплескала, яко же Исаия рече. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 21. Того же пророка Исаіи, глава 12 [1]).

Тако глаголетъ Господь, почерпните воду с веселіемъ от источникъ спасенныхъ.

(Толкъ). Многія источники в церкви Божіей текутъ на спасеніе намъ: купѣльное порожденіе и во вселѣтномъ времяни воды святыя освященіе и поученіе словесъ Божіихъ святаго писанія — вода глаголется, якоже рече Господь: ис чрева его потекутъ воды живы, еже дѣйство Духа Святаго властію Своею даетъ, раздѣляя по мѣре коемуждо, якоже хощетъ; и от православныхъ учителей и истинныхъ пастырей, яко от источникъ спасенныхъ испивати вода и насыщатися здраваго ученія с веселіемъ и радостію многою, а от гнилыхъ источниковъ подобаетъ бежать, своя ищущихъ, а не яже суть Божія, понеже развращенніи тлятъ благочестивыхъ душа.

(Сущее). И речеши в день онъ: пойте Господа, воспойте имя Его, возвеселите во языцѣхъ славная Его.

(Толкъ). Ей, напившіися воды от источника спасеннаго, истиннаго учителя научившеся, рекутъ: пойте имя Его, воспойте Бога (Когда то бысть). Явѣ есть, отъ Духа научившеся, апостоли возвестиша во языцѣхъ славная Его, во всѣхъ людехъ чюдеса Его, и преминуша от тмы во свѣтъ благоразумія Его. Оттолѣ вси языцы поютъ Господа, воспѣвающе и поюще в сердцыхъ своих имя Его. Во дни сія и во веки векомъ, дондеже солнце сіяетъ, не пресякнетъ вода сія, евангельская проповѣдь и святыхъ апостолъ и отецъ ученіе, аще еретицы и оскверняютъ воды сія, злыми ересми навѣтъ творя церкви святой, да не могутъ заглушить: единаче чисто текутъ, обличая безбожіе ихъ. Много ихъ послѣ Христа Бога нашего умысловъ было со діяволомъ, да что пыль или паучину приноситъ и без вѣсти творитъ ангелъ Господень, пребываетъ непорочна во веки.

(Сущее). Помяните, яко вознесеся имя Его, яко высокая сотвори, возвестися сія по всей земли.

(Толкъ). Ко Июдеомъ непокоривымъ глаголаше пророкъ, припоминая бывшая чюдеса во Египтѣ, и в мори, и на горѣ Синаистѣй, и в пустыни. Велитъ имъ поминать, они же не разумѣша, но единаче беззаконію прилежа, яко плоть суть. Истинна же глагола сего о Христѣ Бозѣ нашемъ, яко вознесеся имя Его на земли и на небеси. Нѣсть таковаго имени славнаго под небесемъ, якоже Христосъ. Павелъ пишетъ. Смирилъ себѣ, по-

[1]) Ркп. Имп. Публ. Библ., № O. I. 339 (Богданов.), л. 207 об.—225.

слушливъ бывъ даже до смерти, смерти же крестнѣй; тѣмъ же и Богъ Его превознесе и дарова Ему имя, еже паче всякаго имени, да о имени Іесусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и преизподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Іесусъ Христосъ в славу Богу Отцу. Аминь. Возвѣщаніемъ апостольскимъ вси языцы поклонилися Ему, Богу нашему, сотворшему высокая и дивная чюдеса, яже Евангеліе свидѣтельствуетъ, и возносятъ имя Его по всей земли: аще и в ересяхъ кои лежатъ, и тѣ христіяня ся зовутъ, не отринутъ имени сего, но заблудивше от пути истинны, неправо исповѣдуютъ мудрствуя о Христѣ. За сіе осуждени будутъ в печаль и в скорбь вѣчную со діяволомъ мучитися, мы же, православніи, радостію радуемся и веселіемъ веселимся, вси живущіи и вѣрующіи во Христа, право мудрствуя, по писанію здраво, отрѣваемъ коби ихъ о душѣ (sic!) нашихъ и проклинаемъ всѣх еретикъ первыхъ и нынѣшнихъ никоніянъ послѣднихъ. Аминь.

(Сущес). Радуйтеся и веселитеся вси живущеи в Сіонѣ, яко вознесеся посрѣдѣ его святый Израилевъ.

(Толкъ). Сіонъ бо глаголется гора Сіонская, на ней древа растутъ масличная. Во время вочеловѣченія Своего всегда Христосъ на ней со ученики водворяшеся. И от горы Елеонскія на небо Христу вознесшуся—святу Израилеву, якоже Лука въ Дѣяніи свидѣтельствуетъ: бѣ же в то время именитыхъ народу яко сто и двадесять, а прочихъ человѣкъ и много было. Видѣвше вознесеніе Его на небеса, возрадовашася радостію великою зѣло и павше поклонишася Ему, Онъ же поуча ихъ и благословя взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ. И яко взирающе бяху на небо идущу Ему, Епифаній Кипърьскій пишетъ, от горы, яко человѣкъ поиде, а еже выше восходя, то болше распространяшеся; егда взыде ко тверди небеснѣй, тамо распространися по всему небеси. Таже сташа два ангела пред ними во одежди бѣлой, учаще ихъ, глаголюще: мужіе Галилѣйстѣи, что стоите зряще на небо? Се Іесусъ вознесыйся от васъ на небо; такоже пріидетъ, имже образомъ видистѣ Его идуща на небо. Егда же Христосъ проиде твердь небесную, взыде на небо небесное и сѣде одесную Бога Отца во двою естеству, Богъ и человѣкъ, проповѣдуетъ и о насъ; въ девять же дней поклоняхуся ангельскія силы обоженной Пречистой сѣдящей на престолѣ одесную Отца плоти Его; девять чиновъ ангельскихъ, — девять дней и поклоненіе бысть. Въ девятый же день посла Богъ на апостолы своя Святый Духъ; и егда скончавашеся день пятдесятницы, бѣша вси апостоли единодушно вкупѣ, и бысть внезапу с небесе шумъ, яко носиму дыханію бурному, и исполни весь домъ, идѣже бяху сѣдяще, и явишася имъ раздѣлени языцы, яко огненни; сѣдѣ же на единомъ когождо ихъ; исполнишася вси Духа Свята и начаша глаголати инѣми языки, якоже Духъ даяше имъ провѣщавати. Посемъ въ радости вси по поднебеснѣй проповѣдати разыдошася, благовѣствующи Христа вознесшася, и паки хотяше (sic!) приити судити и воздати комуждо по дѣломъ его. Якоже Па-

велъ рече, къ римляномъ зач. 114, на се бо Христосъ и умре и воскресе и оживе, да мертвыми и живыми обладаетъ; ты почто осуждаеши брата своего или ты почто уничижаеши брата своего? Вси бо предстанемъ судищу Христову. Писано бо есть (Исаія, в 45 главѣ): Живу Азъ, глаголетъ Господь, яко Мнѣ поклонится всяко колѣно, и всяк языкъ исповѣстся Господеви. И выше рекохомъ Павловъ приводъ въ Филиписійскомъ посланіи, зач. 240, о поклоненіи всѣхъ колѣнъ небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ.

Нынѣ Христу поклоняются, познавши и вѣровавши въ Него, а во второе пришествіе и нехотя поклонятся вси, и жидове, распенши Его, с преисподними и рекутъ: благословенъ грядый во имя Господне Царь Израилевъ. Посемъ восплачются и возрыдают своего невѣрія, и вси еретицы восплачются своего безумія, яко не вѣроваша истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ. И никоніяня безумніи восплачются, укорившеи Духъ Святый истинный и похулившеи книги старопечатанныя православныя и послѣдовавши пути Ваалову и Валаамову и Васорову, иже учаше Валака положити соблазнъ предъ сынами Израилевыми, ясти жертвы идольскія и любы творити. (Кн. 4 Моис. гл. 24).

Тако и нынѣ творятъ дуси никоніанстіи, держаще ученіе никоніанское, егоже ненавидитъ Богъ, но терпитъ и ожидаетъ ихъ на покаяніе. Аще ли же ни, пріидетъ скоро и брань сотворитъ съ ними мечемъ устъ Своихъ и двигнетъ престолы ихъ и кости ихъ предастъ псомъ на снѣденіе, якож Іезавелины, Царства 3, глава 16, глаголющейся быти пророчица, иже учила и льстила рабы Божія любодѣйствовати и снѣсти жертву идольскую Ваалову. И дахъ (sic) ей Господь время, да покаятся (sic) отъ любодѣйства своего, и не покаяся. Сего ради положилъ ю Богъ и любодѣющія на одрѣ с нею в скорбь велію, сирѣчь асиріяня разорили Израиля и Езовель в палатахъ застрѣлили, пси ухватя кости ея, да и волочить начали. Иліи пророка пророчество збысться и на Ахавѣ, муже ея, и на ней: обоихъ убиша, и Ахавову кровь пси полизаша, и блудницы в крови его измывшеся (якоже Илія прорече) сирѣчь, егда застрѣлили ево на бою, и текущи крови его по пути, лизаху псы, и блудныя по обычаю своему жены исходя по утреннимъ росамъ отирающе скверну свою травами с кровію Ахавовою (пространно въ Царствахъ писано о томъ). Того ради не жри жертвы Ваалу и не оттекай от Бога живаго, но вѣру держи праву: а палъ и заблудилъ, и ты предъ Господемъ Богомъ кайся: милостивъ Господь кающимся, проститъ безуміе твое. Аминь.

Приводнѣ же рещи, Сіонъ и церковь глаголется, и дщи Сіоня, в нейже возносится имя Христа Бога нашего, святаго Израилева, отъ всѣхъ живущихъ въ ней и твердо держащихъ православіе. Радостію радующеся и веселіемъ веселящеся, поютъ Господа, возносящеся гласы непрестанными и немолчными славословенія, на всяко время, вечѣръ и утро и полудне славяще Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздѣль-

ную, равно блаженную, равно силную, сообразную в трехъ образахъ по равенству, трииностасную, сопрестолную; исповѣдуемъ единицу несліянную, существо и божество, власть и царство едино в трехъ собствѣхъ, Отца нерожденна, Сына же рожденна, а Духа Святаго исходяща. Подобнѣ: Бога Отца, Бога и Сына, Бога и Духа Святаго, — не три Бози, но единъ Богъ. Равнѣ: Вседержителя Отца, Вседержителя и Сына, Вседержителя и Духа Святаго; не три вседержители, но единъ Вседержитель. Непостижимъ Отецъ, непостижимъ и Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый; вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый,—не три вѣчніи, но единъ вѣчный, не три непостижиміи, но единъ непостижимый. Яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый. И в Святой Троицѣ ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более, или мнѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны: едина сила, единъ образъ, якоже выше рекохомъ по равенству несліянне. Отмещемъ Савеліево сліяніе, еще проклинаемъ и Аріево рассѣченіе, но вѣруемъ и исповѣдуемъ, якоже намъ богословцы предаша и научиша, елико возможно намъ, понеже святіи о семъ возвѣстиша, а еже не вмѣсно уму человѣчю, о семъ умолчаша. Иже выше кто ихъ испытуетъ о Божествѣ, да будетъ проклятъ. Мы же правовѣрніи послѣдуемъ святому писанію и держимъ неизмѣнно, какъ старопечатныя книги научаютъ о Божествѣ и о прочихъ догматехъ, цѣлости ума ищемъ въ старыхъ книгахъ Московскихъ печатей бывшихъ благочестивыхъ царей Михаила и вышше его: сія добры книги. А при царѣ Алексѣѣ и по Іосифовыхъ продерзіемъ же с таковымъ (Шестаковымъ) всячина найдется, а въ Кіевскихъ и давно кое чево много,—съ разумомъ сія подобаетъ читати книги. Чисты и хороши Филаретовы, Іоасафовы, не хулю Іосифовыхъ, но есть кое-чему перемѣнна, не ерестью кладено, но высокоуміемъ Шестаковымъ. Всакъ бо ищай правая, самъ обрящетъ горкое, и сладкое, и полезное и вредное о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава со Отцемъ и с Святымъ Духомъ и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 22. О сложеніи перстъ [1]).

О крестномъ знаменіи и о сложеніи перстовъ изъ книги Бароніи, сирѣчь лѣтописца.

Быст в Галатѣх и Антіохіи при Мелетіи триперстная ересь, слагающе еретицы не по правиломъ персты, знаменающе большимъ и двема послѣднима, указательный же и великосреднїй подъ большіи и два меньшіи подогнувше, в Троицу же крестящеся и глаголюще: глава де наша Христос

---

[1]) Ркп. Черниговской духовной семинаріи, № 134, л. 53—58.

обратися ко Отцу Своему, взыде на небеса и подклонив главу Свою Богу Отцу, к тому с нами не пребывает; не подобает-де во Христова два естества креститися, но Троицею. Егда во Антіохіи бысть Мелетіи патріархъ, взыде на амбонъ, народъ уча, сирѣчь располагаяй по правиламъ, богословствуя о Святѣй Троицѣ, и о воплощеніи Христа Бога нашего, словесы увѣряя и дѣлы: показа три перста по аріански сложа, якоже и галатяне мудрствуют, подклоня два перста подъ тріех, и не бысть знаменія. Егда же из под тріех взняв два перста во Христова естества и совокупя ихъ, единъ великіи пригнув к меншимъ, и осѣнив люди и изыде огнь от руки и посрами еретики. Святый же испусти гласъ, рече: три убо ипостаси разумѣвающе о единомъ существѣ бесѣдуемъ. Сирѣчь и Христа того де не скрывайте еретики, в Троицу месяще, недовѣдомѣ изліянія то, во Христѣ благодать того же существа сѣдит на особомъ престолѣ, равно Святѣи Троицѣ съцарствуя: да тако учитъ Мелетіи святый.

Тамже. Егда же бысть в Римѣ от тѣх же Галатъ папа Фармосъ, благословляше люди тремя персты, и по смерти его Стефанъ, 7-й папа по немъ повелѣ умершаго Фармоса перстъ отсѣщи, повергъ на землю, и пропасть бысть; та ж другіи перстъ отсѣщи, повергъ, и изыде огнь ис пропасти, потом же повелѣ третіи перстъ отсѣщи, тут же повергъ, и изыде смрадъ ис пропасти, и от тѣлища Фармосова. Стефанъ же повелѣ тѣло Фармосово вринути в Тиверь рѣку; и сложа своя персты по преданію, осѣни пропасть злосмрадную, и снидеся земля, бысть по прежнему.

Отца Аввакума посланіе. Вѣрну убо сущу не подобаетъ колебатися и влаятися умомъ, но преданія от отецъ крѣпцѣ держати и извѣстнѣ, и якоже пріяхомъ креститися, тако и благословляти, в десницѣ слагая 5 перстовъ, великій и мизинецъ со среднимъ сложити концы вкупѣ, являют тріипостасное божество Отца и Сына и Святаго Духа; указательный же и великосреднiй сложити и единъ мало наклонити являетъ смотреніе Христова божества и человѣчества. Таже на главу возложити являетъ умъ нерожденный, Отецъ роди Сына прежде вѣкъ вѣчныхъ. Таж на пупъ положити—являетъ сошествіе Его во утробу Дѣвичю. Таже на десное плечо являетъ вознесеніе и со Отцемъ сѣдѣніе и праведныхъ одесную стояніе. Таж положити на лѣвое плечо являетъ грѣшнымъ осужденіе и вѣчное мученіе. Посемъ поклонитися на землю являетъ Адамово паденіе, таж восклонитися являет паки востаніе Христовымъ смотрѣніемъ, сирѣчь вочеловѣченіемъ и страданіемъ и воскресеніемъ. Сице повелѣша персты слагати первіи пастыріе, святіи отцы и учители наши, Мелетіи Антіохійскій и Феодоритъ блаженный, Киринѣйскій епископъ, Петръ Дамаскинъ, и Максимъ Грекъ; еще и бывый на Москвѣ помѣстный соборъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ такъ же повелѣваетъ креститись и благословляти 5-ю персты по выписанному. Тамо при царѣ Іванѣ Васильевичѣ на соборѣ быша знаменоносцы русскіе наши, святые, Гурій Казанскій, и Варсонофій Тверскій иже быша казанскія чюдотворцы, и Филиппъ, Соловецкій игуменъ,

еже бысть митрополитомъ в Москвѣ градѣ: писано сіе въ Стоглавѣ царя Ивана Васильевича.

Кат. Мал. л. 17. *О крестномъ знаменіи, како подобаетъ знаменатися и поклонятися православнымъ христіаномъ. Вопросъ.* Коимъ образомъ знаменіе святаго креста имамы на себѣ полагати? *Отвѣтъ.* Совокупити три персты правыя руки, сирѣчь великаго и малаго, и третьяго что подле малаго, в них же исповѣдаемъ таинство божественныхъ тріех ипостасей Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога в тріех лицѣхъ, два же перста протягнути, вышніи и средніи; симъ показуемъ тайну самого Господа нашего, Іcуса Христа, яко совершенъ Богъ и совершенъ человѣкъ бысть, нашего ради спасенія. И тако сложивше персты, полагаемъ первое руку на чело, исповѣдующе, яко едина истинная и вѣчная наша глава Христос есть, якоже глаголет апостолъ Господа нашего: Богъ Отецъ даде главу всѣхъ выше церквей, еже есть тѣло Его. Потомъ же кладемъ руку на животъ исповѣдающе снитіе Его на землю и еже въ пречистѣм чревѣ Богоматере безсѣменное Его зачатіе; той бо пройде утробу ея, яко солнце стькло, не вредивъ ключа дѣвы рождествомъ своимъ. Потомъ же кладемъ на правое плечо, исповѣдающе, яко сѣдитъ одесную Бога Отца, протчее ожидая, дондеже положатся врази Его подъ нозѣ Его. Потом же кладемъ на лѣвое плечо, образующе яко пріидет паки второе на судъ, и воздастъ о шуюю сущимъ муку вѣчную, а о десную сущимъ вѣчный животъ. И тако прекрестивше лице свое знаменіемъ крестнымъ, глаголюще молитву: Господи Іcусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго, скончавая, аминь. Покланяемся Богу, яко да шуяго стоянія избавитъ насъ и благословеніе свое подастъ намъ.

О крестномъ знаменіи и благословеніи. Вопросъ. Како подобает архіереомъ рукою благословити и знаменатися, и прочимъ православнымъ христіаномъ знаменатися и покланятися. *Отвѣтъ.* Якоже предаша святіи отцы воображати на себѣ крестное знаменіе крестообразно и по чину, и правую руку, сирѣчь десницу уставляти ко крестному воображенію, большей палецъ да два меньшія нижнія персты во едино совокупивъ, а верхніи перстъ со среднимъ совокупив, простеръ и мало нагнувъ, тако благословляти святителем и іереомъ. И на себя крестное знаменіе возлагати двѣма персты. Аще ли кто двѣма персты не благословляетъ, якоже и Христосъ, или не воображаетъ двема персты крестнаго знаменія, да будетъ проклятъ, якоже святіи отцы рекоша. Протчее же о крестномъ знаменіи извѣстно и достохвально списаніемъ преподобныхъ отецъ нашихъ Мелетія и Феодорита, сице возвѣщают с прочіим толкованіемъ, како рукою благословляти и креститися и всѣм православнымъ христіаномъ, иже крестъ не знаменуютъ двема персты, якоже и Христос, да есть проклятъ.

А еже гречаномъ, слабымъ и безумнымъ похотолюбцемъ, предалъ воръ безъимянной инодіяконъ, ему же и имени нѣтъ, годовъ ему съ 70 еще, написалъ креститися тремя персты въ Троицу пребеззаконную, о ней же

свидѣтельствуетъ Иванъ Богословъ во Апокалипсисѣ: змій, звѣрь, и лживый пророкъ, сирѣчь: змій діаволъ, звѣрь антихристъ, а лживый пророкъ учитель лукавый, какъ Никонъ отступникъ или древній Фармосъ, папа римскій; сію Троицу исповѣдают в трех перстахъ греки и наша Русь бѣдная. А благословляютъ нѣкако странно, пятію персты развращенно, по преданію врага и адова пса Малаксы протопопа. Обѣ тайны пребеззаконны, и три персты и пять перстовъ, противны святыхъ отецъ преданію: крестяся не исповѣдуютъ вочеловѣченіе Христово, а благословляя и все тріипостасное божество отмещутъ. По Ипполиту и Ефрему Сирину скверныи мерзкій образъ на чело возлагаютъ: скверныи три перста, а мерскіи пять перстовъ, словомъ молвить, печать антихристова на главѣ стала и на брюхе и на плечахъ, и у запечатлѣвшагося бываетъ умъ теменъ и мраченъ; не разумѣетъ таковыи истинны церковной и омрачася злѣ погибаетъ. Того ради блюдитеся, правовѣрніи, сея скверныя печати, да не со діаволомъ осуждени будете въ тартаръ преглубокій.

А иже невѣдѣніемъ впалъ въ сію проклятую никоніянскую ересь или страха ради и мукъ боясь, таковый да кается пред Богомъ, плачася паденія своего ради и впредь да опасается от треперстныя ереси, и Богъ проститъ таковаго въ сіи вѣкъ и в будущій, и наше благословеніе на таковомъ буди во вѣки и въ будущемъ вѣцѣ часть наша с таковым да будетъ равна у Христа, Сына Божія Свѣта. Аще ли кто любитъ сію треперстную ересь и всѣмъ сердцемъ прилежитъ к ней, таковый живъ уловленъ во дьяволю волю, а отстать и покаятися не ищетъ и не хощетъ, — таковый седмію вселенскими соборы и мною грѣшнымъ да будетъ проклятъ. Правовѣрныя же да помилуетъ Господь Богъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ.

Увы! заблудиша никоніяне, от чрева глаголаша лжу, ярость ихъ по подобію зміину. Едино смышляют о правовѣрныхъ, како убіютъ и погубятъ, и блазняще другъ друга на горшая, отвергли вѣчную правду церковную, не восхотѣша пятію персты по преданію святыхъ отецъ креститеся, но нѣкако странно тремя персты запечатлѣшася в сокровище всегубителя, глаголю печатью запечатлѣшася антихристовою, въ ней же тайны тайнамъ бѣ: зміи, звѣрь, лжепророкъ. Всякъ, кто крестяйся тремя персты по Никонову треклятому мудрованію, таковый отметникъ есть Христовъ; не исповѣдаяй Христа; воплотившагося насъ ради, совершена Бога и совершенна человѣка, въ сложеніи своемъ по церковному преданію,—есть таковыи богострастникъ, еретикъ, Троицу ко кресту пригвождаяй, арменинъ и Фармоса папы еретика ученикъ, и со Евтихіемъ и Діоскоромъ, отметающими вочеловѣченіе Сына Божія единомудренъ, и едину волю во Христѣ Бозѣ нашемъ блядословящемъ, Сергію и Пиру и Павлу еретикома единовѣренъ и от всѣхъ святыхъ проклятъ; иже не знаменается двемя персты, якоже и Христосъ, рѣша святіи отцы да будетъ проклятъ.

№ 23. Посланіе многострадалнаго о Христѣ и ревнителя древле-православныя вѣры Христовы Аввакума протопопа, яже писаше ко всѣмъ правовѣрнымъ христіяномъ, иже на лицы всея земли[1]).

Братія моя возлюбленная и вожделѣнная, яже о Христѣ Іисусѣ на всемъ лицѣ земномъ! Стойте въ древле преданной святыми апостолы и святыми седми вселенскими и девяти помѣстными соборами, святыми отцы, в вѣрѣ Христовѣ твердо и незыблемо, въ которой прародители и родители наши умроша и безчисленное множество отецъ святыхъ въ той же вѣре спасошася и в нетлѣнныхъ тѣлесѣх, аки звѣзды небесныя просияша, и паче снѣга убѣлишася, и на небеса возлетѣша, яко небопарніи орли, прекрасныя ихъ душы, ихъ же и доднесь зримъ нетлѣнныя мощи честнаго ради житія ихъ и вѣры теплыя къ Богу. Въ той же и мы грѣшніи вѣрѣ древлеправославней пребудемъ до скончанія нашего непоколеблемо и неподвижно, а нововводных ересей, умышленных отъ нынешнихъ учителей отступниковъ от святыя вѣры православныя и церкви святѣи сопротивных, не приемлете, понеже многія злыя ереси, іже и нелѣть есть о нихъ и глаголати, в книгах новыхъ находятся, иже з древними книгами зѣло не сходны. Пріемлющіи же с нововводными ересми книги не точію спастіся по них возмогуть, но и снидутъ до ада.

Сего ради слышавше сія, о возлюбленніи, убоимся таковыя ереси отступниковъ пріяти, иже претять намъ разными муками и юзами темничными, но и самою смертію. Но не убойтеся, ни ужасайтеся страха человѣческаго, не убойтеся убо отъ убивающих тѣло, душу же не могущих убити; но ревнуйте древле церковному преданію святѣй вѣре Христовѣ и святымъ отцемъ, угодившим Богу, ихъ же аки звѣздъ небесныхъ быша по вселеннѣй. Господа же Бога светите в сердцахъ вашихъ, и той будетъ намъ во освященіе, яко с нами Богъ; услышите и до послѣднихъ земли, яко с нами Богъ. Аще кто вѣруетъ и разумѣетъ реченное пророкомъ, сей истиненъ (есть?) семь; аще ли кто смущается и колеблется, яко трость и яко вѣтви древес зыблются от мала вѣтра, тако суть и маловѣрніи, сирѣчь малоумніи человѣцы, от слова убоявшися страха человѣческаго, предаютъ древлеотеческое правовѣріе, и приступаютъ к многимъ ересямъ: таковыи суть нагъ и чюжъ бываетъ евангельскаго ученія: понеже Христосъ научаетъ четыремъ добродѣтелемъ: мужеству, мудрости, правдѣ и цѣломудрію.

Слышите, страшливіи, евангельскаго подвига мужества, в немъ же писано, не убойтеся от убивающих тѣло, душу же не могущих убити; и о семъ непрестанно подобаетъ намъ поучатися, даже страхомъ не коле-

[1]) По рукоп. Моск. Румянцевскаго Музея № 592 (собр. Пискарева, № 157) л. 6—23.

блемся, но яко младыи птенецъ, оперѣвше, возлѣтаетъ выспрь, тако и человѣкъ священным писаніемъ исправляется, и дерзаетъ всенадежнымъ упованіемъ по Христѣ пострадати, но не отмещется Его и ревнуетъ святым заповедемъ Іисусъ Христовым; страха же человѣческаго ниже смерти да не убоится: содержитъ бо вѣру Христову твердо и непоколебимо и не отрицается ей, и о земныхъ маловременныхъ тлѣющихъ не печалитца, сія суть вся презираетъ, и съ любовію вся напасти Христа ради терпитъ, поминая Господемъ реченное: никто же бо толстою плотію и пространнымъ путемъ входитъ в царство небесное, нужно бо есть царство небесное, и нужници восхищають е.

И паки: будете бо рече мудри, яко змия, и цѣлы, яко голубіе. Подвигнитеся убо, возлюбленніи, кротостію и смиренномудриемъ по Христѣ Іисусѣ и за святую вѣру православную подвигнемся о правдѣ евангельской! Тогда бо Господь Богъ поможетъ ти во благо: не ищи бо глаголъ высокословныхъ, но смиренномудрія, симъ бо побѣдиши вся противящаяся тебѣ: гордымъ же Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать; близ Господь всѣмъ призывающимъ Его во истиннѣ. Во всякомъ бо дѣле Христовѣ буди кротокъ и смиренномудръ; к людемъ бо что речеши, умомъ ярость износи на диявола, а кающагося на всяко время прощай, и вся твори, не къ человѣкомъ бо показуяся, но к Богови. А за противныя и досаждающыя тебѣ молися, якоже и самъ Господь Спаситель нашъ о Иерусалімѣ плакаше, и Стефанъ первомученикъ о убивающихъ его молящеся (шеся?) сице: Господи, не постави имъ грѣха сего, невѣдят бо, что творятъ. Тако же и Моисеи глаголаше: Господи, аще люди сія погубляеши, истреби и мене от книги животныя. Тако и ты твори, глаголя сице: Господи, накажи сопротивящихся святому Имени Твоему, и привлецы ихъ ко истиннѣй Твоей вѣрѣ, ими же вѣси судбами своими праведными; пресѣки жизнь нечестивых, да не протязается во грѣсѣх своихъ. Беи главу свою о землю пред Богомъ и плачи со слезами, и паки воставше, рцы сице: да будетъ проклято еретическое новое мудрованіе и всякое тѣхъ самосмышленное блядословіе, но спаси, Господи, православныя христіяны и подаждь имъ, Господи, крѣпость и утверженіе правовѣрнымъ рабамъ твоимъ, повсюду страждущимъ за святую соборную и апостольскую церковъ твою и за святую вѣру православную, отцемъ и братіямъ нашимъ, озлобляемымъ и томимымъ гладомъ, и жаждою, и юзами темничными, и всякою тѣснотою и скорбьми, ранами же и биениемъ утесняемымъ.

Плачи же непрестанно день и нощь и проливай слезы предъ Господомъ Іисусъ Христомъ, прося всему миру спасенія. Разумѣй же мудрость зміину, а цѣлость голубину имѣй, ибо Господь на змію и голубя указываетъ. Понеже змія все тѣло свое предаетъ биемо быти, а главу свою соблюдаетъ, елико возможно: аще убиютъ ю з главою, такъ она і умретъ; аще же з главою не убіютъ, такъ она оживетъ. Такожде и христіянинъ без главы умретъ смертію вѣчьною, сирѣчь без вѣры Христовы непороч-

ныя; хотя онъ и живъ, а безъ вѣры Христовы мертвъ есть; аще же и биемъ и уязвленъ раны многіми, а глава непорочна, еже есть вѣра православная в души его, сей животом вѣчнымъ живъ есть. Еще же и беззлобіе во время гоненія подобаетъ имѣти голубино: понеже голубь во время гоненія птенцовъ своихъ лишаемъ есмь (?) не гнѣвается, и от владыки своего не отлетаетъ, паки гнѣздо свое строитъ и иных детей заводить. Тако и християніну безгнѣвно подобаетъ жити і многи напасти и скорби терпѣти Христа ради. Онъ бо есть владыка, Христосъ воздастъ тебѣ за сіе въ будущій вѣкъ. Кая полза есмь (?) человѣку, аще и весь миръ приобрящетъ, душу же свою погубитъ: или что дасть человѣкъ измѣну на души своей. Не бывайте убо несмыслени, но разумѣвающе, что есть воля Божія і что благоугодно Господеви. Молю вы азъ, юзникъ о Господѣ, и колѣнам вашимъ касаюся всѣм вѣрнымъ о Господѣ Ісусѣ: поживете вси право во отеческомъ преданіи, исправляюще слово Божіе, еже речено во святомъ евангеліи и в прочих святыхъ книгахъ, еже сохранити и непреступати заповѣди Божія; но не отлагаите убо, молю вы, братія, подвига спасителнаго лѣностію і небреженіемъ, и не приемлете нововводныхъ ересей от нынешнихъ учителей, прельщающихъ и блазнящихъ васъ о развращеніи инако о вѣре Христовѣ, въ ней же прародители и родители наши быша. Како дерзаемъ святыхъ отецъ преданія развращати, яко житіе сіе маловременно есть: не вѣмы бо, доколѣ животъ нашъ здѣ; яко тать бо в нощи, смерть приходитъ комуждо насъ і неготовы похищаетъ ны. Убоимся сего, о любимицы, и како речемъ тогда, яко неготовы есмы і напутная не уготовиша, сирѣчь добрая дѣянія. Соблюдемъ вѣру Христову непорочну в насъ, и сохранимъ святыя Его заповѣди, и преданія святыхъ отецъ, иже седми вселенъскими и девяти помѣстными соборы оутверженная, твердо и неподвижно соблюдемъ; а не соблюдше вѣры Христовы и святыхъ Его заповеден, что речемъ или кіи отвѣтъ дадимъ на страшнѣмъ судѣ Христовѣ: егда бо увидимъ іныхъ вѣнчаемыхъ, себе же осужаемыхъ от праведнаго судіи, Христа Бога нашего. Страшенъ бо той день и грозенъ, братіе; писаніе свидѣтельствуетъ о семъ, яко день той зѣло страшенъ і исполнь ярости и гнѣва, о немъ же аз, помышляя, трепещу и оужасаюся во умѣ своем, како стати и что отвѣщати судіи страшному и нелицемѣрному. Побежалъ бы и скрылся отъ всевидящаго ока, да нѣкуда; отперся бы от дѣлъ злыхъ моих, да окрестъ мене клеветницы злы кричатъ, держаще рукописанія грѣховъ моихъ, глаголюще: сія ты сотворилъ еси, живущи на земли, і нынѣ тайная твоя вся обличена суть, какъ на земли творилъ и пронырствовалъ, людемъ казался благъ, а внутрь врагъ, предъ человѣки постенъ и воздержникъ, внутрь же блудникъ и соблазникъ; к людемъ сладкоглаголивъ, внутрь же яда смертоноснаго исполненъ; къ людемъ являяся трезвъ, а заочно безпрестанно пьянъ; пред человѣки являяся цѣломудръ, а внутрь прелюбодѣй; іныхъ о подвизѣ оучу, а самъ не творю; о любви людемъ совѣтую, а сам всѣхъ ненавижу і не

5*

ворю, якоже самъ Господь глаголетъ: любите оубо враги ваша и добро творите имъ, яко будетъ мзда ваша многа на небесѣхъ.

Помыслите кождо о себѣ правду, ибо сатана заслѣпляетъ очи наши, не дасть намъ грѣховъ нашихъ видѣти: всегда злая творяще, не престаемъ, и день за день покаянія себѣ отлагаем и грѣхи ко грѣхомъ прилагаемъ; како имамы стати на судѣ Христовѣ и что отвѣщаемъ судіи страшному и нелицемѣрному, Христу Богу нашему? Мнимся, яко Бога любимъ, а словеса и святыя заповѣди Его презираемъ во всемъ и пребываемъ во всѣхъ ковнехъ дияволскихъ, въ житіи семъ суетнѣм, кромѣ развѣ малыхъ избранныхъ Божіихъ. Воспрянемъ убо, братія моя возлюбленная, здѣ, даже не заидетъ свѣт и не постигнетъ нас нощъ темная и тяжкая тма, даже не пріидетъ кончина смертная і не похититъ насъ неготовы. Убудимся от сна грѣховнаго и от страстей, къ животу притецемъ, еже есть камени красуголному Христу: зоветъ бо насъ непрестанно в животъ вѣчныи, ждетъ бо покаянія нашего и обращенія, зоветъ ны самъ Спаситель Христосъ. Пріидѣте ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ покою вы. Якоже и Павелъ, сосудъ избранный, глаголетъ: облецѣтеся, яко избранніи Божіи святіи, в милость щедротъ и благость, в смиренномудріе и кротость и долготерпѣніе, приемлюще другъ друга: и протчая.

Горѣ, горе, братія, времени сему і намъ живущимъ, яко нынѣшнія духовни учители немилосердіи, злы, пияницы и гордіи, творятъ развращенная и церковъ Христову возмутили, и насъ правовѣрныхъ оскорбляютъ и мучатъ злѣ юзами темничными і всякими ранами и биеніемъ и морятъ гладом заключены, аки злодѣевъ в темницахъ — за самую истінну и за вѣру Іусъ Христову, предаютъ намъ инако вѣровати, новыя законы, новыя книги со многими ихъ умышленными ересьми на пагубу роду христіянскому; прелстилъ бо их и обманулъ сатана, оставили бо свѣтъ, возлюбили тму и вся светыя догматы развратили по своему умышленію, и церковъ святую разрушили, и насъ правовѣрныхъ возмутили, и самоволно приступили ко антихристу. Явѣ есть, яко уготовают путь к пришествію его: и се духовное пришествіе его, по писанію утаено неразумѣющимъ, оказалося и есть. А нам правовѣрнымъ и чювственнымъ (ѣ?) яснѣ видимо есть (м?) по писанію: яко зѣло утаенно сіе безумцемъ. О семъ пространнѣ чти в Книгѣ о вѣре, о паденіи вѣры Христовы в Римѣ и в юнитахъ, и о духовном антихристовѣ приходѣ. Можно намъ, братіе, разумѣть реченная писанія, яко по всей земли распространися ересь антихристова и дошла до насъ есмь (?). О горе, горе и оувы! братіе, яко время зло наступило на ны, и горе приемлющим от нынешних пияныхъ учителей и споспѣшниковъ анътихристовыхъ новыя законы, новыя книги. От сего сохрани насъ Христосъ, Сынъ Божіи! Якоже видимъ нынѣшнія мнимыя духовницы пастыри, яко аспиды глухия, заткнуша уши свои, не хотятъ слышати о истиннѣ, ухищряютъ и прелщаютъ своими ересьми сердца несмысленныхъ, и влекутъ с собою во адъ преисподніи и во огнь геенскіи. Блюди-

геся, молю вы, от таковых, и не сообщайтеся неподобнымъ и темным дѣлом ихъ. Но паче же ихъ обличайте, яко всяко являемое свѣтъ ѐсть, и ходяй во свѣтѣ не потькнется. Гоненія же сія и скорби и юзы с радостію терпите о Христѣ Іусѣ Господѣ нашемъ, якоже и Господь рѣче: претерпѣвый же до конца, той спасѐнъ будетъ. Ибо здѣ скорби, напасти, гоненія, муки, юзы темничныя, наводимыя от злых ехидновъ, о Христѣ скончаеши, да в будущемъ вѣчѣ животъ вѣчный обрящеши, идѣже радость и веселіе, свѣтъ и покой, и животъ, честь и слава, и велѣлепота во вѣки вѣкомъ святым, угодившим Христу бес конца, его же до сподобитъ і нас Христосъ, Сынъ Божіи, иже пострадавыи за насъ, и воскреслъ из мертвых, и вознесыйся на небеса, і сѣде о десную Бога и Отца, и паки пріидетъ судити живым и мертвымъ и воздасть комуждо по дѣломъ его: праведнымъ царьство небесное, а грѣшным муку вѣчную. Его же царьствію нѣсть конца, аще и глаголютъ мельхиседекіане еретицы сице, яко взыде Христосъ на небо ко Отцу, подклонивъ главу свою, і к тому не пребываетъ съ нами, ни царьствуетъ совершенно до суднаго дни, но по судномъ дни воцарится и царьствію его не будетъ конца. Да они жъ оправданіе себѣ положили апостолскую рѣчь (9 Кор. зач. 180): тѣмъ же и мы отнынѣ ни единаго вѣмы по плоти, аще бо и разумѣхомъ по плоти Христа, но і нынѣ к тому разумѣемъ. Тако бо і нынѣ разумѣемъ, братіе, о нынѣшнихъ отступницѣхъ, духовных властей, Никоновыхъ единомысленниковъ; такъ же глаголютъ: Его же царьствію не будетъ конца, согласно со оными мелхиседекіяны еретицы за одно. Да и толкуютъ в Скрыжалѣх ихъ, яко Христосъ царьствуетъ токмо вѣрными и покоряющимися ему, а невѣрными-де не царьствуетъ, а по судномъ дни воцарится совершенно и царьствію его не будетъ конца. Явѣ се есть, яко другія мельхиседекіане, еретицы, слово въ слово сія рѣчь. Аз с ними никонияны говорилъ о семъ, откуду, рече, вы сіе взяли, глаголете царьству Христову пресеченіе? Они на се никакихъ доводовъ не предложили. Аз привелъ во свидѣтелство имъ глаголъ апостола Павла сице: (зач. 160) егда предасть царство Богу и Отцу, егда упразднитъ всяко начальство и силу, подобаетъ бо Ему царствовати, дондеже положитъ вся враги под ногама своима, послѣдніи же врагъ испразднится смерть, і всяко покори под нозѣ Его. А святыи Златоустъ толькуетъ: двѣ бо царствіи Христовѣ глаголемъ: едино по созданію, а другое по присвоенію; не пресекаетъося (?) царствіе Христово: обладаетъ бо и царьствуетъ Христосъ вѣрнымп и невѣрными, еллинами і юдеоми, и просто рещи всѣми языки. Виждь, противниче, якоже и апостолъ глаголетъ сице: подобаетъ бо Ему царьствовати, дондеже вся испразднитъ и царство предасть Богу и Отцу. Такоже и святыи Златоустъ глаголетъ: непресѣкается бо царство Его и царствію Его нѣсть конца, но всѣмъ Господь царь единъ, вѣрнымъ і невѣрнымъ и бѣсом царь, и паки нам вѣрным царь, ибо Царь царемъ и Господь господемъ Богъ нашъ. А нынѣшніи новыи учители, Никоновы согласницы за одно съ еретики говорятъ: царь-

ствуетъ бо нынѣ Господь, но по судном дни воцарится и тогда царьствію его не будетъ конца. В одной бо части нынѣшнія никоніяны с прочими еретики лежать. Мы же, правовѣрніи, глаголемъ, яко царьствует Христосъ совершенно нынѣ і во вѣки, и царьствію его нѣсть конца со Отцемъ и съ Святымъ Духомъ. А никонияномъ не царь: ждуть бо они себѣ царя антихриста, иже готовять ему путь. О семъ бо во Апокалипсисѣ яснѣе о антихристѣ пишет, яко преже царя антихриста предотечи его будуть уготовати ему путь, еже есть духовныи приходъ антихристовъ на всю землю. На скончаніе вѣку сеи лстецъ и дияволъ антихристъ пріити имать во вселенную, и горе, реку, тогда будетъ человѣкомъ на земли, и многи прелстить, и чюдеса ложна имать творити, подобяся Христу, Спасителю нашему. Егоже убиетъ Господь духомъ устъ своихъ и прочих с нимъ и ввергнетъ я съ дияволомъ во огнь негасимый. Да и вси суть, иже творять развращенная сопротивно отеческому преданію, антихриста суть. Пущай нынѣшнія отступницы, духовныя власти бранятъ Христа, а насъ мучатъ и губять здѣ: отольются медвѣдю ослины слезы. Потерпимъ убо сія, братіе, і не скорбимъ о сем Господа ради, о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава во вѣки. Аминь.

№ 24. Умствованіе расколническое отъ писемъ Аввакумовыхъ [1]).

Ну, слышатель, которая земля лучши, Іерихонъ ли по обѣтованіи, или небо, временное ли житіе, или вѣчное? Аще ли вѣчнаго не хощешь, но здѣшнаго, яко жидовинъ, по обѣтованію ищешь, и ты держися четвероконечнаго креста, да с нимъ же поидеши во огнь неугашаемый; помянешъ наши нынѣшнія рѣчи, а егда восплачутся племена земная, и ты с ними же, попиратель крѣста Христова, егда узришъ Его всякояко грядуща с силою и славою многою на облацѣхъ небесныхъ.

Злѣйши же суть и паче всѣхъ еретиковъ и жидовъ нынѣшнія новыя жиды никоніане. Скорблю за невѣжество ихъ! Какъ такъ? обманулъ діаволъ русскихъ людей бѣдныхъ, явно идутъ въ пагубу: римскую блядь возлюбили, крестъ четвероконечный, да на немъ же пишутъ распятіе Христово. Такъ и сталъ крыжъ полской, выблядокъ римскаго костела. Увы! не внимаютъ апостолу, глаголющу: мнѣ рече да не буди хвалитися точію о крестѣ Господа нашего Ісуса Христа, на немъ же страдавъ убивъ страсти; того убо и мы извѣстно держимся креста Господня похвалы всѣхъ.

А да онъ же *(Аввакумъ зри)* пишетъ своею рукою: не ялъ-де я въ постъ великій 40 дней и видѣлъ себѣ велика, руки, ноги и зубы велики и весь распространился по всему небеси, и Богъ вмѣстилъ в мя небо и

---

[1]) Ркп. Имп. Публ. Библ. (Погод.) № 1579. л. 83—84 об.

землю и всю тварь. Да еще пишетъ: егда-де воскреснемъ во второе пришествіе Христово, а меня-де Господь атаманомъ учинитъ; а егда-де восхитимся на облацѣхъ, и я закричу Господу: Господи, Сергій мой, да царя-де турскаго патрахилію свяжу, в Москву притащу, а пред царя поставлю, яко пса; а егда в Вавилонъ взыйду да (sic) Святую Троицу; тогда-де бить бичемъ станемъ пестряковъ-те воровъ, старухъ заставимъ бить, бабье то дѣло, до смерти не убьютъ, а глаза выстегаютъ, да и в рѣку побрасаем.

Да онъ же пишетъ. Такъ-де глаголетъ Духъ Святый: послѣ царя Алексія Михайловича будетъ старая вѣра, и егда-де пестряки-те переведутся, тогда-де и я зажмурюся.

Да онъ же пишетъ: жиды глаголаху на Христа, да распнемъ Его и ругающеся ему глаголаху: аще снидетъ-со креста, да видимъ и вѣруемъ ему; а нынѣшніи жиды въ огонь сажаютъ православныхъ христіянъ да тоже ругаяся говорятъ: аще праведенъ, инъ-де не згоритъ, а кто и не згоритъ, и они иссѣкше да въ пепелъ правовѣрныхъ жгутъ, яко на крестѣ *Христа мертва мужикъ стрелецъ рогатиною пырнулъ:* выслужился, блядинъ сынъ, пять рублевъ взялъ, жалованья дадутъ ему да сукно, да жалованья, да погребъ, понеже радѣетъ намъ, великому государю. Охъ, охъ! бѣдныя!

Да онъ же написалъ, велика Бога нарицая не по существу состава, да и в приводъ сказалъ: левъ-де звѣрь силнѣе осляти и велбуда, такожде орелъ и соколъ силнѣе лебеди и гуся, а ималъ сія приклады изъ книгъ латинскихъ мудрецовъ, Езопы, Ѳранскаго баснослогателя, и иныхъ таковыхъ же, а святіи богословцы вси глаголютъ, яко непостижимо Божество.

А сію книжку написалъ Евангеліемъ вѣчнымъ, не мною-де грѣшнымъ писана, но самымъ перстомъ Божіимъ, а сему лживому писму Аввакумову, монахъ Онуфрій прелщенный со единомысленники своими послѣдуетъ.

№ 25. Житіе протопопа Аввакума[1]).

По благословенію отца моего старца Епифанія писано моею рукою грѣшною протопопа Аввакума, и аще что речено просто и вы, Господа ради чтущіи и слышащіи, не позазрите просторѣчію нашему, понеже люблю свой русской природной языкъ, виршами философскими не обыкъ рѣчи красить, понеже не словесъ красныхъ Богъ слушаетъ, но дѣлъ нашихъ хощетъ. И Павелъ пишетъ: аще языки человѣческими глаголю и ангельскими, любви же не имамъ—ничто же есть. Вотъ что много разсуждать; не латинскимъ языкомъ, ни греческимъ, ни еврейскимъ, ниже

1) По ркп. Казанской духовной академіи, № 1679 (106), л. 1—93.

инымъ коимъ ищетъ отъ насъ говоры Господь, но любви съ прочими добродѣтельми хощетъ; того ради я и не брегу о краснорѣчіи, и не уничижаю своего языка русскаго, но простите же меня грѣшнаго, а васъ всѣхъ рабовъ Христовыхъ Богъ проститъ и благословитъ. Аминь.

Крестъ всѣмъ воскресеніе.

Крестъ падшимъ исправленіе, страстемъ умерщвленіе и плоти пригвожденіе. Крестъ душамъ слава, и свѣтъ вѣчный, аминь.

Многострадальный юзникъ, темничьной горемыка и нужетерпецъ, исповѣдникъ Христовъ священнопротопопъ Аввакумъ понуженъ бысть житіе свое написати отцемъ его духовнымъ инокомъ Епифаніемъ, да не забвенію будетъ предано дѣло Божіе, аминь.

Поученіе преподобнаго отца нашего Аввы Дорофея о любви.

Потщитеся соединитеся другъ другу: елико бо соединевается кто искреннему, толико соединяется Богови, и реку вамъ прикладъ отъ отецъ, да познаете силу слова.

Положи ми кругъ быти на земли, якоже начертаніе нѣкое обло, отъ прехожденія остна, глаголетжеся свойственнѣ остенъ, еже посреднее круга, даже до остна положите убо умъ вашъ во глаголемое; сей кругъ разумѣйте ми быти миръ—самое же еже посредѣ круга Бога, стезя же, яже отъ круга идущая и до среды путія, сирѣчь житія человѣческаго, поелику убо входятъ святіи къ средѣ, желающе приближитися Богу, по равеньству входа близъ бываютъ и Бога, и другъ другу, и елико приближаются другъ другу, приближаются и Богови. Такожде разумѣйте и отлученіе: еда бо отставятъ себе отъ Бога и возвратятся на внѣшняя, явѣ есть яко елико исходятъ и удаляютъ себе отъ Бога, толико удаляются другъ отъ друга, и елико удаляются другъ отъ друга, толико удаляются и отъ Бога; се таково есть естество любве, поелику убо есмы внѣ и не любимъ Бога, потолику имамы отстояніе кождо ко искреннему. Аще ли же возлюбимъ Бога, елико приближаемся къ Богу любовію яже къ нему, толико соединѣваемся любовію къ ближнему, и елико соединѣваемся искреннему, толико соединеваемся Богу. Богъ да сподобитъ послушать полезная намъ и творити я, а не гнѣватися другъ на друга, ниже яритися.

Богъ любы есть и пребываяй въ любви—въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребываетъ. Апостолъ рече: «сообщаяйся Богу—прилежитъ и о братѣ; ненавидяй брата—чюждъ Бога и жилище бѣсомъ. Богъ вселяется въ любовнова человѣка чювствомъ небеснымъ, и таковое тѣло домъ Божіи бываетъ. По святому Ефрему: а идѣже Господь Богъ, ту и чини святыхъ ангеловъ служатъ Владыки; живемъ, братія, угодно Богу, да со ангелы Христосъ Богъ въ насъ обитаетъ. Аще криво живу—исправте мя, аще по воли Божіи—благодать Богу о неисповѣдимѣмъ Его дарѣ. Вотъ, вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ. Авва Дорофей описалъ же свое житіе ученикам своимъ, понуждая ихъ на таяжде, поученіе 4, листъ 49, и я такожде,

убѣждая вашу любовь о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, сказываю вамъ дѣемая мною непотребнымъ рабомъ Божіимъ о Святѣмъ Дусѣ со Отцемъ и Сыномъ. Богу благодареніе во вѣки.

Вотъ тебѣ, чадо мое возлюбленное, книга живота вѣчнаго; поминай мя въ молитвахъ своихъ и старца не забывай Епифанія. Я писалъ, а онъ мнѣ молитвами помогалъ; надъ всѣмъ же симъ, благословитъ тя Господь и Марію твою Пиминовну, и чадъ вашихъ, и снохъ, и внучатокъ, и сродниковъ, и знаемыхъ и други, и другиня, и вся васъ любящія; еще же да будетъ всякъ благословляяй тя—благословенъ, и проклинаяй—тя проклятъ; и да подастъ ти Господь отъ влаги земныя, и отъ росы небесныя свыше, и множа да умножитъ въ дому твоемъ всякія красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхихъ, и ветхая отъ лица новыхъ изрините, сирѣчь всего изобильно и съ остатками; дай вамъ Господи и хлѣба, и мяса, и рыбы, отъ женъ да ядятъ сія хлѣбы священныя. Виждь, архіерей сестру чистоту и еросу назнаменова, и ясти брашно священническо повелѣ по нуждѣ алчющимъ отрокомъ Давидовымъ. Давидъ же яде, благодаря яко попъ. Колми же нынѣшняя наша нужда належитъ хотящимъ спастися, нужно намъ таиньство то получить истинное, а прочія тайны мощно и простолюдину совершить. Есть и писано: не всѣхъ рукополагаетъ Духъ Святый, но всѣми дѣйствуетъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ. Всесвятая Троице, Боже и Содѣтелю всего міра, поспѣши и направи сердце мое начати с разумомъ и кончати дѣлы благими, ихъ же нынѣ хощу глаголати азъ недостойный. Разумѣя же свое невѣжество, припадая молютися, и еже от Тебе помощи прося: Господи, управи умъ мой и утверди сердце мое не о глаголаніи устенъ стужатиси, но приготовитися на твореніе добрыхъ дѣлъ, яже глаголю, да добрыми дѣлы просвѣщенъ, на судищи десныя Ти страны причастникъ буду со всѣми избранными Твоими. И нынѣ, Владыко, благослови, да вздохнувъ отъ сердца, и языкомъ возглаголю.

Діонисія Ареопагита о Божественныхъ именехъ, что есть Тебѣ, Богу, присносущныя имена истинные, еже есть близостные и что виновные, сирѣчь похвальные. Сія суть суще: сын, свѣтъ, истинна, животъ, — только свойственныхъ четыре, а виновныхъ много. Сія суть—Господь, Вседержитель, непостижимъ, неприступенъ, тріѵпостасенъ, Царь славы, непостояненъ, огнь, Духъ, Богъ, и прочая по сему разумѣвай. Того же Діонисія о истиннѣ: себе бо отверженіе истины испаденіе: истина бо сущее есть; аще бо истина сущее есть, истины испаденіе сущаго отверженіе есть. От сущаго же Богъ испасти не можетъ и еже не быти нѣсть.

Мы же речемъ: потеряли новолюбцы существо Божіе испаденіемъ отъ истиннаго Господа Святаго и животворящаго Духа; по Діонисію, коли ужъ истины испали, тутъ и сущаго отверглись. Богъ же отъ существа своего испасти не можетъ, и еже не быти нѣсть того въ Немъ: присносущенъ

истинныи Богъ нашъ. Лучше бы имъ в символѣ вѣры не глаголати Господа, виновнаго имени, а нежели истиннаго отсѣкати, въ немъ же существо Божіе содержится. Мы же, правовѣрніи, обоя имена исповѣдуемъ и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго Свѣта нашего вѣруемъ, со Отцемъ и Сыномъ поклоняемаго, за него же стражемъ и умираемъ помощію Его Владычнею.

Тѣшитъ насъ той же Діонисій Ареопагитъ, въ книгѣ его писано: сей убо есть во истинну истинный христіянинъ, зане истинною разумѣвъ Христа и тѣмъ богоразуміе стяжавъ, иступивъ убо себе, не сыи въ мирскомъ ихъ нравѣ и прелести, себя же вѣстъ трезвящася и измѣнена всякаго прелестнаго невѣрія, не токмо даже до смерти бѣдствующе истинны ради, но и невѣденіемъ скончевающеся всегда, разумомъ же живуще, и христіяне суть свидѣтельствуемы.

Сей Діонисій наученъ вѣрѣ Христовѣ отъ Павла апостола, живый во Афинѣхъ, прежде даже не пріити въ вѣру Христову, хитрость имый исчитати бѣги небесныя; егда же вѣрова Христови, вся сія вмѣнихъ быти яко уметы, къ Тимофею пишетъ в книгѣ своей сице глаголя: дитя, али не разумѣешъ, яко вся сія внѣшняя блядь ничтоже суть, но токмо прелесть и тля и пагуба. Азъ проидохъ дѣломъ и ничтоже обрѣтохъ токмо тщету; чтыи да разумѣетъ. Исчитати бѣги небѣсныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, во еже спастися имъ, и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство льсти, во еже вѣровати имъ лжи, да судъ пріимутъ не вѣровавшіи истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ. Чти о семъ Апостолъ, 275.

Сей Діонисій еще не пріиде въ вѣру Христову, со ученикомъ своимъ во время распятія Господня бывъ въ солнечнѣмъ градѣ и видѣ: солнце во тьму преложися и луна въ кровь, звѣзды въ полудне на небеси явилися черныя видомъ; онъ же ко ученику глагола: «Или кончина вѣку пріиде или Богъ Слово плотію стражетъ. Понеже не по обычаю тварь видѣ измѣнену. И сего ради бысть въ недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечнемъ знаменіи когда затмится: есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко же и прочіи звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знаменіе творя или во гнѣвъ или въ милость. Егда заблудница, еже есть луна, подтечетъ отъ запада подъ солнце и закроетъ свѣтъ солнечный, и то затмѣніе солнцу за гнѣвъ Божій къ людямъ бываетъ. Егда же бываетъ, отъ востока луна подтекаетъ, и то по обычаю шествіе творяще, закрываетъ солнце. А въ нашей Россіи бысть затмѣніе въ 162-мъ году, предъ моромъ: плылъ Волгой рѣкой архіепископъ Сумеонъ сибирской и въ полудне тьма бысть предъ Петровымъ днемъ недѣли за двѣ; часа съ три плачющи у берега стояли. Солнце померче, отъ запада луна подтекала, являя Богъ гнѣвъ свой къ людямъ. Въ то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковныя, и сего ради Богъ изліялъ фіялъ гнѣва ярости своея на русскую землю: зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси помнимъ. Паки по-

томъ минувъ годовъ съ четырнатцеть, въ другой рядъ затмѣніе солнцу было въ Петровъ постъ въ пятокъ, въ часъ шестый тма бысть. Солнце померче, луна отъ запада же подтекала, гнѣвъ Божій являя. Протопопа Аввакума, бѣднова горемыку, въ то время съ прочими въ соборной церкви власти остригли и на Угрѣше въ темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный да разумѣетъ, что дѣлается въ земли нашей за нестроеніе церковное и разореніе вѣры и закона. Говорить о томъ престанемъ, въ день вѣка познано будетъ всѣми,—потерпимъ до тѣхъ мѣстъ.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Іисусѣ Наввинѣ во Израили. Егда Іисусъ сѣкій иноплеменники, то бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полдняхъ, — ста Іисусъ крестообразно, сирѣчь распростре руце свои, и ста солнечное теченіе, дондеже враги погуби. Возвратилося солнце къ востоку, сирѣчь назадъ и паки потече и бысть во дни томъ 34 часа, понеже в десятый часъ назадъ отбѣжало, такъ въ суткахъ десять часовъ прибыло. И при Езекіи царѣ бысть знаменіе. Оттече солнце назадъ во второй на десять часъ дня и бысть во дни и въ нощи тридесять шесть часовъ. Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣешъ.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ возвѣщая, какъ хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся девять чиновъ на три троицы. Престоли, Херувими и Серафими, освященіе отъ Бога пріемля, сице восклицаютъ: благословена слава отъ мѣста Господня. И чрезъ ихъ преходитъ освященіе на вторую троицу, еже есть Господьства, Начала, Власти. Сія троица, славословя Бога, восклицаютъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія, по Алфавиту аль Отцу, иль Сыну, уія Духу Святому. Григорій Низскій толкуетъ: «аллилуія—хвала Богу», а Василій Великій пишетъ: «аллилуія—ангельская рѣчь, человѣчески рещи—слава тебѣ, Боже». До Василія пояху во церькви ангельскія рѣчи «аллилуія, аллилуія, аллилуія». Егда же бысть Василій, и повелѣ пѣть двѣ ангельскія рѣчи, а третью человѣческую, сице: «аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже». У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василія трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырежды по римской бляди: мерско Богу четверичное воспѣваніе сицевое: «аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже». Да будетъ проклятъ сице поюще съ Никономъ и съ костеломъ римскимъ. Паки на первое возвратимся. Третья троица: Силы, Архангели, Ангели. Чрезъ среднюю Троицу освященіе пріемля, поютъ: «святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Его». Зри: тричисленно и се воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи. Явилась Василію, ученику Ефросина Псковскаго.

Велика во аллилуіи хвала Богу, а отъ зломудрствующихъ досада велика: по-римски Троицу Святую въ четверицу глаголютъ, Духу и отъ Сына исхожденіе являютъ. Зло и проклято сіе мудрованіе Богомъ и святыми,

правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Афанасій Великій рече: «иже хощетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, ея же аще кто целы и непорочны не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣра же кафолическая сія есть. Да единаго Бога въ Троицѣ и Троицу во Единицѣ почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже существо раздѣляюще: инъ бо есть составъ Отечь, инъ—Сыновенъ, инъ Святаго Духа, но Отчее и Сыновнее и Святаго Духа едино божество, равна слава, соприсносущно величество. Яковъ Отецъ, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святый. Вѣченъ Отецъ, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святый. Не созданъ Отецъ, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святый. Не три бози, но единъ Богъ, не три несозданніи, но единъ Несозданный. Равнѣ вседержитель Отецъ, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святый. Подобнѣ непостижимъ Отецъ, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святый. Не три вседержители, но единъ вседержитель, единъ непостижимый. И въ сей Святѣй Троицѣ ничтоже перьвое или послѣднее, ничтоже болѣе или менѣе, но цѣлы три составы и соприсносущны суть себѣ и равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе; обще же имъ Божество и царство.

Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣченіи Бога Слова къ нашему спасенію. За благость щедротъ излія себе отъ отеческихъ нѣдръ Сынъ—Слово Божіе въ Дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, и воплотився отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣчився, насъ ради пострадавъ, и воскресе въ третій день, и на небо вознесеся и сѣде одесную величествія на высокихъ, и хощетъ паки пріити судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Его же царствію нѣсть конца. И сіе смотрѣніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде даже не вообразитися. Рече Отецъ Сынови: сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и преступитъ бо. И паки рече: о, единородный мой! о, свѣте мой! о, Сыне и Слове! о, сіяніе славы моея! аще промышляеши созданіемъ моимъ, подобаетъ ти облещися въ тлимаго человѣка, подобаетъ ти по земли ходити, апостолы воспріяти, пострадати и вся совершити. И отвѣща другіи: буди, Отче, воля твоя! Посемъ создася Адамъ и прочая. Аще хощеши пространно разумѣти, чти Маргаритъ, слово о вочеловѣченіи: тамо обрящеши. Азъ кратко помянухъ, смотрѣніе показуя. Сице всякъ вѣруяй въ Онь не постыдится, а не вѣруяй осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Афанасію. Сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, съ симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое въ Нижегородскихъ предѣлехъ, за Кудмою рѣкою, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ мой бысть священникъ Петръ, мати Марія, инока Марфа. Отецъ мой прилѣжаше житія хмельнова, мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаще мя страху Божію. Азъ же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и въ той нощи воставши предъ образомъ,

плакався доволно о души своей, поминая смерть, яко и мнѣ умрети: и съ тѣхъ мѣстъ обыкохъ во вся дни молитися. Потомъ мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молодъ, и отъ своихъ соплеменникъ во изгнаніи быхомъ Изволила мати меня женить. Азъ же Пресвятѣй Богородице молихся, да дастъ ми жену помощницу ко спасенію. И въ томъ же селѣ дѣвица сиротина же, безпрестанно во церковь ходила—имя ей Анастасія. Отецъ ея былъ кузнецъ, именемъ Марко, богатъ горазно, а егда умре, послѣ его вся истощилося. Она же въ скудости живяше и моляшеся Богу, даже сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ. И бысть, по воли Божіи, тако. Посемъ мати моя отъиде къ Богу въ подвизе велице. Азъ же отъ изгнанія переселихся въ ино мѣсто. Рукоположенъ во діаконы двадцети лѣтъ з годомъ; и по дву лѣтѣхъ въ попы поставленъ; живый въ попѣхъ осьмъ лѣтъ и потомъ совершенъ въ протопопы православными епископы. Тому дватцеть лѣтъ минуло, и всего тритцеть лѣтъ, какъ священьство имѣю, а отъ роду на шестой десятокъ идетъ.

А егда азъ въ попѣхъ былъ, тогда имѣлъ у себе дѣтей духовныхъ много, по се время сотъ съ пять или съ шесть будетъ. Не почивая азъ грѣшный прилѣжа, во церьквахъ, и въ домѣхъ, и на распутіяхъ, по градомъ и селомъ, еще же и во царствующемъ градѣ, и во странѣ Сибирской, проповѣдуя и уча слову Божію, годовъ будетъ тому съ полтретьятцеть. А егда еще былъ въ попѣхъ, пріиде ко мнѣ исповѣдатися дѣвица, многими грѣхми обременена, блудному дѣлу и малакіи всякой повинна; нача мнѣ плакавшися, подробну возвѣщати во церкви предъ Евангеліемъ стоя. Азъ же треокаянный врачь, слышавши отъ нея, самъ разболѣвся, внутрь жегомъ огнемъ блуднымъ. И горко мнѣ бысть. Въ той часъ зажегъ три свѣщи и прилѣпилъ къ налою и возложилъ правую руку на пламя и держалъ, дондеже во мнѣ не угасло злое разженіе. И отпустя дѣвицу, сложа съ себя ризы, помолясь, пошелъ въ домъ свой зѣло скорбенъ. Время, яко полунощи, и пришедъ въ свою избу, плакався предъ образомъ Господнимъ яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучитъ мя Богъ отъ дѣтей духовныхъ: понеже время тяжко, не могу носити. И падохъ на землю на лицы своемъ, рыдая горце, и забыхся лежа, не вѣмъ, какъ плачю, а очи сердечьніи при рѣкѣ Волгѣ. Вижу плывутъ стройно два корабля златы, и весла на нихъ златы и все злато. По единому кормщику на нихъ сидѣльцовъ. И я спросилъ: чіе корабли? И они отвѣщали: Лукинъ и Лаврентіевъ. Сіи быша ми духовныя дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія, и скончались богоугоднѣ. А се потомъ вижу третій корабль не златомъ украшенъ, но разными красотами испещренъ -красно, и бѣло, и сине, и черно, и пепелесо,—его же умъ человѣчь невмѣститъ красоты его и доброты. Юноша свѣтелъ, на кормѣ сѣдя, правитъ, бѣжитъ ко мнѣ изъ за Волги, яко пожрети меня хощетъ. И я вскричалъ: чей корабль? И сѣдяй на немъ отвѣщалъ: твой корабль, на! плавай на немъ, коли докучаешъ, и з женою, и з

дѣтьми. И я вострепеталъ, и сѣдии разсуждаю: что се видимое? и что будетъ плаваніе?

И се по малѣ времени, по писанному, обяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обыдоша мя: скорьбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы начальникъ отнялъ дочерь. И азъ молихъ его, да же сиротину возвратитъ къ матери. I онъ, презрѣвъ моленіе наше, воздвигъ на меня бурю, и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ лежалъ въ забытіи полчаса и болши, паки оживе Божіимъ мановеніемъ. Онъ же, устрашася, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ его діяволъ: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ въ ризахъ, а я молитву говорю въ то время.

Таже инъ начальникъ въ оно время на мя разсвирипѣлъ,—прибѣжавъ ко мнѣ въ домъ, бивъ меня и у руки, яко песъ, огрызъ персты. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда испустилъ изъ зубовъ своихъ мою руку и, меня покинувъ, пошелъ въ домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ къ вечернѣ. И на пути онъ же наскочилъ на меня паки со двема пистольми и запалилъ ис пистоли. И Божіимъ мановеніемъ на полкѣ порохъ пыхнулъ, а пистоль не стрѣлила. Онъ же бросилъ ея на землю и из другія запалилъ паки. Божія же воля такъ же учинила, пистоль и та не стрелила. Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, осѣнилъ ево больною рукою и поклонился ему. Онъ меня лаетъ, а я ему говорю: благодать въ устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ. Посемъ дворъ у меня отнялъ, а меня выбилъ, всево ограбя, и на дорогу хлѣба не далъ. Въ то время родился сынъ мой Прокопей, что нынѣ сидитъ съ матерью и зъ братомъ въ землѣ закопанъ; азъ же, взявъ клюку, а мать некрещенова младенца, пошли зъ братьею и зъ домочадцы, аможе Богъ наставитъ, а сами пошедъ запѣли божественныя пѣсни, евангельскую стихѣру большимъ распѣвомъ: «на гору ученикомъ, идущимъ за земное вознесеніе предста Господь и поклонишася ему» всю до конца, а предъ нами образъ несли. Пѣвцовъ въ дому моемъ было много, поюще со слезами на небо взираемъ, а провождающіи жители того мѣста, мужи и жены, и отрочата, множество народа съ рыданіемъ плачюще и сокрушающе мое сердце,—далече насъ провожали въ поле. Азъ же на обычномъ мѣстѣ ставъ и хвалу Богу воздавъ, поученіе прочелъ и, благословя, насилу въ домъ ихъ возвратилъ, а зъ домашними впредь побрели, и на пути Прокопья крестили, яко каженика Филиппъ древле.

Егда же азъ прибрелъ къ Москвѣ, къ духовнику цареву, протопопу Стефану и къ другому протопопу, къ Неронову Ивану, они же обо мнѣ царю извѣстиша и съ тѣхъ мѣстъ государь меня знать началъ. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто и я притащился: ано и стѣны разорены моихъ храминъ. И я паки позавелся, а діаволъ и паки воздвигъ бурю. Пріидоша въ село мое плясовые медвѣди з бубнами и з домрами, и я, грѣшникъ, по Христѣ ревнуя изгналъ ихъ, и хари и бубны

изломалъ на полѣ, единъ у многихъ; и медвѣдей двухъ великихъ отнялъ, одново ушибъ и паки ожилъ, а другова отпустилъ въ поле. И за сіе меня, бояринъ Василѣй Петровичъ Шереметевъ, едучи въ Казань на воеводство, въ суднѣ браня много, и велѣлъ благословить сына своего брадобритца. Азъ же не благословилъ, видя любодѣйной образъ. И онъ велѣлъ меня въ Волгу кинуть и, ругавъ много, столкали съ судна.

Таже инъ начальникъ, на мя разсвирѣпѣвъ, пріѣхавъ с людьми къ двору моему, стрелялъ изъ луковъ и ис пищалей съ приступомъ. А я въ то время запершися молился ко Владыкѣ: Господи, укроти ево и примири, имиже вѣси судбами. Онъ же побѣжалъ отъ двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже въ нощь ту, прибѣжали отъ него, зовутъ меня къ нему, со слезами: батюшко, государь! Евѳимей Стеѳановичь при кончинѣ и кричитъ не удобно, бьетъ себя и охаетъ, а самъ говоритъ: дайте батька Аввакума! за него меня Богъ наказуетъ! И я чаялъ, обманываютъ меня, ужасеся духъ мой во мнѣ, а се помолилъ Бога сице: Ты, Господи, изведый мя ис чрева матери моея и отъ небытія въ бытіе мя устроилъ. Аще мя задушатъ, причти мя съ митрополитомъ Филиппомъ Московскимъ; аще ли зарѣжутъ, и Ты, Господи, причти мя з Захаріею пророкомъ; аще ли посадятъ въ воду и Ты, Владыко, яко и Стефана Пермскаго, паки свободиши мя. И молясь, поѣхалъ въ домъ къ нему, Евфимію. Егда же привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена ево, Неонила, ухватила меня подъ руку, а сама говоритъ: поди-тко, государь нашъ батюшко, поди-тко, свѣтъ нашъ кормилецъ! И я сопротивъ: чюдно! давеча былъ блядинъ сынъ, а топерва батюшко миленькой. Болшо у Христа-тово остра шелѣпуга та, скоро повинился мужъ твой! Ввела меня въ горницу, вскочилъ съ перины Евфимей, палъ предъ ногама моима, вопитъ неизреченно: прости, государь, согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою, а самъ дрожитъ весь. И я ему сопротиво: хощеши ли впредь целъ быти? Онъ же лежа отвѣщалъ: ей, честный отче. И я реклъ: востани, Богъ проститъ тя. Онъ же, наказанъ гораздо, не могъ самъ востати. И я поднялъ и положилъ ево на постелю, и исповѣдалъ, и масломъ священнымъ помазалъ: и бысть здравъ. Такъ Христосъ изволилъ. И з женою быша мнѣ дѣти духовные, изрядныя рабы Христовы. Такъ-то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Помалѣ иніи паки изгнаша мя отъ мѣста того. Азъ же сволокся къ Москвѣ и, Божіею волею, государь меня велѣлъ поставить въ Юрьевецъ-Поволской въ протопопы. И тутъ пожилъ немного,—только осмь недѣль. Діяволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ,—пришли къ патріархову приказу, гдѣ я духовныя дѣла дѣлалъ, и вытаща меня ис приказу собраніемъ,—человѣкъ съ тысящу и с полторы ихъ было,—среди улицы били батожемъ и топтали, и бабы были с рычагами. Грѣхъ ради моихъ убили замертва и бросили подъ избной уголъ. Воевода съ пушкарями прибѣжалъ и, ухватя меня, на лошади умчалъ въ мое домишко и пушкарей около двора поставилъ. Людіе же ко двору приступаютъ и по граду молва ве-

лика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ отъ блудни, вопятъ: убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ. Азъ же, отдохня, по трехъ днехъ нощію, покиня жену и дѣти по Волге, самъ-третей ушелъ къ Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, ано и тутъ протопопа же Данiила изгнали. Охъ! горе! вездѣ отъ дiявола житія нѣтъ! Прiѣхалъ къ Москвѣ, духовнику показался; и онъ на меня учинился печаленъ: нашто церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе! Таже царь пришелъ ночью къ духовнику благословитися, меня увидѣлъ тутъ—опять—кручина: на што городъ покинулъ? А жена, и дѣти, и домочадцы,—з дватцеть,—въ Юрьевцѣ остались,—невѣдомо живы, невѣдомо побиты! Тутъ паки горе!

Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ из Соловковъ мощи Филиппа митрополита. А прежде его прiѣзду Стефанъ духовникъ моля Бога и постяся седмицу з братiею—и я съ ними тутъ же—о патрiархѣ, да же дастъ Богъ пастыря ко спасенiю душъ нашихъ. И съ митрополитомъ Корнилiемъ Казанскимъ написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патрiархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ и указалъ на Никона митрополита. Царь его и послушалъ, и пишетъ къ нему посланiе на встрѣчю: Преосвященному Никону, митрополиту Новгородскому и Великолуцкому и всея Россiи—радоватися и прочая. Егда же прiехалъ, съ нами, яко лисъ—челомъ, да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему въ патрiархахъ, и чтобъ откуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить.

Царь его на патрiаршество зоветъ, онъ бытто не хочетъ, мрачилъ царя и людей, а со Анною по ночамъ укладываютъ, какъ чему быть, и много тружався со дiаволомъ, взошелъ на патрiаршество Божiимъ попущенiемъ, укрѣпя царя своимъ козновaнiемъ и клятвою лукавою. Егда бысть патрiархомъ, такѣ насъ и въ крестовую не сталъ пускать, а се и ядъ отрыгнулъ. Въ постъ великой прислалъ память Казанскому протопопу Иванну Неронову, а мнѣ былъ отецъ духовной; я все у него и жилъ въ церкви; егда куда отлучится, ино я вѣдаю церковь; и къ мѣсту говорили на дворецъ ко Спасу, да я не порадѣлъ или Богъ не изволилъ. Народу много приходило къ Казанской; такъ мнѣ любо—поученiе читалъ безпрестанно, лише о братiяхъ родныхъ духовнику поговорилъ, и онъ ихъ вверху у царевны, а инова при себѣ жить устроилъ попомъ въ церькви; а я самъ, идѣже людiе снемлются, тамъ слово Божiе проповѣдалъ, да при духовниковѣ благословенiи и Неронова Иванна тѣшилъ надъ книгами свою грѣшную душу о Христѣ Iсусѣ.

Таже Никонъ въ памяти пишетъ: Годъ и число. По преданiю святыхъ Отецъ и Апостолъ, не подобаетъ метанiя творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ класть поклоны, еще же и тремя персты бы есте крестилися. Мы, сошедшеся со отцы, задумалися, видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь, а самъ скрылся въ Чюдовъ—седмицу единъ въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа

гласъ бысть во время молитвы: Время приспѣ страданія! Подобаетъ вамъ неослабно страдати! Онъ же мнѣ, плачющи, сказалъ; таже епископу Коломенскому Павлу, его же Никонъ на послѣдокъ въ Новогороцкихъ предѣлехъ огнемъ сжегъ; потомъ Даніилу, Костромскому протопопу, и всей сказалъ братіи. Мы же з Даниломъ ис книгъ написавъ выписки о сложеніи перстовъ и о поклонѣхъ, и подали государю: много писано было; онъ же невѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ, мнитмися Никону отдалъ.

Послѣ тово вскорѣ, схвативъ Никонъ Даніила, остригъ при царѣ, за Тверскими вороты и, содравъ однорядку, ругавъ, отвелъ въ Чюдовъ, въ хлѣбню: и, муча много, сослалъ въ Астрахань. Возложа на главу тамъ ему вѣнецъ терновъ, въ земляной тюрмѣ и уморили. Таже другова тамъ, Никольскаго протопопа Даніила, посадилъ у Спаса на Новомъ. Таже Неронова Иванна въ церкви скуфью снялъ и посадилъ въ монастырѣ Симановѣ, опослѣ на Вологду сослалъ въ Спасовъ каменной монастырь, потомъ въ Кольской островъ.

Посемъ меня взяли отъ всенощнаго Борисъ Нелединской со стрѣлцами, человѣкъ со мною съ шестьдесятъ взяли: ихъ въ тюрму отвели, а меня на патріарховѣ дворѣ на чепь посадили ночью. Егда же росвѣтало, въ день недѣльный, посадили меня на телѣгу, ростеня руки, и везли отъ патріархова двора до Андроньева монастыря. И тутъ на чепи кинули въ темную палатку; ушла вся въ землю. И сидѣлъ три дни, ни елъ, ни пилъ, — во тмѣ сѣдя, кланялся на чепи, не знаю—на востокъ, не знаю—на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ,—токмо мыши, и тараканы, и сверчьки кричатъ, и блохъ довольно. Таже во исходѣ третьихъ сутокъ захотѣлося есть мнѣ; послѣ вечерни ста передъ мною, невѣмъ—человѣкъ, невѣмъ ангелъ,— и по се время не знаю. Токмо въ потемкахъ сотворя молитву и взявъ меня за плечо съ чепью, къ лавкѣ привелъ, и посадилъ, и лошку въ руки далъ и хлѣбца немношко и штецъ далъ похлебать,—зѣло прикусны, хороши!— и реклъ мнѣ: полно, довлѣетъ ти ко укрѣпленію! И не стало его: двери не отворялись, а ево не стало. Чудно только человѣкъ, а что же! ангелу ино вездѣ не загорожено! На утро архимаритъ з братіею вывели меня, журятъ мнѣ, что патреарху не покорился. И я отъ писанія ево браню! Сняли большую чепь и малую наложили. Отдали черньцу подъ начало, велѣли въ церковь волочить. У церкви за волосы дерутъ и под бока толкаютъ, и за чепь торгаютъ, и въ глаза плюютъ. Богъ ихъ проститъ въ сій вѣкъ и въ будущій: не ихъ то дѣло, но діавольское.

Тутъ же въ церкви у нихъ былъ нашъ братъ подначальной ис Хамовниковъ, пьянства ради преданъ бѣсомъ и гораздо бѣсился томимъ отъ бѣсовъ. Азъ же зжалихся грѣшный объ немъ, во обѣдню стоя на чепи Христа Свѣта и Пречистую Богородицу помолилъ, чтобъ ево избавили отъ бѣсовъ. Господь же ево бѣднова и простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же цѣлоуменъ сталъ заплакавъ и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ,

чтобъ про меня не сказалъ никому; людіе же догадалися о семъ, учали звонить и молебенъ пѣть. Сидѣлъ я тутъ четыре недѣли.

Послѣ меня взяли Логина протопопа Муромскаго: въ соборной церкви при царѣ остригъ ево овчеобразный волкъ въ обѣдню, во время переноса. Егда снялъ у архидіякона со главы дискосъ и поставилъ на престолъ тѣло Христово, а съ чашею архимаритъ Чюдовской Ѳерапонтъ внѣ олтаря при дверехъ царьскихъ стоялъ. Увы разсѣченія тѣлу и крови Владыки Христа! Пуще жидовскаго дѣйства игрушка сія! Остригше, содрали съ Логина однорятку и кафтанъ. Онъ же разжегся ревностію божественнаго огня, Никона порицая, и черезъ порогъ олтарной въ глаза ему плевалъ, и распоясався, схватя съ себя рубашку, в олтарь Никону въ глаза бросилъ. Чюдно! растопоряся рубашка покрыла дискосъ съ тѣломъ Христовымъ и престолъ. А въ то время и царица въ церкви была. На Логина же возложа чепь и потаща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря. И тутъ кинули нагова въ полатку, и стрельцовъ на карауле накрѣпко учинили. Ему же Богъ въ ту нощь далъ новую шубу да шапку. И на утро Никону сказали. Онъ же разсмѣявся, говоритъ: знаю-су пустосвятовъ тѣхъ! И шапку у него отнялъ, а шубу ему оставилъ.

Посемъ паки меня изъ монастыря водили пѣшева на патріарховъ дворъ, по прежнему ростяня руки. И стязався много со мною, паки отвели такъ же. Таже въ Никитинъ день со кресты ходъ, а меня паки противъ крестовъ везли на телѣге и привезли къ соборной церкви стричь меня такъ же. И держали на порогѣ въ обѣдню долго. Государь сошелъ съ мѣста и приступя къ патреарху упросилъ у нево. Не стригше, отвели въ Приказъ Сибирской, отдали дьяку Третьяку Башмаку, что нынѣ съ нами стражетъ же за православную вѣру, старецъ Саватѣй,—сидитъ въ земляной тюрмѣ у Спаса на Новомъ. Спаси ево, Господи! и тогда мнѣ добро дѣлалъ.

Таже послали меня въ Сибирь въ ссылку з женою и дѣтьми. И колико дорогою было нужды, тово всево говорить много, развѣ малое помянуть. Протопопица родила младенца, больную въ телѣге и потащили! До Тоболска три тысящи верстъ, недѣль съ тринатцеть волокли телѣгами, и водою, и санми половину пути. Архіепископъ Симеонъ Сибирской (тогда добръ былъ, а нынѣ учинился отступникъ) устроилъ меня въ Тоболске къ мѣсту. Тутъ живучи у церкви великія бѣды постигоша мя. Пятью слова государевы сказывали на меня въ полтора года. И единъ нѣкто, двора архіепископля дьякъ, Иванъ Струна, тотъ и душею моею (потрясъ) сице. Владыка съехалъ къ Москвѣ, а онъ безъ нево наученіемъ бѣсовскимъ и кознями напалъ на меня. Церкви моея дьяка Антонія захотѣлъ мучить напрасно. Онъ же Антоній утече у него и прибѣжалъ ко мнѣ въ церковь. Иванъ же Струна собрався съ людми во инъ день, пріиде ко мнѣ въ церьковь, ухватилъ Антона на крылосѣ за бороду. А я въ то время затворилъ двери и замкнулъ: никово не пустилъ въ церковь. Одинъ онъ, Струна вертится, что бѣсъ, въ церковѣ. И я покиня вечерню, со Антономъ, посадя

ево на полу, и за мятежъ церковной постегалъ ремнемъ нарочито-таки; а прочіи, человѣкъ з двадцеть, вси побѣгоша гоними Духомъ. И покаяніе принявъ отъ Струны, къ себѣ отпустилъ ево паки. Сродницы же ево, попы и черицы, весь градъ возмутили, како бы меня погубить. И въ полъ нощи привезли сани ко двору моему, ломилися вызбу, хотя меня, взявъ, въ воду свести. И Божіимъ страхомъ отгнани быша и вспять побѣгоша. Мучился я отъ нихъ, бѣгаючи съ мѣсецъ тайно: иное въ церквѣ ночую, иное уйду къ воеводѣ. Княгиня меня въ сундукъ посылала, я де, батюшко, надъ тобою сяду; какъ де придутъ тебя искать къ намъ; и воевода отъ нихъ мятежниковъ боялся, лишь плачетъ, на меня глядя. Я уже и въ тюрму просился — ино не пустятъ. Таково то время было. Провожалъ меня много Матѳей Ломковъ, иже и Митрофанъ въ черицахъ именуемъ, — на Москвѣ у Павла митрополита ризничимъ былъ, какъ стригъ меня з дьякономъ Аѳанасьемъ. Тогда въ Сибири при мнѣ добръ былъ, а опослѣ проглотилъ ево діяволъ, отступилъ же отъ вѣры.

Таже пріѣхалъ съ Москвы архіепископъ и мнѣ мало-мало легче стало. Правильною виною посадилъ ево, Струну, на цепь за сіе: человѣкъ нѣкій з дочерью кровосмѣшеніе сотворилъ, а онъ, Струна, взявъ съ мужика полтину, не наказавъ, отпустилъ. И владыка ево за сіе сковать приказалъ, и мое дѣло тутъ же помянувъ. Онъ же, Струна, ушелъ къ воеводамъ въ Приказъ и сказалъ слово и дѣло государево на меня. Отдали ево сыну боярскому лутчему Петру Бекѣтову, за приставъ. Увы, Петру погибель пришла! Подумавъ, архіепископъ, по правиламъ за вину кровосмѣшенія, сталъ Струну проклинать въ церковѣ. Петръ же Бекѣтовъ въ то время браня архіепископа и меня, изшедъ изъ церкви, взбѣсился, идучи ко двору и падъ издше, горкою смертію умре. Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псомъ на снѣдѣніе, да же граждане оплачютъ ево согрѣшеніе. И сами три дни прилѣжнѣ Божеству стужали объ немъ, да же отпустится ему въ день вѣка отъ Господа. Жалѣя Струны, таковую пагубу пріялъ. И по трехъ днехъ тѣло его сами честнѣ погребли. Полно тово говорить, плачевнова дѣла.

Посемъ указъ пришелъ: велѣно меня ис Тоболска на Лѣну вести за сіе, что браню отъ писанія и укоряю Никона еретика. Въ тоже время пришла с Москвы грамотка ко мнѣ. Два брата, жили кои у царя вверху, умерли з женами и дѣтьми. И многіе друзья и сродники померли же въ моръ. Изліялъ Богъ фіялъ гнѣва ярости своея на всю русскую землю за расколъ церковный! Да не захотѣли образумица.

Говорилъ прежде мора Нероновъ царю и прорицалъ три пагубы: моръ, мечь, раздѣленіе. Вся сія збылось во дни наша, а послѣ и самъ милой принужденъ тремя персты креститца. Таково то попущено дѣйствовати антихристову духу. По Господню реченію, аще возможно ему прельстити и избранныя, и всякъ, мняйся стояти, да блюдется да ся не падетъ. Што тово много и говорить! того ради неослабно ища правды, всякъ молися

Христу, а не дряхлою душею о вѣрѣ прилѣжи, такъ не покинетъ Богъ. Писанное внимай—се полагаю въ Сіонѣ камень претыканію и камень соблазну; вси бо не сходящіися съ нами о немъ претыкаются или соблажняются. Разумѣеш ли сіе, камень—Христосъ, а Сіонъ—церковъ, а блазнящіися похотолюбцы и вси отступницы, временныхъ ради о вѣчномъ не брегутъ, просто молвить—діаволю волю творятъ, а о Христовѣ повелѣніи не радятъ. Но аще кто преткнется—о камень сей сокрушится, а на немъ же камень падетъ—сотрыетъ его. Внимай-ко гораздно и слушай, что пророкъ говоритъ со апостоломъ: что жорновъ дурака въ муку перемелетъ, тогда узнаетъ всякъ высокосердечьный, какъ скакать по холмамъ, перестанетъ, сирѣчь отъ всѣхъ сихъ упразднится. Полно тово.

Паки стану говорить: какъ меня ис Тобольска привезли на Лѣну, а егда въ Енисѣйскъ привезли—другой указъ пришелъ.

Велено въ Дауры вести, тысящь з дватцеть отъ Москвы и больши будетъ. Отдали меня Афонасію Пашкову: онъ туды воеводою посланъ, и грѣхъ ради моихъ суровъ и безчеловѣченъ человѣкъ, біетъ безпрестанно людей, и мучитъ, и жжетъ. И я много разговаривалъ ему, да и самъ въ руки попалъ. А съ Москвы отъ Никона ему приказано мучить меня. Поехали изъ Енисейска. Егда будемъ въ Тунгускѣ рѣкѣ, бурею дощеникъ мой въ воду загрузило: налился средѣ рѣки полонъ воды, и парусъ изорвало, одны палубы на верху, а то все въ воду ушло. Жена моя робятъ кое-какъ вытаскала на верхъ, а сама ходитъ простоволоса, въ забытіи ума, а я на небо глядя, кричю: Господи, спаси! Господи, помози! И Божіею волею прибило къ берегу насъ. Много о томъ говорить! На другомъ дощеникѣ двухъ человѣкъ сорвало и утонули въ водѣ. Оправяся, мы паки поехали впредь.

Егда пріехали на Шаманской порогъ, на встрѣчю намъ приплыли люди, а съ ними двѣ вдовы, — одна лѣтъ вь 60, а другая и болши. Пловутъ пострищися въ монастырь. А онъ, Пашковъ, сталъ ихъ ворочать и хочетъ замужъ отдать. И я ему сталъ говорить: по правиламъ не подобаетъ таковыхъ замужь давать. Онъ же, осердясь на меня, на другомъ порогѣ сталъ меня изъ дощеника выбивать: еретикъ-де ты: для тебя дощеникъ худо идетъ! поди-де по горамъ, а съ казаками не ходи!

Горе стало! Горы высокія, дебри непроходимыя; утесъ каменной, яко стѣна стоитъ и поглядеть — заломя голову. Въ горахъ тѣхъ обрѣтаются змеи великіе, въ нихъ же витаютъ гуси и утицы.—періе красное; тамо же вороны черные, а галки сѣрыя, измѣнены при русскихъ птицахъ имѣютъ періе. Тамо же орлы, и соколы и кречета и курята индійскія, и бабы, и лебеди, и иные дикіи, — многое множество, — птицы разные. На тѣхъ же горахъ гуляютъ звѣри дикіе: козы, и олени, и зубри, и лоси, и кабаны, волки и бараны дикіе: во очію нашу, а взять нельзя. На тѣ же горы Пашковъ выбивалъ меня со звѣрми витать. И азъ ему малое писанейце написалъ. Сице начало: человѣче, убойся Бога, сѣдящаго на херувимѣхъ и

призирающаго въ бездны, Его же трепещутъ небо и земля со человѣки и вся тварь,—токмо ты единъ презираешъ и неудобство къ нему показуешъ. И прочая тамъ многонько писано. А се бегутъ человѣкъ съ пятьдесятъ, и взяли мой дощеникъ и помчали къ нему,—версты съ три отъ него стоялъ. Я казакомъ каши съ масломъ наварилъ, да кормлю ихъ и оны, бѣдные, ядятъ и дрожатъ, а иные плачутъ, глядя на меня, жалѣя по мнѣ. Егда дощеникъ привели, взяли меня палачи, привели предъ него. Онъ же и стоитъ и дрожитъ, шпагою подпершись. Началъ мнѣ говорить: попъ ли ты, али распопъ? И я отвѣщалъ: азъ есмь Аввакумъ протопопъ; что тебѣ дѣло до меня? Онъ же, рыкнувъ, аки дивій звѣрь и ударилъ меня по щокѣ и паки по другой, и въ голову еще; и збилъ меня съ ногъ, ухватилъ у слуги своего чеканъ и трижды по спинѣ лежачева зашибъ, и разболокши, по той же спинѣ семьдесятъ два удара кнутомъ. Палачъ біетъ, а я говорю: Господи Іусусе Христе, Сыне Божій, помогай мнѣ. Да тожь говорю,—такъ ему горко, что не говорю: пощади! Ко всякому удару, Господи Іусусе Христе, Сынъ Божій, помогай мнѣ. Да о срединѣ той вскричалъ я: полно бить тово! Такъ онъ велѣлъ перестать, и я промолвилъ ему: за что ты меня бьешь? Вѣдаешь ли? И онъ паки велѣлъ бить по бокамъ. Спустили. Я задрожалъ, да и упалъ. И онъ велѣлъ въ казенной дощеникъ оттащить. Сковали руки и ноги и кинули на беть.

Осень была: дождь на меня шелъ и въ побои и въ нощь. Какъ били, такъ не болно было съ молитвою тою, а лежа на умъ взбрело: за что ты, Сыне Божій, попустилъ таково болно убить тово меня? Я веть за вдовы твои сталъ! Кто дастъ судію между мною и тобою? Когда воровалъ, и ты меня такъ не оскорблялъ, а нынѣ не вѣмъ, что согрѣшилъ! Бытто добрый человѣкъ! Другой фарисей, погибельный сынъ, съ г...ною рожею праведникомъ себя наменилъ, да со Владыкою, что Іевъ непорочной на судъ, да Іевъ хотя бъ и грѣшенъ, ино нельзя на него подивить: внѣ закона живый, писанія не разумѣлъ, въ варварской землѣ живя; аще и того же рода Авраамля, но поганова колѣна. Внимай: Исаакъ Авраамовичъ роди скверънова Исава, Исавъ роди Рагуила, Рагуилъ роди Зара, Зара же праведнаго Іева—вотъ смотри у ково Іеву добру научитца. Вси прадѣды идолопоклонники и блудники были, но отъ твари Бога уразумѣвъ, живъ праведный непорочно; и въ язвѣ лежа изнесе глаголъ отъ недоразумѣнія и простоты сердца: изведый мя изъ чрева матере моея, кто дастъ судію между мною и Тобою, яко тако наказуеши мя; ни азъ презрѣхъ сироты и вдовицы, отъ острига овецъ моихъ плещи нищихъ одѣвахуся, и сниде Богъ къ нему и прочая. А я таковая же дерзнухъ отъ коего разума? родился въ церквѣ, на законѣ почиваю, писаніемъ ветхаго и новаго закона огражденъ, вождя себя помышляю быти слѣпымъ, а самъ ослѣпъ извнутри; какъ дощеникъ-отъ не погрязъ со мною!

Стало у меня въ тѣ поры кости те щемить, жилы те тянуть, и сердце зашлось, а и умирать сталъ. Воды мнѣ въ ротъ плеснули: такъ вздохнулъ,

да покаялся передъ Владыкою, да и опять перестало все болѣть. На утро кинули меня въ лотку и напредь повезли. Егда пріѣхали къ порогу Падуну Большому: рѣка о томъ мѣстѣ шириною съ версту. Три залавка гораздо круты: аще не воротами что попловетъ, ино въ щепы изломаетъ. Меня привезли подъ порогъ. Сверху дождь и снѣгъ. На плечахъ одно кафтанишко накинуто просто,—льетъ по спинѣ и по брюху вода. Нужно было гораздо. Изъ лотки вытащили, по каменью около порога тово тащили. Да ужъ къ тому не пеняю на Спасителя своего, но Пророкомъ и Апостоломъ утѣшаюся, въ себѣ говоря: сыне, не пренемогай наказаніемъ Господнимъ, ниже ослабѣй, отъ него обличаемъ. Его же любитъ Богъ, того наказуетъ. Біетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ. Аще наказаніе терпите, тогда яко сыномъ обрѣтается вамъ Богъ. Аще ли безъ наказанія пріобщаетеся ему, то выблядки, а не сынове есте.

Таже привезли въ Брацкой острогъ и кинули въ студеную тюрьму, соломки дали немношко. Сидѣлъ до Филипова въ студеной башнѣ: тамъ зима въ тѣ поры живетъ, да Богъ грѣлъ и безъ платья всяко. Что собачка, въ соломе лежу на брюхе: на спинѣ той нельзя было. Коли покормятъ, коли нѣтъ. Есть тово послѣ побой тѣхъ хочется, да веть су не воля то есть: какъ пожалуютъ, дадутъ; да безчинники ругались надо мною: иногда одново хлѣбца дадутъ, а иногда ветчинки одное не вареной, иногда масла коровья безъ хлѣба же. Я таки что собака, такъ и емъ, не умывался веть, да помолитвую. Караульщики по пяти человѣкъ одоль стоятъ, щелка на стенѣ была, собачка ко мнѣ по вся дни приходила, да поглядитъ на меня; яко Лазаря во гною у вратѣхъ богатаго пси облизаху гной его, отраду ему чинили, такъ и я со своею собачкою разговаривалъ, а человѣцы далече окрестъ меня ходятъ и поглядѣть на тюрьму не смѣютъ. Мышей много у меня было, я ихъ скуфьею билъ, и батошка не дали; блохъ, да вшей было много. Хотѣлъ на Пашкова кричать: прости! да сила Божія возбранила, велѣно терпѣть. Въ шестую недѣлю послѣ побой перевел меня въ теплую избу, и я тутъ с аманатами и съ собаками зимовалъ скованъ, а жена з дѣтми верстъ з двадцеть была сослана отъ меня. Баба ея Ксенья мучи браня зиму ту тамъ въ мѣстѣ пустомъ. Сынъ Иванъ еще не великъ былъ, прибрелъ ко мнѣ побывать послѣ Христова Рожества и Пашковъ велѣлъ кинуть въ студеную тюрьму, гдѣ я прежде сидѣлъ, да и опять велѣлъ к матере протолкать, я єво и не видалъ; приволоксѣ, руки и ноги ознобилъ.

На весну паки поехали впредь; все разорено: запасъ, и одежда, и книги все растащено. На Байкаловѣ морѣ паки тонулъ, по рѣкѣ по Хилку заставилъ меня лямку тянуть, зѣло нуженъ ходъ сю былъ, и поесть нѣколи было, нежели стать; цѣлое лѣто бились противъ воды. Отъ тяготы водяныя въ осень у людей стали и у меня ноги пухнуть, и животъ посинѣлъ, а на другоэ лѣто и умирать стали отъ воды. Два лѣта бродилъ въ водѣ, а зимами волочился за волоки, чрезъ хрепты; на томъ же Хилке въ

третье тонулъ: барку отъ берегу оторвало, людскіе стоятъ, а меня понесло; жена и дѣти остались на берегу, а меня самъ другъ съ кормщикомъ понесло, вода быстрая переворачиваетъ барку вверхъ дномъ и паки полубами, а я на ней ползаю и кричю: Владычице, помози, упованіе, не погрузи! Иное ноги въ водѣ, а иное выползу на верхъ; несло съ версту и болши, да переняли; все розмыло до крохи. Изъ воды вышедъ смеюсь, а люди-те охаютъ глядя на меня; платье-то по кустамъ развѣшаютъ; шубы шелковыя и кое-какія бездѣлицы той было много еще въ чемоданахъ, да въ сумахъ, съ тѣхъ поръ все перегнило, наги стали; а Пашковъ меня же хотѣлъ бить: ты-де надъ собою дѣлаешъ на смѣхъ. И я су въ кустъ зашедъ, ко Богородицѣ припалъ: Владычице моя, Пресвятая Богородице, уйми дурака тово, и такъ спина болитъ! Такъ Богородица свѣтъ и уняла— сталъ по мнѣ тужить.

Доехали до Иргеня озера, волокъ тутъ, стали волочитца, а у меня работниковъ отнялъ; инымъ нанятца не велитъ, а дѣти были маленьки, таскать не съ кѣмъ. Одинъ бѣдной протопопъ здѣлалъ нарту и зиму всю за волокъ бродилъ. У людей собаки въ подпряшкахъ, а у меня не было; одинова лишо двухъ сыновъ, маленки еще были, Иванъ и Прокопей тащили со мною, что кобелки за волокъ нарту. Волокъ — верстъ со сто — насилу бѣдные и перебрели; а протопопица муку и младенца за плечами на себѣ тащила, а дочь Огрофена брела, да на нарту и взвалилась, и братья ея со мною по маленку тащили. И смѣхъ и горе, какъ помянутся дніе оны: робята-тѣ изнемогутъ и на снѣгъ повалятся, а мать по кусочку пряничка имъ дастъ и онѣ съѣдши опять лямку потянутъ; и кое-какъ перебилися волокъ, да подъ сосною и жить стали, что Авраамъ у дуба мамврійска. Не пустилъ насъ и въ засѣку Пашковъ, сперьва дондеже натѣшился, и мы недѣлю, другую мерзли подъ сосною съ робяты одны, кромѣ людей на бору, и потомъ въ засѣку пустилъ и указалъ мнѣ мѣсто. Такъ мы съ робяты огородились, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили, и какъ до воды домаялись—весною на плотахъ поплыли на низъ по Ингодѣ рѣкѣ; отъ Тобольска четвертое лѣто. Лѣсъ гнали городовой и хоромной, есть стало нѣчева, люди стали мереть зъ голоду и отъ водяныя бродни, рѣка песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большіе, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокіе, огонь, да встряска. Люди голодные, лишо станутъ бить, ано и умретъ, и безъ битья насилу человѣкъ дышитъ, съ весны по одному мѣшку солоду дано на десять человѣкъ на все лѣто, да петь работай, никуды на промыселъ не ходи; и вербы бѣдной въ кашу ущипать збродитъ—и за то палкою по лбу: не ходи мужикъ, умри на работѣ. Шестьсотъ человѣкъ было, всѣхъ такъ то перестроилъ. Охъ, времени тому, не знаю, какъ умъ у него изступилъ!

Однорятка московская жены моея не згнила, по рускому рублевъ въ полтретьятцеть, а по тамошнему и болши. Далъ намъ четыре мешка ржи за нея, а мы с травою перебивались. На Нерче рѣкѣ всѣ люди з голоду

померьли, осталось небольшое мѣсто. По стенямъ скитаяся и по лѣсу, траву и кореніе копали, а мы съ ними же, а зимою сосну. Иное кобылятины Богъ дастъ, а иное отъ волковъ пораженныхъ звѣрей кости находили,—и что у волка осталось, то мы глодали, а иные и самыхъ озяблыхъ волковъ и лисицъ ели. Два у меня сына въ тѣхъ умерли нуждахъ. Не велики были, да однако дѣтки, пускай ихъ, не гдѣ ся дѣнутъ, а, съ прочими скитающеся, наги и босы по горамъ и острому каменію травою и кореніемъ перебивались. И самъ я грѣшной причастенъ мясамъ кобыльимъ и мертвечьимъ по нуждѣ,но помогала намъ по Христѣ болярыня воеводская сноха Евдокѣя Кириловна, да жена его, Афонасьева, Фекла Симеоновна. Онѣ намъ отъ смерти, Христа ради, отраду давали тайно, чтобъ онъ не свѣдалъ, — иногда пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучьки и овсеца, колко сойдется, — четверть пудика и гривенку другую, а иногда и полпудика и пудикъ передастъ, накопя, а иногда у куровъ корму нагребетъ.

И тое великіе нужды было годовъ съ шесть и болши, а въ иные годы Богъ отрадилъ, а онъ, Афонасій, навѣтуя, мнѣ безпрестанно смерть ищетъ. Въ той же нуждѣ прислалъ ко мнѣ двѣ вдовы — сѣнныя любимыя его были—Марія да Софья, одержимыя духомъ нечистымъ. Ворожа и колдуя много надъ ними, и видитъ, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ,—зѣло жестоко ихъ бѣси мучатъ, кричатъ и біются, — призвавъ меня, и говоритъ поклоняся: пожалуй, возми ихъ ты и попекися объ нихъ, Бога моля: послушаетъ тебя Богъ. И я ему отвѣщалъ: Выше, реку, государь, мѣры прошеніе; но за молитвъ святыхъ отецъ нашихъ вся возможна суть Богу. Взялъ ихъ бѣдныхъ. Простите, Бога ради! Во искусѣ то на Руси бывало,—человѣка три, четыре бѣшеныхъ въ дому моемъ бывало приведшихъ, и, за молитвъ святыхъ отецъ, исхождаху отъ нихъ бѣси дѣйствомъ и повелѣніемъ Бога живаго и Господа нашего Іисуса Христа Сына Божія—Свѣта. Слезами и водой покроплю, и масломъ помажу, во имя Христово молебная пѣвше. И сила Божія отгоняше отъ человѣкъ бѣсы и здрави бываху, не по моему достоинству, но по вѣрѣ приходящихъ. Древле благодать дѣйствоваше осломъ при Валаамѣ, и при Уліанѣ мученикѣ рысью, а при Сисиніи оленемъ: говорили человѣческимъ гласомъ. Богъ идеже хощетъ, побѣждается естества чинъ. Чти житіе Федора Едесскаго, тамъ обрящеши: и блудница мертваго воскресила. Въ Кормчей писано: не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика.

Таже привели ко мнѣ бабъ бѣшеныхъ. Я, по обычаю, самъ постился и имъ не давалъ есть, молебствовалъ и масломъ мазалъ, и, како знаю, дѣйствовалъ. И бабы о Христѣ целоумны стали. Христосъ избавилъ ихъ бѣдныхъ отъ бѣсовъ. Я ихъ исповѣдалъ и причастилъ. Живутъ у меня и молятся Богу: любятъ меня и домой не идутъ. Свѣдалъ онъ, что мнѣ учинилися дочери духовныя, осердился на меня опять пущи и старова, хотѣлъ меня въ огнѣ жжещи: ты-де вывѣдываешъ мои тайны. А ихъ домой взялъ.

Онъ чаялъ Христосъ просто покинетъ, ано и старова пущи стали бѣситца. Заперъ ихъ въ пустую избу, ино никому приступу нѣтъ къ нимъ. Призвалъ къ нимъ чернова попа: и онѣ въ него полѣніемъ бросаютъ. Я дома плачю, а дѣлать не вѣдаю что. И приступить ко двору не смѣю: больно сердитъ на меня. Тайно послалъ къ нимъ воды святыя, велѣлъ ихъ умыти и напоить: і имъ, бѣднымъ далъ Богъ лехче. Прибрели ко мнѣ сами тайно. И я ихъ помазалъ во имя Христово масломъ: такъ опять стали, далъ Богъ, по старому здоровы и опять домой сошли. Да по ночамъ ко мнѣ прибѣгали Богу молитца. Ну-су, всякъ правовѣрный разсуди прежьде Христова суда, какъ было мнѣ ихъ причастить, не исповѣдавъ; а не причастивъ, бѣсовъ совершенно не отгонишъ. Я инова оружія на бѣсовъ не имѣю, токмо крестъ Христовъ, и священное масло, и вода святая, да коли соидется, слезъ каплю, другую тутъ же прибавлю. А совершенно исцѣленіе бѣсному,—исповѣдаю и причащу тѣла Христова. Такъ даетъ Богъ и здравъ бываетъ. За што было за то гнѣватися! явно въ немъ бѣсъ дѣйствовалъ, навѣтуя ево спасенію, да уже Богъ ево проститъ.

Постригъ я его и поскимилъ; въ Москвѣ пріѣхавъ, царь мнѣ ево головою выдалъ—Богъ такъ изволилъ. Много о томъ Христу докуки было, да слава о немъ Богу; давалъ мнѣ на Москвѣ и денегъ много, да я не взялъ; мнѣ, реку, спасеніе твое тощно надобно, а не деньги; постригись реку, такъ и Богъ проститъ. Видитъ бѣду неминучюю, прислалъ ко мнѣ со слезами. Я къ нему на дворъ пришелъ, и онъ палъ предо мною, говоритъ: воленъ Богъ, да ты и со мною. Я, простя ево съ черньцами съ чюдовскими, постригъ ево и поскимилъ, а Богъ ему же еще трудовъ прибавилъ, потому докуки моей объ немъ ко Христу было, чтобъ ево къ себѣ присвоилъ. Рука и нога у него же отсохли въ Чюдовѣ, ис кельи не исходитъ, да любо мнѣ ильно, чтобъ ево Богъ царьствію небесному сподобилъ; докучаю и нынѣ объ немъ, да и надѣюся на Христову милость, чаю помилуетъ насъ съ нимъ бѣдныхъ. Полно тово! стану паки говорить про Даурьское бытіе.

Таже съ Нерьчи рѣки назадъ возвратился къ Руси. Пять недѣль по льду голому ехали на нартахъ. Мнѣ подъ робятъ и подъ рухлишко далъ двѣ клячи; а самъ и протопопица брели пѣши, убивающеся о ледъ. Страна варварская, иноземцы немирные; отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Въ иную пору протопопица бѣдная брела, брела, да и повалилась и встать не можетъ. А иной томной же тутъ же взвалился: оба карабкаются, а встать не смогутъ. Опослѣ на меня бѣдная пенястъ: долго-ль, протопопъ, сего мученія будетъ? И я ей сказалъ: Марковна, до самыя до смерти. Она же противъ: добро, Петровичь, и мы еще побредемъ впредь.

Курочка у насъ была черненька, по два яичька на всякъ день приносила. Богъ такъ строилъ робяти на пищу. По грѣхомъ, въ то время везучи на нартѣ, удавили. Ни курочка, ништо—чюдо была, по два яичка на день давала. А не просто намъ и досталась. У боярыни куры всѣ занемогли и

переслѣпли и пропадать стали. Она же, собравъ ихъ въ коробъ, прислала ко мнѣ, велѣла объ нихъ молитца. И я грѣшной молебенъ пѣлъ, и воду святилъ, и куры кропилъ, и въ лѣсъ сходя, корыто имъ здѣлалъ, и отослалъ паки. Богъ же, по вѣрѣ ея, исцелилъ ихъ. Отъ тово то племяни и наша курочка была.

Паки приволоклись на Иргень озеро. Боярыня прислала, пожаловала сковородку пшеницы и мы кутьи наелись. Кормилица моя была боярыня та Евдокѣя Кириловна, а и съ нею діяволъ ссорилъ, сице: сынъ у нея былъ Симеонъ, тамъ родился: я молитву давалъ и крестилъ. На всякъ день присылала ко благословенію ко мнѣ: я, крестомъ благословя, и водою покроплю; поцеловавъ его и паки отпущу. Дитя наше здраво и хорошо! Не прилучилося меня дома: занемогъ младенецъ. Смалодушничавъ, она, осердясь на меня, послала робенка къ шептуну мужику. И я, свѣдавъ, осердился же на нея, и межь нами пря велика стала быть. Младенецъ пущи занемогъ: рука и ноги засохли, что батошки. Въ зазоръ пришла; незнаетъ, дѣлать что, а Богъ пущи угнетаетъ. Робеночекъ на кончину пришелъ. Пѣстуны, приходя, плачютъ ко мнѣ; а я говорю: коли баба лиха, живи же себѣ одна! А ожидаю покаянія ея. Вижу, яко ожесточилъ дьяволъ сердце ея; припалъ ко Владыки, чтобъ образумилъ ея. Господь же, премилостивый Богъ, умягчилъ ниву сердца ея: прислала на утро Иванна сына своего со слезами прощенія просить. Онъ же кланяется, ходя около печи моея. А я на печи нагъ подъ берестомъ лежу; а протопопица въ печи; а дѣти кое-гдѣ перебиваются: прилучилось въ дождь; одежды не стало, а зимовье каплетъ,—всяко мотаемся. И я, смиряя, приказываю ей: вели матери прощенія просить у Арефы колдуна. Потомъ и болнова принесли и положили предъ меня, плача и кланяяся. Азъ же, воставъ, добылъ въ грязи потрахѣль и масло священное нашелъ. Помоля Бога и покадя, помазалъ масломъ во имя Христово и крестомъ благословилъ. Младенецъ же и здравъ паки по старому сталъ,—съ рукою и съ ногою, маніемъ божественнымъ. Я, напоя водою, и къ матери послалъ. На утро прислала боярыня пироговъ да рыбы. И съ тѣхъ мѣстъ помирилися. Выехавъ зъ Дауръ, умерла, миленькая, на Москвѣ: я и погребалъ ея въ Вознесенскомъ монастырѣ. Свѣдалъ про младенца Пашковъ и самъ (она сказала ему). Я къ нему пришелъ. И онъ поклонился низенько мнѣ, а самъ говоритъ: Господь тебѣ воздастъ! Спаси Богъ, что отечески творишъ,—не помнишъ нашева зла. И въ тотъ день пищи довольно прислалъ.

А послѣ тово вскорѣ маленко не сталъ меня пытать. Послушай-ко за что! Отпускалъ онъ сына своего Еремѣя въ Мунгальское царство воевать,—казаковъ съ нимъ 72 человѣка, да тунгусовъ 20 человѣкъ. И заставилъ иноземца шаманить, сирѣчь гадать, удастся ли имъ походъ и з добычею ли будутъ домой? Волхвъ же той мужикъ, близъ моего зимовья, привелъ живова борана въ вечеръ и учалъ надъ нимъ волхвовать, отвертя голову прочь. И началъ скакать и плясать, и бѣсовъ призывать, крича много. О

землю ударился и пѣна изо рта пошла. Бѣси его давили, а онъ спрашивалъ ихъ: удастся ли походъ? И бѣси сказали: съ побѣдою великою и з богатствомъ болшимъ будете назадъ. Охъ, души моей! отъ горести погубилъ овцы своя, забылъ въ Евангеліи писанное, егда Зеведевичи на поселянъ жестокихъ совѣтовали: Господи, аще хощеши, речевѣ, да огнь снидетъ съ небесе и потребитъ ихъ, яко же и Илія сотвори. Обращьжеся Іусусъ и рече имъ: не вѣста, коего духа еста вы: Сынъ бо Человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти. И идоша въ ину весь. А я окаянной здѣлалъ не такъ. Во хлѣвинѣ своей съ воплемъ Бога молилъ, да не возвратится вспять ни единъ, да же не збудется пророчество діявольское. И много молился о томъ. И сказали ему, что я молюся такъ: и онъ лише излаялъ въ тѣ поры меня. Отпустилъ сына съ войскомъ. Поѣхали ночью по звѣздамъ. Жаль мнѣ ихъ стало! Видитъ душа моя, что имъ побитымъ быть: а самъ таки молю погибели на нихъ. Иные, приходя ко мнѣ, прощаются, а я говорю имъ: погибнете тамъ! Какъ поехали, такъ лошади подъ ними взоржали вдругъ, и коровы такъ взревѣли, и овцы и козы заблеяли, и собаки взвыли, и сами иноземцы, что собаки, завыли: ужасъ напалъ на всѣхъ. Еремѣй прислалъ ко мнѣ вѣсть: чтобъ, батюшко-государь, помолился за меня.

И мнѣ его сильно жаль: другъ мнѣ тайной былъ и страдалъ за меня. Какъ меня отецъ его кнутомъ билъ, сталъ разговаривать отцу: такъ кинулся со шпагой за нимъ. И какъ на другой порогъ пріехали на Падунъ: 40 дощениковъ всѣ въ ворота прошли безъ вреда, а его, Афонасьевъ, дощеникъ снасть добрая была и казаки всѣ шестьсотъ промышляли о немъ, а не могли взвести, — взяла вода силу, — паче же рещи, Богъ наказалъ. Стащило всѣхъ людей въ воду, а дощеникъ на камень бросила вода: черезъ ево льется, а въ нево нейдетъ. Чюдо, какъ Богъ безумныхъ тѣхъ учитъ! Боярыня въ дощеникѣ, а онъ самъ на берегу. Еремѣй сталъ ему говорить: за грѣхъ, батюшко, наказуетъ Богъ! напрасно ты протопопа тово кнутомъ тѣмъ избилъ: пора покаятца, государь! Онъ же рыкнулъ на него, яко звѣрь. І Еремѣй, отклонясь къ соснѣ, прижавъ руки стоя, Господи помилуй! говоритъ. Пашковъ, ухватя у малова колешчатую пищаль,—николи не лжетъ,—приложась на Еремѣя, спустилъ курокъ: осѣклася и не стрелила пищаль. Онъ же, поправя порохъ, опять спустилъ: и паки осѣклася. Онъ и въ третій разъ сотворилъ такъ же: не стрелила. И онъ и бросилъ на землю ея. Малой, поднявъ, на сторону спустилъ пищаль и выстрелила! А дощеникъ единаче на камени, подъ водою лежитъ. Потомъ Пашковъ сѣлъ на стулъ и шпагою подперся, задумался. А самъ плакать сталъ и, плакавъ, говорилъ: согрѣшилъ, окаянный,—пролилъ неповинную кровь! напрасно протопопа билъ: за то меня наказуетъ Богъ! Чюдно! По писанію: яко косенъ Богъ во гнѣвъ и скоръ на послушаніе. Дощеникъ самъ, покаянія ради, съ камени сплылъ и сталъ носомъ противъ воды. Потянули: а онъ и взбежалъ на тихое мѣсто. Тогда Пашковъ, сына своего призвавъ,

промолвилъ ему: прости барьтѣ Еремѣй,— правду ты говоришь. Онъ же приступя и поклонился отцу. А мнѣ сказывалъ дощеника его кормщикъ, Григорѣй Телной тутъ былъ. Зри, не страдалъ-ли Еремѣй ради меня? Паче же ради Христа, внимай.

Паки на первое возвратимся; Поехали на войну. Жаль мнѣ стало Еремѣя! Сталъ Владыкѣ докучать, чтобъ ево пощадилъ. Ждали ихъ и не бывали на срокъ. А въ тѣ поры Пашковъ меня къ себѣ и на глаза не пускалъ! Во единъ отъ дней учредилъ застѣнокъ и огонь росклалъ — хочетъ меня пытать. Я, свѣдавъ, ко исходу души и молитвы проговорилъ: вѣдаю стряпанье ево—послѣ огня тово мало у него живутъ. А самъ жду по себя и, сидя, женѣ плачющей и дѣтямъ говорю: воля Господня да будетъ! Аще живемъ, Господеви живемъ; аще умираемъ, Господеви умираемъ. А се и бегутъ по меня два палача. Чюдно! Еремѣй самъ другъ дорошкою идетъ мимо избы моея. И ихъ вскликалъ и воротилъ, Пашковъ же, оставя застѣнокъ, къ сыну своему съ кручины, яко пьяной пришелъ. Таже Еремѣй со отцомъ своимъ, поклоняся, вся подробну росказалъ: какъ безъ остатку войско побили у него, и какъ его увелъ иноземецъ пустымъ мѣстомъ раненова отъ мунгальскихъ людей, и какъ по каменнымъ горамъ въ лесу седмь дней блудилъ, не ядше, — одну бѣлку сьелъ, — и какъ моимъ образомъ человѣкъ ему явился, во снѣ благословилъ, и путь указалъ, въ которую сторону итти. Онъ же, вскочя, обрадовался и выбрелъ на путь. Егда отцу разсказываетъ, а я въ то время пришелъ поклонился имъ. Пашковъ же, возведъ очи свои на меня, вздохня, говоритъ: такъ-то ты дѣлаешь! людей тѣхъ столько погубилъ! А Еремѣй мнѣ говоритъ: батюшко! поди, государь, домой! И я пошелъ.

Десять лѣтъ онъ меня мучилъ, или я ево—Богъ разберетъ. Перемѣна ему пришла, и мнѣ грамота пришла: велѣно ехать на Русь. Онъ поехалъ, а меня не взялъ съ собою, умышлялъ во умѣ, чаялъ, меня безъ него и не вынесетъ Богъ, а се и самъ я убоялся съ нимъ плыть на поѣздѣ; говорилъ—здѣсь де земля не взяла, на дороге де вода у меня приберетъ; съ среди моря бы велѣлъ съ судна пехнуть, а сказалъ бы, бытто самъ ввалился; того ради и самъ я съ нимъ не порадѣлъ; онъ въ дощеникахъ поплылъ съ людьми и съ ружьемъ, а я мѣсяцъ спустя послѣ ево набралъ старыхъ, и раненыхъ и больныхъ, кои тамъ негодны, человѣкъ з десятокъ, да я съ семьею—семнатцеть человѣкъ, въ лотку сѣдше, уповая на Христа и крестъ поставя на носу, поехали ничего не боясь; а во иную пору и боялись, человѣцы бо есмы, да гдѣ же стало дѣтца. Однако смерть бывало то и на Павла апостола; самъ о себѣ свидѣтельствуетъ сице: «внутрь убо страхъ, а внѣ убо боязнь», а въ иномъ мѣстѣ: «уже бо де не надѣяхомся и живи быти, но Господь избавилъ мя есть и избавляетъ». Такъ то и наша бѣдность: аще не Господь помогалъ бы, въ малѣ, вселися бы во адъ душа моя. И Давидъ глаголетъ: яко аще не бы Господь въ насъ, внегда востати человѣкомъ на ны, убо живы пожерли быша насъ, но Господь всяко изба-

вилъ мя есть и до нынѣ избавляетъ, мотаюсь, яко плевелъ посредѣ пшеницы, посредѣ добрыхъ людей, а индѣ посредѣ волковъ, яко овечка, или посредѣ псовъ, яко заяцъ, всяко перебиваесься о Христѣ Iсусѣ; но грызутся еретики, что собаки, а безъ Божiи воли проглотити не могутъ; да воля Господня—что Богъ дастъ, то и будетъ. Безъ смерти и мы не будемъ; надобно бы что доброе то здѣлать, и с чемъ бы появится предъ Владыку, а то умремъ всяко.

Полно о семъ. Егда поехали изъ Дауръ, кормчiю книгу прикащику далъ и онъ мнѣ мужика кормщика далъ. Прикащикъ же далъ мучьки гривенокъ съ тритцеть, да коровку, да овечекъ. Мясцо иссуша и пловучи, тѣмъ лѣто питались. Стало пищи скудать, и мы з братьею Бога помолили. И Христосъ намъ далъ изубря, болшова звѣря,—тѣмъ и до Байкалова моря доплыли. У моря русскихъ людей наехали,—рыбу промышляютъ и соболи. Ради намъ миленькiе. Терентьюшко з братьею, упокоя насъ, всево надавали много. Лотку починя и парусъ скропавъ, пошли чрезъ море. Окинула насъ на морѣ погода, и мы гребми перегреблися: не больно широко о томъ мѣстѣ, или со сто, или съ восмьдесятъ верстъ. Чемъ къ берегу пристали, востала буря вѣтренная. Насилу и на берегу мѣсто обрѣли отъ волнъ восходящихъ. Около его горы высокiя, утесы каменныя и зѣло высокiя,—дватцеть тысящь верстъ и болши волочился, а не видалъ нигдѣ такихъ горъ! На верху ихъ палатки и повалуши, врата и столпы, и ограда—все богодѣланное. Чеснокъ на нихъ и лукъ ростетъ болши романовскаго и слатокъ добрѣ. Тамъ же ростутъ и конопли богорасленные, а въ дворахъ травы красны, и цвѣтны и благовонны зѣло. Птицъ зѣло много,—гусей и лебедей; по морю, яко снѣгъ, плаваетъ. Рыба въ немъ—осетры и таймени, стерляди, омули, и сиги, и прочихъ родовъ много. И зѣло жирна гораздо—на сковородѣ жарить нельзя осетрины: все жиръ будетъ. Вода прѣсная, а нерпы и заиды великiе въ немъ—во акiанѣ, на Мезени живучи, такихъ не видалъ. А все то у Христа надѣлано человѣка ради, чтобъ упокояся, хвалу Богу воздавалъ. А человѣкъ, суетѣ которой уподобится, днiе его, яко сѣнь, преходятъ; скачетъ, яко козелъ; раздувается, яко пузырь; гнѣвается, яко рысь; съѣсть хощетъ, яко змiя; ржеть, зря на чюжую красоту, яко жребя; лукавствуетъ, яко бѣсъ; насыщаяся невоздержно, безъ правила спитъ, Бога не молитъ; покаянiе отлагаетъ на старость, и потомъ исчезаетъ и невѣмъ, камо отходитъ: или во свѣтъ, или во тму, — день судный явитъ коегождо. Простите мя: азъ согрѣшилъ паче всѣхъ человѣкъ.

Таже въ русскiе грады приплыли. Въ Енисейске зимовалъ и, плывше лѣто, въ Тобольске зимовалъ. Грѣхъ ради нашихъ, война въ то время въ Сибири была и на Оби реке предо мною нашихъ человѣкъ з дватцеть иноземцы побили. А и я у нихъ былъ въ рукахъ. Подержавъ у берега, да и отпустили: Богъ изволилъ. Паки на Иртише скопомъ стоятъ иноземцы: ждутъ березовскихъ нашихъ побити. А я къ нимъ и привалилъ къ берегу. Онѣ меня и оnступили. И я, ис судна вышедъ, съ ними кланяяся, говорю:

Христосъ съ нами уставися. Варвари же Христа ради умягчилися и ничево мнѣ зла не сотворили: Богъ тако изволилъ. Торговали со мною и отпустили меня мирно. Я, въ Тоболскъ пріехавъ, сказываю: и люди всѣ дивятся.

Потомъ и къ Москвѣ пріехалъ. Три года изъ Дауръ ехалъ, а туды пять лѣтъ волокся противъ воды на востокъ: все ехалъ промежду ордъ и жилищъ иноземскихъ. И взадъ и впредь едучи, по градамъ, и по селамъ, и въ пустыхъ мѣстахъ слово Божіе проповѣдалъ и не обинуяся обличалъ никоніянскую ересь, свидѣтельствуя истину и правую вѣру о Христѣ Іесусѣ. Егда же къ Москвѣ пріехалъ, государь велѣлъ поставить меня къ рукѣ и слова милостивыя были. Казалося, что въ правду говорено было: здорово ли де, протопопъ, живешь? Еще де велѣлъ Богъ видатца. И я сопротивъ того рекъ: молитвами святыхъ отецъ нашихъ еще живъ, грѣшникъ. Дай Господи, ты царь-государь, здравъ былъ на многа лѣта. И поцеловалъ руку, пожалъ въ рукахъ своихъ, да же бы и впредь меня помнилъ. Онъ же вздохнулъ и иное говорилъ кое-што. И велѣлъ меня поставить въ Кремлѣ на монастырское подворье. Въ походъ ходя мимо двора моего, благословляяся и кланяяся со мною, самъ о здоровье меня спрашивалъ часто. Въ иную пору миленькій и шапку уронилъ поклоняся со мною. И давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, и въ духовники звали, чтобъ я съ ними въ вѣрѣ соединился. Азъ же вся сія, Христа ради, вмѣнилъ яко уметы, поминая смерть, яко вся сія мимо идетъ.

А се мнѣ въ Тоболске въ тонце снѣ страшно возвѣщено было. Ходилъ въ церковь болшую и смотрилъ въ олтарѣ у нихъ дѣйства, какъ просвиры вынимаютъ, что тараканы просвиру исщиплютъ. И я имъ говорилъ отъ писанія и ругался ихъ бездѣлью. А егда привыкъ ходить, такъ и говорить пересталъ,—что жаломъ ужалило: молчать было захотѣлъ. Въ царевнины имянины отъ заутрени пришедъ, взвалился. Такъ мнѣ сказано: «аль-де и ты по толикѣхъ бѣдахъ и напастѣхъ единяесься съ ними! Блюдися, да не полма растесанъ будешъ». Я вскочилъ въ ужасѣ велицѣ и палъ предъ иконою. Говорю: Господи, не стану ходить, гдѣ по новому поютъ. Да и не пошелъ къ обѣдни къ той церквѣ. Къ инымъ ходилъ церквамъ, гдѣ православное пѣніе, и народы училъ, обличая ихъ злобѣсовное и прелестное мудрованіе!

Да я жь еще, егда былъ въ Даурахъ, на рыбной промыслъ къ дѣтямъ шелъ по лду, зимой по озеру бѣжалъ на базлукахъ: тамъ снѣгу не живетъ,—тамъ морозы велики и льды толсты,—близко человѣка намерзаютъ. Среди озера стало. Воды не знаю, гдѣ взять; отъ жажды итти не могу; озеро верстъ съ восмь; до людей далеко. Бреду потихоньку, а самъ, взирая на небо, говорю: Господи, источивый Израилю, въ пустыни жаждущему, воду, тогда и днесь, Ты же напой меня, ими же вѣси судбами. Простите Бога ради! затрещалъ ледъ, яко громъ, предо мною. На высоту стало кидать, и яко рѣка разступился сюду и сюду, и паки снидеся въ мѣсто, и бысть гора льду велика. А мнѣ оставилъ Богъ пролубку. И дондеже строе-

ніе Божіе бысть, азъ на востокъ кланялся Богу, и со слезами припалъ къ пролубке и напился воды до сыта. Потомъ и пролубка содвинулась. И я, воставши и поклоняся Господеви, паки побѣжалъ по льду, куда мнѣ надобе къ дѣтямъ. И мнѣ столько забывать много для прелести сего вѣка. На первое возвратимся.

Видятъ онѣ, что я не соединяюся съ ними. Приказалъ государь уговаривать меня Стрешневу Родіону, окольничему. И я потѣшилъ ево: царь то есть отъ Бога учиненъ. Помолчалъ маленко,—такъ меня поманиваютъ: денегъ мнѣ десять рублевъ отъ царя милостыни, отъ царицы десять же рублевъ, отъ Лукіяна духовника десять рублевъ, а старой другъ—Феодоромъ зовутъ Михаиловичъ Ртищевъ—тотъ и 60 рублевъ, горкая сиротина далъ; Родіонъ Стрешневъ 10 же рублевъ, Прокопей Кузмичь Елизаровъ 10 же рублей. Всѣ глядятъ, всѣ добры, всякой бояринъ въ гости зоветъ. Тако же и власти, пестрые и черные,—кормъ ко мнѣ везутъ да тащутъ: полну клѣть наволокли. Да мнѣ же сказано было, съ Симеонова дни на печатной дворъ хотѣли посадить. Тутъ было душа моя возжелала да дьяволъ не пустилъ.

Помолчалъ я немного, да вижу, что неладно колесница течетъ; одержалъ ее сице, написавъ, подалъ царю: царь государь и прочая, какъ ведется, подобаетъ ти пастыря смиренномудра матери нашей общей—церкви взыскать, а не просто смиренна и потаковника ересемъ. Таковыхъ же надобно избирать во епископство и прочихъ властей. Бодрствуй, государь, а не дремли, понеже супостатъ дьяволъ хоцетъ царство твое проглотить; да тамъ многонько написано было. Спина у меня въ то время заболѣла, не смогъ самъ выбрести и подать выслалъ на переѣздъ съ Ѳеодоромъ юродивымъ. Онъ же дерзо къ корѣте приступилъ и кромѣ царя письма не далъ никому; самъ у него, протяня руку ис кореты, доставалъ, да въ тѣснотѣ людской не досталъ. Осердясь велѣлъ Феодора взять и совсѣмъ подъ Красное крыльцо посадить; потомъ, къ обѣднѣ пришедъ, велѣлъ Феодора къ церкви привести и взялъ у него письмо, велѣлъ его отпустить. Онъ же покойникъ побывалъ у меня, сказалъ—царь де тебя зоветъ, да и меня въ церковь потащилъ; пришедъ предъ царя сталъ предъ нимъ юродствомъ шаловать, такъ ево велѣлъ въ Чюдовъ отвести. Я предъ царемъ стою, поклонясь на него гляжу, ничего не говорю, а царь мнѣ поклонясь, на меня стоя глядитъ, ничего жь не говоритъ, да такъ и разошлись; съ тѣхъ поръ и дружбы только, онъ на меня за письмо кручиненъ сталъ, а я осердился же за то, что Ѳеодора моего подъ начало послалъ; да и комнатные на меня жь: «ты не слушаешь царя», да и власти на меня жь: «ты насъ оглашаешъ царю и въ писмѣ своемъ бранишъ и людей учишъ къ церквамъ, къ пѣнію нашему не ходить». Ди опять стали думать въ ссылку меня послать. Феодора сковали въ Чюдове монастыре, Божіею волею и желѣза разсыпалися на ногахъ. Онъ же влѣзъ послѣ хлѣбовъ въ жаркую печь, на голомъ гузнѣ ползая на полу—крохи побиралъ. Черицы же видѣвъ бѣгше, архимариту

сказали, что нынѣ Павелъ митрополитъ, онъ же и царю извѣстил; царь, пришедъ въ монастырь, честно Феодора приказалъ отпустить: гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ. Онъ ко мнѣ и пришелъ. Я ево отвел къ дочери своей духовной, къ боярынѣ къ Федосьи Морозовѣ жить.

Таже меня въ ссылку сослали на Мезень; надавали было добрые люди кое чево, все осталось тутъ, токмо з женою и дѣтьми повезли; а я по городамъ паки ихъ, пестрообразныхъ звѣрей, обличал, привезли на Мезень и полтора года державъ, паки одново къ Москвѣ поволокли. Токмо два сына со мною сьехали, а прочія на Мезенѣ осталися вси. И привезше къ Москвѣ, подержавъ отвезли въ Паѳнутьевъ монастырь. И туды присылка была, тожь, да тожь говорятъ: долго ли тебѣ мучить насъ?—соединись съ нами. Я отрицаюся что отъ бѣсовъ, а онѣ лѣзутъ въ глаза; скаску имъ тутъ написалъ з болшою укоризною и бранью и послалъ съ посланникомъ ихъ. Козма дьяконъ ярославской пріежжалъ съ подъячимъ патріарша двора. Козма то не знаю, коего духа человѣкъ: въ явѣ уговариваетъ меня, а втай подкрѣпляетъ, сице говоря: протопопъ, не отступай ты старова тово благочестія! Великъ ты будешь у Христа человѣкъ, какъ до конца потерпишъ! Не гляди ты на насъ, что погибаемъ мы! И я ему говорилъ, чтобъ онъ паки приступилъ ко Христу. И онъ говоритъ: нельзя, Никонъ опуталъ меня! Просто молвить: отрекся предъ Никономъ Христа, какъ уже, бѣдной, не сможетъ встать. Я, заплакавъ, благословилъ ево, горюна: болши тово нечево мнѣ дѣлать; то вѣдаетъ съ нимъ Богъ.

Таже державъ меня въ Паѳнутьевѣ на чепи десять недѣль, опять въ Москвѣ свезли томнова человѣка, посадя на старую лошадь, приставъ созади—побивай, да побивай; иное вверхъ ногами лошадь въ грязи упадетъ, а я черезъ голову, и днемъ однымъ перемчали девяносто верстъ, еле живъ дотащился до Москвы. На утро ввели меня въ крестовую, и стязався власти со мною много, потомъ ввели въ соборную церковь; по херувимской въ обѣдню, стригли и проклинали меня, а я сопротивно ихъ, враговъ Божіихъ, проклиналъ, послѣ меня въ ту же обѣдню и дьякона Феодора стригли и проклинали,—мятежно силно въ обѣдню ту было. И подержавъ на патріарховѣ дворѣ, вывели меня ночью къ спалному крылцу, голова досмотрилъ и послалъ въ тайнишные водяные ворота; я чаялъ, въ рѣку посадятъ, ано отъ тайныхъ дѣлъ шишъ антихристовъ стоитъ. Дементей Башмаковъ дожидается меня, учалъ мнѣ говорить: «протопопъ, велѣлъ тебѣ государь сказать: не бойся ты никово, надѣйся на меня». И я ему поклонясь,—а самъ говорю: челомъ, реку, бью на ево жалованье, какая онъ надежа мнѣ! надежа моя Христосъ! Да и повели меня по мосту за рѣку; я идучи говорю: не надѣйтеся на князя, на сыны человѣческія—въ нихъ же нѣсть спасенія и прочая.

Таже полуголова Осипъ Саловъ со стрельцами повезъ меня къ Николѣ на Угрѣшу въ монастырь; посмотрю, ано предо мною и дьякона тащатъ, везли болотами, а не дорогою до монастыря, и привезше въ полатку сту-

денуюнадъ ледникомъ посадили, и прочихъ—дьякона и попа Никиту Суздальскаго въ полаткахъ во иныхъ посадили, и стрельцовъ человѣкъ з дватцеть съ полуголовою стояли. Я сидѣлъ семнатцеть недѣль, а онѣ, бѣдные, изнемогли и повинились, сидя пятьнатцеть недѣль; такъ ихъ въ Москву взяли опять, а меня паки въ Паѳнутьевъ перевезли и тамъ въ полатке сковавъ держали близко з годъ.

А какъ на Угрѣше былъ, тамо и царь приходилъ, и посмотря около полатки вздыхая, а ко мнѣ не вошелъ; и дорогу было приготовили, насыпали песку, да подумалъ, подумалъ, да и не вошел, полуголову взялъ, и съ нимъ кое што говоря про меня, да и поехалъ домой. Кажется, и жаль ему меня, да видитъ Богу уш-то надобно такъ. Опослѣ и Воротынской князь Иванъ в монастырь пріезжалъ и просился ко мнѣ, такъ не смѣли пустить; денегъ бѣдной громаду въ листу подавалъ и денегъ не приняли. Послѣ въ другое лѣто на Паѳнутьевѣ подворье, въ Москвѣ я скованъ сидѣлъ, такъ онъ ехалъ въ корѣте нарокомъ мимо меня, и благословилъ я ево миленькова. И всѣ бояря те добры до меня, да дьяволъ лихъ. Хованскова князь Ивана и батогами за благочестіе били вверху, а дочь ту мою духовную, Ѳеодосью Морозову и совсѣмъ разорили, и сына ея, Ивана Глѣбовича уморили, и сестру ея, княгиню Евдокѣю Прокопьевну, дочь же мою духовную съ мужемъ и з дѣтьми бивше розвели, и нынѣ мучатъ всѣхъ, не велятъ вѣровать въ старова Сына Божія Спаса Христа, но къ новому богу антихристу зовутъ. Послушай ихъ, кому охота жупела и огня, соединись съ ними въ преисподніи ада. Полно тово.

Въ Никольскомъ же монастырѣ мнѣ было в полатке въ Вознесеньевъ день Божіе присѣщеніе; въ царевѣ посланіи писано о томъ—тамо обрящяши. А егда меня свезли въ Паѳнутьевъ монастырь, тутъ келарь Никодимъ сперва до меня былъ добръ въ первомъ году, а въ другой привозъ ожесточалъ горюнъ, задушилъ было меня, завалялъ и окошка и дверь, и дыму нѣгдѣ было итти,—тошнѣе мнѣ было земляные тюрьмы: гдѣ сижу и емъ, тутъ и ветхая вся с...ніе и с...ніе; прокурить откутаютъ, да и опять задушатъ. Доброй человѣкъ, дворянинъ другъ, Иваномъ зовутъ, Богдановичь Камынинъ (вкладчикъ въ монастырѣ) и ко мнѣ зашелъ, да на келаря покричалъ, и лубье, и все безъ указу разломалъ, такъ мнѣ съ тѣхъ поръ окошко стало и отдухъ. Да что на него келаря дивить—всѣ перепилися табаку тово, что у Газскаго митрополита 60 пудъ выняли на послѣдокъ, да домру, да иные монастырскіе тайные вещи, что игравше творятъ. Согрѣшилъ,—простите, не мое то дѣло: то вѣдаютъ онѣ, своему владыкє стоятъ или падаютъ. То у нихъ были законоучителіе и любимые руторы.

У сего же я Никодима келаря на великъ день попросился для праздника отдохнуть, чтобъ велѣлъ, двери отворя, посидѣть. И онъ меня, наругавъ, отказалъ жестоко, какъ захотѣлось ему. Таже пришедъ въ кѣлью, разболѣлся: и масломъ соборовали и причащали: тогда, сегда дохнетъ. То было въ понедѣльникъ свѣтлой. Въ нощь же ту противъ вторника пришедъ

ко мнѣ съ Тимофеемъ келейникомъ своимъ, онъ келарь, идучи въ темницу, говоритъ: «блаженна обитель, блаженна и темница, таковыхъ имѣетъ въ себѣ страдальцовъ! Блаженны и юзы!» И палъ предо мною, ухватился за чепь, говоритъ: прости, Господа ради, прости! Согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою; оскорбилъ тебя,—и за сіе наказалъ меня Богъ. И я говорю: какъ наказалъ? повѣждь ми. И онъ паки: а ты де самъ, приходя и покодя, меня пожаловалъ, поднялъ, что де запираесся! Ризы де на тебѣ свѣтлоблещащіяся и зѣло красны были! А келейникъ ево, тутъ же стоя, говоритъ: Я, батюшко—государь, тебя подъ руку велъ, ис кельи проводя, и поклонился тебѣ. И я, уразумѣвъ, сталъ ему говорить, чтобъ онъ инымъ людямъ не сказывалъ про сіе. Онъ же со мною спрашивался, какъ ему жить впредь по Христѣ, иль де мнѣ велишъ покинуть все и въ пустыню пойти. И я ево поиказалъ, не велѣлъ ему келарства покидать, токмо бы, хотя втайнѣ, старое благочестіе держалъ. Онъ же, поклоняся отъиде къ себѣ, а на утро за трапезою всей братье сказалъ. Людіе же безстрашно и дерзновенно ко мнѣ побрели, благословенія просяще и молитвы отъ меня; а я ихъ словомъ Божіимъ ползую и учю. Въ то время и враги кои были, и тѣ тутъ примирилися. Увы мнѣ! Коли оставлю суетный сей вѣкъ! Писано: горе ему же рекутъ добрѣ вси человѣцы. Во истинну не знаю, какъ до краю доживать. Добрыхъ дѣлъ нѣтъ, а прославилъ Богъ! Да то вѣдаетъ Онъ,—воля Ево!

Тутъ же пріезжалъ и Ѳеодоръ покойникъ з дѣтьми ко мнѣ побывать, и спрашивался со мной, какъ ему жить,—въ рубашке ль де ходить, али платье вздѣть; еретики де ищутъ меня. Былъ-де я на Резани у архіепископа Ларіона, скованъ сидѣлъ, и зѣло де жестоко мучили меня. Рѣткой день плетьми не бивше пройдетъ, а нудили де къ причастію своему; и я де уже изнемогъ и не вѣдаю, что сотворю. Въ нощи з горестію великою молихся Христу, да же бы меня избавилъ отъ нихъ. И всяко много стужалъ. А се де, чепь вдругъ грянула съ меня и двери де отворились. Я де, Богу поклонясь, и побрелъ, ис полаты вонъ, къ воротамъ пришелъ, ано и вороты отворены! Я де и управился путемъ; къ свѣту де ужъ далеконько дорогою бреду, а се двое на лошадяхъ погонею за мною бегутъ! Я де таки подле стороны дороги бреду: онѣ ее и пробѣжали меня. А се де розсвѣтало. Едутъ противъ меня назадъ, а сами меня бранятъ: ушелъ де, блядинъ сынъ! гдѣ де ево возмѣшъ? Да опять де проехали, не видали меня. Я де помаленьку и къ Москвѣ прибрѣлъ. Какъ нынѣ мнѣ велишъ: туды ль де паки мучитца итти или де здѣсь таитца отъ нихъ? Какъ бы де Бога не прогнѣвить? Я, подумавъ, велѣлъ ему платье носить и посредѣ людей таяся жить. А однако не утаилъ: нашелъ дьяволъ и въ платье и велѣлъ задавить. Миленкой мой, храбрый воинъ Христовъ былъ. Зѣло вѣра и ревность тепла ко Христу была; не видалъ инова подвижника и слезоточца такова. Поклоновъ тысящу откладетъ, да сядетъ на полу, и плачетъ часа два или три! Жилъ со мной лѣто въ одной избѣ. Бывало, покою не дастъ. Мнѣ еще не моглось въ то время, въ комнаткѣ двое насъ. И много—часа

три полежитъ, да и встанетъ на правило. Я лежу или сплю, а онъ, молясь и плачючи, приступитъ ко мнѣ и станетъ говорить: какъ тебѣ сорома нѣтъ? Веть ты протопопъ. Чемъ было тебѣ насъ понуждать, а ты и самъ лѣнивъ! Да и роскачаетъ меня. Онъ кланяется за меня и я, сидя, молитвы говорю: спина у меня болѣла гораздо. Онъ и самъ, миленкой, скорбенъ былъ: черевъ изъ него вышло три аршина, а въ другой рядъ пять аршинъ— отъ тяготы земныя и отъ побой. Бродилъ въ одной рубашке и босикомъ, на Устюге годовъ съ пять зѣло велику нужду терпѣлъ отъ мраза и отъ побой. Сказывалъ мнѣ: ногами теми, что коченіемъ мерзлымъ, по каменію де тому бью, а какъ де въ тепло войду, зѣло рветъ и болитъ, какъ сперва учалъ странствовати, а се де лехче, да не стало и болѣть. Отецъ у него въ Новѣгородѣ богатъ гораздо, сказывалъ мнѣ, мытоимецъ де, Ѳеодором же зовутъ, а онъ уроженецъ Мезеньской, и баба у него, и дядя и вся родня на Мезени. Богъ изволилъ и удавили его на висѣлице отступники у родни на Мезени. И уродствовать тово какъ обѣщался Богу, да солгалъ—такъ моремъ ездилъ на ладье къ городу съ Мезени, и погодою било насъ, и не вѣдаю какъ упалъ в море, а ногами зацепился за петлю и долго висѣлъ голова въ водѣ, а ноги вверху. И на умъ взбрело обѣщаніе: яко не солгу, аще от потопленія мя Богъ избавитъ, и не вѣмъ, кто силенъ бы пехнуть меня изъ воды на полубы,—съ тѣхъ мѣстъ сталъ странствовать. Домой пріехавъ, житіе свое дѣвствомъ прошелъ, Богъ изволилъ. Многіе борьбы блудныя бывали, да всяко сохранилъ Владыко; слава Богу о немъ, и умеръ за христіанскую вѣру! Добро онъ скончалъ свой подвигъ.

Какъ то еще мы до пристанища доедемъ? Во глубинѣ еще пловемъ, берегу не видѣть, грести надобно прилежно, чтобъ здорово за дружиною въ пристанище достигнуть. Старецъ, не станемь много спать: дьяволъ около темницъ нашихъ бодро зѣло ходитъ, хочется ему насъ гораздо, да силенъ Христосъ и насъ не покинуть. Я дьявола не боюсь, боюсь Господа своего Творца и Содѣтеля и Владыки; а дьяволъ — какая диковина, чево ево боятца! Боятца подобаетъ Бога и заповѣди его соблюдать, такъ и мы со Христомъ ладно до пристанища доедемъ.

И Аѳонасій уродивый крѣпко же житье проходилъ покойникъ, сынъ же мнѣ бысть духовной, во иноцѣхъ Авраамій, ревнивъ же о Христѣ и сей былъ гораздо, но нравомъ Феодора смиреннѣе. Слезъ рѣка же отъ очію истекла, такъ же босъ и въ одной рубашки ходилъ зиму и лѣту, и много же терпѣлъ дождя и мраза, постригшися и въ пустыни пожилъ, да отступники и тово много муча и сожгли въ огнѣ на Москвѣ на болотѣ; пускай ево испекли—хлѣбъ сладокъ Святѣй Троицѣ. Павелъ Крутицкой за бороду ево дралъ и по щокамъ билъ своими руками, а онъ ис тиха писаніемъ обличалъ ихъ отступленіе; таже и плетьми били и муча всяко кончали въ огнѣ за старую нашу христіанскую вѣру; онъ же скончался о Христѣ Іисусѣ, послѣ Феодорова удавленія два года спустя.

И Лука Лаврентіевичъ, сынъ же мнѣ былъ духовной—что на Мезени—вмѣстѣ с Ѳеодоромъ удавили тѣ же отступники на висилице повѣся; смиренъ нравъ имѣлъ покойникъ: говорилъ, яко плакалъ, Москвитянинъ родомъ, у матери вдовы сынъ былъ единочадный, сапожникъ чиномъ, молодъ лѣты—годовъ въ полтретьятцеть, да умъ столѣтенъ; когда вопроси его Пилатъ, — «какъ ты мужикъ крестисься?» — онъ же отвѣща: «какъ батюшка мой, протопопъ Аввакумъ, такъ и я крещуся». И много говоря, предаде его въ темницу, потомъ с Москвы указали удавить, такъ же что и Феодора на висѣлице повѣся; онъ же и скончался о Христѣ Ісусѣ.

Милые мои, сердечные други, помогайте и намъ бѣднымъ молитвами своими, даже бы и намъ о Христе подвигъ сей мирно скончати. Полно мнѣ про дѣтей тѣхъ говорить, стану про себя сказывать. Какъ ис Паѳнутьева монастыря привезли меня къ Москвѣ и, на подворье поставя, многажды водили въ Чюдовъ, грызлися, что собаки, со мною власти. Таже передъ вселенскихъ привели меня патріарховъ, и всѣ тутъ же сидятъ, что лисы. Много отъ писанія говорилъ съ патріархами: Богъ отверзъ уста мои грѣшные, и посрамилъ ихъ Христосъ устами моими. Послѣднее слово со мною говорили: что ты де упрямъ, Аввакумъ! вся де наша Палестина, и серби, и албанасы, и волохи, и римляне, и ляхи,—всѣ де тремя персты крестятся, одинъ де ты стоишъ во своемъ упорствѣ и крестисся пятью персты! такъ де не подобаетъ. И я имъ отвѣщалъ о Христе сице: Вселенскіи учители! Римъ давно упалъ и лежитъ невсклонно, а ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ. А у васъ православіе пестро стало отъ насилія турскаго Магмета, да и дивить на васъ нелзя: немощни есте стали. И впредь пріезжайте къ намъ учитца: у насъ Божіею благодатію самодержство. До Никона отступника у нашихъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь была немятежна. Никонъ волкъ со дьяволомъ предали тремя персты креститца; а первые наши пастыри, яко же сами пятію персты крестились, тако же пятію персты и благословляли по преданію Святыхъ Отецъ: Мелетія Антіохійского, и Ѳеодорита Блаженнаго, Петра Дамаскина и Максима Грека. Еще же и Московскій помѣстный бывый соборъ при царѣ Иванѣ такъ же слагати персты, и креститися и благословляти повелѣваетъ, яко же и прежніи святіи отцы; Мелетій и прочіи, научиша. Тогда при царѣ Иванѣ на соборѣ быша и знаменоносцы: Гурій, Смоленскій епископъ, и Варсанофій Тверскій, иже и быша Казанскіе чюдотворцы, и Филиппъ, Соловецкій игуменъ, иже и митрополитъ Московской, и иные отъ святыхъ русскихъ. И патріарси, выслушавъ, задумалися; а наши, что волчонки, вскоча, завыли и блевать стали на отцовъ своихъ, говоря: глупы де были и не смыслили наши святые: неучоные люди были и грамотѣ не умѣли,—чему де имъ вѣрить? О, Боже Святый! Како претерпѣ святыхъ своихъ толикая досажденія! Мнѣ бѣдному горко, а дѣлать нечево стало. Побранилъ ихъ, колько могъ, и послѣднее рекъ слово: чистъ есмь азъ и прахъ прилѣпшій

отъ ногъ своихъ оттрясаю предъ вами, по писанному: лутче единъ творяй волю Божію, нежели тмы беззаконныхъ! Такъ на меня и пуще закричали: возми, возми его—всѣхъ насъ обезчестилъ. Да толкать и бить меня стали; и патріархи сами на меня бросились грудою: человѣкъ ихъ съ сорокъ, чаю, было. Всѣ кричатъ, что татаровя. Ухватилъ дьякъ Иванъ Уаровъ, да и потащилъ. И я закричалъ: постой, не бейте! Такъ онѣ всѣ отскочили. И я толмачю архимариту Денису сталъ говорить: говори, Денисъ, патріархамъ: апостолъ Павелъ пишетъ: таковъ намъ подобаше архіереи, преподобенъ, незлобивъ и прочая; а вы, убивше человѣка неповинна, какъ литоргисать станете? Такъ онѣ сѣли. А я отшедъ ко дверямъ, да на бокъ повалился, а самъ говорю: посидите вы, а я полежу. Такъ онѣ смѣются: дуракъ-де протопопъ! и патріарховъ не почитаетъ. И я говорю: мы уроди Христа ради! вы славни, мы же безчестни! вы силни, мы же немощни. Потомъ паки ко мнѣ пришли власти и про аллилуія стали говорить со мною. И мнѣ Христосъ подалъ, — Діонисіемъ Ареопагитомъ римскую ту блядь посрамилъ въ нихъ. І Евфимей, чюдовской келарь, молвилъ; правъ де ты,—нѣчева де намъ болши тово говорить съ тобою. И повели меня на цепь.

Потомъ полу-голову царь прислалъ со стрелцами. И повезли меня на Воробьевы горы. Тутъ же священника Лазаря и старца Епифанія (обруганы и острижены, какъ и я былъ прежде). Поставили насъ по разнымъ дворамъ; неотступно 20 человѣкъ стрельцовъ, да полуголова, да сотникъ надъ нами стояли—берегли, жаловали и по ночамъ с огнемъ сидѣли, и на дворъ с..ть провожали. Помилуй ихъ Христосъ! прямые добрые стрельцы—те люди, и дѣти таковы не будутъ, мучатся туды же съ нами возяся, нужица та какова прилучится, и онѣ всяко миленькіе радѣютъ. Да шьто много разсуждать; у Спаса онѣ лучше чернцовъ тѣхъ, которые клобуки тѣ рогатые ставцами тѣми носятъ. Полно, онѣ горюны испиваютъ до пьяна, да матерны бранятся, а то бы онѣ и с мучениками равны были, да што же дѣлать, и такъ ихъ не покинетъ Богъ.

Таже насъ привезли на Ондрѣевское подворье, и тутъ пріѣзжалъ ко мнѣ шпынять отъ тайныхъ дѣлъ Дементей Башмаковъ, бытто безъ царева вѣдома былъ, а опослѣ бывше у меня сказалъ—по цареву велѣнію былъ. Всяко бѣдные умышляютъ, какъ бы имъ меня прельстить, да Богъ не выдастъ, за молитвъ Пречистые Богородицы: она меня, помощница, обороняетъ отъ нихъ. А на Воробьевыхъ горахъ дьякъ конюшей Тимофей Марковъ отъ царя присыланъ и у всѣхъ былъ. Много кое что говоря, съ крикомъ разошлись и со стыдомъ болшимъ. Я послѣ ево написалъ посланіе и с сотникомъ Иваномъ Лобковымъ к царю послалъ: кое о чемъ многонько поговоря и благословеніе ему и царице и дѣтямъ приписалъ.

Потомъ державъ на Воробьевыхъ горахъ и на Ондрѣевскомъ подворье и в Савпне слободке, къ Николѣ на Угрѣшу перевезли. Тутъ голову Юрья Лутохина ко мнѣ опять царь присылалъ и за посланіе спаси Богъ с покло-

номъ болшое сказалъ, и благословенія себѣ, и царице и дѣтямъ прося, молитце о себѣ приказалъ. Таже опять насъ въ Москву свезли на Никольское подворье и взяли о правовѣріи еще скаски у насъ, потомъ многажды ко мнѣ присланы были Артемонъ и Дементей — ближніе его и говорили царевымъ глаголомъ: протопопъ, вѣдаю де я твое чистое, и непорочное, и богоподражательное житіе, прошу де благословенія твоего съ царицею и дѣтьми,—помолися о насъ! Кланяючися, посланникъ говоритъ. Я су и нынѣ по немъ тужу: силно мнѣ ево жаль. И паки онъ же: пожалуй де, послушай меня: соединись съ вселенскими тѣми, хотя чемъ неболшимъ! И я говорю: аще мнѣ и умереть, со отступниками не соединюсь! Ты реку, царь мой; а имъ какое дѣло до тебя. Потеряли, реку, своево царя латыши безвѣріемъ своимъ, да и тебя сюды пріехали проглотить! Не сведу рукъ съ высоты, дондеже отдастъ тебя мнѣ Богъ. И много тѣхъ присылокъ было. Говорено кое о чемъ не мало. День судный явитъ, послѣднее слово реклъ, гдѣ ты ни будешъ, не забывай насъ въ молитвахъ своихъ! Я и нынѣ, грѣшный, елико могу молюся о немъ, аще и мучитъ мя, но царь бо то есть; бывало время и впрямь добръ до насъ бывалъ. До Никона злодѣя, прежде мору х Казанской пришедъ, у руки мы были, яицами насъ дѣлилъ, и сынъ мой Иванъ маленекъ еще былъ и не прилучился подле меня, а онъ, государь, знаетъ гораздо ево, послалъ брата моего роднова сыскивать робенка, а самъ долго стоя ждалъ, докамѣстъ братъ на улице робенька сыскалъ; руку ему даетъ целовать, и робенокъ глупъ, не смыслитъ, видитъ, что не попъ—такъ не хочетъ целовать; и государь самъ руку губамъ робенка принесъ, два яица ему далъ и погладилъ по голове. Ино су и сіе намъ надобе не забывать, не отъ царя намъ мука сія, но грѣхъ ради нашихъ, отъ Бога дьяволу попущеніе озлобити насъ, даже искусяся нынѣ вѣчнаго искушенія уйдемъ. Слава Богу о всемъ.

Таже братію, Лазаря и старца казня, вырѣзавъ языки, а меня и Никифора протопопа не казня, сослали насъ въ Пустозерье, а двоихъ сыновъ моихъ—Ивана и Прокопья оставили на Москвѣ за поруками, и онѣ бѣдные мучались годы с три, уклоняяся от смерти властелинскова навѣта: гдѣ день, гдѣ ночь, никто держать несмѣетъ, и кое какъ на Мезень к матери прибрели.—не пожили и з годъ, ано и въ землю попали. Да пускай! лутче пустые бродни, чемъ по улицамъ бродить. Я безпрестанно Бога о томъ молю: Господи, аще хотимъ, аще и не хотимъ, спаси насъ! И Господь и промышляетъ о нашемъ спасеніи помаленку; пускай потерпимъ токо (sic!), а то пригодится нѣвкую пору; тогда слюбится, какъ время будетъ.

Азъ же изъ Пустозера послалъ къ царю два посланія. — одно невелико, а другое болше; говорилъ кое о чемъ ему много, въ посланіи ему сказалъ и богознаменія показанная мнѣ не въ одно время, тамо чтый, да разумѣетъ. Еще же отъ меня и от братьи дьяконово снисканіе послано въ Москву правовѣрнымъ гостинца: книга—«отвѣтъ православныхъ», и

от Лазаря священника два посланія: царю и патріарху. И за вся сія присланы к намъ гостинцы: повѣсили в дому моемъ на Мезени на висѣлице двухъ человѣкъ дѣтей моихъ духовныхъ—Феодора преждереченнаго юродиваго, да Луку Лаврентьевича (рабы Христовы, свѣты мой, были), и сыновъ моихъ двоихъ Ивана и Прокопья велѣно повѣсить, и онѣ бѣдные, испужався смерти, повинились: виноваты предъ Богомъ и пред великимъ государемъ, а невѣдомо что своровали. Такъ ихъ и с матерью троихъ закопали въ землю, да по правиламъ такъ онѣ здѣлали,—спаси Богъ: того ради, робята, не бойтеся смерти, держите старое благочестіе крѣпко и непоползновенно! А мать за то сидитъ с ними, чтобъ впредь дѣтей подкрѣпляла Христа ради умирати, и жила бы, не развѣшавъ уши, а то баба бывало нищихъ кормитъ, сторонныхъ научаетъ, какъ слагать персты, и креститца, и творить молитва, а дѣтей своихъ и забыла подкрепить, чтобъ на висельницу пошли и з доброю дружиною умерли за одно Христа ради. Ну да Богъ васъ проститъ,—не дивно, что такъ здѣлали, — и Петръ апостолъ нѣкогда убоялся смерти и Христа отрекся, и о семъ плакася горько, тоже помилованъ и прощенъ бысть.

А и о васъ нѣкогда молящумися тощно, и видѣвъ вашу пред собою темницу и васъ троихъ на молитвѣ стоящихъ в вашей темницѣ, а от васъ три столпа огнены к небесамъ стоятъ простерты, а с тѣхъ мѣстъ обрадовался и лехче мнѣ стало, яко покаяніе ваше пріялъ Богъ, слава о семъ Богу.

Таже тотъ же Пилатъ полуголова Иванъ Елагинъ былъ у насъ в Пустозерье и взялъ у насъ скаску, сице, реченно: годъ и мѣсяцъ, и паки мы святыхъ отецъ преданіе держимъ неизмѣнно, а Паисея Александрскаго патріарха с товарищи еретическое сборище проклинаемъ, и иное тамъ говорено многонко и Никону еретику досталось. Посемъ привели насъ к плахе и прочитали наказъ «изволилъ де государь и бояра приговорили, тебя, Аввакума, вмѣсто смертные казни, учинить струбъ въ землю и здѣлавъ окошко давать хлѣбъ и воду, а прочимъ товарищамъ рѣзать без милости языки и сѣчь руки». И я, плюнувъ на землю, говорилъ: я, реку, плюю на его кормлю, не едше умру, а не предамъ благовѣрія. И потомъ повели меня въ темницу, и не елъ дней съ десятокъ, да братья велѣли.

Таже священника Лазаря взяли и вырѣзали языкъ изъ горла. кровь пошла, да и перестала; онъ в то время без языка и паки говорить сталъ; таже положа правую руку на плаху по запястье отсѣкли, и рука отсѣченая, лежа на земли, сложила сама по преданію персты и долго лежала пред народы, исповѣдала бѣдная и по смерти знаменіе Спасителево неизмѣнно; мнѣ и самому сіе чюдно — бездушная одушевленныхъ обличаетъ. Я на третій день у Лазаря во ртѣ рукою моею гладилъ, ино гладко, языка нѣтъ, а не болитъ, далъ Богъ; и говоритъ яко и прежде, играетъ надо мной: «щупай протопопъ, забей руку въ горло-то, небось

не откушу».—И смѣхъ с нимъ и горе! Я говорю: «чево щупать, на улице языкъ бросили». Онъ же сопротивъ: «собаки онѣ, вражьи дѣти! пускай мои едятъ языки». Первой у него лехче, и у старца на Москвѣ рѣзаны были (а нынѣ жестоко гораздо), а по дву годахъ и опять иной языкъ выросъ, чюдно, съ первой же величиною, лишо моленко тупенекъ.

Таже взяли соловецкаго пустынника, старца Епифанія; онъ же моливъ Пилата тощнѣ и зѣло умилнѣ, даже повелитъ отсѣщи главу его по плеча, вѣры ради и правости закона. Пилатъ же отвѣща ему, глаголя: «батюшко, тебя упокоить, а самому мнѣ гдѣ дѣтца! Не смѣю, государь, такъ здѣлать». И не послушавъ полуголова старцова моленія, не отсѣче главы его, но повелѣ языкъ его вырѣзать весь же. Старецъ же, прекрестя лице свое, и рече, на небо взирая: «Господи, не остави мя грѣшнаго, помози ми». И въ то время Божіимъ промысломъ пріиде на него нѣкое забвеніе, яко сонъ, а не почулъ рѣзанія языка своего, только в малѣ в малѣ нѣкакъ ощутилъ, яко во снѣ рѣзаніе языка своего безболѣзнено, благодатію Христовою осѣняемо. Палачъ же—пожалѣя старца, хотя ево руку по суставамъ рѣзать, даже бы зажило впредь скорѣе; старецъ же ища себѣ смерти, поперегъ костей велѣлъ отсѣщи, и отсѣкоша четыре перста, и сперва говорилъ гугниво. Таже молилъ Пречистую Богоматерь, и показаны ему оба языки, Московской и Пустозерской, на воздухе; онъ же единъ взявъ, положилъ въ ротъ свой, и с тѣхъ мѣстъ сталъ говорить чисто и ясно, а языкъ совершенъ обрѣтеся во ртѣ.

Посемъ взяли дьякона Феодора и языкъ вырѣзали весь же, остался кусочикъ в горлѣ маленекъ, на кось рѣзанъ, немилость показуя, но руки не послужили—отъ дрожи и трепета ножъ изъ рукъ валился. Тогда на той мѣрѣ и зажилъ, а опослѣ и паки с прежней выросъ, лише маленько тупенекъ; во знаменіе Богъ такъ устроилъ, даже розумно невѣрному яко рѣзанъ. Мы вѣрни сутъ и без знаменія вѣруемъ старому Христу Ісусу Сыну Божію Свѣту, и преданное отъ святыхъ отецъ старобытное въ церкви держимъ неизмѣнно; а иже кому недоразумно, тотъ смотри на знаменіе и подкрѣпляйся. У него же дьякона отсѣкли руку поперегъ ладони, и все далъ Богъ здорово стало; по прежнему говоритъ ясно и чисто, и у него въ другорядъ же языкъ рѣзанъ. На Москвѣ менши нынѣшняго рѣзано было. Пускай никоніана бѣдные кровію нашею питаются, яко медъ испивая.

Таже осыпали насъ землею; струбъ въ землѣ, и паки около земли другой струбъ, и паки около всѣхъ общая ограда за четырьми замками; стражіе же, десятеро съ человѣкомъ строжаху темницу. Мы же, здѣ, и на Мезени, и повсюду сидящіи въ темницахъ, поемъ передъ Владыкою Христомъ Сыномъ Божіимъ, пѣсни пѣснямъ, ихъ же Соломонъ воспѣтъ, зря на матерь Вирсавію: се еси добра, прекрасная моя, се еси добра любимая! Очи твои горятъ, яко пламень огня; зубы твои были паче млека; зракъ

лица твоего паче солнечныхъ лучь и все въ красотѣ сіяетъ, яко день въ силѣ своей. Аминь (хвала о церквѣ).

Посемъ у всякаго правовѣрна прощенія прошу. Иное было, кажется, и не надобно говорить; да прочтохъ Дѣянія Апостольская и Посланія Павлова,—Апостоли о себѣ возвѣщали же, егда Богъ содѣлаетъ въ нихъ. Не намъ, Богу нашему слава! А я ничтоже есмь. Рекохъ и паки реку: азъ есмь грѣшникъ, блудникъ и хищникъ, тать и убійца, другъ мытаремъ и грѣшникамъ, и всякому человѣку окаянной лицемѣрецъ. Простите же и молитеся о мнѣ, а я о васъ, чтущихъ сіе и послушающихъ. Неука я человѣкъ и несмысленъ, гораздо болши тово жить не умѣю; а что здѣлаю я, то людямъ и сказываю: пускай Богу молятся о мнѣ. Въ день вѣка вси же познаютъ содѣланная мною, или добрая или злая. Но аще и неученъ словомъ, но не разумомъ; не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ, якоже и Апостолъ глаголетъ: аще и невѣжда словомъ, но не разумомъ.

Еще вамъ про невѣжество свое скажу: зглупалъ, отца своего заповѣдь преступилъ: и сего ради домъ мой наказанъ бысть. Внимай Бога ради и молися о мнѣ. Егда еще я былъ попомъ, духовникъ царевъ Стефанъ Ванифаньтьевичъ благословилъ меня образомъ Филиппа митрополита, да книгою Еѳрема Сирина, себя пользовать, прочитая, и людей. А я, окаянный, презрѣвъ благословеніе отеческое и приказъ, ту книгу брату двоюродному, по докуке ево, на лошедь промѣнялъ. У меня же въ дому былъ братъ мой родной, именемъ Евфимей, зѣло грамотѣ былъ гораздъ и о церкви велико прилежаніе имѣлъ: напослѣдокъ былъ взятъ къ болшой царевнѣ вверхъ, а въ моръ и з женою преставился. Сей Евфимей лошедь сію поилъ и кормилъ, и гораздо объ ней прилѣжалъ, презирая и правило многажды. И видѣ Богъ неправду з братомъ въ насъ, яко неправо ходимъ по истиннѣ, — я книгу променялъ, отцову заповѣдь преступилъ, а братъ, правило презирая, о скотинѣ прилѣжалъ,—изволилъ насъ Владыко сице наказать: лошедь ту по ночамъ и въ день стали бѣси мучить,—всегда заезжена, мокра, и еле стала жива. Я недоумѣюся, коея ради вины бѣсъ озлобляетъ насъ такъ, И въ день недѣльный послѣ ужины въ келейномъ правилѣ, на полунощницѣ, братъ мой Евфимей говорилъ каѳизму непорочную и завопилъ высокимъ голосомъ: призри на мя и помилуй мя!—и, испустя книгу изъ рукъ, ударился о землю, отъ бѣсовъ бысть пораженъ, — началъ неудобно кричать и вопить, понеже бѣси жестоко мучиша его. Въ дому же моемъ иные родные два брата,—Козма и Герасимъ,—болши ево, а не смѣли ево держать; и всѣхъ домашнихъ, человѣкъ съ тритцеть, держа его, плачютъ предъ Христомъ и, моляся, кричатъ: Господи, помилуй! Согрѣшили предъ Тобою, прогнѣвали благость Твою! За молитвъ Святыхъ Отецъ Нашихъ помилуй юношу сего. А онъ пущи бѣсится, и бьется, и кричитъ, и дрожитъ. Азъ же, помощію Божіею, въ то время не смутился отъ голки бѣсовскія тоя. Скончавше правило обычное, паки начахъ Христу и Богородице мо-

литися, со слезами глаголя: Всегосподованная Госпоже, Владычице моя, Пресвятая Богородице! покажи ми, за которое мое согрѣшеніе таковое бысть ми наказаніе, да, уразумѣвъ, каяся предъ Сыномъ Твоимъ и предъ Тобою, впредь тово не стану дѣлать! И плачючи, послалъ въ церковь по Потребникъ и по Святую воду сына моего духовнаго Сумеона, юношу лѣтъ въ четырнатцеть,—таковъ же, что и Евфимей: дружно межь себя живуще Сумеонъ со Евфиміемъ, книгами и правиломъ другъ друга подкрѣпляюще и веселящеся, оба въ подвиге живуще крѣпко, въ постѣ и молитвѣ. Той же Симеонъ, по друге своемъ плакавъ, сходилъ въ церковь и принесъ книгу и святую воду. И начахъ азъ дѣйствовать надъ обуреваемымъ молитвы Великаго Василія. Онъ мнѣ, Симеонъ, кадило и свѣщи подносилъ и воду святую, а прочіи бѣснующагося держатъ. И егда въ молитвѣ дошла рѣчь:—Азъ ти о имени Господни повелѣваю, душе нѣмый и глухій, изыди отъ созданія сего и ктому не вниди въ него, но иди на пустое мѣсто, идѣже человѣкъ не живетъ, но токмо Богъ призираетъ,—бѣсъ же не слушаетъ, нейдетъ изъ брата. И я паки ту же рѣчь въ другой рядъ: и бѣсъ еще не слушаетъ, пущи мучитъ брата. Охъ, горе! Какъ молвить?—И соромъ, и не смѣю; но по повелѣнію старца Епифанія говорю, коли ужь о семъ онъ приказалъ написать. Сице было: взялъ я кадило, и покадилъ образъ и бѣснова, и потомъ ударился о лавку, рыдавъ на многъ часъ. Воставше, въ третье ту же Василіеву рѣчь закричалъ къ бѣсу: изыди отъ созданія сего. Бѣсъ же скорчилъ въ колцо брата и, пружався, изыде, и сѣлъ на окошке. Братъ же бывъ яко мертвъ. Азъ же покропилъ ево святою водою: онъ же, очхнясь, перстомъ мнѣ на окошко, на бѣса сидящаго указуетъ, а самъ не говоритъ, связавшуся языку его. Азъ же покропилъ водою окошко: и бѣсъ сошелъ въ жерновый уголъ. Вратъ же паки за нимъ перстомъ указуетъ. Азъ же и тамъ покропилъ водою: бѣсъ же оттоля пошелъ на печь. Братъ же и тамъ ево указуетъ. Азъ же и тамъ тою же водою. Братъ же указалъ подъ печь, а самъ перекрестился. И я не пошелъ за бѣсомъ, но напоилъ брата во имя Господне святою водою. Онъ же, вздохня изъ глубины сердца, ко мнѣ проглагола сице: спаси Богъ тебя, батюшко, что ты меня отнялъ у царевича и у двухъ князей бѣсовскихъ! Будетъ тебѣ бить челомъ братъ мой Аввакумъ за твою доброту. Да и малчику тому спаси Богъ, которой ходилъ въ церковь по книгу и по воду ту святую, пособлялъ тебѣ съ ними битца. Подобіемъ онъ, что и Симеонъ другъ мой. Подлѣ реки Сундовика меня водили и били, а сами говорятъ: намъ де ты отданъ за то, что братъ твой на лошедь променялъ книгу, а ты ея любишъ; такъ де мнѣ надобе поговорить Аввакуму брату, чтобъ книгу ту назадъ взялъ, а за нея бы далъ денги двоюродному брату. И я ему говорю: я, реку, свѣтъ, братъ твой Аввакумъ! И онъ отвѣщалъ: какой ты мнѣ братъ? Ты мнѣ батько! отнялъ ты меня у царевича и у князей; а братъ мой на Лопатищахъ живетъ—будетъ тебѣ бить челомъ. Вотъ вы здѣ съ нами же на Лопатищахъ, а кажется ему подле реки Сундовика. А Сундовикъ верстъ с пятнатцеть отъ

насъ подъ Муращкинымъ да подъ Лысковымъ течетъ. Азъ же паки ему далъ святыя воды: онъ же и судно у меня отнимаетъ и съесть хочетъ, — сладка ему бысть вода! Изошла вода, и я пополоскалъ и давать сталъ; онъ и не сталъ пить. Ночь всю зимную простряпалъ. Маленко полежавъ съ нимъ, пошелъ въ церковь заутреню пѣть. И безъ меня паки бѣси на него напали, но лехче прежнева. Азъ же, пришедъ отъ церкви, освятилъ его масломъ, и паки бѣси отъидоша, и умъ целъ сталъ. Но дряхлъ бысть: отъ бѣсовъ изломанъ. На печь поглядываетъ и оттолѣ боится. Егда куды отлучюся, а бѣси и навѣтовать станутъ. Бился я з бѣсами, что с собаками, недѣли съ три за грѣхъ мой, дондеже книгу взялъ и деньги за нея далъ. И ездилъ ко другу своему Иларіону игумну. Онъ просвиру вынялъ за брата. Тогда добро жилъ,—что нынѣ архіепископъ резаньской, мучитель сталъ христіянской. И инымъ друзьямъ духовнымъ билъ челомъ о братѣ. И умолили о насъ Бога. Таково то зло преступленіе заповѣди отеческой! Что же будетъ за преступленіе заповѣди Господни? Охъ, да толко огонь да мука! Не знаю, какъ коротать дни? Слабоуміемъ объятъ, и лицемѣріемъ, и лжею покрытъ есмь, братоненавидѣніемъ и самолюбіемъ одѣянъ, во отчужденіи всѣхъ человѣкъ погибаю. И мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмь, окаянной,—прямо г..но. Отвсюду воняю и душею и тѣломъ. Хорошо мнѣ жить съ собаками и со свиніями въ конурахъ: такъ же і онѣ воняютъ. Да пси и свиньи по естеству, а я чрезъ естество отъ грѣхъ воняю, яко песъ мертвой, поверженъ на улице града. Спаси Богъ властей тѣхъ, что землею меня закрыли! Себѣ уже воняю, злая дѣла творяще, да иныхъ не соблажняю. Ей, добро такъ!

Да и въ темницу ко мнѣ бѣшаной зашелъ, Кирилушко звали, московскій стрелецъ, караулщикъ мой. Остригъ ево азъ, и платье переменилъ,— зѣло вшей было много. Замкнуты двое насъ съ нимъ живемъ, да Христосъ съ нами и Пречистая Богородица. Онъ, миленкой, бывало с..тъ подъ себя и с...тъ, а я ево очищаю. Есть и пить проситъ, а безъ благословенія взять не смѣетъ. У правила стоять не захочетъ,—дьяволъ сонъ ему наводитъ: и я чотками постегаю, такъ и молитву творить станетъ и кланяется, за мной стоя. И егда правило скончаю, онъ и паки бѣсноватися станетъ. При мнѣ бѣснуется и шалуетъ, а егда пойду къ старцу посидѣть въ ево темницу, а Кирила положу на лавке, и не велю вставать ему, и благословлю его. И докамѣстъ у старца сижу, лежитъ, а не встанетъ, за молитвъ старцовыхъ Богомъ привязанъ,—лежа бѣснуется. А въ головахъ у него образы, и книги, и хлѣбъ, и квасъ, и прочая, а ничево безъ меня не тронетъ. Какъ пріиду, такъ встанетъ, и дьяволъ мнѣ досаждая, блудить заставливаетъ. Я закричю, такъ и сядетъ. Егда стряпаю, въ то время есть проситъ и украсть тщится до времени обѣда; а егда предъ обѣдомъ Отче нашъ проговорю и ястіе благословлю, такъ тово брашна и не естъ, — неблагословеннова проситъ. И я ему напехаю силою въ ротъ: такъ и плачетъ и глотаетъ. И какъ рыбою покормлю, такъ бѣсъ въ немъ вздивіячится, а

самъ изъ него говоритъ: ты же де меня ослабилъ. И я, плакавъ, предъ Владыкою, опять стягну постомъ и окрочю ево Христомъ. Таже масломъ ево освятилъ, и отъ бѣса отрадило ему. Жилъ со мною съ мѣсяцъ и болши. Предъ смертію образумися. Я исповедалъ ево и причастилъ: онъ же и преставися. Потомъ я, гробъ и саванъ купя, велѣлъ у церкви погребсти и сорокоустъ по немъ далъ. Лежалъ у меня мертвый сутки въ тюрмѣ: и я ночью, вставъ, Бога помоля и ево мертвова благословя, поцеловався съ нимъ, опять лягу подлѣ нѣво спать. Товарищь мой миленькой былъ! Слава Богу о семъ! Нынѣ онъ, а завтра я такъ же умру.

Да у меня жь былъ на Москвѣ бѣшаной,—Филиппомъ звали, какъ я ис Сибири выехалъ. Въ углу в ызбѣ прикованъ къ стѣнѣ: понеже въ немъ былъ бѣсъ суровъ и жестокъ, бился и дрался, и не смѣли домашніе ладить съ нимъ. Егда же азъ грѣшный и со крестомъ и съ водою пріиду, повиненъ бываетъ, и яко мертвъ падаетъ предъ крестомъ, и ничево не смѣетъ дѣлать надо мною. И молитвами святыхъ отецъ, сила Божія отгнала бѣса отъ него; но токмо умъ еще былъ не совершенъ. Феодоръ юродивый былъ приставленъ надъ нимъ, что на Мезени отступники удавили вѣры ради старыя, еже во Христа,—псалтырь надъ Филиппомъ говорилъ и училъ молитву говорить. А я самъ во дни отлучашеся дому своего, токмо въ нощи дѣйствовалъ надъ нимъ. По нѣкоемъ времени пришелъ я отъ Феодора Ртищева зѣло печаленъ, понеже съ еретиками бранился и шумѣлъ въ дому ево о вѣрѣ и о законѣ. А въ дому моемъ въ то время учинилося нестройство: протопопица з домочадицею Фетиніею побранились,—дьяволъ ссорилъ не за што. И я пришелъ; не утерпя, билъ ихъ обѣихъ и оскорбилъ гораздо въ печали своей. Да и всегда такой я, окаянной, сердитъ, дратца лихой. Горе мнѣ за сіе: согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ ними. Таже бѣсъ въ Филиппѣ вздивьялъ и началъ кричать и вопить и чепь ломать, бѣсясь. На всѣхъ домашнихъ ужасъ нападе и голка бысть велика зѣло. Азъ безъ исправленія приступилъ къ нему, хотя ево укрѣпить, но бысть не по прежнему. Ухватилъ меня и учалъ бить и драть всяко; яко паучину, терзаетъ меня, а самъ говоритъ: попалъ ты въ руки мнѣ! Я токмо молитву говорю, да безъ дѣлъ и молитва не пользуетъ ничто. Домашніе не могутъ отнять, а я самъ ему отдался. Вижу, что согрѣшилъ: пускай меня бьетъ. Но,—чюденъ Господь!—бьетъ, а ничто не болитъ. Потомъ бросилъ меня отъ себя, а самъ говоритъ: не боюсь я тебя! Такъ мнѣ стало горько зѣло: бѣсъ, реку, надо мною волю взялъ. Полежавъ маленко, собрался съ совѣстію, вставше, жену свою сыскалъ и предъ нею прощатца сталъ. А самъ ей, кланяяся въ землю, говорю: согрѣшилъ, Настасья Марковна, прости мя грѣшнаго. Она мнѣ также кланяется. Посемъ и съ Фетиніею тѣмъ же подобіемъ прощался. Таже средѣ горницы легъ и велѣлъ всякому человѣку себя бить по пяти ударовъ плетью по окаянной спинѣ: человѣкъ было десятокъ, другой,—и жена, и дѣти стегали за епитимію. И плачютъ бѣдные и бьютъ, а я говорю: аще меня кто не біетъ, да не

имать со мною части и жребія въ будущемъ вѣце. И онѣ нехотя бьютъ, а я ко всякому удару по молитвѣ Іисусовой говорю. Егда же отбили всѣ, и я, вставъ, прощеніе предъ ними жъ сотворилъ. Бѣсъ же, видѣвъ бѣду неминучую, опять ис Филиппа вышелъ вонъ. Я Филиппа крестомъ благословилъ, и онъ по старому хорошъ сталъ. И потомъ Божіею благодатію и исцелелъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава со Отцемъ и со Святымъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

А егда я въ Сибири, въ Тоболске былъ—туды еще везли,—привели ко мнѣ бѣшанова—Феодоромъ звали. Жестокъ же былъ бѣсъ въ немъ. Соблудилъ въ великъ день, праздникъ наругая, да и взбѣсился,—жена ево сказывала. И я въ дому своемъ держалъ мѣсяца з два, стужалъ объ немъ Божеству, въ церковь вводилъ и масломъ освятилъ,—и помиловалъ Богъ: здравъ бысть и умъ исцелѣ. И сталъ со мною на крылосѣ пѣть, а грамотѣ неученъ, и досадилъ мнѣ въ литорьгію во время переноса. Азъ же ево въ то время на крылосѣ побивъ и въ притворѣ пономарю велѣлъ къ стѣнѣ приковать. Онъ же, вышатавъ пробой, взбѣсился и старова болши. И ушедъ къ болшому воеводѣ на дворъ, людей разгонявъ и сундукъ разломавъ, платья княгинино на себя вздѣлъ; вверху у нихъ празднуетъ бытто добрый человѣкъ. Князь же отъ церкви пришедъ и, осердясь, велѣлъ многими людьми въ тюрму его оттащить. Онъ же въ тюрмѣ юзниковъ бѣдныхъ перебилъ и печь разломалъ. Князь же велѣлъ въ село ко своимъ ево отслать, гдѣ онъ живалъ. Онъ же, ходя въ деревняхъ, пакости многія творилъ. Всякъ бѣгаетъ отъ него, а мнѣ не дадутъ воевода (sic!) осердясь. Я по немъ передъ Владыкою на всякъ день плакалъ: Богъ было исцелилъ, да я самъ погубилъ. Посемъ пришла грамота съ Москвы,—велѣно меня на Лѣну ис Тоболска сослать. Егда я на рѣку въ Петровъ день въ дощенику собрался, пришелъ ко мнѣ бѣшаной мой Феодоръ целоуменъ, на дощеникѣ при народѣ кланяется на ноги мои, а самъ говоритъ: Спаси Богъ, батюшко, за милость твою, что пожаловалъ—помиловалъ мя. Бѣжалъ де я по пустыни третьева дни, а ты де мнѣ явился и благословилъ меня крестомъ: бѣси де и отбѣжали отъ меня. И я и нынѣ пришедъ, паки отъ тебя молитвы и благословенія прошу. Азъ же, окаянный, поплакалъ, глядя на него, и возрадовался о величіи Бога моего, понеже о всѣхъ печется и промышляетъ Господь,—его исцелилъ, а меня возвеселилъ. И поучя ево и благословя, отпустилъ къ женѣ ево въ домъ. А самъ поплылъ въ сылку, моля о немъ Свѣта—Христа, да сохранитъ ево отъ непріязни впредь. Богу нашему слава! Простите меня, старецъ, съ рабомъ тѣмъ Христовымъ: вы мя понудисте сіе говорить.

Однако ужь развякался,—еще вамъ повѣсть скажу. Еще въ попахъ былъ; тамъ же, гдѣ брата бѣси мучили, была у меня въ дому молодая вдова,—давно ужь, и имя ей забылъ! помнится, Евфиміею звали,—ходитъ и стряпаетъ—все дѣлаетъ хорошо. Какъ станемъ въ вечеръ правило начинать, такъ ея бѣсъ ударитъ о землю, омертвѣетъ вся и яко камень ста-

нетъ, кажется, и не дышетъ,—растянетъ ея на полу и руки и ноги,—лежитъ яко мертва. Я О всепѣтую проговоря, кадиломъ покажу, потомъ крестъ положу ей на голову и молитвы Великаго Василія въ то время говорю: такъ голова подъ крестомъ свободна станетъ, баба и заговоритъ: а руки, и ноги, и тѣло еще каменно. Я по рукѣ поглажу крестомъ: такъ и рука свободна станетъ; я также по другой: и другая освободится такъ же; и я по животу: такъ баба и сядетъ. Ноги еще каменны. Не смѣю туды гладить крестомъ. Думаю, думаю, да и ноги поглажу: баба и вся свободна станетъ. Воставше, Богу помолясь, да и мнѣ челомъ. Прокуда таки не бѣсъ ништо въ ней былъ, много время такъ въ ней игралъ. Масломъ ея освятилъ, такъ вовсе отшелъ: исцелѣла, далъ Богъ. А иное два Василія бѣшаные бывали у меня прикованы,—странно и говорить про нихъ.

А еще сказать ли, старецъ, повѣсть тебѣ! Блазновато, кажется, да уже сказать—не пособить. Въ Тоболске была дѣвица у меня, Анною звали, какъ впредь еще ехалъ. Маленька ис полону ис Кумыковъ привезена. Дѣвьство свое непорочно соблюла. Въ совершенствѣ возраста отпустилъ ея хозяинъ ко мнѣ. Зѣло правилнѣ и богоугоднѣ жила. Позавидѣ дьяволъ добродѣтели ея, наведе ей печаль о Елизарѣ, о первомъ хозяинѣ ея. И стала плакать по немъ, таже и правило презирать; и мнѣ учинилась противна во всемъ, а дочь мнѣ духовная. Многажды въ правило, и не молясь, простоитъ, дремлетъ прижавъ руки. Благохитрый же Богъ, наказуя ея, попустилъ бѣса на нея: стоя лѣностію въ правило, да и взбѣсится. Азъ же, грѣшный, жалѣя по ней, крестомъ благословлю и водою покроплю: и бѣсъ отступитъ отъ нея. И тово было многажды. Таже, въ правило задремавъ и повалилася на лавку и уснула и пробудилась три дни и три нощи: тогда сегда дохнетъ. Азъ же по временамъ кажу ея. Чаю, умретъ. И въ четвертый день встала и, сѣдши, плачетъ; есть даютъ; не естъ, и не говоритъ. Того жь дня въ вечеръ, проговоря правило и распустя всѣхъ, во тмѣ началъ я правило поклонное, по обычаю моему. Она же, приступя ко мнѣ, падъ поклонилась до земли. Азъ же отъ нея отшелъ за столъ, бояся искусу діявольскова, и сѣлъ на лавкѣ, молитвы говоря. Она же, къ столу приступя, говоритъ: послушай, государь! Велѣно тебѣ сказать. Я и слушать сталъ. Она же, плачющи, говоритъ: Егда де я, батюшко, на лавку повалилась, приступили два ангела и взяли меня и вели зѣло тѣснымъ путемъ. На лѣвой сторонѣ слышала плачь съ рыданіемъ и гласы умильны. Таже привели меня во свѣтлое мѣсто; жилища и полаты стоятъ, и едина полата всѣхъ болши и паче всѣхъ сіяетъ красно. Ввели де меня въ нея, а въ ней де стоятъ столы, а на нихъ послано бѣло. И блюда з брашнами стоятъ; по конецъ де стола древо многовѣтвенно повѣваетъ и гораздо красно, а въ немъ гласы птичьи умильны зѣло—не могу про нихъ нынѣ сказать. Потомъ де меня вывели изъ нея. Идучи, спрашиваютъ: знаешь ли, чья полата сія? И я де отвѣщала: не знаю; пустите меня въ нея. И онѣ мнѣ отвѣщали сопротивъ: отца твоего Аввакума полата сія. Слушай ево—такъ де

и ты будешъ съ нимъ. Крестися, слагая персты такъ, и кланяйся Богу, какъ тебѣ онъ наказываетъ. А не станешь слушать, такъ будешъ въ давешнемъ мѣстѣ, гдѣ слышала плаканіе то. Скажи же отцу своему. Мы не бѣси, мы ангели; смотри—у насъ папарты. И я де, батюшко, смотрѣла: бѣло у ушей тѣхъ ихъ. Потомъ, испрося прощеніе, исправилася благочинно по прежнему жить. Таже ис Тоболска сослали меня въ Дауры. Азъ же у сына духовнаго оставилъ ея тутъ. А діяволъ опять здѣлалъ по своему: пошла за Елизара замужъ и дѣтокъ прижила. Егда услышала, что я еду назадъ, отпросясь у мужа, постриглась за мѣсяцъ до меня. А егда за мужемъ была, по временамъ бѣсъ мучилъ ея. Егда же азъ въ Тоболскъ пріехалъ, пришла ко мнѣ и робятишекъ двоихъ положила предъ меня. Кающися, плачетъ и рыдаетъ. Азъ же предъ человѣки кричю на нея. Потомъ къ обѣдни за мною въ церковь пришла и во время переноса напалъ на нея бѣсъ,—учала кричать, кокушкою и собакою и козою блекотать. Азъ же зжалихся, покиня херувимскую пѣснь, взявъ крестъ отъ олтаря и на бѣса закричалъ: запрещаю ти именемъ Господнимъ. Изыди отъ нея и къ тому не вниди въ нея! Бѣсъ и покинулъ ея. Она же припаде ко мнѣ за нюже вину. Азъ же простилъ и крестомъ ея благословилъ: и бысть здрава душею и тѣломъ. Потомъ и на Русь я вывезъ ея. Имя ей во иноцехъ Агафья. Страдала много вѣры ради з дѣтьми моими на Москвѣ съ Иваномъ и Прокопьемъ. За поруками ихъ всѣхъ въ мѣстѣ Павелъ митрополитъ волочилъ.

Ко мнѣ же, отче, въ домъ принашивали матери дѣтокъ своихъ маленькихъ, скорбію одержимы грыжною. И мои дѣтки, егда скорбѣли въ младенчествѣ грыжною жъ болѣзнію, и я маслюмъ помажу священнымъ съ молитвою презвитерскою чювства вся и, на руку масла положа, вытру скорбящему спину и шулнятка. И Божіею благодатію, грыжная болѣзнь и минуется. И аще у коего младенца таже отрыгнетъ скорбь, а я такъ же сотворю: и Богъ совершенно исцеляетъ по своему человѣколюбію.

А егда еще я попомъ былъ, съ первыхъ временъ, егда къ подвигу сталъ касатися, тогда бѣсъ меня пуживалъ сице. Изнемогла у меня жена гораздо, и пріехалъ къ ней отецъ духовной; азъ же из двора пошелъ въ церковь по книгу съ вечера глубоко нощи, по чему исповедывать болную. И егда пришелъ на паперть, столикъ маленкой тутъ поставленъ поскакиваетъ и дрожитъ бѣсовскимъ дѣйствомъ. И я, не устрашася, помолясь предъ образомъ, осѣнилъ ево рукою, и пришедъ поставилъ ево на мѣстѣ. Такъ и пересталъ скакать. И егда я вошелъ въ трапезу, тутъ иная бѣсовская игрушка. Мертвецъ на лавке стоялъ въ трапезѣ, непогребеной; и бѣсовскимъ дѣйствомъ верхняя доска раскрылась, и саванъ сталъ шевелитца на мертвомъ, меня устрашая. Азъ же, помолясь Богу, осѣнилъ мертваго рукою и бысть по прежнему паки. Егда же вошелъ въ олтарь, ано ризы и стихари шумятъ и летаютъ съ мѣста на мѣсто: діяволъ дѣйствуетъ, меня устрашая. Азъ же, помоляся и престолъ поцеловавъ, благословилъ ризы рукою, и, приступивъ, ихъ нощупалъ: а онѣ висятъ по старому на

мѣстѣ. Азъ же, взявъ книгу, и вышелъ ис церкви с миромъ. Таково то бѣсовское ухищреніе къ человѣкомъ.

Еще скажу вамъ о жертвѣ никоніанской: сѣдящу ми в темнице, принесоша ми просвиру вынятую со крестомъ Христовымъ. Азъ же облазнився, взялъ ея и хотѣлъ потребить на утро, чаялъ — чистая православная над нею была служба, понеже попъ старопоставленной служил над нею (а до тово онъ попъ по новымъ служилъ книгамъ и паки сталъ служить по старому, не покаявся о своей блудне). Положа я просвиру в углу на мѣстѣ и кадилъ в правило в вечеръ, егда же возлегъ въ нощь ту и умолкоша уста моя от молитвы, прискочиша ко мнѣ бѣсовъ полкъ, и единъ щербатъ черменъ взялъ меня за голову и говоритъ: «семъ ко-ты сюды, попалъ ты в мои руки», и завернулъ мою голову. Азъ же томяся еле, еле назнаменовалъ Іусову молитву и отскочиша и исчезоша бѣси; азъ же стоня и охая недоумѣюся — за что меня бѣсъ мучилъ? Помоля Бога опять повалился, егда же забыхся вижу на нѣкоемъ мѣстѣ церковь и образъ Спасовъ и крестъ по латынѣ написанъ, и латинники инымъ образомъ приклякивая молятся по латынски. Мнѣ же нѣкто от предстоящихъ велѣлъ крестъ той поцѣловати. Азъ же егда поцеловахъ, нападоша на мя паки бѣси и зѣло мя утрудиша; азъ же послѣ ихъ встащился зѣло разслабленъ и разломанъ, не могу и сидѣть. Уразумѣлъ, яко просвиры ради, от бѣсовъ обруганъ, выложилъ ея за окошко, и нощь ту и день препроводилъ в трудѣ и немощьствуя разсуждая, что сотворю над просвирою. Егда же пріиде нощь другая, по правилѣ возлегшу ми, и не спя молитвы говорю. Вскочиша бѣсовъ полкъ в кѣлью мою з домрами и з гутками, и одинъ сѣлъ на мѣстѣ, идѣже просвира лежала, и начаша играти въ гутки и в домры, — а я у нихъ слушаю, лежа — меня ужъ не тронули и исчезоша. Азъ же послѣ ихъ воставъ моля Бога со слезами, обѣщался жжечь просвиру ту, и пріиде на мя благодать Духа Святаго, яко искры во очію моею блещахуся огня невещественнаго, и самъ я в той часъ оздравѣлъ,—благодатію духовною сердце мое наполнилося радости. Затопя печь и жжегше просвиру, выкинулъ и пепелъ за окошко, рекохъ: вото, бѣсъ, твоя от твоихъ тебѣ в глаза бросаю. И на ину нощь единъ бѣсъ в хижу мою вошелъ, походя и ничево не обрѣте, токмо чотки изъ рукъ моихъ вышибъ и исчезе. Азъ же, поднявъ чотки, паки началъ молитвы говорити; и во ино время среди дня на полу в поддыменье лежа опечалихся креста ради, что на просвирѣ жжегъ, и от печали запѣлъ стихъ на гласъ третій: «и печаль мою пред нимъ возвѣщу», а бѣсъ в то время на меня вскричалъ зѣло жестоко болно, азъ же ужасся и паки начахъ молитвы говорити. Таже во ину нощь забытіемъ ума о крестѣ томъ паки опечалихся и уснухъ и нападоша на мя бѣси и паки умучиша мя, яко и прежде, азъ же разслабленъ и изломанъ, насилу живъ, с доски свалися на полъ, моля Бога и каяся о своемъ безуміи, проклялъ отступника Никона с никоніяны и книги ихъ еретическія, и жертвы ихъ, и всю службу ихъ, и благодать

Божія паки пріиде на мя и здравъ бысть. Виждь, человѣче, каково лѣпко бѣсовское дѣйство христіяномъ! А егда бы съелъ просвиру ту, такъ бы меня, чаю, и задавили бѣси. От малаго ихъ никоніянскаго свещенія таковая бѣда, а отъ болшаго агньца причастяся — что получимъ?.. — развѣ вѣчную муку. Лутче умереть не причастяся, нежели причастяся осуждену быти.

О причастіи святыхъ Христовыхъ непорочныхъ тайнъ. Всякому убо въ нынѣшнее время подобаетъ опасно жити и не без разсмотрѣнія причащатися тайнамъ. Аще ли гоненія ради не получишъ священника православна, и ты имѣй у себя священное служеніе отъ православныхъ (запасный агнецъ), и обрѣтше брата духовна, аще и не священника, исповѣждься ему пред Богомъ, кaяся и по правилѣ утреннѣмъ на коробочку постели платочикъ, пред образомъ, зажги свѣчку и на ложечку водицы устрой на коробке и в нея положи часть тайны, покадя кадиломъ, приступя со слезами, глаголя: се приступаю к божественному причащенію, Владыко, да не опалиши мя пріобщеніемъ, но очисти мя от всякія скверны, огонь бо реклъ еси недостойныхъ опаляя, — се предлежитъ Христосъ на пищу всѣмъ, мнѣ же прикрѣплятися Богови — благо есть и полагати на Господа упованіе спасенія моего, аминь. И потомъ причастися сокрушеннымъ сердцемъ, и паки восной благодарная к Богу и поклонцы по силѣ, прощеніе ко брату; аще единъ, и ты ко образу падъ надъ землею глаголи: прости мя, Владыко, Христе Боже, елико согрѣшихъ, — весь до конца говоря, и потомъ образъ целуй и крестъ на себѣ. А прежде причастія надобе же образъ целовать. Ну, простите и меня, а тебя Богъ проститъ и благословитъ. Вотъ хорошъ и умереть готовъ, сице видалъ въ правилахъ указано: твори такъ, не блюдись.

Еще тебѣ скажу, старецъ, повѣсть: какъ я былъ в Даурахъ с Пашковымъ с Афанасьемъ на озерѣ Ирьгенѣ—гладны гораздо, а рыбы никто и добыть не можетъ, а инова и нечево нѣтъ; от глада исчезаемъ. Помоля я Бога, взявъ двѣ сѣти, въ протокѣ перекидалъ, на утро пришелъ, ано мнѣ Богъ далъ шесть язей, да двѣ щуки, ино во всѣхъ людяхъ дивно, потому никто ничево не можетъ добыть. На другіе сутки рыбъ з десять мнѣ Богъ далъ. Тутъ же свѣдавъ Пашковъ и исполняся зависти збилъ меня с тово мѣста и свои ловушки на томъ мѣстѣ велѣлъ поставить, а мнѣ на смѣхъ и ругаясь указалъ мѣсто на броду, гдѣ коровы и козы бродятъ. Человѣку воды по лодышку,—какая рыба! и лягушекъ нѣтъ! Тутъ мнѣ зѣло было горко, а се подумавъ рече: «Владыко человѣколюбче, не вода даетъ рыбу,—Ты вся промысломъ своимъ, Спасе нашъ, строишъ на пользу нашу. Дай мнѣ рыбки той на безводномъ томъ мѣстѣ, посрами дурака тово, прослави имя Твое святое, да не рекутъ невѣрніи, гдѣ есть Богъ ихъ». И помоляся, взявъ сѣти, в водѣ з дѣтьми бродя, положили сѣти. Дѣти на меня бѣдные кручиняся говорятъ: «Батюшко, к чему гноить сѣти те? видишъ-ли, и воды нѣту? какой быть рыбе?». Азъ же не послушавъ ихъ совѣту, на

Христа уповая здѣлалъ такъ, какъ захотѣлось. И на утро посылаю дѣтей к сѣтямъ. Онѣ же отвѣщали: «батюшко государь, пошто итти, какая в сѣтяхъ рыба? Благослови насъ, и мы по дрова лутче збродимъ». Меня же духъ подвизаетъ, чаю въ сѣтяхъ рыбу. Огорчась на большова сына Ивана, послалъ ево одново по дрова, а с меншимъ потащился къ сѣтямъ самъ, гораздо о томъ Христу докучаю. Егда пришли, ино и чюдно, и радостно обрѣли: полны сѣти напехалъ Богъ рыбы, свившися клубомъ, и лежатъ с рыбою о' середке. И сынъ мой Прокопей закричалъ: «батюшко государь, рыба, рыба!» И азъ ему отвѣщалъ: «постой, чадо, не тако подобаетъ, но прежде поклонимся Господу Богу и тогда поидемъ в воду». И помоляся вытащили на берегъ рыбу, хвалу возсылая Христу Богу, и паки построя сѣти на томъ же мѣстѣ, рыбу на силу домой оттащили. На утро пришли опять, столко же рыбы, и на третій день паки столько же рыбы; и слезно, и чюдно то было время, а на прежнемъ нашемъ мѣстѣ ничево Пашкову не дастъ Богъ рыбы. Онъ же, исполняся зависти, паки послалъ ночью и велѣлъ сѣти в клочки изорвати. Что петь з куракомъ дѣлаешъ. Мы собравъ рваные сѣти, в тай на инемъ мѣстѣ промышляя рыбку, кормились, от него таяся и здѣлали езъ. Богъ же и тамъ сталъ рыбы давать, а діяволъ ево научилъ и езъ велѣлъ в тай раскопать. Мы, терпя Христа ради, опять починили и много тово было. Богу нашему слава нынѣ, и присно и во вѣки вѣкомъ. Терпѣніе убогихъ не погибаетъ до конца.

Слушайко, старецъ: еще ходилъ я на Шакшу озеро к дѣтямъ по рыбу (отъ двора верстъ с пятнадцеть), тамъ с людьми промышляли, в то время какъ ледъ трѣснулъ, и меня напоилъ Богъ, и у дѣтей покладше рыбы нарту большую и домой потащилъ маленькимъ дѣтямъ (послѣ Рождества Христова), и егда буду насреди дороги — изнемогъ таща по землѣ рыбу, понеже снѣгу тамъ не бываетъ, токмо морозы велики; ни огня, ничево нѣтъ, ночь постигла, выбился из силы, вспотѣлъ и ноги не служатъ. Верстъ с восемь до двора: рыба покинуть и такъ побрести — ино лисицы разъѣдятъ и домашніе гладны; все стало горе, а тащить не могу, потаща гоны мѣста, ноги задрожатъ да и паду в лямке среди пути ницъ лицемъ что пьяной; и озябше вставъ еще попойду столько жь и паки упаду, бился такъ много блиско полуночи, скиня с себя мокрое платье, вздѣлъ на мокрую рубаху сухую, тонкую тафтяную бѣлую шубу и взлѣзъ на вершину древа — уснулъ поваляся. Пробудился, — ино все замерзло: и безлуки на ногахъ замерзли, шубенко тонко, и живот озябъ весь. Аввакумъ, бѣдная сирота, яко искра огня угасаетъ и яко неплодное древо посѣкаемо бываетъ, тако смерть пришла. Взираю на небо и на сіяющія звѣзды, тамо помышляю Владыку, а самъ и прекреститися не могу, весь замерзъ; помышляю лежа: «Христе, свѣте истинный, аще не Ты меня от безгоднаго сего и нечаемаго времени избавиш, нѣчева мнѣ стало дѣлать, яко червь исчезаю». А се согрѣяся сердце мое во мнѣ, ринулся с мѣста паки к нартѣ и на шею, не помню какъ, вложилъ лямку, опять потащилъ, ино нѣтъ

силки, еще версты с четырѣ до двора покинулъ, и нехотя все побрелъ одинъ, тащился с версту, да и повалился, толко не смогу; полежавъ еще хощу побрести, ино ноги обмерзли: не смогу подымать, ножа нѣтъ, базлуковъ отрѣзать от ногъ нѣчемъ; на колѣнѣхъ и на рукахъ ползъ с версту, колѣни озябли: не могу владѣть, опять легъ, уже дворъ и не само далеко, да и не могу попасть, на г...ѣ по маленьку ползу кое-какъ и доползъ до своея конуры; у дверей лежу, промолвить не могу же. Ко утру уже встали, уразумѣвъ, протопопица втащила меня бытто мертвова в ызбу; жажда мнѣ велика — напоила меня водою, разболокши. Два ей горя бѣдной в избѣ стало: я, да корова немощная,—толко у насъ и животовъ было,—упала на водѣ под ледъ, изломався умираетъ, в избѣ лежа; в двадцети в пяти рубляхъ сія намъ пришла корова, робяткамъ молочка давала. Царевна Ирина Михаиловна ризы мнѣ с Москвы и всю службу в Тоболескъ прислала, и Пашковъ на церковный обиходъ взявъ, мнѣ в то число корову ту -было далъ, кормила с робяты годъ, другой; бывало и с сосною и с травою молочка тово хлебнешь, такъ лехче на брюхѣ. Плакавъ женѣ бѣдная с робяты, зарѣзала корову и истекшую кровь ис коровы дала найму козаку, и онъ приволокъ мою с рыбою нарту. На обѣдѣ я, едше, грѣхъ ради моихъ, подавился (другая мнѣ смерть), с полчаса не дышалъ, наклонясь, прижавъ руки сидя, а не кусомъ подавился, но крошечку рыбки положа в ротъ, — вздохнулъ, вспомянувъ смерть, яко ничтоже человѣкъ в житіи семъ, а крошка в горло и бросилась, да и задавила. Колотили много въ спину, да и покинули, не вижу ужь и людей, и памяти не стало, зѣло горко, горко в то время было; ей, горка смерть грѣшному человѣку! Дочь моя Агрепѣна была невелика, плакавъ на меня глядя много, и никто ее не училъ,—робенокъ розбѣжався, лохтишками своими ударилась в мою спину и крови печенье из горла рыгнуло и дышать сталъ. Болшіе промышьляли надо мною много и без воли Божіи не могли ничево здѣлать, а приказалъ Богъ робенку, и онъ, Богомъ подвизаемъ, пророка от смерти избавилъ (гораздо невелика была),—промышляетъ около меня бытто большая, яко древняя Іюдифь о Израили, или яко Есвирь о Мардохѣе своемъ дядѣ, или Девора мужеумная о Вараце. Чюдно гораздо сіе, старецъ,— промыслъ Божій робенка наставилъ, пророка от смерти избавилъ. Дни с три у меня зелень горкая из горла текла, не могъ ни есть, ни говорить: сіе мнѣ наказаніе за то, чтобъ я не величался пред Богомъ совѣстію своею, что напоилъ меня среди озера водою, а то смотри, Аввакумъ, и робенка ты хуже. И дорогою было идучи исчезнулъ,—не величайся, дуракъ, тѣмъ, что Богъ сотворилъ во славу свою чрезъ тебя какое дѣло, прославляя свое пресвятое имя; Ему слава подобаетъ Господу нашему Богу, а не тебѣ берному худому человѣку. Есть писано во пророцехъ, тако глаголетъ Господь: «славы своея иному не дамъ». (Сіе реченно о лжехристахъ, нарицающихся Богомъ и на жиды неисповѣдающія Христа Сыномъ Божіимъ). А индѣ писано: «славящія мя—прославлю». Сіе реченно

о святыхъ Божіихъ; его же хощетъ Богъ, того прославляетъ. Вотъ смотри, безумне, не самъ себя величай, но Бога ожидай, какъ Богъ хощетъ, такъ и строитъ; а ты су какой святой? из моря напился, а крошкою подавился! толко бъ Божіимъ повелѣніемъ не ребенокъ от смерти избавилъ, и ты бы что червь—былъ, да и нѣтъ; и величается грязь худая: я су бѣсовъ изгонялъ, то, се дѣлалъ, а себѣ не могъ помощи, толко бы не ребенокъ. Ну помни же себя, что нѣтъ тебя ни со што, аще не Господь что сотворитъ по милости своей, Ему же слава.

Затѣмъ въ рукописи идетъ напечатанная нами выше подъ № 15, статья «о сложеніи перстъ», а послѣ нея мы находимъ слѣдующее заключеніе: «Житія»:

Ну, старецъ, моего вяканья много веть ты слышалъ! О имени Господни повелѣваю ти, напиши и ты рабу тому Христову, какъ Богородица бѣса тово в рукахъ тѣхъ мяла и тебѣ отдала, и какъ муравьи-те тебя за тайной удъ ѣли, и какъ бѣс-отъ дрова-те сожегъ, и какъ кѣлья та обгорѣла, а в ней все цѣло, и какъ ты кричалъ на небо-то, да и иное, что помнишъ. Слушай же, что говорю! Не станешь писать, такъ я осержусь: у меня любилъ слушать! чево соромитца! Скажи же хотя немношко. Апостоли Павелъ и Варнава на соборѣ сказывали же во Іеросалимѣ пред всѣми, елика сотворилъ Богъ знаменія и чюдеса во языцѣхъ с нима (в Дѣяніихъ зачало 30 и 42). И величашеся имя Господа Ісуса. Мнози же от вѣровавшихъ прихождаху исповѣдующе и сказующе дѣла своя. Да и много тово наидется во Апостолѣ и въ Дѣяніи. Сказывай, небось, лише совѣсть крѣпку держи, не себѣ славы ища, говори, но Христу и Богородице. Пускай, рабъ Христовъ веселится, чтучи, а мы за чтущихъ и послушающихъ станемъ Бога молить: какъ умремъ, такъ онѣ помянутъ насъ, а мы ихъ тамъ помянемъ. Наши нынѣ онѣ люди будутъ тамъ у Христа, а мы ихъ во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 26. Челобитная Симеона, архіепископа сибирскаго и тобольскаго царю Алексѣю Михайловичу о злоупотребленіяхъ даурскаго воеводы Аѳанасія Филипповича Пашкова. 1658 года [1]).

Царю государю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержцу бьетъ челомъ твой государевъ богомолецъ Симеонъ архіепископъ сибирской и тоболской. Въ прошломъ, госу-

[1]) Московскаго архива Мин. Юстиціи, столбцы Сибирскаго приказа, № 6564—509.

дарь, во 165 году писалъ ко мнѣ, твоему государеву богомолцу, Аѳонасей Пашковъ, что въ Дауры посланъ воеводою, чтобы мнѣ, твоему богомолцу, послать въ Дауры попа бѣлова да діякона, потому что, дьякона бѣлова въ Братцкомъ острогѣ чудомъ Божіимъ не стало. А въ прошломъ, государь, во 164 году, по твоему государеву указу послалъ я ис Тоболска попа чернова да дьякона бѣлово, а Аввакумъ протопопъ, по твоему государеву указу, посланъ былъ вмѣсто бѣлово попа изъ Енисѣйскаго острогу съ нимъ, Аѳонасьемъ Пашковымъ, а всѣмъ имъ троимъ, по твоему государеву указу, данъ былъ подмогъ, твое государево денежное и хлѣбное жалованье. А попамъ, государь, съ женами и съ дѣтми ѣхать не мочно безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья, потому что путь далнѣй. А съ Лѣны, государь, и съ Баикалова озера и изъ иныхъ далнихъ мѣстъ о попахъ бьютъ челомъ, чтобы мнѣ, твоему государеву богомолцу, ихъ поповъ посылать въ тѣ далние мѣста, и имъ попамъ такожде безъ твоего государева денежного и хлѣбного жалованья собою подняться не мочно, а въ прежние, государь, времена при прежнихъ архіепископехъ посыланы были попы съ Москвы въ Сибирь, въ Тоболескъ, и имъ, попомъ, даванъ былъ былъ болшеи подмогъ, твое государево денежное и хлѣбное жалованье. А въ Дауры, государь, къ Ѳеонасью Пашкову поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю, потому что онъ нравомъ озорникъ великой: посланъ былъ изъ Тоболска на Лѣну къ церквѣ Божіи служить попъ Іяковъ, а Аѳонасей Пашковъ былъ еще во Енисейскомъ при Иванѣ Акинѳиевѣ, и онъ, Аѳонасей Пашковъ, зазвалъ того Якова попа къ себѣ на судно, и билъ ево на смерть своими руками, и онъ, попъ Ияковъ отъ ево Аѳонасьевыхъ побои лежалъ недѣль съ шесть при смерти; одва ожилъ. Да вѣдомо мнѣ учинилось твоему государеву богомолцу: какъ онъ, Аѳонасей Пашковъ, поѣхалъ изъ Енисѣйскаго острогу въ Дауры, и протопопа Аввакума билъ чеканомъ самъ своими руками, а после того ево Аввакума протопопа тотъ Аѳонасей велѣлъ бить кнутомъ на козлѣ, а было ему протопопу на козлѣ ударовъ съ шездесятъ, да въ тожъ время билъ его чеканомъ по головѣ, и голову у него всю испроломалъ, и Аввакумъ протопопъ отъ того убійства на многое время омертвѣлъ, а послѣ того велѣлъ его вкинуть въ студеную тюрму, и сидѣлъ онъ, протопопъ Аввакумъ, въ тюрмѣ съ Покрова Пречистыя Богородицы всю зиму по ево поѣздъ, какъ онъ, Аѳонасей, и поѣхалъ изъ Брацкого острогу въ Дауры, а нынѣча, государь, тотъ протопопъ Аввакумъ живъ или нѣтъ, того не вѣдаю, и я къ такому озорнику поповъ и дьяконовъ посылать не смѣю. Милосердый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Русіи самодержецъ, пожалуй вели, государь, попомъ и дьякономъ, которые посылаютца въ Дауры и на Лѣну и на Байкалово и въ иныя далния стороны давать свой государевъ подмогъ, денежное и хлѣбное жалованье, чтобы имъ попомъ мочно было съ женами и съ дѣтми своими до тѣхъ далнихъ мѣстъ доѣзжать и вели, государь, о

томъ прислать свою государеву грамоту въ Тоболескъ въ городъ, въ съѣзжую избу и ко мнѣ, твоему государеву богомолцу. Царь государь смилуйся.

Грамота писана на двухъ столбцахъ, на обратной сторонѣ перваго столбца написано: Царю государю и великому князю Алексѣю Михайловичу всея Великія и Бѣлыя и Малыя Русіи самодержцу; *нѣсколько ниже:* приказалъ бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкой писати къ архиепископу, послати попа и дьякона съ Дмитріемъ Зиновьевымъ въ Дауры: *назади второго столбца:* 166 г. генваря въ 11 день. Съ тоболскимъ Соѳѣйскаго собору протопопомъ съ Меѳодіемъ.

№ 27. Черновой отпускъ царской грамоты архіепископу Симеону. 11 февраля 1858 года [1]).

Отъ царя и великого князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца въ Тоболескъ богомолцу нашему Семиону архіепископу Сибирскому и Тоболскому. Писалъ ты къ намъ, великому государю: писалъ де тебѣ, богомолцу нашему изъ Дауръ Аѳонасей Пашковъ, чтобъ тебѣ послать къ нему въ Дауры бѣлого попа да дьякона, и ты де, богомолецъ нашъ, въ Дауры къ нему, Ѳѳонасью, попа и дьякона послать не смѣешь, потому что Аѳонасей Пашковъ поповъ бьетъ и протопопа Аввакума билъ чеканомъ и кнутьемъ, да и безъ нашего де денежного и хлѣбного жалованья попа и дьякона послать нелзѣ въ мѣсто далнее и сытымъ имъ быть нечѣмъ (*на оборотѣ вставка;* и нынѣ по нашему великого государя указу посланъ въ Даурскую землю Дмитрей Зиновевъ, а Аѳонасья Пашкова отъ Даурскіе службы велено отставити). И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бъ велѣлъ послать попа и дьякона (*вставка на оборотѣ:* къ столнику нашему и къ воеводѣ ко князю Алексѣю Ивановичу Буйносову-Ростовскому да дьякомъ нашимъ къ Ивану Михайлову, къ Григорью Углеву, а отъ насъ великого государя къ нимъ писано, велено тому попу и дьякону дати) наше жалованье деньги и хлѣбъ и соль на нынѣшней на 166 и впередъ на 167 годъ имъ дать въ Енисѣйскомъ остроге воеводе Максиму Ртищеву по ихъ окладомъ сполна. (*Вставка на оборотѣ:* а какъ отъ тебя къ столнику нашему и воеводе ко князю Алексѣю Буйносову-Ростовскому и къ дьяку Григорью Углеву попъ и дьяконъ присланы будутъ, и велѣно послати ихъ на Даурскую землю къ Дмитрею Зиновьеву тотчасъ). Писанъ на Москвѣ лѣта 7166 ѳевраля въ 10 день.

---

[1]) Московскаго архива Мин. Юстиціи, столбцы Сибирскаго приказа, № 6564—509.

№ 28. Статьи ложныхъ писемъ Аввакума [1]).

1. Зри, Игнатій Соловянинъ, и вѣруй трисущную Троицу, существо едино на трое раздѣляй. На трое течетъ источникъ Божества. По Арію не рцы: три существа не равныя, а равныя три существа добрѣ или естества. Не шевели болши того (л. 1).

2. Несѣкомую сѣки, небось, по равеньству, едино на три существа и естества (л. 7 об.).

3. Образы три равны (л. 9 об.).

4. Якоже бо слово от души раждается и паки в человѣка не возвращается, тако и Сынъ отъ Отца родися и во чрево Отчее паки невозвратися (л. 12).

5. Якоже Спасъ рече: Азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ (толкованіе Аввакумово) волею, а не существо въ существѣ (л 14 об.).

6. Три цари небесныя, три непостижимыя, еще же комуждо особнѳ сѣдѣніе Отцу и Сыну и Святому Духу; не спрятався сѣдятъ три цари небесныя; яко Петръ и Павелъ и Іоаннъ Богословъ трое растояща, тому прилично и Божественное трое раздѣльшееся (л. 16 об.).

7. Исповѣдуй всюду Божій промыслъ, всюду Божія сила, всюду обдержитъ неизреченно, всюду видитъ и слышит всевидящее Око, а свойства блаженнаго существа ввышнихъ пребываетъ, во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, а на землю и под землю непоступно (л. 20).

8. Великъ Богъ и силенъ не по величеству вещи, нами зримой. И здѣ зри, малая вещь силнѣе болшіе: левъ звѣрь силнѣе осляти и вельбуда; такоже и орелъ и соколъ силнѣе лебедя и гуся. Да и много того есть в видимѣй сей твари: малая вещь сильнѣе болшіе Писаніе велика Бога нарицая не по существу состава, но великъ и всесиленъ властію державы; въ существѣ его къ хотѣнію припряжена сила; что восхощетъ, то и сотворитъ. По образу Божію реку тебѣ въ прикладъ: царствуетъ на земли царь, составомъ не великъ, а вездѣ обладаетъ. Тако и о блаженномъономъ существѣ подобаетъ помышляти, а не вещію помышляти велика (л. 21 об.—22 [2]).

9. Федка, а Федка, по твоему кучею надобе, едино лице и единъ составъ и образъ! Охъ! блядинъ сынъ, собака косая, буракъ страдникъ! Коли не знаешъ въ книгахъ силы, и ты вопроси бабы поселянки: заблудилъ де от гордости, государыня матушка, на водахъ пустыни и не знаю праваго пути к Богу, а со отцемъ духовнымъ діяволъ спроситца претитъ

---

[1]) По ркп. Черниговской духовной семинаріи, № 135.

[2]) Здѣсь въ ркп. № 136, той же библіотеки, на л. 3, находимъ такое дополненіе: «яко три солнышка единосвѣтни свѣтятъ три цари небесныя, лицы и образы равны».

ми, и отъ него де за воровство учинился проклятъ. Помоги-де, матушка, моему сиротству, исправь мою душу косую, и весь де мой органъ по души катитца косо, с трудомъ великимъ, не путемъ ѣду. Скажи-де, государыня, о Святой Троицѣ, Троица де что есть. Такъ она тебѣ скажетъ и отвѣщаетъ (л. 24 об.—25).

10. Федка, ну лбомъ, блядинъ сынъ, поселянкѣ той о землю! Таки су и мнѣ грѣшному диво, каково хорошо старуха та отвѣщала. Гордоусъ, алхмѣй, собака! Богъ тебя навелъ на жену-ту. Вопроси еще еяже, что есть существо Божіе, и она тебѣ отвѣщаетъ (л. 26).

11. Въ существѣ Божіи къ хотѣнію Его припряжена сила (л. 27).

12. По апостолу, люта времена настали: яко грибы гнѣютъ, человѣцы от вѣры отпадающе, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ. Есть писано: не по писанію вѣрующіи еретицы суть,—якоже и мой худой еретичишко Федка: глаголетъ бо самымъ существомъ воплотившагося Бога Слова.

Азъ же исповѣдую и вѣрую свойство недвижимо, но изліявъ Себе Богъ Слово во утробу Дѣвыя силу существа естественную, припряженна бо къ Божію хотѣнію Ему сила: весхотѣвъ бо, изліявъ себе неизреченно, а самое существо отнюдь, отнюд непоступно.

Отча нѣдра не оставль существомъ, сошедъ на землю силою благодати несказанно, якоже солнце луча своя на землю низпущаетъ, а самый кругъ огня выспрь при тверди, тако и о Бозѣ подобаетъ разумѣвати.

Исповѣдует, во утробѣ Дѣвыя силу Божества, а не самое Божественное существо поступи от превыспреннихъ, но промыслъ неизглаголанъ. Ветхой и новой законъ поминаетъ и новую благодать: видѣ и тамо и здѣ схожденіе, а самое блаженное чистое существо видѣ пророкъ. Якоже пророцы видѣша, тако и вочеловѣчился Сынъ Божій дѣйствомъ Духа Святаго, а не самымъ существомъ, но схожденіемъ.

Да ты же еще мудрствуешъ нѣкако дико и сѣчешъ Единороднаго на четыре ипостаси. Охъ! яко беззаконный Іюда, не восхотѣ разумѣти: глаголешъ бо, окаянный, пиша въ тетраткахъ: самымъ де существомъ Сынъ Слово на землю сниде во чрево Дѣвыя; И егда пострада, во гробѣ с плотію Божество существомъ бѣ. Въ то же время, егда во гробѣ лежа, яко спя, во адѣ Божество с душею нагою без плоти существомъ бѣ. Въ то де время и в раи с разбойникомъ Божество существомъ бѣ, и на престолѣ со Отцемъ существомъ же. И о семъ твоемъ изумленіи безумніи играютъ, а разумніи рыдаютъ. Какъ такъ? недвижимое существо Божіе разсѣкъ на четверо, не разумѣя писанія, ни силы его, надувая свое чрево и вѣжди гнилымъ умомъ; изливаешь воню по воздуху, не хотя о недовѣдомѣхъ вопроситися со старцы, и гордяся, ѣдешь по своей дорогѣ. Богъ бо, не преложа существа Своего, сниде на землю, вочеловѣчися за мірскій животъ и спасеніе, неотлучнымъ Божествомъ существа Своего отъ

нѣдръ Отчихъ; сирѣчь, благодати сила изліяся, якоже Онъ вѣсть, а самое существо ипостаси не истощися и пребысть нераздѣльно и отъ Отца существомъ неотлучно. Соступивъ с небесе силою благодати Своея к намъ весь в чистую Дѣву, тверди, весь благостію, а существомъ весь горѣ со Отцемъ бысть несѣкомо, тверди. А то схожденіемъ вмѣщается неизмѣнно, а не существомъ свойства.

Да ты ж пишешъ: самъ Богъ Слово самымъ существомъ Божества Своего бысть во чревѣ Дѣвыя, а не благодатію и промысломъ, кромѣ существа, но весь невмѣстимый вмѣстися в Дѣвичю утробу существомъ по своему хотѣнію, а не благодатію и устроеніемъ и силою несказанно, но яко Божественное Его Христово самое существо с плотію бѣ на крестѣ, и во едино время во гробѣ с плотію бѣ, и во адѣ с душею, и в раи с разбойникомъ, в пятокъ, в онже распятся, вездѣ существомъ бѣ, тоже Слово Отчее, Христосъ Богъ нашъ. Да и много того блядословія въ тетраткахъ твоихъ писано (л. 28—30 об.).

13. Прежде изъ гроба востаніе и потомъ во адъ схожденіе, понеже Господня душа, просто молыть, не была во адѣ, якоже прочихъ святыхъ души, но Христосъ послалъ ея ко Отцу с кровію своею, нас выкупая, а не во адъ отъ креста поиде. Пречистѣй души во адъ сошедши с тѣломъ неистлѣннымъ, во гробѣ лежащимъ, а не без души тѣло бысть во адѣ и душа безъ плоти, яко воста изъ гроба Христосъ и низложися во адъ, еже есть Богъ Слово плотію и душею сниде во адъ. Каковъ родился, таковъ обоженою душею и плотію во адѣ былъ. А еже глаголете, яко не бысть Христосъ по востаніи изъ гроба тѣломъ и душею во адѣ, но единою де душею ада плѣни, а тѣло-де въ то время мертво въ гробѣ лежа, пощади Сынъ Божій от сего безумія и нелѣпаго мудрованія! Проклятъ тако мудрствуя! Яко сниде Христосъ во адъ плотію одушевленною, а не яко Федка отступникъ блядословитъ глаголя неподобно: душа Христова безъ тѣла от креста во адъ снесена діяволомъ и смертію. И такіе же бредни обрѣтаются в книгахъ Григорія Омиритскаго и Іосифа Волоцкаго. Брѣдни, брѣдни! правовѣрне, плюнь в то мѣсто, идѣже писано увидишъ, яко діяволъ и смерть душю Христову без тѣла во адъ волочили. Аще бо и сами Григорій и Іосифъ написали, и тому не подобаетъ вѣрить. А блядословцы глаголютъ, смертію и діяволомъ сведена душа Его во адъ, и прочія басни ихъ во Амиритовѣ книгѣ. Не согрѣшитъ, кто и всю книгу ту за Христово безчестіе въ огнь кинетъ. И добра была, да от еретикъ испоганена стала. Ну, дитятко проклятое, слушай-ко еще: слава Господу Богу нашему, спасшему насъ отъ діявола и от сыновъ діяволихъ, кои глаголютъ: Христову душу смерть и діяволъ во адъ снесли. Въ третій день воста Слове Божій, сниде тѣломъ и душею во адова жилища. Ну, такъ! человѣкъ Христосъ и былъ во адѣ, а не душа без тѣла. Не плутай! Пресвятая душа во адъ сошедши, водя тѣло нетлѣнное во гробѣ

Избавителя нашего—Свѣта [1]), а егда воставши, яко от сна взем душю той же Богъ Слово лежай во гробѣ. Яко левъ шатаніемъ, разшатався плотію з душою во адъ Божески и прилетѣвъ красненекъ отъ гроба, яко женихъ от чертога, да возми, да понеси силы небесныя, воровъ бѣсовъ души. Яко левъ, пьянъ бывъ, реветъ да ломаетъ: шюмитъ у него въ головѣ-той, употчивали любимыя дѣтушки, возлюбленный Израиль. Пречистѣй души сошедши во адъ с тѣломъ по воскресеніи из мертвыхъ, яко сила благодати Божества во гробѣ тѣло Господьское соблюдающе от тлѣнія, таяжде и с разбойникомъ въ раи: неописанно бо Божество, но вездѣ благодать дѣйствуетъ, преестественнѣ же самымъ существомъ на небеси со Отцемъ и Духомъ. Силу же Его Божественную и всеобъятную кто исповѣдати можетъ! Во гробѣ лежалъ, тоже во адѣ потомъ воевалъ, а всемогущая сила Его и въ раи повсюду бѣ, и на престолѣ существомъ со Отцемъ Онъ же сѣдитъ, вся исполняя неописанный.

А Федка прелагатай со единомысленники проклятъ да есть, ей да будетъ и будетъ в вѣкъ, собака, блядинъ сынъ, адовъ песъ. Вотъ тебѣ, отступникъ Пѣсни пѣснямъ Соломоновы! Играй подъ клятвою вѣчною, затворилъ тя Богъ въ противленіе истинѣ, погибай с своими окаянныи! Ѳедка поганецъ, слушай: умучи ада сошедый во адъ плотію, горе бысть аду от плоти (во гробѣ Богъ Слово лежа человѣчески уничиженно, безславно, а егда воставъ, яко от сна), пресѣкло тѣло Христово чрево адово. Слава Богу! Пойдите, бѣдные тюремщики, ис тюрмы вон! Богъ простилъ Адама со адамленки, да и вышелъ со святыми из земли Христосъ, и всѣмъ бѣднымъ горемыкамъ воскресшимъ, по апостолу вото, в третій день по писаніихъ, явися апостоломъ и прочая (л. 38—40 об.).

14. Не скрывайте, еретики, и Христа тово в Троицу мѣсяще недовѣдомѣ. Благодать во Христѣ того ж существа сѣдитъ на особомъ престолѣ, равно Святѣй Троицѣ сцарствуя. Сѣдитъ Богъ и человѣкъ о десную Бога на престолѣ своемъ царскомъ. Да и ладно такъ, дитятко бѣшеное, не замай Его: на престолѣ томъ своемъ сѣдитъ. Не нехай поганымъ своимъ языкомъ с престола тово царьскова къ ногамъ Отца. Помнишь ли, собака, блядинъ сынъ, лаешъ: существо де Божества внутрь Отца, а смотреніе подле ногъ Отца близъ сѣдитъ. Такъ-то ты говорилъ, громобитной врагъ (л. 45).

15. Пишетъ Аввакумъ в писаніи своемъ ложно на Феодора діякона, укоряя его исповѣданіе о Святѣ Дусѣ. Да онъ же, Федка, окаянной ересникъ, запсаялъ Духа утѣшителя—благодать зоветъ тварію, а не Богомъ. Въ Пятдесятницу (Феод. рѣчь) самымъ существомъ пришедъ, апостоломъ раздавъ дары, и паки существо горѣ взыде, апостоломъ благодать оставилъ. *Аввакумъ.* Азъ отъ святыя купѣли пріяхъ и вѣрую Духа Святаго благодать Бога истинна, отъ истиннаго Параклита самая исходящая сила,

[1]) Здѣсь пропускъ, который дополняемъ изъ Мат. VIII, стр. 222: «Во гробѣ Богъ Слово, лежа человѣчески, уничиженъ безславно», и т. д.

излившаяся в мою душю по мѣре моего органа, а не втораго свѣта изліяніе тварію. Також и на апостолы изліяся огненными языки совершенна благодать Духа Святаго. А самое существо Параклитово отнюдь свойство недвижимо пребываетъ. И въ церковныхъ книгахъ нѣсть сего разума, иже бы самому существу поступити, въ пророцѣхъ и апостолѣхъ и во всѣхъ святыхъ, вездѣ Богъ дѣйствуяй благодатію, по глаголющему пророку, в немже самъ глаголя: азъ видѣнія умножихъ и в руку пророкъ уподобихся не существомъ, но благодатію во всѣхъ Богъ дѣйствуяй. И статное ли то дѣло, существомъ Духу Святому снити и раздавше дары, паки горѣ взыти! Самой робячей розмыслы! (sic!) Якоже посулилъ Господь, тако и сотворилъ: в десятый день по вознесеніи посла Утѣшителя, истиннаго Духа силу, сирѣчь благодать, а не самое существо, ниж тварно что, но благъ благодать пріиде и вселися во ученики и неотлучно пребысть с ними (л. 47—48 об.).

16. И о душѣ той слѣпотою говоришь, слушать нѣчево, глаголешь бо ея трисоставну. Не тако, не бляди: вси святіи научаютъ, яко душа единораслена и тѣлесовидна: умъ, слово и духъ—силы в ней дѣйственыя. Сими силами зряше к Богу, о кротости и о правдѣ пекущися. Сообразенъ Богу бываетъ человѣкъ, не по естеству Божественному душа имать естество, но вещь тѣлесовидна, ангелъ нѣкій, чистѣйшій духъ—душа, но и плотна есть, единовидна и единосоставна, а не трисоставна, прежде ума и слова сотворена (л. 50 об.).

№ 29. Отрывокъ, пропущенный въ первомъ посланіи къ Симеону [1]).

Отрадніе, чадо, Лоту в Содоме и Гоморе житіе было, нежели мнѣ в волокитахъ тѣхъ. Безпрестанно душевное плаваніе и неусыпныя навѣты и беды: яко со зверми по человѣку со искусители брахся. Внѣ убо страхъ, а внутрь такожде боязнь: и во церковь иду, а тово и гляжу, какъ нападутъ; а в церквѣ стою, паки внутренняя бѣда: безчинства в ней не могу претерпѣть, безпрестанно ратуюся с попами пьяными и съ крылошаны и с прихожаны. Моя чадь робята в церкви играютъ, и тѣ душу мою возмущаютъ. Иное хощу и промолчать, ино невозможное дѣло: горитъ во утробѣ моей, яко пламя палитъ; и плачю и ратуюся! А егда въ литоргѣю нищія по церквѣ бродятъ и не могу ихъ унять, и я имъ кланяюся и денегъ посулю, велю на одномъ мѣстѣ стоять, а послѣ обѣдни и заплачю. А которые бродятъ и мятежатъ людми, не послушаютъ совѣта моего, с тѣми ратуюся, понеже совѣсть нудитъ, претерпѣть не могу.

Еще же и Златоустомъ реченное воспоминаю о души моей. Есть писано въ Бесѣдахъ апостольскихъ, во нравоученіи; вселенныя учитель рече:

---

[1]) Ркп. Имп. Публ. Библ. О. I. № 339, л. 229 об.—303 об.

аще бы де варваръ, или скифъ, в церковь вшедъ, начат во олтарѣ престолъ разорять и трапезу опровергъ, наругавъ святая святыхъ, еже есть, святый сокромснтъ долу опровергъ (тѣло Христово), не вси ли бы прилучившіися туть руцѣ свои возложили на него и уязвльше, яко бѣшенаго пса, далече отгнавше, восплакали и возрыдали погибели его? Здѣ же не трапезу разоряють, ниже святая опровергають, но самый Духъ Святый оскорбляють и досажають Богу паче, нежели оный раззоритель трапезы. Вошедъ въ церковь, овъ смиется, инъ празнословить и плищь счиняеть во время соборнаго моленія, инъ же разгордѣвся уставъ церковный пременяеть, а инъ иная непотребства. Стоящіи же в церкви, яко изумлени, и нѣми, и глуси, и слѣпи: слышавше не слышать и видявше не разумѣють, ни болѣзнують о разрушеніи церковнаго устава. Вси бѣгуны, вси потаковшики, вси своя си ищуть, а не яже суть Божія. Азъ глаголю и повелѣваю на мятежника церковнаго всѣмъ вѣрнымъ руки возложити и далече от церкви отгнати паче онаго варвара; и дондѣже в покаяніе пріидеть, ни на прагъ церковный попущу таковому возступити. Церковь бо есть небо, церковь Духу Святому жилище: херувимомъ Владыка возлежить на престолѣ, Господь серафимомъ почиваетъ на дискосѣ. Егда возступилъ еси на прагъ церковный, помышляй, яко на небо взыде равно со ангелы послужити Богу, Богу живому истинному, Богу животворящему мертвыя и разрѣшающему от грѣховныя смерти къ вѣчной нестарѣющейся жизни, ея же да улучимъ вси о Христѣ Ісусѣ.

№ 30. Слово святаго отца Аввакума протопопа о никоніянскомъ ереси [1]).

Въ памяти Никонъ пишетъ: Годъ и число. По преданію святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ не подобаетъ мѣчтанія (sic) въ церкви творить; сице же тремя персты бы есте крестилися. Мы же сошедшеся со отцы задумалися, видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ, а самъ и скрылся въ Чюдовъ, седмицу едину въ полаткѣ молился, и тамъ ему от образа глас бысть во время молитвы сице: врѣмя приспѣ страданія.

О жертвѣ никоніанской и службѣ ихъ мѣрской мало побесѣдуемъ отчасти Въ новой ихъ службѣ литоргѣйной агнецъ закаляется неправедны, стихи и молитвы и ектѣніи измѣны, иной жертвѣ образъ сквѣрной, сиречь крыжъ латынскій, а не Христовъ крестъ на просвирѣ устроинъ, и на дѣйствѣ не исповѣдують смотренія Христова вочеловѣченія и воскресенія и царствія со Отцемъ и со Святымъ Духомъ, и Духа Святаго неистинна глаголютъ, и вся измѣнена и противна Богу. Зѣло гнушается Богъ сея неправедныя жертвы. Аще который попъ старой рукopoложѣнія и служа по новому и

---

[1]) Ркп. библіотеки В. Г. Дружинина, № 53, Q. № 30, л. 87—90.

начнетъ безъ покоянія служить по старому, той Богъ гнушается жертвы, развѣ покается со слезами о первой своей блуднѣ и тогда прощенъ Богомъ будѣтъ.

Азъ, грѣшны протопопъ Аввакумъ, самъ во искусе над собою то видѣлъ. Попъ нѣкогда старой служилъ по новому, и безъ покаянія служитъ по старому. Азъ же облазнися служенія его, взя просвиру вынятую со крестомъ Христовымъ, а не крыжемъ, хотѣлъ во инъ день потребити и положилъ ея на мѣстѣ в правило и кадиломъ пакадилъ. В нощь же ту по правилѣ возлегъ и, егда умолкоша уста моя от молитвы, нападоша на мя бѣси, и единъ бѣсъ щербатъ и черменъ, ухватя меня за голову, и завѣрнулъ шею, а самъ говоритъ: «попалъ ты намъ в руки». А другой говоритъ: «не болно же». И той паки отвѣща: «знаю, не указывай». Азъ же въ рукахъ бѣсовыхъ тогда сегда дохну, насилу живъ, и еле еле молитву Іисусову проговорилъ. И отскочиша от мене бѣсове. Азъ же утомлѣнъ зѣло и вставъ, не могу, молитву лежа говорю, а самъ отдыхаю. И кое-какъ встащася, помолитвовавъ и поплакавъ, опять повалился и задрѣмавъ вижю себѣ: у церкви образъ Спасовъ и крестъ Христовъ полатыни написанъ стаитъ у церькви, и многіе латынскіи образомъ кланеются, и нѣкто от престоящихъ велѣлъ и мнѣ той крестъ поцѣловать. И егда поцеловахъ, наподоша на мя паки бесове и зѣло мя утомиша. А очнуся, и мучатъ мя, потомъ оставиша и изчезоша. Азъ же разумѣвша (sic) просвѣры ради бѣси же мучатъ, стонавъ и плакавъ кое-какъ встащился и выложилъ ея за окошко. И нощь ту проводилъ бѣсна до утра плакався, и день весь разсуждалъ, что сотворить надъ просвирою: крестъ Христовъ на нѣй напечатанъ. И во вторую нощь по правилѣ молитвы лѣжа початкомъ (sic) говорю. Вскочиша бесовъ множество в хижу мою и селъ единъ на мѣсте томъ, идѣже просвира лежала, и начаша играти в гутки и домры, а я леже у нихъ слушаю, молитву говорю. Ко мнѣ уже не прикоснулися Божію волею. И много игравше, изчезли. Азъ же воставъ и плакався пред Владыкою, обѣщался просвиру во огнѣ сожещи, и в той часъ нападе на мя Духа Святаго благодать, и радость пріиде в сердцѣ мое, и в глазахъ моихъ яко искры огня блѣщахуся, и весь здравъ бысть, и кости перестали болѣть. Азъ же в пещи сожохъ просвиру и пепѣлъ за окошка бросилъ. На иную нощь бѣсъ одинъ приходилъ, а я молитвы лѣжа по чоткамъ говорилъ. Онъ же около меня походилъ, а зла мнѣ не сотворилъ, лишь чотки изъ рукъ выдернулъ и на землю бросилъ. И азъ поднялъ чотки, опять сталъ молитвы говорить. Потомъ минувъ врѣмя, пріидѣ ми на разумъ паки та просвира, опѣчалился по нѣй, что крестъ во огнѣ сожогъ, и среди дня пады на мене на полу. А еже престалъ молитвы говорить и запѣлъ на гласъ возвышной стихъ: и печаль мою пред Нимъ возвѣщу,—и в то время бѣсъ вскричалъ на меня зѣло жестоко. Азъ же ужасся и вскочилъ, паки началъ молитвыи говорить и каятися о печали пустой. Таже на иную нощь въ забытіи ума отпечалился паки о просвирѣ и уснухъ, и нападоша на мя бѣси и зѣло утомиша паче преж-

няго. Азъ же после ихъ кое-какъ свалился з даски на полъ и валяяся по земли зѣло немощенъ, дряхгъ (sic) и каяся о беззаконіе своемъ пред Владыкою, и в то время проклялъ Никона с никоніяны и жертву ихъ и вся ново вводныя ихъ ереси и умыслы, и бысть паки здравъ по прежнему, и восіяи ми сердце радость духовная и неизреченная. Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

№ 31. Нравоученіе [1]).

Послушайте, чада, да скажу вамъ, что есть тайна христіянская, и как жити в вѣре Христовѣ. Прежде всего имѣйте страхъ Божіи в сердцах своих, да от того научитися и Бога боятися: се бо, чада, заповеди Божія, еже любити Бога всѣм сердцемъ и всею душею и всѣм разумомъ и всѣмъ помышленіем твоимъ. Ходящу ти и сѣдящу и возлежащу, да паритъ умъ твои горѣ к Богу, и яже на небеси, и яже на земли, видимая и невидимая разсуждая, да поеши непрестанно пѣснь свою Господеви: яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси, мене ради человѣка человѣкъ бывъ, человѣколюбія ради, Христе Спасе мой, мене ради человѣка в нищетную плоть облещися изволилъ, Христе Спасе, да мене обогатиши в вѣкъ вѣка; мене ради человѣка по плещема біенъ бываше, и язвы и копейное прободеніе пріятъ, Христе Спасе, да уязвенна мя от грѣхъ изцѣлиши; мене ради оста (sic) и желъчи вкусивъ, Христе Спасе, да вѣчныя мя горести свободиши; мене ради смерть вкусивъ, Христе Спасе, даже животомъ вѣчнымъ живъ буду; мене ради во гробѣ положенъ бысть и плащаницею повитъ, Христе Спасе, да погребенна мя страстьми отъ грѣхъ разрешиши; яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси. Таже в третій день воскресе Христосъ Сынъ Божій и во адъ сниде обоженною плотію и душею, ада пленилъ и, діявола связавъ, и изведе вся святыя отца, въ рай всели, и иныхъ съ Собою въ даръ ко Отцу своему и на небо вознесе. Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси! Сѣде на престолѣ херувимстѣмъ вознесшеся одесную Бога Отца, и царствію Твоему нѣсть конца, и паки пріидеши судити живымъ и мертвымъ, и воздати комуждо по дѣломъ его. И тогда наше естество мертвенное будетъ пожерто животомъ, пріимем кождо или блага или зла от всемогущія десницы Твоей. Дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію строиши! Тогда же, Боже, будеши всяческая во всѣхъ, во святыхъ и праведныхъ и избранныхъ своихъ, и поклониттися всяко колѣно небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ, и всякъ языкъ исповѣсть, яко Господь Ісусъ Христосъ в славу Богу Отцу. Веліи еси, Господи, и чюдна дѣла Твоя, и ни

---

[1]) По ркп. Имп. Публ. Библіотеки, О. I, № 339, л. 227—288 об.

едино же слово доволно есть к похваленію чюдесъ Твоихъ! Кая Ти похвалы, Боже, принесу, имый каленъ языкъ и сердце развращенно и сквернава уста? Но съ Павломъ апостоломъ реку: О глубина богатства премудрости и разума Твоего, яко неиспытаны судбы Твоя, ниже изслѣдованни путіе Твои!.. Кто разумѣ умъ Твой? Или кто совѣтникъ Тебѣ бысть? Твоею бо волею от небытія в бытіе привелъ еси вся, Твоимъ промысломъ строиши весь міръ. Ты от четырехъ стихій тварь составилъ еси, четырми времены кругъ лѣту венчалъ еси! Тебѣ трепещутъ умныя силы вся! Тебѣ поетъ солнце, Тебѣ славитъ луна, Тебѣ молятся звѣзды, Тебя послушаетъ свѣтъ, Тебе боятся бездны, Тебѣ работаютъ источницы. Ты простерлъ еси небо, яко кожу, утвердилъ еси землю на водахъ, Ты оградилъ еси море пескомъ, Ты воздыханію воздухъ пролилъ еси! Ангельскія силы Тебѣ служатъ, архангельскія лицы Тебѣ кланяются, многоочитая херувимъ и шестокрылатая серафимъ окрестъ Тебѣ стояще и облѣтающе, страхомъ неприкосновенныя Ти славы закрываются. Ты бо, Богъ нашъ, на земли явися и с человѣки поживе, и Іорданскія струя освятилъ еси, с небесе низпославъ Святый Свой Духъ, и главы тамо гнѣздящихся зміевъ стерлъ еси. Удивися разумъ Твой отъ мене и не возмогу к тому, яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси! И сіе псаломское слово безпрестанно, чадо, припѣвай души своей: се бо ти есть первая заповедь.

Подобнѣ же ей и вторая: Возлюбиши ближняго своего, яко самъ себѣ. Кто бо ближній нашъ? Меню же всякаго христіянина, живущаго в вѣре Христовѣ. Къ сему бо согласуютъ евангельская словеса (Лук. зач. 26): рече Господь, якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде, еже есть: хощеши помилованъ быти, самъ такожде милуй; хощеши почтенъ быти, почитай; хощеши ясти, иныхъ корми; хощеши взять, иному давай. Се бо есть равенство, а по превосходному уму себѣ желай хуждьшее; а искреннѣму лутьшее; себѣ желай меньшее, а искреннему большее; богатому поклонись въ поясъ, а нищему в землю; ударить тя кто по ланитѣ, обрати ему другую и отшедъ ему же поклонися. Чти отца твоего и матерь твою любезнѣ и сердѣчнѣ, яко ко святымъ, к стопамъ ногъ ихъ главу приклоняй благоговѣйнѣ, изведшихъ тя от своея утробы: тебя ради утроба матерня болѣзнь претерпѣ, отецъ же, болѣзнуя о тебѣ, воздыханіемъ и печалію снедаемъ всегда. Сего ради старость его поддержи, болѣзнь его уврачюй, гной его своима рукама обьмой, ризы мяхькія на плоть его возложи, сѣдины его облобызай, пищею сладкою напитай, и отшед, поклонись, яко Іосифъ прекрасный отцу своему, не постыдѣся Египта державы своея. Такожс и матери твори, яко Соломан царь Виръсавію о десную престола своего устроилъ: аще ветха денми, на руку своею поноси, чрезъ грязь на плецу пренеси; прежде ея напитай, потомъ самъ вкуси; со гласомъ хваленія главу свою к перьсямъ ея преклоняй и облобызавъ корень рожденія своего, воздохни о старости ея и падъ поклонися родителю своему: се бо есть благопріятно и любезно пред Богомъ. Якоже бо ты отцу

своему и матери сотворишь, такожде и тебѣ чада твоя сотворят, и в нюже мѣру мѣриши, возмѣриттися.

Еще же по плоти брата и сестру своихъ почитай, не рцы имъ грубо и досадително, ничтоже восносись на единородныхъ своихъ, понеже единаго корене лѣторасли масличныя, едина утроба васъ поноси и единая ссаша сосца матери своея, изъ единыхъ изыдоша ложеснъ, едино лоно матернѣ васъ воспита и руце ея равно строиша васъ, единаче сердцемъ и утробою уязвляяся о васъ и равною любовiю прилѣжаше к вамъ. Воспоминайте, чада, между собою соузъ сей любви и равное к вамъ строенiе родителя своего, не возноситеся другъ надъ другомъ, и не преобижайте словомъ и дѣломъ и помышленiемъ единоутробныхъ своихъ, но меньшей братъ къ большему повиновенiе приноси, большiй же о меньшемъ вседушнѣ промышленiе твори: се бо есть тако воля Божiя, хощетъ в насъ сего спряженiя и любви, и симъ путемъ идущiи не заблудятъ, но прiидутъ ко Господу Богу своему.

Такоже и прочихъ сродниковъ чти и люби от души своея, а не на лице тщетною лестiю и оплазивымъ умомъ, потомъ же и вся человѣки во истину люби, Бога ради люби: якоже и Онъ возлюбилъ есть насъ, от небытiя в бытiе приведе, и падшихъ во тлю банею водною омывъ, еже есть святымъ крещенiемъ просветивъ. Кiй даръ таковый можемъ Ему принести, якоже Онъ о насъ сотвори, высоки царю непостижимый, сотупивъ с небесе, плотъ нашу восприятъ, насъ ради умре и воскресе, и оживе, взыде на небеса, и сѣде одесную Бога и Отца, и проповѣдуетъ о насъ, еже есть всѣхъ насъ ища, даже сыны свѣту сотворитъ и сподобитъ вѣчныхъ благъ. Како мы о селице нерадивше спасенiя взимаемся другъ на друга, Творца и Промышленника имамы такова преблагаго и человѣка щедраго и милостиваго к нашей нищетѣ. Возлюбимъ другъ друга, чада церковная; аще возможно, со всѣми человѣки писанiе миръ имѣти велитъ и любовь, яже о Господѣ.

Разумѣете ли силу любви? Не сiю глаголю любовь, еже любитъ рачитель блудный рачительницу или пьяница пьяницу, — такоже любятся тати с татьми и мытарь съ мытаремъ: ядятъ и пiютъ и другъ друга, восхитя чюжая, с любовiю да пiютъ. Ни, ни! Се бо есть пагубная бесовъская любовь, истинная же любовь о Господѣ Бозѣ и Спасе нашемъ Iсусѣ Христе — сiя есть: отъ трудовъ и пота лица своего алчна накорми, жадна напои, нага одежи, странна в домъ свой введи, священьство и иночество почитай, главу свою до земли имъ преклоняй, в темницу пришедъ сѣдящимъ упокоенiе сотвори, о вдовице и сиромъ попекись, грѣшника на покаянiе приведи, заповедь Божiю творити научи, должнаго искупи, обидимаго заступи, мимоходящему путь укажи, и проводи и поклонись, и о всѣхъ и за вся молитвы Богу приноси о здравiи и о спасенiи всѣхъ православныхъ христiянъ. Се бо есть сила любви: аще время привлечетъ и пострадать брата ради, не оторцыся, по Христову словеси, болши бо сея любви нѣсть, да кто душу свою за друга своего положитъ. Якоже Онъ за насъ пострада, тако и намъ по-

велѣ другъ за друга страдать. Аще не имамы изволенія о вышереченныхъ сихъ, нѣсть христіяня и чюжди Христа.

Еще же к тому и иная хощетъ от насъ Богъ, еже есть постъ со слезами и молитва, благодареніе, терпѣніе, труды и подвиги в насъ да бываютъ, от насъ же слово гнило да не изыдетъ, сирѣчь, клеветаніе, кощуны, лжесловесіе, оболганіе, брань и сваръ о суетныхъ, гордыня же и тщеславія внутреньняя и внѣшняя да не бываетъ въ насъ. Аще что и добро сотворишъ, ничтоже сотворилъ, и всякую добродѣтель не на явленіе человѣкомъ твори, но скрывай в сердцы своемъ; аще возможно, и самъ забывай и не предлагай пред совесть свою, помышляй, яко ничтоже сотворихъ. Се бо есть угодно Богови, яко всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесется.

Намъ же подобаетъ на всякъ день научатися закону Господню и заповедямъ Его: учителю присѣдѣть, книгамъ прилѣжать, слово Божіе слушать и инымъ вещать. Изрядніе же в празникъ и в день недѣльный упражнятися о семъ, оставя всю суету суетія мира сего, ко церкви на молитву тещи и на поученіе божественныхъ словесъ, яко Петръ и Іоаннъ текоста ко гробу Господню увѣдати истинну востанія Его: зѣлнымъ тщаніемъ текоста оба вкупѣ, Богословъ же рече скорѣе Петра и прийдѣ ко гробу и приникъ видѣ ризы едины лежаща, обаче не внидѣ; потомъ и Петръ пришелъ и внидѣ во гробъ и видѣ и вѣрова. Тако и вамъ, старикомъ, молодыхъ прежде себя из домовъ ко церквѣ высылать, да не разлѣнится замедленіемъ. Потомъ и самъ за ними, яко пастушокъ Христовы овечьки в овчарникъ погони. И пришедъ в домъ Божій, яко апостоли во гробъ, со страхомъ и трепетомъ многимъ и с радостію веліею стойте и слушайте писаннова о погребеніи и о воскресеніи Христа Бога нашего. Якоже алчущіи желаемъ ясти, а жаждуще желаемъ пити, тако должни суть послушати слово Божіе. Отъ слушанія бо пользуемся и великую мзду пріемлемъ; аще кто не любитъ слушати слова Божія, той и Христа не любитъ и вѣры отвергся есть; писанная же слышавше, подобаетъ и дѣлы касатися, якоже рече Господь: аще кто слово Мое соблюдетъ, смерти не иматъ видети во вѣки, еже есть муки вѣчныя.

Братія и чада моя о Господѣ, богатіи и убозіи, мали и велицы, смиренныя и нищія, сирыя и вдовицы, дондеже имамы время, попецѣмся о единородныхъ своихъ душахъ и о домашныхъ своихъ: мужъ о женѣ, жена о муже, отецъ о сынѣ, сынъ о отцѣ, братъ о сестрѣ, сестра о братѣ. Не во тлю, молю вы, попеченіе творимъ, якоже невѣрни попеченіе творятъ о брашнехъ и о ризахъ и о чести настоящаго вѣка сего, како сына ризами украсить, како дщерь вѣномъ, сирѣчь приданымъ доволно наделить, или пиршество ясно и свѣтло сотворить, или в дому храмы красныя и поваплелыя возградить. Ни, ни! чада моя о Господѣ! Се бо языческо есть, в васъ же, Христовыхъ ученикахъ, не тако да буди, но пещися вамъ подобаетъ, како сына и дщерь во благоразуміе привести, како къ любви Божіи привлещи, в пра-

вославной вѣре утвердить и милость и любовь къ человѣкомъ научить, молитве и посту и инымъ добродѣтелемъ вразумить: се бо есть благопріятно и любезно Богу. Еще же мужъ женѣ и жена мужу своему да воздаютъ должную любовь о Господѣ, и пейте от своихъ студенецъ источника, еже есть, въ чюжія кладези не ходите, но свою воду пійте; просто рещи: другъ отъ друга не соблудите и не желайте красоты чюжія. Во всякомъ кладѣзѣ единака вода и не разньствуетъ ничѣмже друга друзѣй, — тако и совокупленіе мужа и жены: токмо красота чюжая грѣху ходатайственна, а сладость смѣшенію одна. Якоже в раи красенъ бѣ и добръ в снѣдь, иже Адама уморивый плодъ (озоба и нагъ бысть славы своея),—тако и здѣсь чюжая красота нага сотворитъ, такъ что сталъ еси, о мужь или жена, бѣсъ не бѣсъ, человѣкъ не человѣкъ. Какъ на тебя Христосъ поглядитъ, какъ Пречистая Богородица позритъ, какъ явишися на страшнемъ и нелицѣмѣрномъ судѣ, нагъ красоты и одеянія свѣтло блещающихся ризъ? Скрыся под древо со Еввою Адамъ и прикрыста листвіемъ смоковичнымъ свою наготу. Тогда Богу ходящу в раи и глаголющу: Адаме, Адаме, гдѣ бѣ?—спрятался бѣдной под кустъ: какъ появитца нагъ? О окаянный Адамъ, куды отъ Бога бежишъ? Со діяволомъ любилъ пировать и воровать, а Жиждителю повинутца не захотѣлъ! Также бываетъ и здѣсь: мотрошитъ окаянной прелюбодѣй, яко Адамъ, листвіемъ закрываетъ свою срамоту, сирѣчь в банѣ парится и измывается начисто, зблудя с чюжею или блудница с чюжимъ, рубаху бѣлую воздѣваетъ, к церквѣ пришедъ, молитвы у попа проситъ, бутто и всегда доброй человѣкъ, праведникъ; а совесть-та замучила злодѣя; да тут же идетъ ко кресту и к прочимъ святынямъ касается. Охъ, охъ! безумія! Не зритъ внутрь души своея наготы и срамоты, яко вмѣсто ризъ благодатныхъ сквернавыми ризами оболченъ, и помазанъ блудною тиною, и вонею злосмрадною повитъ, и бѣсъ блудной в души и на шее седитъ. Кудри бѣдной разчесываетъ и усъ разправливаетъ посредѣ народа. Силно хорошо! И плюнуть не на ково! А прелюбодѣица белилами, румянами умазалася, брови и очи подсурмила, уста багряноносна, поклоны ниски, словеса гладки, вопросы тихи, отвѣты мяхки, привѣты сладки, и взгляды благочинны, шествіе по пути изрядно, рубаха белая, ризы красныя, сапоги сафьянныя. Кака быть хороша! Вторая египтяныня Петерфіина (sic!) жена, или Самсонова Діалида блядь! Посмотрит-ко, дурка, на душю свою, какова она красна, и ты кудрявецъ, чосаная голова! Я отселѣ вижю, в васъ гной и червіе в душахъ вашихъ кипятъ, бѣси же васъ злосмрадною водою кропятъ и ликовствуютъ в васъ, яко во адовыхъ темных жилищахъ веселящеся; вы же не чюете в себѣ зверей таковыхъ, яко снѣдаютъ васъ ради беззаконныя сласти сея.

Молю вы, престаните от беззаконія сего сотворите себя храмъ Божій и обитель Христу Сыну Божію со Духомъ Святымъ, исправитеся покаяніемъ и слезами и припадите к Богу с вѣрою прямо животворящему мертвыя. Милостивъ бо есть иже праведники любя и грѣшныхъ милуя прибѣгшихъ к

нему. Возрите на вышереченное Ниневитцкое покаяніе и Манасіино, сладость грѣховную загладите горестію, сирѣчь постомъ и слезами со воздыханіемъ, и прочихъ заповедей Божіихъ будите причастницы. Кая потреба времянно усладитися грѣхомъ, а вѣчно мучитися! Немощи ради нашія данъ намъ бысть законъ; безгрѣшно и чисто законное ложе, по согласію ко времяни, еже есть время глаголетъ апостолъ понедѣльникъ, вторникъ, четвертокъ, аще праздника нѣсть; среда же и пятокъ, суббота и недѣля да хранима бываетъ, и праздники во весь годъ, и великіи постъ, и Пасха до Ѳомины недѣли. Поститися и молитися тогда подобаетъ, а не сластемъ прилежати; глаголю же, и по вся дни во весь годъ в молитвѣ пребывати, но указныя дни от женъ нас правила не возбраняютъ ко времени.

Въ Бесѣдахъ апостольскихъ святый Златоустъ разсуждаетъ, поучая к нощной молитвѣ, сице глаголетъ: егда в нощи стоишь на молитвѣ и воспалиттися похотѣнія пламень, остави дѣло молитвы и угаси палящее, шедъ к женѣ своей на ложе, и очистився паки, да совершиши дѣло молитвы. Вонми реченному, по словеси Господню: слушая васъ, Мене слушаетъ. Слушай же, что я Христѣ стану говорить! Не лежи в савернѣ бывъ з женою своею; аще и писано: честенъ бракъ и ложе нескверно, но не к тому глаголетъ апостолъ, еже не очищатися. Скверна бо есть от Адама и до сего дни и во вѣки. Еретицы, восхитивше слово се апостольское без разсужденія, в скверна хъ ходятъ и не омываются, и обѣдни попы не омывшеся поютъ. Со мною стязавшеся говорили: апостолъ-де насъ такъ научаетъ,— азъ же имъ о Господѣ рекохъ: апостолъ писалъ разгордѣвшимся Коринѳяномъ и Евреомъ, понеже извѣтомъ благовѣрія жены своя оставляху и потомъ к чюжимъ коснутся. Павелъ же, увѣдавъ, восписуетъ имъ в брацѣх со женами своими жити и глаголетъ: честенъ бракъ и ложе нескверно, а с чюжими нечестно и скверно, сирѣчь грѣховно. А еретики поганцы по своему строятъ, правовѣрніи же чистоту да соблюдаютъ. С Павломъ глаголю: не призва бо насъ Богъ на нечистоту, но на святбу. Не омывся, не касается святынѣ, но в кое время смешеніе сотворилъ, в то время и очистися; аще и дважды одною ночью, дважды и очищайся, а лѣности ради в скверне не валяйся.

Такоже и бесовское мечтаніе очищай, идѣже сѣмя падетъ и порты измывай, и правильце по мечтаніи сотвори, или 500 или 100 поклонцовъ. Аще, не измывся по мечтаніи, со женою своею падешъ и зачнетъ во утробѣ дѣтище: или бѣсно родится, или безумно, или инако развращенно и недостаточно. Егда же кая жена к мужу своему стропотствуетъ ложю его (есть писано в Палее), у таковых раждаются дѣти неблагообразны, или косы, или бриласты, или нѣмы. Аще виномъ упивается жена, у таковыхъ раждаются плешаты. Сего ради не бывайте, жены, противны мужамъ своимъ, якоже апостолъ рече: мужъ тѣломъ своимъ не владѣетъ, но жена; такоже и жена своимъ тѣломъ не владѣетъ, но мужъ. Видите ли, како покорилъ Богъ во единство другъ другу, да спряженіе непорочно будетъ? И в другой главизнѣ

пишетъ: нестѣ к тому два, но плоть едина; еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ; аще стропотства ради женьня падетъ мужъ в прелюбодеяніе, о семъ отвещати жена предъ Богомъ будетъ; такоже и мужъ женѣ своей должную любовь да воздаетъ. Апостолъ рече: Аще мужъ волею своею в прелюбодѣяніе впадетъ, да престанетъ и да смирится со женою своею; аще жена в прелюбодеяніе впадетъ, всячески да разлучится от мужа своего: не подобаетъ съ нею, прелюбодѣицею мужу жити. Въ правилехъ пишетъ: горше мужня паденіе женнѣ. Сего ради писаніе повелѣваетъ повиноватися женамъ к мужамъ своимъ и не пререковати имъ, но послушливымъ быти, понеже послушливымъ Богъ подаетъ честь и славу, а непослушливымъ горкую муку. Подобаетъ женѣ предъ мужемъ тихой, кроткой, веселой быти, обычай имѣти кротокъ, понеже глава есть женѣ мужъ; якоже глава крестъ на церквѣ, тако глава мужъ женѣ; якоже повинуется церковь Христу, тако достоитъ повиноватися женамъ к мужемъ своимъ.

Разумѣешь ли, како церковь повинуется Христу? Вонми, приклони ухо твое мнѣ и услыши глаголы моя. Прежде даже Христу не вочеловѣчившуся, церковь блудница была: кумиромъ жреніе, бесомъ было жилище в ней; егда же женихъ с небесъ пріиде Сынъ Божій, плоть нашу воспріятъ, подобенъ намъ бысть кромѣ греха, смерть вкусивъ, грехи наши на крестѣ пригвоздивъ, во гробѣ положися и воскресъ, взыде на небеса и сѣде одесную Бога и Отца и сидитъ церковію сею телесною, дондеже положитъ вся враги своя подъ норама своима. Видиши ли, бракъ каковый устроилъ Женихъ небесной: на блудницѣ женился, церковь нашу телесную на божество облече и на крестъ вознесъ, таже обоживъ ю, и на небо вознесъ. Оттолѣ не бысть кумиромъ жренія, ни бесомъ служенія, но языцы притекаютъ под кровъ церкви Бога живаго, искупльшаго насъ кровію Своею; и прибѣгающе в рукотворенную видимую церковь уневещаемся Христу, повинующеся седящему на небѣ одесную Отца, Его же побѣда святый и животворящій крестъ на церкве яко глава. О семъ разумѣй: без креста храмъ — изба, без мужа жена—вдова. Павелъ апостолъ пишетъ къ Ефес. зач. 230: жены своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже и Господу; зане мужъ есть глава женѣ, якоже и Христосъ глава церкви, и той есть спаситель тѣлу, но якоже церкви повинуется Христу, такоже и жены своимъ мужемъ во всемъ. Мужіе, любите своя жены, якоже своя телеса; любяй бо свою жену, себе самого любитъ, никто же бо когда свою плотъ возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, яко и Господь церковь, яко уди есмы тѣла Его, от плоти Его и от костей Его. Сего ради рече, оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилепится женѣ своей, и будета оба в плоть едину; азъ же глаголю во Христа и церковь, обаче и вы по единому кождо свою жену сице да любятъ, якоже и себе, а жена да боится мужа своего. Чада, послушайте своих родителей о Господѣ: се бо есть праведно пред Богомъ; отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте их в наказаніи и ученіи Господнии. Раби, послушайте господей своихъ по плоти со страхомъ и трепетомъ, не пред очима точію рабо-

тающе, яко человѣкоугодницы, но якоже раби Христовы, творящи волю Божію от души, со благоразуміемъ служаще, якоже Господу, а не яко человѣкомъ, вѣдуще, яко кождо еже аще сотворитъ благо, сіе пріиметъ от Господа, аще рабъ, аще свободь. И господіе, такожде творите к нимъ, послабляюще имъ прещенія, вѣдуще, яко и вамъ самѣмъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ и обиновенія лицу нѣсть у Него.

Ну, свѣты мои, вотъ вамъ и Павла апостола ученіе предложилъ мужемъ и женамъ, и дѣткамъ и отцамъ, и рабомъ и господамъ. Послушайте же ево Павла Бога ради, живите такъ, какъ онъ велитъ, понеже Павлова уста Христова уста, Христова же уста Павлова уста и Златоустова такова же, и всѣхъ святыхъ имъ же равна. Внимайте реченію и послѣдуйте словесемъ ихъ, не ищите риторики и философіи, ни краснорѣчія, но здравымъ истиннымъ глаголомъ послѣдующе, поживите. Понеже риторъ и философъ не можетъ быти христіянинъ,—Григорій Нискій пишетъ. И Златоустъ тому же согласуетъ, сице глаголя: яко ни на прагъ церковный риторъ и философъ достоинъ внити. И Павелъ апостолъ глаголетъ: пріидохъ бо не по превосходному словеси разума человѣча, но в показаніи духа и силы. И въ другой главизнѣ пишетъ: погублю премудрость премудрыхъ, и разума разумныхъ отвергуся. Да и вси святіи нас научаютъ, яко риторство и философство внѣшняя блядь, свойственна огню негасимому: от того бо раждается гордость, мати пагубѣ, и нѣсть ми о семъ радѣнія. Азъ есмь ни риторъ, ни философъ, дидаскалства и логофетства не искусенъ, простецъ человѣкъ и зѣло исполненъ невѣденія. Сказать ли, кому я подобенъ? Подобенъ я нищему человѣку, ходящу по улицамъ града и по окошкамъ милостыню просящу. День той скончавъ и препитавъ домашнихъ своихъ, на утро паки поволокся. Тако и азъ, по вся дни волочась, збираю и вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю: пускай ядше веселимся и живи будемъ. У богатова человѣка Христа изъ евангелія ломоть хлѣба выпрошу, у Павла апостола, у богатова гостя, ис посланей его хлѣба крому выпрошу, у Златоуста, у торговаго человѣка, кусок словесъ его получю, у Давида царя и у Исаи пророковъ, у посадцкихъ людей, по четвертинѣ хлѣба вы просилъ; набравъ кошель, да и вамъ даю жителямъ в дому Бога моего. Ну, ежте на здоровье, питайтеся, не мрите з голоду, я опять побреду збирать по окошкамъ. Аще мнѣ надаютъ,—добры до меня люди-те, помогаютъ моей нищетѣ,—а я паки вамъ бѣдненкимъ поделюсь, сколько Богъ дастъ. Не подобаетъ скрывати даннаго намъ таланта, даже не осудимся, яко и оны обертѣвъ во убрусъ сребро господина своего и скрылъ в землю, за сіе ввер-женъ бысть во тму кромѣшную, идѣже плачь и скрежетъ зубомъ и зѣло прягутъ во огни негасимомъ. Не ленись того для, собака! Охъ, охъ! горе мнѣ! Како и азъ с нимъ не осужденъ буду за лѣность мою. Боюся, братіе, онаго огня, и зѣло трепещетъ душа моя, яко горекъ есть и неугасаемъ есть. Иванъ Екзархъ пишетъ в Шестодневѣ своемъ о солнцѣ семъ видимомъ, на небѣ текущемъ сице: имать солнце в себѣ два естества, жгущее

и свѣтящее, и в послѣдній день раздѣлитъ Богъ; едино свѣтящее обновитъ и паки седмицею свѣтлѣйши устроитъ и на небѣ положитъ светити праведнымъ, жгущее же естество отъиметъ и усугубитъ лютость и послетъ подъ землю въ адовы темницы на мученіе грѣшнымъ. Охъ, охъ! имъ бѣднымъ будетъ! Видите ли, сколь высоко от земли небо, а и тутъ горечо отъ теплоты солнечныя бываетъ. Колми же во пламени горящимъ осужденный будетъ и въ лютости сугубой. Нынѣ от высоты той сюды токмо мало повеваетъ, а и тутъ бываетъ жарко: подъ сѣнь подбегаемъ.

Тотъ же Ексархъ пишетъ: повелѣніемъ Божіимъ текуще выспрь пылаетъ пламя, упирается в воды, понеже бѣзмѣрны над нимъ, еже есть на тверди, положены воды. Сего ради теплота к намъ низу сходитъ, не прошедше естество водное; егда же под землю поидетъ, аможе Богъ вѣсть ю другое небо, тамо и свѣтъ заходитъ, а здѣсь тма и хладъ бываетъ. Яко платъ в платѣ, Богъ устроилъ под землею другое небо. Въ семъ небѣ, егоже видимъ, тамо и планиты и зодѣи обтекаютъ под безмѣрными водами, и паки по нощи измывся в водахъ солнце свѣтлѣйши просіяваетъ. Есть и Златоустъ сему согласуетъ в словѣ о умиленіи и слезахъ сице пишетъ: не без ума бо солнце во акіянъ сходитъ, но измывся луча просвети. Тамо и праведное солнце Христосъ во Іордани. Велика дѣла Господня и неизреченна. Онъ же Иванъ Ексархъ обмереніе и премѣреніе его пишетъ: кругъ бо его стадій двадесят темътіи и пять темтіи и 12.000 премѣреній иже его осмъ темътій, а мѣсяцъ в полы. По своимъ поясомъ текуще, такожде и звѣзды по разнымъ поясомъ имже Аррисъ предводитель. К тверди непригвожденны, но кояждо по своему пути шествіе творятъ, по тонкому телеси воздуха.

Дивна дѣла Господня: на тверди воды, под твердью солнце и звѣзды, небо вертится, воды не проливаются, солнце и луна и звѣзды по своему пути теченіе совершаютъ, неприльпны к небу. В началѣ повелѣ Богъ: небо, вертися скоро, солнце и звѣзды текитє борзо, да другъ другу предкновеніе не сотворите, воды на тверди почивайте и низу не сходите,—и вся слова Божія слушаютъ, ис предѣлъ своихъ не выступаютъ.

Слышали ли есте, прежереченныя прелюбодѣи? Какъ вы не боитеся сотворшаго преславная таковая, поне огня геенскаго убойтеся: лютъ зѣло и ядовитъ будетъ. Престаните, молю вы, Господа ради и покайтеся. Хощете ли азъ вамъ образъ покаянія предложу изъ Евангелія? Выпросилъ я у Христа, цѣлая коврига мяхъкова хлѣба! Есть что кушать милостію Божіею: у Него, Свѣта, не скудно! Ту сьедимъ, и другую подастъ: не скупъ и не завѣстливъ Владыка, всѣхъ желаетъ, всѣхъ спасенія ищетъ, старыхъ и молодыхъ, всякаго возраста на всякъ часъ собираетъ въ небесное царство. Подщимся, не обленимся и мы причастницы быти со святыми.

Еванг. Матѳ. Зачало 80. Рече Господь притчю сію: подобно есть царствіе небесное человѣку домовиту, иже изыде купно утро наяти дѣла-

теля въ виноградъ свой. И совѣщавъ со дѣлатели по пѣнязю на день, посла ихъ въ виноградъ свой

Толкъ. Человѣкъ домовитъ Христосъ Сынъ Божій, человѣкъ бывъ человѣколюбія ради; дѣлатели — мы, человѣки, виноградъ — Христовы заповеди; пѣнязь—Духъ Святый. Изъ за утра нанимаетъ на дѣло: сирѣчь, от чрева матерня хощетъ нас заповедямъ дѣлателямъ быти. Совѣщеваетъ беспрестанно отъ Адама и до сего дня и во веки. Исперва совещевая Адаму в раи, заповедь дая: от сего древа яси, а от древа еже разумѣти добро и зло не яси, да не смертню умрете, третье еже древо честно, яко венецъ, рече ему Богъ, аще соблюдеши заповедь сію, се предаю ти древо красное сіе во область тебѣ. Адамъ же поползеся, преступивъ заповедь Зиждителеву, изгнанъ бысть изъ рая, да не коснется красному древу безсмертному сему и осудится во веки под грѣхомъ, яко и дияволъ без помилованія. Сего ради изгна его Богъ изъ рая на сію землю удолную и зноемъ подавлятельную: въ потѣ лица своего ядше хлѣбъ, вкуситъ смерть горкіи вкусъ, и паки да пріиметъ опитемію соверша первый рай от негоже испаде, потомъ противенъ Богу не будетъ и равенъ быти не восхощетъ. Хотѣлъ Богъ быти и не бысть, но во адъ попалъ: аще бы не сынъ по плоти Христосъ вытащилъ, в крѣпкой твердыни адцкой былъ посаженъ, тысящи съ полпяты за епитемію связанъ былъ у сатаны за одинъ обѣдъ. Како помышляеши прелюбодѣю избыти адъскихъ жилищъ? Во сластехъ всегда и в тимѣніи валяешися, заповедь Божію попирая и наруговая владычество Его. О окаянне и страстнѣ, вниди в совѣсть свою, познай Господа; престани, покайся, миленкой! Аще ли ни, да судитъ Богъ между мною и тобою: говорилъ тебѣ! Изгнанъ бысть Адамъ, позна жену свою и зачень роди чада, и нача множитися человѣческіи родъ. Богъ же яко изъ-за утра от начала всѣхъ призвалъ по благовѣденіи, твореніи научая видимыи от невидимыхъ. Но маліи ис перваго часа пріидоша: Авель, Сифъ, Еносъ, Енохъ, Ное до потопа.

Евангеліе. И пришедъ в третій часъ, видѣ ины стояща на торжище праздны и тѣмъ рече: идѣте и вы в виноградъ мой; и еже будетъ правда, дамъ вамъ. Они же идоша.

Толкъ. Въ третій часъ призванъ бысть Авраамъ и Исаакъ и Ияковъ и дванадесятъ патріархъ, сыны Ияковли, таже Мельхиседекъ и Іовъ и иніи прежде закона угодивши Богу, учими от твари Бога познавати. Бытія о томъ возвѣщаетъ: чтый да разумѣетъ.

Евангеліе. Паки же ишедъ в шестыи и в девятыи часъ сотвори такоже.

Толкъ. Въ шестый и в девятыи часъ призваны в законѣ Моисѣове пророцы и праведницы во многоразличное время до пришествія Христова; Моисей и Ааронъ и Самоилъ, царь Давидъ, и Исаия, Іезекѣиль, Данилъ и три отроки, Илия и Еремѣя, Семионъ Богопріимецъ, Захарія и Иванъ Креститель, и прочихъ Бытія возвещаетъ.

Евангеліе. Во единодесятый же часъ ишедъ обрѣте другія весь день стояща праздны, и глагола имъ: что здѣ (стоите) весь день (праздны)? Они же глаголаше ему: яко никто же насъ наятъ. И глагола имъ: идѣте и вы в виноградъ мой, и еже будетъ праведно, пріимѣте.

Толкъ. Во единонадесятый же часъ, еже есть в послѣдняя лѣта вочеловѣчился Сынъ Божій и призва апостолы и мученики и святителя и преподобныхъ и женъ боголюбивыхъ чета. Оттолѣ и до днесь и до конца вѣку безпрестанно зоветъ святымъ писаніемъ.

Приводнѣ же разумѣваемъ часы сице, якоже Златоустый въ словѣ оглашенныхъ научаетъ о семъ: первый часъ—от чрева матерня непорочно живый до кончины своея, якоже Предтеча Иванъ, или в Руси нашей Сергій Радонежскій, и много сыщешь такихъ; въ третій же часъ глаголется егда прибѣгнетъ человѣкъ на дѣло Божіихъ заповедей в пятнадесятъ лѣтъ или в двадесятъ; шестый же глаголется часъ в тридесятъ лѣтъ; девятый же часъ в четыредесятъ лѣтъ или в пятдесятъ обратився отъ золъ, на покаяніе пришедъ, заповедямъ Божіимъ дѣлатель бысть; и единонадесятый же часъ самаю старость менитъ, при смерти и при конце прибѣгнетъ на покаяніе старикъ, не можетъ труда Богу никакова принести, но токмо воздыханіе и плачь. Глагола господинъ винограда: что здѣ стоите весь день праздны, еже есть: отдали есте юность свою діяволу, дайте мнѣ, Владыце своему, поне старость. Что здѣ стоите весь день праздны? отдали есте діяволу свою крѣпость, дайте мнѣ, Владыке своему, поне дряхлость, дайте мнѣ поне трясущіяся кости. Что здѣ стоите праздны? — пріидѣте в мою церковь, принесите ми вкупѣ кресты и жезлы, дряхлость свою потверждая; пріидѣте в церковь состарѣвыйся на играхъ и на плищ... многомятежнаго сего вѣка, ничтоже ино имый, токмо стоитъ у дверей, жезломъ подпершися и перстовъ сложитъ не умѣетъ, понеже плоть измождала, руки не гнутся, порекреститися не можетъ и поклонитися плоть не служитъ: дрожатъ ноги, спина не гнется, услышавъ евангельское слово: покайтеся, приближибося царство небесное, и къ сему токмо воздыхаетъ измождалыи бѣдный, слезы ото очію изпущая, сокрушая свое сердце.

И паки Евангеліе. Пріидѣте ко Мнѣ вси труждающеися и обремененіи, и Азъ покою вы. Онъ же глагола яко никтоже насъ наятъ, сирѣчь не слыхалъ де, какъ и родился, такіе милости Божіи яко покоити хощетъ и дати обещеваетъ небесное царьство. Яко никтоже насъ наятъ, — на купляхъ де и въ кормчмахъ дни своя изгубилъ, з добрыми и боголюбивыми людьми не знался, не слыхалъ слова Божія, а самъ писанію неискусенъ. Увы мнѣ грѣшному погибьшему душею и тѣломъ! И тако плакавъ много, скончався в покаяніи, предастъ душу свою Богу.

Евангеліе. Вечеру же бывшу глагола господинъ винограда к приставнику своему: призови дѣлателя и даждь имъ мзду, наченъ от послѣдних до первыхъ.

Толкъ. Вечеръ глаголется послѣдній день судный, егда пріидетъ Христосъ Богъ нашъ судити праведнымъ и грѣшнымъ и воздати комуждо по дѣломъ его. Вечеръ же глаголется смерть и комуждо конецъ житія его. Егда воскреснемъ повелѣніемъ Божіимъ, во гласѣ архангеловѣ и в трубѣ Божіи снидетъ с небесе Христосъ Богъ нашъ и сядетъ на престолѣ славы своея, и поставитъ праведныхъ о десную себѣ, а грѣшныхъ о шуюю, и речетъ ко праведнымъ: пріидѣте благословенніи Отца Моего и наслѣдуйте уготованное вамъ царство небесное; ко грѣшнымъ же: отидѣте от Мене проклятіи во огнь вѣчный, и прогнани будутъ. Глагола же господинъ винограда к приставнику своему: призови дѣлателя и даждь имъ мзду,— призови Авеля, перваго праведника, Мене ради кровь свою пролїявша, призови Сиѳа, призови Еноха, вѣрна Ми бывша и непщевавша истинна Мя Бога, призови Ноя, спасшаго миръ отъ потопа, призови Авраама и Исаака и Іякова и дванадесяте патріарха, призови пророки и праведники, угодившія в законъ, призови апостолы и мученики, святители и преподобныхъ и праведныхъ и всѣхъ святыхъ от века угодившихъ, и давай имъ мзду, наченъ от послѣднихъ до первыхъ; отверзи Моя сокровища, открой сокровенныя дары и даждь имъ мзду, наченъ от послѣднихъ до первыхъ; первое обвесели послѣднихъ, таже воздаждь первымъ. Первое обвесели послѣднихъ, да не унываютъ подожданіемъ замедленія ко пріятію неимущихъ благихъ дѣлъ, токмо покаяніе; праведники же уповаютъ ждуще, имуще предъ собою трудъ, свой подвигъ.

Евангеліе. И пришедше иже во единый на десяте часъ пріяша по пѣнезю.

Толкъ. Получили старики милые дары драгія и честны и безцѣнны, превращаютъ сѣмо и овамо в рукахъ своихъ, удивляяся глаголюще: аще не быхомъ вѣровали, не быхомъ таковаго безценнаго дражайшаго бисера получихомъ; слава всѣхъ Содѣтелю Богу нашему, приведшему насъ въ познаніе и отверзе намъ путь покаянія! Ради бѣдненькія старики!

Евангеліе. Пришедше же первіи мняху вящьше пріяти, пріяша и тіи по пѣнезю, пріемши же роптаху на господина, глаголюще: яко сіи послѣдніи единъ часъ сотвориша и равны намъ сотворилъ ихъ еси, понесьшимъ тяготу дне и варъ.

Толкъ. Не завидятъ святіи грѣшнымъ пришедшимъ на покаяніе, но и радуются о обращеніи ихъ: въ здѣшнемъ вѣцѣ о нихъ страждуще душа своя полагаху, како въ будущемъ роптати станутъ? Аще и рече Господь: роптаху, являетъ симъ словомъ честны дары и драги, яко и незавѣстнымъ зависть вложити; таково воздаяніе в день вѣка будетъ честно и драго. Единъ часъ сотворилъ на крестѣ разбойникъ, токмо рече: помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи си,—и симъ словомъ рай восхитилъ. И блудный и блудница покаяніемъ сопричастницы Христу Сыну Божію быша; такожe мытарь и Хананея смиреніемъ без труда отпустъ грехомъ пріяша,

и иніи безчисленіи при кончинѣ покаяніемъ Богу угодиша. Добро человѣку покаяніе взыскати.

Евангеліе. Онъ же отвѣщавъ рече единому ихъ: друже, не обижю тебе; не по пѣнязю ли совѣща со мною? Возми свое и иди. Хощу и сему послѣднему дати, якоже и тебѣ.

Толкъ. О, человѣколюбія! Владыка за рабовъ отвѣтъ творитъ, понеже сами оправдитися не могутъ послѣди пришедшеи, сирѣчь, безъ дѣлъ, токмо покаяніемъ Богу угодиша. Первіи же дерзновеніе имутъ велико, яко свидѣтельствующу дѣломъ ихъ, отъ юности Богу работавшихъ, якоже Иванъ Предтеча или Никола Чюдотворецъ. А еже рече Владыко, свое человѣколюбіе являя: друже, не обижю тебѣ, не по пѣнезю ли совѣща со мною?— сирѣчь, единъ де Духъ Святый дѣйствуяй во всѣхъ, и в первыхъ и в послѣднихъ; просто рещи, и болшой и меншой подвигъ противъ коегождо намѣренія единъ Духъ Святый строитъ. А еже рече: возми свое и иди, являетъ симъ словомъ, вся болшему тому противу дѣлъ его и труда воздалъ. А еже рече: хощу и сему послѣднему дати, якоже и тебѣ, се назнаменуетъ милосердіе свое ко всѣмъ равно.

Евангеліе. Или нѣтъ ми лѣтъ (sic!) сотворити, еже хощу во своихъ ми? аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмь?

Толкъ. Мои де и первіи и послѣдніи, всѣх люблю равно, никто мнѣ не укажетъ: еже хощу помиловати, помилую. Аще око твое лукаво есть, яко азъ благъ есмъ,—единъ Богъ по существу благъ непреложно, а человѣчество извратно: аще кто и праведно живый, при Бозѣ лукавс есть; и ангели извратны, нежели человѣки, а в человѣкѣ вся суть, и крѣпость и слабость; идѣже снузникъ, тамо и яремъ весь преклоняется, сирѣчь, куды умъ поклонится, туды и весь арганъ телеси. Око глаголется умъ по писанію: якоже око в телеси, тако и умъ в души (Златоустый рече). Или изволитъ на благая, или на лукавая, самовластенъ есть; Божій же изволъ всегда во благое, неизвратно благъ есть.

Евангеліе. Тако будутъ послѣдніи первіи, и первіи послѣдніи. Мнози бо суть званніи, мало же избранныхъ.

Толкъ. И вси по благодати звани суть, во всю землю изыде вещаніе апостольское и в концы вселенныя глаголы ихъ, но не вси вѣроваша. Такоже вѣрныхъ мнози и крестишася во имя Отца и Сына и Святаго Духа и паки отпадоша. А еже рече: тако будутъ послѣдніи первіи, и первіи послѣдніи,—еже есть в помилованіи Божіи вси равни, и мали и велицы святіи, а в почести даровъ разность и неравенство: кіиждо противо труда своего и мзду пріиметъ: не обидливъ бо Богъ и нѣсть неправды в Немъ. Трудившагося вся дни живота своего Николу или Златоуста не сверстаетъ с разбойникомъ в почести даровъ, и прочихъ по тому же разбойнику по благодати воздастъ противо ума его намѣренія, а Николѣ по долгу, сирѣчь, задолжилъ Бога мертвости житія своего. Тако и всякъ: потрудится болше, болше и пріиметъ; а еже обленится, по тому ему и воздастся. Аминь.

Далѣе въ сборникѣ до л. 296 идетъ отрывокъ, напечатанный въ V т. «Матеріаловъ» (стр. 252—255), подъ заглавіемъ: «Посланіе къ неизвѣстнымъ, обличительное за любострастіе».

№ 32. О Аввакумѣ протопопѣ [1]).

Присовокупляется с сими и великоревностный и многотерпѣливый Аввакумъ протопопъ, мужъ елико добраго и воздержательнаго житія, толико великія и огнепалныя ревности, и коль великодушіемъ изобильный, толь и многостраданіемъ обогащенный, иже земному царю, княземъ и боляромъ за праведное жизни знаемъ и любимъ бяше, и Небесному Царю, ангеломъ и святымъ всѣмъ возжалѣти показатися, иже всюду добры и преполезны клевреты присно имяше, в благопребываніи други, в стояніи за благочестіе совѣтники, в терпѣніи сострадалцы, и всюду доброревностенъ предоблій обрѣташеся. Колико убо премногая времена страдаше, в коликихъ премногихъ томленіихъ облачашеся, колико премножайшыя оземствія, заточенія и темницы великодушно терпяше! Но неподвижно при благочестіи стоя пребываше: ибо отъ самаго начала новшествъ внесенія, всепреизряднѣ к великимъ подвигамъ обострися, съ предивными Павломъ, Даніиломъ и Логиномъ всеблагоревностнѣ совѣтующе и Никоново обличающе опластво и царскому величеству на онаго жалобныя подаяху книги.

Откуду Никонъ на благоревностнаго Аввакума всеяростнымъ огнемъ возгорѣся. Служащу оному всенощное бдѣніе въ церкви Пресвятыя Богородицы Казанскаго образа на площади и множеству народу предстоящу со всежелательнымъ моленіемъ, прискочиша посланніи патріархомъ воини, яша блаженнаго, яко злодѣя, немилостивно, ничтоже зла сотворшаго, и тако немилостивно того яша, яко ниже пѣнія скончати, ниже службы святыя совершити ослабивше, ниже народа предстоящаго пощадѣвше, сице всеяростному Никону повелѣвшу, но от народу 60 человѣкъ поимавше прочымъ разбѣжавшымся, в темницу отведоша. Дивнаго же добропобѣдника на патріаршій дворъ отведоша, узами обложиша. Заутра Никонъ во Андрониковъ монастырь отославъ, того в темную храмину затвори немилостиво, и гладомъ томити приказа. На что добрый страдалецъ темницу, яко многоцѣнную свѣтлицу, тяжкій гладъ, яко всекрасное прохлажденіе, вмѣняше, отъ человѣкъ презираемъ, Божіею благодатію питашеся, во ономъ монастыри четыри седмицы сѣдяше, скованъ, различная озлобленія, немилостивная досажденія, присная руганія, подсмѣятелная влаченія, за власы терзанія, заплеванія от держащихъ досадително пріимаше, но ду-

---

[1]) «Винограда Россійскаго», гл. 3-я, по рукоп. Румянцевскаго Музея, № 505, л. 46 об.—59 об.

шею крѣпкій не изнемогаше, съ Павломъ вопія: кто изнемогаетъ, и азъ не изнемогаю.

Оттуду паки на патріаршъ дворъ привезше, того безчестно патріарху представиша. Колико убо Никонъ потщався того крѣпость низложити, кіихъ ласканіи не изнесе, всяку кознь, всяку хитрость подвизая, да превратитъ твердодушнаго? Но ничтоже успѣти возможе: вся бо ухищренія и козно-дѣйства Никонова добліи, яко паучину, растерза, немощны и отнюдъ не дѣйственны показа. Паки отвозимъ бываетъ во оный же монастырь, и по времени нѣкоемъ, хожденію крестному въ Москвѣ сущу, паки приведенъ бяше добліи в соборныи храмъ, ту сущу самому царю. И разгнѣвався, Никонъ повелѣ того безчестно и ругателно острищи, но заступленіемъ царевымъ отъ сего освобожденъ бысть: любяше бо царь благоревностнаго Аввакума и почиташе за доброе житіе его, но Никоновыми хитростьми обязанъ, вѣру емляше тому, яко патріарху. Вмѣсто же остриженія великодушный страдалецъ в заточенія и оземствованіе в далечайшыя Сибирскія страны отвозится, въ самыя глубочайшыя предѣлы, за великимъ езеромъ Байкаломъ сущыя, на самыхъ границахъ варварскихъ стоящыя, нарицаемыя Дауры, и с женою и с чады отводимъ бываетъ в толь далеко отстоящую страну, елико в пятилѣтнее время ему тамо достигнути. Закоснѣное шествія и по мѣстомъ медленія во риомъ немилостивомъ заточеніи, в таковомъ далечайшемъ путетеченіи которыми не истѣсняшеся нуждами, которыми не облачашеся тѣснотами, которыхъ томленіи ругателныхъ не претерпѣваше страдалецъ! Отъ воздушныя тягости, отъ путнаго труда, от возящихъ досажденія и ругательства, елика тому наношаху несмысленніи! Преданъ бо бысть нѣкоему мужу от началникъ, опредѣленному на властительство въ Дауры, безчеловѣчну сущу и вселютѣйшему томителю, звѣрю паче, а не человѣку нарецися достойну за всеяростное нрава, къ нему же и повелѣніе тому от патріарха Никона бяше всякое томленіе наносити священному страдалцу.

Но кіи языкъ изглаголетъ, кая уста исповѣдати могутъ, яже претерпѣ адамантская она душа от всезлобнаго мучителя, яже руганіи множества, яже по ланитомъ ударенія, яже за власы терзанія, яже по главѣ біенія, яже по хребту, яже по прочимъ частемъ тѣла, оплеванія лица, поруганія и смѣянія, нѣкогда и в воду метанія! И не токмо се, но и до толика возкипѣ дерзостію беззаконныи мучитель, еже и обнажити священнаго страдалца на страданіе повелѣ, не устыдѣся священства великаго сана, не усрамился изрядныя честности и дивныя святости мужа. И како устыдитися пріиметъ, егда толикая руганія безчестнѣ тому предпоказа! Совлечену убо бывшу страдалцу (оле нрава безчеловѣчна!) повелѣваетъ семіюдесять и двѣма ударами кнутіемъ того уязвити. И не токмо самъ сіе дѣлаше Пашковъ, но и служащіи тому рабы, подобонравни в мучительствѣ господину, многажды страстотерпца біяху и ругахуся, иногда же тако раъярившеся всегнѣвно, яко и на колъ ругателно посадити его уготоваша.

Но Богъ своимъ премудрымъ промысломъ сохрани своего раба от таковаго конечнаго руганія. Что убо благоревностный страдалецъ во оныхъ превеликихъ томленіяхъ, в безчеловѣчныхъ мученіихъ како оная терпяше, яко неисповѣдимая мучительства носити благодарне можаше, яко всехрабрый воинъ, яко всепредобрыи подвижникъ сладцѣ Господа Іисуса язвы с Павломъ на тѣлѣ ношаше, пресладкіи гласъ оныи присно глаголя: Христосъ моя есть жизнь, Христосъ мое утѣшеніе, Христосъ ми подтвержденіе! кого убоюся? Аще и каменія громаду на мене намещутъ, азъ со отеческимъ преданіемъ древлецерковнаго благочестія и подъ каменіемъ лежу радостнѣ. О, ревности всекрасныя, о, гласа всепресладкаго, о, любве всепревожделѣнныя, единому Павлу послѣдовательныя, вопіющему: вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ! Время убо нѣкое в заточеніи бывшу предивному страдалцу, аще шестолѣтное, аще пятолѣтное, глаголати не имамъ, пріиде царево повелѣніе, свобождающее от заточенія онаго и к Москвѣ возвратитися повелѣвающее. Той же яко в заточеніи живыи, тако и вспять возвращаяся, всюду свободнымъ гласомъ и благоревностною душею древняго благочестія свѣтлость пресвѣтло проповѣдаше.

Егда же въ царствующіи градъ пріиде, князи и боляре тако любезно его пріяша, яко ангела божія, и самому царю о немъ возвѣстиша, иже с любовію того призвавъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивнѣ подавъ, словеса мирная и жалостная с воздыханіемъ тому бесѣдовавъ, благодарно и милостивно отпусти. И понеже добрыи страдалецъ, ревнуя о благочестіи, всюду свободнымъ языкомъ сіе проповѣдаше, духовныя власти державному государю словесы клеветаша, да запретитъ Аввакуму о ученіи, яко волитъ. Государь не хотяша добляго оскорбити, вѣдыи житія онаго святость, посла болярина Иродіона Стрешнева увѣщевати Аввакума, да не обличаетъ новинъ, Никономъ утверженыхъ, но о себѣ, яко хощетъ, да содѣваетъ, всякую милость к нему за сіе обѣщевая. В малѣ уступившу въ молчаніи страдалцу, царь и царица и вси царскіе крове превысочайшыя персоны, и князи и боляре преизобильно того имѣніемъ награждаху. Но яко невозможно есть свѣтилнику скрыватися под спудомъ, тако всеблагодатнѣй ревности заграждатися молчаніемъ. Паки языкъ Аввакумовъ вопіетъ, паки уста взываютъ, паки десница пишетъ! И что написуетъ? Прошеніе к царю, да Никона от патріаршества отставитъ, да древнее благочестіе уставитъ, да патріарха иного благочестива и богобоязненна устроитъ. И иное прошеніе чрез вѣрныхъ своихъ цареви подаетъ. Откуду царь паки печаленъ явися ко блаженному и, духовныхъ властей наношеньми и изостренными языки возбужденъ, посылаетъ нарѣчіе ко страдалцу чрез болярина Петра Салтыкова: «архіереи на тебѣ жалуются, яко опустошилъ еси церкви и отвратилъ еси люди от вхожденія в Божія храмы; отнынѣ паки да поидеши въ заточеніе».

И тако дивныи страдалецъ в заточеніе в Поморскія предѣлы, на Ме-

зень сосланъ с женою и чады, лѣто тамо и полъ пребысть; паки в Москву привезенъ, и понеже духовніи посылающе много того увѣщеваху, ласкаху и, различная ухищренія показующе, не могоша от стоянія твердости ослабити, в соборную церковь приведше, ругателно того остригше, от священства извергаютъ. Ниже симъ насытившеся звѣрояростни, но и проклинати добляго мужа и по всему православна не убояшася. Что же той? Въ надежди Божіи живый, толико мужественно оное безчестіе радостно терпяше, елико ко извергающимъ вопіяше: «аще и извергаете мя беззаконно, не боюся вашего изверженія, имамъ бо хиротонію от православныхъ патріарховъ, юже и ношу православно; аще проклинаете мя дерзостно, недѣйственна есть клятва ваша, понеже неправедна, неправедна же, понеже за древлецерковное святое содержаніе, за святыя отеческія догматы проклинаете безочиво, сами суще повинни тяжчайшымъ запрещеніемъ, толь премногія новины в церковь предерзостно вносящіи». Откуду власти духовніи, не духовныя ярости наполнившеся, со всякимъ безчестіемъ блаженнаго из церкве извлекше, в монастырь заточиша и толико руганіе содѣяша непреподобніи, елико и браду священному страдалцу (оле нрава безсрамна!) отрѣзаша и лютыми томленьми тамо и безчеловѣчными седмьнадесять седмицъ крѣпкаго томиша.

Во оной темницѣ, въ монастырѣ на Угрѣши сѣдя, предобліи, яко человѣкъ, уныніемъ объяся, яко сице обруганъ бысть, елико и варвастіи языцы не показуютъ, занеже и браду его власти остригоша. О, колико предобліи о семъ ко Владыцѣ вопіяше, колики слезы и вопли излія, милости и утѣшенія в горцѣй прося печали! И что бываетъ дивное! Что содѣвается преславное! Восхотѣ всемилосердыи Господь своего раба в велицѣи утѣшити печали: в полунощи поющу страдалцу утреню и чтущу святое евангеліе, в самый торжественныи день Вознесенія Владычня явился ему ангелъ Господень свѣтлымъ и радостнымъ лицемъ, таже и Пресвятая Владычица Богородица аки из облака, посемъ и самъ всесладкій Владыка Христосъ явися и всепресладостно ко предивному страдалцу возглашаше: «не боися, Азъ есмь с тобою!» От сего видѣнія колико премноги радости, какова неизглаголанна веселія, о каковы преестественны сладости страдалческая исполнися душа! На землю падъ, Владыцѣ поклонися и дотолѣ на земли лежаше, дондеже преестественное оно видѣніе преиде. Откуду вседобліи, всепредобляго мужества наполнився, предобліи Давыдовъ гласъ вопіяше: аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое; аще востанетъ на мя брань, на Христа Бога азъ уповаю.

Таже кровемъ неповиннымъ радующіися духовніи подходятъ царя и многими клеветами и наносами возбуждаютъ монарха дати отвѣтъ лютѣйшею смертію страдалца казнити, но прилѣжнымъ моленіемъ царицы и приснымъ заступленіемъ от сего избавленъ бысть дивныи побѣдникъ. Осужденъ бываетъ в заточеніе в монастырь Паѳнутія Боровскаго, идѣже во юзахъ цѣлое годищное время всякую нужду и томленіе терпяше. По-

семъ пакп в Москву взятъ и по многомъ влаченія и безчестіи и различныхъ с духовными разговорахъ пред осельскими патріархи представляется. Паисіею Александрійскимъ и Макаріемъ Антіохійскимъ. И чрез переводчика многія разговоры, многая увѣщанія о церковныхъ догматѣхъ тому быша. Наконецъ вселенстіи патріархи таковая к нему рекоша: «вся страны вселенныя треми персты крестятся, ты единъ упорствовати противу всѣмъ ожесточаяся, двѣма перстома знаменаешися». Что же страдалецъ противу симъ отвѣтствова? «Страны вселенныя уже мракомъ различныхъ отступленіи обвишася, Римъ пред многими низвержеся лѣты, люторяне и калвинянс всѣхъ отеческихъ обнажишася преданіи, ваши восточныя страны, агарянскимъ насиліемъ опустошены, многая от церковныхъ преданіи испровергоша, с ними же и знаменованіе крестное в сложеніи перстовъ. Азъ же, научихся не нынѣ и не от днешнихъ непостоянныхъ учителеи, но от древнихъ: учатъ мя восточніи святіи, Мелетіи, Өеодоритъ, Петръ Дамаскинъ, преподобный Максимъ Грекъ; учатъ гречестіи древніи иконописцы, на святыхъ иконахъ изъявляюще, и сами святіи апостоли, на образѣ Богоматере двоеперстно Христа благословляюща изображающе; учатъ россіистіи святіи, и соборнѣ и особнѣ,—тако вси согласнѣ и обще и знаменатися и благословляти двема перстома научаютъ». Премолчаша вселенстіи патріарси. Россіистіи архіереи, яко Хамовы подражатели, на своя святыя отцы (оле дерзостнаго языка!) восташа, глаголюще: «неразумни и неучени россіистіи святіи быша и безграмотни». Возревнова к симъ страдалецъ о отечестѣмъ безчестіи и словесы дерзновенными толико ихъ дерзости великодушно поноси, елико всѣмъ соборомъ воставше сами архіереи и патріарси торгати и бити блаженнаго начаша, глаголюще: «возми, возми, яко всѣхъ насъ обезчести таковыми наношеньми». По ономъ терганіи о аллилуіи и прочыхъ преданіихъ разглагольствовати начаша и о всѣхъ подобныя отвѣты пріимаху от страдалца, и многа убо разглагольствія, увѣщанія и страхи предлагающе, твердаго столпа поколѣбати не возмогоша, паки узамъ и темницамъ отсылаютъ, началника с воины стрещи страдалца опредѣливше.

Паки царь посылаетъ блаженному комнатныя своя боляры, Артемона и Доментія Башмакова с нарѣчіемъ, прося благословенія и молитвы тому и всему двору его царьскому, и моляше страдалца, да послушаетъ его и соединится со вселенскими патріархи поне отчасти. На что всеблагоревностный страдалецъ державному убо благодареніе посылаетъ, о вселенскихъ патріарсѣхъ, «кое мнѣ к нимъ пріобщеніе, рече, или кая часть отвергающымъ древлецерковныя догматы и отеческая преданія? Никогда же с таковыми азъ сообщуся, сладчайши мнѣ таковаго пріобщенія смерть и любезнѣйши будетъ». Часта убо и многа от царя нарѣчія к великодушному мужу тогда быша посыланы; конечное нарѣчіе страдалцу воздаде царь: «идѣже будеши, отче, не забуди о насъ, ко Господу моляся». Но аще и ми-

лость царева и человѣколюбіе ко блаженному непремѣнна бяше, обаче духовныхъ злоба и языкоболіе изостренно належаше и властно премогаше.

Откуду и паки в дальнее заточеніе мой страдалецъ, истѣе же рещи дивныи великопобѣдникъ посылается во островъ (sic!) Пустозерьскій, близъ самаго Ледовитаго моря, к полунощнымъ странамъ лежащіи, и тамо с прочими страдалцы въ земленую темницу осуждени, многое время даже до самыя блаженныя кончины пребыша неисходно. Коль премногая тамо, коль неизчетная озлобленія всехрабрыи подвижникъ претерпѣ! Толиками премножайшыми мученіи томленъ, толиками многочисленными заточеніи и оземствованіи драченъ, толиками премногими лѣты в страданіи пребывая и въ претяжкихъ озлобленіихъ, яко изчислятися страданію его двадесятимъ и осмимъ лѣтомъ,—но в сихъ и толь премногихъ лѣтахъ еда ослабѣ стражда, еда смалодушествова терпя? Никакоже, но яко всехрабрыи воинъ, яко всеблагоревностныи Иліинъ подражатель, онаго предобліи гласъ возглашаше: присно ревнуя, поревновахъ по Господѣ Бозѣ Вседержители.

Ревностно начало, ревностно многолѣтное страданія теченіе, благоревностенъ и конецъ терпѣнія благоревностнѣ показа: во 189-мъ лѣтѣ въ Пустозерскомъ острогѣ за древнее благочестіе, на Страстной недѣли, в самыи день страстеи Христовыхъ, страстотерпческою смертію огнесожженія осужденъ, ко всежелаемому Владыцѣ огненною колесницею пламене восхищенъ, отъ здѣшняго житія всестрадальчески исходитъ.

Аще и Димитріи Ростовскіи и Пращицы списатель неправедными наношеньми неистинная баснословія сшивати на вседобляго тщатся, аки о Троицѣ и о смотреніи неправо мудрствующа вмѣняютъ, но разрѣшается отсюду наношеніе неправды: колико убо всепредобліи сеи имѣ разглагольствіи, колико сопрѣніи, колико о вѣрѣ стязаніи с Никономъ, со архіереи, со вселенскими патріархи!—и ни единъ от сихъ порече того или обличи во ономъ лжеплетенномъ во Пращицѣ мудрованіи. Аще быша узрѣли за нимъ сіе, не быша умолчали Жезлъ соборомъ сочиняющіи, не быша Увѣтотворцы оставили. А понеже вси сіи ниже до мала о семъ зазрѣша или порекоша, явственно есть, яко солгася по притчи общелганія: ничтоже тако удобнѣише есть солгати, якоже на умершаго. Занеже свидѣтельствуетъ предобляго страдалца православіе священныи символъ вѣрѣ, егоже повседневно глаголаше, яко единосущна Отцу Сына, тако и воплотившагося неложно исповѣда. Свидѣтельствуетъ того крестное знаменованіе в сложеніи перстовъ, в немже яко треми перстами, великимъ и двѣма малыми тайну Святыя Троицы тріипостасное и единосущное отцепреданнѣ присно исповѣдаше, тако двѣма перстама, указателнимъ и великосреднимъ тайну всеспасительнаго воплощенія православно изъявляше, единаго Христа во двою естеству и единои Ипостаси. Послѣдователно отцемъ и всеи древлеправославнѣи церкви, всеблагочестно и вѣроваше и исповѣдоваше и за сіе всерадостно страдавъ, великодушно умрети изволи. Свидѣтельствуетъ и самъ предобліи своеручнымъ писаніемъ, еже о своей жизни

при скончаніи своемъ, свое православіе изъявивъ, написа, в немъ же святыи символъ святаго Афанасія Великаго написавъ, в которомъ едино естество Святыя Троицы, едину волю и владычество, еще же и таинство вочеловѣченія Спасова преславно со святымъ Афанасіемъ исповѣдавъ, на концѣ онаго исповѣданія таковая глаголетъ: «по вышереченному Афанасію, сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдую, с симъ живу и умираю». Что убо сихъ словесъ благочестивѣйши, что сея вѣры православнѣйши, что исповѣданія сего святѣиши есть? Свидѣтельствуетъ наипаче оныи дивныи Ѳеодоръ діаконъ, с нимъ же по баснословіи прѣніе бысть о Троицѣ и прочемъ, явственно и преявственно разрѣшаетъ недоумѣніе, пред самымъ и в самомъ часѣ скончанія простився, благословися у предобляго Аввакума, и другъ друга друголюбезнѣ добызавше исходнымъ цѣлованіемъ. Симъ благословеніемъ и святымъ цѣлованіемъ дивныи Ѳеодоръ предобляго Аввакума православна и благочестива изъявивъ показа. Аще бы вѣдалъ неправославна, не бы простился, не бы благословился у онаго, не бы исходнымъ цѣлованіемъ лобызался; а понеже вся сія единодушно и любезно содѣяша, явственно и зѣло явственно, елико от вышепоказанныхъ свидѣтельствъ, сице и от сего, яко общее православіе, обще купно содержаша, за кое благочестіе во единомъ срубѣ с предоблими сострадалцы всеблаженную огнепаленіемъ кончину всерадостнѣ, единодушнѣ подъяша, единомысленнѣ во благочестіи стояще, единомысленно в небесныи востекоша градъ: по реченному, Богъ вселяетъ единомысленныя в домъ.

№ 33. Повѣсть о житіи и рожденіи и воспитаніи и о кончинѣ Никона, бывшаго патріарха московскаго и всея Россіи, собранная отъ многихъ достовѣрныхъ повѣствователей, бывшихъ во дни отецъ нашихъ [1]).

Понеже убо по древлецерковнѣмъ отеческомъ благочестіи, аще и горячею жалостію снѣдаемъ есмь и речуся приступити къ повѣсти, о бывшемъ искоренителѣ того православія сказати хотящей; но къ лютости того томителя взирая, боюся бесѣдою моею, съ коварными его умышленіями сплестися. Ибо той единъ злобою своею и коварствомъ преодолѣ всю Россію: яко преимущія сладкоувѣщательными бесѣдами, лестію помазанными, тако вельможныя высокихъ честей и даровъ награжденіями, сице ничтожныя грозами и муками, утомивъ, побѣди, и подобнымъ себе новолюбителемъ на вся хранители святотеческихъ законовъ и обычаевъ врата хулы и томленія отверзе.

И что сотворити, невѣмъ: молчаніемъ желаемую многими слышати по-

---

[1]) Ркп. Имп. Публ. Библ. Q. I 1058, л. 46—72.

вѣсть *покрыти*, или преданную намъ отъ отецъ нашихъ бесѣду предъ очима чтущихъ, и предъ ушима слышащихъ *поставити*[1]). Обаче убо надѣяся на молитвы пострадавшихъ за благочестіе ревнителей начинаю слово путемъ повѣсти текущее.

Въ лѣто міроздания 7113, отъ Рожества же Іисусъ Христова 1613 индикта 3-го мая 21, во второй по недѣли день въ предѣлѣхъ Нижняго Новаграда, въ веси нарицаемѣй Вельдемановѣ (или Курмышовѣ) родися сей Нйконъ отъ убогихъ родителей, отца Мины и матери Маріаміи. Его же при крещеніи Никитой нарекоша.

По умертвіи же матере его, взя его нѣкоторая жена, Ксенія именемъ, и воспита его, и грамотѣ извыче. По времени же нѣкоемъ возраста своего отъиде во обитель преподобнаго Макарія Желтоводскаго, и ту живый содружися съ клириками тоя обители. Нѣкогда же пойде сними во ину обитель и случися имъ обнощевати у нѣкоего татарина волхва суща, иже волшебствомъ своимъ сказоваше комуждо хотящая быти; волхвуя же скверною своею бѣсовскою книгою и палицею, сему Никитѣ рече: яко ты будеши государь великій. Онъ же слышавъ отъиде, не надѣяся збытися прорицанію. И по смерти отца своего поятъ себѣ жену, яже бѣ піанчива и оплазива. Снею же живыи внѣкоемъ селѣ, по избранію ту живущихъ, іерей бысть. И для непостоянства своея жены бѣжа въ Москву, и на нѣкоемъ монастырскомъ подворье отъ нѣкоего скитающагося священноинока пострижеся и преименованъ бысть Нїконъ.

И тако скитаяся пріиде на островъ Анзерскія пустыни, иже стоитъ на Бѣломъ морѣ, близъ отока Соловѣцкаго, и тамо пребываше во ученичествѣ у началника тоя обители, старца богодухновенна и свята, именемъ Елеазара, иже состави скитъ той, и жительство внемъ состави.

Чистаго же ради житія, оный старецъ Елеазаръ пророческими дарованіями обогатился, о пребывающемъ у него въ послушаніи Нїконѣ семъ, братіи своей прорицая глаголаше: О, какова смутителя и мятежника Россія въ себѣ питаетъ! Сей убо смутитъ тоя предѣлы, и многихъ трясеній и бѣдъ наполнитъ. Видѣ бо святый единою служащу Нїкону литургію (яко достовѣрніи анзерстіи жителіе рекоша) змія черна и зѣло велика, около выи его оплетшася и вельми ужасеся. И отъ того времене возненавидѣ святый Нїкона, и тяжко гнѣвашеся на нь, и сотвори его бѣжати. И пріиде въ Кожеозерскую пустыню, яже есть, въ Каргопольскихъ предѣлахъ и по времени бысть тоя обители игуменъ. Идѣ же пребывъ три лѣта, вня же для исполненія монастырскихъ потребъ хождаше въ царствующій градъ Москву. И тамо пребывая, не вѣдомо чрезъ какія представленія, знаемъ бываетъ великому государю царю Алексѣю Михайловичу и святѣйшему патріарху Іосифу и поставленъ бысть архимандритомъ въ Спасовъ монастырь на Новое и пребывая тамо, коварными своими лицемѣріями плѣни царскаго

[1]) Курсивомъ надписано другой рукой.

величества мысль, яко же древніи Сантаваринъ (sic) Θеодоръ злообразный волхвъ, царя Василія Македонянина дотолика прельсти, яко мняше его быти не къ тому архимандрическому, но и къ великому пастырскому сану достойна. И того ради поручи ему въ пятокъ каждыя недѣли подаваемыя отъ обиженныхъ прошеніи предлагать для разсужденія къ его царскому величеству. И сія исполняя, прославися предъ народомъ, яко истинный пастырь и отецъ обидимыхъ.

Дивитися же и сему достойно, како таковый скверный сосудъ на толь высокія степени восходити начинаше. Понеже убо и первіе не святый прозорливый мужъ, но волхвъ татаринъ, сѣдящимъ въ немъ пытливымъ діаволскимъ духомъ надхненъ, нареклъ его быти великимъ государемъ. Потомъ преподобный Елеазаръ Анзерскій въ служеніи литургіи не голубя, на немъ сѣдяща, видѣ, яко же древле Флавіанъ патріархъ на Іоанновѣ главѣ Златоустаго, но змія черна, страшна и велика, около выи его обвившася. Хотящая ли впредъ быти добродѣтели его и таковому великому его сану ждущія, но богоотступная его святыхъ образовъ Спасова и Пречистыя Богородицы скверными его ногами попранія и гнусная содомская мужеложства послѣди показавшія и отъ тѣхъ всѣхъ порочнаго житія его скверныхъ дѣлъ, самый богопротивный волшебный волкъ, зряшеся быти, а не пастырь. И мнитъ ми ся яко чрезъ волхвованіе свое болше, его же лестію и лукавствомъ помаза, нежели чрезъ добродѣтели кія, таковаго высокаго сана достигнути желаше, яко же Римстіи папы: Келестинъ, иже во Христа вѣры отвергся, и Селиверстъ вторый, за травою волхвовъ, дѣйствомъ сатаниныхъ папежства достигоша, или для исполненія числа 666-го уготованный на то, грядущаго по немъ звѣря лютыи предтеча, нарицаемый по греческому діалекту Никитіосъ, яко же древніи Арменинъ нарицаніемъ Льва покры зовомое прежде Іоанново имя: еще и сей монашескимъ пменемъ, яко лисъ ошибомъ, заглади данное ему по рожденіи знаменателно во имени его лежащее 666-е число.

Въ то же время святый Авфоніи митрополитъ Велико-новоградскій старостію преклонься и недугомъ очнаго изнеможенія, яко же древній Израиль отяготився, остави престолъ премудрости Божія, и пребываше во обители святаго Спаса на Хутынѣ: и ту безмолвствуя, позлащаше свою архіерейскую паству верхомъ добродѣтелей смиреніемъ.

Въ лѣто же 7157, Господеви Богу попустившу за многія грѣхи людскія возведенъ бываетъ Никонъ святѣйшимъ Іосифомъ патріархомъ московскимъ, на престолъ великоновоградскія митрополіи; блюдомъ бо бяше издревле соньмомъ суетныхъ, на погибель христіанскаго народа коварный сей лжемонахъ, иже прежде поставленія помазанъ бяше татарскою волшебною блевотиною.

По восприятіи же престола великоновоградскаго, приходитъ той лукавый лисъ въ Хутый Спасову обитель, посѣтити предивнаго святителя Авфонія, и пришедъ въ кѣлію его, прошаше благословенія. Той же вопроси

его, рекши (не бо уже очима видяше): «кто ты и откуду и како нарицаешися?» Отвѣщавъ, Нiконъ глагола святителю: «азъ есмь, Владыко, Нiконъ, митрополитъ новгородскiй». Авфонiй же, духомъ пророчествiя предзря хотящее быти отъ Никона всему православiю томительство, вельми отъ всея души воздохнувъ и рече: «Прiиде же время, яко и Нiконъ въ митрополитахъ, но воли Божiи оставляемъ о насъ полезная предусмотряти».

Егда же приближися блаженный Авфонiи митрополитъ къ концу жизни своея, заповѣда сущимъ при немъ, да призванъ будетъ архiерей отъ другiя епархiи погребсти тѣло его. Нiконъ же да не дерзнетъ погребсти его, зане рече врагъ есть Божiй. О семъ убо повѣда старожителный инокъ Корнилiй, живый при упоминаемѣмъ Авфонiи митрополитѣ, иже трудами постничества своего тѣло свое удручивый въ Выговской пустыни, крыяся отъ новолюбителей, преставися въ лѣто 7203, имый отъ рожденiя своего 113 лѣтъ, во иночествѣ пребывъ 95 лѣтъ.

По погребенiи же Авфонiевѣ, невѣдый той Корнилiй крыющiяся въ Нiконовомъ сердце новолюбителныя на древлеотеческое благочестiе злобы, прiиде къ тому облеченному овчею кожею волку. Знаемъ бо бяше ему и до возведенiя его на митрополiю, ибо того, у Iосифа патрiарха живыи, многажды видѣ. И яко простонравенъ сый старецъ, не воспомянувъ Авфонiева о немъ прореченiя, прiимаше отъ Никона благословенiе яко отъ достойнаго пастыря.

Живущу же ему въ великомъ Новѣградѣ при Софiискомъ домѣ, прiиде изъ Соловецкiя обители iеродiаконъ Пиминъ (иже послѣди за древлецерковныя законы отъ нашедшихъ новолюбителныхъ гонителей, въ предѣлѣхъ града Олонца, въ мѣстѣ нарицаемѣмъ Березовъ Наволокъ съ тысящею двомя стами православныхъ христiянъ въ лѣто 7195-е августа 9-го дня огнемъ скончася). Той бо бяше искусенъ инокъ, и вѣдый, яко же мнитмися, Елеазарово анзерскаго о Никонѣ бывшее прореченiе, и глагола Корнилiю: «вѣси ли, яко Никонъ митрополитъ антихристъ есть, ибо пятiю персты, а не двоперстнымъ сложенiемъ благословляетъ люди». Корнилiй же, слышавъ отъ Пимина таковая, пришедъ къ Никону, видѣ его благословляюща пятiю персты, яко же рече ему Пиминъ, и отъиде паки въ Москву к патрiарху Iосифу, ему же и прежде того знаемъ бяше.

Нiконъ же, сѣдя на престолѣ премудрости Божiя, и первѣе повелѣ написати образъ Благовѣщенiя Пресвятыя Богородицы Дѣвы, имѣющю въ нѣдрѣхъ младенца всего совершенна, такожъ и раздѣленорѣчное древнее знаменное пѣнiе презирати нача, вмѣсто же того повелѣваше пѣти нарѣчное и потомъ не убояся въводити греческое и кiевское партесное многоусугубляемое пѣнiе. Еже слышавъ святѣйшiй Iосифъ патрiархъ, воспрещаше ему о томъ. Обаче Никонъ помогаемъ бываетъ самодержцемъ и духовникомъ его, благовѣщенскаго собора протопопомъ Стефаномъ Внифантiевымъ: и того ради не повиновашеся патрiарху.

Въ лѣто же 7160 повелѣнiемъ великаго государя царя Алексiя Михай-

ловича и благословеніемъ святѣйшаго Іосифа патріарха, посланъ бываетъ Никонъ митрополитъ и съ нимъ князь Иванъ Никитичъ Хованской въ соловецкую обитель для пренесенія честныхъ мощей святителя Филиппа, митрополита Московскаго. Пришедшимъ же имъ въ чюдную чюдныхъ отецъ Зосимы и Саватія обитель. Никону же митрополиту носѣщающу въ темницахъ сущихъ, и между прочими пріиде во узилище, идѣже сѣдяше сосланныи отъ патріарха Іосифа въ заточеніе, за нѣкоторыя Богу и закономъ противныя тяжкія вины, чернецъ нѣкій, именемъ Арсеній, мужественный новинамъ и ересемъ защитникъ, иже прежде для внѣшнихъ ученій бывый иногда въ западныхъ странахъ, въ разныхъ училищахъ и угождая тамошнимъ латинскимъ учителемъ, трижды съ клятвою отрекся восточнаго греческаго православія. Той убо абіе сѣдящаго в немъ пытливаго духа наставленіемъ подстрекаемъ, возопи, глаголя: «святѣйшій патріархъ Никонъ, благослови». Никону же похитившу его слово, и для болшаго себѣ о бывшемъ ему прежде отъ волхва татарина прореченіи извѣщенія, глаголаше Арсенію: «всяко соблазнился еси о мнѣ, о человѣче, нарицая мене тако: нѣсмь бо патріархъ, но митрополитъ новоградскій». Тому же укрѣпляющуся и нарицающу его патріархомъ и молящуся, да егда будетъ возведенъ на патріаршій престолъ великія Россіи, да воспомянетъ его въ славѣ своей и изведетъ отъ мрачныя тоя темницы, Ніконъ же обѣщеваяся ему глаголетъ: «аще сія тако збудутся, то исполнено будетъ прошеніе твое». Итакъ Ніконъ и князь, пребывше въ Соловецтѣй обители мало дней, взяша мощи святителя Филиппа и пондоша въ Москву.

Въ то же время бытія Никонова въ пути и въ Соловецтѣй обители, приснопамятный Іосифъ, святѣйшій патріархъ, оставивъ вѣка сего жизнь, преставися въ вѣчное блаженство того жъ 7160-го лѣта апрыля 15 дня.

Бяше же тогда въ Москвѣ святый Варлаамъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій: иже череду свою святительскую, еще при Іосифѣ патріархѣ исполняти пріиде: бяше бо той мужъ лѣты старъ зѣло, и благодати Святаго Духа исполненъ и пророческимъ даромъ сіяше.

Егда же Ніконъ съ мощьми святаго Филиппа пріиде близъ града Москвы, тогда царь съ синглитомъ, и преосвященный Варлаамъ митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ изыде на срѣтеніе мощей святагѡ. И егда быша близъ другъ друга, яко уже видѣти возила, идущія съ ракою святаго. Тогда царь и святитель Варлаамъ изыдоша изъ колесницъ своихъ, и идяху пѣши во срѣтеніе чюдотворныхъ мощей. Святый же Варлаамъ идый поддержимъ двѣма архидіаконома, моляшеся Господеви Богу, глаголя: «Господи, не даждь мнѣ видѣти очима моима лютаго сего звѣря (сі есть Никона) хотящаго попрати всю вселенную». И егда доидоша мѣста другъ ко другу, яко быти единымъ точію каменя верженіемъ: и спроси святый Варлаамъ сѣсти въ кресла и абіе предаде духъ свой Господеви, его же возлюби, и тако возвращьшеся внидоша вси въ царствующій градъ Москву съ чюдотворными мощьми святителя Филиппа, ихъ же положиша въ соборнѣй Успе-

нія Пресвятыя Богородицы церкви внутрь одесную страну входа южныхъ вратъ.

Сущу же Никону в тыя дни въ Москвѣ, старецъ нѣкій святъ, живый во обители Чюда святаго архангела Михаила, именемъ Симеонъ, видѣ въ нощи видѣніе страшно, якобъ змій великъ зѣло пестръ, и страшенъ видѣніемъ, обогнувся около царскія грановитыя палаты, яже въ Кремлѣ и ужасную свою лютымъ ядомъ дышущую главу, и грозно прегибающійся ошибъ вложивъ на прагъ тоя полаты, лежаше. Таковое видѣніе видя, старецъ той, отъ ужаса скоро воспряну, и пристрашенъ бывъ зѣло на многъ часъ; потомъ въ себѣ бывъ, повѣда сіе видѣніе соборнымъ братіямъ; тіи же, ужасомъ одержими, глаголаху: «что сіе хощетъ быти?» Потомъ же скоро увѣдаша, яко во всю нощь ону, в нюже старецъ видѣніе видѣ, Никонъ митрополитъ въ оной палатѣ съ царемъ бесѣдоваста, а о чемъ разглагольство ихъ было, о томъ молчаніемъ покрыся.

Видѣніе же змія того прежде помянутіи Чюдова монастыря старцы, не просто быти вмѣняху, поминающе древняго змія въ Византіи с орломъ сплетшася, его же христіяне убиша, и то убо зміево со орломъ сплетеніе преобразоваше впредь быти хотящее турецкое христіяномъ насиліе. Подобно тому и въ Римѣ по 1000 лѣтъ отъ Рождества Христова явивыйся на воздусѣ змій нѣкій страшный, иже явно указа антихристово со отступленіемъ въ Римъ пришествіе. И сіе поминающе, бояхуся, дабы и въ Россіи не возникло что новое.

Собрану же бывшу въ скорѣ россійскихъ архіереовъ освѣщенному собору, поставленъ бываетъ патріархомъ, увы мнѣ! лютый сій дивій инокъ на пояденіе винограда Христова, Никонъ, глаголю, звѣрь, а не пастырь, того жъ 7160-го лѣта іюля 25 дня.

И сый на престолѣ во 161 году по седми тысящахъ лѣтъ, прикрываетъ своя звѣриная острыя ногти овчія кротости кожею и входитъ во всероссійское христіанское стадо отъ десныя страны подползающею лестію. Повелѣваетъ убо напечатати книги четія и служебныя, со свидѣтельствомъ во описаніи ихъ, якобъ согласно древнимъ греческимъ и харатейнымъ россійскимъ книгамъ, иже явишася старопечатнымъ московскимъ книгамъ при первыхъ 5 патріарсѣхъ печатнымъ во всемъ согласны, и травою во орѳографіи, подобающыя доброты изрядно блистающія: яже и до нынѣ во всей Россіи по мѣстамъ обрѣтаются, еже видѣвше людіе, мняху его пастыря быти истинна, а не волка.

И тако пребывая, испроси у Государя мѣсто завомое Валдай стоящее при езерѣ Валдай, еже длиною имѣется десять верстъ, и ту устрои монастырь во имя Пресвятыя Богородицы, его же именова Іверскій, и повелѣ новгородскому митрополиту Макарію пренести въ той монастырь (во имя Пречистыя Богородицы, его же именова) изъ Боровичь святаго и праведнаго Іакова Боровицкаго мощи, еже и сотвори. Самъ же взя части отъ мо-

щей святыхъ московскихъ чюдотворцевъ Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа и положи въ той же церкви.

Потомъ повелѣ на Кіи островѣ, иже близъ Онѣги рѣки, впадающія въ Бѣлое Соловецкое море, монастырь соградити и нарече его гречески Ставросъ, руски же крестъ. Повелѣ же содѣлати крестъ изъ древа кипариснаго, высоту и ширину во всемъ подобенъ кресту Христову, на немъ же за спасеніе міра распятъ бысть, и обложи его сребромъ и златомъ и драгоцѣннымъ каменіемъ и бисеры украси и собравъ множество частей отъ мощей святыхъ греческихъ и русскихъ, и вложи я во онъ крестъ, каждую часть въ особый ковчежецъ, и посла ихъ въ оный крестный монастырь.

Та же созда монастырь Воскресенія при Истрѣ рѣцѣ въ селѣ нѣкоемъ, именуемомъ [1]), отстоящемъ отъ Москвы за четыредесятъ поприщъ, его же именова Новымъ Іерусалимомъ и нача здати церковь Воскресенія Христова и нѣкая образованія святыхъ мѣстъ яже по образу Іерусалимскія церкви именоваше, ово Назаретъ, ино Вифлеемъ, а ино темница, ино же Голгофа; сія же вся творяше, подлагая православному христіанству, простому народу, яко нѣкую сладкую снѣдь, на удицѣ новостей лежащю.

Но не можаше сквернаго змія смертоносный ядъ въ сердцы лютаго того волка на долзѣ крытися: воспомянувъ убо лжепророка своего ссылнаго, чернеца Арсенія, его же изъ Соловецкаго лавиринѳа, по обѣщанію своему, испустити повелѣ, не яко отъ темницъ узника, но яко видѣннаго Тайновидцемъ исходящаго изъ бездны, на попраніе православія звѣря, его же829 взем, устрои его быти на печатномъ дворѣ справщикомъ. Той же окаянной древнихъ Лва Саврянина, и лжепророковъ его, богоубійцъ жидовъ клевретъ, надхненный лютымъ латинскаго отступленія ядомъ, бысть боотступнаго звѣря Никона подобонравное ему во всякой новолюбителной лжи и дерзости любимое чадо. Съ нимъ же согласився, Никонъ подстилаетъ лесть самодержцу, глаголя: «Владыко царю, отъ многихъ убо въ народѣ слышу на словенскія книги укоризненныя словеса, якобы съ греческими и съ россійскими древними харатейными книгами не согласуются, да повелитъ держава ваша о семъ собрати соборъ россійскихъ архіереовъ и всѣхъ освященныхъ церковныхъ служителей, и с ними обще разсмотрѣвъ, подобающая въ нихъ исправити, со старыхъ греческихъ и россійскихъ харатейныхъ книгъ, и во всѣхъ словесѣхъ чинѣхъ и уставахъ съ греками согласити, да не будетъ порочна наша паства. Ктомужъ о недовѣдомыхъ нами вещехъ послати къ вселенскому патріарху і прочимъ, и во Святыя горы Афонскую и Синайскую». Самодержецъ же, таковая слыша отъ патріарха, повелѣ сему тако быти.

Ніконъ же, получивъ сіе царскаго величества о справѣ книгъ дозволеніе и въ лѣто 7162-е собра соборъ всероссійскихъ архіереовъ, и предложи оному собору лукавства своего ядъ, якобъ пекійся о справѣ книжной, при-

---

[1]) Имя пропущено въ рукописи.

томъ и царское дозволеніе о томъ имъ объяви: еже они слышавше, мняху правдѣ быти, согласно цареву дозволенію, о справѣ книгъ подписаша.

По совершеніи же того собора, повелѣваетъ изъ всѣхъ россійскихъ епархіи изъ книгохранителницъ собрати древнія греческія и славенскія харатейныя книги, яко бы для свидѣтельства и согласія съ ними печатныхъ московскихъ книгъ, въ мысли же своей имѣя лукавое пронырство, аще рече, будутъ обраны отъ всюду древнія книги, не откуду будетъ собрати обличенія на его проспанныя новины.

Симъ же тако бывающимъ, бысть у великаго государя съ полскимъ и литовскимъ королемъ брань. Ктомужъ Божіимъ попущеніемъ, во ономъ 7162-мъ году явися смертоносная мороваго повѣтрія язва, въ ней же мало не вси изомроша.

Ніконъ же не взирая на таковую Божіяго гнѣва ярость, едино точію въ разумѣ имѣя, древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное римское нечестіе утвердити. И того ради посылаетъ о томъ посланіе къ Паисіи, патріарху Александрійскому тѣми же латинскими новинами (яко же глаголетъ Проскинитаріи) убѣжденному, съ Мануиломъ грекомъ, уже отторгшимся древняго греческаго благочестія: да возможетъ представити самодержцу, и всему россійскому освѣщенному собору, яко не самъ собою сія новшества вводити начинаетъ, но по согласію вселенскаго патріарха.

Той же Александрійскій нардосъ, посланіе Ніконово, яко нѣкую сладчайшую поглотивъ снѣдь (издавна бо желаше Россію отъ благочестія обнажити), и собираетъ свой соборъ, противный восточнѣй древней каѳоличестѣй церкви. И составивъ соборное дѣяніе, присылаетъ къ Нікону въ лѣто 7163. И въ томъ своемъ посланіи крыетъ ножъ отступленія, медомъ именованія точію древности, а не самою истины вещію помазанъ.

Ніконъ же, получивъ желаемое, собираетъ паки соборъ, на немъ же самъ государь царь присутствоваше, съ нимъ же Ніконъ предсѣдательствоваше и при нихъ гречестіи архіереи, уже зараженніи латинскаго отступленія моровою душевною язвою: Макарій патріархъ антіохійскій, Гавріилъ патріархъ сербскій, Григорій митрополитъ никейскій, Гедеонъ, митрополитъ сучавскій, съ россійскими митрополиты архіепископы и епископы, со архимандриты и игуменами и протопопами, и съ прочими священнослужителми, и присланное отъ патріарха Паисіи соборное дѣяніе предъ всѣми ими прочтеся, въ немъ же явное отступленіе древняго греческаго православія всѣмъ показася.

Сія вся бывшіи на томъ соборѣ россійстіи архіереи и прочіи священніи мужіе слышавше, мнози божественною ревностію распаляеми, уязвляхуся жалостно о древлецерковномъ благочестіи, въ нихъ же бѣяху храбріи христіянскаго полка воеводы: преосвященный Павелъ, епископъ Коломенскій, священнопротопопъ Аввакумъ и теплый вѣрою іерей Лазарь и премудрый вѣтія, діаконъ Ѳеодоръ и Іоаннъ Нероновъ, рекомый Насѣдка, всеприлѣжный священнаго писанія снискатель, иже прежде бывый при Іосифѣ патрі-

арсѣ на печатномъ дворѣ книжный справщикъ, и инiи мнози древлецерковнаго благочестiя всеусердніи содержателіе, и иже видѣніемъ старца Симеона чюдовскаго, во ужасъ пришедшiй иноци и инiи мнози и се Нiконова новопреданія слышаще, во ужасъ прiидоша, и разсуждаху о показанномъ въ видѣніи старцу Симеону страшномъ пестромъ змiѣ, и помышляху быти того самого Нiкона. Зряще же и писаніе нѣкоторое о немъ глаголющее тако: Чернецъ нѣкiи имать отъ сѣвера востати и возмутити въ мирѣ сущихъ и во благочестiи и взыдетъ на престолъ дменiемъ превысоко въ царственныхъ же прискръ и содруженъ будетъ и отъ тѣхъ покусится святая святыхъ создати, и оттуду же на безславiе снидетъ, а по немъ на престолѣ всекраснаго смиренія гордость преумножится, святителства купно и мучителства, и явится мерзость запустѣнія хулы на мѣстѣ святѣмъ, укореняема имать быти, и прочая.

Прiимаху же въ память и богодухновеннаго Елеазара Анзерскаго скитонаселителя о лютомъ томъ звѣри Нiконѣ бывшее видѣніе и прореченіе и того ради гнушахуся просыпанными отъ него новинами.

Укрѣпляхуся же въ древлецерковномъ благочестiи свидѣтельствомъ бывшаго въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7097-е вселенскаго патрiарха Iеремiи константинопольскаго, къ благочестивѣйшему государю царю Ѳедору Iоанновичю, тако глаголющаго: воистину въ тебѣ благочестивомъ царѣ духъ святый пребываетъ. Понеже убо ветхiи Римъ падеся Аполинарiевою ересiю, вторый же Римъ, иже есть Константинополь, агарянскими внуки, отъ безбожныхъ турокъ обладаемъ. Твое же, о благочестивый царю, великое руское царствiе третiи Римъ благочестiемъ всѣхъ превзыде, и вся благочестивая въ твое царствiе въ единно собрашася. И ты единъ под небесемъ христiанскiй царь именуешися во всей вселеннѣй, во всѣхъ христiянѣхъ.

Подобно тому, и святѣйшiй Ѳеофанъ, патрiархъ iерусалимскiй, бывый въ Москвѣ въ лѣто 7127-е, при державѣ великаго государя царя Михаила Ѳеодоровича, во своей грамотѣ пиша глаголетъ: видѣхъ на востоцѣ и полудне отъ поганыхъ агарянъ святымъ Божiимъ церквамъ запустѣніе, и православнымъ христiяномъ святаго греческаго закона великое насиліе и погубленіе, и утѣшенія ни откуду нѣсть, точiю слухъ благочестиваго христiянскаго руского царя, яко той единъ на вселеннѣй владыка и блюститель непорочныя вѣры Христовы. Прочiя же вси, аще нѣцiи и именемъ христiяне нарицахуся, но далече отъ истины отпадоша и горше окаянныхъ турокъ въ православнѣй вѣрѣ гонители быша, и никое же унованiе тамо въ сущихъ странахъ.

Ктомужъ и посланный съ Москвы въ восточныя страны въ лѣто 7157, по указу великаго государя царя Алексiя Михаиловича и по благословенiю святѣйшаго патрiарха Iосифа, Сергiевскаго монастыря старецъ Арсенiи Сухановъ, для смотрѣнія греческихъ чиновъ за вѣрою крестнаго цѣлованія во описанiи своемъ и въ книзѣ Проскинитарiи о дѣющихся тогда уже въ

грекахъ въ противность апостольскимъ и соборнымъ отеческимъ правиломъ и уставомъ новостехъ показуетъ, тако о поливателномъ крещеніи, яко сынославными армены и франки у духовныхъ вмѣстѣ в моленіи и ядении общеніе, у мирскихъ же и бракомъ совокупленіе, и на утреняхъ поліелеосовъ святымъ и на повечерницѣ Богородицѣ канона, и въ великій постъ многихъ земныхъ поклоновъ отложеніе, и на пѣніи церковномъ въ шапкахъ и въ чалмахъ турецкихъ стояніе, и на службѣ сѣденіе, и иноковъ безъ клобуковъ и безъ мантіи хожденіе, и святыя аллилуіи въ церквахъ на псалмоглаголаніи несогласное пѣніе, овы убо трижды, овы же дважды тогда пояху, и мнози греки тремя персты знаменахуся, о чесомъ Паисіа, патріархъ цареградскій снимъ, Арсеніемъ, имѣя разглаголство, аще и похвалялъ триперстное сложеніе, обаче подлинныхъ древнихъ писаніи свидѣтельствомъ укрѣпить не могъ.

Сія вся восточныхъ патріарховъ усердныя къ новинамъ склонности зряще, истинніи древняго отеческаго благочестія любители, вышереченные епископъ Павелъ и протопопъ Аввакумъ съ прочими ревнительми, взяша многія священныя книги, о послѣднемъ времени пишущія, съ тѣми же и книгу, яже о вѣрѣ поборникомъ православныя вѣры въ лѣто отъ созданія міра 7122-е, а отъ по плоти рожества Христова 1622-е сочиненную, въ ней же между прочими, въ тридесятой главѣ взятое отъ словесъ книги Полинодіи (или обороны вѣры), написанная архимандритомъ Захаріею Копистенскимъ, въ лѣто отъ Рождества Христова 1621. Почитающе же оное, зряху глаголющее тако: яко много предотечевъ, но и самъ уже близъ есть по числу еже о немъ 666, число бо человѣческо есть антихристово. Кто вѣсть, аще въ сихъ лѣтѣхъ 1666-хъ явственныхъ предотечевъ его или того самого не укажетъ?

И сія вся и прочая таковая чтуще, ничто же ино, развѣ самого предтечю антихристова Нікона помышляху быти, и укрѣпляюще другъ друга, тайно содержати древнее благочестіе: не дерзаху бо прежде времени въ напасти себѣ вметати.

Ніконъ же аще и неслышаше отъ тѣхъ явнаго себѣ о сѣемыхъ его новинахъ обличенія, обаче внимаше мыслію о молчаніи ихъ зѣлнымъ смущеніемъ утруждаемомъ, и бояшеся, да несогласившися они пресѣкутъ начинанія его устава. Того ради крыемаго въ немъ лукавства острозрителныя козни воспріемъ, и смотряше, кого имъ въ свое намѣреніе уловити возможетъ. Итако начинаетъ отъ большаго чина, почтеніемъ и частыми гостьбами и дарами уловляти сердца славолюбныхъ. Среднихъ же обѣщаніемъ возведенія на честныя степени. Меньшихъ же и нестяжателныхъ и комарова писканія испустити не смѣющихъ, грозами и прещеніемъ, мысли ихъ къ трепетной боязни сламляти, и тако уловляя пестрыи сей змій, лукавыя своея пестроты умышленіемъ привлече мало не всѣхъ къ богопротивному своему начинанію.

Подкрѣпляемъ же лютый сей винограда Христова истребитель выше-

писанными греческими архіереами и александрійскаго Паисія соборнымъ дѣяніемъ лобызающими рімское нечестіе, и даннымъ ему отъ нихъ на вопрошеніе его отвѣтомъ укрѣпився—повелѣ напечатати книги, насыпанныя безчисленными новинами и премѣнами.

Изъ нихъ же поне главныя и знатнѣйшія всему народу премѣны, и на древнее благочестіе великія хулы и клятвы исполненныя всякаго гажденія здѣ показати потщуся. Яко вмѣсто трисоставнаго креста Христова двочастный крестъ, а по древнімъ исторіямъ именуемый римскій крыжъ, во всѣхъ священнодѣйствіяхъ вообраъенъ имѣти. Вмѣсто двоперстнаго сложенія, триперстнымъ знаменоватися, а пятиперстнымъ благословяти. Вмѣсто пишемаго и глаголемаго имени Спасова Ісусъ, съ приложеніемъ иты, Іисусъ глаголати. Вмѣсто сугубыя аллилуіи трегубое съ приглашеніемъ «слава тебѣ, Боже», пѣти. Церковная же околохожденія противъ, а не по солнцу творити, и литургію на пяти, а не на седми просфирахъ служити повелѣвающія. Прочая же множайшая новины и премѣны, яже въ тѣхъ книгахъ просыпа, ихъ же песка число превосходитъ, о тѣхъ нынѣ, за краткость слова, молчаніемъ претекаю, о богохулныхъ же его клятвахъ, хотя мало, и вкратцѣ объявлю. Понеже с вышепоказанными восточными вепрями, а не архіереами, согласився, двоперстнаго сложенія не убояся арменскимъ, несторіанскимъ, хиромантіею нарещи, и некрестящихся тремя персты, тяжкими клятвами и анафемами обложити, и отлученныхъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа имѣти не вострепета окаянный. Не слыша убо сей глухій аспидъ о святомъ двоперстномъ сложеніи древнихъ святыхъ учителей греческихъ Θеодорита, Петра Дамаскина, Никифора Панагіота, Мелетіа патріарха, и премудраго Максима Грека, писанныхъ ими и дѣйствуемыхъ преданіи. Невидѣ той, отъ чрева матерня потемнѣлый душевными очима, слѣпецъ, на святыхъ чюдотворныхъ иконахъ писанныхъ апостолом Лукою и святымъ Петромъ митрополитомъ Московскимъ, и на прочихъ безчисленныхъ Греческихъ и Россійскихъ чюдотворныхъ иконахъ, такожде и въ харатейныхъ старописанныхъ книгахъ воображенныхъ благословлящихъ и знаменающихся двѣма перстома рукъ, сквозѣ туманъ помраченнаго своего нечестія узрѣти невозможе. Такожде не ощути никогда же разслабленный душевными членами люторскія и калвинскія темныя прелести пасторъ, съ сложеніемъ дву перстовъ на знаменіе креста лежащихъ во гробѣхъ святыхъ нетлѣнныхъ мощей. Но яко бѣсный песъ, лающь святыхъ угодниковъ божіихъ, и кленущь преданіе ихъ держащихъ, всѣмъ показовашеся. Подобнѣ объюродѣвъ, позабы принесенныи тщаніемъ его отъ Палестины, по подобію и мѣрѣ самого животворящаго креста Христова содѣланный трисоставный крестъ, иже и до нынѣ стоитъ въ созданнѣмъ отъ него Крестномъ монастырѣ. Его же отъ всѣхъ церковныхъ священнодѣйствій отринувъ, возлюби римскими латинами и восточными новолюбителеми почитаемый двочастный крестъ, или удобѣе рещи крыжъ. Тѣмъ бо крестомъ четвероконечнымъ узаконоположиша вся тайны церковныя дѣй-

ствовати, воду ко крещенію освящати, елей и отроча мажуще елеомъ и миромъ той крестъ изображати, просфиру благословляти и въ тайнахъ еухаристіи той же употребляти, болныя мазати, церкви посвящати, ястіе и питіе благословляти: словомъ рекше единѣмъ, вся священная дѣйствовати, четвероконечнаго креста образъ творяще. И сія утверждающе тако глаголютъ: крестъ сей пресвятый, а не кресло: крестъ пребожественный, его же цѣлуемъ и славимъ, а хулящыя и проклинаемъ.

И тако напечатанныя со многими промѣнами книги во 164 году, розосла во вся россійскія епархіи, по градомъ, монастыремъ и весемъ, повелѣвающь содержати не бывалая до толѣ въ Россіи преданія, на неpріемлющія же тѣхъ книгъ, грозныя томленія и муки просыпати обѣщевашеся, и царскаго величества за непріятіе оныхъ неутолимый гнѣвъ быти возвѣщаше.

Тогда бывшіи при отъѣздѣ святѣйшаго патріарха Ѳеофана Іерусалимскаго, сказанное имъ пророченіе воспомянуша глаголющее: «воистину, братіе и чада, сіяетъ нынѣ въ вашей великой Россіи истинное благочестіе, греческаго православія, яко же солнце въ небеси; егда же возвладычествуетъ тезоименитая пособителю альфа, тогда по всей великой Россіи, богоугодныя и спасительныя отеческія чины и обычаи и уставы и преданія церковныя премѣнятся: вмѣсто же тѣхъ нововводныя обычаи, и многія премѣны настанутъ, и будетъ гоненіе веліе на христіаны, держащія древлецерковное благочестіе.

В таже времена явися знаменіе на небеси звѣзда комета, яже являше Россіи скорбь и мучительство веліе за содержаніе древнихъ святоотеческихъ преданій.

Збывающуся же убо патріарха Ѳеофана пророченію, наполнишася абіе, узилища узниковъ, огустѣша улицы связаными исповѣдниками, обагришася спекулаторстіи бичи кровію страдалцевъ, взыграша тѣхъ мечи на исповѣдническихъ выяхъ, покрышася площади казненныхъ мучениковъ тѣлесами. Не толикое убо множество заяцей, увязшихъ въ ловитвенныхъ тенетахъ видяшеся, елико повѣшанныхъ христіянъ за содержаніе благочестія зряшеся. Всякаго убо града поле подобообразную халдѣйской римскую мучителную пещь, на себѣ разженную люте ношаше, и вметаемыя внѣ, не Азаріины, но невѣсты Христовы церкве чада пожигаше.

И таковѣй мучительной ярости просыпавшейся по всей Россіи, что не творяху любящіи древнее благочестіе, бѣгаху и отъ таковаго лютаго мучительства по пустынямъ, скитахуся по горамъ, крыяхуся по вертепамъ, влачахуся по дебремъ, да возмогутъ сохранити православіе.

Но неусыпающіи человѣческихъ душъ губитель, врагъ діяволъ, шепчетъ во ушеса новолюбителемъ, возбуждаетъ гонители, поощряетъ мысли ихъ послати воины по пустынямъ и по горамъ и вертепамъ для взысканія любящихъ древнее благочестіе.

И тако воини съ началными ихъ людьми вооружени суще, посылахуся

отъ каждого града, въ присутствующія къ тѣмъ градовомъ пустыни. И идѣже кого обрѣтаху, привождаху связзнныхъ въ мучителная мѣста, идѣже уготовлены бяху бичи, огни, клещи, тряски, желѣзныя хомуты, притягающія главу, руцѣ и нозѣ во едино мѣсто, отъ котораго злѣйшаго мучительства по хребту лежащія кости по составомъ сокрушахуся, кровь же изъ устъ и из ушей и ноздрей и из очію болѣзненно издавляющися течаше. Наконецъ же сихъ рели, плахи, меча и сруба уготовленіе.

И до толика новолюбителныя сея злобы лютость въ сердцахъ всѣхъ всѣяся, яко и сосѣдъ сосѣда хранящаго древнее благочестіе оглаголоваше и предаяше на мученіе и раны по гласу Спасителя нашего Бога, глаголющему: «предастъ же братъ брата на смерть и отецъ чада, и будете ненавидими отъ всѣхъ имени моего ради». Которыми неизбѣжными нуждами стѣсняеми христіяне, не могуще никаможе укрытися отъ гонителей, паче же престарѣлые и не могущіе со одра двигнутися и малолѣтные обою полу отрочата, а пріяти новинъ не хотящіи, срѣзовахуся по вся часы не сказанною печалію, и того ради несумѣнною вѣрою влекоми, избраша себѣ инъ путь, ко спасенію ведущій, взирающе на древнія святыя, иже таковымъ же путемъ вѣры скончашася и святою церковію въ ликъ святыхъ мучениковъ причтошася Не бо тіи, яко Донатисты, для единаго тщеславія сами себе смерти предаваху. Но едино благочестіе не вредно соблюдающе и того ради самоубійственнымъ разнымъ смертемъ себе предаваху, о нихъ же многая церковная писанія и повѣсти на многихъ мѣстехъ являютъ, яже нынѣ за краткостію воспомянути оставляю.

Подобнѣ нѣкако умыслиша и сіи гонимiи за православіе христіяне другъ за друга душа своя положити, поминающе Спасово слово, глаголющее: «болше сея любве никтоже имать, да кто душю свою положитъ за други своя». И тако собирающеся мнози, идѣже кому возможно, во едину храмину, и уготовлыше вещи, скоро огнемъ поемлемыя, и заградивше храмину, пребываху въ постѣ и молитвѣ и плачи, ожидающе мучителей нашествія. И при наѣздѣ тѣхъ, и многаго сними воинства, и народнаго понятыхъ людей собранія, молящеся съ горкимъ плачемъ и рыданіемъ Господеви Богу пріяти души ихъ, усердіемъ, и не преложною вѣрою къ нему идущія. И тако мучительми оные храмины и сними запалени быша и згорѣша; иніи же, отъ жестокаго приступа боящеся впасти въ руцѣ гонителей для нестерпимыхъ и многовременныхъ мукъ, сами зажигахуся, и съ горкимъ плачемъ исповѣдающеся, предаваху души своя со упованіемъ Господеви Богу въ щедрыя его судбы, чающе древлецерковною вѣрою оправдитися на страшнѣмъ его и праведнѣмъ судѣ. Мнози же и единп суще, не могуще же отъ рукъ гонящихъ ихъ гонзнути, тою же вѣрою подстрѣкаеми, ввергаху себя во огнь и въ воду, иніи же ножемъ себе закалаху, и каждо, какъ можаше, самъ себе убиваше, блюдый токмо, да цѣло пребудетъ внемъ отеческое благочестіе, и сія убо о пострадавшихъ и страждущихъ за древле-

церковныя преданія и отеческія обычаи согласно древнимъ, такожде пострадавшимъ, краткою сею бесѣдою воспомянуся.

Между тѣми жъ страждущими по благочестіи явишася мнози невѣгласи, едино точію упорство имуще и не хотяще по изданнымъ закономъ подъ двойнымъ окладомъ быти и мечтающеся (да не реку, яко донатісты, сіе бо тяжко есть и помыслити), но яко упорни, быти мучениками и необождятъ никакова принужденія, кромѣ кроткаго увѣщанія, и даемыя имъ о своемъ благочестіи воли, мнози сами себе сожгоша и тѣмъ оставиша и законно пострадавшимъ безсмертное поношеніе и властельской гнѣвъ, осталцы же тѣхъ и по нынѣ хулу возлагаютъ на хранящихъ благочестіе по разсужденію святаго писанія, не помняще реченнаго Павломъ: яко ревность Божію имутъ, но не по разуму, и паки: аще же и постраждетъ кто, не вѣнчается, аще незаконно мученъ будетъ. Того ради подобаетъ умъ имущимъ отъ сицеваго неразсуднаго намѣренія всячески блюстися и въ наученія странная и различная не прилагатися, и о семъ убо доздѣ слово мое простреся.

Что же начну о страшнѣмъ семъ звѣри, изшедшемъ изъ бѣздны отступленія, о Никонѣ глаголю, неусыпномъ каѳолическаго благочестія гонителѣ. Яко убо узрѣ римскую блудницу, сѣдящю на зміи чермнѣмъ, упоену уже кровьми святыхъ исповѣдниковъ, играше мыслію своею и глаголаше безумный въ сердцѣ своемъ: нѣсть Бога. И яко не искуси Бога имѣти въ разумѣ: сего ради предаде его Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная. По вся бо дни утучневая себе, питашеся, яко волъ на заколеніе, вся же человѣческія души, лестьми и томленіемъ поядая, снѣдаше въ хлѣба мѣсто, и тако убо живый пребываше не яко пастырь, но яко волкъ и наемникъ.

Бяше же у него въ послушаніи взятый изъ Соловецкія обители нѣкто благоговѣйный инокъ, именемъ Кирикъ, иже бяше прежде въ той обители у болничныхъ страдалцевъ келаремъ, въ ту же обитель пріиде той изъ Анзерскія Елеазаровы пустыни. Живущу же тому преподобному мужу Кирику, у злодѣйственнаго сего звѣря, въ келейномъ послуженіи, узрѣ нѣкогда (охъ грозы нестерпимыя, рвущія повѣствующій языкъ мой отъ гортани) въ бархатныхъ его патріаршескихъ башмакахъ, на одной стелькѣ вышито распятіе Господа нашего Іисуса Христа, а на другой (увы лютаго страха, отъемлющаго отъ ума моего память) вышитъ образъ Пресвятыя Богородицы воплощенія. Сія же видѣвъ, Кирикъ отъ страха того весь оцепѣне, и не вѣдаше что сотворити, жалостію же снѣдаемъ о таковомъ несказанномъ сладчайшаго Господа Іисуса и Пречистыя Его Матере безчестіи, и о попраніи скверными его блудными ногами святыхъ образовъ ихъ. И тако на долгъ часъ плакавъ горько, не смѣяше лютаго сего звѣря о таковомъ богохулномъ его дѣйствіи обличити, великою же печалію стиснувъ свое сердце, не можаше отъ того дне пищи и питію причаститися. Вопрошаемъ же отъ ругателя Божія, чесо ради ни ястъ, ни піетъ, —той же притворивъ себе нѣкую естественную болѣзнь, прошаше себѣ отпуста въ первую Соловецкую обитель, глаголя: «отпусти мя, Владыко, понеже зѣло изнемогаю,

да во обѣщаніи иночества моего гробъ пріиметъ мое тѣло». Той же прелукавый змій отпусти его въ ону Соловецкую обитель и грамоту ему даде, да во всякомъ изобиліи старость его будетъ упокоена. Онъ же пришедъ въ киновію, плачевную сію повѣсть повѣда отцу своему духовному, священноиноку Виталію. Той же прочимъ отцемъ соловецкимъ сказа о семъ все поряду, которою ужасною повѣстію уязвлени бывше отцы, на болшую о отеческихъ церковныхъ законахъ и обычаяхъ ревность возбудишася.

О томъ страшномъ его Никоновомъ беззаконіи, и другій неложный свидѣтель бяше ученикъ его Никоновъ старецъ Андреянъ, иже и до патріаршества его пребысть снимъ многое время. И той увидѣ нѣкогда въ сапагахъ мѣднолитые тонкіе образы распятія Христова и Пречистыя Богородицы воплощенія и о таковомъ его беззаконіи обличити не смѣяше, но точію повѣда тайну сію отцу своему духовному, священноиноку Ѳеодосію и Аввакуму протопопу и прочимъ исповѣдникомъ православныя вѣры. Не хотя же жити у таковаго потаеннаго волка, и ругателя Божія славы, начать въ потребныхъ услуженіяхъ противитися ему и пререковати, да тою противностію возможетъ отъ звѣря сего избыти, за которыя его прерѣканія многажды его оный звѣрь біяше. Но той намѣренія своего отложити не восхотѣ. И того ради повелѣ его оковавъ заточити въ Корниліевъ Палеостровскій монастырь, иже на великомъ езерѣ Онѣгѣ, близъ села великаго Толвуи, идѣже живый повѣдаше братіи, дрѣвнее благочестіе любящимъ.

О подобномъ же его вышеявленнымъ безбожнымъ дѣйствамъ исполненіи повѣда подіакъ его Ѳеодоръ глаголя, яко Никонъ еретикъ есть и содомлянинъ. Нѣкогда бо видѣлъ бяше у Никона подъ постелею положенъ образъ распятія Господня, и сіе видѣвъ Ѳеодоръ ужаса великаго исполнися. Господь же видя его Ѳеодорово къ любви Божіеи прилѣжаніе не утаи отъ него и прочихъ Никоновыхъ студныхъ садомскихъ дѣлъ. Подпоивъ бо нѣкогда подьяка жъ своего Івана зовомаго Ладошку, и проблудилъ его содомски. Онъ же скверное его дѣло тяжко си вмѣнивъ быти, и повѣда клеврету своему, реченному Ѳеодору. Еже Никонъ внятъ оного Іванна безвѣсти погуби, Ѳеодора же искаше, како бы его погубити, но той бѣжавъ крыяшеся съ верными отъ его злобы тайно, иже послѣди воиноческій образъ облечеся, и нареченъ бысть Филиппъ. Той бо не ложенъ свидѣтель бысть страданія святыхъ отецъ, Аввакума протопопа, іерея Лазаря, и Ѳеодора діакона, и инока Епифанія, иже въ пустозерскомъ острогѣ подвигъ страданія своего въ лѣто 7190-е апрѣля 14 дня, въ день великаго пятка, на воспоминаніе страданія Господня въ срубѣ огнемъ скончаша. Никонъ же аще сицевая своя вышеявленная беззаконія и дѣяше, обаче тайно, явно же предъ народомъ лицемѣрствуя показоваше себе истиннаго пастыря быти и о спасеніи и пользѣ всѣхъ пекущася. Новости же своя часъ отъ часа, яко скверныя красты всюду сѣяше. Пшеницу же отеческаго православія, яко кедры ливанскія, отвсюду яростію и мучительствомъ исторгаше.

У него же Никона бяше уставщикъ священноинокъ Нафанаилъ кіевля-

нинъ, ему же нѣкогда Никонъ рече, яко при святомъ крещеніи во отреченіи сатаны, не подобаетъ на него плевати, ибо не знаючи у насъ то творятъ. Нафанаилъ же прящеся съ нимъ, глаголаше: «азъ плюю и на того кто за сатану стоитъ». Никонъ же, разъярився, повелѣ Нафанаила бити плетьми, и сосла его въ заточеніе въ созданный его монастырь Крестный, иже на Онѣжскомъ устіи. Той же тамо бывъ, повѣдуя бяше тамо сущимъ, яко Никонъ его сосла въ заточеніе за сатанино безчестіе. Онъ же Нiконъ (яко же глаголетъ Нафанаилъ) Христа ради уродивыхъ нарицалъ бѣшеными, и на иконахъ писать ихъ не велѣлъ.

Старецъ же Григорій Нероновъ живпъ при патріаршемъ дворѣ свидѣтельствовалъ, яко Никонъ за двойственную аллилуію глаголемую дважды, а въ третіе приглашаемую слава тебѣ Боже, [1]) именовалъ дуракомъ и писанія его блядивыми нарицалъ въ соборной церкви при многихъ властехъ. И преподобнаго Іосифа волокаламскаго ругалъ, и всячески злословилъ и ябедникомъ называлъ, и многихъ святыхъ испомяновенія истребилъ. И тако объюродѣ, яко и въ царскомъ домѣ дерзну сотворити нѣчто неподобное.

Увѣдавъ же о семъ самодержецъ, искаше времени подобна, како бы его суду предати и гнѣвашеся нань зѣло, яко и въ великія праздники въ соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь не хождаше.

Въ лѣто же 7166-е видѣвъ Никонъ государя царя тако гнѣвающася нань, и яростію дышуща, и того ради въ праздникъ Положенія ризы Господни іюля 10-го бывшу Никону въ соборнѣй Успенія Пресвятыя Богородицы церкви, и по совершеніи службы, снемъ с себе святительскія одежды и жезлъ поставивъ на патріаршемъ своемъ мѣстѣ, и во услышаніе всему народу, яко бѣсный песъ, нача брехотати, вопія и зовый: аще отселѣ буду я патріархъ московскому государству, буди я проклятъ, и тако отъ сквернаго своего сердца лютыи той зміиный ядъ трижды изблевавъ, тремъ духовомъ злымъ, показаннымъ тайнозрителю во откровеніи, змію, звѣрю, лжему пророку, любимую имъ смертоносную чашю, страдальческими кровьми наліянну и испити поднесе. Возлюби убо отступленія клятву и дадеся ему, не восхотѣ отеческаго благословенія, и удалися отъ него, и тако изыде вонъ изъ церкве, и посылаетъ къ великому государю царю посланіе, да бы повелѣлъ дати ему гдѣ кѣлію на пребываніе. Царь же посла къ нему князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, вопрошая его: чесо ради оставляетъ онъ престолъ патріаршій. Онъ же отвѣща: яко вѣдый своя яже къ Богу согрѣшенія и многихъ ради грѣховъ моихъ (яко же вижду) начаша быти здѣ въ Россіи многія моры и воины, и вся злая, того ради и престолъ оставляю. И сія рекъ князю, отъиде въ Воскресенскій монастырь, его же прежде созда.

Пребывая же тамо перваго смрада гнусными мотылами помазоваше

[1]) Преподобнаго Евфросина псковскаго (Отмѣтка на полѣ).

свое скверное еретическое волшебное тѣло и пѣніе партесное пѣти устави.

По нѣкоемъ же времени, бояринъ нѣкто Никита, рекомый Зюзя, вѣдый Никоново ради ярости царскія притворное престола патріарша оставленіе, и хотя его въ большій стыдъ ввести, и царскую ярость нань воспалити, написа къ нему писаніе, якобъ по царскому велѣнію писанное, повелѣвающее ему на свой престолъ возвратитися. Онъ же, яко изъ младенчества славолюбіемъ поглощенный, скоро пойде въ Москву. Приспѣвшу же ему къ Смоленскимъ вратамъ, стражіе же не вѣдуще, кто таковый входитъ, и не впущаху его во врата. Онъ же повелѣ служителемъ его сказати, якобъ Савинскаго монастыря власти пріидоша, и тако вниде во градъ и вшедъ во соборную церковь во время утрени, и вскочи яко песъ на патріарше мѣсто, хотя скверныя своея клятвы злосмрадную блевотину облизати, и жезлъ Петра митрополита въ руцѣ898 вземъ, нача благословляти люди. Къ нему же первіе подъ благословеніе пріиде въ той же отступленія темницѣ сѣдый слѣпецъ, ростовскій митрополитъ Іона, невѣдый, яко уста его клятвы, а не благословенія полны суть, и горесть и лесть подъ языкомъ его, и потомъ иніи мнози.

Слышавъ же о семъ самодержецъ и призвавъ князя и боляры, и с ними совѣщавъ, повелѣ ему возвратитися въ реченный построенный имъ Воскресенскій монастырь.

Онъ же, яко аспидъ яряся, поѣха, везый съ собою жезлъ святителя Петра митрополита. Сіе увѣдавше боляре и духовніи, послаша вслѣдъ его и гнавше постигоша и оный жезлъ святый, яко у разбойника дражайшую дидрахму и утварь церковную, отъяша и привезше поставиша его на первомъ патріаршѣ мѣстѣ, да побѣдитъ той крестообразный жезлъ хотящаго помалѣ на его мѣстѣ стати зміеобразнаго жезла, крыжъ латинскій на себѣ имущій, двѣма зміиными жалы соблюдаемый.

В то же время отъ мірозданія 7175 г., отъ воплощенія же Бога Слова 1666 лѣто, пріидоша въ царствующій градъ Москву гречестіи патріарси. Паисіи александрійскій, Макарій антіохійскій, влекоми желаніемъ и волею великаго государя царя.

Имѣяше же Никонъ у себе во услуженіи два жидовина новокрещенныхъ, ихъ же зѣло любляше за христоненавистный ихъ нравъ, потаенный сый злый жидовинъ, и ничесо же отъ нихъ не потаеваше дѣемыхъ собою богопротивныхъ дѣлъ. Единъ же изъ нихъ часто отхождаше въ Москву, и повѣдаше иному жидовину, именемъ Даніилу, доктуру царскія обтеки сущу, вся дѣемая Нікономъ беззаконія и дерзости. Той же Даніилъ вся тая цареви сказоваше. Слышавъ же сія Никонъ вземъ живущаго у него жидовина, жестоко бія плетьми, вопрошаше у него: аще тако суть? Той же не повинеся, и того ради повелѣ его воврещи въ темницу. Другіи же жидовинъ, видя Ніконово другу его учиненное томленіе и затвореніе въ темниц[illegible] бѣжа въ Москву, и воскрича зовый: «за мною слово государево». И а[illegible]

взятъ бысть предъ царя и вопрошенъ и глагола вся по ряду беззаконная Никонова дѣла и дерзости повѣда же и то, яко Никонъ и жены ихъ отъя себѣ на блудъ, самѣхъ же за прекословіе ихъ до смертной забыти многажды плетьми билъ бяше.

Слышавъ же сія, царь повелѣ оныхъ жидовъ съ женами ихъ и съ дѣтьми привести въ Москву, и отдати за стражу Чюдова монастыря на конюшей дворъ: да будутъ Ніконова сквернаго беззаконія и мучительства очевидніи предъ соборомъ обличители. И ту суще оніи жидове и со стражею безъ вѣсти погибоша яко же нѣции мнятъ, яко отъ Никоновы страны бывшіи въ беззаконіи его сообщницы тыя вся погубиша.

Симъ убо тако содѣявшимся, призываетъ абіе самодержецъ, оба вселенская патріарха, и весь пресловущихъ россійскихъ архіереовъ такожъ и высокородныхъ первыхъ князей и болярь многочисленный соборъ, и имѣющіяся Никоновы вины и подозрѣнія и дерзости показа имъ объстоятелно.

По совѣщанію же всего того собора посла царь Арсенія, архиепископа Псковскаго, и дву архимандритовъ и инѣхъ игуменовъ, и стрѣлецкого полковника Остафьева со стрѣлцами, повелѣвая Нікона привести въ Москву для отвѣта об оставленіи патріарша престола.

Они же шедше въ Воскресенскій, иже на Истрѣ рѣцѣ, монастырь, взяша Никона, яко же бысть повелѣно имъ, и пріидоша снимъ въ Москву ко Архангелскому подворью, еже есть въ Кремлѣ, декабря 2-го дня, и ту сташа.

И оттолѣ взяша Ніконова подіакона Іванна зовомаго Шушерина (иже бѣ наперсникъ и списатель житія его) и представиша государю царю. Вопроси же его самодержецъ о тайносодѣянныхъ вещехъ, претя ему жестокимъ истязаніемъ, да скажетъ истину. Той же, яко лютаго звѣря единонравный ему злый скименъ, не повѣда царю ничесожъ. Царь же повелѣ его посадити въ полату тайныхъ дѣлъ, и по трехъ лѣтѣхъ посланъ бысть въ великій Новъградъ въ безчестное заточеніе.

Декабря жъ 2-го дня по утру взятъ бысть Ніконъ предъ государя царя, и предъ вселенскихъ патріарховъ въ древянную столовую полату, яже бѣ при церквѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. И яко пріиде, сотвори поклоненіе государю царю трижды, потомъ вселенскима патріархама, таже всему церковному собору, и царскому синклиту по обычаю. Воставъ же царь съ престола своего и пришедъ къ столу, идѣже патріарси сѣдяху, прошаше у нихъ суда на Никона, повелѣвая его вопросити, чесо ради остави престолъ и паству, и отъиде въ монастырь, и чесо ради нѣкоторыхъ архіереовъ и царскаго синклита многихъ предавалъ клятвѣ. Никонъ же, яряся противу того, яко лютый змій, уязвляше государя словесы нелѣпыми, ими же утруждаше лютѣ его царскую душю. Которыми его тяжкими грубостьми по не малу утрудився царь, повелѣваетъ его безъ чести вести подъ караулъ во уготованный ему дворъ, и завѣща ему не дати ни пищи ни питія, да навыкнетъ Бога боятися и царя чтити по писанному: Князю, рече, да неречеши зла.

Того же декабря 12 дня (отъ него же солнце теченіе свое возвращаетъ съ студеныя зимы на теплѣйшее лѣто, прообразуя симъ днемъ, яко же мнитмися съ Ніконова мучительства хотящее быти въ предъбудущихъ монарховъ россійскихъ волею древняго благочестія любителемъ ко уволенію содержанія того сладкое пролѣтіе) собрася паки соборъ, въ Чюдовѣ монастырѣ при церкви, яже надъ враты Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ притворѣхъ, идѣже присутствоваху; великіи государь царь и великій князь Алексій Михайловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, гречестіи власти, Паисій папа и патріархъ александрійскій и всея вселенныя, Макарій патріархъ антіохійскій и всего востока, Россійскіе архіереи: Питиримъ митрополитъ Великаго Новаграда и Великихъ Лукъ, Лаврентій митрополитъ Казанскій и Свіяжскій, Іона митрополитъ Ростовскій и Ярославскій, Павелъ митрополитъ Сарскій и Подонскій, Филаретъ архіепископъ Смоленскій и Дорогобужскій, Іосафъ архіепископъ Тверскій и Кашинскій, Іосифъ архіепископъ Астраханскій и Терскій, Арсеній архіепископъ Псковскій и Изборскій, Александръ епископъ Вятскій и Великопермскій, Мефодій епископъ Мстиславскій и Черниговскій, Іоакимъ епископъ Архангельскій, Симонъ архіепископъ Вологодскій и Бѣлозерскій, Іларіонъ архіепископъ Рязанскій и Муромскій и иніи мнози такъ отъ церковнаго чина, яко и отъ царскаго сиглита, собрашася на осужденіе и изверженіе Ніконово и тако соборнѣ изложиша многихъ его винъ и дерзостей ясное объявленіе, и за тыя вины суда изреченіе и отъ всего святительскаго чина изверженіе, и наконецъ всего въ сылку осужденіе, въ коемъ объявленіи пишуще, тако глаголютъ:

Понеже Никонъ, бывшій патріархъ Московскій, смути благовѣрнаго великаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича, и все его царство смяте, влагаяся въ дѣла, не прилична патріаршу достоинству и власти, ихъ же главизны государь царь, приславъ намъ четыремъ вселенскимъ патріархомъ, возвѣсти: яко кромѣ всякія нужды и навѣта бывшъ посредѣ великія церкве, обнажися изъ всего архіерейскаго одѣянія, вопія велегласно: «Не ктому есмь патріархъ московской и вмѣняюся быти грѣшникъ и не достойный», сія жъ изрекъ отъиде съ великимъ гнѣвомъ и стремленіемъ въ монастырь, отъ его самого созданный, якобы плакатися о своихъ грѣсѣхъ; обаче же и тамо живя, дѣйствоваше архіерейская, хиротонисая безпрепятственно и посвящая, обновляя и созидая монастыри, съ неприличными титлами и суетными именованьми: новый Іерусалимъ нарицая, и Голгофу, Вифліемъ, и Іорданъ, глумяся изъ божественныхъ вещей, и ругаяся вещемъ святымъ, нарицая себе быти патріарха новаго Іерусалима, похищая разбойнически, яко аще бы ему было лѣть и возможно, похитилъ бы третію часть царства;—пришедше убо мы (глаголютъ патріарси) въ царствующій градъ Москву, и сотворше прилѣжное взысканіе, обрѣтохомъ повинна и должна многимъ и различнымъ оглаголаніямъ пред-

реченнаго Никона. Между прочими же оглаголеньми и сія быша, яко проклинаше россійскія архіереи въ недѣлю православія. Еще же ругаяся обычаемъ глумителей двумъ архіереомъ, единаго именуя Анну, другаго жъ Каіафу. Тако же дву отъ синклита царскихъ боляровъ и посланниковъ именова Иродомъ и Пилатомъ.

Призвану же бывшу Никону на соборъ той по обычаю церковному, да дастъ по правиломъ отвѣтъ о нихъ же оглаголанъ бяше. Но Никонъ не точію не смиреннымъ пріиде образомъ, паче же оглаголовати нача вселенскихъ патріарховъ упорнымъ отвѣтомъ. Ибо егда начатъ чести соборное о немъ объявленіе Іларіонъ епископъ рязанскій, тогда Никонъ слышавъ скверныя своя дѣла при толикомъ собраніи чтомы, не можаше той аспидъ глухій слышати гласа скверными его дѣлами обавающихъ, и хотя правду лжею покрыти, начатъ вселенскихъ патріарховъ оглаголовати, якобъ они не имѣютъ престоловъ своихъ, но скитающеся пребываютъ внѣ своихъ епархій, единому глаголя пребывати во Египтѣ, другому же въ Дамаскѣ безпрестолно. И судъ ихъ патріаршій басни именова и бляди, и правила, прямо его преступленіямъ противящаяся, нарицаше лживыми, книгу номоканонъ именуемый восточный, еже и законъ царскій, назва еретическою, того ради яко напечатася въ странахъ западныхъ.

Не стерпѣвъ же Іларіонъ, тако же Никона на изліянныя его прежде отступническія блевотины брехочуща, начатъ его обличати жестоко, нарицая его убійцею, блудникомъ и хищникомъ, и иными многими безчестными глаголы, яко каломъ помазоваше враждебную его главу. Въ дѣлѣхъ убо руку своею по писанному увязе тогда грѣшный Никонъ.

О томъ убо Никонѣ смутителѣ вселенныя, въ вышеупоми(нае)момъ объявленіи показуютъ вселенстіи патріарси, яко онъ къ нимъ (че)тыремъ патріархомъ писалъ бяше въ епистоліяхъ извѣствуя, (якобы) православнѣйшаго государя царя и великаго князя Алексія Михайловича латинст(вова)ти, нарицая его мучителемъ неправеднымъ, и уподобляя Іеровоаму и Озіи, подобнѣ сиглитъ, и всю россійскую (церко)вь къ латинскимъ догматомъ преклоншуся, которые его (епис)толіи въ руцѣ тишайшаго царя государя досташася.

Еще же и архіерея Павла Коломенскаго епископа самъ единъ, кромѣ всякаго помѣстнаго собора низверже, его же изъ мантіи об(на)жи и на лютая біенія и наказанія предаде; о немъ же (и)звѣстно вѣдастъ вся обънонѣжская страна, яко той Павелъ посланъ бысть въ заточеніе, въ Палеостровскій преподобнаго Корнилія монастырь, и по минутіи нѣколикихъ лѣтъ, взятъ бысть въ Великіи Новъ-градъ, и за содержаніе древняго благочестія въ великій пятокъ въ срубѣ сожженъ. Еще и отца своего духовнаго повелѣ обнаживъ безъ милости бити и тако ему обезвѣчену нагому быти, яко и язвы его (глаголютъ патріарси) видѣхомъ. И таковыми многими злодѣйственными сотворенными Никономъ злобами, тако вселенстіи патріарси, яко россійстіи архіереи трепетно возбудившеся, не ктому прочее

можаху зрѣти патріаршимъ сакосумъ лютаго звѣрообразнаго мучителя одѣяна и того ради изнесоша на него таковый общій судъ глаголюще:

Познавше убо мы, яко Никонъ не архіерейскія употребляше кротости, но мучительскимъ неправдамъ приложися, хищеніемъ предадеся, и мучительски обвязася, по святымъ (божест)вѣннымъ богопроповѣдникъ апостоловъ правиломъ, вселенскихъ седми—и помѣстныхъ соборовъ, сотворихомъ его всякаго свящ(ен)ства чюжда. Во еже бы ему къ тому не дѣйствова(ти) іерейскихъ, ибо его совершенно извергохомъ и низложихо(мъ), святѣйшіи патріархи, съ омофоріи и съ епитрахили, со всѣмъ помѣстнымъ преосвященнымъ соборомъ, изъявляюще отънынѣ вмѣнятися и именоватися простымъ монахомъ Никономъ, а не ктому патріархомъ московскимъ. Мѣсто тако его пребыванію до кончины житія его назнаменовася въ нѣкоего монастыря, во еже бы ему безпрестанно и безмолвно плакатися о грѣсѣхъ своихъ. Повелѣно же бысть при немъ быти благоискусну нѣкоему мужу архимандриту опасенія ради, да не дерзнетъ кто отъ безчинныхъ ругатися ему, и обиду творити, и онъ же самъ впредь да не дерзнетъ коварствъ какихъ составляти. Еще же завѣщася при немъ быти честному мужу дворянину съ малымъ числомъ людей служивыхъ, всякаго опаства ради, дабы къ нему и отъ него мятежнымъ писаніемъ не исходити. Сія вся правилно сотворихомъ, кромѣ всякаго лицепріятія и кромѣ страстнаго осужденія, боящеся будущаго судища праведнаго, и по Бозѣ судъ изнесохомъ. И оное подлинное объявленіе руками вышепредъявленныхъ греческихъ патріарховъ и россійскихъ архіереовъ подписано.

Въ лѣто же 7184-е генваря 30 преставися государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всея Россіи самодержецъ. Того же 184 года іюля въ 20 день взыде на всероссійскій царскій престолъ великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексѣевичъ.

И о сихъ убо краткостію воспомянувше, пойдемъ прочее, инока дивіаго Никона глаголю, всероссійскаго смутителя, въ дубравы отеческія скитатися идущаго слышати и слѣды его звѣриныя, на раздоліяхъ тѣхъ глубоко влѣпленныя видѣти, яко и на шествіи своемъ изъ соборныя полаты показоваше всѣмъ подобонравный князю тмы не покаянный свой звѣровидный обычай.

Глаголютъ бо нѣцыи, иже при изверженіи его изъ патріарша сану бывшіи: яко егда вселенстіи патріарси повелѣша ему черный клобукъ со главы, а панагію с выи его сняти, тогда онъ, возревевши, яко вепрь дивій, нача нелѣпымъ гласомъ кричати, зовый: «вы есте прошаки и грабители, а не пастыри, и пришли есте, не да пользу кую здѣ сотворите, но лестію и похлѣбствомъ жестоконравныхъ человѣкъ сердца похитите, и именемъ патріаршества точію, а не дѣломъ нраву ихъ разрѣшеніе учините, и тѣмъ не сытую вапю и сребролюбную, и аду подобную гортань наполните; кое убо і въ васъ лучше римскаго отступленія благочестіе имѣется, яко и Іерусалимская церковь отъ озлобленія турковъ и иными неправославными вѣрами и своимъ ихъ обычаемъ исперепорчена.

Не терпя же сего Паисій, воста отъ мѣста своего и жезломъ своимъ рину съ Никоновы главы клобукъ на землю. Панагію же с выи его повѣлѣ безчестно сорвати же, патріарша сану уже обнаженъ бяше. И тако единъ единаго укоряя и поношая, оба явишася древлевосточныя и всероссійскоя церкви, преданіямъ и обычаемъ гонители, а не учители. Обаче одолѣ греческіи левъ россійскаго пардоса, Никона глаголю, прилѣжнаго насадителя отступленія и мучительству. Его же и сослаша въ заточеніе въ Ферапонтовъ монастырь, иже во предѣлехъ Бѣлоезерскихъ, и даша его въ присмотръ архимандриту нѣкоему, и стрѣлецкому головѣ Аггею (Шеп)елеву. Снимъ же послаша воиновъ до полуста человѣкъ. (Е)гда злодѣйственный онъ мучитель, яко же мню, вспо(мян)у писанное: Ровъ изры ископа впадется въ яму, юже содѣла, братіи своей архіереомъ и священно и церковнослужи(те)лемъ и множеству народа, гонимымъ отъ него людемъ.

Живый же въ Ферапонтовѣ обители и еще дышаше лукавствомъ лицемѣрія, обрѣте бо мѣсто на езерѣ томъ, идѣ же обитель стояше, въ разстояніи отъ монастыря яко два поприща, и ту набра каменну луду или островъ длиною два(на)десяти, шириною же пяти саженъ, и ту водрузи крестъ съ надписаніемъ, яко поставленъ бысть той крестъ Никономъ патріархомъ, сущимъ въ заточеніи.

И убо сіи злый лжепророкъ, являяся людемъ креста Господня (усер)дный почитатель, а распятаго на томъ Христа и рождьшія его Богоматере святыхъ образовъ презлѣйшій тайный попиратель. Ибо и сего креста поставленная кознь, чесо ради устроена, слышите. Понеже убо сущу въ монастырѣ подъ присмотромъ архимандрита и головы, трудно бяше ему богоотступно съ непріязненными духи бесѣдовати, того ради умысли поставити сію луду, (не бяше бо удобна ему острова на езерѣ томъ) и на ней крестъ водрузи, да подъ именемъ поклоненія и прогулу получитъ отъ хранящихъ его властей свободу на ту состроенную имъ луду ѣздити. На той же островъ отъѣзжая часто по захожденіи солнца со своимъ, ему единомудреннымъ Воскресенского монастыря монахомъ, Іоною, хитрымъ рѣсчикомъ сущимъ, и своими скверными волшебными призываньями призываше діявола. Той же исхождаше къ нему во образѣ змія страшна и велика. Его же Никонъ объемъ цѣловаше скверными его усты, въ смертоносные и ядомъ кипящія уста цѣловаше, и вопрошаше, что о немъ въ народѣ глаголютъ, и что гдѣ дѣется. Той же вся сказоваше ему, и тако бесѣдуя съ непріязнію, яко съ возжелѣннымъ своимъ другомъ, возвращашеся въ опредѣленное ему мѣсто. По учиненнымъ же отъ Никона тому монаху Іонѣ злобамъ о вышепоказанномъ его, Никоновѣ, со зміемъ дружелюбіи, и о прочихъ его богопротивныхъ дѣйствіяхъ, елика сотвори еще живый въ Воскресенскомъ монастырѣ и пребывая въ Ферапонтовѣ, множае трехъсотъ подозрѣній вышереченному головѣ Шепелеву писмено показа. Той же Шепелевъ представи о томъ великому государю царю Өеодору Алексѣевичу и патріарху Іоакиму. Они же слышавше сія, послаша въ Ферапонтовъ монастырь Чюдова монастыря архимандрита Павла, да дворянина Іванна Желябоского, для испытанія о

томъ аще есть показуемое истина. Они же пришедше испыташе опасно о дѣемыхъ Нікономъ злобахъ, и яко показася во всѣхъ истинна, того ради по указомъ государеву и патріаршу, въ лѣто 7184-е іюня во 2 день посланъ бысть въ заточеніе въ монастырь преподобнаго Кирила бѣлозерскаго.

Той же злодѣйственный врагъ святыя восточныя церкве не усну отъ сквернаго беззаконія, но и тамо живый, исполняше тайновидцу реченное: скверный да сквернится еще, и се гряду скоро, и мзда моя со мною. Не помяну окаянный страшнаго прещенія Владычня грядущаго нань со мздою гнѣва и ярости. Случибося нѣкоей болярыни, въ предѣлахъ бѣлозерскихъ сущѣй, на одиномъ оцѣ бѣльмо имѣти, той же скверный обѣщася ей бѣльмо то со ока согнати; яже желающи уврачеватися, предаде себѣ тому звѣрю на врачеваніе, юже онъ привяза крѣпко къ скамьи лицемъ кверху, развязавъ ей руцѣ и нозѣ нестерпимыя ради ярости лекарства, яже жестоко часъ доволенъ страдавши съ великимъ воплемъ, (по)томъ въ малую отвагу пріиде; онъ же, напоивъ ю виномъ для лучшаго способу къ терпѣнію болѣзни и потомъ тако связану сущю проблуди вмѣсто мзды, врачемъ даемыя.

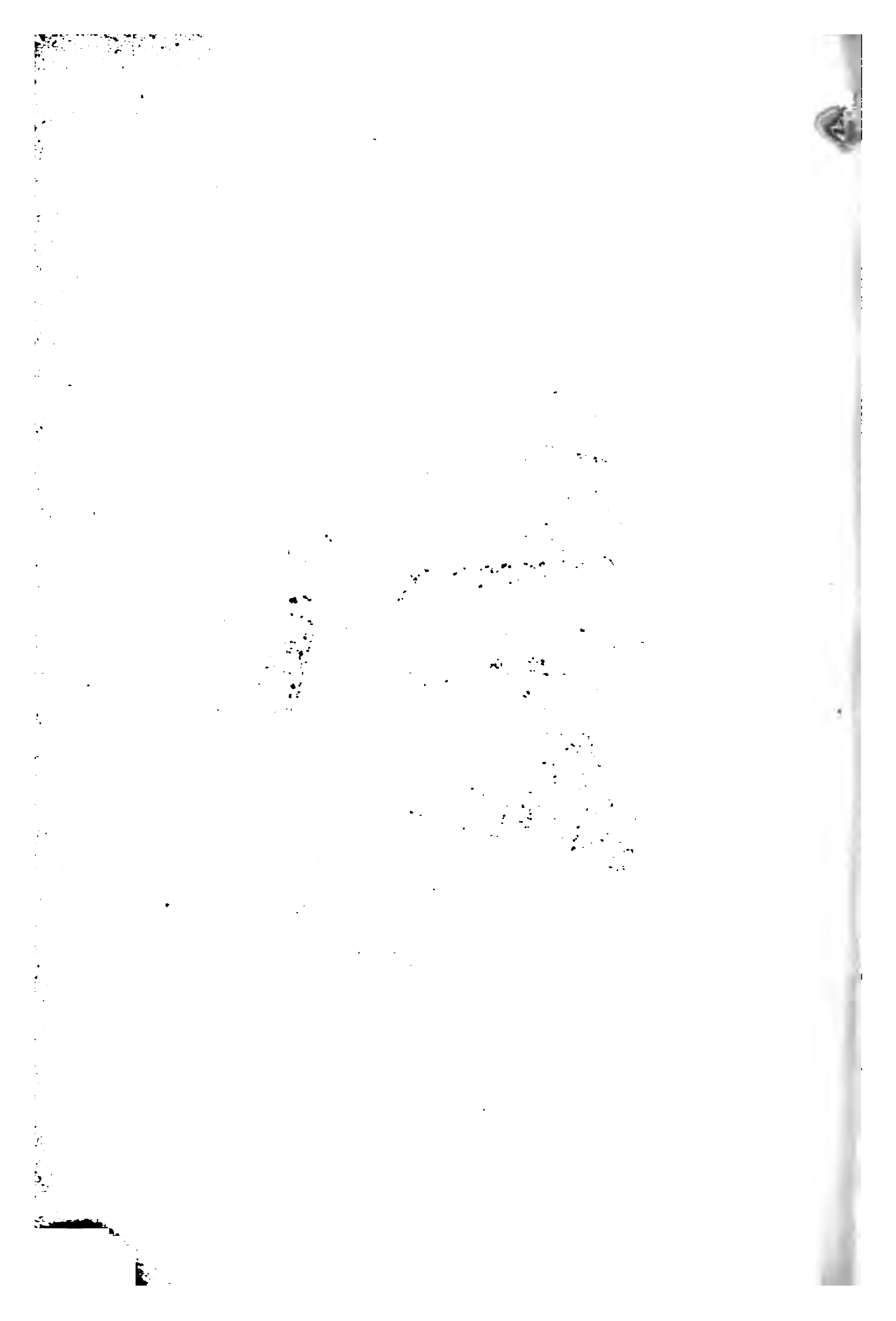
В лѣто же 7189-е апрѣля 27 злый то истиннаго благочестія изтребитель, хотя ко адовымъ вратамъ путь исчистити, впаде въ болѣзнь, и абіе пріемлетъ схиму во образѣ тщеславія. Еже видя тоя обители архимандритъ Никита восписа о томъ Іоакиму патріарху, просяще повелѣнія: аще умретъ Никонъ, гдѣ его погрести и какое погребеніе надъ нимъ пѣти. Патріархъ же, по прошенію государя царя Ѳеодора Алексѣевича, тѣло Никоново повелѣ въ построенный имъ Воскресенскій монастырь отвести, а погребеніе пѣти повелѣ простое, монашеское, а не патріаршее.

Везому же Никону изъ Кириловы обители въ Воскресенскій монастырь и бывшу ему близъ града Ярославля на рѣцѣ Которостѣ, об ону страну монастыря Святаго Спаса, и ту крайнѣе изнемогая, изверже скверную свою душю, в лѣто отъ созданія міра 7189-е августа въ 18 день. Того же августа въ 26 день привезоша тѣло его въ Воскресенской монастырь, и внесоша въ церковь, зовомую темница, подобаше бо адскому темничнику въ темничныя предверія внити. И по погребеніи несоша тѣло его въ мѣсто, названое имъ Гольгофа, въ скважню, образующую (лимную) разсѣдшуюся при Христовѣ распятіи до ада. . . . .[1]) и ту положиша его да тою скажнею безъ удерж(анія) даже до ада снидетъ. Отъ таковыя же глубины темнаго да избавитъ насъ Христосъ Богъ, и да утвердитъ насъ въ древлецерковнѣмъ законѣхъ и обычаехъ и въ сохраненіи заповѣдей Божіихъ (до конца) жизни нашея пребыти и во оставленіе грѣховъ чистое (покая)ніе Господеви принести, и вѣчнѣхъ благъ получити. Аминь.

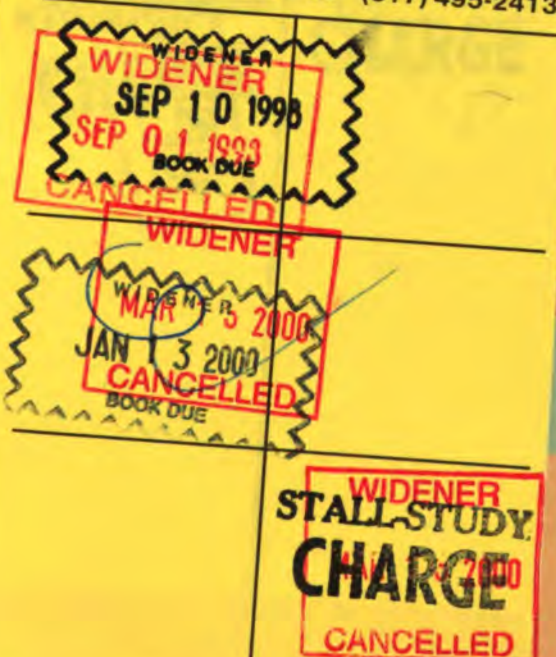
[1]) Слово стерлось.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ*).

*) Послѣ — цифры относятся къ «Приложеніямъ».



3 2044 010 222 081


WIDENER
WIDENER
SEP 10 1998
BOOK DUE
CANCELLED
WIDENER
WIDENER
JAN 13 2000
CANCELLED
BOOK DUE
WIDENER
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED